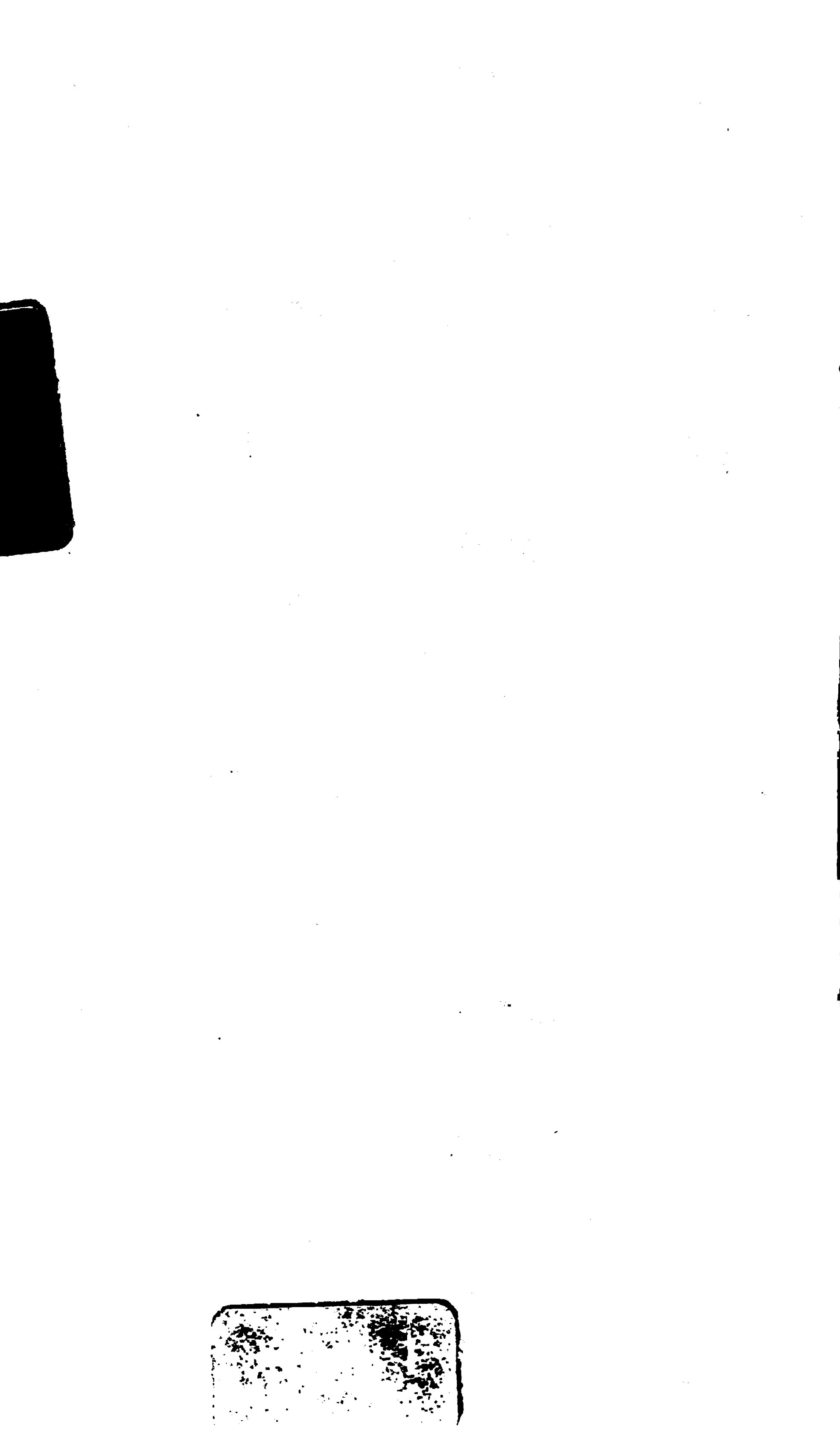

UC-NRLF
B 3 812 082

60/116

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

1882

№ 3 МАРТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).

СТРАН.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CCLXI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).
1882.

ВСХОДЫ.

(Картины провинціальной жизни).

I.

Занималась заря. Рѣка зыбилась.

Молодой человѣкъ въ темномъ пиджакѣ и соломенной шляпѣ велъ подъ руку по отлогому берегу двухъ дѣвушекъ. Одна была одѣта въ кисейное платье съ широкими немодными рукавами. Русая коса змѣилась по ея спинѣ почти до пятъ. Другая, выше первой и стройнѣе, была въ синей кофточкѣ, расшитой серебряными шнурками, въ клеенчатой матроскѣ. Черты лица у ней были неопредѣленныя, дѣтскія, алый ротъ добродушно улыбался и, хохоча, она трясла плечами и закрывала глаза рукой.

Впереди этой группы, по дорогѣ, которая тянулась отъ пристани къ городу, шло попарно еще нѣсколько молодыхъ людей. Нѣкоторые шатались и напѣвали. Иные громко спорили.

Направо отъ нихъ неподвижно лежалъ, дремля въ сумракѣ разсвѣта, огромный садъ. Налѣво, по ту сторону грязнаго канала, бѣлѣли дома. Деревья вдали казались густыми сизыми тѣнями. И въ прозрачной тишинѣ блѣднаго утра странно звучали веселые голоса молодежи.

Начался городъ. Изъ окна двухъэтажнаго дома высунулась старуха, таращa заспанные глаза, и опять спряталась. Улицы были пустынны.

Молодые люди мало-по-малу разошлись въ разные концы. Они кричали другъ другу: «До завтра!», «до свиданья!» и когда скрывались изъ виду, то нѣкоторое время еще долетали до ихъ слуха обрывки фразъ, произносимыхъ ихъ удаляющимися товарищами.

Между тѣмъ, группа изъ двухъ дѣвушекъ и молодого человѣка въ соломенной шляпѣ продолжала свой путь черезъ весь городъ.

Они болтали неумолчно и фамильярно называли другъ друга: «Пьеръ», «Мэри», «Фаничка». Чувствовалась ихъ взаимная близость. Улыбаясь, молодой человѣкъ поворачивалъ свое красивое лицо то къ ѳдной спутницѣ, то къ другой, и тогда онѣ украдкой смотрѣли на него съ загадочной тоской.

Небо алѣло. Кружева на груди Мэри казались розовыми. Блестѣли серебряные шнурки на Фаничкѣ. Свѣжія щеки дѣвушекъ производили впечатлѣніе розъ и въ ихъ глазахъ сіяла молодая жизнь.

На выѣздѣ, за городомъ, стоялъ каменный домъ. Кругомъ высились могучіе тополя. Верхушки ихъ золотило солнце, когда здѣсь остановились молодые люди.

Мэри и Фаничка крѣпко пожали руку Пьеру, и онъ приподнялъ шляпу. Онъ стоялъ все время возлѣ нихъ, пока, въ отвѣтъ на звонокъ, не раздались на дворѣ тяжелые шаги. Тогда онъ отошелъ въ сторону. Дѣвушки торопливо оглянулись на него, послали ему воздушный поцѣлуй и исчезли въ раскрывшейся калиткѣ, вдругъ бросившей на него ослѣпительный лучъ. Когда калитка захлопнулась, и тѣнь снова окутала его, онъ вздохнулъ и побрелъ назадъ.

Городъ, между тѣмъ, просыпался, и дома, улицы, сады, церкви утопали въ блескѣ золотого утра; дулъ свѣжій вѣтерокъ, и пастухъ рѣзалъ воздухъ звуками своего рожка.

II.

Пьеръ шелъ, изрѣдка встрѣчая крестьянокъ, несущихъ изъ сосѣдней деревни на рынокъ то кувшинъ молока, то горшочекъ съ масломъ; кухарокъ, громко тараторящихъ и бойко посматривающихъ по сторонамъ; мужиковъ, апатично возсѣдающихъ на возахъ съ мѣшками.

У крылечка маленькаго домика, выкрашеннаго свѣтлой краской, онъ остановился и постучалъ въ дверь, сначала робко, потомъ смѣлѣе. Наконецъ, сталъ барабанить и кричать: «Эй, вы, проснитесь!» и постепенно терялъ терпѣніе. Дверь сотрясалась подъ ударами его кулаковъ.

Минутъ черезъ пять, занавѣска у окна заколыхалась, и изъ форточки выглянула его сестра, молодая женщина, въ ночномъ чепчикѣ, изъ подъ котораго на блѣдныя щеки ползли темнорусые локончики.

— Ты, Пьеръ? спросила она тихимъ голосомъ.—Что̀ ты такъ

стучишь! Мы всю ночь промучились съ Шурочкой. Сейчасъ отворю.

Она скрылась и затѣмъ, громыхнувъ осторожно желѣзнымъ болтомъ, впустила брата въ узенькую галлерейку.

Онъ улыбнулся привѣтливо, чтобъ загладить свою вину, и участливымъ шопотомъ спросилъ:

— Шурочкѣ хуже?

— Да, отвѣчала молодая женщина, вздохнувъ.—Мы боимся, Пьеръ. Конечно, бѣдная дѣвочка давно больна, но теперь что-то ужь очень... Сеня вчера даже гимнастикой съ ней не занимался. Пьеръ, если она умретъ, я съ ума сойду!

Губы у ней задрожали.

— Полно, Маша, произнесъ Пьеръ.

Онъ пошелъ на цыпочкахъ, точно хотѣлъ этимъ показать, что не всегда бываетъ грубъ, и что стучалъ по необходимости.

Въ концѣ галлерейки была дверь, обитая клеенкой. Молодая женщина остановилась тутъ и, готовясь проститься съ братомъ, начала вдругъ разспрашивать его, какъ ему гулялось. Она всегда разспрашивала его; жизнь у ней была скучная; и большимъ утѣшеніемъ было для нея знать, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Пьеру хотѣлось спать, но онъ, держась за ручку двери, отвѣчалъ, что было весело.

— Кто былъ да кто? спросила она, стараясь улыбнуться.

Онъ назвалъ имена.

— А Мэри и Фаничка были? продолжала она допрашивать брата и, сквозь слезы—слѣдъ недавняго горестнаго волненія—бросила на него лукавый взглядъ, который раздражилъ его.

— Были! сказалъ онъ, нахмурившись.

Сестра печально вздохнула и прекратила допросъ, сказавши:

— Ну, спи, не сердись.

Онъ торопливо пожалъ ея горячіе худые пальцы и вошелъ къ себѣ, жмурясь отъ солнечныхъ лучей, заливавшихъ комнату, и чувствуя головокруженіе, боль въ ногахъ и неодолимое желаніе лечь.

Онъ едва могъ опустить штору и откинуть одѣяло. Еще труднѣе было раздѣться. Когда же онъ легъ, то ему показалось, что его несетъ волна. Ему чудился лѣсъ, озаренный огнемъ костра, блескъ черной рѣки; сквозь синій дымъ мелькали смѣющіяся лица дѣвушекъ, друзей, все куда-то плыло, быстрѣе и быстрѣе, и, наконецъ, онъ заснулъ.

III.

Къ двѣнадцати часамъ дня почти всѣ обитатели каменнаго дома, что на выѣздѣ, собрались на террасѣ съ трельяжемъ изъ дикаго винограда. Солнечные лучи лишь тамъ и сямъ пронизывали этотъ зеленый сводъ. Прямо въ рамѣ трельяжа виднѣлись клумбы съ настурціями и георгинами, группы деревьевъ. Въ глубинѣ—черезъ отворенныя настежъ стеклянныя двери—въ полусумракѣ обрисовывалась массивная мебель гостиной и тускло сіяла бронза.

Полная дама лѣтъ пятидесяти, съ мясистой шеей, съ глубокими бороздами по обѣимъ сторонамъ небольшого носа, жирными щеками и рѣзко обозначенными мѣшками подъ глазами на выкатѣ, осанисто сидѣла въ креслахъ стариннаго фасона и курила изъ чубука. Свинцовый взглядъ ея былъ устремленъ въ садъ.

Старушонка, почти карлица, съ желтымъ лицомъ и слезящимися глазками, суетилась возлѣ этой дамы. Когда трубка тухла, она торопливо наклонялась и подносила къ ней зажженную спичку. Потомъ вздыхала и безпокойно озиралась по сторонамъ, приложивъ руки къ головѣ, какъ бы что-то вспоминая.

Кошки, сѣрыя, бѣлыя, черныя, пестрыя, различныхъ возрастовъ, наполняли террасу. Иныя грѣлись на солнцѣ, полузажмурившись, иныя играли, опрокидываясь граціозно на спину, или ласково слѣдили за сѣренькими птичками, порхавшими въ саду. Большой жирный котъ терся у ногъ полной дамы.

Эта дама была Нина Сергѣевна Лоскотина, мать Мэри и Фанички, которыя еще не выходили. Она поджидала ихъ къ чаю и завтраку и злилась, что ихъ нѣтъ.

— Антипьевна, ступай узнай о здоровьѣ барышенъ! вдругъ сказала она, нетерпѣливо закладывая ногу за ногу и слегка поворачиваясь въ креслахъ.

Антипьевна ушла. Нина Сергѣевна, оставшись одна, скорбно потрясла головой. Будущее дочерей, непокорныхъ и своенравныхъ, представилось ей въ печальномъ свѣтѣ. Она искренно жалѣла ихъ, потому что любила. Одну, старшую дочь она ужь потеряла. Она хотѣла, чтобы, по крайней мѣрѣ, эти не погибли. Но она была убѣждена, что онѣ погибнутъ — и именно отъ того, что пренебрегаютъ заведеннымъ въ домѣ порядкомъ. Развѣ Лиза не отъ этого погибла?

Размышляя, она все продолжала курить. Синій дымъ прозрачными клубами улеталъ въ садъ. Трубка начала хрипѣть.

Между тѣмъ, Антипьевна вернулась. Вслѣдъ за нею, на террасу вбѣжали обѣ дѣвушки. На нихъ были свѣжія шумящія платья—на Фаничкѣ изъ розовой батистовки, на Мэри—изъ палевой—и гладкіе большіе воротнички. Волосы на вискахъ у нихъ были влажны отъ недавняго умыванія. Онѣ обратились къ матери съ громкимъ восклицаніемъ. Никогда онѣ этого не дѣлали, а теперь почему-то обрадовались, увидѣвъ ее. Имъ захотѣлось также поцѣловать у ней руку. Но Нина Сергѣевна уклонилась отъ поцѣлуевъ и холодно посмотрѣла на нихъ. Онѣ сконфузились и громко затараторили о томъ, «какой, maman, этотъ лѣсъ за Десной — прелесть!» Нина Сергѣевна опять холодно посмотрѣла на нихъ, и онѣ окончательно смутились. Мэри, отойдя къ чайному столу, гдѣ блестѣли стаканы и серебряныя ложечки, бросила сестрѣ серьёзный взглядъ. Она боялась матери. Фаничка уловила этотъ взглядъ и, въ отвѣтъ, безпечно улыбнулась, поднявъ черную бровь и скромно опустивъ сіяющіе лукавые глаза.

IV.

Пьеръ—фамилія его была Рубанскій—проснулся въ часъ. Въ комнатѣ былъ полусумракъ, жаркій и душный. Молодой человѣкъ пытливо посмотрѣлъ на кругленькій столикъ, у изголовья. Тамъ стоялъ стаканъ молока, стаканъ холоднаго чая и лежала на тарелочкѣ куча сдобныхъ крендельковъ. Онъ откинулъ назадъ длинные каштановые волосы и, принявъ позу поудобнѣе, протянулъ къ столику руку.

«Маша-таки не забываетъ меня!» подумалъ онъ о сестрѣ и выпилъ молоко, чай и съѣлъ почти всѣ крендельки.

Потомъ полежалъ еще нѣсколько минутъ; пробовалъ еще заснуть, но безуспѣшно; нѣкоторое время мечталъ о Мэри, о Фаничкѣ, о красивой дѣвушкѣ вообще; наконецъ, рѣшилъ встать.

Сунувъ ноги въ старыя лѣтнія ботинки, которыя служили ему вмѣсто туфель, онъ подошелъ къ столу, взялъ тамъ стклянку съ одеколономъ и влилъ часть его въ механическій умывальникъ. Ему казалось, что безъ этой эссенціи вода дѣйствуетъ слишкомъ грубо на кожу.

Умывшись, онъ поднялъ штору, расчесалъ волосы, сильно смачивая ихъ аѳинской водой, набросилъ на плечи шелковый бухарскій халатъ съ изорванными на локтяхъ рукавами, и сталъ чистить ногти маленькимъ стальнымъ инструментикомъ. Потомъ

потеръ ихъ бѣленькой щеточкой. Въ заключеніе, мѣрно раскачиваясь всѣмъ корпусомъ и весело насвистывая, отшлифовалъ ихъ замшевымъ полиссуаромъ и брильянтовой пудрой. Руки у него были бѣлыя и узкія, и длинные ногти на пальцахъ имѣли блескъ розоватаго жемчуга, какъ онъ самъ это замѣтилъ, самодовольно улыбнувшись.

На туалетъ онъ употребилъ почти часъ. Какъ и всегда, онъ выглядѣлъ большимъ щеголемъ. Онъ чувствовалъ себя свободно въ хорошо скроенномъ платьѣ и безукоризненномъ бѣльѣ, съ широкими, низко опускающимися манщетами.

V.

Онъ явился на половину сестры. Мужа Маши, Семена Семеныча Линина, еще не было. Но онъ сейчасъ долженъ былъ прійти со службы, и въ маленькой ситцевой гостинной, служившей разомъ и столовой, были уже сдѣланы приготовленія къ обѣду.

Маша сидѣла на диванѣ, поставленномъ въ углу комнаты, и вязала носки мужу. Возлѣ нея неподвижно полулежалъ ребенокъ, упершись затылкомъ въ подушку, закутанный въ розовое пикейное одѣяльце. Его ручки, безпомощно повисшія по сторонамъ, казались восковыми. Не было ни кровинки въ крошечномъ желтоватомъ личикѣ, съ мелкими красивыми чертами. На лобъ спускалась жиденькая прядь темныхъ волосъ. И черные глаза, широко раскрытые, смотрѣли съ странной серьёзностью.

— Агу, Шурочка, агу! сказалъ Пьеръ, глядя ласково на дѣвочку и дотрогиваясь до ея подбородка своими душистыми и блестящими пальцами, между тѣмъ, какъ другую руку онъ протянулъ сестрѣ, любезно бросивъ ей: «Bonjour, Маша!»

Дѣвочка не обратила на него вниманія. Маша поздоровалась съ братомъ и сказала:

— Ей сегодня лучше. Животикъ, кажется, не болитъ. Тебѣ лучше, Шурочка? спросила она, наклоняясь къ дѣвочкѣ; но та и на нее не обратила вниманія.—Совсѣмъ какъ старушка! произнесла она, улыбнувшись брату. И стальныя спицы снова заходили въ ея большихъ худыхъ рукахъ.

Пьеръ пристально посмотрѣлъ на диванъ, подозрѣвая тамъ грязь, но сѣлъ, скрѣпя сердце. Взглядъ его затѣмъ устремился на столъ, гдѣ на скатерти, черными кучками, тамъ и сямъ, копошились мухи. «Скатерть вся въ пятнахъ», подумалъ онъ брезгливо. Черезъ минуту онъ сообразилъ, что хорошо было бы ко-

обѣдать въ трактирѣ. Поговоривъ съ сестрой о томъ, о семъ, и даже о погодѣ, онъ, вдругъ какъ бы вспомнивъ что-то, спросилъ небрежно, не можетъ ли она дать ему взаймы два рубля. Маша покраснѣла, засуетилась и достала изъ кармана своего платья смятую трехрублевку.

— Вотъ весь мой капиталъ! сказала она робко.

Пьеръ взялъ деньги и сунулъ ихъ къ себѣ въ жилетъ.

Потомъ посидѣлъ еще нѣсколько минутъ, пощелкалъ пальцами передъ носомъ Шурочки, взглянулъ изъ окна на небо, сдѣлалъ предположеніе, что вечеромъ будетъ дождь, и вдругъ рѣшительно всталъ и ушелъ, какъ его ни упрашивала сестра остаться.

VI.

Между тѣмъ Мэри и Фаничка, съ которыми Нина Сергѣевна упорно молчала весь день, гуляли по саду. Жара спадала. Но косые лучи солнца еще ярко горѣли на зеленой листвѣ деревъ, на піоніяхъ, гвоздикахъ, настурціяхъ, на желтыхъ дорожкахъ; и небесная лазурь была ослѣпительно блѣдна.

Мэри, чтобъ не загорѣть, накинула на голову бѣлый платочекъ. Фаничка шла въ своей матроскѣ, горячей отъ солнца, и лицо у ней было красное, а на лбу она чувствовала потъ.

Сестрамъ очень хотѣлось поговорить о Пьерѣ. Прежде—вчера и даже утромъ—имъ это было бы легко сдѣлать. Теперь ихъ что-то стѣсняло. Онѣ молчали, и каждая ждала удобнаго предлога. Но предлога все не было.

Мэри Пьеръ представлялся молодымъ человѣкомъ съ меланхолическими глазами и благородной душой. Можно сказать, онъ единственный въ своемъ родѣ молодой человѣкъ! Онъ такъ уменъ! Онъ сказалъ ей: «за гробомъ насъ ждетъ великое *можетъ быть!*» Онъ религіозенъ. Она съ сладкой тоской думала о немъ.

Фаничкѣ Пьеръ казался широкой натурой. Съ нимъ не бываетъ скучно. Онъ остритъ, хохочетъ, у него горячая кровь. И когда вчера они пили брудершафтъ, и руки ихъ сплелись у локтей, она почувствовала мускулы его, мощные и твердые. Онъ хорошъ, какъ богъ.

Онѣ продолжали идти молча.

Фаничка, временами, наклонялась по пути, срывала цвѣтокъ, подносила его къ носу, потомъ бросала. Мэри посматривала на сестру тоскливымъ взглядомъ.

Такъ онѣ сдѣлали по саду нѣсколько туровъ.

Жара все спадала. Чирикали въ чащѣ листьевъ какія-то птички, шумно перепархивали съ вѣтки на вѣтку воробьи. Домъ вдали бѣлѣлъ изъ-за деревьевъ, съ своей черной крышей и воздушнымъ балкончикомъ, выходившимъ изъ комнаты Мэри.

«Ни за что не начну», сказала себѣ Фаничка, не переставая думать о Пьерѣ.

Мэри подумала:

— «Пусть начнетъ Фаничка».

И такъ какъ онѣ обѣ молчали и обѣ тосковали, иногда громко вздыхая, то это вдругъ встревожило ихъ.

Сѣвши на скамейку у садоваго забора, повитого хмѣлемъ, онѣ искоса, подозрительно взглянули одна на другую.

Ихъ точно что̀ въ сердце толкнуло. Щеки вспыхнули. Но лица были серьёзны.

Онѣ не дали себѣ опредѣленнаго отвѣта на чувство, сжавшее ихъ грудь. Имъ было только больно. Но въ то же время для каждой изъ нихъ вдругъ стало ясно, что о Пьерѣ имъ нельзя ужь говорить откровенно, даже совсѣмъ нельзя говорить.

Онѣ посидѣли нѣсколько минутъ, обмѣнялись двумя-тремя незначительными фразами и разошлись въ разныя стороны.

VII.

Послѣ обѣда Лининъ—небольшого роста человѣкъ, съ длиннымъ бритымъ лицомъ и золотистыми волосами, расчесанными посрединѣ — походилъ по комнатѣ съ Шурочкой, радуясь, что ей лучше. Онъ занялся съ дѣвочкой даже гимнастикой: положилъ ее на̀взничь на диванъ и послѣдовательно согнулъ и разогнулъ ея ручки и ножки разъ десять, приговаривая: «разъ-два, разъ-два!» Маша вязала чулокъ и съ улыбкой смотрѣла на мужа. Вдругъ она услышала, что ее кто-то окликнулъ съ улицы, въ открытое окно. Она повернула голову и ахнула: стояла Лиза Лоскотина. Лиза пополнѣла и похорошѣла, у ней былъ двойной подбородокъ, и сѣро-голубые глаза ея ласково смѣялись. Она была въ перчаткахъ, въ лѣтнемъ свѣтломъ платьѣ и соломенной шляпкѣ. Маша протянула ей въ окно руку. Отъ радости она не могла говорить. Лининъ тоже увидѣлъ гостью и сталъ торопливо надѣвать сюртукъ, отвернувшись.

Начались разспросы: «какими судьбами?» «на долго ли?»

Лиза отвѣчала, что на нѣсколько дней и что пріѣхала на педагогическій съѣздъ, какъ сельская учительница.

Когда она вошла въ комнату, то поцѣловала Машу, крѣпко пожала руку Линину, который привѣтливо хихикалъ, и наклонилась къ Шурочкѣ. Видъ ребенка испугалъ ее. Она сострадательно нахмурила брови и спросила:

— Нездорова дѣвочка?

Маша сказала, что уже полгода Шурочка такая.

— У ней пепсинъ еще не выдѣляется, подхватилъ Launинъ:— въ этомъ вся бѣда.

— А нянька потихоньку кормила ее супомъ! пояснила съ ужасомъ Маша.—Пришлось прогнать.

— И дѣвочка заболѣла?

— Да... Стала худѣть, худѣть...

Потомъ разговоръ опять перешелъ на Лизу, на общихъ знакомыхъ, на внутреннюю политику.

Лиза, впрочемъ, избѣгала этой послѣдней тэмы; но Лининъ хотѣлъ подѣлиться съ ней своими свѣдѣніями по этой части. Онъ торопливо передалъ ей имена политическихъ арестантовъ въ мѣстномъ замкѣ.

Лиза кивнула головой и немножко скосила глаза. Свѣдѣнія Линина были невѣрны. Но хотя ей хотѣлось сказать, что они невѣрны, она предпочла молчаніе.

Она смотрѣла на свою подругу, которая, бывало, съ такимъ наслажденіемъ вслухъ читаетъ Писарева и вся дрожитъ, на ея мужа, который тогда носилъ малорусскій костюмъ, сурово сплевывалъ и произносилъ полуслова, такъ-что многимъ казался умнымъ и положительнымъ человѣкомъ; и ей не вѣрилось, что въ нихъ произошла какая-то перемѣна. Все это было такъ еще недавно! Но перемѣна произошла—она ее чувствуетъ.

«Въ чемъ эта перемѣна?» спрашивала она себя, пытливо посматривая кругомъ.

Она задала своимъ друзьямъ рядъ вопросовъ.

Они отвѣчали; и отвѣты были такіе, какіе она услышала бы отъ нихъ и прежде. Однако же, отвѣты эти показались ей теперь пошлыми.

Самъ Лининъ, все время, пока у нихъ сидѣла Лоскотина, опасался, чтобъ его не заподозрѣли въ охлажденіи къ чему-то.

— Лизавета Павловна, говорилъ онъ, значительно хмуря брови:—надѣюсь, что я сохранилъ и сохраню образъ человѣческій, хоть это подвигъ, можно сказать! Въ этакомъ-то омутѣ!?.. Въ болотѣ!?

Потомъ онъ сталъ жаловаться на бѣдность, на докторовъ, на прислугу. Тутъ Маша не утерпѣла: захотѣла непремѣнно сама разсказать Лизѣ про кухарку. Лининъ уступилъ женѣ, но пере-

бивалъ ее, качалъ головой, произносилъ: «чушь, совсѣмъ не такъ было! чушь!» Маша, наконецъ, сконфузилась и замолчала. Тогда онъ съ удовольствіемъ докончилъ ея разсказъ.

Въ числѣ прочихъ новостей, онъ сообщилъ Лоскотиной и о Пьерѣ.

— Аристократа Богъ далъ! сказалъ онъ, шаркнувъ ногой.

— Онъ теперь студентъ третьяго курса, пояснила Маша, робко обращаясь къ Лизѣ:—а тогда, помнишь, былъ въ пятомъ классѣ...

— Помню, сказала Лиза: — какже, помню...

— У него были тогда хорошіе уроки, онъ меня поддерживалъ, Лиза, прибавила Маша, еще боязливѣе.

Взглядъ Линина насмѣшливо съузился.

— Онъ и теперь готовъ, продолжала Маша въ волненіи.— Согласись сама... Пріѣхалъ на лѣто... Правда, урокъ имѣетъ... У губернаторши... Пятьдесять рублей... Но ему надо же одѣться!?. Въ такой домъ, Лиза, согласись сама, надо являться не какъ-нибудь!..

Лиза кивнула головой. Она думала совсѣмъ о другомъ.

Черезъ минуту она спросила, не видаетъ ли кто ея сестеръ, Мэри и Фаничку?

Голосъ ея приэтомъ былъ спокоенъ, но она слегка опустила глаза.

Маша отвѣчала, что Нина Сергѣевна не велѣла пускать ее къ себѣ, какъ только обнаружилось, что она помогала Лизиному бѣгству; и съ тѣхъ поръ ей удавалось видѣть Мэри и Фаничку только случайно—гдѣ-нибудь на улицѣ. Онѣ теперь большія и ихъ трудно узнать, заключила она.

— Вотъ аристократъ такъ втерся! насмѣшливо заявилъ Лининъ и, желая сдѣлать лицо, похожее на лицо Пьера, некрасиво прищурился.

— Пьеръ у нихъ бываетъ, сказала Маша. — Онъ вездѣ бываетъ, потому что принятъ у губернаторши.

— Какое счастье! воскликнулъ Лининъ и посмотрѣлъ на Лизу смѣющимися глазами, подмигнувъ ей.

— Не счастье, произнесла Маша:—но...

Она смѣшалась и покраснѣла. Потомъ, послѣ паузы, сказала:

— Не ты ли, Сеня, самъ жалѣлъ, что не можешь танцовать и не имѣешь манеръ, чтобъ попасть въ высшее общество?

— Я? спросилъ Лининъ, и маленькіе глазки его сверкнули свинцовымъ блескомъ.—Я? повторилъ онъ.

— Конечно, ты, кротко сказала жена. — Еще говорилъ, что тогда другая карьера была бы... Пьеръ заранѣе устроиваетъ

себѣ дорогу... Онъ юристъ... Ему нужна протекція. Ну, и дай ему Богъ! Зачѣмъ завидовать...

Голосъ ея чуть дрожалъ.

Лининъ сталъ смѣяться самымъ натуральнымъ смѣхомъ, какъ ему казалось; но Лиза была увѣрена, что это злой смѣхъ. Она поспѣшила сказать:

— Вотъ еслибы, Маша, Пьеръ устроилъ мнѣ свиданіе съ Мэри и Фаничкой. Я была бы ему очень благодарна!

— Онъ устроитъ!

— Попроси его...

— Лизочка, я тебѣ даю слово...

Друзья поговорили еще. Возвратились къ Шурочкѣ, къ прислугѣ, къ политикѣ. Наконецъ, Лиза встала и начала прощаться. Ее удерживали, клялись, что сейчасъ будетъ чай, хотѣли отнять у ней шляпку. Но она рѣшительно объявила, что уходитъ, и ушла, давъ слово зайти завтра.

VIII.

Пьеръ скверно пообѣдалъ въ трактирѣ. Здѣшняя скатерть тоже была въ пятнахъ. Онъ побранилъ полового, сыгралъ партію на бильярдѣ съ соннымъ маркеромъ и вышелъ не въ духѣ. Звонили къ вечернѣ. Онъ вспомнилъ, что въ пять часовъ у него урокъ и испугался, взялъ извощика и велѣлъ ѣхать: «къ губернатору». Это онъ произнесъ громко и раздѣльно.

Домъ губернатора, низенькій, но обширный, сѣрый, съ бѣлыми колонками, примыкалъ къ городскому саду. Домъ имѣлъ два главныхъ подъѣзда. Одинъ изъ нихъ былъ украшенъ латунными фонарями, имѣвшими форму тюльпановъ, и назывался «подъѣздомъ ея превосходительства».

Дрожки Пьера остановились передъ этимъ подъѣздомъ. Взбѣжавъ по широкому крыльцу, молодой человѣкъ спросилъ у подскочившаго къ нему ливрейнаго лакея, дома ли Клавдія Аполосовна—губернаторша—и дома ли маленькій князь, хотя былъ увѣренъ, что послѣдній, во всякомъ случаѣ, дома. Этотъ маленькій князь былъ племянникъ Клавдіи Аполосовны и его ученикъ. На утвердительный отвѣтъ лакея, онъ высморкался въ душистый платокъ и посмотрѣлся въ зеркало, смахнувъ съ лица пыль. Потомъ отправился въ темноватую пріемную.

Какъ и всегда, Клавдія Аполосовна не заставила себя ждать и минуты. Она вышла къ нему съ самымъ любезнымъ лицомъ. Это было лицо тридцати-лѣтней красавицы, нѣжное и бѣлое,

безъ пушинки, съ умными, не глубокими глазами и усталымъ блѣднымъ ротикомъ. Она чуть-чуть гнулась впередъ и на ней было простое сѣрое платье съ кружевами, а на прозрачной съ синими жилками рукѣ, которую она протянула Пьеру, блестѣлъ тоненькій золотой обручикъ.

Пьеръ ей казался застѣнчивымъ молодымъ человѣкомъ, и поэтому она всякій разъ старалась быть съ нимъ возможно ласковѣе; но сквозь этотъ ласковый тонъ проглядывало снисходительное и даже полупрезрительное чувство. Лицо ея улыбалось, глаза были холодны.

Подавъ руку Пьеру, она слегка потянула его за собой, точно считала его неспособнымъ самостоятельно двигаться. Онъ семенилъ ногами, чтобъ не впутаться въ ея шлейфъ, и вообще чувствовалъ себя неловко.

Слѣдующая комната была свѣтлая, вся блѣдно-палеваго тона. Она была ему хорошо знакома и всегда навѣвала на него холодъ.

Маленькій князь поклонился учителю. Онъ уже разложилъ на классномъ столѣ тетради и книги. Это былъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, съ огромной бѣлокурой головой, выстриженной такъ, что издали онъ казался плѣшивымъ, и съ узенькими глазками.

Клавдія Аполосовна считала своей обязанностью присутствовать при урокахъ. Она и теперь взяла работу и сѣла недалеко отъ Пьера.

Пьеръ зналъ, что смущаться ему этимъ нечего; что еслибы онъ даже и заврался, Клавдія Аполосовна ничего не замѣтитъ: однакожь, онъ былъ смущенъ.

Впрочемъ, урокъ кончился благополучно. Маленькій князь усердно учился. Онъ отлично рѣшилъ задачи, и Пьеръ похвалилъ его. Исполнивъ свой долгъ, онъ собралъ книги и тетради, опять поклонился учителю и молча вышелъ.

— У него теперь гимнастика, любезно сказала Клавдія Аполосовна и встала. Глаза ея съ снисходительнымъ любопытствомъ смотрѣли на Пьера, и, какъ бы на прощанье, она улыбалась ему.

Пьеру надо было уходить. Онъ поклонился, Клавдія Аполосовна снова протянула ему руку.

— Приходите, небрежно сказала она ему: — вечеромъ, десятаго...

Онъ пріятно улыбнулся и покраснѣлъ. Хотѣлъ что-то сказать, но ничего не сказалъ, и только сдѣлалъ шагъ назадъ.

— «Вотъ дикарь!» подумала Клавдія Аполосовна по-французски и взглянула на него сквозь прищуренныя рѣсницы. Потомъ съ утонченной любезностью объяснила ему, что она будетъ

рада ему во всякомъ случаѣ, но что радость ея будетъ особенно искренняя, когда окажется, что онъ танцуетъ.

— Я танцую, сказалъ Пьеръ.

Клавдія Аполосовна улыбнулась и любезно кивнула ему головой, что могло означать: «какъ это кстати, что вы танцуете!», а также: «Ну, теперь съ Богомъ!»

Пьеръ понялъ это въ послѣднемъ смыслѣ. Черезъ полчаса онъ былъ дома.

IX.

Выслушавъ сестру, онъ сказалъ: «хорошо»! Онъ радъ былъ предлогу повидать Мэри и Фаничку. Потомъ переодѣлся, напился съ Лиными чаю и отправился къ Лоскотинымъ часовъ въ восемь, когда облака стали лиловѣть, а солнце совсѣмъ закатилось за крыши.

Онъ засталъ на террасѣ одну Нину Сергѣевну. Она сидѣла въ своей неизмѣнной позѣ, курила изъ чубука и была, какъ всегда, окружена кошками. Она любила Пьера за почтительность и за то, что онъ, кажется, не былъ зараженъ нигилизмомъ. Однажды, она даже видѣла его въ церкви. Она привѣтствовала его теперь, однако, съ нѣкоторою суровостью и, сказавъ: «здравствуйте!», повернула къ нему свои желтоватые бѣлки, не отнимая отъ губъ мундштука, что̀ придало ей негодующій видъ. Пьеръ не испугался, сѣлъ и, нагнувшись, ласково потрепалъ любимаго кота Нины Сергѣевны.

— Вы меня надули, произнесла она, пустивъ клубъ дыма.

Онъ посмотрѣлъ на нее, сдѣлавъ самое невинное, недоумѣвающее лицо. Но она сидѣла въ профиль и не глядѣла на него. «У ней цѣлый пудъ жира на шеѣ!» невольно подумалъ Пьеръ. И затѣмъ сейчасъ же началъ:

— Я васъ надулъ? Вы меня обижаете, Нина Сергѣевна. Впрочемъ, я знаю, на счетъ чего вы говорите. Барышни поздно вернулись? Но вотъ вамъ объясненіе. Мадамъ Федотова ни за что не согласилась отпустить ихъ со мной, пѣшкомъ. А коляска ея—возьми да и сломайся, еще на той сторонѣ. Кучеръ пьянъ. Вѣдь вамъ извѣстно, какая теперь прислуга. Послали за новымъ экипажемъ. Ну, прошелъ часъ, другой. Наконецъ—есть экипажъ. Тогда что же? («Господи, какая у ней шея!» подумалъ онъ опять) — Марья и Фанни Павловна доставляются домой самой Федотовой. Правда, уже не рано, свѣтаетъ. Но онѣ доставляются

домой самой Федотовой! Увѣряю васъ. Спрашивается, неужели я тутъ хоть сколько-нибудь виноватъ?

Нина Сергѣевна снова повернула къ нему свои желтоватые бѣлки, но на этотъ разъ, повидимому, съ благосклоннымъ выраженіемъ.

На порогѣ позади Пьера остановилась Мэри. Она слышала, что онъ лжетъ, и хотя это была невинная ложь, ей она не понравилась. Она хотѣла бы, чтобы Пьеръ никогда не лгалъ, ни по какому поводу. Но Фаничка, выглядывавшая изъ-за плечъ Мэри, изъ глубины гостинной, была въ восторгѣ. «Онъ ужасно милъ», говорила она себѣ. «Милъ, милъ!» почти шептала она.

Пьеръ, услышавъ шорохъ за собой и увидѣвъ Мэри и Фаничку, всталъ и пріятельски имъ улыбнулся. Онѣ вышли на террасу. Тогда онъ поздоровался съ ними просто, какъ хорошій знакомый, но безъ малѣйшаго оттѣнка вчерашней фамильярности. Онъ чувствовалъ надъ собой бодрствующее око Нины Сергѣевны, хотя фактически оно было устремлено въ садъ.

Этого чувства не были, конечно, чужды и Мэри, и Фаничка. Нина Сергѣевна нарочно молчала, чтобъ дать свободу молодымъ людямъ бесѣдовать, но это молчаніе особенно стѣсняло ихъ.

Вошла горничная, потомъ Антипьевна, съ бѣлой скатертью въ рукахъ, и накрыли столъ для вечерняго чая.

Небо между тѣмъ потухало. Розо-жемчужныя облачка тускнѣли. Вѣяло прохладой. Въ саду вставали тѣни.

— Теперь вотъ по аллеямъ походить бы, а тутъ сиди, точно подъ арестомъ, думалъ Пьеръ.—Я чаю и не хочу. Когда-жь я барышнямъ секретъ на счетъ Лизы передамъ?

Онъ съ тоской посмотрѣлъ на затылокъ Нины Сергѣевны. И съ такой же тоской посмотрѣли въ ту же сторону дѣвушки.

Принесли самоваръ накладного серебра, который подавали только при гостяхъ, поставили посуду, закуски.

Нина Сергѣевна любила разливать чай. Она вздохнула, отдала Антипьевнѣ свой чубукъ и, опершись на ея плечо, встала. Передъ самоваромъ стояло уже другое удобное кресло, и она заняла его, кряхтя. Въ послѣднее время она съ трудомъ передвигалась съ мѣста на мѣсто.

По лѣвую сторону стола сѣла Мэри, по правую—Фаничка. Пьеръ сѣлъ противъ Нины Сергѣевны. Онъ почувствовалъ теперь непосредственно на себѣ ея взглядъ, и ему сдѣлалось неловко. Онъ опустилъ глаза и сталъ смотрѣть на самоваръ, въ выпукломъ зеркалѣ котораго блестѣла полоска неба, темнѣла зелень сада.

— Что-жъ новаго въ городѣ? спросила его Нина Сергѣевна, заваривъ чай.

Онъ сказалъ, что десятаго будетъ вечеръ у губернаторши.

Сказавши это, онъ поднялъ глаза, и опять встрѣтилъ взглядъ Нины Сергѣевны. И опять ему сдѣлалось неловко; онъ замигалъ и, наклонившись къ маслу и редискѣ, сталъ торопливо ѣсть.

— Вы будете? спросила Фаничка.

— Да, отвѣтилъ онъ.—Клавдія Аполосовна сама пригласила.

«Еще бы, не пригласить его!» подумала Фаничка и сказала:

— Мнѣ хотѣлось бы тоже быть...

«Рублей пятьдесятъ выйдетъ на туалеты!» подумала Нина Сергѣевна, такъ какъ не сомнѣвалась, что дочери ея будутъ на этомъ вечерѣ.

Потомъ она розлила чай и передала всѣмъ стаканы. Сама она пила изъ огромной фарфоровой чашки.

Мало по малу стемнѣло. Небо сдѣлалось синимъ. Тамъ и сямъ задрожали надъ вершинами деревъ блѣдныя звѣзды. На террасу пришлось подать свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ, съ кенкетами.

Разговоръ попрежнему тянулся вяло. Пьеръ разсказывалъ о своихъ полукурсовыхъ экзаменахъ. Мэри внимательно слушала его и еще внимательнѣе смотрѣла на его лицо, овальное, съ кудрявой бородкой и кругловатымъ ртомъ.

Столъ былъ невеликъ. Скатерть спускалась такъ, что лежала у всѣхъ на колѣняхъ. Пьеру вдругъ пришла идея. Онъ вчера особенно близко сошелся съ этими милыми дѣвушками. И чтобы какъ нибудь скрасить скуку бесѣды, онъ искусно протянулъ ногу и пожалъ носокъ ботинки Мэри.

Мэри вспыхнула и слегка отодвинула свой стулъ.

Онъ смутился, и взглядъ его еще разъ встрѣтился съ строгимъ взглядомъ Нины Сергѣевны.

«Что̀ если замѣтила?» съ ужасомъ подумалъ онъ, жмурясь.

Однако, черезъ нѣсколько минутъ, онъ оправился. Онъ сообразилъ, что Нина Сергѣевна ничего не замѣтила. Вслѣдствіе этого, онъ рискнулъ пожать ногу Фаничкѣ.

Фаничка энергически отвѣчала на его пожатіе.

Тогда онъ вдругъ оживился. Онъ разсказалъ нѣсколько анекдотовъ о профессорахъ и заставилъ улыбнуться даже Нину Сергѣевну. Одинъ изъ этихъ профессоровъ любилъ кошекъ, и такимъ образомъ легко было перейти къ анекдотамъ о кошкахъ. Онъ выказалъ себя забавнымъ и свѣдущимъ собесѣдникомъ, и все время чувствовалъ, съ огромнымъ наслажденіемъ, какъ нога

*

Фанички, теплая и мягкая, обутая въ прюнелевую туфельку, жала его ногу.

Когда пробило въ гостинной десять, Нина Сергѣевна встала и перешла въ прежнее кресло, чтобы покурить. Молодые люди тоже встали. Пьеръ подумалъ съ сожалѣніемъ, что пора уходить. Но Фаничка неожиданно крикнула:

— Пойдемте въ садъ!

И сбѣжала съ террасы. Онъ послѣдовалъ за нею, а за нимъ Мэри.

— Не забывайте, что я ложусь въ половинѣ одиннадцатаго! сурово сказала въ темноту Нина Сергѣевна.

— О, maman! крикнула Фаничка не то успокоительно, не то просительно.

Въ аллеяхъ стоялъ мракъ, но не черный, а какой-то голубоватый, и деревья ласково простирали свои вѣтви, и садъ, казалось, былъ полонъ таинственной прелести.

Фаничка, у которой былъ хорошій голосъ, стала напѣвать.

Пьеръ разнѣжился и чуть не забылъ, зачѣмъ собственно пришелъ къ Лоскотинымъ. Но все-таки вспомнилъ. Отойдя отъ дома на порядочное разстояніе, онъ взялъ дѣвушекъ за руки и объявилъ, что въ городѣ Лиза, сестра ихъ, и очень хочетъ видѣть ихъ. Завтра, часовъ въ пять, она будетъ у Лининыхъ.

Сестрамъ очень захотѣлось повидаться съ Лизой. У каждой радостно забилось сердце, сразу вспомнилось многое такое, о чемъ онѣ и думать уже забыли. Онѣ съ большимъ волненіемъ дали Пьеру слово, что зайдутъ завтра къ Машѣ, въ пять часовъ.

Послѣ чего, они прошлись раза два по саду и, какъ ни настаивала Фаничка, которой хотѣлось посидѣть еще, кромѣ того, въ бесѣдкѣ, вернулись на террасу.

Пьеръ взялся за шляпу.

Нина Сергѣевна благосклонно простилась съ нимъ и наказала ему поблагодарить мадамъ Федотову за экипажъ и за вниманіе къ ея дочерямъ. Федотова не была знакома съ Ниной Сергѣевной, и Нинѣ Сергѣевнѣ доставляла большое удовольствіе мысль, что есть въ городѣ богатыя и почтенныя личности, которыя — *однако*—такъ или иначе заискиваютъ у Лоскотиной.

Пьеръ ушелъ и, на прощанье, Фаничка значительно пожала ему руку. Все ея тѣло было проникнуто радостнымъ трепетомъ, ей хотѣлось смѣяться, плакать, кружиться по комнатамъ. Но Мэри была серьёзна. Только румянецъ черезчуръ разыгрался на ея правильномъ лицѣ.

X.

По уходѣ Пьера, Нина Сергѣевна благословила дочерей и отправилась спать, а барышни пошли на свои антресоли.

Антресоли эти состояли изъ четырехъ комнатокъ. Двѣ изъ нихъ были завалены разнымъ хламомъ, а въ двухъ обитали Мэри и Фаничка.

Комната Мэри выходила въ садъ и была снабжена воздушнымъ балкончикомъ. Комната Фанички была обращена окнами во дворъ.

У Мэри было очень чисто. На полу былъ постланъ коврикъ, постель была подъ кисейнымъ пологомъ. Въ углу стоялъ кіотъ, и передъ иконами всегда мерцала лампадка. На окнѣ зеленѣли фуксіи.

Въ комнатѣ Фанички обыкновенно господствовалъ безпорядокъ. Огромная софа занимала много пространства, и шерсть тамъ и сямъ лѣзла изъ этой мебели. Постель была смята. Одинъ башмакъ стоялъ на столѣ, другой валялся на полу. Стѣны были исписаны стихами и счетами бѣлья.

Мэри сѣла въ задумчивой позѣ на порогѣ своего балкончика. Взглядъ ея долго былъ устремленъ въ садъ. Новое чувство, овладѣвшее ею, сдѣлало ее серьёзной. Грудь ея ныла отъ тоски, когда она думала о Пьерѣ. Теперь ей не было бы весело съ нимъ. И она не послала бы ему воздушнаго поцѣлуя.

Она вспомнила, что онъ пожалъ ей ногу. Ей опять сдѣлалось стыдно, какъ и тогда. «Что онъ хотѣлъ этимъ выразить?» подумала она. «Мнѣ это не нравится».—«Не нравится!» повторила она почти громко и гнѣвно нахмурилась.

Ночь была удивительно тихая, прозрачная. Луна всходила. Деревья чернѣли внизу. Воздухъ былъ пропитанъ ароматами цвѣтовъ. Вокругъ сада дремали тополи. Не хотѣлось спать, хотѣлось мечтать, грезить и видѣть сны на яву.

Мэри все сидѣла на порогѣ, обнявъ колѣни, поднявъ голову, и глаза ея были широко раскрыты.

Въ синемъ небѣ теплились тысячи звѣздъ. Ихъ трепетъ, казалось, отвѣчалъ біенію ея жилъ, странный восторгъ овладѣвалъ ею...

— Боже мой, сдѣлай такъ, чтобы *онъ* меня полюбилъ! прошептала она вдругъ, чувствуя слезы на глазахъ.

Фаничка, между тѣмъ, оставшись одна въ своей комнатѣ, зажгла лампу и долго ходила изъ угла въ уголъ. Никогда еще

не испытывала она такого волненія. Она не сомнѣвалась, что любитъ и любима. Воображеніе ея рисовало ей картины самыя плѣнительныя. Она видѣла себя на колѣняхъ передъ матерью, которая благославляетъ ее на бракъ съ Пьеромъ. Видѣла себя въ церкви, въ бѣломъ газовомъ платьѣ, въ цвѣтахъ. Потомъ, она много танцовала на своей свадьбѣ, и грудь ея высоко дышала, точно она ужь устала отъ этихъ танцевъ. Она шептала нѣжныя фразы Пьеру на ухо, и онъ жалъ ей руку, а она склоняла ему на плечо голову. Въ вискахъ у ней шумѣло, щеки ея пылали. Она на ходу стала раздѣваться, швырнула на софу платье, затѣмъ бросилась на постель, полежала нѣсколько минутъ, сложивъ надъ головой руки, и въ волненіи чуть-чуть била ногой по кровати, пока туфелька не упала на полъ. Тогда она вскочила и, чувствуя ознобъ, отъ котораго кожа на ея бѣлыхъ рукахъ, выше локтей, сдѣлалась вдругъ шороховатой, сѣла къ столу, взяла листъ бумаги и написала на немъ крупнымъ почеркомъ:

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ.

Поэма.

Она до самаго утра сидѣла надъ этимъ листомъ, но ничего не прибавила къ написанному. Когда свѣтъ лампы смѣшался съ робкимъ блескомъ зари, Фаничка съ недоумѣніемъ посмотрѣла кругомъ, провела рукой по горячему лбу, сожгла бумагу и тихо легла.

Она крѣпко спала. Когда она проснулась, было еще рано. Но Мэри уже встала и слышно было, какъ она молится и шепчетъ: «во имя Отца и Сына и Святого духа»... Фаничка повернулась на другой бокъ и опять заснула.

XI.

Во время завтрака, Фаничка выпросила у Нины Сергѣевны шесть рублей на шляпку, такъ-какъ матроска ея потрескалась отъ солнца. Мэри подумала, что Фаничка несправедлива, потому что не бережетъ вещей и, не имѣя вкуса, покупаетъ всегда что-нибудь некрасивое и непрочное, но непремѣнно блестящее. «Она теперь, пожалуй, съ стеклярусомъ купитъ», подумала она, сухо взглянувъ на сестру. Тѣмъ не менѣе, ей было пріятно, когда Фаничка попросила ее идти вмѣстѣ въ магазинъ.

— Хорошо, сказала она тихо.—Но ты не забыла?.. Тутъ она замолчала и бросила ей серьёзный взглядъ.

Фаничка подняла бровь и пожала плечомъ.

— Что такое?

— Лиза...

— Ахъ, да! вскрикнула Фаничка.—Нѣтъ, какже! Но сначала пойдемъ за шляпкой, а потомъ ужь къ Лининой. Мнѣ хочется, чтобъ Лиза видѣла меня въ новой шляпкѣ.

Сейчасъ же послѣ обѣда онѣ вышли изъ дома. Было пыльно и знойно. Фаничка нѣсколько разъ порывалась взять извощика, но Мэри находила, что это не разсчетъ. Онѣ прошли бульвары, гдѣ полузасохшія деревья бросали на землю скудныя тѣни, прошли мимо огромнаго стариннаго собора, за сквозной оградой котораго виднѣлся чистенькій и, казалось, прохладный дворъ, мимо ряда бакалейныхъ лавокъ, откуда выглядывали оживленныя лица евреевъ, и, наконецъ, глазамъ ихъ представился магазинъ модъ мадамъ Сесиль, единственный сносный во всемъ городѣ. Тутъ Мэри выбрала сестрѣ шляпку изъ свѣтлой соломки, съ чернымъ бархатомъ и блѣднокрасными лентами. Фаничкѣ она очень понравилась, хотя, по ея мнѣнію, слѣдовало бы сквозь бантъ продѣть стальную пряжку, какъ вотъ на другихъ шляпкахъ, да и блестокъ не мѣшало бы нанизать. «Это я сама ужь сдѣлаю», подумала она. Она надѣла шляпку, отдала деньги и хотѣла бросить свою матроску. Но Мэри положила матроску въ коробку и взяла съ собой. Француженка, вся въ пудрѣ и бантикахъ, проводила дѣвушекъ до дверей магазина и удостоила Мэри глубокаго поклона и любезной улыбки, а Фаничкѣ ласково кивнула головой.

Онѣ отправились къ Лининымъ. Въ передней ихъ встрѣтилъ Пьеръ. У него было очень серьезное лицо и на немъ былъ черный сюртукъ. Онъ помогъ запыхавшимся дѣвушкамъ снять накидки и объявилъ шепотомъ, что Лиза уже тутъ и что у Маши случилось несчастье.

— Какое? спросили онѣ въ одинъ голосъ.

Но такъ-какъ изъ передней дверь была отворена и легко можно было видѣть, что̀ дѣлается въ сосѣдней комнатѣ, то, инстинктивно посмотрѣвъ туда, онѣ замѣтили, что на столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью и парчей, лежитъ что-то маленькое, въ цвѣтахъ, и поняли сами, что это смерть.

Мэри поблѣднѣла, Фаничка слабо вскрикнула. Пьеръ далъ имъ пройти и остановился у порога, молча понуривъ голову. Къ нимъ подошла Лиза и нѣжно пожала имъ руки. Маша тоже подошла къ нимъ.

— Что дѣлать! сказала она имъ.

Пальцы ея хрустнули.

Лининъ стоялъ у стола и изрѣдка махалъ рукой надъ маленькой покойницей; мухи лѣзли ей въ неподвижно прищуренные глаза.

Увидавъ Мэри и Фаничку, онъ сухо поклонился имъ издали. Потомъ сказалъ:

— Умерла сегодня ночью, въ одиннадцать часовъ. Завтра хоронить голубку будемъ. Вотъ тебѣ и доктора!

Онъ больше ничего не сказалъ и продолжалъ махать рукой. Постороннимъ было тяжело смотрѣть на него и на Машу. Имъ хотѣлось поскорѣе уйти. Мэри хотѣла сказать Лининой что-нибудь утѣшительное, но слова не шли съ языка. Горе было чужое. Къ тому же близость сестры Лизы волновала ее и она была полна мыслью о ней. Фаничка тоже почти забыла непріятное впечатлѣніе отъ парчи и цвѣтовъ на столѣ и робко, и вмѣстѣ жадно смотрѣла на старшую сестру, удивляясь, что она такая красавица и не имѣетъ вида несчастной. «Поцѣловать бы ее», думала она.

Пьеръ подошелъ къ дѣвушкамъ и шепотомъ предложилъ имъ порейти въ его комнату, гдѣ онѣ могутъ поговорить между собой наединѣ. Лиза кивнула ему головой. Сестры посмотрѣли сострадательно на Машу и вышли, вздохнувъ.

Это былъ вздохъ облегченія.

XII.

Въ комнатѣ Пьера пахло духами, и на окнѣ, въ бѣленькой вазѣ, стоялъ букетъ свѣжихъ розъ. Порядокъ былъ образцовый. Постель была застлана красивымъ лѣтнимъ одѣяломъ, и наволочки на подушкахъ были, очевидно, только-что надѣты. Стульевъ было немного; но все-таки было на чемъ сѣсть.

Лиза поцѣловала сестеръ. Глаза у ней были влажны. Шесть лѣтъ назадъ, и Мэри, и Фаничка были дѣвочками, а теперь— какъ выросли, какъ перемѣнились!

Нѣкоторое время всѣ молчали. Въ эти мгновенія Лиза и Мэри были особенно растроганы. Онѣ смотрѣли одна на другую съ чувствомъ безпредѣльной, вдругъ проснувшейся любви. Ихъ тянуло другъ къ другу. «Я не знала, что я ее такъ люблю», говорила себѣ Лиза и тоже самое думала Мэри. И оттого, что онѣ были такъ взволнованы, имъ казалось, что еслибъ онѣ начали говорить, то сказали бы что-нибудь плоское или холодное, и

инстинктивно воздерживались отъ фразъ и словъ. Фаничка улыбалась и оглядывала комнату Пьера радостнымъ взглядомъ и такимъ же взглядомъ смотрѣла на Лизу. Лиза, хотя вся вдругъ отдавшаяся Мэри, видѣла этотъ взглядъ, и у ней составилось внезапное представленіе о Фаничкѣ, какъ о миломъ, но несерьёзномъ ребенкѣ. Она пожала ей руку и еще разъ поцѣловала ее и затѣмъ обняла Мэри за талію.

Это движеніе какъ бы вывело сестеръ изъ напряженнаго состоянія. Первый восторгъ прошелъ. И когда чувство любви стало спокойнѣе, явилась потребность говорить. Лиза и Мэри почти одновременно заговорили, и теперь уже не боялись сказать что-нибудь некстати.

Разговоръ состоялъ сначала изъ коротенькихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Они слѣдовали одинъ за другимъ очень быстро и касались самыхъ разнообразныхъ вещей.—«Что̀, какъ въ деревнѣ?»—«Трудно ли жить?»—«Отчего не писала»?—«Въ деревнѣ прелесть».—«Жить трудно».—«Не писала—считала дѣвочкой».—«Что̀ maman?»—«Maman здорова».—«Есть книги?». — «Беремъ въ библіотекѣ».—«Ну, какъ у васъ вообще?»—«Вообще скучно».—«А ты надолго пріѣхала?» И такъ далѣе.

Главное было то, что сестры чувствовали, разговаривая, какъ онѣ сильно интересуются другъ другомъ. Глаза ихъ блестѣли, и розовыя губы одинаково улыбались, и румянецъ игралъ на щекахъ.

Взглядъ у Мэри былъ глубокій, темный, и Лиза была убѣждена, что такой взглядъ есть признакъ сильной натуры. Когда Мэри была дѣвочкой, Лиза почти не любила ее. Но теперь ей было непонятно, какъ она могла не любить ее.

Мэри, въ свою очередь, любовалась Лизой. Ей нравилось, что Лиза похожа на мать. У Лизы было такое же лицо, какъ и у Нины Сергѣевны, но только совсѣмъ молодое, свѣжее, съ ямками на щекахъ и подбородкѣ, и глаза были не тусклые, а яркіе и кроткіе, немного задумчивые. Ростомъ Лиза казалась выше матери, потому что полнота у ней была умѣренная, и она была стройна, какъ Фаничка.

Мэри подумала:

«О, еслибъ она помирилась съ maman!»

И сейчасъ же сказала это, причемъ застѣнчиво посмотрѣла на нее и схватила ея руку.

Фаничка присоединилась къ Мэри.

— Лиза! крикнула она. — Ахъ, Лиза! Мы опять зажили бы вмѣстѣ на антресоляхъ!

Лиза улыбнулась и пожала руку Фаничкѣ. Потомъ, обратившись къ Мэри, сказала серьёзнымъ тономъ:

— Этого нельзя, Мэри. Это никогда не будетъ. Это ужасно тяжело, но этого никогда не будетъ.

Мэри замѣтила, что въ ея глазахъ блеснули слезы, хотя голосъ былъ твердъ.

— Лиза! Лиза! крикнула Фаничка.

Лиза не отвѣтила. Она отошла къ окну и машинально понюхала розовый букетъ. Потомъ возвратилась на прежнее мѣсто и, горячо обнявъ Мэри, сказала, глядя ей прямо въ глаза влажнымъ ласковымъ взглядомъ:

— Мэри, я крѣпко тебя полюбила. Ты, должно быть, серьёзная и работящая головка. У тебя хорошее сердце. Ты поймешь, почему для меня никогда не можетъ быть возврата къ прошлому, когда узнаешь, что̀ заставило меня уйти отъ maman. Мнѣ жаль тебя, Мэри. Но надо тебѣ открыть глаза. И ты, Фаничка, должна узнать правду. Но я не могу вамъ сказать этого теперь, сейчасъ, потому что мнѣ тяжело вамъ исповѣдываться. Совѣсть у меня чиста, дѣло у меня чистое, а тяжело. Вы—почва нетронутая. Вамъ больно будетъ. Пусть въ другой разъ.

Мэри и Фаничка съ недоумѣніемъ смотрѣли на нее.

— Завтра... или лучше послѣзавтра... сказала она, поблѣднѣвъ.—Это мой долгъ! сказала она потомъ, какъ бы про себя, и, вставъ, пожала имъ руки.

Она ушла съ странной торопливостью. И онѣ тоже ушли, не заходя къ Лининымъ. Пьеръ вынесъ имъ въ галлерейку накидки. Одѣвая Фаничку, онъ взялъ ее за талію. Она покраснѣла и бросила ему косой взглядъ, не то сердитый, не то смѣющійся. Пьеръ почувствовалъ, что любитъ ее.

Мэри между тѣмъ была такъ погружена въ мысли о Лизѣ и о томъ, что̀ она назвала своимъ долгомъ, что ушла, забывъ попрощаться съ Пьеромъ и совершенно не замѣтивъ его глубокаго поклона. Уже на улицѣ вспомнила она объ этомъ, и ей стало досадно на себя и на свою разсѣянность.

XIII.

На другой день, Фаничка смотрѣла изъ окна своей комнаты и думала о Пьерѣ. Она видѣла нетолько дворъ, но и часть улицы. Улица была, по обыкновенію, пустынна. Но Фаничка надѣялась, что, можетъ быть, кто-нибудь пройдетъ по ней и на немъ будетъ соломенная шляпа и темный пиджакъ. Почти часъ

простояла она въ одной и той же позѣ: улица все была пустынна. Изрѣдка только поднимался невысокій вихрь и, кружась, убѣгалъ вдаль. Фаничка вздохнула и хотѣла отойти отъ окна.

Но на перекресткѣ показался священникъ въ траурной ризѣ, потомъ розовый гробикъ, пестрая кучка людей. Фаничка узнала среди нихъ Пьера и вздрогнула. Она набросила на себя накидку, надѣла шляпку, перчатки и впопыхахъ вбѣжала къ Мэри.

— Хоронятъ дѣвочку Лининыхъ... Вотъ сейчасъ... пронесли... начала она торопливо.—Пойдемъ, Мэри...

— Ты хочешь идти? сказала Мери, у которой голова болѣла отъ безсонной ночи.—Видишь, я совсѣмъ не одѣта... Нѣтъ, я не пойду. Зачѣмъ? спросила она вдругъ, наморщивъ брови. — Не пойду я, Фаничка! Меня это разстроитъ въ конецъ...

Фаничка махнула рукой и кинулась къ дверямъ.

— Смотри, maman очень разсердится! сказала Мэри, слегка повысивъ голосъ.

Фаничка опять махнула рукой и почти бѣгомъ спустилась съ лѣсенки. Она ни съ кѣмъ не встрѣтилась въ корридорѣ, осторожно пробралась черезъ гостинную, въ виду Нины Сергѣевны, сидѣвшей къ ней спиной, неслышно прошла по залѣ, хотя задѣла за кактусъ и оставила на его колючкахъ часть бахромки отъ накидки, и очутилась на улицѣ.

Процессія была еще недалеко. Вѣтеръ сильно рванулъ шляпку съ Фанички, и она, придержавъ ее обѣими руками и наклонивъ голову, быстро пошла впередъ, между тѣмъ, какъ ея платье, хлопая, било ее по ногамъ. Потомъ, минуты черезъ двѣ, вѣтеръ утихъ, она почувствовала запахъ ладана, услышала пѣніе священника и дьячка, и когда подняла голову, то увидѣла, что идетъ позади Пьера. Онъ велъ подъ руку Машу. Дальше шли еще какія-то барыни, съ недовольными лицами, старушка съ ястребинымъ носикомъ. Лининъ самъ несъ гробикъ Шурочки. Сѣдые волосы священника развѣвались изъ-подъ камилавки по вѣтру, и на порыжѣломъ бархатѣ ризы ярко сіялъ и сверкалъ широкій серебряный позументъ. Кадильница дымилась синимъ дымкомъ. Впереди процессіи шатался большой черный крестъ.

Фаничка почувствовала себя неловко среди чужихъ людей. Вѣдь и Маша была ей чужая—съ ней она была почти незнакома. Она пришла сюда ради Пьера и ей стыдно сдѣлалось, что она какъ будто обрадовалась этимъ похоронамъ, чтобъ повидаться съ нимъ. Ей захотѣлось вернуться домой. Но не было силы. Пьеръ былъ такъ близко!

Улица кончилась за садомъ Лоскотиныхъ, и путь расширился.

Надо было идти по выгону. Вдали хмурились деревья кладбища и блестѣлъ куполъ новой кладбищенской церкви.

Тутъ вѣтеръ поднялся съ прежней силой. Пыль врѣзалась въ глаза. Ленты у шляпокъ захлопали. Дамы повернулись назадъ, держа руки у колѣнъ. Пьеръ тоже повернулся, жмурясь.

Вдругъ онъ увидѣлъ дѣвушку и кивнулъ ей головой.

— Маша, сказалъ онъ:—Фанни Павловна!

Онъ обрадовался Фаничкѣ такъ искренно, что она не могла этого не замѣтить, и сердце ея сильно забилось.

Вѣтеръ опять упалъ. Маша взяла Фаничку подъ руку и сказала:

— Благодарю васъ за вниманіе.

Она была блѣдна и похудѣла. На щекахъ, возлѣ носа, видны были слѣды отъ высохшихъ слезъ. Локончики ея растрепались.

— Вы знаете, начала она тихо:—какъ она умерла? Бѣдненькая! Я смотрю, что̀ она такъ спокойно лежитъ въ своей кроваткѣ. Думаю себѣ, кажется, не дышитъ. Встаю въ темнотѣ и подхожу къ ней. Но не вѣрю, что она не дышитъ. Подхожу— чувствую, ручки холодныя. Тутъ я испугалась. Взяла, да палецъ ей въ ротикъ положила—неужели, думаю, и въ ротикѣ холодно? Боже мой, вдругъ крикнула она надорваннымъ шепотомъ:—а язычекъ у ней, какъ ледъ!

Она крѣпко оперлась на руку Фанички и положила ей на плечо голову. Но сейчасъ же, сдѣлавъ надъ собой усиліе, выпрямилась и опять пошла прежней походкой.

У Фанички скатилась слеза. Ей жаль стало эту бѣдную мать. И на минуту она забыла о Пьерѣ.

Процессія подвигалась. Лининъ крѣпился. Онъ усталъ, но продолжалъ самъ нести свою Шурочку и даже подтягивалъ священнику чуть слышнымъ баритономъ: «Святый Боже, святый крѣпкій...»

Вотъ жалобно зазвучали колокола. Фаничка вздрогнула. Всѣ остановились. Священникъ что-то читалъ и пѣлъ. Потомъ опять пошли торопливой походкой, широко шагая. Кладбище было близко, слышно было, какъ шумятъ его березы; и спѣшили скорѣе похоронить маленькій розовый гробикъ, отъ котораго всѣмъ было тяжело...

XIV.

Послѣ похоронъ, участвующіе въ процессіи разбрелись въ разныя стороны. Маша не сдѣлала поминальнаго обѣда, и нѣкото-

рыя дамы нашли, съ самымъ недовольнымъ выраженіемъ лица, что такъ и слѣдуетъ, потому что покойница—крошка. Священникъ, пряча деньги въ широкій карманъ подрясника, сказалъ Линину, обводя безоблачное небо тусклымъ взглядомъ:

— Скажите, какой вѣтеръ! Отчего бы?

Лининъ произнесъ:

— Движеніе воздуха...

Священникъ вздохнулъ и сказалъ:

— Да, физика... Теперь все физикой объясняютъ...

И, мудро помолчавъ, вдругъ поклонился, съ пріятной улыбочкой, подалъ Линину руку, любезно качнулъ камилавкой Машѣ и пошелъ къ церкви съ своимъ причетникомъ.

Фаничка и Пьеръ стояли вмѣстѣ во все время печальной церемоніи. Когда все кончилось и всѣ стали расходиться, они тоже пошли какъ будто домой, но имъ хотѣлось побыть наединѣ другъ съ другомъ и они вскорѣ очутились на другомъ концѣ кладбища.

Здѣсь деревья были старѣе и вѣтвистѣе, образуя надъ головой почти сплошной зеленый сводъ. Стройныя елочки росли подъ защитой высокихъ березъ. Могилы осѣли и дубовые кресты на нихъ почернѣли отъ времени и пошатнулись. Кое-гдѣ виднѣлся бугоръ свѣжей земли. Рѣдко попадались памятники, бѣлые, съ золотыми украшеніями, или мраморные, обнесенные чугунной рѣшоткой. Кладбище это было бѣдное, потому что богачей хоронили обыкновенно не на немъ, а въ монастырѣ.

Фаничка долго молчала. Пьеръ тоже молчалъ. Онъ велъ ее подъ руку и поддерживалъ, когда она спотыкалась о могилки дѣтей, густо поросшія сорными травами. Они шли и меланхолически смотрѣли по сторонамъ.

Наконецъ, Фаничка тихо сказала:

— Куда мы идемъ?

— Домой, отвѣтилъ Пьеръ.

Она взглянула на него, поднявъ бровь. Онъ улыбнулся.

— Нѣтъ, не домой, сказалъ онъ:—но сейчасъ—вотъ видите, канавка—кончится это кладбище... На меня оно навѣваетъ тоску... Да и на васъ — честное слово! И такъ, кладбище кончится, а за нимъ начнется поле...

Онъ указалъ рукой. Между стволами березъ, за неглубокой, осыпавшейся канавой, желтѣла густая рожь, еще зеленоватая, и мягко волновалась, то почти приникая къ землѣ, то вдругъ расправляясь и качая въ разныя стороны своими безчисленными колосьями.

— Ну, поле... Ну, что-жь?.. сказала Фаничка, глядя на рожь и думая, что maman дѣйствительно не похвалитъ ее за ея

участіе въ похоронахъ. Въ тоже время она подумала о дамахъ, которыя шли въ процессіи и которыя могли замѣтить, что она вдругъ исчезла вмѣстѣ съ Пьеромъ. Ей сдѣлалось досадно, она покраснѣла. Но невольно прижалась къ Пьеру.

— Какъ что-жь? подхватилъ между тѣмъ Пьеръ и ласково посмотрѣлъ ей въ глаза. У него были мягкія, длинныя рѣсницы, какъ и у ней, и взглядъ его, казалось ей, горѣлъ чарующимъ блескомъ, такъ что она потупилась, готовая во всемъ повиноваться ему. — Мы перейдемъ поле, продолжалъ Пьеръ: — и посидимъ полчаса гдѣ-нибудь... въ затишьи... Тамъ, я знаю, есть прелестный оврагъ... весь въ шиповникѣ...

— Я знаю, робко сказала Фаничка. — Но я думала, что мы пройдемся только по кладбищу.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно! вскричалъ Пьеръ: — пойдемте туда!

Потомъ онъ прибавилъ:

— Мнѣ хочется вамъ что-то сказать...

Она спросила:

— Чтò?

И сердце ея тревожно забилось.

Онъ наклонился къ ней.

— Этого нельзя сказать сразу, прошепталъ онъ.

— Отчего? прошептала она, нѣжно сжимая его руку.—Скажите сразу, сейчасъ. Прошу васъ.

Онъ подумалъ.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ.—Но только все-таки пойдемте туда... Знаете, я васъ люблю, Фаничка. А вы меня?

Глаза его блистали. Онъ обнялъ ее и ждалъ отвѣта.

Фаничка посмотрѣла на него влажнымъ, счастливымъ взглядомъ и сказала:

— Зачѣмъ отвѣтъ?

И тихо засмѣялась.

— Ну, вотъ вамъ отвѣтъ! сказала она и протянула губы къ его уху, причемъ онъ, улыбаясь, наклонилъ голову.

— Я васъ тоже люблю! произнесла она чуть слышнымъ шопотомъ. Въ горлѣ у ней что-то прохрипѣло, колѣни ея слегка подкосились. Пьеръ подхватилъ ее за талію и покрылъ поцѣлуями ея лицо.

— Пойдемте же! сказалъ онъ съ тоской.

Но ей опять вдругъ вспомнились дамы и maman. Она повернула голову въ страхѣ, не подсматриваетъ ли кто за ними. За низко опустившейся сквозной зеленью плакучей березы стоялъ приземистый черный крестъ, точно человѣкъ, распростершій

руки. Фаничка отшатнулась отъ Пьера. Ужасъ овладѣлъ теперь ею. Она побѣжала.

— Фаничка! крикнулъ Пьеръ. — Что̀ съ вами? Неужели мы не пойдемъ туда?

Онъ догналъ ее и взялъ за локти.

— Фаничка! сказалъ онъ съ упрекомъ.—Фаничка!

— О, Пьеръ! сказала она.—Я боюсь. Ради Бога, проводите меня домой... Ради Бога!

Пьеръ никогда не видѣлъ ее такою. Она была блѣдна и, казалось, постарѣла. Онъ робко спросилъ:

— Чего жь вы боитесь?

— Всего, отвѣчала она.

— И меня? спросилъ онъ съ улыбкой.

Она сказала:

— И васъ. Я васъ люблю, Пьеръ, но боюсь, что я съ вами одна.

— О, какъ вамъ не стыдно! сказалъ Пьеръ.—На васъ просто это противное кладбище дѣйствуетъ. Слышите, Фаничка? Посмотрите-ка на меня и вернемтесь...

— Нѣтъ, сказала Фаничка упрямо.

Онъ замолчалъ, вздохнувъ. Они вышли на дорожку. Пока тянулось кладбище, Фаничка все дрожала. Но когда она увидѣла, что выходъ уже близко, то мгновенно успокоилась.

— Знаете что̀! сказала она тутъ.—Пойдемъ туда въ другой разъ. Хорошо?

Пьеръ что-то промычалъ—Фаничка не разслышала. Онъ былъ сердитъ на нее.

Они вышли изъ воротъ и очутились на просторѣ.

Фаничка сказала:

— Посмотрите, какое странное небо сдѣлалось... сѣро-желтое... А на солнце можно смотрѣть и нисколько не больно...

Пьеръ поднялъ голову, глянулъ кругомъ и опять промычалъ что-то.

— И вѣтра нѣтъ, сказала Фаничка.

Румянецъ вернулся на ея щеки, глаза горѣли попрежнему, губы были красны и влажны. Она пожала нѣсколько разъ подъ накидкои руку Пьеру, но онъ не отвѣчалъ на ея пожатіе. Тогда ей захотѣлось, во что бы ни стало, расшевелить его.

— Что съ тобой? спросила она его съ тихимъ смѣхомъ.

— Съ *тобой?* переспросилъ онъ, и вдругъ лицо его прояснилось.—Ты меня обидѣла, Фаничка. Но дай мнѣ слово, что ужь больше такой сцены не повторится!

Фаничка покраснѣла.

— Прости меня! сказала она шепотомъ.

Онъ пожалъ ей подъ накидкой руку.

— На дняхъ пойдемъ туда? сказалъ онъ.

Она кивнула головой.

Они были въ виду знакомыхъ тополей и вошли въ улицу. Потянулся заборъ сада. Фаничкѣ показась, что въ одной изъ щелей сверкнулъ чей-то яркій глазъ. Она ускорила шагъ.

У воротъ Пьеръ сказалъ ей:

— А пока до завтра... Лиза вѣдь васъ будетъ ждать непремѣнно, ну, и увидимся. Линины уѣзжаютъ на нѣсколько дней въ деревню къ его роднымъ... Такъ что въ квартирѣ свободно... До завтра, Фаничка!

Онъ поклонился и торопливо пошелъ домой. Фаничка, съ сильно бьющимся сердцемъ, пробралась на антресоли. Тамъ никого не было. Она бросилась къ окну, чтобы успѣть увидѣть еще разъ Пьера. Но онъ уже скрылся изъ вида. Только опять пробѣжали одинъ за другимъ невысокіе вихри. Небо вдругъ стало свинцовымъ. Громко хлопнула калитка. Въ воздухѣ завертѣлся клочекъ бѣлой бумаги, и вдругъ на дворѣ, съ земли, сѣрымъ столбомъ, поднялась пыль, віясь и крутясь, и стекла въ окнахъ слабо задребезжали.

XV.

За часъ до прихода Фанички, Нина Сергѣевна получила пригласительное письмо отъ Черемисовыхъ—отъ Клавдіи Аполосовны и ея мужа—на̀ вечеръ десятаго. Оно обрадовало ее и опечалило. «Дай Богъ, подумала она:—чтобъ все обошлось въ пятьдесятъ. Пожалуй, и цѣлыхъ семьдесятъ вылетитъ. Лоскотины не могутъ явиться въ общество какъ-нибудь». Она положила возлѣ себя письмо и стала курить, производя особенно много дыма и сурово посматривая на Антипьевну.

— Позови-ка барышенъ, сказала она.

Антипьевна отправилась наверхъ, и Мэри вскорѣ пришла, застегивая на ходу кофточку.

— А Фаничка? спросила ее Нина Сергѣевна.

— Фанички нѣтъ...

— Гдѣ-жь она?

— Увидала изъ окна... чьи-то похороны и пошла... сказала Мэри, не глядя на мать.

Нина Сергѣевна помолчала.

— Отлично! произнесла она затѣмъ.

Черезъ нѣкоторое время она сказала:

— Этого еще недоставало!

Потомъ прибавила саркастически:

— Плакальщица!

Потомъ вскричала:

— Нѣтъ, это невыносимо!

И сильно топнула ногой, придавивъ любимаго своего кота, который, въ испугѣ, шмыгнулъ съ террасы въ кусты, мяукая. Тутъ весь корпусъ Нины Сергѣевны заволновался, руки и плечи затряслись, лицо налилось кровью. Она схватила чубукъ и замахнулась на Мэри.

Дѣвушка поблѣднѣла. Она растерялась до того, что не могла тронуться съ мѣста, и только протянула руку въ видѣ щита.

— Прочь! крикнула Нина Сергѣевна, задыхаясь.

Блѣдное лицо Мэри раздражало ее.

— Прочь, говорю! крикнула она и ударила Мэри по рукѣ.

Мэри слабо застонала и отшатнулась.

Тогда гнѣвъ Нины Сергѣевны такъ же скоро упалъ, какъ и выросъ. Его замѣнилъ стыдъ. Ей захотѣлось броситься къ Мэри и покрыть ее поцѣлуями. Но что-то помѣшало. Что-то прошептало ей: «Не роняй своего достоинства, ты вѣдь мать». Она сидѣла въ своемъ креслѣ и тяжело дышала, не то удовлетворенная, не то виновная, страстно желая какъ-нибудь мирно покончить всю эту исторію и не зная какъ. Была минута, когда она ждала, что Мэри подойдетъ къ ней и поцѣлуетъ у ней руку. Но Мэри не подходила. Новая досада начинала закипать въ ея груди. Наконецъ, она рѣшилась сама позвать дочь.

— Мэри! сказала она съ усиліемъ.

Мэри сидѣла въ гостинной и тихо плакала. Услышавъ зовъ матери, она поспѣшила вытереть слезы и явилась къ ней.

— Я погорячилась, сказала Нина Сергѣевна, глядя въ садъ:— ты тутъ ни причемъ. Я сердце сорвала... Ты пойми мое положеніе, Мэри! Я отвѣчаю за васъ передъ Богомъ и людьми! Что могутъ сказать о Фаничкѣ, когда узнаютъ, что она таскается одна по какимъ-то похоронамъ?

Она замолчала. Мэри тоже молчала. Она подумала: «Фаничка, можетъ быть, не одна, а съ Пьеромъ». И эта мысль, которая и раньше приходила ей, была для нея больнѣе удара, полученнаго отъ матери.

— Вотъ письмо Черемисовыхъ, сказала затѣмъ Нина Сергѣевна дочери, какъ бы въ утѣшеніе.—На, прочти!

Мэри прочитала.

— Черезъ недѣлю... надо спѣшить... начала Нина Сергѣевна,

все больше и больше успокоиваясь.—Туалеты надо... по сезону. Теперь, впрочемъ, не разберешь что—весна или лѣто... У madame Сесиль, конечно... Сегодня или завтра поѣзжай къ ней... Я дамъ денегъ.

Она пошевелила губами и, съ облегченіемъ вздохнувъ, закурила трубку.

— Найди Ваську! сказала она Антипьевнѣ, держа въ зубахъ янтарный мундштукъ.

Мэри постояла на террасѣ и, понуривъ голову, медленно сошла въ садъ.

Она не думала ни о балѣ, ни о платьяхъ. Рука у ней болѣла, но она и о ней не думала. Она простила матери, какъ простила ей и многія другія такія же вины. Она была убѣждена, что мать добрая. Она не думала даже о сестрѣ Лизѣ, хотя всю предыдущую ночь Лиза не выходила у ней изъ головы. Она думала теперь только о Пьерѣ и Фаничкѣ. Мысль, что они вмѣстѣ, терзала ее.

XVI.

Вихрь со двора перенесся въ садъ. Деревья зашумѣли, и листья и свѣжія зеленыя вѣтки стали вертѣться въ воздухѣ, и что-то затрещало и рухнуло наземь. То упалъ самый старый тополь, загромоздивъ цвѣтникъ передъ террасой. Весь садъ волновался, все никло, трепещущая зелень казалась блѣдной. Нина Сергѣевна во-время покинула террасу, но забыла взять табачницу; черезъ секунду, она увидѣла въ стеклянныя двери гостинной облако желтой пыли, которое быстро исчезло въ общемъ вихрѣ. Домъ дрожалъ. Въ комнатѣ было темно, точно внезапно смерклось.

— Ахъ, Фаничка, Фаничка! воскликнула Нина Сергѣевна съ искренней тревогой.

— Фаничка пришла, угрюмо замѣтила Мэри, собираясь идти на антресоли.

— Пришла? радостно сказала Нина Сергѣевна.—Ну, слава Богу!—Она перекрестилась.—Ты почемъ знаешь? спросила она ее затѣмъ съ недовѣріемъ.

— Видѣла, отвѣтила Мэри. — Въ заборѣ щель... Нечаянно увидѣла...

Она смутилась и остановилась передъ окномъ, уныло глядя на упавшій тополь.

— Позови Фаничку... Приходите обѣ ко мнѣ! сказала ей Нина

Сергѣевна. — Боже, что̀ дѣлается! Непремѣнно обѣ приходите повторила она, нахмурившись.

Мэри ушла.

Вихрь понесся дальше, но вѣтеръ продолжалъ дуть, наклоняя деревья и кусты въ разныя стороны, безпорядочный, зловѣщій. Небо низко висѣло надъ землей, темное, съ желтоватымъ отсвѣтомъ. Гдѣ-то, въ неопредѣленной дали, чуть слышно грохотало. И казалось, что сумракъ, все собою наполнявшій, слабо мерцаетъ.

Нина Сергѣевна боялась грозы. Когда пришли барышни, причемъ Фаничка, которой Мэри все ужъ передала, мило улыбалась, потому что она всегда такъ улыбалась, чувствуя себя виноватой—Нина Сергѣевна велѣла имъ сѣсть на диванѣ, гдѣ и сама сидѣла, и обняла ихъ, вся дрожа.

— Молитесь, дѣти! сказала она имъ, взглянувъ на богатую икону въ углу, гдѣ теплилась лампадка.

— А у васъ горитъ лампадка? спросила она потомъ.

— Горитъ, сказала Фаничка, радуясь, что погода мѣшаетъ матери говорить о чемъ-нибудь другомъ — о томъ, напримѣръ, что неприлично участвовать въ нѣкоторыхъ похоронныхъ процессіяхъ.

— Антипьевна! крикнула Нина Сергѣевна, внезапно вспомнивъ болѣе или менѣе вѣрное средство отъ грозы:—принеси-ка скорѣе изъ моей спальни страстну̀ю свѣчу, да зажги ее у лампадки!

Антипьевна, которая стояла у дверей и глядѣла въ садъ, думая, что «не къ добру упала самая старая топо̀ля», засуетилась, побѣжала изъ гостиной и принесла свѣчу.

— Обойдемъ-ка вокругъ всѣ комнаты! сказала Нина Сергѣевна, беря свѣчу и поднимаясь съ мѣста.—Пойдемъ, дѣти!

Всѣ встали и пошли. Въ полутемныхъ, большихъ комнатахъ странно замирали шаги этой медленно двигающейся группы. Тусклое пламя свѣчи бросало блѣдный, красноватый свѣтъ на лица. Губы Нины Сергѣевны беззвучно шептали молитвы. Фаничка, увидѣвъ въ залѣ, въ зеркалѣ, свое отраженіе, прижалась къ Мэри. «Зачѣмъ еще эта процессія?» подумала она съ испугомъ. До этого момента она не боялась грозы, а теперь стала бояться, и при каждомъ порывѣ вѣтра ожидать чего-нибудь страшнаго и необычайнаго.

Возвратились въ гостинную и опять сѣли. Всѣ были блѣдны. Громъ рокоталъ уже ясно. Страстна̀я свѣча продолжала горѣть и мигала. Ее миганія, казалось, становились все ярче и ярче. И вдругъ вся гостинная наполнилась ослѣпительно-бѣлымъ свѣ-

томъ, и небо точно рухнуло на землю съ трескомъ и какимъ-то дребезжащимъ острымъ звукомъ, грознымъ и необъятнымъ. Нина Сергѣевна вскрикнула и прижалась къ дочерямъ, которыя сами были испуганы смертельно.

— Не бойтесь, maman, сказала Мэри взволнованнымъ голосомъ.

— Я не боюсь, дѣти, слезливо отвѣчала Нина Сергѣевна.— Вы только молитесь! пожалуйста, молитесь...

— Maman, перейдемъ въ спальню, возбужденно сказала Фаничка.—Тутъ бронза. Металлъ притягиваетъ молнію...

Нина Сергѣевна сейчасъ же вскочила и перебралась съ дочерьми въ спальню.

Громъ продолжалъ гремѣть, молніи вспыхивали. Хлынулъ крупный дождь. Онъ громко барабанилъ по стекламъ, которыя, казалось, таяли, точно пластинки льда. Конюшня, ворота, кухня, колодецъ, всѣ предметы на дворѣ лишились какъ будто очертаній, расплылись въ мутной дымкѣ ливня.

Но небо уже прояснилось въ одномъ мѣстѣ. Надъ крышей конюшни показалась узкая свѣтлая полоска. Нина Сергѣевна, увидѣвъ ее, почувствовала себя бодрѣе. Лица барышенъ, въ особенности Фанички, расцвѣли. Сумракъ въ комнатахъ сталъ рѣдѣть, и хоть отъ времени до времени и слышались пока раскаты грома, но было уже очевидно, что бѣда прошла мимо и бояться чего-нибудь еще—просто смѣшно.

— Пусть накрываютъ столъ! сказала Нина Сергѣевна, пріятно вздохнувъ.

XVII.

Вскорѣ дождь почти пересталъ и капалъ только съ крыши большими свѣтлыми каплями. Небо, свинцовое и хмурое, мѣстами уже синѣло. Тамъ и сямъ плыли полупрозрачныя облака. Изъ оконъ столовой виднѣлся садъ; зелень его снова стала яркой. Цвѣты въ клумбахъ были смяты, и тополь, зеленой громадой, лежалъ поперекъ лужайки передъ террасой. Мокрыя дорожки были усѣяны свѣжими листьями, вѣтками, завязями плодовъ. На одной яблони висѣла тряпка, занесенная сюда изъ кухоннаго задворка вихремъ. Нина Сергѣевна сидѣла за столомъ и, въ ожиданіи перваго блюда, смотрѣла на пострадавшій отъ бури садъ и качала головой.

— Сколько убытковъ! говорила она.

Показалась фигура садовника. Онъ останавливался передъ

фруктовыми деревьми и тоже качалъ головой. Нина Сергѣевна слѣдила за нимъ, пока его не скрыла зелень сада.

Фаничка, хотя очень обрадовалась, что гроза прошла, но съ нѣкоторыхъ поръ стала сильно безпокоиться. Чѣмъ болѣе прояснялось небо, тѣмъ неизбѣжнѣе, казалось ей, объясненіе съ maman и тѣмъ милѣе она улыбалась, посматривая на сестру и часто поднимая бровь.

Но подали супъ съ вермишелью, подали утку подъ кисленькимъ соусомъ, подали шпигованную телятину и саладъ — Нина Сергѣевна не заговарила о похоронахъ. Она ѣла, какъ всегда, съ большимъ аппетитомъ. Дѣлала хозяйственныя замѣчанія и велѣла сказать повару, недавно поступившему на мѣсто, что супомъ она «недовольна—немного пересоленъ—а прочее хорошо». «Пусть старается», прибавила она поощрительно, вытирая салфеткой ротъ и подбородокъ. Фаничка постепенно успокоилась. «Ничего, кажется, не будетъ», подумала она.

Между тѣмъ, на свинцовой части неба заиграла радуга. Затѣмъ гдѣ-то блеснуло солнце. Капли дождя заискрились на зелени сада, облака вспыхнули. Нина Сергѣевна улыбнулась и, откинувшись на спинку кресла, стала оживленно бесѣдовать съ дочерьми по поводу предстоящаго вечера у Клавдіи Аполлосовны.

«Совсѣмъ ничего не будетъ», сказала себѣ Фаничка и, когда рѣчь зашла о туалетахъ, сдѣлала нѣсколько смѣлыхъ замѣчаній насчетъ бюста Мэри, увѣряя, что ей нельзя быть декольтэ. Мэри покраснѣла, Нина Сергѣевна стала спорить съ Фаничкой. Но та перебила ее и, поднося руки къ ушамъ и тряся головой, упрямо кричала:

— Нельзя, нельзя!

Нина Сергѣевна замолчала, пошевелила губами и сурово повернула къ ней свои желтоватые бѣлки. Фаничка потупилась и подняла бровь. Губы ея сложились въ улыбку.

«Надѣлала бѣды!» думала она, толкая Мэри ногой.

Но Нина Сергѣевна ничего не сказала. Она все только смотрѣла на Фаничку.

Въ это время принесли мороженное въ тонкихъ стаканчикахъ на подносѣ, покрытомъ бѣлой салфеткой.

Фаничка вскрикнула:

— Ахъ, прелесть! Это хорошо, maman, что вы догадались, наконецъ, велѣть... Я давно хочу!

И протянула руку къ стаканчику, улыбаясь и чувствуя, что поведеніе ея безтактно, потому что, напримѣръ, слѣдовало пред-

оставить maman первой взять съ подноса, и вообще не говорить съ ней такимъ языкомъ.

Но Нина Сергѣевна опять ничего не сказала и даже перестала смотрѣть на Фаничку. Она взяла стаканчикъ съ мороженымъ и стала торопливо ѣсть.

Послѣ обѣда Мэри и Фаничка подошли къ ней, чтобы поцѣловать у ней руку. Она протянула руку Мэри, но Фаничкѣ только энергически погрозила пальцемъ. Потомъ сказала ей:

— Фаничка! Я все вижу! Я все знаю! Берегись!

Фаничка вздрогнула и поблѣднѣла. «Все? Что̀ все?» подумала она и хотѣла, повернувшись къ сестрѣ, улыбнуться, но улыбки не вышло. «Что̀ все?» спросила она сама себя еще разъ и медленно, не глядя на мать, стала пробираться въ гостинную, чтобы затѣмъ шмыгнуть на антресоли.

XVIII.

На подносѣ оставались еще стаканчики съ мороженымъ. Нина Сергѣевна, перешедши въ гостинную, велѣла подать ихъ себѣ и, кликнувъ Мэри, предложила ей стаканчикъ и сама стала опять ѣсть.

— Мэри! сказала она нѣжно, чувствуя позывъ ко сну. Обыкновенно, она засыпала въ креслахъ стариннаго фасона, нарочно устроенныхъ для послѣобѣденной дремы.—Мэри!

Мэри, по тону этого обращенія, заключила, что maman помнитъ еще свою неправоту и желаетъ загладить вину ласковой бесѣдой.

«Она очень добрая, у ней мягкое сердце», сказала себѣ дѣвушка и, подойдя къ Нинѣ Сергѣевнѣ, съ увлеченіемъ поцѣловала ее въ плечо.

У Нины Сергѣевны навернулись слезы. Она была тронута. Она подумала: «Нѣтъ, *эта* никогда не погибнетъ». Потомъ у ней мелькнула мысль: «А Фаничка развѣ погибнетъ? Она точь въ точь я, когда мнѣ было семнадцать лѣтъ. Она ртуть. Пусть себѣ! Надо только присматривать».

— Мэри! сказала она. — Возьми тамъ — она показала глазами на этажерку—свѣжую пачку табаку и набей мнѣ трубку.

Мэри быстро отыскала, вскрыла пачку, и набила трубку. Нина Сергѣевна позволяла дочерямъ набивать ей трубку лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. И это было зна̀комъ большого благоволенія.

«Она добрая», еще разъ сказала себѣ Мэри.

Нина Сергѣевна, между тѣмъ, пустивъ клубъ дыма и почувствовавъ пріятное опьяненіе, сказала:

— Такъ ты меня любишь, Мэри?

— Maman! произнесла Мэри съ улыбкой.

— Не считаешь злою?

— Maman! повторила Мэри.

— Другъ мой! сказала Нина Сергѣевна, которой вдругъ захотѣлось видѣть вокругъ себя вмѣсто страха—умиленіе, вмѣсто будней—праздникъ, и даже чѣмъ-нибудь пожертвовать, со слезами радости на глазахъ, чтобы этотъ праздникъ длился вѣчно.— Другъ мой, дитя мое! продолжала она съ мечтательнымъ вздохомъ:—люби меня!

Она остановилась. Вѣки ея слегка отяжелѣли.

— Меня трудно любить, начала она, подымивъ трубкой:—потому что я раздражительная—я много страдала—но кто меня знаетъ, тотъ всегда скажетъ, чуо у меня золотое сердце. Мэри! Ты большая, тебѣ двадцать лѣтъ... Знай—никто меня не могъ оцѣнить... Твой покойный папа не могъ меня оцѣнить... Лиза—Богъ съ ней! Но все-таки...

Она махнула рукой. Вѣки ея стали слипаться.

У Мэри сильно забилось сердце. «Лиза!?» чуть не крикнула она. Она опустилась на колѣни и схватила руку Нины Сергѣевны. Та посмотрѣла на нее, сонно улыбаясь.

— Я не понята, прошептала она.—Но, можетъ быть, ты меня поймешь.

— Maman! сказала Мэри въ волненіи.—Что̀ у васъ произошло съ Лизой? Вѣдь она тоже добрая, удивительная — какже это случилось!?

Никогда Мэри не заговаривала о старшей сестрѣ. Слово «Лиза» нельзя было произносить въ домѣ Лоскотиныхъ. Но теперь Мэри была проникнута радостью, что maman съ нею откровенна и даже первая вспомнила о Лизѣ. Она была убѣждена, что maman не разсердится. И ей такъ страстно, къ тому же, хотѣлось склонить ее въ пользу Лизы!

Нина Сергѣевна, дѣйствительно, не разсердилась. Въ этотъ день она не могла ужь сердиться. Она могла вспыхнуть на секунду, но сейчасъ же ее одолѣвала какая-то усталость и ея гнѣвъ пропадалъ самъ собой.

Теперь и секундной вспышки не было. Только сонъ ея на время улетѣлъ. Она наклонила лицо къ Мэри, глаза которой выражали мучительную тоску, и посмотрѣла на нее серьёзнымъ взглядомъ, опустивъ на полъ трубку.

— Мэри, ты задала мнѣ трудный вопросъ. Ты должна была вѣрить, что я тутъ права... сказала она сурово.

Глаза Мэри покрылись слезами; но она не потупилась, а продолжала ждать, что̀ еще скажетъ мать.

— Не спорю, что Лиза удивительная, продолжала Нина Сергѣевна:—но она злая, а не добрая... О, еслибы она была добрая! Еслибы у ней было твое сердце!

Она взяла Мэри за подбородокъ и лицо ея прояснилось.

— Мэри! сказала она, просительно тряся головой:—не разспрашивай меня больше.

И, поднеся къ губамъ мундштукъ, начала опять дымить.

Но Мэри покрыла поцѣлуями ея руку и плечо, и горячо сказала:

— Maman! милая, вы не знаете, какъ это меня терзаетъ! Я ночь не спала сегодня—все думала о Лизѣ. Maman! Ради Бога! Какъ это случилось?

— Ты помнишь ка̀къ, сказала Нина Сергѣевна, не глядя на дочь.—Она передала узелокъ этой своей... какъ ее... Машѣ, а сама ушла будто въ библіотеку. Съ тѣхъ поръ не возвращалась.

— Maman, сказала Мэри.—Это я знаю... Это не то...

— Потомъ, продолжала Нина Сергѣевна все тѣмъ же тономъ:—я получила отъ нея письмо. Она писала о документахъ. Я посовѣтовалась и выслала ей всѣ бумаги...

— Не то!.. Но отчего-жь она ушла? съ тоской спросила Мэри.

— Оттого, что она врагъ нашъ! возбужденнымъ шопотомъ сказала Нина Сергѣевна, опять наклонивъ лицо къ дочери и опустивъ чубукъ.—Нашъ заклятый врагъ! повторила она. — Вотъ отчего!

— Какъ это? тоже шопотомъ, поблѣднѣвъ, спросила Мэри.

— Ну, такъ знай, Мэри, сказала Нина Сергѣевна съ плачевнымъ выраженіемъ лица, утомившись отъ этого разговора:—что она нетолько возмутилась противъ меня, своей крови, но и противъ сословія, къ которому принадлежали ея дѣды и прадѣды, противъ всего дворянства, и объявила мнѣ, что ей стыдно, что у насъ такъ много земли, что надо возвратить ее мужикамъ... Ты слышишь, Мэри? И это она говорила серьёзно, съ сумасброднымъ упрямствомъ, а я цѣлый годъ терпѣла это и надрывалась съ нею... Такъ что когда она ушла, то, повѣрь, Мэри, я почувствовала облегченіе... Нѣтъ, не говори о ней! вскричала она въ волненіи:—не могу я... Она мнѣ не дочь... Она ни разу не заглянула мнѣ въ сердце... Нѣтъ!!

Она съ силой потянула изъ чубука и обдала Мэри цѣлымъ облакомъ дыма.

— Уйди отъ меня! сказала она ей недовольнымъ голосомъ:— ты меня разстроила.

Но Мэри не ушла. Лицо у ней было блѣдно, она вся дрожала.

— Maman! сказала она почти строго: — и ничего больше не произошло у васъ?

Нина Сергѣевна съ удивленіемъ посмотрѣла на дочь. Сквозь струйки дыма она увидѣла ея темные глаза, въ которыхъ свѣтился упрекъ.

Она сердито крикнула:

— Уйди!

Но когда Мэри, вздохнувъ, встала и хотѣла уходить, она удержала ее и сказала прежнимъ нѣжнымъ тономъ:

— Мэри! Ты сейчасъ подумала, что я не добрая... Грѣхъ тебѣ, Мэри!..

Слезинка скатилась у ней по щекѣ и упала на грудь.

— Мэри, клянусь тебѣ, продолжала она:—что Лизу я люблю, хотя она и врагъ нашъ... Теперь много такихъ, какъ она, и она, можетъ быть, не виновата... Ее завлекли... Виновата я, что давала ей свободу... что позволяла ей отступать отъ порядка, искони заведеннаго въ нашемъ домѣ... Мэри! ты думаешь, я не терзаюсь? Знаешь ли ты, что еслибы она, эта несчастная, погибшая дочь, вдругъ возвратилась и попросила прощенія, я приняла бы ее... Приняла бы, будь она въ лохмотьяхъ, будь она опозорена, унижена... Ахъ, Мэри, пойми меня!

Она тихо заплакала. Плечи ея чуть-чуть потрясались. Мэри съ скорбнымъ недоумѣніемъ смотрѣла на нее. Ей хотѣлось сказать, что Лиза не въ лохмотьяхъ, что можно повидаться съ ней и, можетъ быть, уговорить, если не жить вмѣстѣ, то хоть примириться съ maman. Но она никакъ не могла сказать этого. Ей казалось, что права Лиза, если только *это* произошло у ней съ maman. Ее охватило странное волненіе. Душа болѣла. Она подумала, что maman не понимаетъ Лизы, и все горе въ этомъ. Ей жаль стало maman. Она припала къ ея рукѣ и просила ее успокоиться, обѣщая не говорить больше объ этомъ.

Нина Сергѣевна положила ей на голову руку и погрузилась въ грустныя размышленія. Она перестала плакать и удивлялась своей добротѣ. И, слегка качаясь въ креслахъ, вдругъ мягко уронила на полъ чубукъ и заснула.

XIX.

Когда Мэри пришла въ свою комнату, Фаничка, поджидавшая ее, вбѣжала къ ней съ тревожнымъ лицомъ и сказала, схвативъ ее за руку:

— Что̀ это значитъ? Кто насплетничалъ? Какъ тебѣ не стыдно, Мэри!

Губы ея дрожали, глаза блестѣли.

Мэри пожала плечами.

— О чемъ ты это? спросила она сухо.

Фаничка капризно посмотрѣла на нее и топнула ногой.

— Мэри, не притворяйся! крикнула она.

Мэри сдѣлала гримасу.

— Рѣшительно ничего не понимаю, сказала она и насмѣшливо улыбнулась.

Глаза ихъ встрѣтились.

— Мэри! вскричала Фаничка съ тоской. — Что̀, *все* знаетъ maman?

— Ахъ, ты про *это*! воскликнула Мэри и нахмурила брови.—Ты про это! повторила она, потупившись, и вдругъ замолчала.

Фаничка нѣсколько секундъ жадно глядѣла ей въ лицо.

— Ну?

— Maman ничего не знаетъ такого особеннаго, сказала, наконецъ, Мэри и медленно подняла на сестру свои глаза.—Знаетъ только, что ты была на похоронахъ.

Фаничка покраснѣла. Глаза сестры, казалось, видятъ ее насквозь. Ей сдѣлалось невыразимо стыдно. «Maman не знаетъ, такъ Мэри знаетъ», подумала она съ испугомъ. И она сама теперь потупилась и стояла, не трогаясь съ мѣста, точно оцѣпенѣла, между тѣмъ, какъ краска все гуще и гуще заливала ея лобъ, уши, щеки, подбородокъ...

— Пусти меня, Фаничка! тихо сказала Мэри и сдѣлала движеніе, чтобы сѣсть.

Фаничка выпустила ея руку. Она чувствовала, что необходимо сказать что-нибудь веселое и умное, чтобъ загладить свой промахъ, чтобъ замаскировать это внезапное смущеніе. Но въ головѣ былъ講 ералашъ, пустота. «Поцѣлуй въ губы, въ губы, въ губы, три поцѣлуя, пять поцѣлуевъ, милліонъ поцѣлуевъ», неслышно шептала она сама себѣ. Потомъ также неслышно начала: «Разъ-два — по дрова, три-четыре — прицѣпили, пять-

шесть—хлѣбъ ѣсть, семь-восемъ—сѣно косимъ»... Эти пустяки заняли все ея вниманіе. Она напряженно улыбалась, въ ушахъ у ней шумѣло. Наконецъ, ей стало смѣшно. Тряся плечами и закрывъ лицо рукой, она, съ громкимъ хохотомъ, убѣжала отъ сестры, которая посмотрѣла ей въ слѣдъ, болѣзненно наморщивъ лобъ.

Бросившись на свою софу, Фаничка схватила себя за голову, и мало-по-малу мысли ея пришли въ порядокъ. Она нашла, что вела себя глупо, какъ никогда. «Чего я испугалась? спрашивала она себя.—Въ самомъ дѣлѣ—что̀ могла особеннаго узнать maman? На кладбищѣ никого не было! Да и Мэри — что она можетъ знать? Что я съ Пьеромъ шла подъ руку? Хха-ха! Какая я дура! Чего было стыдиться, краснѣть! Конечно, она видѣла—это ея былъ глазъ... Ну, и надо было сказать, что встрѣтилась съ Пьеромъ... И ничего бы глупаго не вышло!»

Она полежала нѣсколько минутъ, размышляя на эту тэму и выдергивая клокъ за клокомъ шерсть изъ софы; потомъ вскочила и опять отправилась къ сестрѣ.

Мэри сидѣла у столика и пристально читала евангеліе, маленькое, въ золотообрѣзномъ переплетѣ. Она повернула голову и взглянула на Фаничку недовольнымъ взглядомъ.

Фаничка улыбнулась и, остановившись на порогѣ, сказала:

— Мэри! Я забыла тебѣ передать — на похоронахъ я видѣлась съ Пьеромъ и онъ просилъ тебѣ напомнить, что Лиза будетъ завтра... Видишь, хорошо, что я пошла... Да, Мэри?

— Лиза намъ сама сказала, что послѣзавтра... значитъ, завтра... произнесла Мэри.

Фаничка растрепала клокъ шерсти, который захватила съ собою, сдунула его по частямъ на полъ и сказала вдругъ съ оживленіемъ:

— Да, самое главное, и забыла! Линины уѣзжаютъ, такъ что намъ будетъ свободно...

Мэри нетерпѣливо пожала плечами и опять взялась за евангеліе. Но потомъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, ласково сказала:

— Извини меня, Фаничка. Мнѣ некогда...

Фаничка ушла и слышно было, какъ она вскорѣ весело запѣла. Мэри не могла читать, когда шумятъ, а теперь это пѣніе ей было особенно непріятно. Она встала, замѣтила на полу шерсть, брезгливо собрала ее и бросила въ жестяной ящикъ съ соромъ, стоявшій въ маленькой передней. Затѣмъ, надѣвъ калоши, сошла въ садъ взглянуть ближе что̀ надѣлала буря.

XX.

День, назначенный Лизой сестрамъ, былъ у ней свободенъ. Засѣданія съѣзда кончились. Надо было только повидать инспектора училищъ. Но сегодня его не будетъ въ городѣ. Онъ пріѣдетъ вечеромъ. Лиза рѣшила употребить этотъ день, до четырехъ часовъ, на визиты къ остальнымъ знакомымъ. Прежде у ней было здѣсь очень много знакомствъ. Но за шесть лѣтъ воды не мало утекло. Осталось человѣкъ пять, болѣе или менѣе ей близкихъ. По крайней мѣрѣ, когда-то она была тѣсно связана съ ними. Она слыхала уже, что ихъ теперь не узнать. Но всетаки ей хотѣлось повидаться съ ними. Хотѣлось понаблюдать людей—у ней была эта жилка—посмотрѣть на актеровъ, добровольно, когда раздался роковой сигналъ поднять занавѣсъ, ушедшихъ за кулисы и предоставившихъ другимъ играть тихую, безшумную, но мучительную драму провинціальной жизни...

Небо съ утра было сѣренькое, все въ дымчатыхъ и золотистыхъ тучахъ. Раза два брызнулъ дождикъ, но потомъ облака на югѣ расползлись, блеснула лазурь, загорѣлось солнце.

Было одиннадцать часовъ. Лиза направилась въ красивую, широкую улицу, всю въ тополяхъ и садахъ, тянувшуюся поперекъ города, мимо базарной площади. Дома были деревянные, большей частью новые, крашенные, съ бѣлыми и зелеными ставнями. На дверяхъ блестѣли кое-гдѣ мѣдныя дощечки адвокатовъ — Мошковича, Исаковскаго, Розенблума — все евреевъ.

Лиза нашла домъ Шаровицыныхъ. У нихъ и прежде былъ домъ, доставшійся имъ по наслѣдству, но не такой, какъ теперь. То былъ низенькій домишка, съ бѣлой штукатуркой и почернѣвшими отъ времени ставнями, а теперь на его мѣстѣ высились настоящія палаты, какой-то не то московской, не то швейцарской архитектуры, съ рѣзными коньками, огромными окнами. Домъ былъ обшитъ новымъ тесомъ и за зеркальными стеклами его дубовыхъ дверей виднѣлась на лѣстницѣ ковровая дорожка, застланная чистымъ полотномъ и перехваченная мѣдными, сіяющими прутьями. На площадкѣ повыше стояли въ зеленыхъ кадкахъ олеандры, пальмы...

Лиза позвонила.

Показалась молоденькая горничная въ малорусскомъ нарядѣ, сбѣжала по ступенькамъ и, проводивъ ее въ переднюю, доложила о ней господамъ. Тотчасъ же къ ней выскочили, съ добродушными восклицаніями, оба Шаровицыны: онъ—тучный брю-

нетъ съ бѣлыми зубами, она — низенькая полная блондинка съ большой головой и свѣтлыми, желтоватыми глазами на выкатѣ. Они потащили ее, черезъ за... съ паркетнымъ поломъ, въ столовую, гдѣ стоялъ массивны... рѣзной буфетъ и былъ приготовленъ завтракъ и чай.

— Ахъ, ахъ! кричали они:—вотъ сюрпризъ!

Лиза улыбнулась. Ей было пріятно, что ее радушно встрѣтили. Она сѣла — и сейчасъ же ей подвинули всякаго рода закуски. Въ то же время посыпались разспросы что̀ и ка̀къ, и почему, и что новаго. Разговоръ завязался обычный, но шумный. Раскатистый смѣхъ Шаровицына наполнялъ столовую. Жена громко вторила ему и, когда хохотала, то плавно закидывала голову, показывая бѣлый жирный подбородокъ и бѣлую, въ складкахъ, какъ у дѣтей, шею. Смѣялись всему, по поводу чего-нибудь и безъ всякаго повода. Это былъ сочный, нутряной смѣхъ счастливыхъ людей, искренно обрадовавшихся появленію друга, котораго давно не видали.

Шаровицынъ былъ въ бѣломъ форменномъ кителѣ на распашку и малорусской сорочкѣ, завязанной красной ленточкой. Попрежнему не росла у него борода, усы все также чуть-чуть сѣялись, и онъ казался какимъ-то уродливымъ толстымъ мальчикомъ лѣтъ пятнадцати, такъ онъ былъ моложавъ, хотя ему теперь было, навѣрно, тридцать съ небольшимъ.

На Шаровицыной была красная мужская блуза обыкновенного рабочаго фасона, но коротенькая, и имѣла видъ кофточки, тѣмъ болѣе, что не была схвачена поясомъ. Въ красной блузѣ Шаровицына пріѣхала изъ Женевы и тогда она очень гордилась ею. Даже неоднократно показывалась въ этомъ костюмѣ на общественныхъ гуляньяхъ. Но теперь она носитъ ее только по утрамъ, дома, хотя, вѣроятно, и не безъ задней мысли — потому что до сихъ поръ считаетъ себя радикалкой.

Лиза вспомнила все это и сообразила, когда разговоръ, по почину Шаровицыной, вдругъ перешелъ на урядниковъ. Лиза живетъ въ деревнѣ и пусть-ка она разскажетъ объ урядникахъ. Затѣмъ начались толки о всеобщей «прижимкѣ», о «сермяжномъ мученикѣ», о томъ, что «такъ нельзя дольше жить». «Не правда ли»? Шаровицына такъ кипятилась, что Лизѣ, въ ушахъ которой звучалъ еще ея безпечный радостный смѣхъ, сдѣлалось неловко, потому что, въ сравненіи съ хозяйкой дома, она вела себя почти холодно; но неловко не за себя, а за нее. Она давно уже привыкла, даже въ серьёзныхъ случаяхъ, сдерживать себя. Если человѣкъ начиналъ волноваться, потрясать руками и говорить захлебываясь, «съ чувствомъ» — ей всегда казалось, что во всемъ

этомъ есть что-то легкомысленное, а иногда даже ненатуральное, поддѣльное. «Серьёзный человѣкъ никогда не ломается», было ея мнѣніе. Она слушала Шаровицына съ вѣжливой улыбкой — самое большое, къ чему могла себя принудить. И очень жалѣла, что пріятное впечатлѣніе отъ встрѣчи съ нею было на половину испорчено этимъ политическимъ разговоромъ.

Шаровицынъ былъ умнѣе жены. Онъ молчалъ, ѣлъ, и должно быть догадывался, что Лизѣ неловко. Онъ раза два вздохнулъ, но такъ, что какъ-будто и зѣвнулъ. Затѣмъ, когда бесѣда черезчуръ затянулась, повернулся на стулѣ всѣмъ корпусомъ и съ какой-то пьяной улыбочкой—хотя пьянъ не былъ—махнулъ рукой, понурилъ голову и сказалъ женѣ:

— Да ну, право, Адочка, не надоѣдай ты ей... Все это она слышала-переслышала... Да? спросилъ онъ Лизу, поднявъ на нее смѣющіеся глаза.—Смотри, она ничего не ѣла! крикнулъ онъ.— Положи-ка ты ей этого карасика... въ сметанкѣ... Кушайте, кушайте! ласково приказалъ онъ Лизѣ.—У насъ ужь такъ заведено... Жизнь въ брюхо... на то инженеры... Хха-ха-ха! Эй, Адочка! опять крикнулъ онъ:—а что-жь ты дѣтокъ ей? Покажи!.. Тащи ихъ сюда!.. Я вамъ скажу, удивительныя дѣти... Тройка!.. Крошки, а ужь въ каждомъ по два пуда, совралъ онъ и сочно захохоталъ.

Когда жена ушла, онъ успокоился и сказалъ Лизѣ, прихлебнувъ изъ стакана и слегка понизивъ голосъ:

— До сихъ поръ мелетъ... А мнѣ не удивляйтесь, Лизавета Павловна. Всякому поколѣнію свое. Тутъ три года службы — и то долго. Новая волна набѣжала—а мы назадъ... Мы были слово, теперь началось дѣло...

Лиза посмотрѣла на него. Онъ былъ серьёзенъ и взглядъ его свѣтился былымъ умомъ. Она хотѣла сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ; но онъ, по розовымъ пятнамъ на ея щекахъ и загорѣвшимся глазамъ, догадался, что̀ она скажетъ, съежился, сдѣлалъ пьяную улыбочку и брякнулъ:

— Цѣли, цѣли у меня теперь другія, Лизавета Павловна! Домъ видѣли? Семь тысячъ вбухалъ! Купилъ имѣніе — пятнадцать тысячъ... Лѣсомъ торгую, изъ шоссейнаго щебня масло жму...

Онъ захохоталъ.

— И главное, началъ онъ, ковырнувъ сыру: — развратился, все мало кажется.

И опять захохоталъ.

Лиза потупилась и нѣсколько секундъ молчала. «Все-таки онъ ломается», подумала она. Но съ другой стороны было слишкомъ очевидно, что, дѣйствительно, у него теперь «цѣли дру-

гія». «Были ли у него когда-нибудь иныя цѣли?» усумнилась она. И сказала съ улыбкой, которая не понравилась Шаровицыну:

— Дай вамъ Богъ!

Вошла Шаровицына, ведя за руки дѣтей, въ бѣлыхъ нагрудникахъ, и въ сопровожденіи двухъ опрятно-одѣтыхъ, улыбающихся нянекъ, старой и молодой. Дѣти, въ самомъ дѣлѣ, были крупныя, съ бѣлыми, жирными подбородками и жирными шейками. Шаровицына, счастливая и гордая, съ громкимъ хохотомъ представила ихъ Лизѣ, Шаровицынъ сталъ что-то весело кричать, а они дичились и смотрѣли на гостью робко и изъ-подлобья. Она любила дѣтей, нагнулась и поцѣловала старшую дѣвочку. Но мальчики раскричались и замахнулись на нее ручонками, растянувъ плаксиво губы. Они не подпустили ее къ себѣ, и ихъ пришлось увести.

Послѣ этой сцены Шаровицынъ, который боялся, что жена опять начнетъ радикальничать, взялъ Лизу за руку и, оживленно тараторя, повелъ смотрѣть комнаты, мебель, выписанную изъ Варшавы, олеографіи въ дорогихъ рамахъ. Шаровицына предложила идти на вышку, чтобъ гостья полюбовалась видомъ на городъ. Но та уклонилась отъ этого удовольствія и сказала, что спѣшитъ еще навѣстить кой-кого; и стала прощаться. Шаровицыны удерживали ее, хотѣли, чтобъ она у нихъ пообѣдала. Наконецъ—«нечего дѣлать!»—простились съ нею также радушно и—какъ Лизѣ показалось—также радостно, какъ и встрѣтились. Сами проводили на лѣстницу. Потомъ Шаровицынъ, какъ будто что-то вспомнивъ, въ смущеніи, остановилъ уходившую Лизу и, схвативъ ее за рукавъ, сказалъ:

— Не возьмете ли денегъ?

— Чтò вы? сказала она.

— Не вамъ! протянулъ онъ съ ласковой досадой.

Она покраснѣла и нѣкоторое время стояла въ нерѣшительности, потупившись.

— Хорошо, произнесла она.

— Такъ-то лучше! съ веселымъ смѣхомъ сказалъ онъ и сунулъ ей бѣленькую.

Она кивнула головой, точно монашенка, которой подали «лепту на украшеніе святой обители», и ушла.

XXI.

Она посѣтила затѣмъ Шаршмидтовъ. Шаршмидтъ былъ врачъ, жена его тоже окончила врачебные курсы. Онъ только-что воз-

вратился изъ богоугоднаго заведенія, гдѣ былъ ординаторомъ, и, заставъ Лизу у жены, тихо привѣтствовалъ ее, робко оглянувшись.

— Мы о васъ много слыхали, сказалъ онъ съ гортаннымъ произношеніемъ.—Вы все подвизаетесь... Вы закоренѣлая!..

Онъ погрозилъ ей тонкимъ бѣлымъ пальцемъ, почесалъ локоть, опять оглянулся и сѣлъ рядомъ съ Лизой.

— Ну, и что же вы... ну? спросилъ онъ ее неопредѣленно и подмигнулъ красноватыми глазками. — Душа моя! сказалъ онъ женѣ, не ожидая отвѣта Лизы:—ты ничѣмъ не угощала ихъ?

— *Когда* она не хочетъ, сказала жена, беременная дама, съ широкими плечами, поднятыми такъ, что шеи не было видно, бѣлая и румяная, слегка заспанная.

Шаршмидтъ почесалъ колѣно и сдѣлалъ гримасу.

— Душа моя, ты знаешь, сказалъ онъ шутливо: — что это опасный человѣкъ...

Жена улыбнулась. Лиза сказала:

— А вы-таки трусъ... Я бы не зашла... Простой сельской учительницы трусите!

— Нѣтъ? Въ самомъ дѣлѣ?.. протянулъ Шаршмидтъ, прищурившись. — Учительница? А вы знаете, что теперь надо быть очень и очень осторожнымъ?.. Ну, только я не трусъ! сказалъ онъ съ улыбкой. — Сохрани меня Богъ!

Онъ запустилъ пальцы въ жиденькую рыжеватую бородку.

— Читали вы мою *статію?* спросилъ онъ, глядя на гостью какъ-то бочкомъ, однимъ глазомъ. — Душа моя! обратился онъ къ женѣ, замѣтивъ по лицу Лизы, что та статью его не читала.—*Для чего* ты имъ не *показывала* мою *статію?*

Онъ торопливо всталъ, почесалъ на ходу плечо и, подойдя къ этажеркѣ съ книгами, сталъ рыться въ нихъ, поднимая пыль. Наконецъ, нашелъ какую-то сѣренькую газету, въ формѣ тетради, и вернулся съ нею къ Лизѣ.

— Она называется, *эта моя статія*— «Народники», сказалъ онъ съ убѣжденіемъ. — Я хвалю народниковъ. Я хочу показать, что ежели они...

Онъ сталъ нервно перелистывать газету.

— Хотите, я вамъ прочитаю? спросилъ онъ. — Вамъ она непремѣнно понравится, сказалъ онъ съ сладенькой улыбкой.—Вы увидите, какой я трусъ!

Онъ аппетитно смотрѣлъ на газету.

— Знаю, знаю, что вы тамъ пишите! воскликнула Лиза съ улыбкой. — Всѣ ваши фразы знаю... Только врядъ ли она мнѣ понравится. Я, вѣдь, не народница...

Шаршмидтъ отшатнулся отъ нея и смотрѣлъ на нее почти испуганно, между тѣмъ, какъ лѣвая рука его скромно пыталась почесать грудь подъ манишкой, накрахмаленной и твердой, какъ лубокъ.

— Кто же вы? спросилъ онъ, наконецъ, тихо и оглянулся.

— Я?

— Ну, да, вы, ну... Кто вы? спросилъ опять Шаршмидтъ, поблѣднѣвъ.

— Я просто русская женщина, сказала Лиза. — Служу, какъ могу, народу, потому что вижу, какъ онъ дикъ и грубъ, и забитъ. А еслибъ онъ былъ такъ прекрасенъ и совершененъ, какъ вамъ, народникамъ, представляется—тутъ она добродушно взглянула на Шаршмидта:—то незачѣмъ было бы и служить ему. И вотъ еще: вы, народники, терзаетесь, что вы сами не народъ, что вы, къ несчастью, интеллигенція, тронуты культурой и такъ далѣе. А я рада, что училась чему-нибудь и учусь, и убѣждена, что неразрывно связана съ народомъ, что мы всѣ вмѣстѣ—одно тѣло. Отсюда и всѣ обязанности вытекаютъ...

— Та-акъ? протянулъ Шаршмидтъ, положилъ газету на этажерку и сѣлъ, успокоенный, но недовольный.

Наступило молчаніе.

— Такъ вы теперь за литературу взялись? спросила его Лиза послѣ паузы.—А помните, что вы ей—она ласково кивнула на его жену—давали когда-то слово до конца не покидать поля?

— *Ать!* сказала его жена, съ улыбкой, съ какой вспоминаютъ взрослые о своихъ дѣтскихъ проказахъ.

— Пожалуйста, оставьте *этотъ вашъ* разговоръ! торопливо и сердито сказалъ Шаршмидтъ, оглянувшись; но затѣмъ разсмѣялся и, съ сожалѣніемъ качая головой—причемъ Лизѣ казалось, что качается только одинъ его бѣлый длинный носъ — отправилъ руку къ лопаткамъ и выпятилъ грудь, съ кислой гримасой.

XXII.

Лиза ушла отъ Шаршмидтовъ и завернула еще въ два дома. Но въ одномъ ее встрѣтилъ звѣрски пьяный человѣкъ, огромнаго роста, волосатый, съ воспаленными глазами. Она едва узнала въ немъ Чаплю, либеральнаго земца. Это былъ—еще годъ тому назадъ — человѣкъ искренно убѣжденный въ правильности земскаго пути; все свое состояніе отдалъ онъ земскому дѣлу — заводилъ на свой счетъ школы, устроилъ учительскую семинарію, открылъ множество сельскихъ банковъ, десять лѣтъ сряду под-

нималъ на каждомъ губернскомъ собраніи вопросъ о переоцѣнкѣ крестьянскихъ надѣловъ, нажилъ тьму враговъ и, чтобъ мѣстная администрація не мѣшала ему своими протестами, закармливалъ губернатора и другихъ чиновниковъ обѣдами, потѣшалъ ихъ облавами, дарилъ имъ дорогихъ собакъ, ружья. Съ рѣдкой энергіей создалъ онъ себѣ партію, кое-какъ дисциплинировалъ ее, и она ему долго служила—до тѣхъ поръ, пока на послѣднемъ собраніи онъ не поставилъ ребромъ одного «щекотливаго» вопроса. Партія вдругъ измѣнила—кто струсилъ, кто соблазнился перспективой членства въ управѣ, потому что надоѣло состоять «на побѣгушкахъ» у вожака, захотѣлось «своего куска и спокойнаго угла». Вожакъ остался одинъ, на мели. И вотъ, значитъ, не выдержалъ, запилъ. Лизѣ сдѣлалось больно. Изъ всѣхъ земцевъ она уважала только этого человѣка. Въ немъ ей всегда нравились безкорыстная, даже самоотверженная преданность дѣлу и свѣтлый умъ. «Это первый и послѣдній земецъ здѣсь», подумала она съ горечью. Чапля не узналъ ее, ругнулся и, пошатываясь, захлопнулъ передъ самымъ ея носомъ дверь. Въ другомъ домѣ она никого не застала. «Господа поѣхали за Десну кашу варить», сказала ей горничная. «Ну, значитъ, имъ весело и они здоровы!» сказала себѣ Лиза и вспомнила, какъ они и прежде любили «кашу варить» и при этомъ пѣли всегда, цѣлой компаніей, марсельезу, а затѣмъ поздно возвращались домой, пріятно возбужденные и счастливые, и проэктировали уже слѣдующую «кашу».—«Этакъ до безконечности, всю жизнь», подумала Лиза съ улыбкой. Ей было пріятно, что она—одна изъ немногихъ, оставшись на своемъ посту, дѣлаетъ хоть скромное дѣло, невидное, но все-жь дѣло, а не болтаетъ языкомъ и не находитъ удовлетворенія въ громкихъ и смѣлыхъ фразахъ. «Впрочемъ, пусть ихъ звонятъ», подумала она, затѣмъ, чуть-чуть махнувъ зонтикомъ, и отправилась на свой постоялый дворъ, гдѣ пообѣдала, и въ четыре часа была уже въ квартирѣ Лининыхъ.

XXIII.

Пьеръ, въ бѣломъ шикарномъ пиджакѣ съ иголочки и туго накрахмаленномъ, въ розовыхъ крапинкахъ, бѣльѣ, почтительно и вмѣстѣ дружески протянулъ Лизѣ руку, усадилъ ее въ гостинной и изъявилъ сожалѣніе, что ей придется немножко поскучать съ нимъ въ ожиданіи сестеръ — ихъ еще нѣтъ.

— Зачѣмъ скучать? сказала Лиза озабоченно и сняла шляпку.

Пьеръ, улыбавшійся передъ этимъ, сдѣлалъ серьёзное лицо.

Онъ рѣшилъ вести себя въ тонъ Лизѣ. Онъ сидѣлъ рядомъ съ ней и искоса посматривалъ на нее. Ему нравились ея умѣренная полнота, красивая шея, подбородокъ съ ямкой. Онъ догадывался, какой у ней «образъ мыслей», и теперь очень былъ бы не прочь какъ-нибудь угодить ей съ этой стороны; напримѣръ, въ видѣ любезности, объявить себя «врагомъ существую-ствующаго порядка вещей». Но Лиза молчала, не заговаривала и что-то отмѣчала карандашемъ въ записной книжкѣ. Пьеру не представлялось случая срадикальничать. И мысли его мало-помалу перешли на другой предметъ—на Фаничку. Онъ нетерпѣливо постучалъ пальцами по орѣховой ручкѣ диванчика.

Дѣвушки опоздали почти на полчаса. Фаничка вбѣжала съ веселымъ смѣхомъ и стремительно обняла Лизу, Мэри просто подала сестрѣ руку. Пьеръ всталъ, дождался своей очереди поздороваться съ ними, сказалъ каждой по нѣскольку словъ, спросилъ: «а какова вчерашняя гроза?» мило разсмѣялся, когда на ихъ лицахъ изобразился испугъ и онѣ сказали: «ужасъ, ужасъ!» и ушелъ, обмѣнявшись съ Фаничкой взглядомъ.

— Что̀, онъ вамъ нравится? спросила Лиза сестеръ, съ улыбкой.

— Такъ себѣ! сказала Фаничка и посмотрѣла въ окно.

Мэри не хотѣла сначала отвѣчать. Но потомъ сказала потупившись:

— Кажется, онъ хорошій... Съ задатками...

— А мнѣ показался пустенькимъ, сказала Лиза.—Впрочемъ, я его мало знаю...

— Мало... Меньше моего, тихо замѣтила Мэри.

Фаничка подумала:

«Вотъ кто знаетъ его, такъ знаетъ—я!»

И почувствовала себя счастливой. Затѣмъ нашла, что ему очень къ лицу бѣлое съ розовымъ и была рада, что онъ, повидимому, нисколько не пострадалъ отъ вихря. «Но, пожалуй, шляпу снесло», закончила она съ легкимъ вздохомъ.

Между тѣмъ, Мэри и Лиза посмотрѣли одна на другую прежнимъ глубокимъ взглядомъ. Это значило, что «надо начинать». Онѣ сѣли рядомъ и были взволнованы. Но обѣ сдерживали себя, а Лиза, какъ и тогда, поблѣднѣла. Ей было трудно, тяжело...

Лиза стала говорить. Фаничкѣ казалось всегда, что Лиза ушла, чтобы выйти за кого-то замужъ. Теперь, изъ рѣчи Лизы, она поняла, что это неправда и только. Потому что какъ скоро Лиза объяснила, что̀ заставило ее покинуть родныхъ, Фаничка успокоилась, даже немножко разочаровалась и перестала слушать, дѣлая видъ, что слушаетъ, а въ сущности мечтая о томъ, о семъ и, главнымъ образомъ, о Пьерѣ. Мэри, напротивъ, жадно

внимала сестрѣ. Ее удивляло, что она все это ужь знаетъ, въ послѣднее время объ этомъ только и думаетъ, и что̀ важнѣе всего, читала все это въ евангеліи. Она съ восторгомъ смотрѣла на сестру, которая такъ просто говоритъ о своемъ дѣлѣ, не кичится, но и не скромничаетъ. Уже со вчерашняго объясненія съ maman она поняла, что̀ за человѣкъ Лиза. Теперь еще ярче обрисовалась передъ нею эта странная, кроткая, но сильная духомъ женщина. Чѣмъ проще она говорила, тѣмъ больше Мэри восторгалась. Глаза ея блистали, щеки горѣли.

— Лиза, прошептала она, наконецъ, припавъ къ ея рукѣ, и заплакала отъ счастія. — Лиза не сразу поняла ея слезы. Она въ испугѣ наклонилась къ ней. Но Мэри подняла свое измученное, счастливое лицо, и глаза ихъ встрѣтились. Тогда Лиза улыбнулась, не то радостно, не то скорбно, и сжала сестру въ объятіяхъ.

— Лиза, говорила шепотомъ Мэри:—я еще раньше догадалась, что такъ все должно быть...

Фаничка очнулась отъ мечты о Пьерѣ и съ недоумѣніемъ смотрѣла на сестеръ. Потомъ подошла молча къ Лизѣ, сѣла по другую руку ея и стала нѣжно гладѣть ей въ лицо, ревнуя ее къ Мэри.

XXIV.

На слѣдующій день, сдѣлавъ визитъ своему инспектору, Лиза уѣхала, о чемъ наканунѣ предупредила сестеръ. У ней были неотложныя дѣла—не по школѣ: стояло каникулярное время — а другія. Мэри и Фаничка просили ее писать, но она призналась, что не любитъ писать письма и сказала, что не можетъ дать своего лѣтняго адреса, такъ какъ намѣрена побывать въ такихъ-то и такихъ-то городахъ, причемъ нигдѣ не разсчитываетъ прожить дольше сутокъ. Впрочемъ, она выразила надежду, что, пожалуй, черезъ мѣсяцъ завернетъ сюда — на обратномъ пути, и повидается съ ними, что̀, конечно, лучше всякой переписки.

Жизнь въ домѣ Лоскотиныхъ пошла обычнымъ порядкомъ. Правильность ея теченія нарушалась развѣ сборами и приготовленіями къ губернаторскому вечеру, толками о матеріяхъ, о фасонахъ, о томъ, что «однако, это кусается»...

Мэри ходила къ мадамъ Сесиль, торговалась, примѣряла платье, но все это дѣлала какъ-то машинально, боясь отказомъ разсердить мать, которую очень жалѣла и которой всячески ста-

ралась угодить, потому что предчувствовала, что время близко, когда придется страшно и серьезно огорчить ее. Было бы жестоко не дѣлать еще уступокъ ей въ мелочахъ. Огорченіе, которое она готовила матери, ясно не сознавалось ею: она не знала, въ какой формѣ оно выльется. Но оно должно было послѣдовать рано или поздно...

У ней голова шла кругомъ отъ множества мыслей, которыя приходили ей на умъ. Ей очень хотѣлось идти по стопамъ сестры, но она чувствовала себя безсильной, неспособной, бѣлоручкой, мало образованной, трусихой и, въ добавокъ, была влюблена въ Пьера, что̀ ее постоянно злило и отъ чего она подолгу плакала...

Чтобы закалить себя и пріучить къ разнаго рода лишеніямъ, она перестала пить чай, старалась за обѣдомъ наѣдаться первымъ блюдомъ и отказывалась отъ слѣдующихъ, купила себѣ грубые кожанные башмаки вмѣсто прюнелевыхъ, отъ чего у ней сейчасъ же начали мозолиться ноги, обмѣнялась съ горничной бѣльемъ и спала въ крестьянскихъ сорочкахъ, хотя тѣло у ней зудѣло на первыхъ порахъ и она едва преодолѣвала чувство брезгливости. Стоя на молитвѣ утромъ и вечеромъ, она била поклоны до тѣхъ поръ, пока спина не начинала болѣзненно ныть. Постель показалась ей слишкомъ мягкой, и на ночь она сбрасывала тюфякъ и пыталась спать на голыхъ доскахъ. Никогда еще не была она такъ религіозна, и лицо у ней приняло строгое выраженіе, временами удивлявшее Нину Сергѣевну.

Фаничка была очень рада предстоящему вечеру и часто мечтала, какъ она будетъ танцовать съ Пьеромъ. Мадамъ Сесиль дала ей слово сдѣлать ей нарядъ къ лицу и при этомъ замѣтила, съ улыбкой, что это вовсе нетрудно, такъ какъ у mademoiselle удивительная талія и вообще удивительное сложеніе. «Отчего этого никто при Пьерѣ не скажетъ?» подумала Фаничка, поворачиваясь передъ зеркаломъ и осматриваясь. Съ Пьеромъ она не видѣлась нѣсколько дней подрядъ. Когда въ послѣдній разъ она уходила изъ квартиры Лининыхъ, то Пьеръ дѣлалъ ей знаки глазами. Она не могла догадаться, что это такое. Довольно трудный языкъ. Гораздо лучше было бы придти и объяснить тихонько, въ чемъ дѣло. Но, конечно, онъ осторожничаетъ, боится maman!

Пьеръ, наконецъ, пришелъ, но не засталъ ни Фанички, ни Нины Сергѣевны. Это было часовъ въ пять, въ жаркій солнечный день, и онѣ, какъ объяснила ему горничная, стоявшая за воротами, поѣхали купаться. Дома оставалась одна Мэри. Она сидѣла за роялемъ, въ залѣ, огромной полинялой комнатѣ, увѣ-

шанной старинными, должно быть, хорошими картинами въ латунныхъ потускнѣвшихъ рамахъ...

Играла Мэри немного вещей, но играла недурно, хотя всегда для себя. Она издали еще увидѣла Пьера, покраснѣла, но не бросила играть. Во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ непремѣнно бросила бы, а теперь пальцы ея какъ-то еще легче и красивѣе забѣгали по желтымъ клавишамъ, и звуки полились нѣжнѣе. Пьеръ зналъ, что она, обыкновенно, конфузится постороннихъ и подумалъ, что она его не замѣчаетъ—увлеклась музыкой. Улыбаясь, онъ на цыпочкахъ подошелъ къ ней, описавъ по залѣ полукругъ, и сталъ за ея спиной. Она покраснѣла сильнѣе, нахмурилась и все продолжала играть...

Ей было безотчетно пріятно. Какъ ни старалась она разозлиться на себя — не могла. То, что теперь они одни въ домѣ, и то, что это сдѣлалось неожиданно—волновало ей кровь. Сердце неотвязно запросило любви. Была необходимость играть, надо было дать выходъ этому взрыву. И она боялась оглянуться, боялась принять руки съ клавишей...

Но вдругъ она почувствовала на своемъ затылкѣ жаръ отъ дыханія Пьера. Она оборвала пьесу, быстро оглянулась и тихо прошептала, почти съ любовью:

— Пьеръ!

Пьеръ никогда не видѣлъ у ней такого глубокого, влажнаго взгляда. Онъ вздрогнулъ, но поспѣшилъ улыбнуться и протянулъ ей руку. У ней были горячіе пальцы, и онъ удержалъ ихъ въ своей рукѣ.

Мэри потупилась и молчала, удивляясь, что она *это* позволяетъ ему, а онъ, вѣроятно, и не любитъ ее, и ухаживаетъ себѣ за Фаничкой... «Но пусть не любитъ!» крикнуло у ней что-то въ груди. «Пусть только длятся эти минуты!»

— Вы все это время были холодны со мной, сказалъ Пьеръ съ нѣжнымъ упрекомъ.

— Да, да! отвѣчала она съ раскаяніемъ.

Онъ сильнѣе наклонился къ ней, обнялъ ее сверху и посмотрѣлъ ей въ лицо.

— «Пусть!» думала она съ тоской и съ какимъ-то блаженнымъ ужасомъ.

Губы Пьера раскрылись... «Вотъ оно — блаженство, счастье, жизнь!» думала она, ослѣпленная, безумная, безпомощно бросивъ руку на клавиши, которые глухо простонали. «Жизни, счастья!» шумѣла у ней въ ушахъ бунтующая кровь.

Пьеръ нашелъ, что стоять неудобно. Онъ сѣлъ, быстро придвинувъ стулъ къ стулу Мэри, и опять обнялъ ее.

— Мэри, милая! прошепталъ онъ съ искреннимъ увлеченіемъ.—Ты моя?

— «Онъ грубъ», подумала Мэри... «Грубъ!» повторила она съ новымъ приливомъ ужаса... и закрыла глаза рукой...

Но звякнула калитка, ворота со скрипомъ и стукомъ распахнулись...

Изъ оконъ видно было, какъ во дворъ въѣхали парныя извощичьи дрожки съ Ниной Сергѣевной и Фаничкой, державшейся за поясъ извощика, потому что ей было неудобно сидѣть рядомъ съ maman, занимавшей много мѣста...

Пьеръ и Мэри вскочили и растерялись.

Ей вдругъ стало стыдно Пьера, стыдно самой себя, стыдно стѣнъ. Точно сонъ привидѣлся ей, отъ котораго краска бросилась ей въ лицо, когда она проснулась. Казалось, множество глазъ разомъ увидѣли ея позоръ, и ею овладѣлъ страхъ, гадкій и низкій. Она не могла ему противиться и побѣжала, съ трудомъ подавляя въ груди холодный крикъ ужаса, невольно рвавшійся наружу...

Пьеръ оправился скоро. Ему было нестолько стыдно, сколько досадно. Онъ сталъ ходить по залѣ широкими шагами и придумалъ объясненіе, хотя оно оказалось излишнимъ. Онъ хотѣлъ разсказать, какъ засталъ Мэри за музыкой, какъ она сконфузилась, убѣжала и съ тѣхъ поръ, минутъ десять, онъ бродитъ здѣсь одиноко и наслаждается созерцаніемъ вотъ этихъ произведеній старыхъ мастеровъ... Но его никто не спросилъ, зачѣмъ онъ здѣсь. И безъ него догадались, что Мэри у себя. Онъ жалѣлъ, что не разставилъ во-время стульевъ. Но и на это не обратили вниманія. Съ нимъ ласково поздоровались, и Нина Сергѣевна ему даже какъ будто обрадовалась. О Фаничкѣ и говорить нечего. Когда Нина Сергѣевна направилась, тяжело вздохнувъ отъ усталости, въ гостинную и кликнула Антипьевну, чтобъ та набила ей трубку, Фаничка беззвучно и торопливо поцѣловала его, сверкая глазами и, въ отвѣтъ на его боязливый жестъ, со смѣхомъ разсказала ему, что дамскую купальню унесло вихремъ, и онѣ напрасно проѣздились. Теперь строютъ новую...

— Да, а твоя шляпа? шепнула она съ тревогой.

— Цѣла.

— А о чемъ ты мнѣ подмигивалъ тогда?..

Онъ улыбнулся.

— Приходи завтра... Послѣ обѣда... Лининыхъ все еще нѣтъ... сказалъ онъ.

Она взглянула на него яркимъ полусерьёзнымъ взглядомъ и отрицательно потрясла головой.

— А туда? спросилъ онъ.

Она потупилась и играла стальной цѣпочкой у своего пояса.

— Туда? переспросила она.

— Да, произнесъ Пьеръ.

— Никуда! сказала она весело и громко, такъ что Пьеръ опять испугался. И, повернувшись на одной ногѣ, нѣжно улыбнулась ему и побѣжала, подпрыгивая, въ слѣдующую комнату, гдѣ, на глазахъ у Нины Сергѣевны, обняла Антипьевну и поцѣловала. Затѣмъ крикнула:

— Мсье Пьеръ, пойдемте въ садъ, посмотрите, что сдѣлалось съ моими бѣдными цвѣточками...

— «Ахъ, цвѣточки мои!..» пѣла она черезъ минуту въ глубинѣ сада, и голосъ ея былъ особенно звученъ. Пьеръ шелъ рядомъ съ нею и молчалъ. Ему казалось, что Мэри должна смотрѣть на него съ антресолей.

Но онъ ошибался. Мэри лежала на полу, ницъ, передъ кіотомъ, и горько плакала и, въ изступленіи, не имѣя силъ вынести нравственной муки, рвала свои волосы...

XXV.

Насталъ день, въ который Черемисовы давали вечеръ.

Пьеръ, разсказывавшій, что онъ принятъ у губернаторши — сообщалъ онъ это всегда, «между прочимъ», «кстати» — на самомъ дѣлѣ въ первый разъ долженъ былъ появиться въ ея салонѣ. До сихъ поръ онъ бывалъ въ домѣ Черемисовыхъ только какъ учитель маленькаго князя. Онъ волновался, поминутно совѣтовался съ портнымъ, которому задолжалъ до ста рублей, и всѣмъ жаловался, что въ городѣ нѣтъ хорошихъ свѣжихъ перчатокъ.

— Представьте, лайка блеститъ, какъ клеенка! восклицалъ онъ огорченный.

Чѣмъ ближе подходилъ срокъ ѣхать на вечеръ, тѣмъ сильнѣе становилась его тревога. Онъ мысленно постоянно расшаркивался, улыбался, говорилъ по-французски, нѣсколько разъ отпустилъ bon mot самому губернатору; а также прекрасно танцовалъ съ Клавдіей Аполосовной, которая, впрочемъ, все время рисовалась ему, какъ нѣчто высшее и недоступное, и онъ сознавалъ, что эта послѣдняя мечта есть такъ себѣ — «мечтаніе пустое».

Всего пуще боялся онъ сдѣлать что-нибудь безтактное. Въ университетскомъ городѣ, гдѣ онъ жилъ недурно, издавая лито-

графированныя записки профессоровъ, ему случалось бывать на вечерахъ. Но, во-первыхъ, то были вечера почти мѣщанскіе. Во-вторыхъ, тамъ его знали только какъ студента, здѣсь же всѣмъ было извѣстно, что онъ сынъ бывшаго квартальнаго, о разныхъ подвигахъ котораго доселѣ еще носятся цѣлыя легенды. Покойный отецъ его былъ не современный «помощникъ пристава» или «приставъ»—субъектъ уже нѣсколько «аблагороженный»—а настоящій квартальный, «кварташка» героическаго періода... Пьеръ стыдился этого и чувствовалъ, что, пожалуй, здѣсь, въ родномъ городѣ, ему не разыграться, какъ тамъ, гдѣ онъ могъ ломать изъ себя настоящаго дворянчика...

— «Но что же могу я сдѣлать безтактнаго?» думалъ онъ. «Бонъ-мо губернатору ни съ того, ни съ сего не отпущу, держать себя съумѣю... А вотъ развѣ передъ Клавдіей Аполосовной сконфужусь»...

И онъ съ тоской смотрѣлъ на свою новую фрачную пару, висѣвшую въ его комнатѣ на стѣнѣ, въ бѣлой простынѣ, сколотой булавками...

XXVI.

Пьеръ отправился на вечеръ въ половинѣ одиннадцатаго. Ночь была теплая, пасмурная. Керосиновые фонари спокойно горѣли, чуть освѣщая фасады домовъ съ плотно закрытыми ставнями. Ничто не говорило о праздничномъ шумѣ, о блескѣ, о томъ, что онъ ожидалъ встрѣтить у Черемисовыхъ. Все было обыденно, и онъ проникался жалостью къ обитателямъ этихъ скромныхъ жилищъ, повитыхъ сномъ и скукой...

Когда онъ очутился въ передней губернаторскаго дома и до него донесся говоръ гостей и шумъ шаговъ и платьевъ, его охватилъ радостный испугъ. Того, чего онъ боялся—чувства неловкости—совсѣмъ какъ не бывало. Онъ увидѣлъ, что находится въ согласіи съ своимъ собственнымъ идеаломъ порядочнаго человѣка. Фракъ сидѣлъ на немъ прекрасно. И самъ онъ былъ прекрасенъ—онъ это сознавалъ. Шумъ многолюднаго вечера влилъ въ него бодрость. Онъ съумѣлъ войти въ залу просто и съ «достоинствомъ».

Въ залѣ было много мягкаго свѣта и оранжерейной зелени. Широкіе и перистые листья пальмъ вырѣзывались на бѣломъ фонѣ филейныхъ гардинъ и иногда чуть-чуть колебались высоко надъ головами гостей. Черные фраки кучками тѣснились тамъ и сямъ или одиноко бродили между модныхъ платьевъ съ

длинными шлейфами и темными бантами на груди и выше колѣнъ. Мундиры сверкали своими золотыми и серебряными пуговицами и звякали шпорами.

Изъ залы направо виднѣлась амфилада комнатъ. Тотъ же мягкій свѣтъ, таже зелень. Но тамъ фраковъ и мундировъ было меньше—преобладали дамы. Онѣ сидѣли и ходили и оживленно, празднично разговаривали, граціозно посмѣиваясь, и вѣера трепетали у нихъ на груди, какъ огромныя бабочки. На первомъ планѣ можно было еще разглядѣть этихъ дамъ. На нихъ были бальныя платья съ кружевами, атласной отдѣлкой. Корсажи у иныхъ были обтянуты стальными сѣтками и горѣли, какъ кирасы акробатовъ. Пьеръ видѣлъ модныя прически, бѣлыя лица, бѣлыя шеи. Вотъ мелькнула рука въ бѣлой перчаткѣ выше локтя и едва прикрытая у плеча газовой дымкой. Вотъ мелькнула тонкая талія, вся тѣлеснаго цвѣта. На плечѣ полной дамы, въ темнолиловомъ, дрожитъ огромный красный бантъ. Но затѣмъ комнаты казались наполненными чѣмъ-то въ родѣ облачковъ, полупрозрачныхъ и пестрыхъ, и только, какъ сквозь легкій туманъ, можно было различить, въ этой сіяющей дали, постоянно мелькающіе тамъ и сямъ букеты, лица, банты, плечи, локти, руки, эполеты, вѣера, воротнички мужчинъ.

Пьеръ жадно глядѣлъ кругомъ. Онъ жадно вдыхалъ теплый бальный воздухъ, пропитанный духами и безпрестанно освѣжаемый—въ сосѣдней комнатѣ двери въ широкую галлерею и въ садъ были отворены настежъ—и искалъ глазами Черемисовыхъ.

Черемисовъ, высокій худой старикъ, съ тусклыми глазами и отвислой губой, стоялъ недалеко отъ Пьера, окруженный пожилыми и почтенными людьми, въ числѣ которыхъ былъ и жандармскій полковникъ съ необыкновенно краснымъ лицомъ. Всѣ слушали, а губернаторъ велъ степенную рѣчь, чуть-чуть раскачиваясь на каблукахъ всѣмъ корпусомъ.

Пьеръ сталъ ждать, когда Черемисовъ самъ замѣтитъ его. Онъ подстерегъ его взглядъ и отвѣсилъ ему глубокій поклонъ. Тотъ прищурился и протянулъ Пьеру руку.

Молодой человѣкъ отошелъ отъ губернатора, пріятно улыбаясь. «Говорятъ, министромъ будетъ», думалъ онъ.

Тутъ къ Пьеру подбѣжалъ, потрясая эксельбантомъ, графъ де-Гужаръ, адъютантъ, юный и стройный блондинъ съ голубымъ любящимъ взглядомъ. Онъ схватилъ Пьера за обѣ руки и сказалъ:

— Вы визави... Хорошо?.. Сейчасъ кадриль... Берите скорѣй даму...

Пьеръ торопливо поклонился и пошелъ искать даму. Онъ вспомнилъ о Фаничкѣ и Мэри и ему захотѣлось пригласить ко-

торую-нибудь изъ нихъ. Онъ отыскалъ ихъ въ третьей комнатѣ. Онѣ сидѣли рядомъ.

Фаничкѣ удалось уже протанцовать польку съ какимъ-то офицеромъ. Но она была недовольна, что нѣтъ Пьера и никто не любуется на нее. А платье на ней было удивительное. Она готова была вертѣться передъ зеркаломъ и все смотрѣть на себя. Корсажъ изъ блѣднорозовой матеріи и такая же юпка, и все это отдѣлано свѣтло-свѣтло-голубымъ фаемъ. Вмѣсто бантовъ, въ волосахъ, на лѣвомъ плечѣ, у полуоткрытаго кружевного ворота—маленькіе букеты изъ золотыхъ колосьевъ и маргаритокъ. «Неужто Пьеръ такъ меня и не увидитъ?» безпокоилась она. Но на минуту забывала о немъ, когда мимо проходили дамы въ стальныхъ сѣткахъ на таліи или въ бусахъ. «Ахъ, мадамъ Сесиль, отчего она мнѣ не сдѣлала такой сѣтки!» восклицала она мысленно съ завистью. И потомъ съ торжествомъ шептала что-то Мэри, не одобрявшей ея пристрастія къ мишурѣ.

Мэри все время было не по себѣ. Она никакъ не воображала, что балъ такая невыносимая пытка. Всѣ эти дамы, разрядившіяся въ пухъ и прахъ, казались ей дурами, всѣ эти фрачники и военные — дураками, и она испытывала неловкое чувство человѣка, попавшаго добровольно не въ свое общество, и только тогда замѣтившаго промахъ. Она прислушивалась къ отрывочнымъ фразамъ, носившимся въ воздухѣ, кругомъ, и злилась. Ее раздражали нафабренные офицерики. Они развязно идутъ возлѣ дамъ, держа лѣвую руку у сердца, и постоянно произносятъ — всѣ на одинъ и тотъ же ладъ: «Да-а?» «Та-акъ?» Раздражали дамы своимъ черезчуръ милымъ смѣхомъ и кокетливыми взглядами. Она злилась на Фаничку, на самое себя. Ей было стыдно своихъ голыхъ рукъ, дорогого наряда. Кромѣ того, каждую минуту она съ ужасомъ ждала, что увидитъ Пьера и приготовляла въ умѣ злые и холодные отвѣты на его неизбѣжные разспросы и намеки. Она его ненавидѣла — не могла простить ему той сцены... Онъ казался ей эгоистомъ и постоянно въ ушахъ ея звучали слова Лизы, что онъ «пустенькій». Этотъ человѣкъ, который... да! конечно, онъ не любитъ ее!..— поражалъ ее своимъ безстыдствомъ. Какъ онъ могъ сказать ей: «ты моя?!» Онъ былъ единственный свидѣтель ея позорной слабости, и она вздрагивала отъ этой мысли, тупо и враждебно глядя на всѣхъ...

Но подошелъ Пьеръ. Фаничка радостно покраснѣла, сверкнувъ жемчужными зубками. И также радостно взглянула на него Мэри. У ней закружилась голова, что-то заныло внутри и ей

захотѣлось крѣпко пожать ему руку, и она все забыла—всѣ муки свои, всѣ терзанія, и жила только имъ.

Пьеръ посмотрѣлъ на нее ласково, чуть-чуть прищурившись, точно смѣялся глазами, и Мэри, понявшая изъ этого взгляда, что онъ считаетъ ее безусловно своею, вспыхнула, потупилась, но затѣмъ опять подняла на него глаза, горѣвшіе, какъ алмазы.

Пьеръ подумалъ, что надо пригласить ее. Но пригласилъ Фаничку, такъ какъ Фаничка ему больше нравилась. Губы Мэри дрогнули...

Затѣмъ, присѣвъ на минуту, Пьеръ вдругъ вскочилъ и сказалъ съ тревогой:

— Сидите здѣсь, Фаничка, мнѣ надо поклониться хозяйкѣ дома... Кажется, вотъ она... Я сейчасъ...

Онъ ушелъ, и Мэри смотрѣла ему въ слѣдъ и снова начинала его ненавидѣть...

Во второй комнатѣ, гдѣ была Клавдія Апосоловна, Пьеръ увидѣлъ Нину Сергѣевну и Федотову. Онѣ сидѣли поодаль за мраморнымъ столикомъ, пили оршадъ и разговаривали. Очевидно, онѣ только-что познакомились. Пьеръ встрѣтилъ глаза Нины Сергѣевны, недружелюбно пронизавшіе его — должно быть ложь его насчетъ коляски была уже раскрыта—и сдѣлалъ видъ, что не узнаетъ ее.

«Пожалуй, гадость выйдетъ», подумалъ онъ съ досадой.

Въ это время музыка грянула ритурнель кадрили. Всѣ взволновались. Кавалеры бросились разыскивать дамъ.

Пьеръ повернулся и очутился лицомъ къ лицу съ Клавдіей Аполосовной, и смущенно привѣтствовалъ ее. Эта худая, стройная красавица, съ молодымъ лицомъ и холодными глазами, странно дѣйствовала на него. Онъ оробѣлъ-таки, когда она подала ему руку, въ длинной по локоть перчаткѣ. Сегодня она была поразительно хороша. Платье на ней было, конечно, не здѣшняго шитья — новое, но какъ будто уже немного ношеное, присидѣвшееся, и не то простенькое, и то очень богатое. На груди съ выкатомъ и голыхъ плечахъ, по всюду, чувствовались кружева, точно струйки дыма, сквозь который тамъ и сямъ мерцалъ серебристый атласъ. Пьеръ сильно пожалъ ей руку и испугался. Онъ это невольно сдѣлалъ. Она подняла на него глаза и прищурилась. Онъ понравился ей.

— Вотъ отлично, сказала она съ своей усмѣшкой:—вы будете моимъ кавалеромъ... А кто визави?.. Есть?..

Пьеръ съ секунду стоялъ ошеломленный. Мечта, казавшаяся несбыточной, стала дѣйствительностью. Счастіе выпало огром-

ное. Онъ мысленно махнулъ рукой на Фаничку, на Мэри, на Нину Сергѣевну съ ея недружелюбнымъ взглядомъ.

— Графъ *де-Гужаръ*, сказалъ онъ, переведя дыханіе, съ граціозной улыбкой, и повелъ Клавдію Аполосовну въ танцовальную залу.

Онъ танцовалъ хорошо. На ея французскую фразу отвѣтилъ по-французски, и у него оказался недурной выговоръ. Клавдія Аполосовна была удивлена и насмѣшливо посматривала на него отъ времени до времени и спрашивала себя: «куда же дѣлся дикарь?»

Пьеръ, точно въ отвѣтъ, улыбался ей. «Немножко дикаря еще есть», думала Клавдія Аполосовна, глядя на его бѣлые зубы и сама улыбаясь.

Кадриль кончилась. Клавдія Аполосовна насмѣшливо поблагодарила Пьера и ушла. Онъ немного растерялся. «Мнѣ вѣдь надо было»... подумалъ онъ. И вдругъ встрѣтилъ Фаничку. У ней было блѣдное лицо, сердитые глаза. Тутъ онъ растерялся еще больше. Онъ сталъ оправдываться. Она пожала плечами и ничего не сказала. Онъ пошелъ съ нею и долго говорилъ. Но она все молчала. Тогда онъ прошепталъ:

— Вы меня сильнѣе обижаете... Каждый разъ назначаете свиданіе и...

— Это не то! сказала она съ досадой.

— Во всякомъ случаѣ, простите, сказалъ Пьеръ.

— Никогда! произнесла Фаничка.

— Слѣдующая кадриль... началъ Пьеръ.

— Оставьте, пожалуйста! сказала Фаничка.

Пьеръ увидалъ вдали Нину Сергѣевну и сдѣлалъ крутой оборотъ. Но при этомъ почувствовалъ боль въ груди, ему стало жаль чего-то. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ оглянулся и посмотрѣлъ на Фаничку. Возлѣ нея стоитъ высокій брюнетъ—онъ зналъ, что это какой-то заѣзжій литераторъ—и, очевидно, приглашаетъ ее танцовать. Фаничка киваетъ головой, даетъ ему руку. Пьеръ сжалъ губы и, бросивъ на литератора враждебный взглядъ, отправился дальше...

Гремѣлъ вальсъ. Пары кружились. Шлейфы дамъ вытягивались, и изъ-подъ платьевъ виднѣлись сближенные носки ботинокъ, прямые, острые. Фраки тѣсной кучкой стояли у дверей и съ любопытствомъ смотрѣли на танцующихъ. Пьеръ видѣлъ, какъ Фаничка пронеслась съ литераторомъ. Пронеслась полная дама въ лиловомъ, держа голову въ профиль. Пронеслась Клавдія Аполосовна съ де-Гужаромъ. Ему самому страстно захотѣлось танцовать. Онъ подхватилъ дѣвушку въ корсажѣ тѣлеснаго

цвѣта и началъ кружиться съ нею, потомъ съ другою, съ третьею. Онъ чувствовалъ, что никогда еще въ жизни такъ хорошо не танцовалъ. Этотъ бѣшеный ритмическій бѣгъ съ красивыми женщинами, среди другихъ паръ, вертящихся кругомъ, во всѣхъ углахъ, съ съумасшедшимъ упоеніемъ, наполнялъ его радостью, восторгомъ. И, въ добавокъ ко всему, ему казалось, что пара чьихъ-то холодныхъ, насмѣшливыхъ глазъ пронизываетъ его и постоянно слѣдитъ за нимъ. Это ужь было верхомъ блаженства, и онъ не слышалъ земли подъ собой...

Посадивъ даму, онъ увидѣлъ, что Клавдія Аполосовна почти лежитъ на диванчикѣ, блѣдная и утомленная, съ высоко и часто поднимающейся грудью, но по ея улыбкѣ и приказывающему выраженію лица заключилъ, что ей хочется еще вальсировать. Онъ подбѣжалъ къ ней, и она сейчасъ же вскочила, положила ему на плечо руку, и они понеслись, кружась. Онъ слышалъ, какъ шуршитъ ея платье, какъ тяжело она дышитъ—все скорѣе и скорѣе, какъ въ тактъ змѣится ея тѣло, и онъ не прочь былъ бы вѣчно танцовать съ нею. Но она сказала: «Довольно!» и онъ ловко посадилъ ее на прежнее мѣсто, и она опять упала, еще болѣе блѣдная и задыхающаяся.

Пьеръ самъ задыхался. Какъ только вальсъ кончился, онъ почувствовалъ, что умираетъ отъ усталости. Бальный воздухъ былъ душенъ. Пьеръ бросился въ садъ. За нимъ потянулись другіе. По пути, въ комнатѣ налѣво, онъ увидѣлъ нѣсколько зеленыхъ столовъ, за которыми сидѣли разные губернскіе тузы—начальникъ мѣстныхъ войскъ въ жирныхъ эполетахъ, акцизный управляющій, съ длинными тараканьими усами, Шаровищынъ, самъ губернаторъ, какіе-то старички и спокойно играли въ карты. Въ огромной галлереѣ мягко сіяли китайскіе фонари среди плющевыхъ гирляндъ. Обнявшись, ходили барышни, тихо болтали и энергично обмахивались вѣерами. Пьеръ сошелъ по ступенькамъ въ садъ. Садъ дремалъ, слабо освѣщенный. Только въ одной аллеѣ горѣли пестрые шкалики. Прочія были погружены въ сумракъ.

Пьеръ шелъ, и мягкій вѣтерокъ, который въ другое время былъ бы незамѣтенъ, пріятно освѣжалъ его разгоряченный лобъ. Садъ былъ почти незнакомъ ему, дорожки прихотливо переплетались, но онъ все подвигался впередъ. Ему хотѣлось попасть въ освѣщенную аллею, откуда слышался веселый говоръ—и вмѣсто этого онъ вдругъ уперся въ маленькую бесѣдку, на подобіе грота. Дорожка кончалась тутъ и надо было идти назадъ, чтобы проникнуть въ ту аллею. «Можетъ быть, встрѣчу тамъ Фаничку»,

подумалъ онъ съ легкой тоской. И уже повернулся, какъ позади его, въ бесѣдкѣ, послышался шорохъ платья и шопотъ:

— Пьеръ!

Онъ вздохнулъ и вошелъ въ бесѣдку. На скамейкѣ, въ ночной мглѣ, сумеречнымъ пятномъ выдѣлялась женская фигура.

— Кто? спросилъ онъ, садясь возлѣ нея, но уже догадываясь кто.

Фигура глухо сказала:

— Мэри.

— Мэри! воскликнулъ онъ.—Какимъ образомъ?

— Что за вопросъ?.. Здѣсь я ужь полчаса, и у меня заплаканно лицо... Я плакала здѣсь...

— О чемъ? спросилъ Пьеръ съ тревогой.

— Пьеръ! ради Бога! начала Мэри взволнованнымъ шопотомъ:—скажите мнѣ, чтò вы за человѣкъ? Я васъ не могу уважать... Отъ того и плакала, что не знаю васъ... Скажите, Пьеръ!

— Мэри! нѣжно прошепталъ Пьеръ, тяжело еще дыша отъ вальса и отчасти отъ того, что съ нимъ теперь наединѣ эта дѣвушка.—Мэри! повторилъ онъ и обнялъ ее.

— Примите ваши руки, сказала она строго, не двигаясь, и онъ повиновался, вдругъ простывъ.

Наступило молчаніе.

— Вы слышите, о чемъ я прошу васъ, Пьеръ? начала Мэри.— Это серьёзная просьба.

Пьеръ сказалъ:

— Право... я затрудняюсь... Въ другое время развѣ... Не уважаете, разумѣется... Уважаютъ только почтенныхъ...

Онъ усмѣхнулся.

— Но чтò, въ самомъ дѣлѣ, могу я сказать вамъ? вдругъ спросилъ онъ, наклоняясь къ ней.—Въ какомъ смыслѣ?

— Я вамъ помогу, сказала Мэри.—Вамъ не стыдно за этотъ балъ?

— Кàкъ стыдно? воскликнулъ Пьеръ, изумленный.—Балъ блистательный!!

— Конечно, блистательный, съ досадой сказала Мэри.—Танцовать пріятно... Пріятно, что нарядженъ не хуже другихъ... И такъ далѣе... Но когда проходитъ чадъ... на минуту или даже на секунду... вдругъ представляется все такимъ гадкимъ... такимъ безсовѣстнымъ... И дѣлается стыдно, зачѣмъ пришелъ на праздникъ этихъ...—Она перевела дыханіе. — Это тàкъ, вдругъ промелькнетъ... Мнѣ кажется, это у всякаго... И стыдно нетолько за себя, а и за всѣхъ... Ну, вотъ съ вами это бываетъ?.. Было сегодня?..

Пьеру сдѣлалось скучно. Вальсъ звучалъ еще въ его ушахъ. И глаза Клавдіи Аполосовны, казалось, загадочно и насмѣшливо смотрятъ изъ ночной темноты. Мэри продолжала говорить, добиваясь отъ него отвѣта, голосъ ея дрожалъ, она волновалась и плакала, но Пьеръ почти не слушалъ ея. Пальцы его нетерпѣливо барабанили по скамейкѣ. Наконецъ, онъ всталъ.

— Пьеръ? Что же вы?.. вскричала Мэри.—Ни слова!?..

— Это вы насчетъ стыда? спросилъ Пьеръ и захохоталъ.—Вы ужасно странная!.. Пойдемте лучше, сказалъ онъ, хватая ее за руку. Слышите—музыка?! крикнулъ онъ съ оживленіемъ.—Пойдемте!

Мэри вырвала руку и тихо сказала:

— Уходите.

Онъ ушелъ бѣгомъ. Но она сейчасъ же раскаялась, что отпустила его. Онъ слышалъ, какъ она звала его, почти кричала: «Пьеръ! Пьеръ!», съ мольбой въ голосѣ, и онъ зналъ, чтò значитъ этотъ молящій тонъ—зналъ и не вернулся, потому что ему хотѣлось танцовать.

Танцы длились еще часа полтора. Графъ де-Гужаръ велъ безконечную кадриль и молодымъ, охрипшимъ голосомъ кричалъ команду: «chaîne de dames!» «chaîne de messieurx!» en avant!» И такъ далѣе. Всѣ повиновались и поворачивались направо и налѣво, галопировали, подавали другъ другу руки съ одной и той же улыбочкой, усталые, счастливые. Музыканты-жидки страстно пилили на скрипкахъ, дули въ кларнеты и флейты, и ихъ черныя длиннополыя фигуры качались на эстрадѣ, въ глубинѣ залы, точно они были маги, странными тѣлодвиженіями и гармоничными звуками заставляющіе у своихъ ногъ бѣсноваться эту нарядную и интеллигентную толпу...

Послѣ кадрили была мазурка, а затѣмъ всѣ двинулись ужинать. Огромный столъ былъ накрытъ въ галлереѣ, весь въ цвѣтахъ, серебрѣ и канделябрахъ, отражавшихъ свои огни въ граненомъ хрусталѣ. Клавдія Аполосовна съ безпокойствомъ взглянула на учителей гимназіи, которые не танцовали и весь вечеръ держались тѣсной кучкой, пощипывая бородки и бороды, а теперь, первые заняли мѣста и самодовольно переглянулись. Первые усѣлись точно также чиновники губернскаго правленія, напряженно улыбаясь. Хозяйка дома опасалась, что за общимъ столомъ не хватитъ мѣстъ всѣмъ дамамъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ придется посадить отдѣльно, вслѣдствіе чего могутъ произойти непріятности, ибо провинціальныя дамы щепетильны.

Такъ и случилось. Самыя почтенныя дамы и самыя уважаемыя—за преклонный возрастъ и чистоту дворянской крови—

должны были занять отдѣльный столикъ. Нинѣ Сергѣевнѣ, попавшей за этотъ столикъ, это не понравилось. И хотя Клавдія Аполосовна постоянно подходила къ этому столику и, между прочимъ, говорила ей въ высшей степени любезныя и пріятныя вещи, она ничего не могла ѣсть отъ волненія.

Вообще Нина Сергѣевна весь день чувствовала себя нехорошо. Еще съ утра былъ посланъ на хуторъ человѣкъ за лошадьми, куда онѣ, изъ экономіи, каждое лѣто усылались на подножный кормъ, и до девяти часовъ не возвращался съ ними, такъ что она выходила изъ себя. Счетъ мадамъ Сесиль вывела не въ пятьдесятъ и не въ семьдесятъ, а въ сто тридцать семь рублей. Затѣмъ обивка въ каретѣ оказалась сорванной. Кто сорвалъ—неизвѣстно. Но пришлось ѣхать тàкъ, безъ обивки, и всю дорогу мучиться. Въ уборной горничныя сняли съ нея и съ Мэри и съ Фанички клочки войлока, съ услужливой улыбкой, что опять разозлило Нину Сергѣевну—ей стало стыдно передъ «чужими слугами», а это для нея была одна изъ высшихъ степеней стыда. Когда она познакомилась съ Федотовой, дамой съ бѣлымъ напудреннымъ лицомъ и большимъ тонкимъ ртомъ, и, наконецъ, успокоившись отъ треволненій дня, стала бесѣдовать съ ней по душѣ, съ соблюденіемъ дворянскаго тона и дворянской привѣтливости, то и тутъ вскорѣ вышли непріятности. Оказалось, что Федотова не участвовала совсѣмъ въ загородномъ гуляньи молодыхъ людей. Коляски у ней не имѣется, а «ѣздіетъ» она въ маленькой двумѣстной каретѣ. О гуляньи слыхала... «Это было вотъ когда...» сказала она и точно опредѣлила время. Ея нянька, старуха, видѣла на разсвѣтѣ изъ окна толпу гимназистовъ и гимназистокъ, а также Рубанскаго, котораго знаетъ—онъ былъ у Федотовой раза два, но его приняли холодно, и онъ теперь у ней не бываетъ. Рубанскій велъ подъ руку двухъ красивыхъ дѣвушекъ, блондинку и брюнетку. На одной была «черкесская кофта», по словамъ няньки. Всѣ были «немножко въ градусѣ», нѣкоторые даже падали и потомъ, говорятъ, утромъ ихъ подбирали на улицахъ—«этихъ несчастныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ», сказала Ѳедотова, сверкнувъ черными глазками *съ наслажденіемъ*—такъ показалось Нинѣ Сергѣевнѣ, которая, багровѣя, слушала свою собесѣдницу и уже ненавидѣла ее всѣми силами. «Но этого мало, продолжала Ѳедотова радостнымъ шопотомъ.—Чтò у нихъ было тамъ за Десной, въ лѣсу! Ну, положительно, всѣ говорятъ, что это было... что это было что-то»... Она потрясла головой, ладонью, и стала шептать Нинѣ Сергѣевнѣ нелѣпый разсказъ. Та оборвала ее, грубо сказала: «Это неправда, тамъ были мои дочери—Лос-ко-ти-ны, милостивая го-

сударыня!», выразительно постучала себѣ въ грудь и отвернулась, опрокинувъ оршадъ, который потекъ по мраморной доскѣ на платье Федотовой. Очевидно, съ этого момента Федотова должна была сдѣлаться ея злѣйшимъ врагомъ. Всѣмъ же этимъ Нина Сергѣевна была обязана Пьеру, который устроилъ это гулянье и навралъ про коляску и проч. Ничего такъ не боялась Нина Сергѣевна, какъ злословія. Сама она никогда не сплетничала—это была ея дворянская черта — и не любила слушать сплетенъ, но вѣрила, что во всякомъ вздорномъ слухѣ есть частица правды. Если на разсвѣтѣ Пьеръ велъ подъ руку ея дочерей черезъ весь городъ, въ компаніи подвыпившей молодежи, то ужь и это былъ безпримѣрный скандалъ... Она гнѣвно вздохнула, и ей показалось, что въ гостинной нѣтъ воздуха, и что платье на ней слишкомъ тяжело—старинное, добротное, изъ гранатнаго гро-гро—и что особенно тяжела ея брошка у горла, усѣянная крупными алмазами и изумрудами плоской грани и украшавшая когда-то поясъ ея предка, гетмана Вернидуба.

Теперь, за ужиномъ, Нина Сергѣевна опять стала задыхаться. Въ огромной галлереѣ, открытой съ боковъ, такъ что виднѣлось черное небо, воздуху для нея было мало попрежнему — даже меньше, чѣмъ въ гостинной. Она хваталась отъ времени до времени за шею и тихонько разстегнула воротъ платья, но брошку, казавшуюся ей пудовой, не снимала—надо было, чтобъ постоянно всѣ видѣли эти камни, которымъ уже двѣсти лѣтъ и которые дороже и выше всякихъ орденовъ. Въ ушахъ у ней стучало, сердце билось неровно...

Она досидѣла до конца ужина и затѣмъ, подозвавъ дочерей, строго сказала имъ:

— Ѣдемъ...

Фаничка, у которой блестѣли глаза отъ шампанскаго и бесѣды съ литераторомъ, посмотрѣла на нее съ лукавой, просительной улыбкой, но вдругъ спросила тревожно:

— Ахъ, что̀ съ вами, maman?

— Ничего, хрипло прошептала она.

Мэри еще съ бо̀льшей тревогой взглянула на мать. «Въ самомъ дѣлѣ—что̀ это съ maman?» подумала она. «Измучилась?!. Бѣдная! Всю ночь!.. И ради чего? Глупый, гадкій балъ»! Но, взглянувъ въ другой разъ, замѣтила гнѣвъ въ ея глазахъ, что-то грозное, страшное... Она отвернулась и вздохнула съ горечью...

Онѣ уѣхали первыя. Свѣтало.

XXVII.

Въ каретѣ Нина Сергѣевна повелительно сказала:

— Этого мерзкаго мосье Пьера не принимать.

Дѣвушки потупились.

Фаничка подумала: «его таки надо проучить», но была поражена словами maman, какъ громомъ. Тысячи предположеній зароились у ней въ головѣ и она посмотрѣла на Мэри, поднявъ бровь.

Мэри сурово сказала себѣ: «Вотъ оно что!.. Къ лучшему»... И не пыталась узнать, за что Пьера постигаетъ такая немилость. Нина Сергѣевна опустила окна и жадно ловила воздухъ, дыша всей грудью. Брошка давила ее попрежнему. Она рванула ее и бросила Мэри, сказавши отрывисто:

— Спрячь!

Дорога была ровная, лошади одичали на хуторѣ и почти несли; деревья, дома, фонари мелькали по обѣимъ сторонамъ, сливаясь въ разсвѣтномъ сумракѣ въ сплошныя, бѣгущія назадъ полосы. Какая-то гайка немилосердно дребезжала, казалось, надъ самымъ ухомъ Нины Сергѣевны. Но она терпѣла ее, и быстрота, съ какой ѣхала карета, немного освѣжала ее. Она взглянула на небо. Черныя тучи были съ алымъ оттѣнкомъ, на востокѣ горѣла рубиновая заря. Сумеречный свѣтъ въ каретѣ и на улицѣ былъ пропитанъ какимъ-то блѣдно-краснымъ блескомъ. Лица Мэри и Фанички были тоже блѣднокрасныя. Она забыла вдругъ всѣ свои огорченія и съ любопытствомъ поворачивала голову направо и налѣво. Ей стало лучше. Воздуху, свѣжаго и холоднаго, было такъ много, что ей казалось, что она пьянѣетъ отъ него. И въ самомъ дѣлѣ у ней стала кружиться голова — сильнѣе и сильнѣе. Спать ей захотѣлось неудержимо. Но вдругъ она почувствовала, что карета сильно наклонилась на бокъ — Мэри и Фаничка, сидѣвшія противъ, тоже наклонились, но какъ-то странно — лица у нихъ сохраняютъ все тоже выраженіе, имъ даже не въ домекъ, что онѣ падаютъ, что уже упали. Онѣ — точно куклы деревянныя. Нина Сергѣевна судорожно схватилась за войлокъ и стала кричать и метаться. Тогда, наконецъ, очнулись Мэри и Фаничка и протянули къ ней руки съ тревогой и испугомъ. Карета нетолько наклонилась и ѣхала бокомъ — «кто-то сейчасъ укралъ рессору, должно быть Пьеръ» — но и, казалось, перевернулась нѣсколько разъ. Нина Сергѣевна получила страшный ударъ въ лѣвый бокъ, лѣвое плечо и лобъ. Кровь го-

рячею струею бѣжитъ по ея лицу и теперь все уже кажется ей краснымъ—и небо, и дома, и лица дочерей, и ихъ наряды...

Фаничка съ ужасомъ смотрѣла на мать и держала ея руку въ своихъ, между тѣмъ какъ Мэри, привставъ, поспѣшно разстегнула и расшнуровала ей платье и махала надъ нею вѣеромъ. Глаза Нины Сергѣевны дико блуждали, налились кровью, и лицо ея приняло синеватый оттѣнокъ, въ горлѣ хрипѣло. Небо было зловѣщее, свинцовое, и только внизу на горизонтѣ ширилась бѣлая полоса разсвѣта. Карета ѣхала все также быстро и спокойно и черезъ минуту остановилась у крыльца Лоскотинскаго дома.

Мэри приказала кучеру и дворнику сѣсть на лошадей и летѣть за докторами. Карету отложили, и Нина Сергѣевна, которую, какъ оказалось, не было никакихъ силъ, безъ помощи мужчинъ, перенести въ домъ, лежала въ ней, полураздѣтая, облитая водой изъ колодца, и все хрипѣла, вращая глазами и показывая на сгибы локтей... Должно быть, она хотѣла, чтобъ ей бросили кровь...

Антипьевна вышла. Она смотрѣла на свою старую барыню, которая столько разъ бивала ее и когда-то посылала «на конюшню», и плакала горько.

— Говорила я — не къ добру упала топôля, болѣзно шептала она горничной.

Фаничка рыдала, пряча лицо въ бальныя перчатки. Мэри хмурила брови, и ей не хотѣлось вѣрить, что maman умираетъ. Она была блѣдна и подбородокъ ея дрожалъ.

Проснулся поваръ, почти мальчикъ, худой и бѣлобрысый, и глазѣлъ на карету. Мэри, увидѣвъ его, приказала, чтобъ и онъ отправился за докторомъ. Онъ нехотя повиновался.

А Нина Сергѣевна то ясно сознавала, что дѣлается вокругъ нея и что съ нею, то теряла сознаніе. Темнокрасное небо было такъ низко, что давило ее. Красный сумракъ иногда сгущался кругомъ до того, что она ничего не могла разсмотрѣть. Тогда она слышала звонъ колокольчиковъ. Неслись бѣшенныя тройки. Мимо мелькали черныя деревья, хаты. Горѣлъ огнями старый помѣщичій домъ. Тамъ вечеринка. На щекахъ Нины Сергѣевны пышетъ румянецъ. Она—бойкая, стройная дѣвушка, и кавалеры, въ сюртукахъ, съ узкими рукавами, и пестрыхъ жилетахъ, увиваются за нею. Вотъ опять тройки, опять гремятъ колокольчики, бубенчики. Темно, ночь, звѣзды мерцаютъ, снѣгъ скрипитъ подъ полозьями, фыркаютъ лошади... Кто-то цѣлуетъ ее...

«Но зачѣмъ тутъ плачетъ Фаничка и гдѣ Мэри?.. И что съ Лизой?».. думаетъ Нина Сергѣевна и хрипитъ, озираясь.

Шаршмидтъ пріѣхалъ. Онъ велѣлъ перенести больную въ домъ, изслѣдовалъ ее, сосчиталъ пульсъ, махнулъ рукой, авторитетно сказалъ Мэри: «Приготовляйтесь, она должна умирать», и объявилъ, что кровь пускать совершенно безполезно, но посовѣтовалъ прикладывать къ головѣ ледъ...

Тутъ Мэри послала за священникомъ и заплакала.

Нина Сергѣевна посмотрѣла на нее неподвижнымъ взглядомъ и подумала: «негодяй, онъ, кажется, обидѣлъ ее» и опять забылась... Шумъ нагналъ на нее ужасъ. Этотъ шумъ, глухой и непріятный, постепенно росъ. Казалось, что гдѣ-то вдали идутъ мужики въ тяжелыхъ сапогахъ по пустымъ комнатамъ, расположеннымъ безконечной амфиладой. Вотъ они ближе и ближе... Вотъ они въ спальнѣ... «Вы зачѣмъ здѣсь?» хочетъ сказать Нина Сергѣевна и смотритъ на нихъ, дрожа. Ихъ всего четыре человѣка. Они въ красныхъ рубахахъ, въ бородахъ, и лица ихъ смѣются, и они подмигиваютъ ей какъ-то страшно и многозначительно. «Ну, ребята!» говорятъ они вдругъ, засучиваютъ рукова и плюютъ въ руки. И, ставъ по четыремъ угламъ кровати, наклоняются и кричатъ: «Ну, разомъ, ну!» Кровать тронулась, покачнулась... Нина Сергѣевна хотѣла ухватиться за подушки, за перину, за одѣяло, потому что боялась упасть, но не могла пошевельнуться—силъ не было.

Мэри и Фаничка съ тоской и слезами смотрѣли на нее и ласкались къ ней, думая успокоить ее. Черезъ минуту она, дѣйствительно, стала спокойнѣе—перестала хрипѣть. А еще черезъ минуту судорожно вытянулась, и неподвижно уставилась глазами въ одну точку.

Священникъ вошелъ въ спальню съ святыми дарами и крестомъ, торопливо облачаясь на ходу. Но было уже поздно.

XXVIII.

Прошло около трехъ недѣль. Фаничка, горько плакавшая, когда хоронили maman, вскорѣ утѣшилась. Она стала чувствовать себя свободной, независимой, могла ходить куда угодно, спать хоть до обѣда, и это чувство самостоятельности выгодно отразилось на ея внѣшности—глаза ея стали глядѣть увѣреннѣе, серьёзнѣе, она даже расцвѣла и къ концу мѣсяца замѣтила, что у ней полнѣетъ подбородокъ. Ее постоянно посѣщали подруги—когда-то онѣ были забракованы maman — и съ ними она ѣздила кататься, ѣздила на хуторъ, угощала ихъ, дѣлала имъ подарки. Иногда всѣ забирались на антресоли, располага-

лись тамъ спать, и всю ночь Мэри слышала, какъ онѣ болтаютъ о разныхъ пустякахъ, хохочутъ, цѣлуются или поднимаютъ гамъ, пискъ, визгъ...

Мэри нѣсколько разъ заговаривала съ Фаничкой о томъ, что нехорошо такъ вести себя—меньше чѣмъ въ мѣсяцъ она расшвыряла до сорока рублей и точно радуется, что maman умерла. Фаничка, наконецъ, разсердилась, накричала на сестру и онѣ поссорились, такъ-что перестали говорить одна съ другой. Мэри переселилась въ спальню maman.

Маша Линина, пріѣхавшая изъ деревни, заходила къ Мэри, бесѣдовала о Лизѣ, уныло вздыхала. Посѣщали ее и другія дамы и говорили, что искренно соболѣзнуютъ «прелестнымъ сиротамъ». Даже Клавдія Аполосовна побывала. Но Мэри встрѣчала всѣхъ холодно и, во время визитовъ, молчала, потупившись. Она была въ глубокомъ траурѣ, похудѣла и пожелтѣла, и брови ея были всегда нахмурены.

У ней созрѣло рѣшеніе отказаться отъ своей доли наслѣдства и сдѣлать изъ нея такое употребленіе, какое сдѣлаетъ Лиза. Лиза продолжала быть ея идеаломъ, но недостижимымъ. Учить ребятъ въ деревнѣ, непосредственно служить народу, казалось ей самымъ труднымъ дѣломъ. Она хотѣла подвига сестры, но хотѣла и подвига мученицъ первыхъ вѣковъ христіанства и, по временамъ, читая житіе Варвары или Екатерины, плакала отъ восторга, отъ страстнаго порыва, сжимавшаго ей горло...

Она вѣрила въ загробную жизнь, и ей казалось, что душа maman гнѣвно смотритъ на нее изъ какого-то могильнаго сумрака. Чтобъ сдѣлать что-нибудь согласное волѣ maman, она приказала не принимать Пьера.

Пьеръ обидѣлся. Но недѣли черезъ двѣ написалъ Фаничкѣ длинное письмо, на которое она сейчасъ же отвѣтила и пригласила его къ себѣ. Онъ явился. Она приняла его въ гостинной.

Пьеръ былъ въ черномъ сюртукѣ, она въ траурномъ платьѣ. Они смотрѣли другъ на друга и сдержанно улыбались. Все прежнее казалось ей не серьёзнымъ. Она простила ему обиду на вечерѣ и когда узнала, за что maman велѣла отказать ему отъ дома, то тихо разсмѣялась. Серьёзнымъ представлялось ей только это свиданіе. Теперь ихъ любовь можетъ не скрываться, никто имъ не помѣшаетъ и мѣсяцевъ черезъ шесть они, если захотятъ, повѣнчаются. Пьеръ самъ это почувствовалъ, и почти испугался. Дѣйствительно, свиданіе серьёзное. Онъ не посмѣлъ ей говорить *ты*, и она тоже говорила ему *вы*.

На другой день опять свиданіе и опять таже сдержанность. Затѣмъ они свидѣлись еще раза два и, наконецъ, стало ясно,

что это ужь не простая любовная интрижка. И чтобъ разбить ледъ, мѣшавшій ему цѣловать Фаничку и говорить съ ней задушевно, Пьеръ сдѣлалъ ей предложеніе.

Онъ очень любилъ Фаничку. Впечатлѣніе, произведенное на него Клавдіей Аполосовной на вечерѣ, поблѣднѣло, когда, явившись, черезъ день, на урокъ, онъ былъ встрѣченъ съ прежней холодностью и вѣжливой оффиціальностью. Слѣдующіе уроки были неизмѣнно такіе-же. Клавдія Аполосовна, въ сущности, была даже груба съ нимъ. Она едва протягивала ему руку и презрительно щурилась, когда онъ поднималъ на нее глаза. Балъ казался ему мимолетнымъ сномъ и надо было возвратиться къ болѣе постоянной дѣйствительности. Что касается Мэри, то онъ злился на нее за приказаніе не принимать его, хотя и зналъ, что такова была воля еще покойной Нины Сергѣевны. Мэри, къ тому же, совсѣмъ перестала ему нравиться. Почему—онъ не задавалъ себѣ вопроса. Онъ слишкомъ былъ наполненъ мыслью о Фаничкѣ. Стройная, темноглазая, съ цвѣтущимъ лицомъ, капризными губами, красивыми продолговатыми кистями рукъ, лебяжьей шеей, волнистыми волосами, густо покрывающими голову, множествомъ кудрявыхъ подволосковъ на бѣломъ и нѣжномъ загривкѣ, Фаничка мерещилась ему ночью и днемъ, и онъ былъ въ восторгѣ, когда, въ отвѣтъ на его предложеніе, она сказала: «хорошо, Пьеръ». Конечно, они затѣмъ обнялись, поцѣловались. Ледъ былъ разбитъ до того, что Фаничка сѣла на колѣни къ Пьеру и, радостная, стала строить планы относительно будущаго. Если перевести все на деньги, то ей досталось отъ maman тысячъ пятнадцать и, пожалуй, сестры отдадутъ ей домъ. Женившись, придется ѣхать въ университетскій городъ, чтобъ Пьеръ кончилъ курсъ. Потомъ они опять пріѣдутъ сюда. Пьеръ станетъ служить по выборамъ. Они будутъ счастливы...

Пьеръ слушалъ и ласкалъ Фаничку.

Это происходило на антресоляхъ, на балкончикѣ. Жара спàла и садъ чуть-чуть шумѣлъ. Справа тополи бросали на него косыя тѣни. Влюбленнымъ казалось, что они одни среди этого послѣобѣденнаго покоя, подъ этимъ яснымъ голубымъ небомъ, и міръ не существовалъ для нихъ... Они существовали только.

Но Мэри видѣла ихъ. Она пришла на антресоли, чтобъ взять изъ кіота медальонъ съ волосами maman. Она увѣряла себя, что пришла именно за этимъ. Они сидѣли спиной къ ней и не могли слышать ея мягкихъ шаговъ, потому-что возлѣ нихъ шумѣло дерево, задорно чирикали воробьи, и сами они были увлечены другъ другомъ. Мэри хотѣла уйти, взявъ медальонъ. Но

дыханіе у ней захватило, ноги подкосились. Она поборола стыдъ и бросилась на балкончикъ.

— Фаничка! испуганно вскричала она и схватила сестру за плечо.

Та вскочила, обернулась и смотрѣла на Мэри растеряннымъ взглядомъ. Румянецъ неровно горѣлъ у ней на щекахъ, между тѣмъ какъ Мэри была блѣднѣе бумаги и губы ея были бѣлы. Пьеръ продолжалъ сидѣть, хмурился и нервно крутилъ усикъ. глядя въ полъ-оборота на Мэри.

— Какъ ты меня испугала! сказала, наконецъ, Фаничка со вздохомъ и улыбнулась, передвинувъ на плечахъ пелеринку. — Ты знаешь—это мой женихъ...

Она нѣжно посмотрѣла на Пьера.

Мэри потупилась. Лицо ея сдѣлалось еще блѣднѣе и губы затряслись. «А, вотъ что!» подумала она.

— Ты забыла о распоряженіи maman? сказала она глухо.

— Maman умерла, сказала Фаничка.

Мэри постояла на балкончикѣ нѣсколько секундъ, храня мертвое молчаніе, и ушла, не поднимая глазъ, медленной походкой...

А Фаничка затѣмъ всѣмъ стала разсказывать, что она невѣста Пьера. Черезъ три дня объ этомъ зналъ весь городъ.

XXIX.

Звонили къ вечернѣ. Солнце золотило главы церквей, которыя горѣли вдали въ блѣдно-сизой дымкѣ, смягчавшей пестрый и яркій пейзажъ. По голубой глади Десны серебряными петлями струилась рябь. Мѣрно опускались и поднимались весла. Вода косо падала съ нихъ продолговатыми каплями. Лодка летѣла стрѣлой. Фаничка управляла рулемъ, Пьеръ, въ соломенной шляпѣ, сидѣлъ противъ нея, на поперечной скамеечкѣ, молодые люди обоего пола, въ лѣтнихъ костюмахъ, громко переговаривались между собой и съ наслажденіемъ гребли, замолкая на минуту, когда надо было «наддать».

Городъ вынырнулъ на правомъ берегу. Налѣво убѣгалъ плоскій песчаный берегъ.

— Мнѣ скучно, что сейчасъ пріѣдемъ, сказала Фаничка.

— А мнѣ такъ надоѣло это катанье, сказалъ Пьеръ.

— Почему? спросила она.

— Много постороннихъ глазъ, прошепталъ онъ.

Взглядъ ея потупился, губы сложились въ улыбку.

— Правда! сказала она тихо и покраснѣла.

— Я вотъ весь день жду свободной минуты, продолжалъ Пьеръ:—но увы!

Онъ развелъ руками. Потомъ сказалъ съ упрекомъ:

— Впрочемъ, давно жду... Помнишь, Фаничка, съ какихъ поръ?

Она посмотрѣла ему въ глаза и снова потупилась.

— Нѣтъ, Фаничка, ты очень жестока, сказалъ онъ со вздохомъ.

Она повернула руль. Лодка стала описывать полукругъ. Городъ былъ совсѣмъ близко—рукой податѣ. Виднѣлись купальни.

— Ты вѣдь имянинникъ завтра? сказала Фаничка.—Завтра Петра и Павла! Знаешь что, Пьеръ?

— Ну, что?

— Поѣдемъ на хуторъ. Будетъ пирогъ, шампанское... Поѣдемъ?

— Вдвоемъ?...

— Нѣтъ, всей компаніей... Они хорошіе люди... Тамъ вѣдь не то, что въ лодкѣ... Увѣряю, тамъ просторно... Домикъ, роща...

Пьеръ взглянулъ ей въ глаза. Зрачки ихъ встрѣтились. Онъ улыбнулся.

— Идетъ! сказалъ онъ.

— Господа!.. крикнула Фаничка. И затѣмъ пригласила гостей на имянины своего жениха, объявивъ, что если кто не пожелаетъ идти пѣшкомъ—до хутора шесть верстъ — можетъ взять извощика на ея счетъ.

— Ладно! сказалъ кто-то басомъ.

Уключины затрещали. Это гребцы сдѣлали послѣднее энергическое усиліе и затѣмъ пустили лодку. Пристань и берегъ бѣжали на встрѣчу. Изъ купаленъ несся крикъ женщинъ и дѣтей. Поодаль голыя тѣла барахтались въ водѣ, то и дѣло соскальзывая съ мокрыхъ, фыркающихъ лошадей. Вода пѣнилась, мутная, грязная. Вотъ лодка ударилась въ пристань, кто-то схватилъ ее за носъ—и молодые люди одинъ за другимъ вышли по зыбкимъ морскамъ на твердую землю.

— И такъ, завтра пиръ на весь міръ! весело сказала Фаничка, прощаясь со всѣми и садясь на извощичьи дрожки. Она спѣшила въ гастрономическую лавку и къ кондитеру, чтобъ сдѣлать заказы.

Пьеръ смотрѣлъ ей въ-слѣдъ и сердце его радостно билось.

XXX.

На другой день Пьеръ всталъ въ одиннадцать часовъ, одѣлся въ холстъ—по дачному, послалъ къ Фаничкѣ въ помощь сестру,

и только-что самъ хотѣлъ ѣхать, какъ къ нему вошелъ ливрейный лакей и почтительно подалъ письмо отъ Клавдіи Аполосовны.

Она сухо приглашала его «пожаловать» къ ней сегодня на пять минутъ «для необходимыхъ переговоровъ»—въ два часа.

Онъ немного струсилъ. Въ послѣднее время онъ пропускалъ уроки.

Онъ отпустилъ лакея и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, подумалъ: «какъ это все не кстати».

И, однако, ему очень захотѣлось къ Клавдіи Аполосовнѣ. Надо было, во что бы то ни стало, быть у ней ровно въ два часа. Фаничка немного разсердится, что онъ поздно явится, но—что же дѣлать. «Нѣтъ, да и не разсердится», сообразилъ онъ и опять зашагалъ по комнатѣ. Обѣдъ и пирогъ едва ли поспѣютъ раньше четырехъ. А въ четыре ужь онъ непремѣнно будетъ на хуторѣ. Онъ успокоился, переодѣлся, договорилъ на цѣлый день извощика и въ назначенный срокъ велѣлъ доложить о себѣ Клавдіи Аполосовнѣ.

Она не вышла къ нему, а велѣла сказать, чтобъ онъ шелъ прямо къ ней, въ будуаръ. Лакей указалъ ему, куда идти.

Въ будуарѣ было темновато отъ тропической зелени и драпировокъ, и, среди сѣрыхъ атласныхъ диванчиковъ съ голубой отдѣлкой, креселъ, пуфовъ, козетокъ, зеркалъ въ фарфоровыхъ рамахъ, фарфоровыхъ столиковъ и этажерокъ, Пьеръ едва разглядѣлъ Клавдію Аполосовну.

Она лежала на кушеткѣ, въ блузѣ какого-то мягкаго свѣтлаго цвѣта съ темными бантами, и, надменно взглянувъ на него, сказала, не протягивая ему руки:

— А!.. вы довольны вашимъ урокомъ?

Онъ подумалъ: «что̀ за пріемъ? И что за вопросъ?» И слегка обидѣлся. Клавдія Аполосовна никогда еще не говорила съ нимъ такъ высокомѣрно.

— Д-да... сказалъ онъ.

— Это вѣдь хорошій урокъ? спросила она.

— Д-да...

— Надѣюсь, сказала она и замолчала.

Онъ стоялъ. Прежде онъ никогда не сѣлъ бы безъ приглашенія. Но теперь онъ чувствовалъ себя самостоятельнѣе. У него было болѣе или менѣе обезпеченное будущее, благодаря предстоящей женитьбѣ его на Фаничкѣ, и это позволяло ему держать себя независимо. Соображеніе это, впрочемъ, только теперь пришло ему въ голову. Онъ нахмурился и оглянулся. Клавдія Аполосовна замѣтила, что онъ ищетъ глазами на чемъ сѣсть,

и тактъ, котораго она держалась всегда съ «низшими», заставилъ ее поспѣшить сказать:

— Сядьте.

Онъ покраснѣлъ и сѣлъ. Онъ понялъ, что опоздалъ. Это «сядьте» внезапно лишило его самоувѣренности. Прежняя застѣнчивость, страхъ неловко ступить, неловко сѣсть, некстати высморкаться, чихнуть, сказать плоскость, вернулись къ нему съ удвоенною силою. Но повліяла на него также и поза Клавдіи Аполосовны — она все лежала на кушеткѣ и въ этой позѣ, свободной и даже красивой, но слишкомъ домашней, сказывалось что-то презрительное, не признающее въ немъ человѣка, низводящее его на одинъ уровень съ вещами, которыхъ вѣдь никто не стѣсняется. Онъ въ первый разъ былъ въ будуарѣ знатной дамы; и такъ былъ взволнованъ, что не смѣлъ поднять на нее глазъ. А когда поднялъ—то встрѣтилъ ледяной взглядъ, отъ котораго сердце его странно забилось.

— Я ѣду завтра или послѣ завтра въ Біарицъ, сказала послѣ паузы Клавдія Аполосовна.—Ученикъ вашъ ѣдетъ со мной...

Она помахала себѣ въ лицо вѣеромъ и искоса взглянула на Пьера.

Онъ слегка кивнулъ головой. Онъ замѣтилъ этотъ косой взглядъ и сообразилъ, что Клавдія Аполосовна готовитъ ему какой-то сюрпризъ. Всегда нуждаясь въ деньгахъ, онъ подумалъ, что, уѣзжая, она хочетъ заплатить ему за все лѣто — можетъ быть по сентябрь включительно. Но сейчасъ же подумалъ: «нѣтъ, тутъ что-то другое»...

— Хотѣли бы вы удержать за собой вашъ урокъ? сказала вдругъ Клавдія Аполосовна.

— То-есть... промолвилъ онъ, робѣя, и подумалъ: «Такъ вотъ что! Неужели ѣхать за-границу?»

— Ну, да, сказала она, угадавъ его мысль.

Онъ вздрогнулъ. Онъ вспомнилъ балъ, вальсъ. Взглянулъ на Клавдію Аполосовну, и голова его закружилась.

— На долго? спросилъ онъ, желая придать лицу серьёзное выраженіе и скрыть радость, охватившую его, но не могъ ее скрыть.

— До глубокой осени... Завернемъ въ Италію... сухо сказала Клавдія Аполосовна и опять изъ-за вѣера посмотрѣла на него.

Онъ поклонился и сказалъ:

— Съ удовольствіемъ...

Клавдія Аполосовна чуть-чуть улыбнулась.

— Вы будете получать по двѣсти рублей въ мѣсяцъ, кромѣ путевыхъ расходовъ, сказала она затѣмъ.

Онъ покраснѣлъ, потупившись. Разныя мысли приходили ему. Перспектива рисовалась радужная. Надежда мелькнула, что тамъ, за-границей, пожалуй, и романъ выйдетъ у него съ этой вотъ неприступной и надменной барыней, на которую и обидѣться, въ сущности, нельзя—такъ она величественна и царственна сегодня. Вспомнилъ о Фаничкѣ. Жениться на ней все равно теперь нельзя, а когда еще выйдетъ срокъ траура! какъ разъ къ зимѣ. До тѣхъ поръ вѣдь надо-жъ ему жить, надо трудиться, заработывать деньги. Неужели это преступленіе? Онъ мысленно пожалъ плечами...

Между тѣмъ молчаніе, наступившее послѣ словъ Клавдіи Аполосовны, длилось минуты двѣ и было прервано ею же. Она сказала, помахивая вѣеромъ:

— Вотъ еще... Я вамъ... Это не все...

И опять замолчала. Должно быть ее стѣснялъ русскій языкъ, потому что, вспомнивъ разговоръ съ Пьеромъ во время кадрили, она начала по-французски:

— Êtes vous disposé à m'obéir?..

Пьеръ почтительно поклонился.

— Eh bien, je vais vous mettre à l'épreuve... сказала Клавдія Аполосовна, краснѣя. Потомъ нахмурилась и закусила губу. Ее злило, что она конфузится, какъ мѣщанка, и что молодой человѣкъ, конечно, видитъ ея смущеніе.

— Подойдите сюда! сказала она вдругъ капризно. — Садитесь!—Она указала ему глазами на кушетку. Взглядъ ея теперь смѣялся, но въ немъ уже не было холода, а что-то горячее, тревожное. Пьеръ почувствовалъ, что сходитъ съума. Дрожь пробѣжала по тѣлу. И когда онъ сѣлъ, то зубы его стучали.— Вы женитесь? тихо и сухо спросила Клавдія Аполосовна.

— Я хотѣлъ... началъ Пьеръ.

— На этой... на Фаничкѣ?..

— Да...

— Вы не женитесь на ней, сказала она холодно.

Онъ молчалъ.

— Дайте слово! сказала она.

Пьеръ умиралъ отъ счастья. Что за Фаничка? Какая Фаничка? Вотъ тутъ, сейчасъ, возлѣ него, дышетъ гибкій станъ красавицы, какъ божество недоступной—и этотъ станъ будетъ покоренъ ему... А вѣдь кто же онъ самъ?.. Плебей! Рубанскій! сынъ квартальнаго!

. . . .

XXXI.

Пьеръ уѣхалъ отъ Черемисовой въ шесть часовъ. Въ карманѣ у него было триста рублей, и онъ расплатился съ портнымъ и другими кредиторами помельче и въ еврейскихъ лавкахъ накупилъ необходимыхъ для дальнѣйшаго путешествія вещей. Онъ не забылъ о Фаничкѣ и о пирогѣ на хуторѣ, но все это казалось ему почти забавнымъ. Онъ стоялъ теперь на какой-то высотѣ неизмѣримой, точно вдругъ открылось, что онъ ближайшій наслѣдникъ какого-то владѣтельнаго князя. Пирогъ — «вѣроятно, скверный» — могли съѣсть и безъ него. Да къ тому же, все равно, надо вѣдь разорвать съ Фаничкой. Долго не чувствовалъ онъ никакихъ угрызеній. Даже самъ хотѣлъ поѣхать къ Лоскотинымъ часовъ въ восемь, повидаться съ Фаничкой и все объяснить ей. Онъ былъ убѣжденъ, что она пойметъ его, и если искренно любитъ, то не станетъ упрекать. И дѣйствительно поѣхалъ. Но съ половины дороги вернулся и отправился къ оптику.

— Дайте мнѣ консервы, сказалъ онъ.—Самыя синія... Вообще темныя...

Оптикъ, еврей въ полосатомъ пиджакѣ и грязномъ бѣльѣ, подалъ ему консервы и, поправивъ черепаховое пэнснэ на горбатомъ носу, спросилъ:

— У вась глаза болятъ?..

— Д-да... сказалъ Пьеръ, примѣряя консервы.

— Ежели болятъ глаза, началъ оптикъ съ увлеченіемъ, то берите вы верхушку *изъ сахарное голову*, чтобъ *былъ себѣ этакой дырочка* по середкѣ... Очень размачивайте *у* водѣ и потомъ потихонечку прикладывайте! Прэлесть!—Тутъ онъ сдѣлалъ по возможности прелестное лицо и взялъ съ Пьера три рубля.

Пьеръ, въ очкахъ, опять поѣхалъ къ Лоскотинымъ. Въ передней встрѣтилъ горничную и узналъ отъ нея, что Фаничка только что возвратилась и сидитъ въ бесѣдкѣ.

Онъ спросилъ трусливо:

— Что жь она?.. Здорова?..

— Здоровы, а только *чегось* плакали, отвѣчала горничная.

— Чего? Не знаешь?.. Ты не ѣздила съ нею?

— Ѣздила... Да все васъ ждали! сказала горничная.—Ждали васъ, ждали... Только *вже* пять часовъ... Только *вже* и шесть... «Кушайте!» говорятъ гостямъ, а сами не кушаютъ. Ну, гости — что̀ имъ—допались до пирога, ничего не оставили... Такъ-то!..

— Ахъ, Боже мой! сказалъ Пьеръ.—Такой случай со мной вышелъ... Милочка, нà вотъ, тебѣ рубликъ—не говори, что я пріѣзжалъ... Пріѣду завтра... или...

И онъ бросился на улицу, снялъ очки и полетѣлъ домой, гдѣ засталъ Машу.

Онъ объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, и горячо просилъ ее быть посрѐдницей. Но та поблѣднѣла и отказалась.

— Пьеръ, сказала она:—это тяжело. Ахъ, Пьеръ, ты, можетъ быть, многаго хочешь... Пьеръ, неужели Фаничка мѣшаетъ?

Онъ нервно махнулъ рукой и, взявъ сестру за плеча, сказалъ выразительнымъ шопотомъ, приблизивъ къ ней лицо:

— Ты знаешь, Маша, я не могу любить никого...

— Почему, Пьеръ?

— Не могу—у меня связь...

— Съ кѣмъ? воскликнула Маша боязливо.

— Съ Клавдіей Аполосовной... произнесъ онъ почти неслышно, и серьёзно и значительно глядѣлъ на сестру въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, пока въ сосѣдней комнатѣ, за дверями, не раздалось хихиканье Линина... Тогда Пьеръ повернулся, и вышелъ, сердито хлопнувъ дверью.

Онъ рѣшилъ написать письмо и послать его съ своимъ извощикомъ... Онъ спѣшилъ, нервничалъ и письмо написалъ коротенькое и почти грубое.

XXXII.

Фаничка, которой горничная передала уже о Пьерѣ и о томъ, что съ нимъ «вышелъ случай»—«должнò, глазъ выкололъ, потому въ очкахъ, страшный такой»—и, которая хотѣла уже идти къ Лининой, чтобъ узнать, что̀ это за случай, получила письмо на террасѣ, гдѣ сидѣла въ креслахъ покойной maman и мучилась. Письмо прибавило муки; оно испугало ее, еще не будучи прочитано. Адресъ былъ какой-то необычайный: «Ея Высокородію Феофаніи Павловнѣ Лоскотиной, въ собственныя руки. *Отвѣта не надо*». Рука была, несомнѣнно, Пьера. Сердце Фанички билось тревожно, и она цѣлый часъ проносила письмо въ карманѣ, не вскрывая его. Казалось, что тамъ какой-то ядъ; и ей хотѣлось отдалить роковую минуту.

Стало темнѣть. Мэри такъ вела домъ, чтобъ въ немъ хоть сколько-нибудь чувствовался порядокъ, заведенный Ниной Сергѣевной. Чай, какъ и прежде, продолжали пить на террасѣ, при свѣчахъ. Антипьевна жила въ своей каморкѣ, съ кошками—она

не хотѣла съ ними разставаться—и весь день ея не было видно. Но по вечерамъ она всегда являлась съ чистой скатертью и приготовляла чайную посуду. Фаничка безучастно смотрѣла сегодня на всю эту процедуру. Она перешла въ гостинную и легла на диванъ. Отъ чаю отказалась. Къ ней достигала полоска свѣта, пересѣкая ея руку, бѣлѣвшую на черномъ фонѣ диванной обивки. Мэри сидѣла къ ней спиной, въ рамѣ открытыхъ дверей, и казалась ей въ высшей степени унылой фигурой. Иногда она ненавидѣла ее за то, что у ней такая спина и что она такъ неподвижно сидитъ, точно мертвая. Между тѣмъ, какъ письмо, лежавшее въ карманѣ, то влекло ее къ себѣ, то отталкивало. Наконецъ, она вынула его. Въ темнотѣ оно было не такое страшное. Отъ него пахло духами. «Какіе это духи? Должно быть, миль-флеръ», подумала Фаничка. Она тихонько сорвала конвертъ. Развернула твердую почтовую бумажку. Пальцы ея дрожали. Она помѣстила письмо въ полоску свѣта на диванѣ и стала со страхомъ читать, напрягая зрѣніе. Въ ушахъ у ней звенѣло, въ вискахъ стучало.

На столѣ, передъ Мэри, стоялъ стаканъ молока и лежалъ ломтикъ черняго хлѣба. Чаю она все не пила и стала уже отвыкать отъ него. Она думала о Лизѣ, которая, вѣроятно, одна въ состояніи повліять на Фаничку. Расточительность Фанички злила ее. Сама она не издержала на себя еще ни гроша, а вотъ сегодняшній нелѣпый пиръ Фанички обошелся въ двадцать два рубля. Она знала, что все это устроивалось для Пьера, но онъ не пріѣхалъ. Ей было и жаль Фаничку, и въ тоже время хотѣлось, чтобъ Пьеръ никогда ужь больше не видѣлся съ Фаничкой. «Ей слѣдуетъ прогнать его, поссориться съ нимъ», думала она и опять возвращалась къ двадцати двумъ рублямъ...

Вдругъ, она услышала стонъ, болѣзненный, всхлипывающій. Она тревожно прислушалась. Черезъ секунду стонъ повторился и кто-то глухо зарыдалъ—всею грудью. Она бросилась въ гостинную, къ дивану. Не было сомнѣнія, рыдала Фаничка.

— Что съ тобой, Фаничка, дорогая? вскрикнула она, обнимая въ темнотѣ сестру и забывая мгновенно всѣ непріятности, какія въ послѣднее время накопились между ними, *но* догадываясь изъ-за чего эти слезы.

Фаничка не отвѣчала и еще сильнѣе стала рыдать. Сочувствіе Мэри, ея поцѣлуи и ласковый шопотъ убѣдили ее, что въ самомъ дѣлѣ скорбь ея неизмѣримо велика. Она поймала руку сестры и прижала ее къ груди.

— Мэри, Мэри! промолвила, наконецъ, она.—Посмотри, какое письмо прислалъ мнѣ этотъ подлый человѣкъ!..

Ей теперь надо было друга, искренняго и сострадательнаго, чтобъ излиться передъ нимъ. Иначе—слезамъ ея не будетъ конца. И она вдругъ полюбила Мэри.

Она привстала на диванѣ и обняла ее, пряча въ ея волосахъ мокрое лицо.

— Голубочка, Мэри! прошептала она.—Прости меня за все!

— Что ты, Фаничка... Забудемъ...

— Забудемъ, Мэри. Ахъ, Мэри, ты знаешь... Я ревновала къ тебѣ, сказала она, рыдая.

— Ну, вотъ! оставь, Фаничка...

Фаничка продолжала:

— Стоитъ ли онъ этого?.. Ты милая, хорошая, а я ревновала!

— Оставь, Фаничка, сказала Мэри.—Что же онъ тебѣ написалъ?

Рыданія Фанички усилились. Она подала сестрѣ скомканное письмо и сказала:

— Прочти... Прочти, какой онъ подлый!

Чѣмъ болѣе убѣждалась Мэри въ разрывѣ Фанички съ Пьеромъ, тѣмъ сильнѣе жалѣла ее. Но, когда принесла свѣчку и прочитала его письмо, такъ что разрывъ сдѣлался для нея фактомъ очевиднымъ и несомнѣннымъ, жалость ея къ сестрѣ достигла высшей степени. Она сама заплакала и крѣпко обняла Фаничку, осыпавъ ее горячими поцѣлуями. Фаничка голосила, но уже горе ея, благодаря теплому участію сестры, не казалось ей такимъ громаднымъ, какъ въ началѣ, и ей захотѣлось, мало по малу, разсказать Мэри *все*. И она разсказала. Но, разсказавши, очень удивилась, что почти утѣшилась и не можетъ больше плакать. «Мэри, конечно, подумаетъ, что я безсердечная», сказала она себѣ, но все-таки не въ состояніи была плакать. Напротивъ, разочекъ даже улыбнулась. Только у Мэри отъ времени до времени текли изъ глазъ слезы, хотя лицо у ней сіяло кротостью и взглядъ былъ любовенъ и нѣженъ. Никогда она—со дня послѣдняго свиданія съ Лизой—не была еще такой прекрасной и такой юной, и брови ея совсѣмъ не хмурились...

Сестры легли спать вмѣстѣ. Онѣ не могли разстаться и ихъ руки постоянно сплетались. На кровати maman было просторно, и онѣ вспомнили, какъ въ дѣтствѣ у нихъ тоже была общая постель. Фаничка утѣшилась окончательно. Она ругала Пьера и утверждала, что у него совершенно круглый ротъ.

— Знаешь, это мнѣ никогда не нравилось, сказала она серьёзно, устремляя глаза на ярко горѣвшую лампадку.

Потомъ замѣтила:

— Какъ глупо устроенъ человѣкъ! Любовь! Ну, зачѣмъ это, право?...

Помолчавъ, она сказала:

— Мэри, ты помнишь, на балу со мной все говорилъ такой брюнетъ, высокій... Мнѣ кажется, онъ милый... Ужь получше Пьера! Ну, и литераторъ!.. Вотъ фамилію забыла... Онъ просилъ позволенія пріѣхать къ намъ, но, вѣрно, эта катастрофа помѣшала...

Она вздохнула.

— Ты знаешь, чего я боюсь? начала она опять.

— Чего?

— Что̀, если онъ изобразитъ меня? Вдругъ читаешь повѣсть, а тамъ хвать—я...

Мэри ничего не сказала.

— Непріятно, пояснила Фаничка задумчиво.—А, впрочемъ, пусть! сказала она.—На мнѣ было прехорошенькое платье!.. Нельзя же безъ платья описать — неприлично. Я всегда платья описываю, проговорилась она и вдругъ прикусила языкъ и, съежившись подъ одѣяломъ, замолчала.

— Ка̀къ описываешь? спросила Мэри и обняла ее.

Фаничка стала хохотать, держа руки у лица.

— Вотъ такъ та̀къ! воскликнула она.—Отличилась! Ну, что̀ дѣлать, Мэри—я тебѣ признаюсь: я постоянно пишу...

— Стихи?

— Нѣтъ! теперь ужь стихи не въ модѣ... Да и трудно... Начала одну поэму — такъ и бросила... Я пишу, Мэри, повѣсти, романы...

— Фаничка! вскричала радостно Мэри:—въ самомъ дѣлѣ?

— Честное слово... Вотъ я тебѣ скажу названія, начала Фаничка, припоминая.—«Роковое объясненіе», повѣсть. Разъ.—Она загнула палецъ на лѣвой рукѣ.—«Которая изъ двухъ», повѣсть. Два.—Она опять загнула палецъ.—«Платоническая любовь», романъ. Три... А теперь вотъ сейчасъ задумала драму: «Черное сердце»...

Она сказала это и заплакала. Мэри гладила ее по щекѣ, цѣловала и просила успокоиться.

— Фаничка! сказала она съ заискивающей улыбкой:—прочти мнѣ что-нибудь...

Фаничка закрыла глаза и потрясла головой.

— Ни за что! Ни за что! крикнула она.—Это я все уничтожу... Да и ничего нѣтъ оконченнаго... наброски... Вотъ развѣ «Черное сердце» кончу...

И опять заплакала, и опять стала утѣшать ее Мэри.

Но настало, наконецъ, время, когда обѣимъ захотѣлось спать. Онѣ устали и отъ слезъ, и отъ разговоровъ. И, повернувшись въ разныя стороны, начали дремать.

XXXIII.

... «Гдѣ это звенитъ?.. Не въ ушахъ-ли?» вдругъ пришло имъ разомъ. Онѣ лежали неподвижно, потому что боялись потревожить одна другую, и чутко прислушивались. Этотъ звонъ почему-то безпокоилъ ихъ. Сначала онъ былъ слышенъ чуть-чуть. Но все росъ, пронизывая ночную тишину своимъ мѣрнымъ «динь-динь...» Онъ ужь близко. Ясно, что это почтовый колокольчикъ. Мэри слегка подняла голову. Слегка подняла голову Фаничка. «Динь-динь», «динь-динь», «динь-динь...» Звонокъ какой-то не то унылый, скорбный, не то радостный. Онъ всегда наводитъ на размышленія. Хочется узнать: кто это ѣдетъ? Куда? И почему-то сочувствуешь и завидуешь этому безвѣстному путнику. И иногда вздохнешь. «Динь-динь-динь-динь» загремѣлъ колокольчикъ у самыхъ воротъ. Потомъ внезапно замолкъ и послышалось фырканье лошадей и людской говоръ. Дѣвушки разомъ вскочили съ постели, тревожно улыбнулись другъ другу. Онѣ недоумѣвали, кто бы могъ пріѣхать къ нимъ.

— Арендаторъ, сдѣлала предположеніе Фаничка.

— Можетъ быть, сказала Мэри.

Но обѣ не вѣрили, что это арендаторъ.

Калитку между тѣмъ, отворилъ дворникъ, угрюмо ворча, и въ голубомъ сумракѣ лунной ночи показалась стройная женская фигура, въ темномъ, съ сакъ-вояжемъ.

Дворникъ сталъ что-то говорить ей, но вдругъ торопливо сбросилъ шапку, низко поклонился и кинулся къ воротамъ — отпирать...

— Лиза! крикнули тутъ обѣ дѣвушки и, въ рубашкахъ, едва успѣвъ зажечь свѣчу, побѣжали въ переднюю. Онѣ отворили дверь, и только вошла Лиза, какъ дружно обняли ее и стали цѣловать, съ крикомъ и смѣхомъ. Ихъ радость была неизъяснима. И имъ казалось, что это пріѣхала къ нимъ новая maman, молодая, прелестная, которая никогда ужь не покинетъ ихъ...

Максимъ Бѣлинскій.

Январь 1882.

ОЧЕРКИ ОБЩИННАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВЪ РОССІИ.

Очеркъ второй.

Сѣверная община и ея исторія.

I.

Изслѣдователи первобытныхъ человѣческихъ обществъ болѣе или менѣе единогласно утверждаютъ, что взаимныя отношенія членовъ послѣднихъ построены на такихъ высокихъ принципахъ братства и справедливости, до которыхъ очень далеко современнымъ цивилизованнымъ, проникнутымъ враждой и эгоизмомъ обществамъ и которыя въ наше время осуществляются иногда развѣ только среди экзальтированныхъ религіозныхъ согласій. Эти характеритистическія черты организаціи нецивилизованныхъ народовъ развились подъ вліяніемъ слѣдуюнщихъ условій: тѣхъ выгодъ, какія всѣ члены общества получаютъ отъ совмѣстнаго преслѣдованія цѣлей человѣческаго существованія, и простоты отношеній между людьми, не запутывающей ихъ взаимной зависимости и допускающей каждому ясно видѣть и живо чувствовать солидарность, связывающую всѣхъ членовъ общества въ одинъ братскій союзъ. Указанное настроеніе первобытнаго человѣка развивается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше прошелъ онъ ступеней своего до-историческаго существованія.

Пока люди живутъ охотой, они сравнительно мало чувствуютъ потребности въ чужой помощи; соединяются они другъ съ другомъ рѣдко, для преслѣдованія временныхъ цѣлей, по достиженіи которыхъ союзъ разстраивается и дикари возвращаются къ прежнему одиночеству. На слѣдующей ступени развитія узы, связывающія людей въ группы, сообща заботящіяся о своемъ

существованіи, становятся гораздо прочнѣе, пастушескій бытъ требуетъ уже постояннаго общества. Само прирученіе животныхъ врядъ ли мыслимо при разъединенной жизни людей, а владѣніе большими стадами требуетъ непремѣнно союза многихъ лицъ для обереганія своего имущества отъ враговъ, дикихъ животныхъ и разныхъ случайностей кочеваго существованія. Поэтому, элементарной экономической единицей на описываемой ступени человѣческаго развитія является цѣлая община: люди здѣсь живутъ не отдѣльными индивидуумами, даже не семьями въ нашемъ смыслѣ слова, а коммунами; общинные принципы распространяются на всѣ экономическія стороны жизни такой группы, они охватываютъ какъ производство, такъ и потребленіе продуктовъ. Здѣсь «каждый вноситъ въ общее дѣло весь свой трудъ и удовлетворяетъ изъ продукта всѣ свои потребности, т. е. всѣ члены живутъ какъ одно корпоративное цѣлое» (Спенсеръ «Основанія Соціологіи», т. II). Указанная солидарность становится еще прочнѣе съ переходомъ отъ кочеваго быта къ земледѣльческому. Необходимость общихъ заботъ о благосостояніи каждаго если и не дѣлается шире, то во всякомъ случаѣ принимаетъ болѣе осязательную форму. Нужно имѣть въ виду, что на первыхъ ступеняхъ осѣдлаго состоянія различныя земледѣльческія манипуляціи человѣку приходится совершать при помощи орудій, крайне несовершенныхъ, и потому весьма мало облегчающихъ его трудъ. Для разрыхленія, напримѣръ, земли подъ посѣвъ, онъ имѣетъ только палку, которую не всякій, пожалуй, догадается и заострить. Сколько бы времени пришлось такому земледѣльцу, работающему въ одиночку, ковырять почву для приведенія въ годное подъ посѣвъ состояніе мало-мальски значительнаго клочка земли! По всей вѣроятности, дѣло это ему вовсе было бы не подъ силу, и земледѣліе могло явиться на свѣтъ Божій только благодаря тому, что техническіе недостатки люди восполнили широкимъ приложеніемъ кооперацiи. Если въ настоящее время, когда земледѣлецъ притянулъ къ своему промыслу скотину, когда онъ вооружился такими орудіями, какъ соха, борона, коса и пр., если и ему невозможно продѣлать всѣ земледѣльческія манипуляціи одному и весьма трудно управляться съ хозяйствомъ при небольшомъ составѣ семьи, то каково должна была бы чувствовать себя одинокая первобытная земледѣльческая семья, нетолько неимѣющая никакихъ спеціальныхъ орудій труда, но принужденная въ тоже время не оставлять и прежнихъ заботъ о скотѣ, ибо земледѣліе, на первыхъ ступеняхъ его развитія, удовлетворяетъ лишь незначительную часть человѣче-

скихъ потребностей, а главная ихъ масса удовлетворяется, попрежнему, способами, присущими пастушескому быту.

И такъ, переходъ къ земледѣлію, на первыхъ порахъ, не отрицаетъ общинной организаціи, выработанной предыдущей ступенью развитія; напротивъ, шагъ этотъ еще болѣе связываетъ общество, такъ какъ, лишь благодаря послѣднему здѣсь возможно практиковать раздѣленіе труда на земледѣльческій и пастушескій, столь необходимое на этой ступени полу-кочевого, полу-осѣдлаго состоянія, и такъ какъ въ земледѣльческой отрасли общественный трудъ является въ новыхъ комбинаціяхъ, еще ярче и осязательнѣе рисующихъ зависимость членовъ общества другъ отъ друга. Мы говорили, что одному, двумъ людямъ почти невозможно, помощью только палки, разрыхлить подъ посѣвъ сколько-нибудь значительный участокъ земли. Но если нѣсколько человѣкъ соединяется для этой цѣли вмѣстѣ, то кромѣ суммы ихъ единичныхъ напряженій, они будутъ обладать еще тѣмъ излишкомъ силы, который является результатомъ коопераціи и присущъ исключительно ей; этимъ они какъ бы удвоиваютъ и утроиваютъ производительныя средства каждаго, замѣняютъ до нѣкоторой степени лучшія орудія производства; кромѣ того, такое соединеніе позволяетъ и въ этой частной области примѣнить раздѣленіе труда между сильными мужчинами и болѣе слабыми женщинами и дѣтьми. У фиджійцевъ, напримѣръ, достигается это слѣдующимъ образомъ: нѣсколько человѣкъ вбиваютъ заостренныя палки въ землю, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой и располагая ихъ по окружности круга; затѣмъ, рычагообразными движеніями, наклоняя свободный конецъ палки кнаружи и дѣйствуя при этомъ вдругъ, они подымаютъ сразу большой круглый пластъ земли; за ними слѣдуетъ слабые члены общества, и разбиваютъ палками вывороченныя глыбы на болѣе мелкіе куски. [1] На сѣверо-восточномъ берегу Новой Гвинеи раздѣленіе земледѣльческаго труда идетъ еще дальше: «мужчины, двигаясь шеренгами, кольями поднимаютъ большія глыбы земли, расчищенной изъ подъ обгорѣлаго лѣса; по мѣрѣ того, какъ они идутъ впередъ—за ними двигаются женщины и разбиваютъ землю на меньшіе комья; за женщинами слѣдуетъ рядъ дѣтей, окончательно разрыхляющихъ ее. [2] Подобными пріемами нѣсколько человѣкъ разрыхляетъ въ какіе-нибудь полчаса больше, чѣмъ тоже количество лицъ, работая каждое отдѣльно, сдѣлаетъ это въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Кромѣ этого необходи-

---

[1] Лэббокъ «До-историческія времена», с. 363—4.

Слово, 80, 1 «Экономич. теорія Маркса».

маго земледѣльческаго труда, полу-кочевникамъ очень часто приходится принимать мѣры для орошенія своихъ полей, ибо степи, гдѣ они кочуютъ и гдѣ совершается переходъ ихъ къ земледѣлію, нерѣдко характеризуются маловодіемъ и засухами. Такъ напримѣръ, киргизы нашихъ степей устраиваютъ, съ цѣлью орошенія, вокругъ своихъ полей цѣлую систему каналовъ или вѣрнѣе канавъ, бороздъ, помощью которыхъ проводятъ на поля воду изъ разлившихся степныхъ рѣкъ. Все это дѣлается самими несовершенными орудіями, не всегда даже лопатой, а просто палкой или мотыкой. Немудрено, что «трудъ этотъ можно назвать египетскимъ, и у русскаго человѣка не хватило бы столько терпѣнія» [1]; и ясно, что всѣ техническія несовершенства и затрудненія способовъ, употребляемыхъ киргизами въ этой работѣ, могутъ быть побѣждены лишь широкимъ развитіемъ кооперація, примѣненіемъ въ большихъ размѣрахъ соединенія личныхъ силъ отдѣльныхъ членовъ общества.

И такъ, первобытныя земледѣльческія организаціи построены были на общинныхъ, даже коммунистическихъ принципахъ. Вторая характеристическая черта, это — простота отношеній между членами, позволяющая живо чувствовать связь, ихъ соединяющую. Современная намъ жизнь крайне сложна и запутана, взаимная братская зависимость членовъ общества, интимныя узы, связывающія ихъ въ одно стройное, гармоническое цѣлое, затемняются враждой и эгоизмомъ, плавающими на поверхности житейскаго моря, составляющими ближайшую всѣмъ видимую причину человѣческихъ поступковъ; и для открытія истинныхъ законовъ общества требуется не малая работа мысли; средній же индивидъ, необразованный и слабомыслящій, серьёзно убѣжденъ, что человѣкъ человѣку волкъ, что всякій владѣетъ только тѣмъ, что добылъ собственными силами, отъ другихъ же, отъ общества, видитъ нетолько не помощь, но желаніе надуть, урвать. Эти «другіе» не имѣютъ въ его глазахъ правъ требовать отъ кого-либо уступокъ или жертвъ, и онъ съ своей стороны не чувствуетъ никакого обязательства по отношенію къ этому цѣлому, именуемому обществомъ. Такъ думаетъ современный гражданинъ своей страны, но не таковы были чувства и мысли нашихъ предковъ. Для нихъ ясна была та помощь, какую они получали отъ собратій; имъ было очевидно, что своимъ существованіемъ они обязаны тѣмъ принципамъ братства и справедливости, на которыхъ построена организація общества; каждый понималъ, что его личныхъ усилій было бы далеко недостаточно для свое-

[1] «Русскій Курьеръ», 1880 г. № 220.

наго существованія, что послѣднимъ онъ гораздо болѣе обязанъ другимъ, обществу, нежели собственнымъ силамъ, ничтожнымъ. Словомъ, первобытный человѣкъ не отдѣляетъ себя отъ другихъ, чувствуетъ себя частью цѣлаго, сознаетъ себя членомъ великой семьи—общины. Сообразно этому его соціальное міросозерцаніе построено не на принципахъ вражды и эгоизма, а на альтруистическихъ положеніяхъ равенства и справедливости; впереди личныхъ интересовъ онъ ставитъ интересъ общества, эгоистическія побужденія подчиняетъ нравственнымъ требованіямъ. Если же принять во вниманіе, что подъ дѣйствіемъ такихъ объединяющихъ вліяній человѣчество прожило цѣлыя тысячелѣтія своего доисторическаго существованія, то намъ сдѣлается понятнымъ, почему идеи свободы, равенства, братства такъ прочно утвердились въ сердцѣ человѣка, что пережили самыя мрачныя эпохи деспотизма, рабства, безправія. Поймемъ мы и то, почему они запали такъ глубоко въ нашу душу, что люди, повидимому, самые эгоистическіе и руководящіеся въ жизни правилами, неимѣющими ничего общаго съ указанными высокими принципами, при извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, вдругъ совершенно ясно сознаютъ себя членами высокой семьи-человѣчества и готовы отдать жизнь за тѣ принципы, къ которымъ не задолго они относились не иначе, какъ съ насмѣшкою. Такая прочность нравственнаго наслѣдія, полученнаго нами отъ первобытныхъ временъ, служитъ ручательствомъ, что въ будущемъ человѣчество съумѣетъ устроиться сообразно тѣмъ принципамъ братства и справедливости, которые мы можемъ считать теперь врожденными нашей природѣ.

Цивилизація самостоятельно зародилась не повсемѣстно, гдѣ только жилъ родъ человѣческій; для этого нужны нѣкоторыя благопріятныя естественныя условія, изъ которыхъ мы назовемъ теплый климатъ и плодотворную почву, дающую возможность, безъ помощи сложныхъ орудій и черезъ-чуръ большой затраты силы, получать хорошіе урожаи хлѣба. Въ другія мѣстности культура была занесена тѣмъ или инымъ способомъ и главнымъ образомъ путемъ переселеній народовъ и завоеваній. На новомъ мѣстѣ переселившіеся могли и не встрѣтить условій, благопріятныхъ для осуществленія той конкретной общественной формы, въ которую на родинѣ вылились ихъ общественные принципы; но они явились туда тѣмъ не менѣе съ извѣстнымъ альтруистическимъ нравственнымъ настроеніемъ, съ инстинктами равенства и свободы, и новую свою жизнь пытались построить именно на основаніи этихъ инстинктовъ; внѣшними условіями опредѣлялась

лишь та форма, какую приметъ опредѣленное заранѣе общественно-нравственное содержаніе колонистовъ. На новой родинѣ имъ можетъ быть нельзя отвести въ своемъ хозяйствѣ такого мѣста скотоводству, какое оно занимало при старой обстановкѣ; невозможно селиться, а слѣдовательно, и работать болѣе или менѣе обширными группами; за то здѣсь обиліе воды и лѣсовъ, богатство рыбы и звѣря. И колонисты устраиваются на незнакомой почвѣ сообразно тѣми понятіями объ обществѣ, какія они выработали на родинѣ; они стараются и новыя для нихъ отрасли труда—рыболовство, звѣроловство—организовать на тѣхъ же излюбленныхъ принципахъ справедливости, взаимопомощи, ввести здѣсь общину, артель.

Для исторіи европейскихъ народовъ не особенно важно знать, въ какихъ именно формахъ находило себѣ выраженіе ихъ общественное міросозерцаніе на прежнемъ мѣстѣ жительства. Достаточно, если извѣстны хотя въ неясныхъ чертахъ тѣ комбинаціи, въ которыя сложилась ихъ новая жизнь; и гораздо болѣе важности имѣетъ то обстоятельство, что *общія соціологическія изысканія* опредѣляютъ намъ нравственный характеръ первобытнаго человѣка и его культуры, рисуютъ тѣ его основныя психологическія черты, которыя, дѣйствуя на разнообразныя внѣшнія условія и поддаваясь въ свою очередь ихъ вліянію, создаютъ исторію человѣчества. Новѣйшее направленіе соціологіи приводитъ къ убѣжденію, что этотъ первобытно-культурный человѣкъ, съ котораго начинается исторія, далеко не похожъ на того чорта, какого малевали прежніе ученые; для котораго и деспотизмъ, и рабство и тысячи другихъ темныхъ пятенъ исторіи были будто-бы лишь благодѣтельными воспитательными пріемами, пріучавшими дикаго звѣря, homo, къ дисциплинѣ, труду и другимъ прекраснымъ качествамъ, необходимымъ для существованія общества. Нѣтъ, что касается нравственныхъ свойствъ и способности подчинять свои личныя требованія интересамъ общаго, въ этомъ отношеніи первобытный человѣкъ не уступитъ многимъ современнымъ ученѣйшимъ мужамъ, такъ его унижающимъ. «Я жилъ, говоритъ Уоллэсъ:—въ обществѣ дикарей Южной Америки, и на Востокѣ, у которыхъ не было другого закона или суда, кромѣ свободно выраженнаго общественнаго мнѣнія деревни. Каждый отдѣльный человѣкъ вполнѣ уважаетъ права своего собрата, и посягательства на эти права встрѣчаются рѣдко или даже никогда. Въ такомъ обществѣ всѣ приблизительно равны» [1].

---

[1] Малайскій архипелагъ, с. 620.

Это чувство свободы, уваженіе чужихъ правъ и стремленіе къ равенству первобытный человѣкъ донесъ и до порога исторіи. Естественныя условія Россіи не благопріятствовали самостоятельному зарожденію здѣсь культуры, имѣющей историческое будущее: лѣсистая и частью болотистая мѣстность впродолженіе долгаго времени должна была удерживать населеніе на ступени охотничьяго быта. Тѣже условія препятствовали скученію пришлыхъ полуземледѣльческихъ славянскихъ народовъ въ большія поселенія, къ чему тѣ были склонны, воспитавшись подъ другими вліяніями своей прежней родины. Однако, необходимость защищаться отъ нападенія враждебныхъ туземцевъ и трудности первоначальной культуры лѣсной мѣстности съ первобытными и неприспособленными къ тому орудіями, заставляли нашихъ предковъ искуственно образовывать большія сравнительно поселенія и прилагать къ земледѣлію общинный трудъ. Т. е. первые славянскіе колонисты жили, вѣроятно, коммунами, какъ и вообще первые земледѣльцы. Когда эта форма общины окончательно рушилась и господство получила семейная община, намъ разумѣется неизвѣстно. Мы можемъ только сказать, что указанному преобразованію способствовалъ дальнѣйшій ходъ исторіи, ибо слитіе славянъ съ туземными племенами дѣлало излишнимъ искуственное образованіе большихъ поселеній, столь дисгармонирующихъ съ мѣстными условіями; а прогрессъ техники вооружалъ колонистскую семью орудіями, замѣнявшими до нѣкоторой степени силу коопераціи, что давало возможность при дальнѣйшемъ разселеніи народа сообразоваться съ требованіями мѣстности, а это вело къ разъединенію земледѣльцевъ. Заселеніе сѣвера Россіи въ большихъ размѣрахъ происходило уже въ это время, т. е. когда община-коммуна была разрушена, а внѣшняя безопасность давала возможность колонистамъ, сообразно требованію мѣстныхъ условій, селиться и работать отдѣльными семьями. Но характеръ древней-Руси сильно отличался отъ характера современнаго намъ крестьянина средней и сѣверной Россіи. Стоя ближе къ коммунальному быту, онъ сохранялъ въ себѣ нетолько общіе принципы, но и детальныя черты міросозерцанія, свойственнаго послѣднему. У него, напримѣръ, навѣрное не было того, по выраженію г. Успенскаго, канцеляризма, который заѣдаетъ современнаго крестьянина - общинника. Онъ былъ поклонникъ равенства, правда, но практиковалъ его иначе, чѣмъ это дѣлается нынче, когда бо̀льшая часть заботъ мужика обращается на то, чтобы отъ одного и полушка не перепала другому, когда въ этихъ видахъ душевой надѣлъ изрѣзывается на такія полоски, что подчасъ негдѣ бываетъ обернуться съ сохой, а при

передѣлѣ луга примѣняются чуть не четверти и вершки. Уважалъ онъ и трудъ, но не преклонялся передъ нимъ настолько, чтобы не признавать права на существованіе за старухой, неспособной своими силами зарабатывать пропитаніе. Принципъ тогда не заслонялъ человѣка, а самъ опредѣлялся потребностями послѣдняго, какъ физическаго и нравственнаго существа. Много долженъ былъ пережить русскій народъ, «приноравливаясь цѣлыми столѣтіями то къ барину, то къ татарину, дѣлая безчисленныя уступки въ своей мысли и совѣсти» ради сохраненія лишь своей шкуры, прежде чѣмъ онъ рѣшился исказить высокіе принципы равенства и справедливости, затаить сущность ихъ въ глубинѣ своей души, а свои отношенія къ другимъ построить на жалкихъ обрѣзкахъ когда-то широкаго основанія. Нужно удивляться, какъ онъ сохранилъ и эти мизерные остатки высокой системы, почему онъ, живя въ атмосферѣ общественно-политическаго безправія, насилія и монополіи въ домашней, такъ сказать, жизни, держится еще за равенство и единогласіе. Прежде, говоримъ, характеръ русскаго человѣка былъ иной.

Понять до нѣкоторой степени этотъ характеръ можно, наблюдая большую патріархальную рабочую семью, члены которой связаны другъ съ другомъ нитями любви и сознаніемъ пользы общаго сожительства, совершенно довольны своей жизнью и не могутъ себѣ представить иного существованія. Въ такой семьѣ всѣ отношенія построены на справедливости и равенствѣ; но какъ отличенъ смыслъ этихъ понятій отъ господствующаго въ настоящее время. Тамъ сильный мужчина не считаетъ для себя въ обиду сдѣлать больше слабаго, напротивъ, въ работѣ по силамъ каждаго онъ именно и видитъ осуществленіе излюбленнаго принципа, точно такъ, какъ въ сферѣ потребленія послѣднее по его понятіямъ естественно приводитъ къ расходамъ по потребностямъ. Въ такой семьѣ не вырабатывается строго опредѣленныхъ правилъ, регулирующихъ отношенія ихъ членовъ другъ къ другу и къ имуществу; отношенія эти построены на живомъ чувствѣ, и пока не потухло послѣднее, дѣлаются излишними всякіе внѣшніе хотя бы и принципіальные руководители и регламентаціи. Они становятся необходимыми въ то время, когда прежняя связь рушится, когда чувство перестаетъ быть надежнымъ руководителемъ справедливости, когда спасеніе принципа требуетъ замѣны неясныхъ указаній чувства опредѣленными формулами разума. Это произойдетъ, между прочимъ, въ томъ случаѣ, если подобная семейная община не въ силахъ больше справляться съ цѣлой массой вредныхъ внѣшнихъ вліяній, если, несмотря на всю свою солидарность и единодушіе, она все-таки

не можетъ предупреждать гибели того, другого своего члена. Тогда инстинктъ самосохраненія выдвигаетъ на сцену личный интересъ каждаго, въ глазахъ всѣхъ получаетъ особенное значеніе всякій лишній кусокъ, каждая переданная копейка; сильный начинаетъ сознавать жертву, какую онъ приноситъ слабому; хитрый соблазняется тѣмъ употребленіемъ, какое онъ можетъ сдѣлать изъ своихъ способностей. Времена эти дѣйствительно жестокія! Слабому нѣтъ мѣста въ такомъ обществѣ; сильный можетъ спастись только эксплуатируя въ свою пользу всю ту часть силы, какая ему осталась отъ содержанія эксплуататоровъ высшаго порядка. Отсюда преувеличенное уваженіе къ труду, какъ представителю силы. Дальше начинаютъ развиваться хищные инстинкты человѣка, способные, при неопредѣленности юридическихъ воззрѣній, совершенно разрушить первобытный строй, и для спасенія принципа справедливости приходится отношенія членовъ общины обставлять такими формальностями и подробностями, которыя бы дѣлали невозможными общественное проявленіе этихъ узко-эгоистическихъ индивидуальныхъ поползновеній. Отсюда это безукоризненно-внимательное отношеніе народа ко всѣмъ мельчайшимъ общественнымъ дѣламъ, масса церемоній при передѣлахъ, раздѣлахъ и т. д., измѣренія луговъ лаптями, полулаптями, да чтобъ «носкомъ непремѣнно въ пятку попасть» и проч. Община только и спаслась такимъ возвеличеніемъ труда и «канцелярскаго» равенства, а читатель, надѣюсь, согласится, что мужику выгоднѣе остаться самостоятельнымъ хозяиномъ въ тискахъ хотя бы канцелярской общины, чѣмъ перейти въ положеніе батрака со всѣми прелестями «свободнаго» соглашенія рабочаго съ капиталистомъ.

Читатель извинитъ насъ за вышеизложенныя, черезъ-чуръ можетъ быть гипотетическія, соображенія. Дѣло въ томъ, что изслѣдователи общины продолжаютъ настойчиво доискиваться исходной точки порядковъ, господствующихъ въ экономической организаціи русскаго народа; и чѣмъ искать ее въ психическихъ особенностяхъ славянскаго племени, мы думаемъ—будетъ основательнѣе обратиться къ соціальнымъ условіямъ того нѣсколько гипотетическаго строя, который все больше и больше завоевываетъ себѣ въ наукѣ право гражданства, какъ первичная соціальная основа всѣхъ историческихъ народовъ. Это будетъ согласнѣе, если не съ «абсолютной» истиной, то съ тѣмъ «историческимъ» воззрѣніемъ, которое распространяется въ данный моментъ для удовлетворенія естественнаго стремленія человѣка къ единству и цѣльности своего философскаго міросозерцанія.

Повторимъ еще разъ, что русскій народъ, подобно и осталь-

нымъ европейскимъ, выступилъ на историческое поприще, руководимый принципами свободы, равенства и справедливости, но безъ готовыхъ общественно-экономическихъ формъ, которыя онъ могъ бы, въ интересахъ своихъ стремленій, примѣнить къ новой обстановкѣ жизни. Даже больше: онъ не любилъ юридическихъ опредѣленій, не привыкъ къ нимъ, не понималъ ихъ важности, предпочитая каждый частный вопросъ разрѣшать не по логическимъ формуламъ, а по обстоятельствамъ дѣла, «по совѣсти». Это, между прочимъ, и было причиной того болѣзненнаго характера, съ какимъ совершалось развитіе нашей поземельной общины.

II.

«Стоя на возвышенномъ холму у стѣны какого-нибудь сѣвернаго монастыря и разсматривая открывающійся предъ нами широкій видъ, мы часто удивляемся эстетическому чутью, которое указало основателю это мѣсто, забывая, что, четыре вѣка назадъ, этого ландшафта не существовало, и во всей окрестности этотъ холмъ былъ, можетъ быть, единственнымъ обитаемымъ пунктомъ. Мѣстами, гдѣ прежде всего осаживалось населеніе, естественно были нагорные берега рѣкъ и сухія рамени по окраинамъ вѣковыхъ непроходимыхъ лѣсовъ. Такъ вытягивались жилыя полосы, обитаемые острова, среди дремучихъ, теперь исчезнувшихъ лѣсовъ и заросшихъ или зарастающихъ болотъ». [1] Но эти исчезнувшіе въ одномъ мѣстѣ непроходимые лѣса и болота, благополучно существуютъ, подвигаясь къ сѣверу, и оказываютъ свое вліяніе на бытъ основывающагося здѣсь крестьянина. Вліяніе это отражается на формѣ общиннаго союза нетолько черезъ посредство опредѣляемой ими величины поселеній; мѣстность кладетъ яркую печать и на производство колониста. Лѣснымъ областямъ естественно свойствена система подсѣчнаго или лядиннаго земледѣлія. Сущность его состоитъ въ томъ, что лѣсъ рубится, сжигается, и на землѣ, такимъ образомъ удобренной золою, сѣется хлѣбъ, снимается 1 — 3 урожая, послѣ чего лядина забрасывается, а земледѣлецъ переноситъ свои заботы на другой участокъ. Но не всякая часть лѣсного пространства годна подъ лядину, и никогда послѣдняя не занимаетъ большихъ сплошныхъ поверхностей. Годный участокъ долженъ быть покрытъ не очень толстымъ мѣшанымъ (дающимъ больше золы) лѣсомъ,

[1] «Рус. Мысль» 1880, XI «Боярская дума древней Руси» Ключевскаго.

лежать не слишкомъ низко, но и не на бугрѣ или косогорѣ, а представлять изъ себя плоскую возвышенность (съ среднимъ количествомъ влаги), наклонную, если ужь нельзя безъ этого, къ югу и достаточно удаленную отъ болотъ, вблизи которыхъ хлѣбъ легко вымерзаетъ. Соединеніе этихъ условій встрѣчается клочками, часто непревышающими десятины, почему лядины разныхъ хозяевъ рѣдко бываютъ расположены въ одномъ мѣстѣ, и чтобы быть поближе къ своему участку земледѣлецъ долженъ помѣститься приблизительно въ центрѣ площади, которую онъ намѣренъ эксплуатировать, расчищая одинъ удобный островокъ за другимъ. Затѣмъ, кромѣ земледѣлія, лѣсные жители занимаются и другими промыслами: бортничествомъ, рыболовствомъ, звѣроловствомъ, и т. д., а удобныя для этого мѣста встрѣчаются также въ разброску. Все это приводитъ къ тому, что сѣверный крестьянинъ стремится селиться отдѣльно отъ другихъ и что преобладающій типъ деревень на сѣверѣ, это—въ одинъ, два, три двора. Это приложимо нетолько къ современному періоду, но еще можетъ быть въ большей степени къ среднимъ вѣкамъ русской исторіи. Такъ въ 3-хъ уѣздахъ Вотской пятины изъ 2710 поселеній того времени больше половины состояло только изъ 1 двора; въ Пермскомъ краѣ деревни, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, были также въ 1 дворъ, въ Деревской пятинѣ среднее число дворовъ на поселеніе $2^1/_2$, иногда болѣе, чаще менѣе и т. д. [1].

И такъ, хотя русскіе колонисты являлись на сѣверъ съ сильно развитымъ общественнымъ духомъ, съ привычкой жить и дѣйствовать сообща, но здѣсь они не могли построить свой бытъ по излюбленнымъ формамъ, хотя при всякомъ возможномъ случаѣ старались дѣйствовать вмѣстѣ, примѣнить кооперативный трудъ. Мѣстныя условія были причиной того, что кооперація приняла здѣсь форму артели, а не общины. Въ самомъ дѣлѣ, община здѣсь не имѣла такихъ опредѣленныхъ границъ, какъ современный деревенскій союзъ, поселеніе въ одинъ-два двора не могло образовать общины, и отдѣльные домохозяева (составлявшіе нерѣдко каждый цѣлую деревню) стояли другъ къ другу въ той или иной степени близости, кровной, по сосѣдству или по дружбѣ, но никакъ не по владѣнію землей. Съ другой стороны, и объектъ труда—лядина, пожня—попадается совершенно случайно то большихъ, то меньшихъ размѣровъ, требуя поэтому для эксплуатаціи не одинаковаго количества труда. Слѣдова-

---

[1] Соколовскій «Очеркъ исторіи сельской общины», с. 54—55.

тельно, совмѣстный земледѣльческій трудъ въ тѣ времена долженъ былъ примѣняться въ видѣ артелей, и то не постоянныхъ.

Интересенъ вопросъ, развивались ли артельныя и общинныя предпріятія съ теченіемъ времени или падали? Г. Щербина думаетъ, что «артельная заимка была тѣмъ чаще и необходимѣе, чѣмъ древнѣе она совершалась»; «самый размѣръ такихъ артелей также, вѣроятно, въ началѣ былъ многочисленнѣе, чѣмъ впослѣдствіи». Это обусловливалось тѣми трудностями, которыя приходилось преодолѣть первымъ колонистамъ, и которыя съ теченіемъ времени постепенно утрачивали свое значеніе [1]. Г. Лонскій думаетъ иначе. Онъ считаетъ, что подсѣчное хозяйство развиваетъ въ человѣкѣ привычку къ одиночному труду, и что кооперація появляется лишь съ теченіемъ времени, причемъ въ земледѣліи, какъ и въ другихъ отрасляхъ производства, она примѣнялась первоначально въ формѣ артели (а не общиннаго труда), которая поэтому въ исторической жизни русскаго народа имѣла воспитательное значеніе: «наглядно показывая преимущество коллективнаго труда передъ единичнымъ, она подготовляетъ переходъ къ рабочей *общинѣ,* который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже успѣлъ совершиться; такъ что и теперь есть (въ Олонецкой губерніи) деревни, составляющія каждая особую себру» (артель) [2].

Мы думаемъ, что доля истины заключается въ обоихъ мнѣніяхъ, и что г. Щербина правъ относительно древняго періода русской исторіи, а слова г. Лонского приложимы къ послѣдующему времени. Выше мы имѣли случай говорить, что коллективный трудъ былъ необходимостью для первыхъ славянъ, поселившихся въ Россіи, но что, когда они нѣсколько акклиматизировались, смирили туземцевъ и примѣнили лучшія орудія обработки, населеніе, повинуясь требованіямъ мѣстности, стало работать въ разсыпную, что̀ повело къ сокращенію сферы приложенія коллективнаго труда. Но онъ, однако, не уничтожился вовсе, а продолжалъ существовать, хотя уже въ видѣ артелей, составленныхъ изъ небольшого числа лицъ. Эти артели, хотя обхватывали незначительную часть населенія, сохраняли, однако, традицію общиннаго труда впродолженіи цѣлыхъ столѣтій и когда времена перемѣнились, когда, съ одной стороны, поселенія сдѣлались больше и усилилась связь между отдѣльными деревнями, а съ другой — недостатокъ земли заставилъ крестьянъ дорожить нетолько хорошими и удобными угодьями,

---

[1] «Отеч. Зап.», 1879, 7. «Сольвычегодская земельная община».
[2] «Русск. Вѣдом.», 1880, 6. «Письма съ сѣвера».

но и обратиться къ воздѣлыванію земель, недоступнымъ единичнымъ силамъ, тогда сѣверные крестьяне, знакомые съ артелью, по собственному опыту или чужому примѣру, стали примѣнять ее въ большихъ размѣрахъ, привлекая къ соучастію цѣлыя деревни и даже волости. Такъ, подобныя артели, составленныя иногда изъ всѣхъ жителей деревни и теперь сильно распространены въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, Вологодской губ., и хотя съ теченіемъ времени онѣ падаютъ, но причиной этого служитъ правительственная власть, стѣсняющая вообще право расчистокъ [1]. Деревнями жгутъ лядины зыряне Усть-Сысольскаго уѣзда, той же губерніи. Покосы по р. Сухонѣ въ Тотемскомъ уѣздѣ и по р. Устьѣ, Вельскаго уѣзда, убираются также сообща. Въ Устюжскомъ уѣздѣ (Вологодской же губ.), тамъ даже подростки, соединившись, разрабатываютъ, при помощи родителей, новинку въ «опчину» [2]. «Обширные олонецкіе сѣнокосы явились въ недавнее время въ мѣстахъ, гдѣ въ прошломъ столѣтіи разстилались никуда негодныя болота. Начиная съ 1812 г., крестьяне принялись за осушку болотъ, и такъ какъ ни отдѣльныя семьи, ни даже малолюдные поселки не въ силахъ были одолѣть этого громаднаго труда, то многія селенія соединились въ одну рабочую общину и дружно ополчились противъ болотъ». Эксплуатація расчищенныхъ такимъ образомъ сѣнокосовъ производится также трудомъ всей общины: «по общественной разверсткѣ, каждая платежная душа обязана выставить опредѣленное и всегда равное съ другими количество рабочей силы для подчистки кустарника и для косьбы общаго луга» [3]. Крестьяне Туксинской дачи, Олонецкаго уѣзда, въ числѣ 800 человѣкъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, два года трудились надъ осушеніемъ болота и теперь продаютъ съ своего сѣнокоса больше 500 тысячъ пудовъ сѣна ежегодно; убираютъ его они также сообща и лишь дѣлятся продуктомъ. Лалошъ, передающій этотъ фактъ, замѣчаетъ, что нѣтъ ничего необыкновеннаго, если въ будущемъ все населеніе перейдетъ къ общинному производству; процессъ этотъ можно ускорить, если крестьянамъ «растолковать пошире тѣ принципы, которыми они живутъ вотъ уже тысяча лѣтъ» [4]. Общинный и артельный трудъ земледѣльческій распространенъ и въ Архангельской губерніи [5].

Мы говорили, что русскій народъ приступилъ къ устройству

---

[1] «Русск. Вѣдом.», 1880, 8.
[2] «Молва», 1876, 31, статья Остроумова.
[3] «Русскія Вѣдомости», 1880, 6.
[4] «Отечеств. Записки», 1874, 2.
[5] «Сборникъ матерьяловъ объ артеляхъ въ Россіи», вып. 2.

своей жизни на сѣверѣ, руководимый извѣстными общественно-нравственными принципами, но безъ готовыхъ формъ, въ которыя они должны были воплотиться и даже безъ сознанія пользы, необходимости и какихъ-либо юридическихъ опредѣленій. Въ силу этого, при организаціи своего быта, онъ естественно подчинился требованіямъ природы, отъ нея получилъ форму, какой не дала ему прошедшая его жизнь. Мы видѣли, что, повинуясь этимъ указаніямъ природы, колонисты принялись за подсѣчное хозяйство, а жили и работали въ одиночку или небольшими артельками. Это было прямой противоположностью того стремленія къ общежитію, которое выработалось у нихъ въ предъидущій періодъ развитія, и это послѣднее стремленіе должно было, такъ или иначе, найти себѣ выраженіе. Поэтому, несмотря на разрозненную дѣятельность поселенцевъ, мы видимъ у нихъ живыя сношенія, которыя къ тому же поддерживались взаимными услугами при постройкахъ, земледѣльческихъ работахъ и проч., а также обмѣномъ избытковъ своихъ произведеній (рыба, медъ, дичь и т. д.) и потребностями въ спеціалистахъ-техникахъ: кузнецахъ, колесникахъ, портныхъ и т. д. Въ томъ же направленіи дѣйствовали и религіозныя потребности народа, такъ какъ для ихъ удовлетворенія ближайшія деревни должны были войти между собою въ извѣстныя соглашенія. Такимъ образомъ, среди массы разбросанныхъ въ лѣсахъ поселеній намѣчались группы, члены которыхъ, хотя въ главной своей дѣятельности были независимы другъ отъ друга, но которымъ приходилось нерѣдко сталкиваться, частью по естественному стремленію человѣка къ общенію съ себѣ подобными, частью ради удовлетворенія различныхъ индивидуальныхъ потребностей; связь эта поддерживалась и родственными чувствами, такъ какъ выросшіе работники нерѣдко отдѣлялись отъ семьи и поселялись на извѣстномъ отъ нея разстояніи, образуя новую деревню. Такое разселеніе народа по мѣрѣ его размноженія создавало живую связь между деревнями, какъ ростками одного дерева. Связь эта такъ сильна, что новыя починки долго не получаютъ отдѣльнаго названія, а именуются одинаково съ своею матерью-деревней. Даже больше—въ средѣ народа такое поселеніе не считалось деревнею, что̀ имѣетъ мѣсто и въ настоящее время въ Олонецкой губерніи: здѣсь деревней, носящей отдѣльное имя, считается цѣлая группа поселеній. Какъ видитъ читатель, описанные союзы не были созданіями юридическаго смысла народа и не представляли изъ себя цѣльной единицы, по крайней мѣрѣ, въ экономическо-земледѣльческомъ отношеніи. Общины въ нашемъ смыслѣ тогда не существовало, ибо не было въ ней

и надобности. Пока населеніе было рѣдко, а земли много, пока господствовала исключительно огневая система хозяйства, до тѣхъ поръ не чувствовалась потребность регламентировать отношенія людей другъ къ другу по землѣ. Всякій бралъ себѣ такой участокъ, какой въ силахъ былъ обработать, рубилъ лядины, снималъ два-три хлѣба и бросалъ его; сегодня онъ работалъ близь своего дома, на слѣдующій годъ забирался куда-нибудь въ область чужихъ деревень. Еще и въ настоящее время на сѣверѣ встрѣчаются мѣстности, гдѣ угодья различныхъ селъ лежатъ перемѣшанными черезполосно, такъ что деревня, около которой нѣтъ хорошихъ сѣнокосовъ, расчищаетъ себѣ пожни въ области другой, превосходящей ее въ этомъ отношеніи [1]. Въ прежнія времена, когда участокъ поступалъ въ личное пользованіе на самое короткое время, это должно было случаться гораздо чаще. При такихъ условіяхъ въ народѣ не могъ развиться взглядъ на земли, какъ на принадлежность какому-либо лицу, тѣмъ болѣе, что такой взглядъ и вообще противорѣчитъ первобытнымъ воззрѣніямъ человѣчества. По этимъ воззрѣніямъ земля ничья, Божья, а люди ея работники; они стоятъ къ ней въ отношеніи пользующихся, но не владѣльцевъ. Въ подобномъ воззрѣніи нѣтъ мѣста нетолько личной собственности, но и собственности вообще. Ибо, что̀ могло вызвать въ сѣверномъ человѣкѣ такое, напримѣръ, понятіе, что эта земля «моя» или «наша», т. е., что она вѣчно будетъ въ пользованія насъ и нашихъ потомковъ, а не другой какой-нибудь группы? Вѣдь никто иной на эту землю и не предъявляетъ претензій; нѣтъ повода для образованія высказаннаго понятія. Не встрѣчалось надобности и въ какой-нибудь власти, регулирующей отношенія земледѣльцевъ другъ къ другу: земли еще такъ много, что столкновенія изъ-за нея невозможны; тѣмъ болѣе, не могло быть такихъ столкновеній съ поселенцами отдаленныхъ деревень чужой группы. Слѣдовательно, члены какой-нибудь области, находящіеся между собой въ частыхъ сношеніяхъ, не чувствовали надобности опредѣлить свои отношенія по землѣ, не сознавали своей близости именно съ этой стороны, не считали себя одной поземельной общиной, т. е. послѣдняя въ это время еще не образовалась, или юридически не опредѣлилась. Какія причины въ каждомъ частномъ случаѣ вызвали ее на свѣтъ Божій—сказать этого мы не умѣемъ, но есть возможность намѣтить условія, благопріятствующія образованію тѣхъ или иныхъ поземельныхъ понятій народа.

---

[1] «Древняя и Новая Россія», 1876, 10, ст. Потанина о Никольскомъ уѣздѣ.

Пока народъ живетъ въ описанныхъ условіяхъ, пока онъ не чувствуетъ ни малѣйшихъ стѣсненій въ своемъ землепользованіи, до тѣхъ поръ о земельной собственности у него нѣтъ, какъ мы видѣли, никакихъ опредѣленныхъ понятій. Земля не считается ни личной принадлежностью, ни общинной, крестьяне не владѣютъ ею, а «работаютъ промежду себя». «Но вмѣстѣ съ ними на сѣверъ пришли люди, проникнутые и хищническимъ стремленіемъ къ вѣковѣчному освоенію пустыхъ лѣсныхъ земель; это были новгородскіе бояре (рѣчь идетъ объ Олонецкой губерніи). Они захватывали пустыя земли, укрѣпляя ихъ за собой приказнымъ порядкомъ. Что успѣлъ захватить бояринъ, то уже было не ничье, не Божье, а боярское; здѣсь крестьянинъ не могъ поселиться безъ позволенія барина, безъ платы ему. Когда такимъ образомъ среди безконечнаго пространства Божьей земли выдѣлились клочки не Божьи, а боярскіе, то крестьяне, работавшіе въ Божьемъ, вольномъ лѣсу, неизбѣжно должны были придти въ соприкосновеніе съ сосѣдними землевладѣльцами-боярами, а вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ явилось сознаніе своей солидарности по землѣ, на которой они работаютъ промежъ себя, и своей обособленности отъ бояръ тоже по землѣ. Наконецъ, явились распри между крестьянами и боярами». Сначала первые пробовали, вѣроятно, поддержать права труда убѣжденіями, силой, но затѣмъ должны были примириться съ фактомъ и войти съ крупными владѣльцами въ соглашенія о границахъ. Невыгоды близкаго сосѣдства крупнаго собственника прежде всего испытали, вѣроятно, отдѣльныя сосѣднія деревни; онѣ же тѣмъ или инымъ путемъ пытались и защититься отъ насилія; но рано или поздно, общественный смыслъ народа подсказалъ ему, что поземельные интересы одни у всѣхъ хлѣбопашцевъ, что сильный бояринъ можетъ поглотить всѣхъ ихъ по одиночкѣ, и что обезопасить себя они могутъ лишь соединившись цѣлой массой. Это и заставляло тѣ группы деревень, которыя работали по близости съ боярскими владѣніями, вступать съ нимъ въ уговоръ о границахъ. Для примѣра мы приведемъ случай изъ XIV вѣка, когда «докончаша миръ въ миръ съ бояриномъ Григорьемъ Семеновичемъ... вси шунжане, и вси талвъяне, и вси кузаранцы, и вси вымочинцы... и межу урядили». Послѣ такого событія, всѣ эти шунжане, кузаранцы и проч. должны были сознать, что они вмѣстѣ представляютъ нѣчто противоположное боярину, слѣдовательно, нѣчто единое; что это единство вытекаетъ изъ ихъ отношеній къ землѣ и заключается оно, между прочимъ, въ томъ, что принципы, на которыхъ построено отношеніе къ землѣ боя-

рина, не могутъ имѣть мѣста въ ихъ средѣ, гдѣ люди не владѣютъ, а только пользуются землей, работаютъ на ней.

Другое обстоятельство, благопріятствовавшее объединенію деревень въ группы, связанныя общимъ интересомъ, было исполненіе государственныхъ обязанностей: раскладка податей между отдѣльными домохозяевами могла совершаться при помощи такого союза, который способенъ хорошо знать благосостояніе каждаго; этотъ союзъ долженъ былъ, слѣдовательно, образоваться, если его не было раньше, а разъ образовавшись, онъ могъ послужить внѣшней рамкой для имѣющей появиться впослѣдствіи общины. Дѣйствительно, въ древней исторіи мы встрѣчаемъ мелкія группы, подъ названіемъ волостей, погостовъ. Это были административные округи, но является вопросъ, что лежитъ въ ихъ основѣ: экономическая ли единица, церковная (приходъ) или административно-фискальная. Читатель видитъ, что мы не считаемъ этого вопроса порѣшеннымъ и не склоняемся даже къ мнѣнію, что правительство воспользовалось готовымъ экономическимъ союзомъ для административныхъ цѣлей. Намъ кажется вѣроятнѣе, что общины не были первичными союзами, но что онѣ образовались подъ совмѣстнымъ вліяніемъ религіозно-церковныхъ, экономическихъ и административно-фискальныхъ потребностей, при чемъ первоначальными рамками союзовъ были, можетъ быть, церковные приходы. Что экономическая община можетъ развиться на почвѣ административнаго союза, доказательствомъ тому служать примѣры превращенія въ волостныя общины военныхъ поселеній. Такъ, Сумерская волость населена пахатными солдатами, почему она представляла военно-административную единицу, и сообразно этому дѣлилась на 5 сотенъ. Эти административныя границы послужили рамкой для образованія экономической единицы; волость эта составила прочно организованную общину, и даже, кажется, ея сотни превратились также въ общины низшаго порядка [1]. Съ другой стороны, существуютъ, кажется, мѣстности, гдѣ общихъ волостей вовсе не было; по крайней мѣрѣ, таково мнѣніе г. Сергѣева («Дѣло», 1880, 4).

Такимъ образомъ, по мѣстнымъ условіямъ сѣвера, община здѣсь образовалась не изъ одной, а изъ многихъ деревень, это была *община-волость*, какъ ее называютъ въ настоящее время. Съ теченіемъ времени такія большія общины стали разрушаться, однако, онѣ сохранились повсемѣстно на сѣверѣ и до нашихъ временъ, причемъ продолжаютъ владѣть сообща или всѣми угодьями, или только какимъ-нибудь однимъ-двумя: сѣнокосами,

---

[1] Соколовскій. «Очеркъ исторіи сельской общины», стр. 77—78.

*

лѣсомъ, выгономъ. Такъ, цѣлая Воробинская волость, Сольвычегодскаго уѣзда, образуетъ всего двѣ общины, состоящія каждая изъ многихъ деревень, и владѣющія сообща только сѣнокосами (пахатныя поля нарѣзаны каждой деревнѣ отдѣльно) [1], Великосельская волость, того же уѣзда, состоящая изъ 183 деревень тоже составляетъ одну общину [2]; Городищенская волость, Устюжскаго уѣзда, владѣетъ сообща сѣнокосами, лѣсомъ и выгономъ [3]; въ Олонецкомъ уѣздѣ 600 селеній сгруппированы всего въ 30 общинъ [4] и т. д.

Мы видѣли, что первое юридическое основаніе волостной общинѣ положено было не развитіемъ внутреннихъ ея потребностей, а столкновеніемъ съ различными внѣшними интересами, между прочимъ, необходимостью обособиться отъ крупныхъ частныхъ собственниковъ. Поэтому первоначальнымъ опредѣленіемъ не касались внутренней жизни общины и дальнѣйшее ея развитіе долго еще совершалось въ томъ же направленіи: предчувствуя уже нѣкоторое стѣсненіе въ землепользованіи, община, прежде чѣмъ регулировать внутреннюю свою жизнь, старалась помочь горю рядомъ внѣшнихъ мѣропріятій. Такъ, установлены были границы отдѣльныхъ общинъ; послѣднія старались о пріобрѣтеніи новыхъ земель покупкой, расчисткой, отнятіемъ у частныхъ владѣльцевъ и проч. «Особенную энергію проявляли волости въ случаѣ нарушенія посторонними лицами ихъ поземельныхъ правъ. Въ актахъ помѣщено нѣсколько процессовъ общинъ, которые они вели черезъ своихъ выборныхъ съ лицами, оттягивавшими у нихъ земли передъ великокняжескими судьями. Иногда же крестьяне предпочитали расправляться съ пришельцами собственными силами, дѣйствуя то угрозами, то оружіемъ и прогоняя ихъ даже и въ томъ случаѣ, когда они захватывали земли, только граничащія съ волостью, изъ опасенія, основаннаго на опытѣ, чтобы впослѣдствіи не подверглись захвату и волостныя земли». Такое опасеніе возбуждало въ крестьянахъ особенно сосѣдство пустынниковъ, спасавшихся отъ мірскихъ соблазновъ въ лѣсахъ сѣвера; они знали, что аскетизмъ не долго будетъ властвовать надъ человѣкомъ, что современемъ мірскія прелести совратятъ и святыхъ мужей. «Отче, неугодно есть тебѣ и намъ твое здѣ пребываніе, говорятъ собравшіеся крестьяне Дмитрію Прилуцкому.—Помыслима бо въ себѣ, яко сей велій старецъ здѣ близъ насъ вселися, по малѣ же времени совладѣютъ нами

---

[1] «Волог. Губ. Вѣд.», 1879, 64—66.
[2] «Отеч. Зап.». 1879, 8. «Сольвычегодская земельная община».
[3] «Молва, 1876, 31, ст. Остроумова.
[4] «Отеч. Зап.», 1874, 2, ст. Лалоша.

и селы нашими». Въ житіи Даніила Переяславскаго говорится: «Владѣющіе въ селахъ близь монастыря того съ оружіемъ и дрекольями приходятъ и во оградѣ монастыря не дающе инокомъ земли копати, и глаголюще: почто въ нашей землѣ построилъ еси монастырь? Или хощеши землями и селами нашими обладати? *Еже и сбыться послѣди* — прибавляетъ составитель житія»[1].

Такимъ образомъ, на первомъ планѣ древней волостной общины стояла внѣшняя дѣятельность; она еще не налагала руку на свободу своихъ членовъ въ распоряженіи участками земли, а старалась помочь имъ пріобрѣтеніемъ новыхъ земель, оберегала ихъ свободу отъ посягательствъ на нее извнѣ. Это, впрочемъ, показываетъ, что недостатокъ земли давалъ уже себя знать и результатомъ чего явилось также стѣсненіе доступа въ общину новыхъ членовъ, пріемъ которыхъ совершали теперь не иначе, какъ съ согласія общины. Наступилъ, наконецъ, моментъ, когда община должна была вмѣшаться и во внутренніе распорядки, но эта необходимость явилась уже на слѣдующей ступени сельско-хозяйственнаго развитія страны.

Когда населеніе размножилось до такой степени, что огневое хозяйство почувствовало значительное стѣсненіе, тогда сталъ совершаться переходъ къ болѣе интенсивной системѣ земледѣлія. Именно, отдѣльные хозяева начали приспособлять ближайшія поля къ постоянной культурѣ, чтò они могли сдѣлать лишь послѣ того, какъ былъ найденъ способъ долго удерживать на извѣстномъ уровнѣ плодородіе почвы. Способъ этотъ былъ найденъ въ удобреніи навозомъ, для чего нужно имѣть извѣстное количество скота, возможность чего, въ свою очередь, обусловливалась сѣнокосами, имѣющимися въ распоряженіи крестьянъ. Переходъ къ новой системѣ полеводства совершался постепенно, по мѣрѣ того, какъ хозяева обзаводились скотомъ, и такъ какъ процессъ этотъ имѣлъ мѣсто въ то время, когда личная дѣятельность не стѣснялась никакими общественными ограниченіями, то существованіе волостной общины нисколько не препятствовало земледѣльческому прогрессу, и личная иниціатива имѣла полный просторъ для своего проявленія. Это, можетъ быть, ускорило естественный культурный процессъ, но общинѣ обошелся онъ не даромъ: прежде чѣмъ она спохватилась, оказалось, что въ ея организаціи нарушены основные принципы равенства, справедливости, къ воплощенію которыхъ постоянно стремился русскій народъ. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Въ пе-

[1] Соколовскій. «Очеркъ исторіи сельской общины», с. 68—71.

ріодъ господства подсѣчнаго хозяйства община ничѣмъ не стѣсняла своихъ членовъ. Уважительная причина для регламентаціи внутреннихъ распорядковъ могла заключаться въ необходимости возстановить нарушенное равенство; но такого нарушенія въ то время еще не происходило. Главный источникъ богатства—земля—не былъ монополизированъ и не могъ прійти въ такое состояніе, ибо внѣ приложенія труда, земля не имѣла никакого значенія. Каждый участокъ находился подъ эксплуатаціей не больше 3—4 лѣтъ и затѣмъ возвращался природѣ, откуда былъ взятъ на время. Поэтому не существовало постояннаго матеріальнаго источника богатства, способнаго накопляться въ однѣхъ рукахъ и вести къ имущественному неравенству и вытекающему отсюда порабощенію одного другимъ; не предстояло и надобности предупреждать такое неравенство или принимать мѣры къ его уничтоженію, коль скоро оно уже появилось. Поэтому же всѣ сдѣлки о землѣ между членами общины были совершенно свободны: всякій могъ продавать свой участокъ, дарить, закладывать, завѣщать; при всѣхъ этихъ переходахъ цѣнилась не земля, а трудъ приведенія ея въ годное для культуры состояніе. Продавшій свой участокъ крестьянинъ могъ сейчасъ же расчистить себѣ другой, такъ что подобнымъ отчужденіемъ онъ не превращался въ безземельнаго батрака. Равномѣрность пользованія землей тоже достигалась этой свободой, ибо, благодаря ей, всякій культивировалъ участокъ такой величины, съ какимъ онъ могъ справиться силами своей семьи. Слабая сторона разсматриваемой ступени развитія заключалась въ томъ, что здѣсь выработывалось преувеличенное понятіе о значеніи личнаго труда. Въ самомъ дѣлѣ, силы природы, какъ мы объ этомъ только-что говорили, не имѣли тогда никакой цѣнности; но крестьянинъ склоненъ былъ умалять и значеніе для него общины. Ибо чѣмъ была ему полезна послѣдняя? Она оберегала его интересы отъ нарушенія посторонними лицами — это правда; но такихъ нарушеній не могло быть много, дѣятельность общины въ этомъ направленіи не была очень замѣтна для населенія. Зато съ нею связана была въ представленіи народа масса податныхъ тягостей, которыя предъявлялись отдѣльнымъ крестьянамъ, пройдя черезъ общину. Тягости эти съ развитіемъ русскаго государства все увеличивались, а община ничѣмъ не могла помочь справиться съ ними крестьянину; напротивъ, связанная круговой порукой, она сама была причиной новыхъ платежей, которые наваливались на плечи ея членовъ. Средства для борьбы съ напастями такого рода крестьянинъ почерпалъ не въ общинѣ, а въ себѣ самомъ, въ энергіи своего труда, и въ крайнемъ случаѣ, когда

послѣдняя сламывалась подъ тягостью внѣшняго бремени, онъ не обращалъ съ надеждой взоры къ общинѣ, а пытался вовсе разорвать съ ней, уйти куда-нибудь подальше, въ дебри лѣсовъ, гдѣ бы его не настигла рука общины, ловящая своихъ членовъ и пріурочивающая ихъ къ мѣсту во славу фискальныхъ потребностей государства. Подсѣчное хозяйство, повторяемъ, приводитъ къ тому, что «крестьяне проводятъ всю свою трудовую жизнь въ лѣсахъ, такъ что про нихъ сложилась пословица: въ лѣсахъ живутъ, пнямъ Богу молятся. Обыкновенно крестьянинъ, самъ другъ съ неизмѣнныхъ товарищемъ—топоромъ, ищетъ по лѣсу удобное для подсѣки мѣстечко, одинъ «валитъ» и «стелетъ» лѣсъ, одинъ выжигаетъ и убираетъ «палъ», одинъ сѣетъ и пашетъ, одинъ убираетъ хлѣбъ, словомъ, всю работу справляетъ одинъ одинехонекъ въ лѣсу. Онъ привыкаетъ къ одиночной работѣ; мірское общинное хозяйство ему незнакомо, необычно» [1]. При такихъ условіяхъ онъ научается высоко ставить личный трудъ, какъ факторъ, обезпечивающій его благосостояніе, и это понятіе онъ непремѣнно попытается внести основнымъ принципомъ въ сферу условій, регулирующихъ внутри общинныя отношенія, когда этому настанетъ пора.

Въ волостной общинѣ крестьяне безпрепятственно распоряжались своими лядинами, и хотя иногда это вело къ неравномѣрному распредѣленію богатствъ, такъ что не лишнимъ было бы и вмѣшательство общины въ этотъ процессъ, но по причинѣ нелюбви русскаго народа къ регламентаціи, она отстранялась отъ такого вмѣшательства, предпочитая лучше терпѣть нѣкоторыя вытекающія отсюда неудобства. Но эти послѣднія сдѣлались уже вопіющими на слѣдующей культурной ступени: съ переходомъ къ постояннымъ пашнямъ явилась возможность накопленія въ однѣхъ рукахъ большихъ участковъ земли, наиболѣе годной къ обработкѣ; поэтому, право полнаго распоряженія каждаго своимъ полемъ могло, при извѣстныхъ условіяхъ, превратить землю изъ средства, обезпечивающаго благосостояніе всѣхъ, въ орудіе эксплуатаціи немногими счастливцами большинства. А принимая во вниманіе тяжесть податей, лежащихъ на общинѣ, легко понять, какимъ способомъ земля незамѣтно уходила изъ рукъ слабыхъ членовъ общины и сосредоточивалась въ немногихъ семьяхъ. Постоянныя пашни существуютъ на сѣверѣ нѣсколько столѣтій, между тѣмъ, какъ серьёзная борьба за передѣлы началась лишь съ конца прошлаго вѣка, и еще въ настоящее время есть не мало мѣстностей, ни разу не передѣлявшихъ своихъ полей.

---

[1] «Русскія Вѣдомости», 1880, 6.

Спрашивается, отчего передѣлы появились такъ поздно: не было въ нихъ надобности или существовали условія, задерживающія ихъ водвореніе? Намъ кажется, что здѣсь имѣло мѣсто и то, и другое.

Мысль о передѣлахъ не могла придти въ голову крестьянъ до тѣхъ поръ, пока всѣ они не обзавелись постоянными пашнями; ибо отнять землю у того, кто такъ трудился, чтобы ее расчистить, унавозить и проч., тогда какъ и всякій другой можетъ достигнуть того же—будетъ въ глазахъ народа грубымъ нарушеніемъ правъ труда. А пока всѣ крестьяне одинъ за другимъ введутъ трехпольное хозяйство—пройдетъ не мало времени. Затѣмъ, при достаточно рѣдкомъ населеніи, равномѣрность пользованія землей гарантировалась до нѣкоторой степени возможностью каждому расчистить себѣ участокъ въ постоянную пашню или, при неимѣніи скота, поналечь главнымъ образомъ на лядины.

Съ XVI столѣтія начался, какъ извѣстно, процессъ раззоренія народа: деревни запустѣвали массами, столь же быстро росло число безземельныхъ. Казалось бы, это время самое удобное для ввведенія передѣловъ, такъ какъ ими можно было поддержать бѣднѣйшую часть населенія на извѣстномъ уровнѣ благосостоянія. Но это только такъ кажется съ перваго взгляда. Во-первыхъ, постоянныхъ угодій на сѣверѣ и теперь еще такъ мало, что крестьяне не могутъ удовлетвориться однимъ трехпольнымъ сѣвооборотомъ и вынуждены продолжать рубить подсѣки; 200 же, 300 лѣтъ назадъ послѣдняя система земледѣлія была главнымъ основаніемъ крестьянскаго благосостоянія, а потому уравненіе населенія по владѣнію постоянными пашнями не принесло бы ему большой пользы; во-вторыхъ, обѣднѣніе народа было результатомъ внѣшнихъ вліяній и оно приближалось къ полному раззоренію, т. е. къ потерѣ скота, инвентаря, безъ которыхъ немыслимо хозяйство и при существованіи свободныхъ земель. Это было положеніе, сходное съ современнымъ, когда крестьянинъ имѣетъ землю, но не въ силахъ ее обработывать, а вынужденъ забрасывать и поступать въ батраки. Въ такомъ положеніи находился народъ и 200 лѣтъ назадъ, и введеніе въ это время на сѣверѣ передѣловъ врядъ ли оказало бы сколько-нибудь замѣтное вліяніе на благосостояніе массы. Видно это изъ того, что большой разницы въ экономическомъ положеніи народа на сѣверѣ, гдѣ господствовала волостная община, и въ средней Россіи, гдѣ равномѣрность крестьянскаго владѣнія землей поддерживалась существованіемъ передѣловъ, не было: и тамъ, и здѣсь мы видимъ одинаково пропасть пустыхъ деревень, массу

беземельныхъ крестьянъ и всеобщее бѣгство населенія. Такъ, въ концѣ XVI вѣка на сѣверѣ была страшно опустошена Деревская пятина: на 123 жилыхъ поселка тамъ было 977 пустыхъ деревень; но такое раззореніе и для тогдашней Россіи можетъ быть признано исключеніемъ; въ другихъ мѣстностяхъ сѣвера мы встрѣчаемъ его въ меньшихъ размѣрахъ; именно: въ Черной волости Обонежской пятины при 24 деревняхъ жилыхъ было 13 пустыхъ, въ Андомской—на 158 жилыхъ 88 пустыхъ, въ Никольскомъ погостѣ на 130 жилыхъ 59 пустыхъ, въ Мегорскомъ—на 167 жилыхъ 93 пустыхъ, въ Ильинскомъ—на 159 жилыхъ 69 пустыхъ. Нѣчто подобное встрѣчаемъ мы и въ центрѣ Россіи; такъ, въ Васильцевскомъ стану Московскаго уѣзда на 46 жилыхъ поселеній приходилось 158 пустыхъ, въ Кошелевомъ—на 1 жилую 44 пустоши; въ Коломенскомъ уѣздѣ пустыхъ поселеній было больше 700; тоже мы имѣемъ въ уѣздахъ Полоцкомъ, Вяземскомъ, Тульскомъ и другихъ. Цифры беземельныхъ свидѣтельствуютъ о такомъ же единообразіи явленій въ сѣверной и средней Россіи; такъ на сѣверѣ въ Деревской пятинѣ на 505 дворовъ было 77 бобыльскихъ, въ Вотской—на 809 крестьянскихъ 74 бобыльскихъ. А въ центральной Россіи мы встрѣчаемъ: въ Углицкомъ уѣздѣ въ вотчинахъ Троицкаго монастыря на 477 дворовъ крестьянскихъ было 13 бобыльскихъ, во Владимірскомъ—на 473 было 53 бобыльскихъ, въ Суздальскомъ—540 первыхъ, 38 вторыхъ; въ Сурожскомъ стану Московскаго уѣзда на 94 крестьянскихъ двора приходилось 29 бобыльскихъ и т. д. [1]

Мы видимъ, что раззореніе народа одинаково охватило какъ общины, заботящіяся о поддержаніи равномѣрности благосостоянія всѣхъ своихъ членовъ, такъ и другія, гдѣ передѣлы еще не были введены. Это значитъ, что главныя причины отощанія народа были такъ могущественны, что противъ нихъ оказались безсильными обычные общинные коррективы. Крестьянинъ, лишенный скота и необходимыхъ орудій, не станетъ обрабатывать землю, сколько вы ему ея ни давайте: такъ было въ центральной Россіи, тоже самое встрѣчалось и на сѣверѣ. Община это понимала, и ей не могла придти въ голову мысль бороться съ бѣдствіемъ такимъ тупымъ оружіемъ, какъ передѣлы полей; иначе говоря, послѣдній пріемъ дѣйствителенъ противъ внутреннихъ неустройствъ общинъ, въ XVI же, XVII вѣкахъ злобою дня были внѣшнія вліянія, разрушающія благосостояніе народа; а противъ послѣднихъ гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ было переселеніе крестьянъ на новыя мѣста, находящіяся до

---

[1] Соколовскій. «Очеркъ исторіи сельской общины», с. 71, 125. «Экономическій бытъ нар.», с. 167—8.

поры до времени внѣ сферы вліянія государственныхъ тягостей; эта-то мѣра главнымъ образомъ и практиковалась одинаково какъ сѣвернымъ жителемъ, такъ и крестьяниномъ, передѣлявшимъ свои поля центральныхъ общинъ.

Еще одно обстоятельство тормозило введеніе на сѣверѣ передѣловъ: крестьяне отчуждали землю нетолько своимъ сосѣдямъ-однообщественникамъ, но еще, и можетъ быть въ большихъ размѣрахъ, различнымъ постороннимъ лицамъ — купцамъ, посадскимъ, попамъ, канцелярскимъ чиновникамъ, и пр. Поэтому введенію передѣловъ должно было предшествовать возвращеніе назадъ въ общину земель, отчужденныхъ за ея предѣлы, а пока это не имѣло мѣста, до тѣхъ поръ не могла серьёзно возбуждаться и мысль о передѣлахъ. Возвратить же сказанныя земли назадъ община не имѣла возможности: онѣ были укрѣплены за новыми владѣльцами законнымъ порядкомъ, а крестьяне въ это время боялись закона не меньше, чѣмъ и теперь. Вопросъ этотъ хорошо былъ выясненъ въ крестьянскихъ наказахъ въ Екатерининскую комиссію. Большинство наказовъ жалуется именно на этихъ такъ называемыхъ «деревенскихъ владѣльцевъ». Крестьяне Велико-Устюжскаго уѣзда указываютъ на устюжскихъ купцовъ, завладѣвающихъ ихъ землями; Сольвычегодцы жалуются на купцовъ города того же имени, Лальскаго посада и служителей Строгановыхъ; деревенскіе владѣльцы господствуютъ и въ Яренскомъ уѣздѣ, Тотемскомъ, Олонецкомъ, въ Вятской губерніи. Уже меньше жалобъ встрѣчаемъ мы собственно на неравномѣрное распредѣленіе земли между самыми крестьянами, какъ членами общины, и это не потому, чтобы его не существовало вовсе, а вслѣдствіе того, что первая причина бѣдности народа заслоняла въ его глазахъ вторую; такъ какъ, кромѣ того, посторонніе общинѣ владѣльцы, пріобрѣтая ея земли, нетолько не помогали крестьянамъ платить подати за выбылыя души и за неимущихъ, но всячески уклонялись сами отъ несенія даже тѣхъ тягостей (дорожной, подводной и т. п.), которыя прямо были для нихъ обязательны, какъ для лицъ, владѣющихъ тяглыми участками, то они были особенно ненавистны общинамъ, и послѣднія гораздо больше настаиваютъ на возвращеніи назадъ земель, отошедшихъ къ деревенскимъ владѣльцамъ, для подушной ея разверстки, чѣмъ на введеніи передѣловъ, захватывающихъ и участки, находящіяся въ пользованіи богатыхъ членовъ общины. Хотя нельзя отвергнуть и той мысли, что просьбы о передѣлахъ не попадали въ крестьянскіе наказы, частью благодаря вліянію многоземельныхъ членовъ общины. [1]

[1] «Русская Старина» 1879, I, статья г. В. Семевскаго.

Какъ бы то ни было, а въ дѣлѣ введенія передѣловъ на сѣверѣ немаловажную роль играло правительство. Это весьма понятно. Развитіе общины въ этой части Россіи совершалось уже въ то время, когда главнымъ общественно-политическимъ принципомъ у насъ было укрѣпленіе государства, когда приказные порядки господствовали всюду и стремились подчинить своему вліянію всѣ проявленія народной жизни, когда наконецъ выработалось уже понятіе о принадлежности земли государю. Желаніе правительства регламентировать все и вся простиралось до такихъ мелочей, что къ нему обращается, напримѣръ, съ челобитною крестьянинъ Пинежскаго уѣзда, прося дозволенія расчистить извѣстный участокъ безъ платежа оброка впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ (1693 года) [1]. Такимъ образомъ крестьянское общинно-земельное міросозерцаніе формировалось здѣсь подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ государственнаго принципа и приказной системы; понятіе, естественно, по ходу исторіи, возникавшее въ народѣ, сталкивалось съ другимъ, поддерживаемымъ правительственной властью, искажалось больше, чѣмъ этого требовала даже послѣдняя, и въ концѣ-концовъ, міросозерцаніе народа до того путалось, что крестьяне сами не знали, что можно, чего нельзя, и боялись самыхъ пустыхъ вещей. Такъ жители Сученской волости Тотемскаго уѣзда писали: «У крестьянъ имѣются участки самые малые, потому что опричь своихъ повытковъ не имѣемъ, а которыя вымершія повытья *лежатъ впустѣ, владѣть безъ позволенія не смѣемъ*»[2].

III.

Послѣ этого краткаго историческаго очерка перейдемъ къ столь же бѣглому обзору существующихъ нынѣ формъ общиннаго землевладѣнія на сѣверѣ. Вслѣдствіе того, что сѣверъ былъ заселенъ не одновременно и въ настоящее время представляетъ различныя степени плотности населенія, мы тамъ встрѣчаемся съ всевозможными историческими формами общины, что представляетъ удобной случай изученія исторіи этого учрежденія и что послужило г. Лалошу основаніемъ для созданія общепринятой нынѣ гипотезы историческаго развитія общиннаго землевладѣнія въ Россіи.

Такъ, мы еще встрѣчаемъ не мало мѣстностей (въ Олонецкой

---

[1] «Дѣло», 1880, 4, статья Сергѣева.
[2] «Русская Старина», id.

губерніи, Вятской и др.), где передѣлы вовсе неизвѣстны и гдѣ всецѣло властвуетъ принципъ перваго завладѣнія, или вѣрнѣе— первой заимки. Интересно, что это имѣетъ мѣсто между прочимъ въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ Олонецкой губерніи—слѣдовательно, тамъ, гдѣ правительствомъ издано было еще въ прошломъ вѣкѣ приказаніе передѣлить крестьянскія поля. Весьма вѣроятно, что такое распоряженіе явилось через-чуръ преждевременно, когда крестьяне еще не сознали вреда, происходящаго отъ личнаго владѣнія расчищенными участками. Но, несмотря на отсутствіе стѣсненій въ землепользованіи, въ крестьянахъ выработалось убѣжденіе, что такая свобода существуетъ лишь благодаря соизволенію міра и что послѣдній вправѣ, когда найдетъ нужнымъ, измѣнить обычные порядки. Такая форма общины принята была чиновниками по введенію владѣнныхъ записей за личное землевладѣніе, и иллюзія разрушилась лишь при ближайшемъ ознакомленіи съ предметомъ. «Почему земля не передѣляется»? спрашиваютъ крестьянъ. — «Не зачѣмъ дѣлиться — отвѣчаютъ, у насъ у всякаго земли по силамъ». «А если будетъ не по силамъ—у одного много, у другого мало?»— «Тогда и подѣлимся. Земля у всѣхъ общая, да пока никто не проситъ дѣлиться; а станутъ просить — тогда и дѣлиться»[1]. Существованіе такого воззрѣнія подтверждаетъ и г. Лалошъ: вотъ, напримѣръ, приводимый имъ фактъ, ярко рисующій отношеніе крестьянъ къ вопросу. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Олонецкой губерніи крестьяне съ испоконъ вѣку владѣютъ своими участками лично, тѣмъ не менѣе, многоземельные чувствуютъ, что ихъ царствованію приходитъ конецъ, что въ общинѣ назрѣли потребности, которыя приведутъ въ скоромъ времени къ передѣламъ. И вотъ, при предъявленіи крестьянамъ новаго надѣла, богачи постоянно спрашиваютъ—скоро ли можно будетъ вовсе выдѣлиться изъ общины? Тогда на сходѣ подымается цѣлая буря. «Помилуй, братъ, ты позабралъ у насъ лучшія земли, ты кромѣ того и деньги имѣешь! Что же это? Ты значитъ совсѣмъ ужь хочешь записать насъ въ свои батраки. Нѣтъ, братъ, мы этого не желаемъ. Мы не допустимъ! Пусть все будетъ по старому!»[2] Нѣкоторымъ препятствіемъ скопленію земли въ немногихъ рукахъ и вытекающей отсюда нужды въ общественныхъ передѣлахъ служитъ признаваемое крестьянами право выкупа проданныхъ земель. Дѣти хозяина, участокъ котораго попалъ въ руки богача, имѣютъ право требовать отъ послѣдняго возвращенія земли на-

---

[1] «Рус. Вѣдом. 1880, 62, «Сѣверъ Россіи».
[2] «Отеч. Зап.» 1874, 2.

задъ за сумму, заплаченную богачемъ когда-то за участокъ. Крестьяне такъ сроднились съ правомъ выкупа, что существуютъ попытки распространить его и на движимое имущество. Нерѣдко, напримѣръ, мужикъ идетъ жаловаться начальству на сосѣда, что тотъ не возвращаетъ ему лошади, когда-то у истца купленной. «Я хочу выкупить ее; возьми свои деньги, подай мою лошадь».— «Да я продалъ ее», говоритъ отвѣтчикъ. — «А какъ ты смѣлъ продать мою лошадь? продолжаетъ истецъ.—Ты купилъ ее у меня за 20 р., а продалъ за 35 р.; такъ возьми свои 20, а подай мнѣ 35 р., не то выкупи мнѣ лошадь».

Въ другихъ мѣстностяхъ сѣвера община уже регламентируетъ отношенія своихъ членовъ къ землѣ, но форма и степень этой регламентаціи далеко не соотвѣтствуетъ потребностямъ крестьянъ и значительно отступаетъ отъ того идеала, который начертанъ принципами, преслѣдуемыми описываемыми союзами. Мы не видимъ въ этомъ противорѣчіи ничего страннаго или удивительнаго, такъ какъ община здѣсь еще находится въ періодѣ развитія, она не выработала пока всѣхъ правилъ, которыя должны явиться на смѣну прежнихъ, выросшихъ подъ вліяніемъ другихъ потребностей. Кромѣ того, община въ наше время далеко несвободна; развитіе ея совершается подъ значительнымъ вліяніемъ кулаковъ, сила которыхъ основывается къ тому же на внѣшнихъ воздѣйствіяхъ на экономическую жизнь народа, недоступныхъ крестьянскому протесту; благодаря же тому обстоятельству, что на помощь стремящимся къ передѣламъ явилось правительство, рядомъ съ благодѣтельными послѣдствіями этого вмѣшательства создались и нѣкоторыя условія, вредно отражающіяся на самостоятельности общинной власти. Къ такимъ последствіямъ правительственнаго вмѣшательства нужно отнести обычай передѣлять землю во время ревизіи; крестьяне нетолько придерживаются этого правила, но и считаютъ себя не въ правѣ совершить передѣлъ въ иное время. Результатомъ того же вліянія нужно признать и значеніе, которое имѣетъ въ общинной жизни народа ревизская душа: есть еще немало мѣстностей, гдѣ, хотя землю передѣляютъ и довольно часто, но участокъ каждой семьи остается при этомъ неизмѣннымъ, пропорціонально числу ея ревизскихъ душъ, такъ что передѣлъ совершается здѣсь только для уравненія земли въ качественномъ отношеніи. По всей вѣроятности, вліяніе правительства отразилось и на назначеніи обычнаго на сѣверѣ сорокалѣтняго срока, даваемаго общинами своимъ членамъ для пользованія вновь расчищенными угодьями. Но и до этого ограниченія индивидуальнаго пользованія хотя бы такимъ длиннымъ

срокомъ дошли далеко не всѣ общины сѣвера. Въ очень многихъ случаяхъ регулируются правилами только пользованія давно уже культированными пахатными и сѣнокосными угодьями; тѣ же, которыя расчищены отдѣльными хозяевами, остаются въ ихъ личномъ распоряженіи, община не наложила на нихъ свою руку. Въ другихъ мѣстахъ и подобныя расчистки черезъ извѣстное время поступаютъ въ передѣлъ; обычный срокъ владѣнія ими лицомъ, которому они обязаны своимъ существованіемъ—40 лѣтъ; но тамъ, гдѣ населеніе достаточно скучено и земля дорога—періодъ этотъ сокращается вдвое, втрое. Рядъ этихъ фактовъ мы должны объяснить такимъ образомъ, что съ теченіемъ времени населеніе постепенно теряетъ то безпредѣльное уваженіе къ личному труду, которое создало изъ него какого-то фетиша, коему въ жертву приносятся чуть ли не всѣ потребности народа, передъ которымъ склоняются остальныя требованія лица и общины. Какъ крайнія проявленія этого уваженія къ личному труду, мы приведемъ распространенный среди охотниковъ сѣвера обычай потомственнаго и вѣчнаго владѣнія путинами, а также наслѣдственное владѣніе на крайнемъ сѣверѣ лядинами, которыя остаются въ тѣхъ же рукахъ даже въ то время, когда онѣ истощены и заростаютъ новымъ лѣсомъ. Хозяинъ въ это время ухаживаетъ за нею и черезъ 20—30 лѣтъ опять рубитъ ее для посѣва [1]. Когда община, наконецъ, освободилась отъ такого идолопоклонства передъ трудомъ, она все-таки выказала ему достаточное уваженіе, оставивъ очень длинный сороколѣтній срокъ пользованія вновь расчищенными угодьями и лишь съ теченіемъ времени, по мѣрѣ возрастанія населенія и относительнаго уменьшенія земли, община выше труда поставила равенство потребностей и сократила время пользованія расчистки даже до 6—10 лѣтъ.

Вообще, на сѣверѣ мы встрѣчаемся съ разнообразными ступенями перехода отъ волостной общины, характеризующейся полной свободой распоряженія каждаго своимъ участкомъ, къ типу землевладѣнія, господствующему въ центральной Россіи, гдѣ уже нѣтъ вовсе угодій, находящихся внѣ вліянія общинной власти. Такъ какъ сѣверная община въ послѣднее время достаточно занимала вниманіе литературы (напомнимъ читателю труды гг. Щербины, Лонскаго и Соколовскаго), то мы считаемъ излишнимъ останавливаться на ней дольше и познакомимъ только читателя со схемой развитія общиннаго принципа, построенной г. Сергѣевымъ по образцамъ, которые онъ наблюдалъ въ Пинежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи.

[1] «Журналъ Сельск. Хоз. и Лѣсов.», 1878, 5, Л. Гомилевскаго.

Когда община сознаетъ необходимость уравненія своихъ членовъ, то она будетъ производить его сначала крайне просто, но за то и мало справедливо; именно, владѣющій большимъ участкомъ пахатной или сѣнокосной земли, отрѣзываетъ въ пользу другого излишекъ въ любомъ мѣстѣ по своему выбору, т. е. уравнивается земля здѣсь только по количеству и лучшія угодья остаются у прежняго владѣльца, когда-то ихъ расчистившаго. Привыкнувъ къ мысли уравненія, община уже не удовлетворяется однимъ количественнымъ равенствомъ, и стремится къ качественному. Трудъ отказывается еще отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ и раньше онъ поступается въ пользу общины сѣнокосомъ, гдѣ трудъ приведенія угодья въ годное положеніе не великъ сравнительно съ усиліями, требуемыми для расчистки пашни. Сначала лугъ, а потомъ пашня дѣлится на нѣсколько частей по качеству и всякій членъ общины получаетъ участокъ во всѣхъ частяхъ, но отрѣзка отъ многоземельнаго совершается все еще по его указанію. Затѣмъ, принципъ заповѣдности рушится сначала по отношенію къ сѣнокосу, а потомъ и относительно пашни (чего еще не наблюдается въ Пинежскомъ уѣздѣ), которая дѣлится на полосы и верстается между членами общины, какъ въ Великороссіи. Наконецъ, дальнѣйшее развитіе общиннаго принципа требуетъ приложенія его къ обработкѣ земли, что произойдетъ сначала на лугу (читатель знаетъ, что это имѣетъ уже мѣсто во многихъ мѣстахъ Россіи), а отсюда перейдетъ въ поле. Настоящій періодъ и есть, можетъ быть, моментъ развитія общиннаго земледѣльческаго производства.

В. В.

ВЪ ЛУННУЮ НОЧЬ.

II [1].

...Среди ночной, торжественной тиши,
Передъ тобой нежданно пробудилось
Все то, что̀ днемъ пугливо затаилось
Такъ глубоко, на самомъ днѣ души...

Чужая скорбь — тебѣ больна теперь:
Она — твоя, она тебѣ родная...
И въ ужасѣ стоишь ты, отворяя
Въ прожитое заржавленную дверь...

По ночамъ... Будь глухъ ты къ стонамъ —
И тебѣ они слышны.
По ночамъ — и фараонамъ
Снились тягостные сны.
По ночамъ—пиры смущались
Мановеньемъ волшебства̀,
Вдругъ на стѣнахъ загорались
Валтасаровы слова.
Жгли испуганные взгляды
Тѣ слова—и безъ пощады

---

[1] I—см. «Отеч. Зап.», 1881 г., январь.

Имъ предсказывали месть,
И являлись къ нимъ пророки—
Эти огненныя строки
Властнымъ голосомъ прочесть.

И... ты думаешь, что ночи
И волшебный свѣтъ луны
На страдальческія очи
Навѣваютъ счастья сны?
Нѣтъ, въ ночи—душа проснулась...
Вотъ, онъ спитъ—но и во снѣ
Сердце больно встрепенулось
Думой черною о днѣ.
Бойся-жь ты, о малодушный,
Зритель горя равнодушный,
Тишины иныхъ ночей:
Ты прозрѣлъ; твои зѣницы
Созерцаютъ вереницы
Ужасающихъ тѣней...

Вотъ идутъ они толпою —
Но рыдая и кляня —
Тѣ, что мо̀лча предъ тобою
Шли при яркомъ блескѣ дня...
Что̀ тебѣ до ихъ страданій:
Ни родные, ни друзья...
Отчего же — оправданій
Совѣсть требуетъ твоя?
А они—ихъ вздохъ, ихъ взоры—
Шлютъ какіе-то укоры
Малодушному... Увы!
Грѣхъ и мой здѣсь—знаю, знаю;
Но я самъ, я самъ страдаю;
Въ эту ночь — больнѣй, чѣмъ вы...

Грѣхъ и мой... Но что̀ я значу?
Много-ль жизнь дала и мнѣ?
Я не даромъ горько плачу
О потерянной веснѣ.
Нѣтъ, конецъ! Я званъ русалкой,
Та̀мъ покой... Сейчасъ сова
Прокричитъ надъ жизнью жалкой

Похоронныя слова...
Я иду...
Вдругъ, садъ проснулся.
Каждый листъ мнѣ улыбнулся,
Внятно шепчетъ мнѣ: «живи!»
Соловьи кругомъ запѣли
Поэтическія трели
О надеждѣ и любви...

А. Боровиковскій.

ЭЛИ-ПАСТУШОКЪ.

очеркъ

Д. ВЕРГА.

(Съ итальянскаго).

Профессія Эли состояла въ томъ, что онъ пасъ лошадей. Ему было 13 лѣтъ, когда онъ свелъ знакомство съ маленькимъ барченкомъ донъ-Альфонсо. Эли былъ такой крохотный, что не доросъ еще до брюха старой кобылы *Бѣлянки*, носившей на шеѣ колокольчикъ, почти колоколъ, знакомый всему табуну. Онъ появлялся то тамъ, то сямъ и въ горахъ, и на равнинѣ, вездѣ, гдѣ паслись его животныя. Его видали то неподвижно стоящимъ въ какой-нибудь лощинѣ, то валяющимся на какомъ-нибудь большомъ камнѣ. Донъ-Альфонсо, покуда жилъ лѣтомъ въ деревнѣ, каждый божій день приходилъ къ нему, дѣлился съ нимъ своимъ шоколадомъ; а Эли угощалъ его своимъ ячнымъ хлѣбомъ и плодами, похищенными изъ сада ближайшаго сосѣда. Сначала, по сициліанскому обычаю, Эли величалъ барчонка сіятельствомъ, но когда они познакомились поближе, дружба ихъ установилась на болѣе прочныхъ основахъ. Эли училъ своего пріятеля взбираться на вершину самыхъ высокихъ орѣшинъ, отъискивать сорочьи гнѣзда, подшибать камнемъ на лету воробья и однимъ прыжкомъ взбираться на спину полу-дикихъ скакуновъ, для чего слѣдовало только ухватиться крѣпко за гриву перваго, проносящагося мимо коня и не смущаться ни гнѣвнымъ его ржаніемъ, ни отчаянными прыжками. Ахъ! какъ чудесно ска-

кать по сжатому полю! Грива коня развѣвается по вѣтру; апрѣльскій день такъ прекрасенъ; густая трава на лугахъ волнами переливается и кони весело ржутъ на пастбищѣ. И лѣтомъ, въ знойный полдень, тоже хорошо. Все окрестъ, и поля, и луга, и холмы, ослѣпительно млѣетъ и безмолвствуетъ; небо сгущаетъ свою синеву, и кузнечики выпрыгиваютъ изъ-подъ камешковъ, словно подъ ними солнце фителемъ камуфлеты взрываетъ. А зимой: какъ ясно свѣтится небо сквозь обнаженныя вѣтви миндальныхъ деревьевъ, вздрагивающихъ подъ порывами леденящаго нагорнаго вихря; какъ звонко раздается топотъ табуна по застывшему проселку; и какъ весело заливаются жаворонки, взвиваясь въ лазурную высь, ближе къ солнцу! Дивные лѣтніе вечера подымались тихо, медленно, какъ туманъ наплывали. Какъ хорошо пахнетъ сѣно, и съ какою нѣгою погружаешь въ него локти, а кругомъ жужжатъ насѣкомыя! А этотъ звукъ рожка Эли! простой, однословный, всегда одинъ и тотъ же звукъ: Іу! Іу! Іу!—а между тѣмъ, только его заслышишь, сейчасъ тебѣ на память приходитъ и праздникъ Иванова дня, и Рождественскія ночи, и святки, всѣ эти великія событія, которыя, кажется, ушли такъ далеко, и которыя должны вновь возвратиться, которыхъ ждешь и ищешь, поднимая глаза высоко къ небу, гдѣ звѣзды почти всѣ заразъ зажигаются, и откуда въ сердце сходитъ благодать и веселье!

Впрочемъ, Эли не предавался меланхолическимъ мечтаніямъ. Ночь сходила на землю, а онъ сидѣлъ себѣ, спустивъ ноги въ канавку и, надувъ щеки, высвистывалъ свою Іу! Іу! Іу! Потомъ онъ принимался кричать и швырять камешками, имѣя въ виду согнать въ кучу свой табунъ, что ему всегда удавалось. Затѣмъ онъ гналъ его за Крестовый родникъ, въ сарай, служившій ночлегомъ для лошадей.

Иногда, запыхавшись, онъ взбѣгалъ на холмъ, розыскивая отбѣжавшаго коня и взывалъ къ своему другу Альфонсу:

— Позови собаку, позови собаку!

Или:

— Швырни-ка побольше камень въ Гнѣдко. Ишь онъ важничать вздумалъ, словно баринъ какой; идетъ-нейдетъ, все траву по дорогѣ пощипываетъ. Хорошенько его! Хорошенько!

Или:

— Завтра утромъ придешь—захвати съ собой иголку, да потолще, у Ліи есть такія, какъ мнѣ надо.

Эли отлично владѣлъ иглой. Въ сумѣ, которую онъ носилъ черезъ плечо, всегда хранился изрядный запасъ тряпья, которымъ онъ, въ случаѣ надобности, зачинивалъ свои штанишки

или рукава своей куртки. Онъ умѣлъ также прехитрыя штуки изъ конскаго волоса плести, а платокъ, который въ холода носилъ на шеѣ, онъ всегда самъ стиралъ въ ручейкѣ, протекавшемъ по долинѣ. Однимъ словомъ, если только его сумка была у него за плечами, ему никого и ничего не было нужно. Ни въ пустынѣ Резоконе, ни въ безлюдной равнинѣ Кальтаджироне онъ пропасть не могъ. Тетка Ліа всегда, бывало, говаривала: «Посмотрите, Эли-пастушокъ; вѣчно онъ въ лѣсу, да въ полѣ одинъ, словно и родился съ конями. А все потому, что онъ умѣетъ креститься обѣими руками».

И въ самомъ дѣлѣ, Эли ни въ комъ не нуждался, а между тѣмъ, каждый добрый человѣкъ на селѣ охотно помогалъ ему чѣмъ могъ, потому что Эли былъ мальчикъ услужливый, и каждому приходилось пользоваться его услугами. Тетка Ліа ему, по христіанской добродѣтели, хлѣбы пекла, а онъ ей за это плелъ корзины подъ яица и долбилъ челноки (для тканья) изъ тростника. «Мы съ нимъ живемъ, говаривала тетка Ліа сосѣдямъ:— какъ его скотинка: одна другой шею чешетъ».

Въ селѣ Тебидѣ всѣ его знали съ самыхъ малыхъ лѣтъ, когда его не было еще видно изъ-за лошадиныхъ хвостовъ; онъ выросъ, можно сказать, на глазахъ у поселянъ, хотя они его рѣдко видали, потому что онъ кочевалъ съ своимъ табуномъ изъ одного мѣста въ другое. «Свалился онъ съ неба, а земля его подобрала», говоритъ пословица. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дѣтей, у которыхъ нѣтъ ни дома, ни семьи. Его мать была въ услуженіи, на мѣстѣ, въ маленькомъ городишкѣ Виццини и видалась съ нимъ только разъ въ годъ во время ивановской ярмарки, когда онъ туда приходилъ со своими жеребятами. Въ тотъ день, когда она умерла, его позвали въ Виццини; это было въ субботу вечеромъ, и въ понедѣльникъ утромъ онъ уже вернулся къ своему табуну, такъ что крестьянинъ, пасшій за него лошадей, даже не одного рабочаго дня не потерялъ. Только онъ вернулся такой разстроенный, что не разъ упускалъ лошадей въ засѣянныя полосы: «Эй! эй! Эли! кричалъ ему съ гумна дядя Агриппино:—что ты, собачій сынъ, плетки что ли отвѣдать захотѣлъ». Эли мчался за разбѣжавшимися жеребятами, и помаленьку отгонялъ ихъ къ холму; а передъ глазами у него все еще была его мама. Она не говорила ему ни слова и лежала съ головой, повязанной бѣлымъ платкомъ.

Отецъ его пасъ стада коровъ въ Раголето, за Ликодіей; «тамъ, гдѣ маларія [1] людей жнетъ», говорили окрестные поселяне. Но

---

[1] Болотная лихорадка.

маларія гнѣздится тамъ, гдѣ почва влажная, гдѣ пастбища тучныя, а коровы, какъ извѣстно, лихорадкой не заражаются. Эли же жилъ круглый годъ въ поляхъ; то около Феранте, то въ Комедскихъ лугахъ, то въ долинѣ Ягитано. Охотники и прохожіе, предпочитавшіе прямыя тропки окольнымъ дорогамъ, встрѣчали его то тамъ, то сямъ, какъ собаку безъ хозяина. Но онъ этимъ не тяготился; онъ привыкъ жить съ лошадьми, которыя шли впереди его шагъ за шагомъ, пощипывая траву по дорогѣ; онъ привыкъ жить съ лошадьми и съ птицами; послѣднія носились стаями около него все время, покуда солнце медленно шествовало по небу, покуда тѣни не начинали вытягиваться и расплываться въ сумеркахъ. Онъ наблюдалъ за прямыми формами облаковъ, за ихъ сочетаніями съ горными вершинами; онъ зналъ какъ дуетъ вѣтеръ, предвѣщающій грозу; зналъ цвѣтъ облаковъ, несущихъ снѣгъ. Для него всѣ предметы имѣли свой особый видъ и свое особое значеніе; ему было на что глядѣть и къ чему прислушиваться во всякое время, во всякій часъ дня. За то когда онъ, передъ закатомъ солнца, принимался наигрывать на своемъ рожкѣ, воронaя кобыла первая приближалась къ нему и внимательно, задумчиво его разсматривала, прислушиваясь къ звукамъ. За вороной кобылой шли и другія лошади.

Онъ скучалъ только въ ландахъ Пассанителло, гдѣ нѣтъ ни кустарниковъ, ни деревьевъ, гдѣ въ жаркіе мѣсяцы нѣтъ даже птицъ. Лошади тамъ собирались въ кучу, опускали головы и взаимно старались въ тѣни, отбрасываемой каждою, укрыться отъ зноя. Въ длинные дни страднаго времени этотъ ослѣпительный свѣтъ жегъ по шестнадцати часовъ въ сутки мертвенно безмолвную пустыню.

Но гдѣ травы было въ волю и кони паслись охотно, тамъ мальчикъ умѣлъ, не унывая, заниматься какимъ-нибудь постороннимъ дѣломъ. Онъ строилъ клѣтки для скворцовъ, выдѣлывалъ разныя трубочки и плелъ изъ ивы корзины. Онъ очень искусно умѣлъ строить шалашики, защищавшіе и отъ нагорнаго вѣтра, наносившаго стужу и стаи вороновъ, и отъ всесожигающаго лѣтняго солнца, подъ лучами котораго замирало все, кромѣ нестерпимо-стрекочущихъ сверчковъ. Онъ пекъ дубовые жолуди такъ чудесно, что они были, какъ поджаренные, или поджаривалъ большіе ломти хлѣба въ платановой золѣ, когда его хлѣбъ начиналъ покрываться плесенью; а случалось это нерѣдко, особенно зимой въ Пассанителло, гдѣ дороги такія отвратительныя, что по двѣ недѣли иногда ему не приходилось видѣть ни одного прохожаго, ни одного заѣзжаго человѣка.

Дона-Альфонсо родители холили и держали въ хлопкахъ; по-

этому, онъ завидовалъ своему пріятелю Эли, завидовалъ его парусинной сумкѣ, содержавшей все его богатство: хлѣбъ, лукъ, маленькое фіаско [1] съ виномъ, платокъ для защиты отъ холода, свертокъ трапья для заплатъ, толстыя нитки, здоровенныя иголки, жестянку съ рыболовными принадлежностями, съ кремнемъ и огнивомъ для высѣканія огня. Донъ-Альфонсо завидовалъ Эли, потому что въ его распоряженіи находилась великолѣпная пѣгая кобыла—мощное, полудикое животное, съ мохнатой головой, съ свирѣпыми глазами, раздувавшее ноздри, скалившее зубы и кусавшееся, какъ бѣшанная собака, когда кто-нибудь пытался вскочить къ нему на спину. Одного Эли она слушалась; ревновала его къ другимъ лошадямъ, любила, чтобы онъ ей чесалъ за ухомъ, нерѣдко подходила къ нему сама и прислушивалась къ его рѣчамъ.

— Ты пѣгашки не трогай, совѣтовалъ Эли своему другу дону-Альфонсу:—она кобыла добрая, только не знаетъ тебя. Такъ ты лучше ее не трогай.

Съ тѣхъ поръ, какъ Скарду изъ Букіера увелъ калабрскую кобылу, которую купилъ на ивановской ярмаркѣ, жеребенокъ Карько никакъ не могъ успокоиться; откинувъ холку назадъ, онъ убѣгалъ въ горы, издавая жалостливое ржанье. Эли все бѣгалъ за нимъ, громко призывалъ его; жеребенокъ останавливался при звукѣ знакомаго голоса, настороживалъ уши, вытягивалъ шею и обмахивался хвостомъ.

— Все это оттого, что у него матку отняли, разсуждалъ пастушокъ: — поэтому онъ и не знаетъ, что̀ ему дѣлать. Теперь за нимъ надо глаза да глаза; а то онъ, чего добраго, и въ пропасть брякнется. И я тоже, какъ мама померла, свѣту божьяго не взвидѣлъ!

А когда жеребенокъ вновь сталъ пощипывать клеверъ и брыкаться, Эли утѣшалъ себя, объясняя Альфонсу:

— Видишь, тоже по маленьку забывать сталъ. А впрочемъ, прибавлялъ онъ:—вѣдь и его тоже продадутъ. Для того и лошади на свѣтѣ, чтобы ихъ продавать. Это вѣрно, все равно какъ и бараны: къ мяснику подъ ножъ попадутъ непремѣнно, или вотъ что изъ сѣрыхъ тучъ дождь польетъ. Только птицы однѣ знай себѣ летаютъ, да поютъ.

Мысли Эли не были ясны и послѣдовательны, потому что ему рѣдко приходилось съ кѣмъ бесѣдовать. Онъ никогда не спѣшилъ приводить ихъ въ порядокъ и извлекать изъ головы, а

[1] Широкодонную бутылку.

предоставлялъ имъ самимъ развиваться и зарождаться, какъ почкамъ на деревѣ, согрѣваемомъ весеннимъ солнцемъ.

— А впрочемъ, размышлялъ онъ далѣе по поводу птицъ:— вѣдь и птицамъ тоже надо пищу себѣ промышлять. Какъ снѣгъ землю покроетъ, такъ онѣ, почитай, что всѣ перемрутъ. И потомъ, подумавъ, Эли обращался къ донъ-Альфонсу. — Ты вотъ тоже какъ птица, только тѣ зимой помрутъ, а ты можешь грѣться у огня и, какъ и лѣтомъ, ничего не дѣлать.

Донъ-Альфонсо, однако, протестовалъ, возражая, что и онъ тоже въ школу ходитъ учиться. Когда барченокъ читалъ ему что-нибудь, Эли настораживалъ уши, глядѣлъ пристально то въ книгу, то на чтеца и все моргалъ глазами, что̀ у животныхъ, стоящихъ близко къ человѣку, означаетъ напряженное вниманіе. Ему нравились стихи, ласкавшіе его слухъ гармоніей непонятной пѣсни; иногда онъ онъ хмурилъ брови, стискивалъ зубы, казалось, внутри его совершалась великая работа; съ какимъ-то плутовскимъ взглядомъ онъ одобрительно покачивалъ головой и почесывалъ въ затылкѣ. Когда же барченокъ, желая выказать всѣ свои познанія, начиналъ писать, Эли готовъ былъ простоять около него хоть цѣлый день, не спуская съ него глазъ, которые нѣтъ, нѣтъ, да и засвѣтятся какимъ-то недовѣріемъ, даже подозрительностью. Онъ не могъ уяснить себѣ, какимъ образомъ слова, сказанныя имъ или произнесенныя Альфонсомъ, могли быть запечатлѣны на бумагѣ; и даже такія слова, которыхъ никто не произносилъ, и тѣ могли очутиться на бумагѣ. Обурѣваемый сомнѣніями, мальчикъ впадалъ въ невѣріе.

Всякая новая мысль, просившаяся въ его голову, возбуждала въ немъ недовѣріе и, казалось, охватывала его какой-то дикой подозрительностью; онъ напоминалъ тогда собой дикую Пѣгашку. Впрочемъ, онъ не выказывалъ изумленія, какія бы чудеса передъ нимъ ни происходили. Еслибы ему сказали, что въ большихъ городахъ лошади ѣздятъ въ каретахъ, въ которыя впрягаютъ людей, онъ и тутъ съумѣлъ бы сохранить невозмутимость, укрыться за маску безстрастія, которымъ гордится всякій сициліанскій простолюдинъ. Если онъ не зналъ что возражать, то повторялъ:

— Я ничего объ этомъ не знаю. Что же! я бѣдный человѣкъ.

И при этомъ улыбался своей упрямой, плутовской улыбкой.

Разъ онъ попросилъ своего друга Альфонса написать имя «Мара» на клочкѣ бумажки, которую Богъ вѣсть гдѣ досталъ. Онъ имѣлъ привычку подбирать въ свою сумку все, что валялось на землѣ, все подходящее, по его понятіямъ, къ его нуж-

дамъ. Однажды, послѣ довольно продолжительной задумчивости и молчанія, онъ очень серьёзно объяснилъ своему пріятелю:

— А у меня любушка есть.

Хотя Альфонсъ и умѣлъ читать, но при этомъ признаніи вытаращилъ глаза.

— Вѣрно, вѣрно! утверждалъ Эли: — любушка! Мара, дочь дяди Агриппино, который прежде здѣсь жилъ, а нынче переѣхалъ въ Маритео, въ тотъ большой домище, что внизу на равнинѣ стоитъ.

— Что̀ же ты, женишься?

— Разумѣется; когда выросту большой, и буду въ годъ получать хоть шесть онцовъ жалованья. Мара, впрочемъ, еще ничего объ этомъ не знаетъ.

— Отчего же ты ей не сказалъ?

Эли помоталъ головой и погрузился въ размышленія; потомъ раскрылъ свою сумку и вытащилъ оттуда бумажку, на которой нѣсколько дней тому назадъ просилъ Альфонсо написать имя Мары.

— Вѣрно это; тутъ «Мара» написано. Я донъ-Джезуальдо показывалъ, говоритъ: вѣрно; и Кола огородникъ сюда тоже съ бабами приходилъ, говоритъ: написано «Мара». Кто умѣетъ писать, прибавилъ Эли, подумавъ: — такъ все равно, что слова въ жестянкѣ въ своемъ карманѣ носитъ; и можетъ эти слова посылать въ разныя стороны.

— Что-жь ты съ этой бумажкой будешь дѣлать? спросилъ его Альфонсо: — вѣдь ты не умѣешь читать.

Эли пожалъ плечами, аккуратно складывая бумажку, и осторожно запрятывая ее въ суму.

Съ Марой онъ былъ знакомъ съ самаго ранняго дѣтства. Они впервые встрѣтились, собирая ежевику съ придорожной живой изгороди, и завязали знакомство взаимными колотушками. Дѣвчонка была себѣ на умѣ и ухватила Эли за горло руками, какъ вора. Они обмѣнялись кулаками поровну, чтобы никому не было обидно; тукъ-тукъ, тукъ-тукъ, какъ бочаръ по каждому ободу по порядку колотитъ; потомъ устали, и мало по малу успокоились, но все еще не выпускали другъ друга изъ рукъ.

— Ты кто таковъ? спросила его Мара.

Эли былъ болѣе дикъ, чѣмъ дѣвочка, и не хотѣлъ отвѣчать.

— Я—Мара, дочка дяди Агриппино, который эти луга и поля снимаетъ.

Эли выпустилъ ее изъ своихъ рукъ и дѣвочка стала подбирать разсыпавшуюся во время борьбы ежевику, разсматривая изъ-подлобья своего противника.

— Вонъ тамъ за мостикомъ, около огорода много ежевики. Спѣлая. Ее только куры клюютъ, прибавила малютка.

Эли, между тѣмъ, медленно удалялся; Мара провожала его глазами покуда онъ не скрылся за дубами; потомъ, повернувшись, сама побѣжала домой.

Съ этого дня дѣти стали встрѣчаться часто и привыкали другъ къ другу. Мара приходила на мостикъ, усаживалась на перила и пряла, а Эли полегоньку подгонялъ свой табунъ къ окраинамъ «Бандитова оврага», и такимъ образомъ, тоже попадалъ на мостикъ. Сначала онъ обыкновенно становился или бродилъ поодаль, недовѣрчиво поглядывая на дѣвочку; потомъ приближался къ ней несмѣло и осторожно, какъ собака, привыкшая къ пинкамъ. Сидя рядомъ, они иногда по цѣлымъ часамъ рта не раскрывали. Эли разсматривалъ хитрый узоръ вязанаго платка, который мама Мары надѣла ей па шею, а Мара наблюдала, какъ Эли вырѣзывалъ красивые зигзаги на палочкахъ миндальнаго дерева. Потомъ они расходились въ разныя стороны, не сказавъ другъ другу ни слова; дѣвушка, завидѣвъ свой домъ, пускалась къ нему бѣгомъ; только румяныя икры мелькали изъ подъ коротенькой юпченки. Когда созрѣвала индѣйская смоква, они забирались въ гущу колючихъ смоковницъ, вмѣстѣ чистили и ѣли плоды; они бродили подъ вѣковыми орѣшниками и Эли такъ усердно ихъ трясъ, что грецкіе орѣхи сыпались градомъ на ихъ головы, а дѣвочка до изнеможенія трудилась, подбирая ихъ. Потомъ, она удалялась праворно, поддерживая вытянутыми ручками углы передника, переполненнаго орѣхами, и переваливаясь какъ старушка.

Зимой Мара боялась холоду, и не смѣла носу на дворъ высунуть. Иногда по вечерамъ ей былъ видѣнъ дымъ костра, разведеннаго Эли, у котораго онъ грѣлся ночью, чтобы не пришлось окоченѣть, подобно ящерицамъ, которыхъ онъ находилъ по утрамъ за какимъ-нибудь камнемъ. Даже лошадямъ нравилось обмахиваться хвостами по близости огня и жаться другъ къ другу, чтобы согрѣться.

Съ мартомъ вернулись жаворонки въ поля, воробьи на крыши и въ живыя изгороди. Мара опять начала ходить гулять вмѣстѣ съ Эли по мягкой муравѣ, между покрытыми цвѣтомъ кустарниками, подъ большими деревьями съ едва-едва оживающими зелеными почками. Эли забирался въ самую чащу, и отыскивалъ тамъ гнѣзда дроздовъ, которые удивленно на него глядѣли. Дѣти часто приносили за-пазухой крошечныхъ кроликовъ, безшерстыхъ еще, почти голыхъ, но уже ушастыхъ и юркихъ. Они скакали по полямъ за табуномъ, тихо проходили по лугамъ за рядами

косцовъ, и непремѣнно останавливались, если ближайшая къ нимъ кобыла останавливалась и принималась щипать траву; къ вечеру они всегда были у мостика и расходились въ разныя стороны не попрощавшись.

Такъ прошло все лѣто. Солнце между тѣмъ стало заходить за крестовый холмъ, и красногрудые щеглята, слѣдуя за нимъ въ сумерки, перелетая со смоковницы на смоковницу, тоже приближались къ горамъ. Сверчковъ не было больше слышно, и въ окрестномъ воздухѣ въ вечерній часъ царило уныніе.

Около этого времени въ шалашикъ Эли прибылъ его отецъ, который до тѣхъ поръ пасъ коровъ въ Раголети; онъ въ Раголети схватилъ лихорадку, маларію, и былъ такъ слабъ, что не могъ даже держаться на ослѣ, который его привезъ. Эли проворно развелъ огонь и побѣжалъ въ деревню поискать для него куриныхъ яицъ. «Ты бы лучше солому-то поближе къ огню подкинулъ, просилъ его отецъ:—я бы легъ; что-то, чувствую, опять лихорадка начинаетъ бить».

Лихорадка была такая злая, что кумъ Мэну, покрытый своимъ большимъ плащемъ, ослиной попоной и Элинымъ мѣшкомъ, дрожалъ какъ листья въ ноябрѣ, лежа у самаго костра, разгорѣвшагося большимъ пламенемъ, при свѣтѣ котораго его лицо казалось бѣлымъ, какъ у мертвеца. Крестьяне съ села навѣщали его и спрашивали: «ну, какъ ты себя чувствуешь, кумъ Мэну?» Бѣдняга отвѣчалъ только какимъ-то жалобнымъ дѣтскимъ лепетомъ. «Это, братцы, такая лихорадка, что какъ изъ ружья убиваетъ!»

Призывали и доктора; но только деньги напрасно тратили, потому что болѣзнь была не хитрая; всякій мальчишка умѣлъ лечить отъ нея. Если лихорадка не такая сильная, что убиваетъ, во что бы то ни стало, то сѣрнымъ цвѣтомъ ее тотчасъ можно было бы вылечить. Куму Мэну много сѣрнаго цвѣта давали, но все напрасно: все равно, что въ колодезь лекарство валили. «Принялъ бы ты навара *евкалипты* — онъ ничего не стоитъ посовѣтовалъ кумъ Агриппино: — а если и онъ, какъ сѣрный цвѣтъ не поможетъ, такъ все-таки, по крайней мѣрѣ, за евкалипту денегъ платить не нужно; ее въ полѣ можно найти». Стали и отваромъ евкалипты поить, а лихорадочные припадки все возвращались, да возвращались и становились сильнѣе и сильнѣе. Эли ходилъ за отцомъ усердно, какъ только умѣлъ. Каждое утро, прежде, чѣмъ идти къ своимъ жеребятамъ, онъ приготовлялъ отваръ, клалъ связку хвороста по близости къ больному, и зарывалъ яица въ горячую золу; вечеромъ онъ возвращался рано; приносилъ на ночь топлива, бутылочку вина и

кусокъ баранины, которые днемъ бѣгалъ покупать за нѣсколько верстъ въ Ликодію. Бѣдный мальчуганъ все дѣлалъ безъ шума, какъ домовитая хозяйка, и отецъ, слѣдя за нимъ своими истомленными глазами, видя какъ онъ суетился въ своей избушкѣ, время отъ времени улыбался, думая, что мальчуганъ съумѣетъ самъ о себѣ позаботиться, когда останется круглымъ сиротой. Бывали дни, когда лихорадка на нѣсколько часовъ успокоивалась, тогда кумъ Мэну вставалъ, и съ изможденнымъ страданіемъ лицомъ, съ головой, повязанной платкомъ, садился на порогъ хижины, поджидая Эли, покуда солнышко еще грѣло. Когда приходилъ Эли, сбрасывалъ у двери связку прутьевъ, а на столъ клалъ яица и ставилъ вино, отецъ говорилъ ему: «ты бы отваръ евкалипты на огонь поставилъ», и иногда прибавлялъ; «ты помни, золотыя серьги и кольцо твоей матери я отдалъ на сохраненіе теткѣ Агатѣ; ты это помни, когда меня не будетъ».

Эли утвердительно кивалъ головой.

— Напрасно все это, ничего не поможетъ, говорилъ кумъ Агриппино каждый разъ, какъ заходилъ навѣстить больного: — вся у него кровь теперь зачумлена.

Мэну это слышалъ, и даже глазомъ не моргалъ, только лицо у него становилось бѣлѣе платка, которымъ была повязана его голова.

Онъ уже и вставать не могъ. Эли плакалъ, когда у него не хватало силенки перевернуть отца съ боку на бокъ. Мало по малу, кумъ Мэну и говорить пересталъ. Послѣднія слова, съ которыми онъ обратился къ своему сыну, были:

— Когда я умру, ты сходи къ моему хозяину, у котораго я пасъ коровъ, въ Раголети, и спроси у него пятнадцать франковъ; я ихъ заслужилъ.

— Нѣтъ, пятнадцати не выйдетъ, возразилъ Эли: — а всего одинадцать, потому что больше мѣсяца какъ ты не пасешь коровъ; съ хозяиномъ надо тоже вѣрно расчитаться.

— Правда, правда, подтвердилъ кумъ Мэну, смыкая глаза.

— Одинъ я теперь на свѣтѣ остался, размышлялъ Эли, когда отца отнесли на кладбище: — одинъ, какъ заблудившійся жеребенокъ; волки заѣдятъ, никто не заступится.

Мара подходила къ хижинкѣ, взглянуть на покойника, руководимая тѣмъ острымъ любопытствомъ, которое возбуждаютъ страшные предметы.

— Видишь, какъ я остался! сказалъ ей Эли.

Дѣвочка отодвинулась отъ него; она боялась, чтобы ее не заставили войти въ хижину, въ которой лежалъ покойникъ.

Эли сходилъ получить отцовское жалованье и переночевалъ

со своимъ табуномъ въ Пассанителло, гдѣ на паровыхъ поляхъ уже выросла высокая трава; тамъ жеребятки долго могли кормиться.

Года проходили, Эли выросъ. «Мара тоже, должно быть, выросла», часто думалъ онъ, наигрывая на своей дудкѣ. И когда онъ, послѣ долгого времени, вернулся вновь со своими кобылками на столѣтніе склоны холмовъ, къ источнику дяди Кузьмы, онъ сталъ искать глазами старый мостикъ въ глубинѣ долины, а за мостикомъ знакомый домикъ, а за домикомъ крыши большихъ домовъ, надъ которыми постоянно кружились стаи голубей. Но въ это самое время хозяинъ, у котораго работалъ кумъ Агриппино расчитался съ нимъ, и вся семья собиралась переѣзжать въ другое мѣсто. Эли встрѣтилъ Мару у дверей ея дома; она сдѣлалась большой, красивой дѣвушкой; и въ то время, когда юноша къ ней приблизился, она наблюдала, какъ укладывали на возъ ихъ пожитки. Опустѣвшая теперь комната, въ которой Мара жила столько лѣтъ, показалась Эли болѣе мрачною и закоптѣлою, чѣмъ прежде. Столъ, кровать, сундукъ, иконы Богородицы и св. Іоанна, и даже гвозди, на которыхъ вѣшали зимой огородныя сѣмена, были унесены, но оставили слѣды на тѣхъ мѣстахъ, которыя долгое время занимали.

— Мы отсюда уѣзжаемъ, сказала Мара: — мы переѣзжаемъ туда на равнину, въ большой домъ; ты его, я думаю, видалъ.

Эли сталъ помогать дядѣ Агриппино и теткѣ Ліи нагружать возъ, и, когда въ комнатѣ ничего больше не оставалось, ушелъ съ Марой посидѣть на каменной оградѣ водопоя.

— И дома-то, какъ люди, говорилъ онъ ей, глядя какъ взваливали на возъ послѣдній ящикъ:—и дома-то становятся сами на себя не похожи, когда у нихъ все отберешь.

— Въ новомъ мѣстѣ, въ Маринео, отвѣчала Мара: — у насъ домъ будетъ лучше, и все будетъ лучше; мнѣ мама сказывала, что домъ будетъ большой, какъ сарай, гдѣ сыры кладутъ.

— Когда тебя здѣсь не будетъ, и я не стану сюда приходить. А то какъ я взгляну на эту запертую дверь, мнѣ все будетъ казаться, что зима вернулась.

— Въ Маринео все у насъ новое будетъ: и сосѣди, и знакомые; тамъ живетъ рыжая Пудда; и дочка фермера тоже моя пріятельница. Тамъ весело будетъ; на жниву будетъ по восьмидесяти человѣкъ собираться; и волынщики будутъ приходить, на гумнѣ попляшемъ.

Дядя Агриппино съ женой уже отправились въ путь вслѣдъ за возомъ; Мара весело пустилась ихъ догонять; у ней въ рукахъ была только корзина съ голубями. Эли проводилъ ее до

мостика, и когда она стала спускаться въ долину, удаляясь отъ него, парень ее окликнулъ.

— Мара! А, Мара!

— Чего тебѣ? спросила Мара.

Но онъ и самъ не зналъ чего ему было нужно.

— Ты-то что здѣсь будешь дѣлать, какъ одинъ останешься? спросила его, наконецъ, дѣвушка.

— Я останусь съ жеребятами.

Мара, подскакивая, удалилась отъ него. Онъ не сходилъ съ мѣста, покуда до него долеталъ стукъ телеги, подпрыгивавшей по камнямъ. Солнце еще золотило высоты окрестныхъ утесовъ; сѣрая листва оливъ начинала сливаться съ сумерками; въ широкомъ просторѣ наростала вечерняя тишина, только изрѣдка побрякивалъ большой колоколъ Бѣлянки.

Какъ только Мара попала въ новое мѣсто, къ новымъ людямъ, да еще въ самый разгаръ винограднаго сбора, такъ и забыла парня. А Эли постоянно думалъ о ней, потому что ему, проводившему цѣлые долгіе дни за хвостами своихъ жеребятъ, и дѣлать-то больше нечего было. Теперь ему не было нужды спускаться въ долину, переходить мостикъ. Его и на селѣ никогда не видали. Однако, хоть и много воды подъ мостикомъ протекло, а Эли не слыхалъ, чтобъ Мара была помолвлена. Онъ увидѣлъ дѣвушку только въ Ивановъ день, когда пригналъ своихъ коней на ярмарку. Ивановъ день большой праздникъ, только ему этотъ праздникъ былъ отравленъ несчастіемъ, постигшимъ одного изъ хозяйскихъ жеребцовъ. Такое это было несчастіе, что и хлѣбъ ему въ горло послѣ того не шелъ. Помилуй насъ Господи отъ подобнаго несчастія!

Въ день ярмарки хозяинъ съ самой зари ждалъ на селѣ своихъ жеребятъ; все расхаживалъ взадъ и впередъ въ своихъ свѣтло вычищенныхъ сапогахъ за хвостами лошадей и муловъ, уже разставленныхъ въ ряды другими продавцами по главной улицѣ и на площадкѣ. Ужь и ярмарка стала къ концу подходить, а Эли все еще не показывался на большой дорогѣ. Оставалось только около вѣтряной мельницы нѣсколько скучившихся овецъ, съ потускнѣлыми глазами и опущенными къ землѣ головами, да нѣсколько паръ длинношерстныхъ воловъ; словомъ, такой скотъ, который продается отъ нужды, чтобы выручить деньги на уплату ренты за землю. Терпѣливо, недвижимо, подъ палящими лучами солнца, ожидали эти несчастныя животныя своей участи. Подъ горой, въ долинѣ, Ивановскій колоколъ благовѣстилъ къ большой послѣполуденной службѣ; ему аккомпанировала трескотни марталеттъ. Все ярмарочное мѣсто тогда словно

затрепетало; громкіе клики поднялись снизу вверхъ, наполнили пространство между ярморочными лавками и шатрами, разбѣгались по улицамъ села и, казалось, вновь спускались внизъ въ долину, къ церкви.

— Да здравствуетъ св. Іоаннъ!

— Ахъ, чортъ бы побралъ мальчугана! въ свою очередь, восклицалъ хозяинъ:—этотъ проклятый Эли меня раззоритъ; того и гляди изъ-за него вся ярмарка пропадетъ.

Овцы при этомъ возгласѣ поднимали свои глупо изумленныя морды и принимались блеять всѣ разомъ; даже быки переступали ногами и оглядывались кругомъ выпученными, внимательными глазами.

Хозяинъ сердился, потому что въ этотъ самый день долженъ былъ заплатить за наемъ большой фермы: «Деньги должны быть уплачены въ Ивановъ день», гласилъ контрактъ, и онъ разсчитывалъ выручить эти деньги, продавъ жеребятъ. Между тѣмъ, лошадей и жеребятъ, и муловъ было наведено на ярмарку въ волю, и всѣ такіе гладкіе, свѣтлые, подстриженные, вычищенные, украшенные бантиками, ленточками, бубенчиками. Отъ скуки они ногами землю скребли, да оглядывались на каждаго прохожаго, словно высматривая добраго человѣка, которому бы ихъ купить захотѣлось.

— Этотъ разбойникъ, поди, дрыхнетъ гдѣ-нибудь! все ругался фермеръ:—а жеребята у меня на рукахъ останутся.

Между тѣмъ, Эли брелъ всю ночь, не отдыхая, чтобы жеребета могли придти въ село до зари, отдохнуть и явиться на ярмарку совсѣмъ свѣженькими. Путь былъ далекій; но онъ все-таки добрался до Вороновой равнины, прежде чѣмъ созвѣздіе трехъ царей зашло за горы: оно еще сверкало своими ясными звѣздами, раскинувшимися по небу крестомъ. По дорогѣ безпрестанно проѣзжали телеги, проходили люди; всѣ направлялись къ празднику. Парень глядѣлъ во всѣ глаза за своими конями. Чтобы они какъ-нибудь не перепутались отъ необычайнаго для нихъ шума и движенія, онъ ихъ гналъ гуськомъ, по одной сторонѣ дороги, пустивъ впередъ Бѣлянку, зычный колоколъ которой увлекалъ впередъ жеребятъ. Время отъ времени, когда дорога взбѣгала высоко на гору, до него долетали звуки колоколовъ съ Ивановской церкви. Тогда, среди ночной тьмы и горной тишины, до него доходилъ отголосокъ зарождающагося праздника. Вдоль всей дороги, далеко, далеко, повсюду, гдѣ только виднѣлясь люди верхомъ, пѣшкомъ и въ телегахъ, раздавались возгласы:

— Viva San Giovanni!

А яркія ракеты взлетали изъ-за холмовъ и исчезали, устремляясь внизъ, какъ падающія звѣзды въ августовскую ночь.

— Словно ночь на Рождество! говорилъ Эли мальчику, пособлявшему ему гнать табунъ:—во всякомъ домѣ праздникъ, и лампады, и свѣчи передъ образами горятъ, и вездѣ фейерверки спускаютъ.

Мальчикъ, дремля, передвигалъ ногами и ничего не отвѣчалъ. А у Эли кровь такъ и закипала при звукѣ этихъ колоколовъ; онъ не могъ молчать, словно всѣ эти ракеты беззвучно, рѣзко и ярко прорѣзывавшія за горой ночную тьму, взвивались изъ глубины его собственной души.

— Я думаю, Мара тоже пришла на Ивановскій праздникъ, говорилъ онъ. — Она каждый годъ ходитъ. А ты знаешь? продолжалъ онъ, не обращая вниманія на молчаніе своего спутника, мальчишки Алфея:—знаешь, вѣдь нынче Мара стала высокая, превысокая, свою мать переросла. Когда я ее увидѣлъ, такъ просто не вѣрилось, что эта та же самая дѣвочка, съ которой мы, бывало, ходили индѣйскую смокву собирать или сбивать орѣхи.

И парень принялся пѣть пѣсни одну за другой, всѣ, которыя зналъ.

— Чего ты, Альфейко? спишь, что ли! вдругъ окликнулъ онъ, кончивъ пѣть.—Смотри, наблюдай, чтобы Бѣлянка за тобой слѣдомъ шла.

— Не сплю, не сплю, не бойся! отвѣчалъ Алфейко хриплымъ голосомъ.

— Вонъ, видишь, ужь эта звѣзда стала заходить. Еще немного и заря займется. А мы все-таки еще поспѣемъ во-время; успѣемъ хорошее мѣсто на ярмаркѣ найти. Эй, ты, Воронко, мой красавчикъ! Тебѣ уздечку новую дадутъ, съ ленточками, съ пестрыми, вырядятъ на ярмарку! И тебя то же, Звѣздочка.

Онъ разговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ конемъ, чтобы ободрить ихъ въ потемкахъ звуками знакомаго имъ голоса. И жалко ему было, что Воронко и Звѣздочку на ярмаркѣ продавать будутъ.

— Продадутъ ихъ, и въ табунъ никогда больше не заглянутъ они, какъ и Мара. Ушла въ Маринео, съ тѣхъ поръ и не показывалась въ нашей сторонѣ. Ея отецъ важно живетъ въ Маринео. Когда я намедни къ нему заходилъ, такъ передо мной всего наставили: и пироговъ, и вина, и сыру, всякаго дара Божія. Онъ нынче словно фермеръ богатый. Ключи ото всего при себѣ носитъ. Меня угощалъ—ѣшь не хочу. А Мара меня, почитай, что не узнала. Увидала и давай дивиться. «Эва, говоритъ, посмотрите-ка! Вѣдь

это *Эли*, что коней пасетъ, изъ Тебиди!» Тетка Ліа не позволяла мнѣ Марѣ «ты» говорить, потому что ея дочка большая выросла, а народъ вѣдь сейчасъ станетъ пустое болтать. А Мара только хохотала: и такая стала она румяная, словно сейчасъ хлѣбы въ печку сажала. Она на столъ собирала; скатертку разглаживала, словно и взаправду не прежняя Мара была. Какъ только тетка Ліа вышла изъ горницы, пошла новаго вина изъ бочки нацѣдить—я у дѣвушки спрашиваю: «А ты-то тоже забыла про Тебиди?» — «Какъ же, говоритъ, помню; въ Тебиди была колокольня, въ родѣ какъ ручка у солонки, съ паперти можно было въ колокола звонить; садъ былъ, а у воротъ сидѣли двѣ кошки, изъ камня сдѣланныя». Мнѣ всѣ эти ея рѣчи такъ нутро и ворочали. Мара меня оглядитъ съ головы до ногъ, да и скажетъ опять: «Ты-то тоже большой выросъ!» Засмѣялась, да меня по головѣ какъ хватитъ метелкой!

Увлекшись этимъ разговоромъ, Эли рисковалъ своимъ хлѣбомъ, потому что какъ-разъ въ этотъ самый моментъ появилась внезапно карета, которой онъ раньше не замѣтилъ. Она шагомъ, тихонько, неслышно подымалась въ гору и вдругъ, выѣхавъ на ровную дорогу, понеслась рысью: бубенцы зазвенѣли, бичъ захлопалъ, понеслась, словно чортъ ее погналъ. Перепуганные кони въ мигъ во всѣ стороны разбѣжались.

Долго пришлось кричать Эли и Алфею: ой, оги-ги! Ги! покуда они вновь скопились около Бѣлянки, да и сама Бѣлянка взволновалась, и поскакала было впередъ, вызванивая своимъ большимъ колоколомъ. Эли сосчиталъ своихъ коней: одного не хватало, Звѣздочка пропала. Эли сталъ волосы на себѣ рвать, потому что тутъ дорога шла по самому краю пропасти, и Звѣздочка рухнула съ обрыва, переломавъ себѣ ребра. А жеребенокъ, какъ Богъ святъ, стòитъ больше сотни франковъ. Плача навзрыдъ, принялся онъ звать жеребенка: «Агу, агу!» Разсмотрѣть его онъ сразу еще не могъ. Наконецъ, изъ глубины оврага послышалось болѣзненное ржанье Звѣздочки. Точно человѣкъ, жаловалось бѣдное животное.

— Ахъ, матушки мои, матушки мои! плакались Эли и мальчикъ. — Этакая бѣда!

Прохожіе, направлявшіеся на праздникъ, услыша рыданія, стали разспрашивать въ чемъ дѣло, и, узнавъ въ чемъ дѣло, спокойно удалялись, скрываясь во тьмѣ.

Звѣздочка лежала ногами вверхъ, не двигаясь, на томъ самомъ мѣстѣ, на которое свалилась. Эли ощупывалъ жеребенка со всѣхъ сторонъ, плакалъ, заговаривалъ съ нимъ, и жеребенокъ, словно

понимая его, силился вытягивать шею, поворачивалъ къ нему голову и тяжко дышалъ.

— Что-нибудь да поломалъ онъ себѣ, приговаривалъ Эли, приходя въ отчаяніе, потому что въ потьмахъ ничего не могъ разсмотрѣть. А жеребенокъ неподвижно, какъ камень, тяжело опускалъ на землю голову. Алфей, оставшись на дорогѣ при табунѣ, скоро успокоился, вытащилъ изъ сумы ломоть хлѣба и сталъ закусывать. Небо начало бѣлѣть; горы окрестъ выступали одна за другой своими черными вершинами; изъ-за поворота дороги можно было разсмотрѣть уже село съ горой Кальваріо, съ вѣтряной мельницей, растопырившей свои крылья; рощи и луга, осыпанные бѣлыми стадами козъ, по хребту холма, отчетливо вырисовывались на утренней лазури неба; брели волы; казалось, оживали самыя горы. Жизнь закипала повсюду. Колоколъ въ долинѣ пересталъ звонить; проѣзжихъ и прохожихъ по дорогѣ стало меньше; отсталые торопились поспѣть къ празднику. Эли не зналъ что дѣлать; Алфей рѣшительно ничѣмъ не могъ ему помочь; мальчишка спокойно прохаживался взадъ и впередъ, усердно пережевывая хлѣбъ.

Наконецъ, Эли увидѣлъ, что къ нему скачетъ верхомъ на мулѣ прикащикъ его хозяина. Еще издали завидя, что табунъ не двигается съ мѣста, онъ ругался и грозилъ. Алфей такъ перепугался, что пустился бѣжать отъ него внизъ по холму. Но Эли не отходилъ отъ Звѣздочки. Прикащикъ, оставивъ своего мула на дорогѣ, спустился въ оврагъ и попробовалъ помочь жеребенку подняться на ноги.

— Оставьте вы его, упрашивалъ Эли, блѣдный, какъ полотно, словно у него самого были переломаны ребра: — оставьте его. Видите, пошевелиться не можетъ, бѣдная скотинка.

Въ самомъ дѣлѣ, Звѣздочка при каждомъ прикосновеніи стоналъ, какъ крещеный. Прикащикъ отводилъ душу, барабаня и кулаками, и ногами по Эли, и призывалъ на его голову мщеніе всѣхъ ангеловъ небесныхъ и всѣхъ святыхъ. Алфей вернулся на дорогу стеречь табунъ и усердно оправдывался:

— Я не виноватъ. Я все время шелъ впереди Бѣлянки.

— Ну, тутъ ничего не подѣлаешь, рѣшилъ, наконецъ, прикащикъ, убѣдясь, что хлопотать—только время терять. — Отъ него теперь ничѣмъ, кромѣ шкуры, не поживишься. Надо содрать ее, покуда еще годится.

Эли задрожалъ, какъ осиновый листъ, увидавъ, что прикащикъ отцѣпилъ ружье отъ сѣдла.

— Да отойди, дармоѣдъ! зарычалъ на него прикащикъ. — А

то я и тебя уложу рядомъ съ жеребенкомъ. Жеребенокъ-то стоилъ дороже тебя, даромъ что тебя попъ крестилъ.

Звѣздочка не могъ пошевелиться, онъ только съ усиліемъ поворачивалъ голову и вытаращенные глаза, словно понималъ, что люди говорили; у него шерсть вздымалась на ребрахъ, какъ будто вѣтеръ шевелилъ ее или всего его била лихорадка. Тутъ прикащикъ и пристрѣлилъ его, чтобы хоть шкуру содрать. Эли почувствовалъ въ себѣ ударъ пули, впившейся въ живое мясо животнаго.

— А теперь, коли ты хочешь послушаться моего совѣта, обратился къ нему прикащикъ:—ты лучше на глаза хозяину не показывайся, и жалованья, что за нимъ осталось, лучше не требуй, а то тебѣ солоно гроши достанутся.

И прикащикъ удалился вмѣстѣ съ Алфеемъ и съ остальными конями, которые и не оглянулись на то мѣсто, гдѣ лежалъ ихъ товарищъ Звѣздочка; они спокойно двигались, пощипывая траву по краямъ дороги. Звѣздочка одинъ остался въ оврагѣ, ожидая людей, которые придутъ сдирать съ него кожу. Эли съ того момента, когда прикащикъ спокойно прицѣлился въ голову словно умолявшаго глазами о пощадѣ животнаго, перестал плакать. Онъ не отходилъ отъ жеребенка, покуда не пришли люди за его шкурой.

Тогда онъ могъ уйти, тогда онъ могъ гулять, веселиться на праздникѣ или бродить цѣлый день по сельской площади и любоваться, какъ добрые люди пировали въ харчевнѣ и въ кафе. Онъ могъ дѣлать все, что угодно, потому что у него не было ни хлѣба, ни крова, потому что ему надо было отыскать себѣ новаго хозяина. Это, однако, было не легко: кому же охота нанять его послѣ того, что̀ случилось со Здѣздочкой?

На свѣтѣ всегда такъ бываетъ. Покуда Эли съ сумой черезъ плечо и съ постушескимъ посохомъ въ рукѣ бродилъ по селу, отыскивая новаго хозяина, музыканты, съ пестрыми перьями на шляпахъ, весело играли на площади, а кругомъ шевелилась народная толпа, и добрые люди пировали въ кафе и въ харчевнѣ. Всѣ, и люди, и животныя были разряжены по праздничному. Въ одномъ углу площади стояла женщина въ коротенькой юпочкѣ и въ чулкахъ тѣлеснаго цвѣта, словно съ голыми ногами; она колотила въ большой барабанъ, поставленный передъ широко развѣшанной простыней, на которой было написано избіеніе крещеныхъ; кровь лилась потоками. Въ толпѣ, которая, разинувъ ротъ, любовалась на эту простыню, стоялъ и дядя Кола, знавшій Эли еще въ Пассанителло. Кола сказалъ ему, что онъ ему мѣсто отыщетъ, потому что его пріятелю Маккѣ былъ нуженъ свинопасъ.

*

— Только ты ему, смотри, объ Звѣздочкѣ ни слова не говори. Я знаю, что такое несчастіе можетъ со всякимъ крещенымъ случиться. А все-таки лучше помолчать.

Они пошли искать дядю Макка, который плясалъ въ кабачкѣ, на публичномъ балу, и покуда Кола, войдя туда, объяснялся съ нимъ, Эли оставался ждать на улицѣ въ толпѣ, которая глазѣла у дверей. Въ небольшомъ помѣщеніи кабачка народу было набито, какъ сельдей въ боченкѣ; всѣ прыгали и веселились, раскраснѣвшіеся, воодушевленные; сапоги такъ топотали по кирпичному полу, что даже не было слышно контрабаса. А какъ только контрабасъ кончалъ одну пѣсню, за которую платили пятакъ, окружающіе тотчасъ же подымали пальцы кверху и требовали возобновленія музыки. Контрабасъ ставилъ углемъ на стѣнѣ крестъ, чтобы не забыть сколько ему къ концу бала денегъ придется получить, и начиналъ гудѣть съизнова. «Ишь деньги тратятъ не жалѣючи! думалось Эли: — карманы-то, значитъ, у нихъ полны, не мучатся, какъ я грѣшный, отъ того, что мѣсто потеряли, потѣютъ и задыхаются, прыгая, словно имъ деньги за эту работу платятъ!»

Дядя Кола вышелъ изъ кабачка и объявилъ, что работника не нужно. Эли повернулся и медленно удалился.

Мара жила около св. Антонія; тамъ, гдѣ домà взбираются въ гору, надъ долиной Канстиріа, въ глубинѣ которой шумѣли мельничныя колеса, разбрасывая серебристую пѣну. Но у Эли, котораго даже и въ свинопасы не захотѣли нанять, не хватало духу идти въ ту сторону. Бродя въ толпѣ, которая его тискала и толкала, которая не обращала на него никакого вниманія. Эли чувствовалъ себя болѣе одинокимъ, чѣмъ со своими жеребятами въ ландахъ Пассанителло. И ему хотѣлось плакать. Наконецъ, ему повстрѣчался кумъ Агриппино, который, отъ нечего дѣлать, увлеченный праздничнымъ весельемъ, тоже шлялся по селу.

— Э! Эли! воскликнулъ Агриппино: — эге! пойдемъ, братъ, ко мнѣ. И увелъ парня въ свой домъ.

Мара была разряжена въ пухъ; длинныя толстыя серьги болтались въ ушахъ; она стояла на крыльцѣ, сложивъ на животѣ руки, украшенныя огромнымъ количествомъ колецъ. Она поджидала сумерекъ, чтобы полюбоваться на фейерверкъ.

— Эва, и ты Эли пришолъ Иванову дню попраздновать! привѣтствовала она парня.

Эли и въ домъ-то не хотѣлось входить, потому что больно ужь плохо былъ одѣтъ, но кумъ Агриппино за плечи втолкнулъ его, приговаривая, что не впервые имъ довелось видѣться. Тет-

ка Ліа налила ему знатный стаканъ вина, и всѣ требовали, чтобы онъ, вмѣстѣ съ ними, пошелъ смотрѣть потѣшные огни.

Придя на площадь, Эли ротъ разинулъ отъ удивленія. Вся площадь обратилась въ огненное море, словно сухую траву въ степи зажгли. Столько ракетъ, бураковъ и шутихъ напустили набожные почитатели Иванова дня, что пламя и трескотня окружали темную, суровую статую угодника, взиравшую спокойно на суету людскую изъ большой ниши, украшенной богатымъ серебрянымъ балдахиномъ. Люди кишѣли въ огнѣ, какъ дьяволы; между прочимъ, какая-то женщина въ распущенномъ платьѣ, съ распущенными волосами, съ глазами на выкатѣ, перебѣгала отъ одной фейерверочной фигуры къ другой, поджигая ракеты; ей помогалъ попъ, потерявшій свою шляпу, и подобравшій черную рясу.

— А вонъ сынъ кума Нери, фермера изъ Салоніи, онъ больше десяти франковъ на ракеты издержалъ, поясняла тетка Ліа, указывая на молодого человѣка, ходившаго по площади и постоянно носившаго въ каждой рукѣ по двѣ ракеты, похожія на церковныя свѣчи. Когда онъ выпускалъ однѣ, онъ бралъ другія; женщины пожирали его глазами и кричали ему на встрѣчу: «Viva San Giovanni».

— Его отецъ богатъ, больше двадцати головъ скота имѣетъ, присовокупилъ дядя Агриппино.

Мара сообщила также, что этотъ парень во время церковнаго хода несъ самую большую хоругвь, и несъ твердо, потому что онъ очень сильный парень.

Сынъ кума Нери, казалось, все это слышалъ, и самыя ракеты, повидимому, зажигалъ собственно для Мары; по крайней мѣрѣ, самое большое колесо онъ пустилъ передъ ней. Когда же фейерверкъ кончился, онъ присоединился къ семейству Агриппино, зашелъ съ ними на сельскій балъ, а потомъ въ космораму, гдѣ показывали и Новый и Старый Свѣтъ. И вездѣ онъ платилъ за всѣхъ, даже за Эли, который, какъ собака безъ хозяина, бродилъ за ними. Эли долженъ былъ глядѣть, какъ сынъ кума Нери плясалъ съ Марай на балу, какъ она ворковала съ нимъ, точно голубка на черепичной крышѣ, какъ она носилась передъ нимъ, граціозно поднявъ кончики своего передника, около котораго сынъ кума Нери прыгалъ какъ жеребчикъ. Тетка Ліа, видя все это, проливала слезы умиленія, а дядя Агриппино одобрительно кивалъ головой: дескать дѣло на ладъ идетъ.

Наконецъ, утомясь пляской, они опять пошли гулять, или вѣрнѣе, носиться по волѣ толпы, увлекавщей ихъ какъ мощный потокъ. Они видѣли ярко освѣщенные транспаранты, на кото-

рыхъ было изображено, какъ отсѣкали голову Іоанну Предтечѣ. и такъ хорошо изображено, что турокъ и тотъ проникся бы сожалѣніемъ. Тутъ же рядомъ, въ павильонѣ, обвѣшанномъ шкаликами, гремѣлъ оркестръ музыки. На площади была ужасная давка; никогда еще столько крещеныхъ не скоплялось на ивановскій праздникъ.

Мара, словно барышня, шла подъ ручку съ сыномъ кума Нери. разговаривала съ нимъ на ушко и вообще ей было видимо весело. Эли совершенно изнемогъ отъ утомленія, присѣлъ на ступеньку какого-то крыльца и заснулъ. Его пробудили новые взрывы фейерверка. Мара все еще была рядомъ съ сыномъ кума Нери; она теперь опиралась, положивъ ему на плечо обѣ руки, ея лицо отъ потѣшныхъ огней то становилось ярко бѣлымъ, то покрывалось густымъ алымъ цвѣтомъ. Когда взлетѣли на небо послѣдніе снопы ракетъ, сынъ кума Нери повернулся къ ней и на лету поцѣловалъ ее.

Эли не сказалъ ни слова, но весь праздникъ, которымъ онъ до этого момента по своему наслаждался, показался ему горькой отравой. И опять охватили его горькія мысли о постигшихъ его невзгодахъ, о которыхъ онъ сталъ было позабывать, охмѣленный всеобщимъ весельемъ. Вспомнилось ему, что нѣтъ у него мѣста, что онъ не знаетъ, что дѣлать, не знаетъ куда идти; что нѣтъ у него ни крова, ни пищи; что и его могутъ собаки разорвать и съѣсть, какъ ѣдятъ теперь Звѣздочку, покинутую въ оврагѣ.

А люди вокругъ него, погрузившись въ относительный мракъ, наступившій послѣ фейерверка, веселились на-пропалую. Мара, въ волю наплясавшись съ подругами, возвращалась домой, распѣвая пѣсни.

— Доброй ночи, доброй ночи! говорили подруги, отставая отъ нея по дорогѣ и направляясь къ своимъ жилищамъ.

Мара имъ тоже отвѣтила: доброй ночи! но слова эти словно пѣсней какой-то звучали, такъ дѣвушка развеселилась и разрѣзвилась. А когда тетка Ліа что-то заспорила съ мужемъ, отпирая дверь своего дома, то казалось, что сынъ кума Нери не хотѣлъ отпускать отъ себя Мару. Никто не обращалъ вниманія на Эли; только дядя Агриппино вспомнилъ объ немъ.

— Куда-жь ты теперь пойдешь? спросилъ онъ парня.

— А и самъ не знаю, отвѣчалъ Эли.

— Ты завтра ко мнѣ заходи, я тебѣ помогу мѣсто пріискать. А теперь поди на площадь, гдѣ мы музыку слушали, тамъ найдешь какую ни на есть скамеечку. А спать на воздухѣ тебѣ не привыкать стать.

Да, Эли привыкъ спать подъ открытымъ небомъ, и не это сокрушало его. А сокрушало его, что Мара ему ни словечка не молвила, и оставила его на крыльцѣ, какъ зачумленнаго. На другой день, придя къ дядѣ Агриппино, Эли воспользовался минутой, когда остался наединѣ съ Марай, и сказалъ ей:

— Мара, Мара! скоро ты друзей своихъ забываешь.

— Ахъ, это ты, Эли! воскликнула Мара: — нѣтъ, я тебя не забыла; только вчера, послѣ фейерверка, смерть какъ устала.

— Да вы хоть его-то, сына-то кума Нери, любите или нѣтъ? вдругъ спросилъ парень, ворочая въ рукахъ свой посохъ.

— Это вы что же за разговоръ завели? рѣзко возразила Мара:—смотрите, мама вонъ тамъ, она все слышитъ.

Агриппино нашелъ Эли мѣсто въ Салоніи, тамъ же, гдѣ жилъ кумъ Нери. Надо было пасти овецъ, и такъ какъ это дѣло было для Эли новое, то и жалованье ему было положено меньше прежняго.

Теперь ему приходилось беречь овецъ, учиться приготовлять сыръ, творогъ и другіе продукты, добываемые изъ овечьяго молока. По вечерамъ, когда пастухи и крестьяне собирались на дворикѣ покалякать, покуда бабы доваривали бобовую похлебку, часто шли разговоры о томъ, что вотъ, дескать, сынъ кума Нери себѣ въ жены Мару, дочь дяди Агриппино, беретъ. Эли ничего не говорилъ, даже рта не смѣлъ открыть. Однажды полевой сторожъ подтрунивалъ надъ нимъ, дразнилъ, что Мара, которая прежде его невѣстой считалась, теперь и знать его не хочетъ. Эли въ это время наблюдалъ за котломъ, въ которомъ кипѣло молоко, и отвѣтилъ, осторожно помѣшивая осаживавшійся творогъ:

— Нынче Мара выросла и красавицей стала, ровно барышня.

Эли былъ терпѣливъ и трудолюбивъ; онъ скоро выучился новому ремеслу не хуже тѣхъ, кто на этомъ дѣлѣ родился. Любя вообще животныхъ, онъ скоро полюбилъ и своихъ овецъ, и такъ полюбилъ, что, благодаря его уходу, между ними стало меньше болѣзней. Кумъ Нери посѣтилъ ферму хозяина Эли въ Салоніи, очень похвалилъ новаго пастуха, и уговорилъ своего пріятеля съ новаго года прибавить ему жалованья, такъ что парень сталъ получать столько же, сколько получалъ прежде, когда пасъ коней. И не даромъ ему деньги платили. Эли не считалъ верстъ, когда нужно было отыскать хорошее пастбище для своего стада; а если его скотина начинала хмуриться и хирѣть, онъ зналъ, на какихъ мѣстахъ травы пригодныя для нея ростутъ, и гналъ ее туда. Онъ не стѣснялся носить на плечахъ слабыхъ ягнятъ, блеявшихъ ему въ самое ухо и лизавшихъ ему лицо. Когда, во

время ночи на святую Лукерью, выпалъ снѣгъ по всему Мертвому озеру Солоніа, и покрылъ землю на пол-аршина, такъ что къ утру ничего, кромѣ снѣга, окрестъ не было видно, отъ овецъ и ушей не осталось бы, кабы не Эли. Онъ въ ночь вставалъ четыре раза и каждый разъ перегонялъ стадо въ новое закрытое мѣсто, чтобы онѣ могли съ себя снѣгъ стряхнуть, и чтобы ихъ не засыпало снѣгомъ до смерти, какъ засыпало много другихъ стадъ по сосѣдству.

По крайней мѣрѣ, дядя Агриппино разсказывалъ, что очень много скота въ этотъ снѣгъ погибло. Агриппино пріѣзжалъ въ Солонію взглянуть на полоску, засѣянную бобами, которую тамъ арендовалъ, и сказалъ, между прочимъ, что народъ плететъ вздоръ о помолвкѣ Мары съ сыномъ кума Нери, что у Мары совсѣмъ не то въ головѣ.

— Да какъ же, говорятъ, будто бы послѣ Рождества и свадьбу сыграютъ?

— Ничего этого нѣтъ, все это неправда, никакой свадьбы не будетъ; пустое плететъ народъ, завистливъ нынче сталъ народъ; въ чужое дѣло носъ суетъ, отвѣчалъ кумъ Агриппино.

Но полевой сторожъ, которому все было отлично извѣстно, потому что онъ по воскресеньямъ, приходя на село, всякія новости собиралъ, совсѣмъ не то говорилъ, когда дядя Агриппино ушелъ домой.

— Потому свадьбы не будетъ, объяснялъ сторожъ:—что сынъ кума Нери бросилъ самъ Мару; а бросилъ онъ ее потому, что дѣвка, слышно, сошлась съ барченкомъ съ донъ-Альфонсо, котораго знавала еще мальчикомъ. Кумъ Нери хочетъ, чтобы почетъ его сыну былъ такой же, какъ и ему самому; онъ говоритъ, что роговъ, окромя воловьихъ, онъ у себя на дому знать не хочетъ.

Эли присутствовалъ при этомъ разговорѣ; онъ сидѣлъ съ остальными за столомъ и рѣзалъ въ это время ломти хлѣба. Сказать онъ ничего не сказалъ, но аппетитъ у него пропалъ на цѣлый день.

Въ лугахъ, около своихъ овецъ, парень вновь сталъ думать о Марѣ. Вспоминалъ, какъ она была еще маленькой дѣвчонкой, какъ они, бывало, вмѣстѣ спускались въ долину Ячитано, или поднимались на Крестовыя горы; какъ она, бывало, глядѣла на него поднявъ кверху свое личико, покуда онъ лазилъ на верхушки деревъ за птичьими гнѣздами. Думалъ онъ тоже и о донъ-Альфонсо, который, бывало, приходилъ къ нему изъ своей виллы; какъ они оба растянутся на травѣ, и раскапываютъ разныя гнѣзда птицъ и насѣкомыхъ. Многое прошлое перебиралъ онъ въ своемъ умѣ, сидя въ придорожной канавѣ, и охвативъ

колѣни руками: и высокіе орѣшники Тебиди, и густыя рощи въ долинѣ, и зеленые скаты холмовъ, и кусты оливъ, какъ полосы тумана, сѣрѣвшія вдали, и красныя крыши села, и колокольню, «похожую на рукоятку солонки», вздымавшуюся надъ апельсинными садами. Все это было прошлое. Теперь, здѣсь передъ нимъ раздвигался унылый просторъ, обожженный солнцемъ, пустынный, поросшій жалкой травой и бѣлоусомъ, окутанный вдали знойнымъ паромъ.

Весной, только что стали склоняться къ землѣ бобовые стволы, отягченные стручками, Мара пріѣхала въ Салонію съ отцомъ, съ матерью, съ мальчикомъ работникомъ, и съ осломъ. Они пріѣхали собирать бобы, и ночи двѣ-три, покуда длилась работа, провели на фермѣ. Такъ что и утромъ и вечеромъ Эли видался съ дѣвушкой, и они не разъ сидѣли рядомъ на низкой каменной оградѣ подъ масличными деревьями, и разговаривали, покуда парень пересчитывалъ овецъ.

— Мнѣ кажется, теперь словно мы опять въ Тебиди, говорила Мара:—какъ, бывало, на мостикѣ сиживали.

Эли тоже хорошо помнилъ, только ничего не говорилъ, потому онъ былъ парень разсудительный и не многорѣчивый.

Когда бобы были собраны, Мара пришла попрощаться съ молодымъ человѣкомъ наканунѣ отъѣзда, который въ это время варилъ творогъ, и былъ весь погруженъ въ осторожное снимание сыворотки ситомъ.

— Ну, я пришла съ тобой проститься, потому что завтра мы возвращаемся въ Виццино, сказала она.

— А какъ бобы?

— Да плохо. Роса много попортила въ этомъ году.

— Дождя было мало — отъ этого, отвѣчалъ Эли: — намъ пришлось много овецъ зарѣзать, потому что корму не хватало; во всей Салоніи на три пальца травы не выросло.

— Да тебѣ-то все равно. Худой ли, хорошій годъ—тебѣ все равно жалованье заплатятъ.

— Оно такъ-то такъ, а все какъ-то жалко бѣдную скотинку мяснику въ руки отдавать.

— Помнишь, какъ ты на Ивановъ день приходилъ; ты еще тогда безъ мѣста былъ?

— Помню.

— Это мой отецъ тебѣ мѣсто нашелъ.

— А отчего ты сюда тоже не переѣхала? отчего замужъ за сына кума Нери не вышла?

— Потому что Богу не было угодно. Моему отцу не посчастливилось возразила она, помолчавъ немного: — съ тѣхъ поръ,

какъ мы переѣхали въ Маринео, намъ ничего не удается: ни бобы, ни хлѣбъ не ростутъ; и виноградникъ небольшой у насъ тамъ есть, да тоже плохъ. Потомъ братъ ушелъ въ солдаты; мулъ палъ, а дорого стоилъ.

— Знаю, отвѣчалъ Эли:—знаю, это карій.

— Теперь какъ мы побѣднѣли, извѣстно, никто не сватается ко мнѣ.

Разговаривая, Мара теребила вѣтку сливы, она глядѣла въ землю, опустивъ голову на грудь. Сама того не замѣчая, шевеля своимъ локтемъ, она касалась локтя Эли. Но Эли, устремивъ глаза въ котелъ, ничего не отвѣчалъ. Она опять начала.

— Помнишь, въ Тебиди говаривали, что мы съ тобой женихъ съ невѣстой?

— Говорили, сказалъ Эли, положивъ сито на край котла.— Только что же я? бѣдный овечій пастухъ! какой я мужъ для фермерской дочери. Куда мнѣ!..

Мара, помолчавъ маленько, сказала:

— Да если ты хочешь, такъ я за тебя со всей охотой выйду.

— Взаправду?

— Вѣрно. Взаправду.

— А дядя Агриппино какъ?

— Отецъ говоритъ, что дѣло свое ты знаешь, что жалованье свое ты—не то что другіе, моты—бережешь, изъ одной копейки двѣ дѣлаешь; что иной разъ и въ ѣдѣ себѣ умѣешь отказать, поберегая хлѣбъ. Отецъ говоритъ, что ты и своихъ овецъ, Богъ дастъ, наживешь, и разбогатѣешь.

— Коли такъ, то я тебя съ великой охотой за себя возьму.

— Ладно! сказала ему Мара, когда стемнѣло и овцы стали, мало по малу, успокоиваться:—хочешь, я тебя поцѣлую? теперь можно, скоро будемъ мужъ и жена.

Эли несмѣло обнялъ ее и, самъ не зная что говоритъ, лепеталъ:

— Вѣдь я тебя всегда любилъ! И тогда любилъ, когда ты меня для сына кума Нери бросить хотѣла. Только духу у меня не хватало сказать это тебѣ.

— Видишь ли! значитъ, ты вправду мнѣ суженый, заключила Мара.

Дядя Агриппино дѣйствительно тотчасъ же далъ свое согласіе, а тетка Ліа проворно сшила и новое платье дочкѣ, и плисофые шаровары въ подарокъ зятю. Мара была прекрасна и свѣжа, какъ раза; бѣлая мантилька придавала ей видъ пасхальнаго агнца; отъ янтарныхъ бусъ шея ея казалась еще бѣлѣе обыкновеннаго. Эли, въ новой плисовой парѣ, до того робѣлъ,

прогуливаясь съ ней рядомъ по улицѣ, что не смѣлъ носа высморкать своимъ новымъ же шелковымъ платкомъ, чтобы не привлечь на себя вниманія сосѣдей, которые чуть не въ глаза смѣялись надъ нимъ, ибо имъ была хорошо извѣстна вся исторія съ донъ-Альфонсо. Когда Мара въ церкви произнесла свое «да», и священникъ, широко благословивъ ее, отдалъ ее Эли, парню казалось, что ему отдали все золото всей земли, на которое когда-либо глядѣли его глаза.

Полный несказаннаго блаженства, велъ онъ ее изъ церкви домой.

— Теперь, когда мы стали мужемъ и женой, говорилъ онъ ей, сидя противъ нея за столомъ:—теперь я тебѣ могу сказать, что мнѣ просто не вѣрилось, чтобы ты меня любила... Ты не такого мужа, какъ я, могла найти, такая красавица, такая...

У бѣдняги другихъ словъ не было, онъ самъ себя не помнилъ отъ радости въ своемъ новомъ положеніи, глядя, какъ его Мара, теперь хозяйка дома, все прибирала около него, до всего касалась. У него духу не хватало сойти съ крыльца, когда, черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, нужно было вернуться къ своей должности въ Салоніи. Когда настало утро понедѣльника, онъ долго увязывалъ на спину осла свои мѣшки, свой плащъ, и клеенчатый капотъ.

— Ты бы тоже поѣхала со мной въ Салонію, рѣшился онъ, наконецъ, сказать женѣ, которая глядѣла на него, стоя на порогѣ дома:—тебѣ бы, по настоящему, со мной и слѣдовало ѣхать.

Но молодая женщина только разсмѣялась и объяснила, что она за овцами ходить не умѣетъ, и что вообще ей нечего дѣлать въ Салоніи.

И въ самомъ дѣлѣ, Мара была рождена совсѣмъ не для того, чтобы пасти овецъ; она не привыкла къ январскимъ утренникамъ, когда руки коченѣютъ, словно примерзая къ палкѣ, и ногти точно отрываются отъ пальцевъ; она не привыкла ни къ проливнымъ дождямъ, которые промачиваютъ до костей, ни къ удушающей пыли, которую подымаютъ овцы, когда бредутъ подъ палящими лучами солнца; она не привыкла спать на твердой, голой землѣ, ѣсть заплесневѣлый хлѣбъ, проводить долгіе, одинокіе, безмолвные дни посреди раскаленнаго пустыря, на которомъ развѣ что издали увидишь—да и то очень рѣдко—какого нибудь мужика, почернѣлаго отъ солнца, погоняющаго осла по ослѣпительно бѣлой, словно нескончаемой дорогѣ. Да и самому Эли, когда онъ возвращался съ пастбища голодный и холодный, насквозь промокшій, или когда вьюга заносила снѣгъ въ его

шалашъ, и тушила его костеръ, было, конечно, пріятно сознавать, что его Марѣ теперь тепло, что она грѣется подъ одѣяломъ, или прядетъ у печки, окруженная сосѣдками; или наслаждается солнышкомъ, выйдя на крыльцо. Разъ въ мѣсяцъ, Мара навѣщала мужа и получала жалованье, которое ему платилъ хозяинъ. Всего у ней было въ волю, и яицъ, и оливковаго масла, и вина. Два раза въ мѣсяцъ Эли ходилъ къ ней въ гости, она съ веретеномъ въ рукѣ встрѣчала его на крылечкѣ. Онъ привязывалъ осла въ конюшнѣ, снималъ съ него сѣдло, засыпалъ ему въ ясли овса, складывалъ одну связку привозимаго топлива подъ навѣсъ, на дворикѣ, а другую вносилъ въ кухню. Мара помогала ему повѣсить на гвоздь плащъ, передъ столомъ, снимала съ его ногъ лохматые наколѣнники изъ козьей шкуры, и наливала вина. Потомъ, ставила на огонь похлебку, собирала на столъ, и все это безшумно, ловко, проворно, какъ истинно домовитая хозяйка. И въ тоже самое время болтала съ нимъ и о томъ, и о семъ; и о насѣдкѣ, которая клохтать стала, и о краснѣ, которое ткала, и о теленкѣ, котораго надо было отнять отъ матки; болтала безъ умолку, не забывая дѣла, которое у ней такъ и кипѣло въ рукахъ. Когда Эли бывалъ дома, ему казалось, что самому папѣ римскому хуже живется, чѣмъ ему.

Только разъ ночью, на св. Варвару, онъ вернулся домой въ необычный часъ, когда огни на улицѣ и въ окнахъ уже потухли, а на колокольнѣ часы уже пробили полночь. Онъ пріѣхалъ потому, что кобыла его хозяина вдругъ стала хромать, и безъ сомнѣнія ее надо было перековать тотчасъ же. Не взирая на то, что дождь лилъ какъ изъ ведра, что грязь по дорогѣ была по колѣно, Эли пригналъ кобылу на село, гдѣ былъ кузнецъ.

Долго пришлось ему стучаться на этотъ разъ у дверей своего дома, и кликать Мару. Онъ прождалъ съ полчаса подъ проливнымъ дождемъ; вода съ него струилась ручьями. Наконецъ, жена отперла ему дверь и его же принялась бранить.

— Да что̀ это ты? спросилъ ее Эли.

— А то, что ты меня перепугалъ! Ты думаешь, что время теперь въ домъ ломиться? Поди, завтра буду больна.

— Да ты иди ложись; ужь я самъ огонь разведу.

— Нѣтъ; мнѣ еще надо за дровами сходить.

— Я и дровъ принесу самъ.

— Нѣтъ, я тебѣ говорю.

Когда Мара вернулась съ охапкой топлива, Эли спросилъ ее:

— Ты зачѣмъ же дверь-то на дворъ оставила открытой? Развѣ въ кухнѣ-то у тебя дровъ не было.

— Нѣтъ, я подъ навѣсъ за ними ходила.

Она позволяла себя цѣловать, но оставалась холодна, и отворачивала лицо отъ мужа.

— Когда въ домѣ ясный соколъ, такъ жена мужа подъ дождемъ гноитъ, толковали сосѣди, разбуженные шумомъ.

Но Эли ничего не зналъ; онъ самъ былъ ослѣпленъ женой, а другимъ какое было дѣло ему говорить, если ему самому, ни до чего не было дѣла. Онъ взялъ за себя Мару послѣ того, что сынъ кума Нери бросилъ ее, когда узналъ о ея шашняхъ съ донъ-Альфонсомъ. Эли блаженствовалъ въ своемъ позорѣ и толстѣлъ какъ боровъ. «Рога-то тощи, да дому отъ нихъ жирнѣе», острили добрые люди.

Но однажды Эли повздорилъ изъ-за нѣсколькихъ кусковъ сыра съ мальчишкой, который пасъ табунъ его хозяина.

— Ты что̀ же это, сказалъ ему мальчишка:—съ тѣхъ поръ какъ донъ-Альфонсо твою жену себѣ взялъ — ты воображаешь, что сталъ барскимъ шуриномъ, что ли? Ишь ты, рогами возгордился, какъ король короной.

Разговоръ происходилъ при хозяинѣ и при полевомъ сторожѣ, оба думали, что вотъ, вотъ сейчасъ произойдетъ кровопролитіе. Но Эли не шелохнулся; онъ былъ озадаченъ, и, казалось, ничего не слыхалъ. Его физіономія приняла какое-то тупое, бычачье выраженіе и рога, дѣйствительно, были бы у мѣста на его головѣ.

Пасха была на дворѣ; и хозяинъ всѣхъ роботниковъ посылалъ говѣть и исповѣдоваться, въ надеждѣ, что, припявъ св. причастіе, они будутъ Бога бояться и перестанутъ его обворовывать. Эли тоже говѣлъ, и вернувшись изъ церкви послѣ исповѣди, подошолъ къ мальчишкѣ, который сказалъ ему вышеприведенныя слова и обвилъ его шею руками.

— Отецъ духовный приказалъ мнѣ простить тебя; да я и не сердился на твои пустыя рѣчи. И коли ты не будешь у меня больше никогда сыру портить, такъ я не вспомню твоихъ словъ, сказанныхъ въ сердцахъ.

Съ этого именно времени его прозвали золотыми рогами, и прозвище это осталось за нимъ и за его потомствомъ, даже послѣ событія, которое должно бы было заставить людей молчать про его рога.

Мара, конечно, тоже говѣла; она возвращалась изъ церкви, скромно укутувшись въ свою мантильку, опустивъ глаза въ землю, какъ Марія Магдалина. Эли былъ мраченъ, и ожидалъ ее на крыльцѣ. Увидавъ ее, онъ точно увидѣлъ самого Господа, и оглядывалъ ее съ ногъ до головы, какъ будто въ первый разъ съ ней встрѣтился, или какъ будто ему жену подмѣнили. Онъ

былъ страшно блѣденъ, и словно боялся приблизиться къ ней, покуда она разстилала скатерть на столъ, ставила чашки и горшки, какъ всегда, опрятная, степенная.

Эли долго думалъ, и, наконецъ, рѣшился спросить:

— Правда ли, что ты знаешься съ донъ-Альфонсо?

Мара уставила прямо ему въ лицо свои большущіе черные глаза и перекрестилась.

— Зачѣмъ ты меня въ этакой день въ грѣхъ вводишь? воскликнула она.

— Я этому не повѣрилъ, потому что когда мы были мальчишками, мы всегда бывали вмѣстѣ съ донъ-Альфонсо. Когда онъ жилъ въ Тебиди, дня не проходило, чтобы онъ ко мнѣ не забѣгалъ. Потомъ, онъ богатъ, золото лопатами загребаетъ; если бы ему женщину нужно было, онъ могъ бы жениться.

Мара между тѣмъ начинала горячиться, и побранивать мужа. Такъ что бѣдняга, уткнувъ носъ въ чашку, не смѣлъ головы приподнять.

Однако, вспомнивъ, что не слѣдуетъ, вкушая даръ Божій, гнѣвомъ его въ отраву претворять, Мара перемѣнила разговоръ, и спросила мужа, перекопалъ ли онъ полоску, въ которую, снявъ бобы, посѣяли ленъ.

— Перекопалъ, отвѣчалъ Эли:—и ленъ хорошо уродится.

— Коли уродится, такъ я тебѣ зимой двѣ новыя рубахи сошью, чтобы тебѣ теплѣе было.

Однимъ словомъ, Эли не постигалъ, какъ можно людей за носъ водить, и не понималъ, что значитъ ревность. Всякая новая идея туго проникала въ его голову, а эта идея была до того широка и объемиста, что только развѣ чорту было подъ силу вбить ее въ его башку. Въ особенности трудно было ему понять ужасную вещь: такая Мара была красивая, такая дебѣлая, такая опрятная! Вѣдь она сама ему предложила за него замужъ выйти, да и онъ о ней думалъ столько лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ былъ ребенкомъ. Въ тотъ день, когда ему сказали, что она за другого выходить собирается, онъ ни пить, ни ѣсть не могъ, Не могъ онъ также понять своего положенія, потому что вѣдь и донъ-Альфонсо тоже... вѣдь они столько разъ вмѣстѣ играли, время проводили! Донъ-Альфонсо бывало, приносилъ ему въ поле и сластей, и бѣлаго хлѣба, и теперь онъ былъ словно живой передъ глазами Эли: бѣленькій, хорошенькій, гладенькій, какъ дѣвочка! Послѣ того, онъ не встрѣчался съ донъ-Альфонсомъ, но онъ былъ живъ и доселѣ въ простомъ сердцѣ Эли.

Когда же онъ его увидѣлъ нынче, послѣ стольких лѣтъ

разлуки, Эли почувствовалъ, что у него все нутро словно огнемъ жгутъ. Донъ-Альфонсо сдѣлался взрослымъ мужчиной, его нельзя было узнать. У него выросла красивая, курчавая, какъ и волосы, борода; на немъ была бархатная куртка, а на жилетѣ болталась большая золотая цѣпь. Впрочемъ, онъ узналъ Эли, и, здороваясь, похлопалъ его по плечу. Онъ пріѣхалъ на ферму хозяина Эли, съ цѣлой компаніей друзей, затѣявшихъ пикникъ по поводу стрижки овецъ на фермѣ. Неожиданно пріѣхала къ мужу и Мара; она говорила, что сдѣлалась беременна, и что ей смерть захотѣлось свѣжаго овечьяго сыру.

Былъ чудесный теплый день; поля золотились, какъ бѣлокурая розсыпь волосъ; живыя изгороди зацвѣтали, длинныя плети виноградниковъ густо зеленѣли листвой; овцы прыгали и блеяли отъ удовольствія, свободныя отъ тяготившей ихъ длинной шерсти. Въ кухнѣ женщины развели огромный огонь, чтобы варить и жарить груду провизіи, привезенной барами для пикника. Господа, въ ожиданіи обѣда, расположились подъ тѣнью деревъ; передъ ними собрался цѣлый оркестръ: волынки, тамбурины. Подъ звуки ихъ, господа плясали съ фермерскими дѣвушками и женщинами словно съ ровнями. Эли стригъ овецъ, и чувствовалъ, самъ не зная отъ чего, какъ будто его что-то терзало внутри, словно въ него иглы, шипы какіе-то засѣли, точно его сердце подрѣзали, помаленьку, помаленьку какими-то острыми ножницами, или ядъ попалъ въ его кровь. Хозяинъ приказалъ зарѣзать двухъ козлятъ, легченнаго годовалаго барана, нѣсколько куръ и индюка. Онъ хотѣлъ все сдѣлать на славу, ничего не жалѣя, и почтить своихъ гостей какъ подобаетъ. Когда всѣ эти животныя кричали отъ боли, когда козлята блеяли подъ ножемъ, Эли чувствовалъ, какъ у него дрожали колѣни. Онъ продолжалъ стричь овецъ, и вдругъ останавливался: ему казалось, что трава, на которой рѣзвились ягнята, была обагрена кровью.

— Не ходи, сказалъ онъ Марѣ, когда донъ-Альфонсо звалъ ее плясать.—Не ходи, Мара!

— Отчего?

— Не хочу я, чтобъ ты плясала. Не ходи.

— Да слышишь, меня зовутъ...

Онъ не произнесъ болѣе ни одного слова, но что-то проворчалъ, склоняясь надъ недостриженой овцой. Мара, пожавъ плечами, пошла плясать. Она разрумянилась, развеселилась; ея черныя очи свѣтились, какъ двѣ звѣзды; ея зубы сверкали бѣлизной, когда она смѣялась. Ея кольца, бусы, серьги играли огнями на плечахъ, шеѣ и лицѣ: какъ есть Мадонна. Эли выпря-

мился во весь ростъ; его кулакъ сжималъ длинныя ножницы, лицо побѣлѣло, какъ лицо его отца, когда того въ шалашѣ, передъ костромъ, била смертельная лихорадка.

Вдругъ онъ увидѣлъ, что донъ-Альфонсо, въ бархатной куртке, съ большой золотой цѣнью на жилетѣ, подошелъ къ Марѣ, схватилъ ее и увлекъ плясать. Эли ринулся на него и огромными ножницами перерѣзалъ ему горло, какъ козленку.

. . . .

Нѣсколько часовъ спустя, когда его вели къ судьѣ, связаннаго и истерзаннаго, онъ говорилъ:

— Да, какже это такъ?.. Развѣ мнѣ не слѣдовало его убить... убить, за то, что онъ отнялъ у меня Мару?

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

I.

Исторія печатнаго станка въ Россіи, съ самыхъ первыхъ годовъ появленія его, представляетъ собою картину, ни въ малѣйшей степени не похожую на исторію западнаго станка. На Западѣ пресса вызывается настоятельною, органическою потребностью все болѣе и болѣе развивавшейся образованности. Она возникаетъ въ самый бурный вѣкъ всеобщаго пробужденія умовъ, въ эпоху renaissance и наканунѣ реформаціи. Жажда разнообразнаго чтенія по всѣмъ отраслямъ наукъ и искуствъ была въ это время такъ сильна во всѣхъ слояхъ общества, что ранѣе уже изобрѣтенія книгопечатанія, многочисленные переписчики складываются въ цѣлыя корпораціи и цехи, появляются книжныя лавки и правительства создаютъ статуты, съ цѣлію правильной организаціи письменности и контроля надъ нею. Въ статутахъ этихъ видна заботливость правительствъ о томъ, чтобы книги имѣли, по возможности, легкій доступъ къ публикѣ, продаваясь несвыше цѣны, опредѣленной таксами, чтобы книгопродавецъ безпрекословно выдавалъ находящіяся у него рукописи для переписки, чтобы на одну треть сбавлялъ комиссіонерскій процентъ при продажѣ книгъ профессорамъ или студентамъ, и проч. Очень понятно, что когда появилось книгопечатаніе, оно было встрѣчено съ восторгомъ, какъ духовными, такъ и свѣтскими людьми, какъ правительствами, такъ и обществами. Французскій король Людовикъ XII, давшій многія льготы участникамъ типографскаго производства, назвалъ даже его «скорѣе бо-

жескимъ, чѣмъ человѣческимъ изобрѣтеніемъ». Но не однѣ власти, духовныя и свѣтскія, воспользовались станкомъ: его тотчасъ же захватили въ свои руки и наука, въ лицѣ университетовъ, и искуство, въ лицѣ драматурговъ, поэтовъ, сатириковъ и проч., и политика, наводнившая общество массою памфлетовъ и летучихъ листковъ, во множествѣ распространяемыхъ протестантскими типографіями, задѣвавшими нетолько римское духовенство, но и свѣтскіе дворы. Такимъ образомъ, пресса на Западѣ сразу сдѣлалась не одною исключительною принадлежностью куріи и двора, а общественною силою, противъ которой, послѣ первыхъ же восторговъ, и свѣтскія, и духовныя власти принуждены были бороться посредствомъ различныхъ цензурныхъ статутовъ. Такъ, напримѣръ, во Франціи не прошло и двадцати лѣтъ послѣ того, какъ было произнесено вышеупомянутое изрѣченіе Людовика XII, уже при Францискѣ I, Сорбонна настойчиво подняла вопросъ объ уничтоженіи навсегда всѣхъ типографій, появившихся въ странѣ и запрещеніи основывать, когда бы то ни было, новыя типографіи. Францискъ уже готовъ былъ подписать проэктъ Сорбонны, но былъ удержанъ представленіями парижскаго эпископа Жана-дю-Беллаи и нѣкоего Вильгельма Гюде, замѣтившихъ, что типографіи—орудіе обоюдоострое, которое можетъ быть употреблено нетолько ко вреду, но и съ большою пользою для государства, и что «сохраненіе ихъ необходимо для того, чтобы имѣть возможность, при помощи типографскаго же станка, противодѣйствовать тѣмъ самымъ злоупотребленіямъ, на которыя со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы» [1].

Совершенно не то мы видимъ въ нашемъ отечествѣ въ эту же самую эпоху. Общество, безграматное, полудикое, невѣжественное въ своей массѣ, нетолько не обнаруживало ни малѣйшаго интереса къ какимъ-либо свѣтскимъ знаніямъ и самостоятельной мысли, но въ каждомъ намекѣ на что-либо подобное видѣла нѣчто еретическое и дьявольское. «Епископы, лишенные всякаго образованія, говоритъ Флетчеръ о времени Бориса Годунова:—слѣдятъ съ особенною заботою, чтобы образованіе не распространилось, боясь, чтобы ихъ невѣжество и нечестіе не были обнаружены. Съ этою цѣлію они стараются увѣрить царя, что всякое новое знаніе, вводимое въ государство, возбудитъ стремленіе къ новизнамъ и будетъ для него опасно». Тоже высказывали и нѣкоторые изъ русскихъ; вотъ что, напримѣръ, говоритъ о нашихъ эпископахъ князь Курбскій: «Я самъ слыхалъ отъ

---

[1] См «Моменты исторіи законод. о печати» И. Я. Фойницкаго. «Сборникъ Госуд. Знаній» т. II, стр. 340.

нихъ, будучи еще въ русской землѣ, подъ державою московскаго царя; прельщають они юношей трудолюбивыхъ, желающихъ навыкнуть писанію, и говорять имъ: не читайте книгъ многихъ, и указываютъ: вотъ этотъ отъ книгъ умъ потерялъ, а вотъ тотъ въ ересь впалъ» [1].

Но и тѣ религіозныя сферы, въ которыхъ исключительно вращалась мысль нашихъ предковъ, находились въ крайнемъ небреженіи. Письменность была сосредоточена въ рукахъ массы полуграматныхъ писцовъ, занимавшихся своимъ дѣломъ безъ всякой организаціи, въ разсыпную и какъ Богъ на душу положитъ. Они искажали и уродовали текстъ священныхъ книгъ иногда до неузнаваемости и абсурдовъ, переходившихъ всѣ границы человѣческаго смысла. Тщетно Іоаннъ Грозный поднялъ на Стоглавомъ соборѣ вопросъ объ исправленіи книгъ, тщетно соборъ принялъ кое-какія палліативныя мѣры къ исправленію книгъ. Полудикіе, суевѣрные умы пугались нестолько искаженій, сколько исправленій священнаго текста, подозрѣвая въ этихъ мѣрахъ покушеніе дерзкаго умствованія на вѣковѣчную святыню.

Очень понятно, что при такихъ условіяхъ, печатный станокъ явился у насъ непрошеннымъ и нежеланнымъ заморскимъ гостемъ, и съ первыхъ же шаговъ ему не посчастливилось. Несмотря на то, что первая типографія была заведена въ Москвѣ по инициативѣ самого царя, который, въ видахъ все того же вопроса объ исправленіи книгъ, обратился съ просьбою къ датскому королю Христіану III о присылкѣ ему книгопечатниковъ, и для помѣщенія типографіи построилъ даже на Никольской улицѣ особенный домъ, это новое и неслыханное учрежденіе было встрѣчено крайне недоброжелательно во всѣхъ классахъ общества. Писцамъ, видѣвшимъ въ типографіи подрывъ своему ремеслу и лишеніе куска хлѣба, ничего не стоило возбудить противъ несчастнаго печатнаго станка, своими наговорами и интригами, какъ власти, такъ и народъ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, печатный дворъ былъ сожженъ, типографія разрушена и разграблена. А первые русскіе типографщики, ученики датскаго мастера Бокбиндера, Иванъ Ѳедоровъ Москвинъ и Петръ Тимофѣевъ Мстиславецъ, принуждены были бѣжать въ Литву, потому, какъ они потомъ объяснили въ предисловіи къ Львовскому апостолу, что «презрѣнное озлобленіе отъ многихъ начальниковъ и учителей, которые ради зависти обвинили насъ во многихъ ересяхъ, изгнало насъ изъ своей земли и отъ родныхъ въ чужую и невѣдуемую сторону». Вотъ какъ было встрѣчено

---

[1] Id., стр. 318.

на святой Руси и въ богоспасаемой Москвѣ «скорѣе божеское, чѣмъ человѣческое изобрѣтеніе».

Правда, что въ 1568 году, типографія была возобновлена въ Александровской слободѣ, но дѣйствовала робко, нерѣшительно, словно украдкой, печатая лишь изрѣдка нѣкоторыя богослужебныя книги. Печатники, словно страшась народнаго гнѣва, и дрожа за свое дѣло, обращаются къ читателямъ въ предисловіяхъ къ книгамъ съ жалобными мольбами: «хотящимъ сіи книги святыя прочитати или переписывати любезно молимъ васъ, милостиви намъ будите», и такъ продолжалось до изданія Требника при Филаретѣ: книга эта была первая въ Москвѣ, изданная безъ унизительной просьбы о помилованіи. Въ тоже время, рукописная литература нетолько не уменьшается, но во второй половинѣ XVII столѣтія еще болѣе развивается. Только со временъ Никона, типографія выходитъ побѣдительницею изъ борьбы съ переписчиками, развертываетъ свои силы и начинаетъ печатать въ значительномъ числѣ экземпляровъ нетолько богослужебныя, но и поучительныя книги.

Нечего и говорить о томъ, что эта первая вполнѣ утвердившаяся типографія въ Россіи продолжала быть дѣломъ совершенно чуждымъ обществу, народу, вообще частнымъ сферамъ жизни. Это было такое же правительственное учрежденіе, какъ какой-нибудь пушечный или монетный дворъ, и притомъ всецѣло находилось въ рукахъ духовенства, служа узкой, специальной цѣли печатанія богослужебныхъ книгъ. Поэтому типографія и называлась патріаршею, а съ упраздненіемъ патріаршества была причислена къ монастырскому приказу. Понятно, что при такихъ условіяхъ никакая цензура надъ подобнаго рода духовно-казенною прессою была немыслима. Правда, на московскихъ соборахъ составляли списки запрещенныхъ еретическихъ книгъ и за держаніе ихъ, равно и за чтеніе опредѣлялись церковныя наказанія; между прочимъ, такимъ образомъ было осуждено сочиненіе Сильвестра Медвѣдева «Манна», а самъ онъ впослѣдствіи былъ казненъ «за многія злодѣйственныя умышленія», но всѣ эти соборныя постановленія и мѣры имѣютъ дѣло не съ печатью, а все еще съ рукописными книгами. Эта борьба съ рукописью продолжается весь XVII вѣкъ, и при Петрѣ она еще болѣе ожесточается, вмѣстѣ съ ожесточеніемъ борьбы противъ раскола. Въ эту эпоху не одни раскольники, а вся многочисленная оппозиція противъ реформъ Петра, распространенная во всѣхъ классахъ общества, и особенно среди духовенства, постоянно прибѣгала къ перу для изъявленія своихъ протестовъ, и Петръ былъ осыпаемъ градомъ всякаго рода рукописныхъ

памфлетовъ и подметныхъ писемъ. Это ему, наконецъ, до такой степени надоѣло, что онъ, по широкому размаху своей могучей натуры, прибѣгъ къ такой радикальной мѣрѣ, какую едва ли когда-либо и гдѣ бы то ни было употребляли противъ свободы слова: онъ рѣшился истребить зло съ корнемъ, наложивши запрещеніе на самое существенное орудіе письма—чернила и перья. Такъ, въ 1701 году явился слѣдующій указъ:

«Монахи въ кельяхъ никаковыхъ писемъ писати власти не имѣютъ, чернилъ и бумаги въ кельяхъ имѣти да не будутъ, но въ трапезѣ опредѣленное мѣсто для писанія будетъ — и то съ позволенія начальнаго» (Полн. собр. законовъ, т. IV, № 1835).

Мѣры противъ печати, естественно, могли начаться лишь тогда, когда рядомъ съ правительственнымъ станкомъ возникли побочные. А это случилось вмѣстѣ съ присоединеніемъ къ Москвѣ Малороссіи. Въ западномъ краѣ и южной Руси уже въ XVI вѣкѣ при духовныхъ братствахъ возникли вольныя типографіи, съ тою же цѣлію исправленія книгъ и очищенія ихъ отъ всякихъ латинскихъ и уніатскихъ примѣсей. Московское духовенство, какъ извѣстно, очень недовѣрчиво и недоброжелательно смотрѣло на кіевскихъ богослововъ, подозрѣвая ихъ въ наклонности къ католичеству и всяческимъ ересямъ. Очень понятно, что съ присоединеніемъ Малороссіи, оно весьма недружелюбно отнеслось къ типографіямъ, существовавшимъ въ Кіевѣ и Черниговѣ. Въ этихъ типографіяхъ печатались не однѣ церковно-служебныя книги, но и сочиненія кіевскихъ богослововъ, ихъ проповѣди, поученія, учебныя пособія, употреблявшіяся въ кіевской академіи и семинаріяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ печатались порою въ тѣхъ же типографіяхъ и раскольничьи книги. И вотъ мы видимъ въ продолженіи всего царствованія Алексѣя Михаиловича и Петра цѣлый рядъ мѣропріятій для обузданія южно-русской прессы и водворенія надъ нею контроля. Книги и сочиненія нѣкоторыхъ кіевскихъ богослововъ, заподозрѣнныя въ еретичествѣ, конфискуются и сожигаются. Указъ за указомъ издаются для побужденія типографій ничего не печатать безъ вѣдѣнія Москвы. Такъ, напримѣръ указъ отъ 5-го октября 1720 г. гласитъ:

«Великому Государю, Его царскому Величеству извѣстно учинялось, что въ Кіевской и Черниговской типографіяхъ, въ печатныхъ книгахъ печатаютъ не согласно съ великороссійскими печатьми, которыя со многою противностью восточной церкви, а именно: въ Черниговѣ учебные часословы по желанію раскольническому, которое явилось чрезъ розыскъ калужаниномъ Ерастомъ Кадминымъ, что онъ также часословъ, въ прошлыхъ годахъ продолжалъ печатать проискомъ своимъ, и продавалъ оныя

на ярманкахъ: въ книгѣ Богомыслія, которая печатана въ типографіи святотроицкой-ильинской въ 1710 году, явилась многая люторская противность, да въ мѣсяцесловѣ, который изданъ въ прошломъ 1718 году генваря 27 дня, а печатанъ въ кіевопечерской типографіи, въ заглавіи напечатано, якобы напечатанъ ставропигіею вселенскаго константипольскаго патріарха, чего было печатать не подлежало, для того, что кіевопечерскій монастырь отъ многихъ лѣтъ учиненъ въ Ставропигіи святѣйшихъ россійскихъ патріарховъ, а отъ константинопольскихъ уволенъ. Того ради его царское величество указалъ именоваться кіево-печерскому и черниговскому монастырямъ, во всѣхъ книгахъ, ставропигіею всероссійскихъ патріарховъ, а не константинопольскихъ, а вновь книгъ никакихъ, кромѣ церковныхъ прежнихъ изданій, не печатать. А и оныя церковныя старыя книги, для совершеннаго согласія съ великороссійскими, съ такими же церковными книгами сравнивать прежде печати, съ тѣми великороссійскими печатьми, дабы никакой розни и особаго нарѣчія въ немъ не было. А другихъ никакихъ книгъ, ни прежнихъ, ни новыхъ изданій, не объявляя объ новыхъ въ духовной коллегіи, и не взявъ отъ оной позволенія, въ тѣхъ монастыряхъ не печатать, дабы не могло въ такихъ книгахъ никакой въ церкви восточной противности и съ великороссійскою печатью несогласія произойти». (См. сбор. распор. и постан. по цензурѣ съ 1720 по 1862 г. изд. М. Н. Пр.).

Совершенно подобнаго же рода указы являются 25-го января 1721 года, 20-го марта 1721. Вмѣстѣ съ тѣмъ 25-го января 1721 года былъ изданъ регламентъ духовной коллегіи, въ которомъ между прочимъ мы читаемъ такого рода общее узаконеніе, относящееся уже ко всей имперіи: «Аще кто о чемъ богословское письмо сочинитъ, и тое-бъ не печатать, но первое презентовать въ Коллегіумъ. А Коллегіумъ разсмотрѣть должно, нѣтъ ли каковаго въ письмѣономъ погрѣшенія, ученію православному противнаго». (Регл. ч. III, § 3. См. сборн. расп. и постан. по цензурѣ).

Этотъ законъ, установляющій для духовныхъ сочиненій нѣчто въ родѣ предварительной цензуры, можно считать первымъ на Руси закономъ о печати.

II.

Эпоха Петра, наиболѣе замѣчательная именно въ томъ отношеніи, что мысль нашихъ предковъ выходитъ въ это время изъ

религіозной замкнутости и становится на почву умственныхъ и культурныхъ интересовъ чисто свѣтскаго характера, не могла не отразиться на исторіи печати. И здѣсь мы видимъ тотъ же громадный переворотъ: рядомъ съ духовною типографіею возникаетъ мало-по-малу типографія свѣтская, и для печати въ Россіи наступаетъ новый періодъ существованія.

Инціатива этого переворота, какъ и всѣ реформы петровской эпохи, принадлежитъ вполнѣ Петру. Стремясь распространять среди русскихъ людей, въ виду своихъ реформъ, научныя свѣдѣнія, Петръ нуждался въ книгахъ по разнымъ отраслямъ знаній, особенно техническимъ, патріаршая же типографія въ Москвѣ, принаровленная исключительно для печатанія богослужебныхъ книгъ, не въ состояніи была удовлетворить этой потребности.

И вотъ въ 1700 г. Петръ даруетъ своему голландскому другу, одному изъ первыхъ негоціантовъ Амстердама, Янну Тессингу, за учиняемыя имъ великому посольству службы грамату съ тѣмъ, чтобы Тессингъ завелъ въ Амстердамѣ типографію и напечаталъ бы въ ней «земныя и морскія картины, и листы, и персоны, и и математическія, и архитектурныя, и городо-строительныя, и всякія земныя и художественныя книги на славянскомъ и латинскомъ языкахъ вмѣстѣ, тако и славянскомъ и голландскомъ языкомъ по особну, отъ чего-бъ русскіе подданные, много службы и прибытки могли получати и обучатися во всякихъ художествахъ и вѣдѣніяхъ.» [1] Книги, напечатанныя Тессингомъ, дозволялось ему или его приказчику привозить къ Архангельску, а также и въ другіе города «повольною торговлею, съ платежемъ указанныхъ пошлинъ, на уреченное время съ настоящаго (1700) года впредь на 15 лѣтъ»; и при этомъ предоставлялась полная монополія относительно всѣхъ другихъ заграничныхъ типографій: если кто взумалъ бы продавать въ Россіи книги этихъ типографій, то продавцы подвергались штрафу въ 3,000 франковъ, изъ которыхъ третья часть шла въ пользу Тессинга; самыя же книги конфисковались. Но при этихъ льготахъ не были упущены и цензурныя соображенія для предупрежденія какихъ-либо злоупотребленій печати со стороны Тессинга. Въ этихъ видахъ въ граматѣ было оговорено, «чтобъ тѣ чертежи и книги напечатаны были къ славѣ великаго Государя межъ европейскими монархами и къ общей народной пользѣ и прибытку, *а пониженья бъ нашего царскаго величества превысокой чести и государства нашего въ славѣ въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было*».

Съ установленія гражданскаго шрифта около 1704 года слѣ-

---

[1] Пекарскій. Наука и лит. въ Россіи, стр. 10—12.

дуетъ окончательное обособленіе свѣтскаго станка отъ духовнаго. Послѣ этого Петръ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ заводитъ гражданскія типографіи съ просвѣтительными цѣлями вполнѣ уже свѣтскаго характера. Но перейдя на свѣтскую почву, печатный станокъ этимъ самымъ не сдѣлался еще самостоятельною, общественною силою; дѣло ограничилось тѣмъ, что онъ перешелъ изъ рукъ духовныхъ властей, въ руки свѣткихъ, но при этомъ остался тѣмъ же оффиціальнымъ, казеннымъ учрежденіемъ, до котораго обществу не было никакого дѣла. Въ лицѣ Петра въ это время сосредоточивалось все литературное дѣло страны: онъ заказывалъ и редактировалъ книги, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, самъ повелѣвалъ ихъ печатать, самъ издавалъ куранты, подкупалъ заграничную прессу для восхваленія своей особы и полемики противъ его хулителей. Что же касается общественной массы, то она относилась ко всему этому съ полной апатіей. Такъ въ 1703 году, одинъ голландскій купецъ, торговавшій книгами, вышедшими изъ Тессинговой типографіи, жалуется царю, что продажа книгъ причинила ему одинъ убытокъ, «понеже купцовъ и охотниковъ въ земляхъ вашего царскаго величества зѣло мало».

При такомъ равнодушіи публики къ книжному дѣлу и сосредоточеніи этого дѣла въ рукахъ царевыхъ, понятно опять-таки, что не могло быть и помысла о какихъ-либо цензурныхъ учрежденіяхъ. Какъ редакторъ и издатель, Петръ самолично направлялъ книжное производство согласно своимъ политическимъ и просвятительнымъ цѣлямъ. Ни одна строка не выходила изъ подъ печатнаго станка безъ его высочайшаго усмотрѣнія, и въ этомъ случаѣ до насъ дошелъ анекдотъ самаго антицензурнаго характера, представляющій намъ Петра нетолько не въ видѣ строгаго цензора, а напротивъ, борящимся въ качествѣ редактора съ излишнимъ и самовольнымъ цензурнымъ усердіемъ его сотрудниковъ. Такъ извѣстно, что переводчикъ Бужинскій, переводя по порученію царя «Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ Пуффендорфа», выпустилъ одно пикантное мѣсто, не рѣшась перевести его, вслѣдствіе слишкомъ рѣзкаго отзыва Пуффендорфа о русскихъ: «Зазорны же русскіе и невоздержательны суть, пишетъ Пуффендорфъ:—свирѣпы и кровежаждущи человѣцы, въ вещехъ благополучныхъ безчинно и нестерпимою гордостью возносятся; въ противныхъ же вещахъ низложеннаго ума и сокрушеннаго... ко прибыли и лихвѣ, хитростью собираемой, никой же народъ паче удобенъ есть. Рабскій народъ рабски смиряется, и жестокостью власти воздержатися въ повиновеніи любятъ, и якоже всѣ игры, въ бояхъ и ранахъ у нихъ состоятся, тако би-

чевъ и плетей у нихъ частое есть употребленіе?» Узнавши о пропускѣ этого мѣста, Петръ очень осерчалъ на Бужинскаго: «Глупецъ, вскричалъ онъ:—что я тебѣ приказывалъ сдѣлать съ этою книгою?»

— Перевести, отвѣчалъ Бужинскій.—«Развѣ это переведено?» возразилъ Петръ, указывая на пропущенное мѣсто: — тотчасъ поди и сдѣлай, что я тебѣ приказалъ, и переведи книгу вездѣ такъ, какъ она въ подлинникѣ есть» [1].

Очень понятно, почему Петръ не велѣлъ выпускать этого мѣста: онъ не усматривалъ въ немъ никакого *«пониженія его царскаго величества превысокой чести»*, а напротивъ, видѣлъ оправданіе своихъ просвѣтительныхъ реформъ.

Другое было дѣло, когда около 1708 г., мастеръ, печатавшій книги въ типографіи Тессинга, не имѣя никакихъ средствъ къ своему существованію послѣ смерти этого негоціанта (въ 1701 г.), отправился съ славянскою типографіею въ Россію, но на дорогѣ, именно въ Данцигѣ, шведы завладѣли всѣми типографскими принадлежностями и начали печатать славянскимъ шрифтомъ разныя воззванія къ русскому народу, для распространенія ихъ въ русскихъ предѣлахъ. По этому случаю, Петръ сдѣлалъ такое распоряженіе: «Буде какія письма гдѣ явятся, напечатанныя славянскими (т. е. русскими) словами и складомъ славянскимъ же, къ возмущенію народа, или хотя подъ какимъ ни на есть лестнымъ образомъ, приводя къ тому-жъ, чтобъ тѣмъ народъ обманомъ привести въ возмущеніе, и такимъ письмамъ отнюдь не вѣрить и у себя не держать, хотя будетъ и то въ нихъ написано, будто они на Москвѣ напечатаны, а гдѣ и у кого такія письма явятся, и такихъ людей ловить и распрашивать, гдѣ кто такія письма взялъ, и на кого скажутъ, и тѣхъ людей сыскивать со всякимъ крѣпкимъ прилежаніемъ и присылать къ Москвѣ, а за сыскъ такихъ возмутителей, кто ихъ сыщетъ, будетъ имъ его государева милость».

Кромѣ этого, намъ извѣстны еще двѣ мѣры цензурнаго характера, относящіяся къ эпохѣ Петра, касающіяся, впрочемъ, не печати, а живописи. Такъ, мы видимъ, что послѣ того, какъ духовнымъ регламентомъ была возложена на Синодъ обязанность надзора за всѣмъ, касающимся религіи, первымъ распоряженіемъ его было усилить надзоръ надъ народными лубочными картинами религіознаго содержанія. Появившееся почти въ одно время съ типографіею печатаніе гравированныхъ картинокъ до сихъ поръ производилось почти безъ всякой цензуры. Правда, патріархъ Іоа-

[1] Пекарскаго. Наука и литер. при Петрѣ I, стр. 396.

кимъ нашелъ неприличнымъ, что «всякія невѣжды рѣжутъ на доскахъ и печатаютъ на бумагѣ развращенно иконы Спасителя, Богородицы и святыхъ; другіе же покупаютъ такіе печатные листы, дѣлаемые лютерами и кальвинами, на подобіе лицъ своея старины», и около 1644 г. указалъ печатаніе и продажу такихъ листовъ воспретить подъ страхомъ жестокаго наказанія; самые же листы отобрать и истребить. Но указъ этотъ остался безъ исполненія и народныя картинки продолжали печататься безъ всякаго надзора. И вотъ въ 1721 г., Синодъ снова подтвердилъ запрещеніе, чтобы никто не имѣлъ права продавать въ Москвѣ на Спаскомъ мосту и въ другихъ мѣстахъ листы разныхъ изображеній, каноны и молитвы, сочиненные людьми разныхъ чиновъ самовольно и безъ свидѣтельства; листы приказано отобрать и отослать въ Приказъ церковныхъ дѣлъ, «запретивъ впредь таковыя, подъ страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго штрафованія». Для разсмотрѣнія такихъ изданій была учреждена Петромъ въ Москвѣ Изуграфская Палата, безъ одобренія которой они не могли выходить [1].

Вторая мѣра подобнаго же рода касалась царскихъ портретовъ: указомъ 1723 г. было предписано суперъ-интенданту Зарудневу наблюдать, чтобы персоны государя и государыни писались искусными мастерами и затѣмъ продавались въ Москвѣ и по разнымъ мѣстамъ; безобразные же царскіе портреты отбирать и отсылать въ Синодъ.

III.

Но вотъ, мало-по-малу, просвѣщеніе начинаетъ распространяться въ высшихъ и среднихъ слояхъ общества. Книги дѣлаются не такою рѣдкостью, какъ при Петрѣ: покупаются и въ отечествѣ, еще болѣе вывозятся изъ-за границы, заводятся свѣтскія училища, требующія руководствъ и всякаго рода пособій. Основывается «Академія наукъ», какъ высшее ученое и учебное учрежденіе, заботящееся о развитіи просвѣщенія въ странѣ. Являются и первые свѣтскіе писатели въ лицѣ Кантемира, Ломоносова и Тредьяковскаго. Масса ученыхъ писателей и переводчиковъ начинаетъ группироваться вокругъ Академіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ является потребность окончательно отдѣлить гражданскій станокъ отъ духовнаго. И вотъ, 4-го октября 1727 года, яв-

---

[1] Сборн. отд. русс. яз. и слав. имп. акад. наукъ, т. 27. Русскія нар. карт. Д. Ровинскаго, стр. 31.

ляется указъ (П. С. Зак., № 5175), въ силу котораго типографіи, бывшія при Синодѣ и при Александровской лаврѣ, переводятся въ Москву со всѣми инструментами, для печатанія тамъ церковныхъ книгъ; въ Петербургѣ же остаются однѣ двѣ свѣтскія типографіи—при Сенатѣ, для печатанія указовъ и правительственныхъ распоряженій, и при Академіи наукъ, для «сочиненій историческихъ наукъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ типографія Академіи наукъ устраняется изъ вѣдомства Синода, надзору котораго впредь подлежатъ одни духовныя книги и вообще всѣ сочиненія, касающіяся религіи; свѣтскія же книги подчиняются вѣдѣнію Академіи. Вслѣдъ за этимъ указомъ, съ января 1728 года, Академія наукъ, начинаетъ издавать «С.-Петербургскія Вѣдомости», печатая ихъ въ своей типографіи подъ своею личною отвѣтственностью безъ всякаго посторонняго и высшаго контроля.

Затѣмъ наступаютъ 30-ые годы прошлаго столѣтія, и надъ Русью нависаетъ мрачный періодъ бироновщины, эпоха безцеремоннаго владычества временщиковъ и всякаго рода иноземныхъ проходимцевъ, ужасовъ тайной канцеляріи, съ ея кровавыми розысками и правежами и всеобщихъ доносовъ съ ихъ грознымъ кличемъ «слова и дѣла». Въ это десятилѣтіе было не до преуспѣянія литературы и вообще просвѣщенія въ Россіи. Академія наукъ, подъ игомъ своей канцеляріи, наполненной германскими хищниками, едва влачила свое существованіе, причемъ члены ея чуть не умирали съ голоду отъ постоянныхъ общитываній и затягиваній жалованья. Литература, въ лицѣ Тредьяковскаго, раболѣпно ползала на колѣнкахъ наряду съ Балакиревымъ и прочими придворными шутами, получала всемилостивѣйшія оплеушины и писала оды на иллюминаціи, осыпаемая градомъ палочныхъ ударовъ со стороны свирѣпыхъ самодуровъ. Очевидно, что впродолженіи всего этого періода трудно было и ждать какихъ-либо положительныхъ мѣръ, которыя расширяли бы сферу дѣятельности печатнаго станка. Но въ тоже время этотъ станокъ находится въ такомъ загнанномъ положеніи полнаго пренебреженія, что правительство не имѣетъ нужды и въ какихъ-либо отрицательныхъ мѣрахъ противъ него. Поэтому, въ царствованіе Анны Іоановны указы о печати очень рѣдки. Намъ только и извѣстны два такіе указа. Такъ, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, Анна Іоановна первымъ дѣломъ озаботилась о томъ, чтобы среди подданныхъ ея не вращались нѣкоторыя иностранныя книги, заключающія въ себѣ дурные отзывы о ея главныхъ приближенныхъ. И вотъ, указомъ 1733 г. 17-го марта, она повелѣваетъ: «Изданную отъ Ея Императорскаго Величества печатную книгу на нѣмецкомъ языкѣ о жизни бывшихъ графа

Остермана, графа же Миниха и герцога курляндскаго Бирона, въ которой, между прочимъ, вымышленно-затѣйные, предосудительные къ россійской имперіи пашквильные пассажи находятся, принадлежащіе (экземпляры) публикѣ сжечь и чтобъ болѣе оная въ Россійской имперіи разсѣяна не была, учинить къ собранію ея основательное опредѣленіе и впредь таковыхъ, касающихся до Россійской имперіи пашквильныхъ сочиненій во всѣхъ мѣстахъ продавать и вывозить накрѣпко запретить» (Сборн. пост. о печати).

Затѣмъ уже въ концѣ царствованія Анны Іоановны мы видимъ именной указъ, отъ 26-го декабря 1738 года, генералу Румянцеву, изъ котораго видно, что по донесенію изъ Кіева генералъ-лейтенанта Леонтьева, конфисковано было у мѣщанина Львовскаго, ѣхавшаго въ Малую Россію по 150 экземпляровъ двухъ календарей на 1739 годъ—астрономовъ Франциска Невѣскаго и другого безъименнаго. «И понеже въ тѣхъ обоихъ календаряхъ, говорится въ указѣ:—по разсмотрѣніи здѣсь находятся въ прогностикахъ о Нашей имперіи, а особливо о Украйнѣ, нѣкоторые зловымышленные и непристойные пассажи, чѣмъ неразсудительно народъ можетъ легко придти въ какой соблазнъ и сумнѣніе, того ради посланъ указъ нашъ къ помянутому генералъ-лейтенанту, чтобѣ всѣ тѣ календари въ Кіевѣ сжечь, и ежели иногда гдѣ индѣ такіе же келендари у кого явятся, отбирая пожигать, и впредь оныхъ въ границы наши пропускать не велѣть». Въ заключеніе же указа говорится: «а вмѣсто тѣхъ Польскихъ календарей могутъ въ Кіевѣ и во всей Украйнѣ употреблять Россійскіе календари, которые издаются въ печать здѣсь, въ Академіи Наукъ» (Сборн. пост. о цензурѣ).

Тайная канцелярія, вѣдѣнію которой принадлежали какія бы то ни было государственныя злоумышленія, въ томъ числѣ, конечно, и литературныя, среди необъятной массы всякаго рода доносовъ и розысковъ, почти совсѣмъ не находила какихъ-либо преступленій по дѣламъ печати. По крайней мѣрѣ, намъ только и извѣстны два случая слѣдствія, въ которомъ замѣшана книга. Такъ, Волынскій, въ числѣ всѣхъ прочихъ преступленій, взваленныхъ на него, обвинялся, между прочимъ въ томъ, что читалъ сочиненіе Юста Липсія, какое именно—неизвѣстно. Второй случай въ видѣ слѣдствія о «Псальмѣ Тредьяковскаго» поражаетъ своимъ абсурдомъ. Это одно изъ тѣхъ «прискорбныхъ недоразумѣній», какія нерѣдко встрѣчаются въ русской жизни до сего дня, но особенно учащаются въ такія смутныя эпохи, какова была бироновщина. Дѣло заключалось въ томъ, что Тредь-

яковскій ко дню коронаціи Анны Іоановны написалъ оду, начинающуюся такъ:

«Да здравствуетъ днесь императриксъ Анна...»

Эта ода, подъ названіемъ «Псальма», была напечатана въ типографіи Академіи наукъ съ нотами для пѣнія ея, и разошлась по всей Россіи во множествѣ экземпляровъ нетолько печатныхъ, но и рукописныхъ. Между прочимъ, одинъ изъ такихъ рукописныхъ экземпляровъ былъ у священника Костромской губерніи города Нерехты Алексѣя Васильева. Священникъ утерялъ его и въ бытность свою, 12-го мая 1735 г., въ костромскомъ духовномъ правленіи, написалъ для памяти начало пѣсни съ тѣмъ, чтобы попросить одного пономаря, нельзя ли ее отыскать въ Костромѣ. Писчикъ духовнаго правленія, Семенъ Косогоровъ, увидалъ эту записку; его смутило то обстоятельство, что въ ней императрица названа вдругъ императриксъ; онъ увидалъ въ этомъ оскорбленіе высочайшей особы и крикнулъ «слово и дѣло» о злополучномъ священникѣ духовному правленію. Священника сейчасъ же арестовали. Начался допросъ. Оказалось, что предосудительную псальму передалъ ему дьяконъ изъ Нерехты, Савельевъ. Схватили и дьякона и обоихъ отправили въ Москву въ контору розыскныхъ дѣлъ. Все лѣто и до поздней осени просидѣли священнослужители въ заключеніи, дрожа за свою участь. Уже 23-го сентября 1735 г., начальникъ конторы розыскныхъ дѣлъ, Семенъ Солтыковъ, писалъ къ Андрею Ушакову о псальмѣ: «которая отъискана и взята къ дѣлу и явилась печатная, сочиненная въ Гамбургѣ, въ которой, между прочимъ, въ титулѣ ея императорскаго величества явилось напечатано не по формѣ. А признавается, что оная напечатана въ Санктъпитербурхѣ въ Академіи Наукъ, того ради не соизволите-ль, ваше превосходительство, приказать оную въ печати освидѣтельствовать, и ежели такъ напечатано, то оныхъ попа и дьякона надлежитъ освободить безъ штрафу»...

Въ Петербургѣ Ушаковъ призвалъ Тредьяковскаго въ тайную канцелярію и потребовалъ отъ него письменнаго отвѣта, повергши его въ немалый трепетъ. Тредьяковскій отвѣчалъ цѣлымъ посланіемъ (отъ 16-го октября 1735 г.), въ которомъ, между прочимъ, онъ распространился о свойствахъ пентаметра, какъ главнаго виновника употребленія слова императриксъ. «Первой самой ея стіхъ, пишетъ онъ:—въ которомъ положено слово Імператриксъ, есть пентаметръ, то есть, пять мѣръ, или стопъ имѣющій, и конечно въ Россійскомъ стихотворствѣ одиннадцать слоговъ, ни больше, ни меньше содержащій. Слово сіе Імператриксъ, есть самое подлинное латинское (отъ котораго и нынѣшнее наше сіе

производится, Імператрица) и значитъ точно во всей своей высокости: Імператрица, въ чемъ я ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, которые совершенную силу знаютъ въ Латинскомъ языкѣ. Употребилъ я сіе Латинское слово, Імператриксъ для того, что мѣра стіха сего требовала, ибо лишней бы слогъ былъ въ словѣ Імператрица; но что чрезъ оное слово никаковаго нѣтъ урона въ высочайшемъ тітлѣ Ея Імператорскаго Величества, то не токмо Латинскій языкъ довольно меня оправливаетъ, но сверьхъ того и стихотвороная наука».

Если взять во вниманіе обычную неторопливость нашей бюрократіи въ веденіи дѣлъ, особенно такихъ ничтожныхъ, какъ мнимая провинность столь маленькихъ людей, какъ священикъ и дьяконъ нерехтенской церкви, то надо предполагать, что не раньше конца октября или начала ноября были выпущены на свободу злополучные узники, просидѣвъ такимъ образомъ въ заключеніи, вдали отъ родины, около полгода, и все это единственно изъ-за того, что Тредьяковскому вздумалось не совсѣмъ удачно побаловать пентаметромъ [1].

IV.

Мрачныя эпохи бѣлыхъ террововъ не ограничиваются обыкновенно тѣми напастями, какими онѣ разражаются непосредственно: онѣ оставляютъ по себѣ печальныя послѣдствія, отражающіяся иногда на цѣлыя десятки лѣтъ. Тоже самое мы видимъ и послѣ бироновщины. Эпоха эта не прошла въ нашей исторіи безслѣдно: она завѣщала послѣдующимъ двумъ десятилѣтіямъ цѣлое поколѣніе, обезличенное и деморализованное до послѣдней крайности. Казалось бы, что со вступленіемъ на престолъ Елизаветы, всѣ должны бы были поднять голову и вздохнуть свободнѣе. Своеволіе иноземцевъ было въ достаточной мѣрѣ обуздано; русскіе люди пошли вездѣ въ ходъ; на престолъ взошла государыня мягкаго характера и пользовавшаяся всеобщею популярностью. Между тѣмъ, мы видимъ, что масса общества находится въ томъ же приниженномъ состояніи хронической паники, въ какомъ она находилась въ предшествовавшее десятилѣтіе. Вы замѣчаете въ ней полное отсутствіе всякой инициативы и самодѣятельности, раболѣпную покорность, доходящую до подобострастнаго усердія, превышающаго всѣ ожиданія и желанія и порою совершенно излишнюю, и въ тоже время необузданную

[1] П. Пекарскаго. Ист. Имп. Акад. Наукъ, т. II, стр. 60—63.

страсть къ доносамъ, которые до такой степени успѣли въѣсться въ нравы общества, что сдѣлались обыденнымъ явленіемъ, никого не смущавшимъ и ни мало не считавшимся зазорнымъ, и, какъ мы увидимъ ниже, даже такія почтенныя личности, стоявшія въ уровнѣ европейской образованности и науки, какъ Ломоносовъ, взапуски подвизались на этомъ доблестномъ поприщѣ.

При видѣ такого трепетно-пресмыкающагося общества, васъ нисколько не удивляетъ, что правительство того времени относится къ нему, какъ къ ребенку, распростирая надъ нимъ свою опеку порою до поразительныхъ мелочей быта. Въ тоже время опека эта принимаетъ такой патріархальный характеръ, что въ книжномъ дѣлѣ правительство не нуждается ни въ какихъ предупредительныхъ или карательныхъ мѣрахъ. Оно ограничивается тѣмъ, что предписываетъ своимъ агентамъ *отбирать* у публики тѣ книги, которыя ей не слѣдуетъ читать, совершенно подобно тому, какъ родитель отбираетъ у своего возлюбленнаго дѣтища вредныя вещи; а еще чаще оно не нуждается и въ отбираніи, а предоставляетъ подданнымъ самимъ представлять начальству то, что имъ не слѣдуетъ имѣть въ своихъ домахъ, и подданные исполняютъ волю начальства съ примѣрною покорностью, превышающую ожиданія, какъ мы это сейчасъ увидимъ.

Такъ осенью 1742 г., императрицѣ Елизаветѣ во время прогулки были представлены два портрета ея и наслѣдника Петра Ѳедоровича необыкновенно безобразной гравировки. Вспомнили объ указѣ Петра 1723 г., но оказалось, что за смертью Заруднева, которому было поручено наблюдать за царскими портретами, указъ этотъ оставался безъ всякаго исполненія. И вотъ было предписано безобразные портреты *отобрать* и сдать въ сенатъ, и магистрату указано было выбрать для наблюденія за этимъ дѣломъ на будущее время искуснаго мастера вмѣсто умершаго Заруднева, а впредь до выбора наблюденіе поручить живописцу Вишнякову. Черезъ три года, изданъ былъ портретъ Елизаветы, гравированный мастеромъ Авиломъ Соколовымъ съ оригинала Каравакки при высочайшемъ указѣ, чтобы прочіе мастера «дѣлали и писали портреты ея величества на подобіе онаго высочайше опробованнаго», который, впрочемъ, вышелъ не много лучше прежней лубочной персоны [1].

Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица Елизавета, вскорѣ по вступленіи на престолъ, озаботилась уничтожить всѣ печатные слѣды предшествовавшаго царствованія. Какъ ни коротко было время правленія Анны Леопольдовны, но въ продолженіе его успѣли

---

[1] Русск. нар. картинки Д. Ровинскаго.

издать нѣсколько календарей и святцевъ, съ поименованіемъ царствующаго дома, вышли и книги, какъ въ Россіи, такъ и заграницей, посвященныя высочайшимъ особамъ. И вотъ 27-го октября 1742 г. вышелъ указъ, чтобы всѣ книги церковныя и гражданскія, «печатанныя по кончинѣ блаженныя памяти императрицы Анны Іоановны для перепpавленія объявлять». Затѣмъ, 19-го августа 1748 г. снова вышелъ указъ о томъ, чтобы «книги россійскія и иностранныя, въ которыхъ упоминаются въ бывшихъ два правленія извѣстныя персоны, предъявлять въ десіансъ-академію», а въ 1750 г. опубликовано запрещеніе ввозить въ Россію подобныя книги. (Сборн. росп. и постанов. по цензурѣ.).

Указы эти произвели въ публикѣ такой эффектъ, какого по всей вѣроятности начальствующіе люди не ожидали. Благомыслящіе россіяне поняли приказаніе въ такомъ смыслѣ, что слѣдуетъ представлять начальству всѣ книги, какія только кто имѣетъ. И вотъ въ де-сіянсъ Академію и въ Сенатъ начали стекаться цѣлыя кипы книгъ самаго разнообразнаго содержанія, историчеткія, генеологическія, географическія, между прочимъ, экземпляры какого-то «Гибнерева статскаго лексикона». Во избѣжаніе опасности оставить подданныхъ совсѣмъ безъ всякихъ книгъ, правительству пришлось предпринять мѣры противъ такой излишней покорности, и оно принуждено было издать новый указъ, изъясняющій, что слѣдуетъ представлять однѣ только книги, заключающія въ себѣ имена извѣстныхъ персонъ, а вовсе не всѣ безъ исключенія, особенно же такія, въ которыхъ «не ино' что, какъ токмо къ Высочайшей Ея Императорскаго Величества славѣ и къ знанію и обученію исторіи дѣтей напечатано, изъ которыхъ ничего исключать не слѣдуетъ» (Сборн. пост. по цензурѣ).

Синодъ, въ свою очередь, въ продолженіе всего царствованія Елизаветы, выказываетъ поразительное усердіе въ цензурномъ отношеніи. Такъ бывшій воспитанникъ духовной академіи Семенъ Тодорскій, учившійся потомъ заграницей и между прочимъ въ Галльскомъ университетѣ, въ бытность свою за-границей, перевелъ и напечаталъ сочиненіе д-ра Арнда, главы германской богословской школы піэтистовъ «Ученіе о началѣ христіанскаго житія». Сочиненіе это было ввезено въ Россію въ нѣсколькихъ экземплярахъ. И вотъ въ началѣ царствованія Елизаветы, именно въ 1743 году, Синодъ представилъ государынѣ докладъ о необходимости изъять эту книгу изъ обращенія, какъ имѣющую «титулу подъ видомъ ревности къ Богу, аки-бы о истинномъ христіанствѣ, добродѣтеляхъ, о прочемъ, а въ Синодѣ оная не

свидѣтельствована». Замѣчательно, что въ числѣ членовъ Синода, подписавшихся подъ докладомъ, значится и имя «Симона, архимандрита Ипатскаго» (Семенъ Тодорскій въ монашествѣ былъ нареченъ Симономъ), т. е. самого переводчика книги, такъ что издатель и переводчикъ книги въ числѣ прочихъ своихъ сочленовъ по св. Синоду самъ ходатайствовалъ о запрещеніи своей книги. Но курьёзнѣе всего то, что когда 9 декабря 1743 г. получился въ Синодѣ высочайшій указъ объ изъятіи этой книги изъ употребленія, рапортовалъ объ этомъ указѣ по начальству все тотъ же архимандритъ Симонъ. Другой подобный безпримѣрный фактъ ходатайства самого автора объ уничтоженіи своей книги, вы едвали найдете во всемірной исторіи цензуры.

Далѣе затѣмъ Синодъ снова обратилъ вниманіе на народныя картинки, которыя, несмотря на всѣ вышеприведенныя мѣры Петра, продолжали печататься безъ всякой цензуры. И вотъ указомъ 18-го октября 1744 г., Синодъ подтвердилъ запрещеніе рѣзать такія изображенія и предписалъ, чтобы всѣ рисунки были представляемы на апробацію епархіальныхъ архіереевъ, затѣмъ чтобы и послѣ апробаціи первый оттискъ снова былъ представляемъ архіерею.

Но Синодъ не ограничился однимъ надзоромъ за печатаніемъ духовныхъ изображеній. Онъ вторгся въ самыя крестьянскія избы и подвергъ надзору всѣ висѣвшія тамъ образа, какъ печатные, такъ и писанные. Этотъ знаменитый указъ Синода 10-го мая 1744, поражаетъ насъ, какъ крайняя степень, до какой доходила у насъ правительственная опека въ прошломъ столѣтіи; замѣчательны между прочимъ и мотивы стыда передъ Западомъ, которые въ настоящемъ случаѣ выставляютъ опекуны. Вотъ что предписываетъ этотъ указъ:

Св. пр. Синодъ, разсуждая: «что въ селахъ и деревняхъ въ крестьянскихъ избахъ на полкахъ святыя иконы стоятъ безъ всякаго о чистотѣ оныхъ наблюдательствъ, и такъ отъ дыму закоптѣли, что и ликовъ не видно; *а понеже многіе иностранные люди по дорогамъ ѣздятъ и становятся для обнощеванія въ крестьянскихъ избахъ, отъ чего имѣетъ быть посмѣяніе;* того ради приказали: отнынѣ поселянамъ черезъ ихъ сельскихъ священниковъ приказать, и впредь тѣмъ священникамъ и посылаемымъ изъ домовъ архіерейскихъ для смотрѣнія церковнаго благочинія смотрѣть, чтобы поселяне святыя иконы въ избахъ своихъ имѣли во всякой чистотѣ, и почасту-бы ихъ обмывали и пыль обметали, а иконы закоптѣлыя велѣть по надлежащему возобновлять; а на которыхъ изображенія весьма не знать, таковыя отобрать приходскимъ священникамъ, учинить оныхъ по пра-

виламъ св. отцовъ, токмо тѣмъ, какъ сельскимъ священникамъ, такъ и посылаемымъ изъ домовъ архіерейскихъ ради смотрѣнія благочинія наикрѣпчайше указами подтвердить, чтобы они при осмотрѣ вышепоказанныхъ иконъ поселянамъ никакихъ обидъ и озлобленій отнюдь не причинили, и никакихъ же взятковъ брать съ нихъ не домогались, подъ опасеніемъ совершеннаго безъ всякой пощады лишенія священства и тяжкаго въ свѣтскомъ судѣ истязанія». (Полн. собр. зак. № 8935. Сборн. отд. р. яз. и сл. им. ак. наукъ т. 27, Русскія нар. картины Д. Ровинскаго, стр. 342).

Люди сколько-нибудь знакомые съ народнымъ бытомъ и имѣющіе хоть каплю воображенія легко могутъ представить себѣ, какія комическія, а подъ часъ и глубоко-трагическія сцены совершались по всей Россіи при исполненіи подобнаго указа. Интересно было бы знать, въ какой степени было осуществимо это исполненіе. За неимѣніемъ никакихъ данныхъ, мы ничего не можемъ сказать относительно первой половины указа, но что касается до послѣдней — именно грознаго заключенія о мздоимствѣ, мы можемъ поручиться, что это заключеніе никого не испугало и осталось безъ всякихъ послѣдствій, и, въ концѣ-концовъ, безъ всякихъ сомнѣній—указъ составилъ не малую доходную статью для весьма многихъ сельскихъ іереевъ.

Но не ограничиваясь вѣдѣніемъ своей духовной области, Синодъ, какъ мы увидимъ ниже, вмѣшивался и въ дѣла совершенно изъятой изъ его вѣдомства Академіи наукъ.

Послѣдняя значительно процвѣла и развернула свою дѣятельность, особенно послѣ назначенія въ президенты ея графа Кирила Разумовскаго 21-го мая 1746 г., и введеніе новаго устава 1747 г., по которому Академія была раздѣлена на собственно Академію и университетъ, и на содержаніе обоихъ учрежденій было ассигновано 53,298 р., т. е. вдвое болѣе противъ суммы, отпускавшейся при Петрѣ Великомъ (24,912 р.). Съ этого времени, съ каждымъ годомъ Академія начинаетъ обогащаться новыми членами, при чемъ появляются академики изъ русскихъ (Крашенинниковъ, Никита Поповъ, Котельниковъ, Румовскій, Софроновъ, Красильниковъ, Козицкій, Мотонисъ). Въ то же время, при увеличеніи въ публикѣ любви къ чтенію книгъ, усиливается и издательская дѣятельность Академіи. До того времени, въ продолженіи 30-хъ годовъ, книжная торговля въ Россіи шла такъ туго и въ академическомъ книжномъ складѣ накопилась такая масса непроданныхъ книгъ, русскихъ и иностранныхъ, что начальникъ академической канцеляріи Нартовъ, со своимъ секретаремъ Волчковымъ, постановленіемъ Академіи 30-го апрѣля

1743 г., представили на разрѣшеніе Сената устроить обязательную продажу русскихъ книгъ по всему государству нетолько въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и прочихъ присутственныхъ мѣстахъ, но и вообще всѣмъ служащимъ, какъ въ гражданской, такъ и въ военной службѣ, которые обязывались волей-неволей покупать въ Академіи книгъ на 5—6 рублей съ каждой получаемой ими сотни рублей жалованья; купцы также должны были участвовать въ этой насильственной покупкѣ «по препорціи своего торгу» [1]. Совершенно не то видимъ мы 10 лѣтъ спустя, и особенно въ 50-хъ годахъ [2]. Продажа книгъ, издававшихся Академіею, и особенно переводныхъ книгъ, не ученаго содержанія, для легкаго чтенія—романовъ, повѣстей, сказокъ—такъ возрасла, что при Академіи учредилась отдѣльная типографія, называвшаяся новой, въ отличіе отъ первоначальной, изъ которой выходили преимущественно ученыя изданія. При основаніи новой типографіи именно имѣлось въ виду «умножить въ оной печатаніе книгъ, какъ для удовольствія народнаго, такъ и для прибыли казенной». И вотъ новая типографія въ огромномъ числѣ экземпляровъ печатала такія изданія, какъ Синопсисъ, Троянская исторія, Повѣсть о раззореніи града Іерусалима, Похожденія Жилблаза-де-Сантипаны, Исторія о Кирѣ младшемъ и пр. Бо̀льшая часть переводчиковъ, являвшихся въ академическую канцелярію съ переводами для изданія, были бывшіе воспитанники академическихъ университета и гимназіи, или же лица, служившія при Академіи наукъ. Особенное расширеніе подобной издательской дѣятельности началось съ 27-го января 1748 года, когда графъ Разумовскій, во время присутствія въ академической канцеляріи, объявилъ именный ея императорскаго величества изустный указъ, коимъ всемилостивѣйше повелѣно» стараться при Академіи переводить и печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ». Слѣдствіемъ этого указа былъ слѣдующій вызовъ, напечатанный въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1748 г., № 10): «понеже многіе изъ россійскихъ, какъ дворянъ, такъ и другихъ разныхъ чиновъ людей находятся искусны въ чужеземныхъ языкахъ, того ради, по указу ея императорскаго величества, канцелярія Академіи наукъ черезъ сіе охотникамъ объявляетъ, ежели кто пожелаетъ какую книгу перевесть съ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго или съ другихъ ка-

---

[1] Пекарскій, Ист. Акад. наукъ, т. II, стр. XIII.

[2] Ibid., стр. LI.

кихъ языковъ, тѣ-бъ явились въ канцелярію Академіи наукъ съ тѣмъ намѣреніемъ, что отъ нихъ сперва будутъ пробы взяты ихъ переводовъ, а потомъ буде найдется ихъ искуство къ переводу книгъ, то дана будетъ книга для переводу. А какъ скоро оная будетъ переведена и, переписавъ на чисто, принесена въ канцелярію, то за труды оному по напечатаніи съ его именемъ, ежели онъ пожелаетъ, выдано ему будетъ въ подарокъ сто печатныхъ экземпляровъ той же книги». Такимъ образомъ первые гонорары, получавшіеся русскими писателями и переводчиками, представлялись въ видѣ оттисковъ ихъ сочиненій. Но потомъ переводчики стали требовать и денежнаго вознагражденія, а подъ конецъ встрѣчались примѣры и полистной платы. Между лицами, входившими въ подобныя сдѣлки съ академической канцеляріей, встрѣчаются имена фонъ-Визина, Лукина, А. Нартова и др. Такимъ образомъ здѣсь впервые возникли вопросы о литературной собственности и вознагражденіи за умственный трудъ въ Россіи.

Вся эта масса изданій выпускалась въ свѣтъ подъ отвѣтственностью Академіи наукъ, внѣ какого-либо контроля свыше. Исключеніе составляли однѣ «С.-Петербургскія Вѣдомости», которыя указомъ 18-го марта 1742 г. были подчинены цензурѣ сенатской конторы, потому что «въ печатныхъ въ С.-Петербургѣ Россійскихъ Вѣдомостяхъ Академіи наукъ являются напечатанныя многія несправедливости, какъ и въ печатныхъ февраля 26-го дня сего года подъ № 17, напечатано, якобы того числа, Ея Императорское Величество Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Михаила Бестужева пожаловала кавалеріею Св. Апостола Андрея, каковаго пожалованія отъ Ея Императорскаго Величества не бывало» (Сборн. росп. и постан. по цензурѣ). Но подобный указъ, касаясь лишь однѣхъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», нисколько не простирался на всѣ прочія изданія Академіи.

V.

Въ половинѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, дѣятельность Академіи ознаменовалась новымъ предпріятіемъ, весьма важнымъ въ исторіи нашей литературы, именно изданіемъ перваго ученолитературнаго журнала. Уже съ 1828 г. конференцъ-секретаремъ Академіи Миллеромъ были выпускаемы въ свѣтъ отъ Академіи, въ видѣ приложеній къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», такъ называвшіяся «Примѣчанія». Въ нихъ помѣщались статьи самаго разнороднаго содержанія, оригинальныя и переводныя, изло-

женныя въ популярной, доступной для публикѣ формѣ. Въ смутный для Академіи наукъ 1742 годъ (суда надъ Шумахеромъ), «Примѣчанія» эти прекратились и болѣе не возобновлялись; тѣмъ не менѣе, они такъ пришлись по вкусу читателей, что долгое время спустя ихъ перепечатывали и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. Въ половинѣ 50-хъ годовъ о нихъ вспомнили, и по предложенію президента академіи Разумовскаго отъ 12-го декабря 1754 г., былъ учрежденъ при академіи ежемѣсячный журналъ «Санктпетербургскія академическія примѣчанія» (переименованный потомъ въ «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія»). Редакторомъ назначался Миллеръ, вполнѣ самостоятельнымъ, какъ отъ конференціи, такъ и отъ канцеляріи Академіи; статьи, назначаемыя въ журналъ, утверждались къ печатанію его разрѣшительною подписью. Онъ обязывался заботиться о статьяхъ для журнала и соблюденіи порядка при доставленіи ихъ отъ академиковъ. Въ случаѣ недостатка такихъ статей, книжку журнала дозволялось «дополнять какимъ ни на есть переводомъ, чьимъ бы то ни было, или стихами, въ которыхъ, по усмотрѣнію, соединено будетъ полезное забавному». Такъ какъ журналъ предназначался для большинства читающей публики, то было оговорено, что «изъ высокихъ наукъ, яко то: астрономическихъ наблюденій и изчисленій, изъ физики, математическими вычетами, изъясняемой, изъ анатомичискихъ примѣчаній, которыхъ разумѣть невозможно безъ знанія самой анатоміи, и ничего тому подобнаго въ помянутыя книжки не вносить». Въ то же время было положено исключить вовсе изъ журнала статьи богословскія и вообще всѣ, касающіяся до вѣры, а равнымъ образомъ статьи критическія или такія, которыми могъ бы кто оскорбиться.

Журналъ предположено было издавать ежемѣсячно въ размѣрѣ 6 листовъ въ каждомъ номерѣ и подписная плата была назначена въ 2 рубля, дешевле «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», за которыя годовые подписчики платили 2 р. 50 к. Журналъ первоначально печатался въ количествѣ 2,000 экземпляровъ, но такъ какъ число подписчиковъ никогда не простиралось сверхъ 700, то въ январѣ 1758 г., академическая канцелярія велѣла печатать журналъ въ количествѣ 1,250 экземпяровъ [1].

Исторія этого перваго на Руси литературнаго журнала представляетъ весьма печальную картину. Та крайняя деморализація общества, о которой мы выше говорили, не замедлила про-

---

[1] Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ академика П. Пекарскаго. Спб. 1867 г.

явиться во всемъ своемъ безобразіи въ этомъ почтенномъ предпріятіи. Начать съ того, что маленькая кучка людей науки и литературы, составлявшая въ то время все умственное богатство Россіи и которую всю можно было вмѣстить въ небольшую комнатку, была поголовно перессорившись между собою. Всѣ они только и дѣлали, что взаимно препирались и строили другъ другу всякіе подвохи и каверзы. Сатиры и эпиграмы были самымъ благороднымъ и невиннымъ оружіемъ въ этой борьбѣ. Но противники не ограничивались этимъ: они при всякомъ случаѣ осыпали другъ друга градомъ ругательствъ и дѣло доходило чуть не до рукопашныхъ схватокъ. Не довольствуясь и этимъ, они вспоминали годы своей юности, достопамятную эпоху «слова и дѣла», и разражались противъ своихъ враговъ устными или письменными доносами, стараясь очернить политическую благонадежность ближняго. Такъ съ самаго начала существованія Академіи въ нѣдрахъ ея боролись двѣ партіи: русская, съ Ломоносовымъ во главѣ, и нѣмецкая, подъ предводительствомъ Шумахера и Миллера. Но въ то время, какъ нѣмцы были тѣсно сплочены въ одну дружную семью, русскіе столпы науки и литературы, всѣ были чуть не на ножахъ другъ съ другомъ. Особенно Ломоносовъ, Тредьяковскій и Сумароковъ кипѣли взаимною непримиримою ненавистью. Это была необузданная вражда литературныхъ самолюбій, которыя, ни мало не скрываясь, свободно проявлялись во всей своей грубой наготѣ. Въ разгарѣ этой борьбы забывались нетолько всѣ приличія нравственныя и культурныя, но и тѣ общественныя, просвѣтительныя цѣли, которымъ была посвящена жизнь и дѣятельность этихъ людей. Дошло дѣло до такого крайняго извращенія, что роли правительства и литераторовъ получились совершенно обратныя тому представленію, какое объ этихъ роляхъ имѣется въ настоящее время. Такъ мы видимъ, что въ то время, какъ правительство основываетъ журналъ безъ всякихъ политическихъ цѣлей, съ единственнымъ, вполнѣ искреннимъ желаніемъ развить въ обществѣ любовь къ чтенію и образованіе, столпы литературы и науки нетолько отстраняются отъ этого предпріятія, но и всячески противодѣйствуютъ ему изъ грубо-эгоистическихъ побужденій самаго низменнаго свойства. Правительство желаетъ дать какъ можно болѣе простору для возникающаго предпріятія и не подвергаетъ его никакой цензурѣ, довольствуясь личною отвѣтственностью редактора. Столпы же, какъ увидимъ ниже, всячески хлопочатъ о томъ, какъ бы подвергнуть журналъ наиболѣе строгой цензурѣ.

Что касается до членовъ Академіи, то они отнеслись къ жур-

налу крайне безучастно. Съ самаго начала изданія и до конца Миллеръ не переставалъ жаловаться на малое содѣйствіе ему въ этомъ дѣлѣ со стороны членовъ, что на немъ одномъ лежитъ изданіе журнала; изъ прочихъ же академиковъ мало кто доставлялъ статьи, а переводчики и корректоры такъ плохо исполняли дѣло, что Миллеру приходилось все исправлять самому. Посторонніе сотрудники, каковы Сумароковъ, Ив. Гр. Елагинъ, Херасковъ, А. Нартовъ, Порошинъ, П. Рычковъ, были гораздо усерднѣе, чѣмъ члены Академіи. Впрочемъ, нѣкоторыхъ Миллеръ и самъ иногда отстранялъ; такъ напримѣръ, изъ всѣхъ членовъ наибольшее участіе въ журналѣ принялъ было съ начала его изданія Тредьяковскій. Въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» были напечатаны двѣ прозаическія статьи его и одно стихотвореніе. Но потомъ Миллеръ сталъ отказывать Тредьяковскому въ помѣщеніи его произведеній, а Тредьяковскій между тѣмъ приготовилъ было нѣсколько сочиненій, въ томъ числѣ «Объ окончаніи нашихъ прилагательныхъ множественныхъ мужскихъ именъ». Тогда Тредьяковскій обратился къ Миллеру съ требованіемъ объясненій: «по какой бы онъ власти и по чьему повелѣнію, лишаетъ меня моего законнаго права тѣмъ, что моихъ піесъ не принимаетъ отъ меня въ книжки, и аппробованныхъ не печатаетъ? Но онъ мнѣ на то съ презрѣніемъ, какъ будто должнымъ уже и заслуженнымъ, отвѣтствовалъ при всемъ же собраніи, что не долженъ мнѣ ничего сказать, сколько-бъ я его ни спрашивалъ. Гдѣ-жъ то узаконено, продолжаетъ Тредьяковскій, чтобъ члену секретарь не долженъ былъ ничего сказывать? Трудно-бъ терпѣть и великодушному человѣку, бывшему на моемъ мѣстѣ. Однако, я извнѣ замолчалъ, а внутри раздирался на части!..»

Такая неудача въ помѣщеніи своихъ произведеній въ журналѣ навела Тредьяковскаго на мысль, что Миллеръ не печатаетъ его произведеній изъ личной непріязни къ нему, и вотъ стихотворецъ прибѣгъ къ хитрости. Онъ поручилъ Андрею Нартову, усердному сотруднику «Ежемѣсячныхъ сочиненій», передать свои статьи редактору отъ имени Нартова. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ: «Сочинилъ я оду, назвавъ ее «Вешнее тепло», и тѣмъ утаивъ мое имя въ двухъ начальныхъ буквахъ, да и вручилъ конференцъ-секретарю посторонними руками. Расхвалена сія ода, и въ книжкахъ напечатана. Хотя-жъ мнѣ и посчастливилось въ подставѣ чужого автора; однако, сей самый успѣхъ низвергъ меня почитай въ отчаяніе: ибо увидѣлъ подлинно, что презрѣніе стремится токмо на меня, а не на труды мои. Сіе самое испыталъ я и еще двумя пошлыми піесами, изъ которыхъ

первая о безпорочности и пріятности деревенскія жизни, а другая о школѣ и червяхъ шолковыхъ. Первая оная такъ типографщиками изгажена, что я въ сомнѣніе пришелъ, не нарочно ли сіе сдѣлано для безчестія мнѣ, можетъ быть, почувствовавши, что она моя. Писалъ я для того письмо къ издателю, и жаловался, что такъ дурно съ сочиненіемъ моимъ поступлено, но онъ, свѣдавъ уже подлиннѣе о мнѣ, уничтожилъ токмо вторую, хотя и прошена была назадъ о шолкѣ»...

Послѣ этого Миллеръ нанесъ еще нѣсколько обидъ горемычному Тредьяковскому. Такъ 12 мая 1755 г. было занесено въ отчетъ о засѣданіи, что рѣшено напечатать въ журналѣ представленную Сумароковымъ эпистолу, въ которой онъ опровергаетъ разсужденіе Тредьяковскаго о древнемъ, среднемъ и новомъ стихосложеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено на волю Тредьяковскаго сообщить свой отвѣтъ. Миллеръ эпистолу Сумарокова напечаталъ въ августовской книжкѣ съ нѣкоторыми выходками противъ плохого стихотворца, отвѣтъ же Тредьяковскаго не былъ помѣщенъ въ журналѣ. Наконецъ, въ протоколѣ академической конференціи 4-го октября, Миллеръ записалъ, что за разногласіемъ академиковъ представлены были на усмотрѣніе президента Академіи наукъ стихи Сумарокова и басня Тредіаковскаго. Первые графъ Разумовскій велѣлъ потомъ напечатать въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ». О баснѣ же Традіаковскаго ни запрещенія, ни разрѣшенія отъ президента не послѣдовало, а такъ какъ въ ней есть жесткія выходки противъ русскихъ поэтовъ, которые, по малочисленности своей, всѣ могли счесть это себѣ за оскорбленіе, то приняли за лучшее не пропускать басни въ печати. При подписаніи этого протокола Тредіаковскій протестовалъ, утверждая, что никакого разногласія членовъ не было, и что Миллеръ не пропускаетъ басни самовольно, а онъ, Тредіаковскій, не признаетъ его власти надъ собою.

Это было послѣднею каплею, переполнившую чашу гнѣва Тредьяковскаго. Убѣдившись послѣ этого, что онъ не въ силахъ бороться съ Миллеромъ въ нѣдрахъ Академіи и заставить послѣдняго печатать его произведенія, Тредьяковскій выступилъ на поприще доноса: 13-го октября 1755 г., онъ подалъ въ Синодъ доношеніе, въ которомъ выступаетъ разомъ противъ двухъ своихъ противниковъ: Миллера и Сумарокова. Вотъ что онъ пишетъ въ своемъ доношеніи:

«Читая сентябрьскую книжку «Ежемѣсячныхъ сочиненій» сего 1755 года, нашелъ я, именованный, въ ней оды духовныя, сочиненныя г. полковникомъ Александромъ Петровымъ Сумароковымъ, между которыми и оду, надписанную изъ псалма 106, а

въ ней увидѣлъ, что она съ осьмыя строфы по первую на десять включительно говоритъ отъ себя, а не изъ псаломника о безконечности вселенныя и дѣйствительномъ множествѣ міровъ, а не о возможномъ по всемогуществу Божію. И понеже «Ежемѣсячныя книжки» обращаются многихъ читателей руками, изъ которыхъ иные могутъ и въ соблазнъ придти; того ради по ревности и вѣрѣ моей истинному слову Божію, въ священномъ писаніи вѣщающему, о такой помянутой оды лжи на псаломника покорнѣйше донося, извѣщаю. При отношеніи приложено было пространное изъясненіе, оканчивающееся такимъ образомъ: «но какъ ни есть; только-жь въ псалмѣ 106-мъ не упоминается ниже о возможномъ множествѣ міровъ, а толь меньше еще о дѣйствительной безконечности вселенныя; но токмо изъясняется въ немъ Промыселъ Божій, наводящій на человѣковъ разныя искупленія, и подвергающій ихъ различнымъ бѣдствіямъ, дабы они прибѣгали къ нему, взывали его и боялись, да и прославляли милость его и щедроту». Надобно думать, что этотъ поступокъ Тредьяковскаго скоро сдѣлался извѣстенъ Сумарокову, потому что 1-го ноября 1755 г., онъ прислалъ въ академическое собраніе бумагу, въ которой было много яростныхъ выходокъ противъ Тредьяковскаго и просьба о недопущеніи его судить на будущее время произведенія разсерженнаго поэта [1].

Слѣдуетъ взять при этомъ во вниманіе, что донесеніе Тредьяковскаго имѣло тѣмъ болѣе злостный характеръ, что Тредьяковскій зналъ, куда доносилъ. Не говоря уже о томъ, что Синоду по закону принадлежала цензурная власть надо всѣмъ, касающемся религіи, въ лицѣ Синода представлялся заклятой врагъ Академіи: духовенство того времени въ учрежденіи Академіи не признавало никакой пользы, а напротивъ подозрѣвало одно лишь потрясеніе основъ религіи и постоянно вопило противъ безбожія, будто бы разсѣваемаго въ академическихъ изданіяхъ. Академиковъ громили въ церковныхъ проповѣдяхъ, о чемъ мы можемъ судить по тому, что Ломоносовъ въ 1759 г., въ числѣ преимуществъ академическаго университета полагалъ помѣстить: «духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвященія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ». До какого сильнаго озлобленія противъ науки и ученыхъ доходили духовные чины того времени, можно заключить изъ слѣдующаго анекдота того времени: въ 1749 г., священникъ при церкви св. Самсонія въ Петербургѣ, Симеонъ Лукинъ, узнавъ, что вмѣстѣ съ нимъ въ гостяхъ находились

---

[1] Ред. сотр. и ценз. И. Пекарскаго стр. 15—17, 41—45.

академическіе граверы и вообразивъ, что и они принадлежатъ къ ученому сословію, долгомъ счелъ сказать: «я-де ученыхъ людей вездѣ не люблю на смерть: старанія-де и труды изъ такихъ людей происходятъ больше ничего, какъ пустыя враки!» [1].

Вотъ въ какой мракъ кромѣшный направилъ Тредьяковскій ядъ своей мести. Синодъ, впрочемъ, на оду Сумарокова не обратилъ особеннаго вниманія, но во всякомъ случаѣ доношеніе Тредьяковскаго принялъ къ свѣдѣнію и, 24-го дек. 1756 г., отнесся въ академическую канцелярію съ бумагою слѣдующаго содержанія: «Усмотрѣно, что между выходами изъ оной Академіи «Ежемѣсячными примѣчаніями» включено въ сочиненія «О величествѣ Божіи размышленія», а кто оныхъ переводитель и съ какого автора, то неизвѣстно... того, ради... послать... указъ, чтобъ о таковомъ сочиненіи, съ каковаго оное автора и кѣмъ именно переводится, оригиналъ немедленно взнесись къ разсмотрѣнію святѣйшему Синоду»!.. На запросъ, сдѣланный по этому поводу Миллеру, онъ отвѣчалъ, что переводчикомъ статьи, обратившей на себя вниманіе Синода, былъ подпрапорщикъ шляхетнаго кадетскаго корпуса Семенъ Порошинъ, и что онъ переводилъ ту статью изъ собственной своей книги «Увеселеніе разума», которая и нынѣ, прибавилъ Миллеръ въ заключеніе, находится у него, и того для въ канцелярію взнесена мною быть можетъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ декабрѣ 1756 года послѣдовалъ отъ Синода докладъ на высочайшее имя слѣдующаго содержанія: «Понеже усматриваемъ, что въ ежемѣсячныхъ, изъ санктпетербургской Академіи выходящихъ, примѣчаніяхъ не токмо много честнымъ нравамъ и житію христіанскому, но и вѣрѣ святой противнаго пишется, особенно нѣкоторыя и переводы и сочиненія находятся, многія, а индѣ и безчисленные міры быти утверждающіе, что и св. писанію, и вѣрѣ христіанской крайне противно есть, и многимъ не утвержденнымъ душамъ причину къ натуралезму и безбожію подаетъ, того ради всеподданѣйше о семъ донося, падши къ стопамъ вашего императорскаго величества»... Далѣе слѣдуетъ прошеніе во-первыхъ, о запрещеніи во всей Россіи писать и печатать о множествѣ міровъ, а во-вторыхъ, конфисковать какъ «Ежемѣсячныя сочиненія», такъ и переводъ князя Кантемира сочиненія Фонтенелля о множествѣ міровъ».

Если докладъ этотъ остался безъ послѣдствій, то конечно, потому, что какъ Академія вообще, такъ въ особенности Миллеръ со своими «Ежемѣсячными сочиненіями» были подъ осо-

---

[1] Ист. ак. наукъ И. Пекарскаго, т. II, стр. L.

беннымъ покровительствомъ такихъ сильныхъ людей, каковы были графы Разумовскіе, которые, судя по всему, не имѣли ни малѣйшей наклонности ни къ ханжеству, ни къ враждѣ противъ науки и просвѣщенія въ своемъ отечествѣ.

Замѣчательно, что Тредьяковскій послѣ своего доноса не замедлилъ и самъ подвергнуться бичу той же духовной цензуры Синода. Между прочимъ, онъ переложилъ псалмы Давида и написалъ книгу подъ заглавіемъ «Өеоптія». Сочиненія эти, какъ касающіяся религіи, были представлены на разсмотрѣніе Синода, и 24-го февраля 1755 года выдано было нашему писателю изъ Синода свидѣтельство, въ которомъ значилось, что сочиненія его были разсмотрѣны преосвященнымъ Сильвестромъ, архіепископомъ санктпетербургскимъ и шлюссельбургскимъ и архимандритомъ Троицкаго Александроневскаго монастыря и преосвященнымъ Гавріиломъ, епископомъ Коломенскимъ и Каширскимъ; и что по прочтеніи тѣхъ книгъ въ оныхъ никакой противности церкви святой не присмотрѣно.

Но напечатать эти сочиненія въ академической типографіи Тредьяковскому не удалось, и онъ въ апрѣлѣ 1757 года обратился съ просьбой въ Синодъ, чтобы ему было разрѣшено напечатать эти книги въ московской синодальной типографіи славянскими буквами, а главное дѣло—въ кредитъ, «и денегъ за напечатаніе, писалъ онъ въ своей просьбѣ: не спрашивать съ меня за нее, пока не выберется сумма, въ кою станутъ матеріалы съ печатаніемъ: ибо я человѣкъ весьма не богатый, такъ что не продавъ книгъ, не могу имѣть надлежащія тоя суммы...»

Синодъ, въ уваженіе бѣдности Тредьяковскаго, согласился на его ходатайство и послалъ рукопись его для печатанія въ синодальную типографію въ Москву. Тредьяковскій 1-го мая 1757 года, написалъ вслѣдствіе того письмо къ справщикамъ «московскія древнія типографіи», въ которомъ чрезвычайно подробно объяснялъ, какъ онъ желаетъ, чтобы печатали его рукопись церковными буквами. Несмотря, однако, на разрѣшеніе Синода, судьбѣ неугодно было, чтобы Псалтирь и Өеоптія Тредьяковскаго были напечатаны. Вмѣсто исполненія синодскаго указа о печатаніи, изъ синодальной типографіи была представлена въ синодъ «выписка о сумнительствахъ въ Өеоптіи находящихся»; замѣчательно здѣсь то, что между разными придирками къ Тредьяковскому встрѣчаются обвиненія въ распространеніи нашимъ ревнителемъ чистоты православія мыслей, противныхъ св. Писанію, а именно, что онъ въ стихахъ говорилъ, будто земля вертится, а солнце стоитъ, что луна ходитъ вслѣдъ за землею и т. п. Между подобными замѣчаніями встрѣчается въ концѣ и

такое: «встарь вм. встарину, весьма подло!» Выписка обо всѣхъ этихъ сумнительствахъ произвела свое дѣйствіе:—цензурное опредѣленіе преосвященныхъ Сильвестра и Гавріила, равно какъ и распоряженіе Синода о печатаніи книгъ Тредьяковскаго были отмѣнены и сочиненія Тредьяковскаго были подвергнуты запрещенію. Такимъ образомъ ему самому пришлось нежданно-негаданно испить изъ той самой чаши, которую онъ подносилъ своимъ собратьямъ [1].

Всѣ эти факты опредѣленно показываютъ намъ, въ чемъ заключалась главная причина враждебнаго отношенія духовенства къ Академіи наукъ и вообще къ свѣтскимъ ученымъ. Придерживаясь буквѣ св. писанія, духовенство никакъ не могло помириться съ такими истинами науки, какъ существованіе множества міровъ, система Коперника и, упорно держась праотеческихъ астрономическихъ воззрѣній, заключающихся въ томъ, что весь міръ состоитъ въ одномъ земномъ шарѣ, вокругъ котораго вращаются и солнце, и луна, и всѣ свѣтила небесныя, въ малѣйшемъ отступленіи отъ этихъ ветхо-завѣтныхъ воззрѣній, видѣло ересь и колебаніе религіозныхъ основъ. Для пополненія характеристики подобнаго отношенія нашего духовенства XVIII вѣка къ свѣтской наукѣ, приводимъ здѣсь кстати еще одинъ фактъ цензурнаго преслѣдованія Синодомъ книги за ея астрономическіе взгляды.

Въ 1858 году студентъ академіи наукъ Николай Поповскій перевелъ извѣстное сочиненіе Попе «Опытъ о человѣкѣ». Переводъ этотъ былъ исполненъ Поповскимъ по указанію Ломоносова стихами съ прозаическаго французскаго перевода Силуэтта. Но духовная цензура остановила печатаніе этого изданія, найдя, что «издатель оныя книги ни изъ св. Писанія, ни изъ содержимыхъ въ православной нашей церкви узаконеній ничего не заимствуя, единственно всѣ свои мнѣнія на естественныхъ и натуральныхъ понятіяхъ полагаетъ, присовокупляя къ тому и Коперникову систему, такожъ и мнѣнія о множествѣ міровъ, св. Писаніе совсѣмъ несогласныя».

Тогда графъ Шуваловъ, признававшій книгу Попоовскаго «весьма небезполезною учащемуся юношеству» и принявшій ее подъ свое особенное покровительство, передалъ ее для новаго просмотра архіепископу Амвросію, человѣку, «разумъ котораго, по отзыву Новиковскаго словаря о россійскихъ писателяхъ, былъ просвѣщенный, чуждъ суевѣрія и лицемѣрія». Просвѣщенный архіепископъ озаботился, чтобы въ переводѣ Поповскаго не оста-

---

[1] Ист. акад. наукъ П. Пекарскаго, т. II, стр. 203—205.

лось ничего о «множествѣ міровъ, Коперниковой системы и натурализму склоннаго» и выпустилъ массу «сумнительныхъ мѣстъ», замѣченныхъ прежнею цензурою и, кромѣ того, призналъ необходимымъ передѣлать нѣсколько стиховъ, ускользнувшихъ отъ вниманія прежняго цензора. Вмѣсто выпущенныхъ стиховъ, онъ помѣстилъ свои собственные, заимствовавъ ихъ изъ имѣвшагося у него подъ рукою стихотворнаго перевода Попе аббата Дю-Реналя. Такимъ образомъ были выпущены или замѣнены, между прочимъ, слѣдующіе стихи, приводимые нами для примѣра, что считалъ просвѣщенный Амвросій предосудительнымъ въ цензурномъ отношеніи:

Хотя тѣмъ мірамъ нѣтъ предѣловъ, ни числа,
Въ которыхъ Богъ свои являетъ намъ дѣла.

—

Какъ многія живутъ и разны существа
На каждой изъ планетъ для славы божества.

—

Онъ столько смертному далъ совершеннымъ быть,
Сколь много совершенствъ онъ могъ въ себя вмѣстить.

—

Различными страстьми туда мы и сюда,
Какъ сильнымъ вѣтромъ тростъ колеблемся всегда.

—

Превѣчной цѣпи сей, что утвердилъ Творецъ,
Скажи, о смертный мнѣ, нашелъ ли ты конецъ.

А вотъ образецъ передѣлокъ:

Которой кожей *волкъ* отъ мраза прежде грѣлся,
Въ ту нынѣ ужъ герой или монархъ одѣлся.

Здѣсь слово волкъ замѣнено словомъ звѣрь.

Стихи:

Ни звѣрской лютостью наполненный тиранъ,
Ни крови жаждущій разбойникъ согражданъ.

Измѣнены такъ:

Ни сильный въ державѣ надъ подданными царь,
Ни земли орющій для податей пахарь.

Такъ какъ стихи, вставленные Амвросіемъ, оказались и безъ риемъ, и безъ всякаго размѣра, какъ мы можемъ объ этомъ судить по послѣднему приведенному нами образцу, то Шуваловъ предложилъ Поповскому исправить эти вставленные стихи и согласовать ихъ съ размѣромъ всего сочиненія. Но Поповскій отказался исполнить желаніе куратора и навязать Попе мысли, которыхъ не было въ его «Опытѣ», ссылаясь на трудность подобной работы. Вмѣсто этого, онъ въ первомъ изданіи своего перевода выдѣлилъ цензурные стихи отъ своихъ собственныхъ,

напечатавъ первые болѣе крупнымъ шрифтомъ, чѣмъ текстъ. Сверхъ того Поповскій, предполагалъ объяснить происхожденіе стиховъ, напечатанныхъ крупнымъ шрифтомъ въ предисловіи къ книгѣ, но Шуваловъ удержалъ его отъ этого и Поповскій ограничился слѣдующимъ намекомъ въ концѣ предисловія: «Какъ матерія сія нѣжная, то можетъ найтись *кому-нибудь* нѣчто и сомнительное въ разсужденіи нашей религіи, въ чемъ, однако, *справедливый* читатель меня извинитъ для двухъ причинъ: первая, что я не богословъ, и потому простительно мнѣ будетъ, естьли гдѣ не могъ усмотрѣть несходства съ нашею религіею; второе, что я не критикомъ былъ, но переводчикомъ; слѣдовательно, хотя бы и усмотрѣлъ нѣчто противное, однако, *поправлять не имѣлъ никакого права.* Я только старался какъ можно ближе подходить къ французскому переводу; и такъ *сумнительныя* мѣста могутъ больше причтены быть французскому переводчику, которому я слѣдовалъ, нежели мнѣ» [1].

Все это показываетъ намъ на неуклонное стремленіе духовенства нашего XVIII вѣка попрать свѣтскую ученость, и если духовенство оказывалось безсильнымъ во всѣхъ своихъ попыткахъ подобнаго рода, то благодаря лишь преобладавшимъ надъ нимъ свѣтскимъ властямъ, которыя стояли во главѣ возникавшаго просвѣщенія въ Россіи и, всячески покровительствуя ему, въ тоже время ни мало не раздѣляли фанатическихъ воззрѣній духовныхъ особъ.

VI.

Отношенія Ломоносова къ «Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ» [2] и редактору ихъ Миллеру нисколько не лучше отношеній Тредьяковскаго и отличаются такимъ же кляузническимъ характеромъ. И здѣсь дѣло начинается съ придирокъ и всякаго рода протестовъ, а кончается доносами. И здѣсь вы видите, что въ основаніи поступковъ Ломоносова лежатъ не какія-либо высшія и безкорыстныя цѣли общественнаго блага, а низменныя побужденьица самаго эгоистическаго свойства. Дѣло заключалось просто въ томъ, что самолюбіе Ломоносова было дважды уязвлено:

---

[1] Русскій архивъ, 1872 г., № VII, стр. 1,311 — 1,322, ст. Тихонравова «Исторія изданія «Опыты о человѣкѣ», въ переводѣ Поповскаго».

[2] Всѣ свѣдѣнія объ отношеніяхъ Ломоносова къ «Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ» взято изъ брошюры П. Пекарскаго: «Ред. сотрудн. цензура въ русск. журн».

не говоря уже о томъ, что онъ былъ обойденъ въ назначеніи редактора вновь возникавшаго журнала, мало этого: редакторомъ былъ назначенъ заклятый врагъ его, соперникъ и антагонистъ по вопросу о происхожденіи Руси — Миллеръ. Этого не могъ простить Ломоносовъ и съ самаго возникновенія журнала всталъ въ непримиримо враждебныя отношенія къ предпріятію, во всякомъ случаѣ заслуживающему полнаго уваженія. Такъ при самомъ первомъ обсужденіи академической конференціи характера журнала, онъ внесъ предложеніе, чтобы статьи, предназначаемыя въ журналъ, подвергать предварительному просмотру академическаго собранія. И въ этомъ случаѣ Тредьяковскій высказалъ себя либеральнѣе Ломоносова, такъ какъ возсталъ противъ подобной предварительной цензуры и совершенно правильно возразилъ, что эта мѣра можетъ подать поводъ къ пререканіямъ и напрасной тратѣ времени. Графъ Разумовскій согласился съ мнѣніемъ Тредьяковскаго и, какъ мы выше видѣли, въ предложеніи академическому собранію 12-го декабря 1754 г. объявилъ, что согласно заключенію академиковъ предполагаемый журналъ, подъ названіемъ «Санктпетербургскія академическія примѣчанія», поручается подъ смотрѣніе секретарю конференціи, т. е. Миллеру.

14-го декабря 1754 года, Миллеръ прочиталъ въ академическомъ собраніи приготовленное имъ предисловіе къ первой книжкѣ журнала, и чтеніе это было выслушано академиками безъ возраженій. Но мѣсяцъ спустя (11-го января 1755 года), Ломоносовъ потребовалъ корректуры заглавнаго листа и предисловія журнала и заявилъ въ академическомъ собраніи, что «сей титулъ и предисловіе при дворѣ ея императорскаго величества очень раскритикованы и надлежитъ-де оба перемѣнить. А особливо о титулѣ сказалъ онъ, что хотя назвать книгу санктпетербургскими штанами, то сіе таково-жъ прилично будетъ, какъ имя «Примѣчанія», потому что и стихи вноситься будутъ, а стихи-де не примѣчанія».

Миллеръ возражалъ, что журналу дано заглавіе по латинской пословицѣ a potiori fit denominatio, но Ломоносовъ этимъ не удовлетворился и приступилъ къ разбору предисловія. Уже на первой строкѣ ему не понравилось выраженіе «ученые журналы». Миллеръ, отличавшійся, по свидѣтельству Шлёцера, въ спорахъ язвительностью, защищая въ настоящемъ случаѣ это выраженіе, промолвилъ: «Ежели г. Ломоносовъ то не знаетъ, то надлежитъ-де ему поучиться!» Эти слова окончательно разсердили Ломоносова, и онъ сталъ упрекать Миллера, что онъ его посылаетъ учиться въ школу, «а онъ-де человѣкъ такой, что ему-де съ

нимъ равняться никакъ невозможно!» При этомъ Ломоносовъ утверждалъ, что на иностранныхъ языкахъ можно сказать «Journal littéraire, Gelehrte Zeitungen», но по-русски такъ не говорится. Въ споръ вмѣшался Тредьяковскій, утверждая, что если говорятъ: ученое собраніе, ученыя дѣла, ученыя письма, то стало быть можно сказать и ученый журналъ. По свидѣтельству Миллера, въ продолженіи этихъ пререканій, ему много досталось отъ Ломоносова «безчестныхъ порицаній», о которыхъ онъ умалчиваетъ только «для краткости». Свое донесеніе объ этомъ событіи Миллеръ оканчиваетъ догадкою, что «можетъ быть, г. Ломоносовъ недоволенъ тѣмъ, что дѣло сіе положено на меня, и онъ развѣ думаетъ, что онъ гораздо лучше оное исправлять можетъ». Въ такомъ случаѣ конференцъ-секретарь предлагалъ возложить на Ломоносова обязанности по изданію журнала, «токмо, чтобы онъ обязался, что за нимъ никогда остановки не будетъ...» Если же журналъ останется въ рукахъ его, Миллера, то онъ просилъ, чтобы ему быть внѣ зависимости отъ критики Ломоносова, такъ какъ у него съ нимъ «великая ссора была» по поводу диссертація о происхожденіи руссовъ. На этотъ разъ, мнѣніе Ломоносова одержало верхъ и журналъ былъ переименованъ въ «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія», и подъ этимъ заглавіемъ журналъ выходилъ до 1758 года, когда заглавіе было снова измѣнено, именно: «Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащія».

Затѣмъ до марта 1757 года мы не видимъ никакого вмѣшательства Ломоносова въ дѣла журнала. Миллеръ выпускаетъ книжки совершенно самостоятельно и лишь въ сомнительныхъ случаяхъ обращается къ графу Разумовскому, который и разрѣшаетъ эти «нѣкоторыя сумнительства». Но вотъ 1-го марта 1757 года, Ломоносовъ дѣлается членомъ академической канцеляріи, а графъ Разумовскій уѣзжаетъ изъ столицы, и вотъ на «Ежемѣсячныя сочиненія» начинаютъ сыпаться мѣры на этотъ разъ уже чисто цензурнаго свойства. Такъ для мартовской книжки набиралась статья бывшаго академическаго, а тогда синодальнаго переводчика Григорія Полетики: «О началѣ, возобновленіи и распространіи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи», и Миллеръ 7-го марта 1757 года просилъ о напечатаніи 100 отдѣльныхъ оттисковъ ея въ вознагражденіе автора. 8-го марта академическая канцелярія вытребовала эту статью Полетики. Въ тотъ же день Миллеръ представилъ туда на предварительное разсмотрѣніе эпиграмму Сумарокова. И вотъ 11-го марта Ломоносовъ объявилъ Миллеру на словахъ, что статью Полетики «печатать не пристойно, понеже

въ оной съ X вѣка послѣ Рождества Христова по XVII вѣкъ ни о какихъ школахъ въ Россіи не упомянуто; а были-де еще при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ архитекторы, выписанные изъ Италіи; и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ началась-де типографія: чтò-де все подлежало было описать, и упомянуто-де только о кіевскихъ школахъ, а не о московскихъ. Чего ради надлежитъ сію піэсу выкинуть изъ «Ежемѣсячнаго сочиненія» и на то мѣсто взнесть что-нибудь другое...»

Миллеръ, съ своей стороны, возразилъ на это: «Когда ни въ какихъ лѣтописяхъ, ниже въ другихъ извѣстіяхъ, которыя г. сочинитель къ сему своему сочиненію употребилъ, какъ я подлинно увѣренъ, не упоминается о школахъ, въ то время бывшихъ, то и отъ него, г. сочинителя, требовать не можно. Иное есть архитектура или практика архитектурная, иное архитектурная школа. Были-де при великихъ князьяхъ московскихъ и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и медики, токмо не было медицинской школы». Затѣмъ Миллеръ, опираясь на первоначальное опредѣленіе, что журналъ долженъ издаваться безъ вмѣшательства канцеляріи, отстаивалъ свое право помѣщать въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» статьи по своему усмотрѣнію.

Но доводы Миллера не убѣдили канцелярію, и 13-го марта онъ получилъ оттуда ордеръ, рѣшительно запрещавшій печатать въ журналѣ статью Полетики и эпиграмму Сумарокова. Вмѣстѣ съ тѣмъ было представлено президенту академіи наукъ о Миллерѣ, какъ объ ослушникѣ его приказаній и вообще о человѣкѣ самомъ безпокойномъ. Миллеръ, въ свою очередь, обратился къ президенту съ жалобою, въ которой, между прочимъ, писалъ: «Моя привязанность къ «Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ» и стараніе не выказывать публикѣ наши внутренніе раздоры заставляютъ меня на этотъ разъ подчиниться приказаніямъ г. Ломоносова; но умоляю ваше сіятельство помочь въ этомъ дѣлѣ въ возможной скорости, иначе мнѣ будетъ невозможно продолжать мой трудъ...»

Въ настоящемъ случаѣ графъ Разумовскій принялъ сторону Ломоносова: статья Полетики была признана наполненною «многими непристойностями»; и Миллеру сдѣлано внушеніе, чтобъ онъ былъ въ полномъ подчиненіи канцеляріи. Какъ слѣдствіе этого внушенія, послѣдовало распоряженіе академической канцеляріи, чтобы Миллеръ представлялъ туда заблаговременно списокъ авторовъ и статей, предназначавшихся для каждой вновь выходившей книжки. Но Миллеръ началъ представлять такіе списки уже по выходѣ книжки; тогда академическая канцелярія сдѣлала ему выговоръ въ ордерѣ 2-го іюня 1757 года, на ко-

торый Миллеръ возразилъ, что не въ состоянiи выполнить такого распоряженiя: «Каждый мѣсяцъ долженъ состоять изъ шести листовъ печатныхъ, то весьма невозможно знать напередъ, сколько какихъ пьесъ, разными руками писанныхъ, на оныхъ шести листахъ вмѣстится... Иногда случалось, что присылали ко мнѣ со стороны пьесы и переводы уже въ половинѣ мѣсяца съ прошенiемъ, чтобы оные внесть еще въ тотъ же мѣсяцъ. И понеже въ томъ отказать было невозможно, то затѣмъ другiя на тотъ мѣсяцъ назначенныя пьесы были оставлены. Иногда приготовлялъ было я матерiи и давалъ оныя переводить, токмо переводы не поспѣли въ надлежащее время...»

Черезъ два года послѣ того, надъ Миллеромъ стряслась новая бѣда. Въ это время на итальянскомъ придворномъ театрѣ плѣняла перебургскую публику и въ особенности золотую молодежь танцовщица Сакко. Одинъ изъ ея поклонниковъ, гвардейскiй унтеръ-офицеръ Ржевскiй, написалъ въ честь ея мадригалъ и передалъ его черезъ академика Попова Миллеру для напечатанiя въ «Ежемѣсячныхъ сочиненiяхъ». Мадригалъ былъ напечатанъ въ февральской книжкѣ журнала и произвелъ большую сенсацiю при дворѣ. Дѣло заключалось въ томъ, что, расхваливая красоту и таланты танцовщицы, авторъ заключаетъ свой мадригалъ слѣдующими тремя стихами:

Хоть *нѣкихъ дамъ* языкъ клевещетъ тя хулою,
Но служитъ *зависть ихъ* тебѣ лишь похвалою:
Ты истинно прельщать сердца на свѣтъ рожденна.

Очевидно, что здѣсь заключался какой-то намекъ, въ настоящее время непонятный, но въ то время имѣвшiй свой таинственный смыслъ. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что въ придворныхъ сферахъ стихи произвели бурю. Академическiй совѣтникъ Таубертъ тотчасъ же былъ потребованъ ко двору, чтобы узнать отъ него объ имени автора. Таубертъ, въ свою очередь, отнесся къ Миллеру и послѣднiй въ тотъ же день отвѣчалъ ему, что и по его мнѣнiю стихи также непристойны, если Сакко дѣйствительно находится танцовщицей на придворномъ театрѣ въ Петербургѣ. «Такъ какъ я, писалъ при этомъ Миллеръ, вѣчно сидѣвшiй за своимъ рабочимъ столомъ, не посѣщая здѣшняго итальянскаго театра и никогда не слыхивалъ имени Сакко, то и предполагалъ, что эта госпожа принадлежитъ къ итальянскому театру въ Парижѣ, и что, слѣдовательно, стихи не оригинальные, а переведены съ французскаго. Поэтому-то я нисколько и не затруднялся въ помѣщенiи ихъ въ журналѣ».

Если даже предположить, что это была лишь отговорка со стороны Миллера, то одна возможность подобной отговорки до-

статочно характеризуетъ нравы того времени. Вы видите, что всѣ культурные элементы находились въ то время въ такомъ зародышномъ состояніи, что редакторъ единственной въ странѣ газеты и единственнаго журнала могъ допустить невѣдѣніе о существованіи въ столицѣ тѣхъ или другихъ первоклассныхъ актеровъ.

Неизвѣстно, что произошло съ Ржевскимъ послѣ открытія его имени начальству; что же касается Миллера, то академическая канцелярія отнеслась къ нему съ слѣдующимъ опредѣленіемъ: «Понеже въ академическихъ сочиненіяхъ февраля сего 1759 года внесены нѣкоторые стихи неприличные, почему и листъ тотъ перепечатанъ, того ради приказали: прежде отдачи въ станы, какая-бъ о чемъ матерія ни была, первые листы или послѣднія корректуры, для вѣдѣнія гг. присутствующихъ, вносить въ канцелярію...»

Такимъ образомъ, мы видимъ, что канцелярія окончательно подчинила своему цензурному контролю «Ежемѣсячныя сочиненія» и Ломоносовъ, въ качествѣ члена канцеляріи, добился-таки того, чего онъ тщетно добивался при возникновеніи журнала въ качествѣ члена академическихъ засѣданій. Но онъ не ограничился однимъ цензурнымъ тяготѣніемъ надъ «Ежемѣсячными сочиненіями». Преслѣдуя Миллера что называется не на животъ, а на смерть, онъ дошелъ, подобно своему сочлену Тредьяковскому, и до доносовъ. Такъ, въ январѣ 1761 г., онъ обратился къ президенту академіи съ представленіемъ, въ которомъ Миллеръ выставляется политическимъ злоумышленникомъ и ненавистникомъ Россіи, старающимся всячески унижать наше отечество. Ломоносовъ указываетъ на то, что Миллеръ получилъ выговоръ отъ конференціи при дворѣ императрицы Елизаветы около ноября 1760 года, «за важныя политическія ошибки, *ежели ошибками назвать можно*», прибавляетъ онъ. Ломоносовъ подразумѣваетъ здѣсь статью, помѣщенную въ майской книжкѣ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» 1760 г., подъ заглавіемъ «Извѣстія о запорожскихъ казакахъ», одинъ листъ которой былъ перепечатанъ и нѣсколько словъ исключены.

Далѣе, подразумѣвая другую статью, напечатанную въ іюльской книжкѣ 1860 г.: «Извѣстія о находящихся съ западной стороны Каспійскаго моря между Астраханью и рѣкою Куромъ народахъ и земляхъ и о ихъ состояніи въ 1728 г.», Ломоносовъ продолжаетъ: «Иностранная коллегія и безъ того затрудненіе имѣетъ отвѣтствовать о побѣгахъ изъ Запорожья. Въ іюлѣ мѣсяцѣ Ежемѣсячныхъ сочиненій прошлаго 1760 года, въ при-

мѣчаніи казаковъ Персіи присвояетъ, на что въ иностранной коллегіи негодуютъ...»

Наконецъ, въ томъ же представленіи Ломоносовъ указываетъ на зловредность и другого труда, предпринятаго въ это время Миллеромъ. Въ V части «Sammlung Russischer Geschichte», напечатанной въ 1760 году, Миллеръ помѣстилъ «Versuch einer neueren Geschichte von Russland», который началъ являться въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1861 г. подъ заглавіемъ «Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи». Это была русская исторія послѣ смерти Θедора Ивановича, заключавшая въ себѣ царствованіе Бориса Годунова и эпоху самозванцевъ. Извѣстно, что Татищевъ хотѣлъ кончить свою исторію 1613 годомъ въ тѣхъ видахъ, что «явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которые если писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойти оные—погубить истину и ясность исторіи, или вину ту на судившихъ обратить, еже было съ совѣстью несогласно, того ради оное оставляю инымъ для сочиненія»... И вотъ Миллеръ предпринялъ свой трудъ, въ видѣ продолженія исторіи Татищева, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи: «Г. Татищеву соизволилось сочиненную имъ исторію прекратить кончиною царя Θедора Ивановича, яко послѣдняго изъ варяжскаго колѣна; того ради почелъ я за справедливое зачать съ того времени, гдѣ онъ свой трудъ окончилъ, для приведенія въ нѣкоторое совершенство всей русской исторіи».

Вотъ что говоритъ объ этомъ трудѣ Миллера Ломоносовъ все въ томъ же своемъ представленіи:

«Нетокмо въ «Ежемѣсячныхъ», но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, (Миллеръ) всѣваетъ, по обычаю своему, занозливыя рѣчи. Напримѣръ, описывая чувашу, не могъ пройти, чтобы ихъ чистоты въ домахъ не предпочесть россійскимъ жителямъ. Онъ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ россійскаго тѣла, проходя многія истиныя ея украшенія. Ясное и весьма досадительное доказательство сего моего примѣчанія, что Миллеръ пишетъ и печатаетъ на нѣмецкомъ языкѣ смутныя времена Годунова и Растригины—самую мрачную часть россійской исторіи, изъ чего иностранные народы худыя будутъ выводить слѣдствія о нашей славѣ. Или нѣтъ другихъ извѣстій и дѣлъ россійскихъ, гдѣ бы по послѣдней мѣрѣ и добро съ худомъ въ равновѣсіи видѣть можно было».

Эти выдержки изъ представленія Ломоносова показываютъ намъ, что уже въ то время, при самомъ началѣ развитія литературы и науки въ Россіи, доносъ успѣлъ сѣсть на того конька, на который онъ всегда садился и впослѣдствіи: именно на конька

горячаго патріотизма и ревностной заботы о томъ, чтобы слава отечества не была помрачена передъ судомъ Запада злоумышленными выставленіями однѣхъ отрицательныхъ сторонъ и опущеніемъ доблестей. Доносъ Ломоносова не замедлилъ оказать свои послѣдствія. Начальство согласилось съ тѣмъ, что русская исторія должна оканчиваться смертью Ѳедора Ивановича, и что далѣе затѣмъ въ жизни нашего отечества идутъ такіе скандалы, о которыхъ лучше умалчивать. Особенно эпоха самозванцевъ представлялась современникамъ Ломоносова такимъ чернымъ пятномъ въ нашей исторіи, которое слѣдовало обходить и замазывать, а не выставлять на позоръ и посмѣшище Запада, изъ тщеславія передъ которымъ, какъ мы видѣли, чистились и обметались образа въ деревенскихъ избахъ. И вотъ отъ конференцъ-министровъ было поручено академической канцеляріи дать дерзкому исторіографу строгій выговоръ съ приказаніемъ, чтобъ впредь такія сумнѣнія печатаны не были. Миллеръ принужденъ былъ прекратить на время печатаніе своего труда.

Послѣ 1761 года, случаи принятія цензурныхъ мѣръ противъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» прекращаются. Это обусловливается вступленіемъ на престолъ Екатерины II, которая удостоивала особаго вниманія Миллера. Доказательствомъ этого служитъ сохранившаяся записка Миллера къ Тауберту 21-го октября 1764 г. «Вчера ввечеру, пишетъ Миллеръ:—я получилъ неожиданную милость: ея імператорское величество потребовала меня къ себѣ и около часу милостиво разговаривала со мною о разнообразныхъ предметахъ. Между прочимъ, она спрашивала меня о продолженіи «Sammlung Russischer Geschichte», и, узнавъ, что теперь отпечатана IX-я часть, соизволила выразить, что это изданіе, съ самаго восшествія ея на престолъ, къ ней болѣе не доставляется, а потому поручила мнѣ озаботиться, чтобы у ней былъ полный экземпляръ, и на будущее время всякой разъ, при выходѣ въ свѣтъ новой части, точно представлять ей. Я обѣщалъ передать о томъ вамъ и теперь исполняю это повелѣніе».

Но въ царствованіе Екатерины «Ежемѣсячныя сочиненія» продолжались недолго, и замѣчательно, что въ прекращеніи ихъ виновникомъ отчасти оказывается все тотъ же Ломоносовъ. 1-го января 1865 года, императрица, по докладу Бецкаго, назначила Миллера въ Москву главнымъ надзирателемъ въ тамошній Воспитательный Домъ. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, Миллеръ изъявилъ академической канцеляріи свое желаніе, чтобы «Ежемѣсячныя сочиненія» продолжались и безъ него, для чего обѣщалъ доставить на цѣлый годъ матеріалу для нихъ, и въ слѣдующіе годы содѣйствовать этому. Но Ломоносовъ продолженіе

«Ежемѣсячныхъ сочиненій» оспорилъ и вмѣсто нихъ предложилъ издавать экономическія и физическія сочиненія четыре раза въ годъ, на что всѣ члены согласились. На подлинномъ представленіи Миллера Ломоносовъ написалъ противъ слова *оспорилъ*: «Опять грубость и клевета: иное предложить, а иное оспорить». Дѣло кончилось тѣмъ, чѣмъ всегда оканчиваются у насъ дѣла въ подобныхъ случаяхъ: прекратились «Ежемѣсячныя сочиненія», но не стали издаваться и предполагаемые въ замѣнъ ихъ четвертные сборники ученыхъ статей.

VII.

Совершенно такимъ же цензурнымъ усердіемъ, вслѣдствіе необузданнаго и вышедшаго изъ всякихъ предѣловъ самолюбія отличался Ломоносовъ и по отношеніямъ своимъ къ другому существовавшему въ то время журналу, на этотъ разъ не казенному, а частному, именно «Трудолюбивой пчелѣ» Ал. Сумарокова [1]. Надо замѣтить при этомъ, что до 1759 года, Сумароковъ былъ самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій». По свидѣтельству академика Штелинга, «бригадиръ Сумароковъ поставилъ даже себѣ закономъ, чтобы безъ присылки его стихотворенія не выходила ни одна ежемѣсячная книжка журнала, потому-то въ каждомъ его мѣсяцѣ, нѣсколько лѣтъ сряду можно найти по одному и по нѣскольку его стихотвореній». Но около 1859 года, у Сумарокова произошла какая-то ссора съ Миллеромъ; по крайней мѣрѣ, Ломоносовъ въ письмѣ къ Шувалову, отъ 19-го января 1761 г., пишетъ о Сумароковѣ: «Тауберта и Миллера для того только бранитъ, что не печатаютъ его сочиненій, *а не ради общей пользы* (sic!)». Послѣ этой ссоры, въ декабрѣ 1758 г., Сумароковъ подалъ просьбу въ канцелярію Академіи наукъ о разрѣшеніи ему издавать журналъ «для услуги народной». «Что же касается, писалъ онъ въ своей просьбѣ:—до разсмотрѣнія изданій, нѣтъ ли чего въ оныхъ противнаго, сіе могутъ просматривать, ежели благоволено будетъ, тѣ люди, которые просматриваютъ академическія журнальныя изданія, моихъ изданій слогу не касаяся».

Академическая канцелярія, съ Таубертомъ въ корню и Ломоносовымъ въ пристижкѣ, тотчасъ же встала преградой для предпріятія Сумарокова, высказавшись противъ его ходатайства. По ея словамъ, онъ состоялъ еще должнымъ академической типо-

---

[1] Исторія академіи наукъ, П. Пекарскаго, т. II, стр. 650—660.

графіи съ 1748 года, которая и безъ того завалена казенными работами. Кромѣ того, «члены канцеляріи, имѣя по должности своей довольно другихъ дѣлъ, въ разсмотрѣніе его піесъ вступать не могутъ. А ежели, паче чаянія, въ опыхъ усмотрѣна будетъ послѣ какая противность, въ такомъ случаѣ, кто будетъ въ отвѣтѣ? Но графъ Разумовскій оказался человѣкомъ болѣе либеральнымъ и благосклоннымъ къ развитію литературнаго дѣла, чѣмъ ввѣренная его попеченію Академія: онъ разрѣшилъ Сумарокову, какъ изданіе «Трудолюбивой пчелы», такъ и печатаніе ея въ академической типографіи, хотя, конечно, это обусловливалось и тѣмъ, что Сумароковъ принадлежалъ къ партіи графовъ Разумовскихъ, сторонниковъ великой княгини Екатерины и противниковъ елизаветинскаго фаворита гр. Шувалова.

Замѣчательно, что Сумароковъ рѣшился даже посвятить свой журналъ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ стихахъ, въ которыхъ говорилось:

Умомъ и красотой, и милостью Богиня,
О просвѣщенная великая княгиня...
. . . .
Возвысь сей низкій трудъ примѣрами ея
И покровительствомъ Минерва будь моя!

Надо обратить вниманіе на то, что великая княгиня была въ это время въ немилости императрицы Елизаветы и почти въ открытомъ разладѣ съ великимъ княземъ, такъ что напечатать подобное посвященіе было своего рода мужествомъ со стороны Сумарокова. Это одно придавало журналу «Трудолюбивой пчелѣ» оппозиціонный характеръ и помимо всякихъ личныхъ счетовъ дѣлало его ненавистнымъ въ глазахъ всѣхъ приверженцевъ графовъ Шуваловыхъ, въ томъ числѣ и Ломоносова.

«Трудолюбивая пчела» печаталась въ количествѣ 800 экземпляровъ. При началѣ изданія, Таубертъ писалъ къ академику по каѳедрѣ астрономіи, Никитѣ Попову, что «его сіятельство, Академіи наукъ г. президентъ, по доношенію бригадира Сумарокова, приказать изволилъ: издаваемый имъ помѣсячно журналъ печатать въ академической типографіи и вносимыя въ оный піесы, прежде печатанія, просматривать вамъ, и если усмотрѣно будетъ вами что противное въ дѣлѣ, а не въ слогѣ, то напоминать о семъ издателю».

Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, какъ Сумароковъ подалъ доношеніе на своего цензора, причемъ въ бранныхъ выраженіяхъ обвинялъ его въ нетрезвой жизни: «Не первой пьяница, писалъ онъ:—меня уже изъ ученыхъ пьяницъ обидитъ. Есть еще такой же Барковъ и другіе, о которыхъ Академія не меньше меня извѣстна. Я прошу только нижайше всѣхъ господъ присутствую-

щихъ по канцеляріи, никого для подозрѣнія не исключая, чтобы приказали мнѣ цензоромъ, да и то не въ складѣ, опредѣлить не пьяницу; ибо отъ пьянства профессора Попова мнѣ дѣлается въ изданіи моего журнала остановка, и чтобъ канцелярія Академіи наукъ благоволила мнѣ сдѣлать милость и назначить безъ замедленія времени другого цензора, потому что журналъ по тѣмъ правамъ, безъ данной отъ меня причины, не нарушивъ правосудія, остановленъ быть не долженъ. *А что онъ подчеркивалъ, то ясно доказываетъ о его, во время просматриванія, состояніи.* Бригадиръ Александръ Сумароковъ [1]. Апрѣля 22-го дня 1759 года».

Гр. Разумовскій и на этотъ разъ выразилъ свою благосклонность къ Сумарокову и того же 22-го апрѣля распорядился о порученіи должности цензора «Трудолюбивой пчелы» математикамъ Котельникову и Румовскому. Къ послѣднему написано было: «Понеже нынѣ оный г. бригадиръ Сумароковъ чрезъ доношеніе канцеляріи представилъ на онаго профессора Попова великія свои неудовольствія, того ради въ канцеляріи Академіи наукъ опредѣлено: пока оное его доношеніе разсмотрѣно быть имѣетъ, чтобъ въ печатаніи оныхъ не учинить остановки, оныя издаваемыя на май мѣсяцъ піесы читать вамъ обще съ г. профессоромъ Котельниковымъ, кои и имѣютъ быть къ вамъ присланы прямо отъ него, г. Сумарокова»...

Въ іюнѣ 1759 г., Поповъ, узнавъ о взведенныхъ на него Сумароковымъ обвиненіяхъ, просилъ канцелярію: «Отъ такихъ наглыхъ и напрасныхъ ругательствъ и безчестій, меня отъ сея сильныя руки г. бригадира Сумарокова защитить и доставить мнѣ за то достойную сатисфакцію по указамъ», а 19-го іюня и Котельниковъ просилъ, но тщетно, объ увольненіи его отъ цензорства журнала Сумарокова: «Его высокородіе, писалъ между прочимъ Котельниковъ: — о моихъ представленіяхъ великое показываетъ неудовольствіе. И для того, опасаяся ссоры и отъ того худыхъ послѣдствій, принужденъ я многія вещи безъ поправки пропускать, ибо его высокородіе отнюдь не хочетъ ничего въ оныхъ сочиненіяхъ допустить поправить».

Надо полагать, что недовольство Сумарокова цензоромъ Поповымъ заключалось не въ одномъ пьянствѣ послѣдняго. Это была одна формальная ширма обвиненія, за которою скрывалось нѣчто совершенно иное. Несомнѣнно, что академикъ Поповъ былъ назначенъ академическою канцеляріею цензоромъ «Трудолюбивой пчелы» не безъ вліянія Ломоносова и можетъ быть съ

[1] Курсивомъ обозначена собственноручная приписка Сумарокова.

спеціальной цѣлію обуздывать Сумарокова въ его выходкахъ противъ самолюбиваго холмогорскаго одописца. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что съ устраненіемъ Попова, съ майской же книжки «Трудолюбивой пчелы» начинаются всевозможныя вылазки противъ Ломоносова, чего до того времени не было. Такъ Сумароковъ напалъ на Ломоносова за его граматическія правила, началъ оспаривать окончнія именъ прилагательныхъ мужского рода множественнаго числа на *е*, утверждая, что они должни оканчиваться на *я* и, въ концѣ концовъ, дошелъ до полнаго отрицанія граматикъ. «Я, писалъ Сумароковъ:—по единому только собственному моему произволенію никакихъ себѣ правилъ не предписываю, и нетолько другимъ, но и самому себѣ въ грамматикѣ законодавцемъ быть не дерзаю, памятуя то, что грамматика повинуется языку, а не языкъ грамматикѣ»...

Въ іюньской книжкѣ «Трудолюбивой пчелы» явилась статья Тредьяковскаго «О мозаикѣ», въ которой въ заключеніи, явно въ пику Ломоносову, хлопотавшаго въ это время о полученіи казенныхъ заказовъ для его стекляннаго завода, говорится: «Живопись, производимая малеваньемъ, весьма превосходнѣе мозаичныя живописи, по разсужденію славнаго въ ученомъ свѣтѣ автора, ибо невозможно, говоритъ онъ, подражать совершенно камешками и стеклышками всѣмъ красотамъ и пріятностямъ, изображеннымъ отъ искусныя кисточки на картинѣ изъ масла или стѣнѣ такъ называемою фрескою изъ воды по сырой извести».

Наконецъ Сумароковъ приготовилъ къ печати нѣсколько пародій на оды Ломоносова подъ заглавіемъ «Вздорныя оды». Пародіи эти были самаго невиннаго содержанія, но онѣ очень мѣтко осмѣивали пареніе Ломоносова, его трескучіе стихи и гиперболическія сравненія и уподобленія. Вотъ двѣ выдержки изъ нихъ:

Громъ, молніи и вѣчны льдины,
Моря и озера шумятъ,
Везувій мещетъ изъ срединн
Въ подсолнечну горящій адъ.
Съ востока вѣчно дымъ восходитъ,
Ужасны облака возводитъ
И тьмою кроетъ горизонтъ.
Ефесъ горитъ, Дамаскъ пылаетъ,
Тремя Церберъ гортаньми лаетъ,
Средьземный возжигаетъ понтъ.
Претяжкою ступилъ ногою
На Пико яростный Титанъ,
И, поскользнувшися, другою
Во грозный льдистый Океанъ,
Ногами онъ лишь только въ мірѣ
Главу скрываетъ онъ въ ефирѣ,

Касаясь ею небесамъ.
Весь ротъ я, Музы, разѣваю,
И столько хитро воспѣваю,
Что пѣсни не пойму и самъ...

Въ третьей вздорной одѣ слѣдующій куплетъ содержитъ явный намекъ на пьянство Ломоносова:

Въ безоблачной странѣ несуся,
Напившись ипокренскихъ водъ,
И, ихъ напившися, трясуся,
Производитель громкихъ одъ!
Ослабли гордые нынь ямбы,
Ослабли пышны дитирамбы.
О, Бахусъ, толь награда мнѣ?
Орфей, ты больше не трясися;
Возникни, Муза, вознесися,
Греми въ безоблачной странѣ!.. и т. д.

Узнавши объ этихъ пародіяхъ, Ломоносовъ отнесся тотчасъ же къ президенту Академіи съ просьбою объ ихъ запрещеніи и самъ, сверхъ назначенныхъ цензоровъ, началъ цензоровать «Трудолюбивую пчелу». Такъ онъ остановилъ печатаніе «Вздорныхъ одъ» и послалъ въ типографію слѣдующее распоряженіе: «Его сіятельство «Вздорныхъ одъ» вносить не приказалъ, что велѣть исполнить Барсову» (корректору академической типографіи).

Что касается до статьи Тредьяковскаго «О мозаикѣ», то она вывела Ломоносова совсѣмъ изъ себя и онъ обратился къ И. Шувалову съ жалобою 8-го іюля 1759 г. «При семъ, писалъ онъ:— не могу преминуть, чтобы не показать явнаго безсовѣстія моихъ недоброхотовъ. Въ «Трудолюбивой», такъ называемой, Пчелѣ» напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тредьяковскій совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостью, чтобы моему раченію сдѣлать помѣшательство. Здѣсь видѣть можно цѣлый комплотъ: Тредьяковскій сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ «Пчелу», Таубертъ далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую. По симъ обстоятельствамъ ясно видѣть ваше высокопревосходительство можете, сколько сіи люди даютъ мнѣ покою, не преставая повреждать мою честь и благополучіе при всякомъ случаѣ! Умилосердитесь надо мною, милостивый государь, освободите меня отъ такихъ нападковъ, которые, меня огорчая, не даютъ мнѣ простираться далѣе въ полезныхъ и славныхъ моихъ отечеству упражненіяхъ. Никакого не желаю мщенія; но токмо всеуниженно прошу оправданъ быть передъ свѣтомъ высочайшею конфирмаціею докладу отъ правительствующаго Сената, о украшеніи Петропавловской церкви, чего цѣлый годъ ожидая, претерпѣваю, сверхъ моего раззоренія, посмѣяніе и ругательство. Ваше силь-

ное ходатайство можетъ меня отъ всего скоро избавить и увѣрить меня о непремѣнной милости, которою за особливое счастіе и честь въ жизни моей почитаю».

Сумароковъ въ свою очередь обратился съ жалобами на самовольное цензорство Ломоносова, 15-го ноября 1759 года, къ тому же И. Шувалову:

«Сочиненій мнѣ никакихъ больше въ народъ пускать невозможно, писалъ онъ:—ибо Ломоносовъ останавливаетъ у меня ихъ и принуждаетъ имѣть непрестанныя хлопоты, а онъ и истецъ, и судья, а мнѣ, чтобъ я всему міру не открылъ его крайняго въ словесныхъ наукахъ невѣжества, крайній злодѣй; а его почти всѣ при Академіи боятся и ему противу воли угождаютъ. Сихъ ради причинъ нельзя мнѣ ничего сочинять, ибо ничего безъ множества хлопотъ напечатать неудобно. Избраны цензоры не знаю для чего, чему и президентъ дивится, а что они подпишутъ, то еще Ломоносовъ просматриваетъ, приказывая корректору всякой листъ моихъ изданій къ себѣ взносить, и что ему не покажется, то именемъ канцеляріи останавливать, а я печатаю не по указу и плачу деньги»...

При такихъ цензурныхъ условіяхъ, естественно, что «Трудолюбивая Пчела» не могла просуществовать больше года.

VIII.

Со смертію императрицы Елисаветы кончается второй періодъ исторіи нашей прессы равно и цензурныхъ отношеній къ ней со стороны правительства. Теперь намъ остается лишь подвести итогъ, и, на основаніи всего вышеизложеннаго, сдѣлать общую характеристику прессы и цензуры въ этотъ періодъ.

Главное и существѣнное отличіе этого періода заключается въ томъ, что пресса во все это время находилась всецѣло въ рукахъ правительства, т. е. была прессою казенно-оффиціальною. При такихъ условіяхъ весьма естественно, что правительство принимало на себя покровительственную роль по отношенію къ прессѣ. Къ этому побуждали его не однѣ высшія просвѣтительныя цѣли, но и чисто экономическія. Являясь содержателемъ типографій, правительство нуждалось, чтобъ эти типографіи не стояли безъ дѣла, а работали и приносили казнѣ доходъ. И вотъ правительство черезъ своихъ агентовъ предпринимаетъ изданія газеты, журнала и всякаго рода книгъ ученаго и литературнаго содержанія. Такъ какъ сбытъ книгъ является сначала очень ничтоженъ, то правительство прибѣгаетъ къ насильствен-

ной продажѣ книгъ, вводитъ нѣчто въ родѣ книжнаго налога. Затѣмъ по мѣрѣ того, какъ общество пріохочивается къ чтенію, сбытъ книгъ не нуждается болѣе въ принудительныхъ мѣрахъ, книжное дѣло ростетъ; для производства ихъ оказывается недостаточно казенныхъ авторовъ и переводчиковъ, и правительство призываетъ частныхъ образованныхъ людей къ свободному содѣйствію ему въ производствѣ книгъ. Къ концѣ же этого періода, типографіи, не ограничиваясь казенными работами, все болѣе и болѣе начинаютъ заваливаться частными заказами всякаго рода литературныхъ предпріятій, такъ что принуждены бываютъ подчасъ отказывать авторамъ, за невозможностью удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ естественно начинаетъ ощущаться потребность въ заведеніи частныхъ типографій, съ чего, какъ мы ниже увидимъ, и начинается новый періодъ исторіи нашей прессы.

Очень понятно, что при всѣхъ этихъ условіяхъ, правительство не имѣло ни малѣйшей нужды въ какихъ-либо особенныхъ цензурныхъ вѣдомствахъ. Надзоръ за всѣми духовными сочиненіями былъ ввѣренъ Синоду, причемъ книги предлагались на разсмотрѣніе тому или другому члену духовнаго коллегіума, который и рѣшалъ, можно ли допустить книгу къ печати или нельзя. Въ рѣдкихъ случаяхъ Синодъ дѣлалъ докладъ на высочайшее имя объ изъятіи изъ употребленія той или другой книги, вредной въ религіозномъ отношеніи. Что же касается свѣтскихъ книгъ, то, за исключеніемъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», печатаніе которыхъ было подвергнуто высшему контролю Сената, отвѣтственность за ихъ благонадежность лежала на Академіи наукъ, и здѣсь мы встрѣчаемъ въ цензурномъ отношеніи совершенный хаосъ, полное отсутствіе какихъ-либо установленныхъ правилъ. Въ однихъ случаяхъ, члены академіи издаютъ книги или выпускаютъ періодическія изданія подъ своею личною отвѣтственностью, не подчиняясь никакому постороннему надзору, въ другихъ — рѣшаетъ вопросъ о печатаніи или непечатаніи академическая конференція, въ третьихъ—книга дается на просмотръ тому или другому академику, по выбору академической канцеляріи, въ четвертыхъ— сама академическая канцелярія принимаетъ на себя роль цензуры; иногда вопросъ о печатаніи книги представляется на усмотрѣніе президента Академіи, иногда же тотъ или другой академикъ безъ всякаго приглашенія, самовольно принимаетъ на себя роль цензора, требуетъ изъ типографіи корректуру и начинаетъ вычеркивать изъ нея что вздумается, или же пишетъ доношеніе президенту Академіи, въ Сенатъ, Синодъ и выше. Въ то же время и самое понятіе о томъ,

что такое цензура, какіе предметы и вопросы подлежатъ ея усмотрѣнію, а какіе выходятъ изъ круга ея надзора, представлялось очень смутнымъ и неопредѣленнымъ. Когда рѣшался вопросъ о томъ, печатать или не печатать книгу, дѣло шло очень часто нетолько о ея политической благонадежности, но и вообще о научныхъ и литературныхъ достоинствахъ, такъ что слово цензура вполнѣ отождествлялось со словомъ критика, и Академія далеко выходила изъ предѣловъ цензурныхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: это была скорѣе коллективная редакція, завѣдующая издательскимъ дѣломъ, чѣмъ цензурное вѣдомство. Члены Академіи, которымъ поручался просмотръ книгъ, допускали себѣ очень часто выправку слога разсматриваемаго сочиненія или исправленіе граматическихъ ошибокъ, считая и это дѣло въ вѣдѣніи цензуры; недаромъ Сумароковъ при просьбѣ о назначеніи цензоровъ для своей «Трудолюбивой пчелы», поставилъ особенно на видъ, чтобы эти цензора слога его сочиненія не касались, а Таубертъ, съ своей стороны, при назначеніи цензоромъ «Трудолюбивой пчелы», Попова, подтверждаетъ ему это условіе издателя.

Такъ какъ производителями книгъ являются сами члены Академіи или люди, хотя и не принадлежавшіе къ Академіи, но такъ или иначе связанные съ ея книжнымъ дѣломъ и группировавшіеся вокругъ нея, то цензурное вѣдѣніе Академіи волею-неволею принимало видъ взаимнаго самоцензорованія, что, при отсутствіи всякой регламентаціи, и открывало широкій доступъ для всевозможныхъ интригъ, кляузъ и взаимныхъ подсиживаній. Вслѣдствіе этого, и принимая къ тому же въ разсчетъ деморализацію общества, о которой мы говорили выше, книжное дѣло и представляло въ то время такую извращенную картину, что высшее начальство являлось гораздо благосклоннѣе и терпимѣе въ цензурномъ отношеніи, чѣмъ сами литераторы, являвшіеся по отношенію другъ къ другу самыми строгими, придирчивыми и нетерпимыми цензорами. Въ то время, какъ они только и дѣлали, что подвергали сочиненія другъ друга самовольной цензурѣ или писали одинъ на другого доношенія, начальство не прибѣгало ни къ какимъ карательнымъ мѣрамъ за печатныя погрѣшности. Во весь этотъ періодъ, не исключая даже и грозной эпохи бироновщины, мы не видимъ ни одного случая, чтобы какой-либо авторъ подвергся судебному или административному взысканію за свои сочиненія. Все преслѣдованіе ограничивалось тѣмъ, что книга не допускалась къ печати или, если была уже отпечатана и выпущена въ свѣтъ, изымалась изъ употребленія и уничтожалась; авторы, люди по большей части служебные, по-

лучали иногда при этомъ выговоры отъ начальства, чѣмъ дѣло и ограничивалось. Правда, эта мягкость правительства къ печатнымъ провинностямъ, во всякомъ случаѣ, какъ мы выше видѣли, очень рѣдкимъ, главнымъ образомъ, обусловливалась полнымъ отсутствіемъ нетолько оппозиціонной, но сколько-нибудь самостоятельной мысли въ обществѣ. Находясь въ рукахъ правительства, литература, производители которой были почти подрядъ служащіе чиновники, естественно представляла полную солидарность со всѣми видами правительства. Никому и въ голову не могло придти прекословить волѣ начальства, особенно печатно. Могли случаться лишь случайныя недоразумѣнія и «сумнительства», какъ тогда выражались, которыя сейчасъ же начальствомъ и разрѣшались безъ всякаго шума. Однимъ словомъ, съ цензурной точки зрѣнія, весь этотъ періодъ преемниковъ Петра, кончая Елизаветой, можетъ представляться своего рода потеряннымъ раемъ.

А. Скабичевскій.

О ДЯДѢ И ТЕТѢ.

(Изъ «Прогулокъ съ дѣтьми старшаго возраста».)

—«Тетя Соня съ дядей Колей—
«Точно кошка и собака:
«То и дѣло между ними
«Ссоры, брань и даже драка.
«Если имъ нельзя ужиться,
«Поискали бы исхода:
«Пусть они поѣдутъ въ городъ—
«И потребуютъ развода».

—Для развода, дѣтки, нужно
Очень важную причину:
Чтобы дядя—обнялъ даму,
Или тетушка—мужчину.

—«О, не будетъ остановки:
«Попрекаютъ же недаромъ
«Тетя дядю—экономкой,
«Дядя тетушку—гусаромъ?»

—Разумѣется, недаромъ...
Только это все—пустое:
Тутъ потребны очевидцы—
И не менѣе какъ трое.

—«Что? какіе очевидцы?
«Да бываютъ ли примѣры,
«Чтобы дамъ—при очевидцахъ
«Обнимали кавалеры?»

— Рѣдко, дѣти, но бываютъ:
Есть особые трактиры,
Въ нумера—для очевидцевъ
Нарочитыя есть дыры;
Очевидцы ждутъ въ бильярдной—
И коварную измѣну
Подстеречь всегда готовы,
За умѣренную цѣну.

Не рожденъ я педагогомъ,
И, по мѣрѣ разумѣнья,
Сообщаю только факты—
Не берусь за поученья.

А. Боровиковскій.

УСТОИ.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ДЕРЕВНИ.

У народа свои задачи.

(Изъ славянофильскихъ афоризмовъ).

Не потому упорствуютъ, чтобы не понимали свѣта и изцѣленій, а потому, что источникъ этихъ благъ заподозрѣнъ ими.

(Н. Щедринъ. — «За рубежемъ»).

I.

Въ августѣ благодатные дни иногда выпадаютъ нашей деревнѣ, когда воздухъ такъ чистъ, что стоящія на самомъ краю горизонта бѣлыя сельскія церкви кажутся прозрачными, какъ будто вылиты онѣ изъ яраго воску, когда облачка нѣтъ на водянисто-лазурномъ небѣ, когда солнце одно торжественно-плавно плыветъ по немъ и словно пристально смотритъ на пригрѣтыя имъ деревенскія нивы. Обыкновенно, съ утра до заката, пуста и безмолвна въ эти дни деревенская улица. Тутъ никого нѣтъ—ни взрослыхъ, ни малыхъ, ни старика, ни младенца. Въ избахъ окна закрыты, ворота замкнуты, живого движенія почти не видать, и только одинъ старый вязъ медленно качаетъ своей удрученной вѣками вершиной. А между тѣмъ, слышишь, какъ невнятный, но сплошной гулъ жизни несётся непрерывно справа, слѣва, сзади: слышишь скрипъ тяжело нагруженныхъ возовъ, фырканье лошадей, окрики мужиковъ, плачъ грудныхъ дѣтей, звонкіе голоса деревенской молодежи, иногда ея здоровый, переливчатый смѣхъ, или высокій фальцетъ матерей, раздраженно покрикивающихъ на забаловавшихся ребятишекъ. И весь этотъ гулъ здоровой человѣческой жизни такъ же несмолкаемо виситъ въ воздухѣ, какъ гулъ пчелъ на пасѣкѣ; какъ будто все живое выбралось изъ деревни и гдѣ-то тамъ, за околицей, расположилось шумнымъ становищемъ кругомъ. Чувствуешь, что стоишь

въ центрѣ какого-то жизненнаго процесса, въ которомъ не участвуешь, но который какой-то непостижимой властью подчиняетъ себѣ. Самый деревенскій воздухъ въ это время такъ полонъ раздражающей кровь ароматичности: чѣмъ ближе къ деревнѣ, тѣмъ онъ влажнѣе, теплѣе, гуще и пахучѣе, какъ будто входишь въ просторную сѣнницу, набитую свѣжимъ, только-что привезеннымъ сѣномъ, такъ что еще кругомъ не успѣла осѣсть мелкая пахучая пыль сѣнной трухи. Чувствуешь, какъ эта пыль непримѣтными для глазъ облаками носится надъ всей деревней, а надъ гумнами за околицей, гдѣ теперь сосредоточилась вся деревенская жизнь, къ этой ароматической сѣнной пыли прибавились облака золотистыхъ усиковъ отъ ржаныхъ колосьевъ, которые искрятся въ солнечныхъ лучахъ, какъ снѣжинки въ ясный морозный день. Все это образуетъ ту смѣшанную, сытную, хлѣбную атмосферу сельской страды, которой дышетъ грудь земледѣльца и которая, несомнѣнно, представляетъ одинъ изъ животворныхъ элементовъ деревенской природы, возстановляющихъ народныя силы изъ-подъ гнета горя, нужды и мрака.

Наша деревня лежитъ въ неглубокой ложбинѣ, на берегу небольшого озера, окруженная цѣпью холмовъ. Если войти на одинъ изъ нихъ, то картина, которая сразу откроется передъ глазами, объяснитъ все: и пустынность деревенской улицы, и сплошной немолчный гулъ окрестныхъ полей, и захватывающую, всепокорящую силу этого массоваго гула. Тамъ и здѣсь, на вершинахъ холмовъ и по берегамъ озера раскинулись ея сосѣдки: онѣ видятъ ее всю, цѣликомъ, до послѣдняго угла, она видитъ ихъ, все, что̀ дѣлается въ каждой изъ нихъ. Тутъ все открыто, все ясно, все на глазахъ у божьяго солнца. Теперь, въ страду, жизнь деревни ушла изъ цетра къ периферіи: какъ кровь изъ сердца, разлилась она по жиламъ организма, до самыхъ крайнихъ его предѣловъ, и оживила собою все, и претворила въ себя все мертвое, и всему придала цѣнность и смыслъ, и обратнымъ потокомъ понесла освященные ея прикосновеніемъ дары земли къ общему вмѣстилищу—сердцу. Медленно движется этотъ обратный потокъ. По бокамъ холмовъ скользятъ высоко навьюченные возы сноповъ. Вокругъ пустынныхъ избъ, мало-помалу, образуется сплошной пестрый вѣнокъ: какъ золотыя короны, выростаютъ одинъ за другимъ скирды свѣжаго хлѣба. А между ними снуютъ непрерывной связующей цѣпью бѣлыя, красныя и синія рубахи вернувшихся съ полей жнецовъ и жницъ. Деревенская птица хлопотливо носится тучами тутъ же. Все живое сгрудилось здѣсь, вокругъ этихъ ростущихъ все выше и выше хлѣбныхъ гигантовъ; все живетъ и чувствуетъ здѣсь

ими; душа мужика ростетъ и переполняется по мѣрѣ того, какъ ростутъ эти скирды. Здѣсь все дышетъ этой ароматической, сытной, хлѣбной пылью, которая носится въ воздухѣ; все собралось здѣсь теперь, что̀ прежде жило и задыхалось въ душной избѣ: здѣсь всѣмъ дѣло, всѣмъ воздухъ, всѣмъ надежда.

Вотъ онъ, этотъ хлѣбъ, этотъ даръ природы за тяжелый трудъ, вотъ онъ здѣсь, передъ глазами, подъ защитой, укрытый отъ непогоды и стихій!

— Слава Создателю! выговариваютъ старики и морщинистыми бурыми руками истово осѣняютъ себя крестомъ:—натко-сь, солнышко-то красное цѣлую недѣлю грѣло и свѣтило, ровно фонарь: хоть бы тебѣ облачко одно его заволокло. Вотъ что шаръ по синему стеклу катилось...

— Слава Создателю! вторятъ, подходя другъ къ другу, сосѣди, весело смотря на собравшіяся около скирдовъ пестрыя группы своихъ молодыхъ поколѣній.

Имъ весело смотрѣть на молодыхъ матерей, которыя усѣлись теперь въ тѣни скирдовъ съ грудными младенцами, окруженныя стаей ребятишекъ, наголодавшихся, набоявшихся и наболѣвшихъ за лѣто, вмѣстѣ съ матерями, оторванными отъ нихъ съ ранняго утра до поздней ночи лѣтней страды.

Теперь имъ незачѣмъ уходить отъ дѣтей, теперь вся жизнь будетъ здѣсь, «на задахъ», за околицей, около высокихъ скирдовъ.

— Вотъ вамъ и матери пришли. Всѣ живы будемъ! выговариваютъ старики, поглаживая бѣлокурыя головы внуковъ.

Имъ весело смотрѣть и на подростковъ, которые то съ торжественною медлительностью съ разныхъ концовъ подъѣзжаютъ къ скирдамъ, лежа на высокихъ возахъ сноповъ, то ухарски мчатся порожняками въ пустѣющія съ каждымъ часомъ поля за новыми снопами.

Имъ весело смотрѣть и на здоровыхъ бородатыхъ большаковъ, навивающихъ скирды. Быстро летаютъ кверху въ могучихъ рукахъ желтые снопы, оставляя въ бородахъ и на головѣ мужиковъ обломанные колосья. Потъ градомъ катился съ усталыхъ лицъ. Растегнутыя груди усиленно дышатъ и бурѣютъ на солнечномъ припекѣ.

Вотъ высокій, здоровый парень, въ красной рубахѣ, съ бѣлой лохматкой кудрявыхъ волосъ, съ широкимъ лицомъ, пылающимъ жаромъ, налившимся кровью, стоитъ на верхушкѣ заканчиваемаго одѣнья и, быстро схватывая то спереди, то сбоковъ, то сзади летающіе кверху снопы, усиленно укладываетъ ихъ по окружности. Онъ весь какъ-то напряженно, лихорадочно, до потери

*

сознанія погруженъ въ работу; безъ передышки, съ тупо выпученными глазами, быстро движетъ онъ всѣмъ своимъ широкимъ тѣломъ, то сгибаясь, то выпрямляясь, поминутно повертываясь во всѣ стороны. Онъ весь—воплощеніе здороваго физическаго труда, на вольномъ раздольѣ, въ сытной хлѣбной атмосферѣ.

— Дѣйствуй! раздается его веселый окрикъ.—Подавай еще!..

— Будетъ, будетъ! дай народу вздоху! Запойный! слышится ему въ отвѣтъ съ разныхъ концовъ звонкій хохотъ дѣвокъ.

— Подавай! кричитъ парень.

— Будетъ!.. И то выше всѣхъ наклали! не сдержитъ!

— Дѣйствуй! кричитъ парень. Онъ мимоходомъ окидываетъ внизу раскинутую толпу, и ему любо, что эта толпа, покорная какой-то непобѣдимой силѣ, невольно подчиняется его окрику: всѣ, и старики, и молодые, усталые и слабые, еще упорнѣе, еще лихорадочнѣе суетятся, спѣшатъ.

А между тѣмъ, скирдъ парня ростетъ все выше и выше. Вотъ, наконецъ, онъ «завершилъ» его—выпрямился, раскинулъ руки и посмотрѣлъ кругомъ: и тамъ, по холмамъ, у сосѣдокъ-деревень, и здѣсь, въ ложбинѣ, кипитъ работа, кишитъ людской муравейникъ и немолчнымъ гуломъ гудитъ въ воздухѣ.

— Ого-го-го! заоралъ вдругъ переполненный довольствомъ парень, взмахивая руками, какъ крыльями, и вся деревенская околица откликнулась ему дружнымъ смѣхомъ.

— О, жадный! Когда на него угомонъ будетъ! Развѣ за «жадными» угоняешься! носится въ толпѣ.

А парню любо. Турманомъ скатился онъ съ высокаго скирда, брякнулся оземь и растянулся въ тѣни его. Усиленно дышетъ его грудь, ноздри раздуваются, какъ мѣхи; глаза смотрятъ въ голубое небо; онъ ничего не думаетъ, онъ чувствуетъ одно, какъ подъ нимъ какъ будто колышется земля, и подъ это укачиваніе по всему тѣлу переливается истома; такъ пловецъ, усиленно работая всѣми членами, выбирается, наконецъ, на середину озера и, здѣсь, надъ бездонной глубиной, поворачивается на спину, распластавъ руки, и отдыхаетъ, тихо укачиваемый волнами.

— Слава Создателю! Убрались, за благо-время, говоритъ низенькій лохматый мужичекъ въ синей неподпоясанной рубахѣ, подходя къ другому высокому и сутуловатому старику, стоявшему, опершись на вилы, около скирда, съ котораго скатился Пимаха:— вишь, вонъ, глянь, холмы-то, показывалъ лохматый мужичекъ рукой на желтую щетину оголѣвшаго жнива: — всѣ сосѣди убрались разомъ, какъ одинъ человѣкъ. Вишь деревни-то хлѣбомъ обставились за одинъ день, ровно по приказу! И мужичекъ, вы-

тащивъ кисетъ, присѣлъ на траву, поджавши ноги, и сталъ набивать трубку.

— Благодарить Бога! Полегчаетъ народу. Все веселѣй глянетъ, сказалъ высокій старикъ, подсаживаясь къ нему.

— Ишь жадобный!.. Надорвался! Лютъ у тебя народъ къ работѣ, указалъ лохматый старикъ на валявшагося около скирда Пимаху:—счастливъ ты, Пиманъ Савельичъ, счастливъ!..

— У насъ онъ, Пиманъ-то Савельичъ, завсегда былъ счастливъ, говорили, подходя къ нимъ, еще два мужика, отирая потъ и снимая платки, которыми были обернуты ихъ головы, чтобы не мѣшали въ работѣ волоса, да солнце не жгло темя.

— Какое счастье! Мужицкое счастье, отвѣчалъ, улыбаясь, дядя Пиманъ.

— Конечно, мужицкое!.. А хоть и мужицкое — все же вѣдь счастье!

— Не стану Бога гнѣвить—наградилъ! Не отбивались пока отъ труда.

— Вишь, поворачиваются, ровно быки породистые! Что мужики, что бабы—на подборъ! говорили сосѣди, посматривая на суетившуюся группу, укладывавшую по сосѣдству съ поставленнымъ скирдомъ днище для новаго одѣнья.

— Что потрудишься, то и возьмешь! замѣтилъ Пиманъ.

— Это такъ. Въ васъ это качество есть... Не даромъ васъ «жадными» прозвали... Ну, и еще я тебѣ скажу, почему ты счастливъ: потому, ровёнъ ты, завсегда былъ ровёнъ... Духъ у тебя завсегда былъ ровный, мягкій духъ... Вотъ по какой причинѣ ты былъ счастливъ!... Ужь не знаю—добродѣтель то будетъ, нѣтъ ли, только это вѣрно, говорилъ лохматый старикъ, постоянно прищуривая больные глаза, которые рѣзали яркіе, отражавшіеся отъ скирдовъ, солнечные лучи.—Вотъ что рѣчка: не трожь ты ее, не пруди—и течетъ себѣ она тихо, мирно, какъ берегъ идетъ; холмикъ стрѣтитъ—обѣжитъ, къ овражку подойдетъ—сожмется, на лужокъ попадетъ—зеркаломъ ляжетъ...

Дѣдъ Пиманъ засмѣялся на рѣчи стараго пріятеля, дяди Мина.

— Вотъ оно тутъ и есть мужицкое счастье, любезный ты мой, продолжалъ лохматый Минъ Аѳанасьичъ: — безъ ровнаго духу крестьянамъ не жить!.. Безъ ровнаго духу и хлѣбъ не сберешь!.. Какъ онъ вотъ во всемъ ровный-то духъ есть, все и идетъ заодно, сообща, сподручно, скоро... А какъ ежели битвà пойдетъ, война, попадетъ рѣка на плотину или на крутизну, ну, тутъ мужицкому счастью не быть!.. Мужичекъ миръ любитъ, спокой; чтобъ кругомъ его все свѣтилось, улыбалось, да радовалось: и

солнышко чтобъ свѣтило и грѣло, и земля была теплая, да мягкая, и людъ чтобъ былъ веселый, бравый, пѣсенный, и скотина чтобъ бодрѣе бѣгала—вотъ то и спорость будетъ мужицкому счастью!.. Вотъ почему мужичекъ и чутокъ ко всякой битвѣ... Ему мало, что на огородѣ у него тихо, ему чтобъ все кругомъ было свѣтло и радостно... Потому ужь ежели у сосѣда плохо, и у тебя хорошему не быть: жди бѣды...

Такъ говорили почтенные мужики деревенскаго міра, сойдясь близь скирдовъ «счастливаго» Пимана, побуждаемые тайнымъ желаніемъ передать другъ другу то чувство общаго довольства, которое жило въ эту минуту въ каждомъ изъ нихъ. А между тѣмъ, передъ ними кипѣла работа: послѣ порыва громкаго смѣха, говора и остротъ, вызванныхъ окрикомъ молодого Пимахи-внука, все по околицѣ какъ будто стихло; но при воцарившемся молчаніи, казалось, еще болѣе чувствовалась общая трудовая напряженность, напряженность спѣшная, упорная. Изрѣдка только слышался грохотъ опорожненныхъ телегъ, окрики подростковъ на лошадей, да гдѣ-нибудь одинокій плачъ грудного ребенка. Вотъ уже выросла новая половина скирда на глазахъ у Пимана, подъ дружнымъ усиліемъ четырехъ его мужиковъ. Солнце давно уже сѣло, окрасивъ поля оранжевымъ свѣтомъ вечерней зари.

— Пора бы закончить. Вонъ ужь по деревнямъ завершили, да и нашихъ разошлась половина по избамъ, говорили Пиману усталыя дѣти, утирая рукавами рубахъ мокрыя лица.

— Ныньче суббота, не грѣхъ и пораньше прикончить, прибавили женщины, собираясь возлѣ скирда и устало опершись на двузубыя вилы, которыми подавали снопы:—мы ныньче бани топили... Вымыться надо сначала, а мы самоваръ приготовимъ...

— Надо-бъ и этотъ сегодня свершить, сказалъ старшій Пимановъ сынъ:—что-жь мы его въ половинѣ оставимъ?

— Будетъ, будетъ!.. Управимся послѣ, возстали женщины разомъ:—надо работать на людяхъ... И то ужь насъ жадными прозвали! Всего не возьмешь.

— Правда, замѣтилъ и дѣдъ: — надо работать на людяхъ, хотя въ трудѣ грѣха тоже немного... Что-жь, пойдемте! Снопы ужь свезены съ полей... Коли ненастье настанетъ, все-жь они дома: въ сѣнницу послѣ уложимъ...

— Конечно, что такъ, отвѣтили старшія дѣти:—только все же бы лучше убраться... Завтра чѣмъ свѣтъ на подводахъ уѣдемъ.

— Развѣ что̀ есть?

— Подходили тутъ Строгіе, звали въ артель. Взяли они у купца сорокъ бочекъ доставить до мѣста.

— Нѣтъ на васъ угомону, промолвила жена:—все хотите забрать!..

— Мы не грабить идемъ. Вамъ же лишній кусокъ, да спокой... Моли еще Бога, что есть за что взяться... Мы не купцы: только работой и живы... Будешь тутъ жаденъ!

— Вѣрно: все наше тутъ счастье, вставилъ и дѣдъ.

— Когда-жь отдохнете? спосила сердобольная мать:—ребятишекъ хоть не берите.

— Отдохнемъ на возахъ, по дорогѣ... А ребятишекъ, пожалуй, до время оставимъ.

И сказавши, всѣ тронулись къ дому: женщины убрали все лишнее въ сѣнницы и, покрестившись, заперли ихъ деревяннымъ засовомъ. Тихо шагая, старшіе пошли къ избамъ, говоря о цѣнѣ за подводы со старымъ Пиманомъ. Подростки же убирали коней торопливо и въ ворота выводили на улицу, къ общимъ колодцамъ, на водопой. Улица сразу вся оживилась. Вездѣ у колодцевъ толпились дѣти съ конями и, напоивъ ихъ, садились верхомъ, и парни, и дѣвки, и собирались въ общую группу у широко распахнутыхъ верѣй, поджидая отставшихъ. Вотъ, наконецъ, всѣ собрались и бойкою рысью, весело гикая, они помчались въ луга, надъ которыми легкой дымкой собирался туманъ. Вдали, какъ будто купаясь среди бѣловато-туманнаго моря росы, затопившей весь лугъ, рисовался табунъ, и, заслышавъ громкій топотъ запоздавшихъ своихъ односельцевъ, разомъ привѣтствовалъ ихъ громкимъ ржаньемъ. Ему еще веселѣе отвѣтили всадники громкимъ «го-го»! и, спрыгнувъ съ лошадей, предоставили ихъ собственной волѣ—мчаться на призывное ржанье. А сами гурьбой, недоуздки накинувъ на плечи, назадъ двинулись, посп ѣшая на ужинъ.

II.

Между тѣмъ, въ избахъ жены мужьямъ приготовляли бѣлье, торопливо катая скалками, а дочери—свѣжіе вѣники изъ березовыхъ сучьевъ несли изъ амбаровъ. Захвативши все это, двинулись дѣды, мужья и братья къ банямъ, стоявшимъ толпою у рѣчки. Но на пути ихъ встрѣчалъ староста и говорилъ: «Братцы! Изъ бань вы домой не ходите... Заверните сначала на сборню подъ вязомъ: народъ, слышь, съ устатку, съ уборкой поздравиться хочетъ... А между прочимъ, и дѣло до васъ есть».

— Кто поздравиться хочетъ, пускай бы и пилъ въ одиночку, замѣтили трезвыя дѣти Пимана.

— Не у всѣхъ оно къ разу бываетъ, добродушно отвѣтилъ имъ староста.—А тутъ, въ общій счетъ, на міру, всякому хватитъ по чаркѣ...

— Это вѣрно, подтвердилъ и Пиманъ:—лучше пить на міру— легче на сердце ложится, чѣмъ тянуть въ одиночку.

— Что правда, то правда, сказалъ староста, старый знакомый Макридій.

Скоро собрался народъ въ сборное мѣсто мірскихъ посидѣнокъ, подъ вязомъ стариннымъ, у небольшого пруда. Это старое мѣсто давно ужь, еще отъ прадѣдовъ, выбрано было. Можетъ быть, сотни лѣтъ, какъ этотъ старикъ, вязъ долговязый, слушаетъ тутъ мужицкое горе и радость, пѣсни и пени, видѣлъ много хорошаго, но и жестокаго тоже не мало прошло передъ нимъ.

Тутъ уже много народу собралось, и шумно-веселыя шутки шутили надъ слабыми къ выпивкѣ, которые все торопили съ виномъ; дрожали они послѣ бани и едва попадали зубомъ на зубъ; лихорадка ихъ била отъ нетерпѣнія. Но Макридій къ ихъ мольбамъ не склонялся: отъ артельныхъ обычаевъ отступить онъ ни за что бы не позволилъ себѣ, и, держа на колѣняхъ боченокъ, ждалъ, когда всѣ соберутся. Буйно ругались они, а надъ ними народъ издѣвался остротами, и староста самъ хохоталъ.

— Ну, вотъ и всѣ собрались, сказалъ онъ, когда подошелъ Пиманъ съ сыновьями.

— Чего-жь было ждать ихъ? Черезвый вѣдь намъ не попутчикъ, замѣтили слабые къ водкѣ міряне.

— Порядокъ, сказалъ Макридій:—зато меня міръ уважаетъ, что блюду я старинный обычай равненья мірского, безъ послабленья.

— Ну, поздравляю съ удачной уборкой, продолжалъ онъ, наливая стаканъ:—нынче выпить не грѣхъ: уборка на рѣдкость была... Полегчаетъ народу!.. Дастъ Богъ, у всѣхъ хватитъ до новаго хлѣба...

— Коли въ кабакъ не снесемъ, молвилъ сурово изъ старовѣрской выти старикъ.

— Эка ворона!.. засмѣялись міряне:—ты говори, чтобы все въ спорину шло!..

— Это вотъ такъ!.. Пейте-ка! подчивалъ староста въ чинномъ порядкѣ, наливая и каждому самъ поднося по стакану.—Главное дѣло, первѣе всего, подати справить, чтобы недоимокъ за нами, какъ и до-прежде, не значилось... Это первое дѣло: чтобъ насъ не тягали, чтобы начальства у насъ въ вѣкъ не видали... Мужику это первое дѣло! Мужика только разъ тронь—загубишь совсѣмъ и во вѣкъ не подымешь... Вотъ вамъ примѣръ, мужички:

Пиманова выть... Сами вы ихъ за лютость къ работѣ «жадными» прозвали. Вотъ, посмотрите: счастливѣе нѣтъ мужиковъ! А отчего все? оттого, что весь вѣкъ все хозяйство свое охраняли: раньше всѣхъ встанутъ, позже всѣхъ лягутъ, нигдѣ ужь труда не упустятъ, лишь бы волка въ овчарнѣ не вàдить... Лучше глотку заткнуть ему, только бы не шасталъ онъ у дворовъ... Разъ повадится онъ—долго возиться придется!

— Вишь ты какой проявился учитель! шутили міряне.—Али не хочешь въ холодной сидѣть?

— Не самъ отъ себя говорю: такъ насъ старики обучали, говорилъ мягко и плавно тонко-дипломатичный Макридій Софронычъ, пока міръ пилъ вино да дàкалъ и тàкалъ въ отвѣтъ.

Впрочемъ, не всѣ выпивали: были и такіе, какъ Пимановы дѣти; они трезвость блюли неуклонно и къ пьющимъ вино относились строго, зная къ какому оно униженью доводитъ. А имъ, почитаемымъ всѣми, униженье такое было бы хуже раззора. Но все же они не сторонились, какъ выть старовѣрская, отъ артельныхъ обычаевъ и чтобъ міру глаза не мозолить—пили въ складчину чихирь съ другими, непьющими водки.

Нынѣ собрались всѣ семь вытей, по вытному съ каждой, да отъ двора по хозяйному члену (молодежи здѣсь не было видно сегодня: устала она и близь матерей, что готовили ужинъ, пригрѣлась). Были тутъ выти Сохатыхъ (или, что тоже, Коты), выть Мёрзлыхъ, Пиманова выть, что прозвали «жадной», Мосева (нашихъ старыхъ знакомыхъ, Мосея дѣтей съ Клопомъ и Сатиромъ), выть Строгихъ и выть старовѣровъ. Такія прозванья окрѣпли за ними отъ древнихъ родовъ, которые первыми нѣкогда сѣли въ этой зеленой ложбинѣ. И нетолько названья остались, но и теперь еще можно подмѣтить въ каждой выти каждому роду особый свойственный складъ. Изъ Сохатыхъ—кряжисты, низкорослы, толсты, бородаты; всѣ упрямы, несговорчивы, тупы, и прозванье несутъ «поперёшныхъ»; любятъ выпить, но выпивши, всѣ становились еще «поперёшнѣй», и хотя добры въ душѣ, однако, часто въ образъ звѣриный приходятъ и не мало, по тупости, злаго приносятъ... Коты—говорливая, мелкая, юркая выть; красно говорятъ и хоть доброе дѣло не прочь совершить, но за нимъ никогда не забудутъ тонко и свой интересъ провести. Староста—Макридій Софронычъ выти той вытный. Выть Строгихъ—благообразна и чистоплотна; любитъ почтеніе къ старшимъ въ дому, повиновенье дѣтей, строгость въ одеждѣ и въ пищѣ, и въ отношеніяхъ къ ближнимъ. Любитъ давать милостыню, но любитъ при этомъ сказать и резонную рѣчь въ поученье, и часто своей «справедливостью» передъ всѣми ки-

чится. Староверы—то скрытный, сердитый и молчаливый народъ-особнякъ; эта выть никогда не позволитъ мѣшаться себѣ съ другими вытями, крѣпко глядитъ за своей усадьбой, стараясь селиться въ особый конецъ; крѣпкіе держатъ замки у воротъ и у усадьбъ загороды. Много тутъ было еще мужичковъ захудалыхъ: они приставали то къ той, то къ другой изъ главныхъ вытей.

— Ну, и потѣшилъ насъ понѣ Пимаха твой! сказали міряне, обращаясь къ Пиману.—Экая жадность! Экая лютость къ работѣ!.. А вотъ, поди, изъ солдатъ давно ли вернулся!

— Нонѣ поменьше ихъ портятъ, замѣтилъ Пиманъ:—хоть и три года съ ружьемъ повертится, а все же мало склоненья имѣетъ къ этой забавѣ. Пришелъ, улыбается: ну, говоритъ, развязался! Только и думалъ: скорѣй бы домой! Вышелъ во дворъ, ходитъ межъ коней, старыхъ ласкаетъ, а новымъ смотритъ и въ зубы, и въ хвостъ... Такъ и скотину онъ всю осмотрѣлъ... Любо ему!.. «Ну, говоритъ, теперь межъ своихъ!» Сохи, бороны, косы—все осмотрѣлъ, пробуетъ, вертитъ въ рукахъ...

— Хорошо, кому въ сильный дворъ придется вернуться... Да счастливыхъ такихъ-то немного!.. возразилъ одинъ мужичекъ захудалый, скорбно мотнувъ бородой.

— Видно, міряне, голодный счастливымъ не пара! замѣтилъ, лукаво смѣясь, странный мірянинъ, который одинъ, казалось, въ общемъ трудѣ и довольствѣ не принималъ никакого участія. Засунувши руки въ карманы, давно онъ стоялъ въ сторонѣ, прислонившись къ старинному вязу. Пимоновы дѣти угрюмо наморщили брови. Старикъ самъ Пиманъ осердился. Но тутъ вдругъ поднялся лохматый пріятель Пимана, съ больными глазами—Минъ Аѳанасьичъ.

— Стойте, стойте!.. Что правда, то правда, сказалъ онъ, поправивъ на плечахъ худой полушубокъ:—только не въ томъ тутъ дѣло! Стойте, я вамъ разскажу... И раньше не былъ я очень чтобъ счастливъ, сами вы знаете, къ тому-жь зашибались мы съ братомъ виномъ; шла битва у насъ денно и нощно, жены бранились, ребятишки ревѣли!.. Гдѣ-жь тутъ крестьянству идти!.. Тяжко мнѣ стало... Вотъ, поссорившись съ братомъ, въ раздѣлъ мы вступили: изъ-за каждой колоды, бранились, дрались, судились... Такая битва̀ шла! Думаю, что же я тутъ убиваюсь на трудной работѣ?.. Плюнулъ я, землю оставилъ, и свою половину избы доска̀ми забилъ: ушелъ съ женой и съ ребятами въ городъ... Тутъ повезло намъ, не долго бились въ нуждѣ: къ купцу насъ пристроили въ дворники, дворъ стеречи. Жилъ онъ одинъ, хоть и богатъ былъ, и домъ былъ обширный;

все Богу молился, да постничалъ, ни къ кому не ходилъ и къ нему-то боялись ходить... Скупъ былъ, за то временами запьетъ, тогда деньгами сыпалъ безъ счету! Перепадало и намъ, случалось... Да послѣ запою вдругъ на него нападала боязнь, и тогда онъ меня всѣмъ ублажалъ, чтобъ только былъ я ему вѣренъ. Житье было всласть: сиди у воротъ цѣлый день, или лежи на печи: пироги лѣзутъ въ ротъ сами.—Только ночью ходить вокругъ дома надобно было, да бить неустанно въ трещотку... Что же, братцы мои, вѣдь году не выжилъ! Тоска обуяла... Бывало деньженки коли перепадутъ, все въ кошолку съ женой зашивали: вотъ поѣдемъ въ деревню, купимъ коня, коровенку, овецъ, только и мысли было!..

— Такъ это, такъ, подтвердили міряне.

— Да, что: въ слезы бывало отъ скуки... ей-Богу!.. Что мы за люди здѣсь, думаемъ:—ровно псы приворотные! Только и честь намъ... Въ чемъ наше дѣло? купца беречь по ночамъ, на вѣтеръ лаять, чтобы спать ему было не жутко... Вотъ какъ-то отъ этой тоски и пошелъ я въ побывку въ деревню; вотъ такъ же на жниво попалъ... Въ деревнѣ никѣмъ никого: подошелъ я къ нашей старинной избѣ: гляжу, развалилась... отъ трубы только два кирпича торчало на крышѣ. Стекла въ окошкахъ повыбиты... «Ну, думаю, плохо брательникъ живетъ... А поди сколько работы и нужи подыметъ! Тутъ вѣдь работа не наша: за тѣмъ присмотри, за другимъ; тутъ торопись — да и тамъ не зѣвай... Вышелъ я на поля—гляжу, весь народъ тамъ собрался. А въ матушкѣ-ржи, словно въ рѣкѣ, плавали бабы и дѣвки. А мужики по задворкамъ ужь скирды навивали!.. Подошелъ, говорю: «Богъ въ помочь, братцы!—какъ дѣло?—говорятъ: слава Богу!.. Мы, вѣдь, не горожане: вотъ наше дѣло все тутъ! Посмотри-ка, рожь-то какая, въ ростъ человѣчій! Вишь какихъ королей намахали! Каждый скирдъ нонѣ въ полутора раза выше кладемъ! Скажетъ спасибо намъ царь и народъ, да и вы, горожане: вѣдь вы только тѣмъ и живы, что мы на базаръ привеземъ... Коли мы не пріѣдемъ къ вамъ, тутъ вамъ и съ деньгами смерть!» Смѣются! Гляжу, брательникъ мой тутъ: только меня увидѣлъ, отвернулся и шапки не снялъ... Стыдно и мнѣ къ нему подойти...! Сталъ я, смотрю на народъ, какъ онъ работалъ, ровно одинъ человѣкъ, дружно и ладно... Вотъ что Пимаха теперь, помню я, также на скирдѣ парень стоялъ и гигикалъ вовсе вольное горло... А народъ, ровно въ догонку за нимъ, напрягался... «Братъ, говорю, дай завершу тебѣ я одѣнье! Мастакъ былъ когда-то на это!»—«Ну-ка, попробуй, смѣются:—какъ-то ты съ жиру на немъ станешь вертѣться?» Залѣзъ я, глянулъ

кругомъ—на лѣса, на луга, на народъ... да до ночи и проработалъ! А пошабашавши, также вотъ міряне собрались тогда къ кабаку: поставилъ я имъ на поздравку четвертную бутыль... да какъ выпили малость, упалъ я тутъ въ ноги нашему міру: «Братцы, дайте землицы... Буду крестьяниномъ вѣрнымъ!.. А блажь мнѣ простите».—Дать мы дадимъ, сказали (старики, чай, вотъ помнятъ): — а за то, что ты блажью своей теперь міръ утѣсняешь землей, ты долженъ понесть наказанье — выставить міру ведро, да заплати въ благодарность тому, кто твою землю холилъ. Такъ вотъ оно что! Чѣмъ тебя Богъ не попуститъ, хошь бы въ золотыя хоромы загналъ, только земли не чурайся... Да что мы! Вы вотъ нашихъ деревенскихъ купцовъ посмотрите: то-ли не жирно живутъ, лѣсами торгуютъ, барской землей, а въ своихъ деревняхъ лапоть свой ни въ вѣкъ не покинутъ, дуракъ развѣ случится... Что это значитъ? А-сь? То-то вотъ: значитъ это все—тлѣнъ, прахово дѣло!.. Крѣпче мірского лаптя мужику не найти... Вотъ оно—дѣло какое!..

— Красно говоришь ты, сказалъ старовѣръ, ворчливый, угрюмый старикъ:—а я такъ полагаю, что на васъ тогда съ братомъ плети отцовской хорошей не было, да міръ не училъ васъ... Были бы тогда и счастливы! Счастье плохое, коли отецъ сыновей, а міръ молодыхъ распуститъ изъ власти!.. Видимъ теперь мы, къ чему подошло все!.. Раздоры, гульба, пьянство, распутство!.. Да имъ еще землю подай!..

— И я скажу тоже, замѣтилъ изъ Строгихъ одинъ, почтенный отецъ:—хорошо говорить тебѣ, Минъ Аѳанасьичъ, какъ ушелъ ты въ городъ въ лѣтахъ. А вотъ какъ народъ молодой—бѣжитъ туда чуть не подросткомъ, что изъ него выйдетъ? Гуляка, охальникъ?.. Придетъ—ему слова не молви, дѣвку беретъ, не спросясь, какую захочетъ, и сейчасъ же въ раздѣлъ, на особицу!.. Не смѣй ты ему наставленье прочесть, али на жену крикнуть построже... Вонъ, мать съ ребенкомъ здѣсь ждетъ... Вотъ, давноль отдѣлились, семью всю смутили... Отецъ вишь дерется! Отецъ вишь охальникъ!.. Мы сами себѣ господа! Ну, ушли... А что вышло: сбѣжалъ мужиченко, бабенку съ сынишкомъ оставилъ одну... Что-жь, помогайте, міряне!..

— Братцы, придетъ онъ, ей Богу придетъ, взмолился Минъ Аѳанасьичъ:—право, придетъ, вотъ повѣрьте же слову! Блажь нашла, погулять захотѣлъ... А придти—онъ придетъ!

— Что говорить, неотмѣнно придетъ!.. А мы будемъ міромъ, пока онъ гуляетъ, кормить ему семью!.. А онъ за спасибо намъ басню разскажетъ: гдѣ былъ, что видѣлъ, съ насмѣшкой сердито сказалъ Старовѣръ.

— Почтенные! крикнулъ Макридій Софронычъ:—наказать мы его безотмѣнно должны, коль вернется: всыплемъ ему штукъ пятнадцать горячихъ—и будетъ наука! А семья вѣдь тутъ не въ отвѣтѣ... Она чѣмъ виновата? Вотъ мальчуганъ хоть—выростетъ, будетъ такой же мужикъ, что и мы, можетъ и насъ будетъ лучше!.. Я вотъ не помню, а стариковъ вы спросите: вотъ вашъ Пиманъ, вѣдь тоже міромъ былъ вскормленъ съ сестрой... А сестру его, няньку мірскую, кто не зналъ. Стара теперь стала, а прежде мы знали ее хорошо: у матерей на нее только и было надежды, какъ уходили въ поля. Вѣрнѣе ея никто за нами, ребятами, не услѣдилъ бы... А Пиманъ, такъ вотъ онъ передъ вами. Мужикъ въ полномъ видѣ, и Богъ его счастьемъ взыскалъ!.. Всѣмъ намъ примѣръ!..

— Что же, счастливые пусть и мирволятъ гулякамъ, сказалъ старовѣръ.

— Счастливымъ съ голоднымъ не грѣхъ подѣлиться, ядовито прибавилъ стоявшій у вяза мужикъ. Его звали Борисомъ. Когда еще клали скирды, Борисъ этотъ также, безучастно ко всѣмъ, то лѣниво ходилъ, то, прислонившись къ какой-нибудь сѣнницѣ, смотрѣлъ на работавшій народъ, который на него не обращалъ никакого вниманія. Развѣ какая-нибудь уставшая баба скажетъ:— «Чтò, Борисъ Пимàнычъ, гуляешь? Лучше помогъ бы кому... Не у всѣхъ работниковъ, чтò у Пимана!»—Но Борисъ, посмотрѣвъ на нее равнодушно, засунувши руки въ карманы, проходилъ. Иногда же, какъ бы мимоходомъ, сурово кому-нибудь говорилъ: «Бокъ-то поправьте! Упадетъ вѣдь одѣнье!

— Коли міръ, такъ счастливыми всѣмъ надо быть, поддержали его изъ толпы захудалые люди, хитро смѣясь и прячась за спины хозяйственныхъ вытныхъ.

— Дураки! Тѣмъ и счастливые живы, что голодные есть, засмѣялся Борисъ.

— Что-жь это, братцы? заговорили дѣти Пимана, вскочивъ, торопливо волнуясь и перебивая другъ друга: — что же вы въ самомъ дѣлѣ корите насъ счастьемъ? Чѣмъ провинились? Тѣмъ, что съ утра до полночи работаемъ? Что живемъ мы безъ ссоръ и безъ драки? Что на другихъ съ нахрапомъ не лѣземъ? Что по кабакамъ мы не ходимъ? Что подати нами справлены всѣ начистую? Что не водятъ у насъ со двора лошадей и коровъ на продажу? Что не тянемся мы по судàмъ? Что блюдемъ свою честь и зады подъ мірскую лозу не доводимъ? Это что-ль счастье-то? А чѣмъ мы его заслужили? Чего оно стоитъ? Кабы эти кабашные гости, что здѣсь укоряютъ, кому не зазорно, послѣ пропоя, валяться въ ногахъ у богатыхъ, да подставлять свои

спины подъ розги... («на насъ молъ не виснетъ!») кабы знали они чего счастье-то наше намъ стоитъ! Небойсь, говорить они любятъ, а попробовать этого счастья ихъ нѣтъ! Вотъ гдѣ это счастье, да здѣсь, показали Пимановы дѣти на здоровыя, сильныя руки и на широкія спины.

Но тутъ вдругъ выступилъ прямо па нихъ молчавшій дотолѣ желтый, длинный, сухой міряпинъ изъ Сохатыхъ, Ермилъ, больной, съ провалившейся грудью, и въ сильномъ волненьи, махая сухими руками, долго сбирался что-то сказать. Но тонкія губы дрожали отъ гнѣва и лихорадки, и вмѣсто словъ выходили изъ груди лишь сиплые стоны.

— Я... я... работалъ, чуть прохрипѣлъ онъ...

Всѣ тутъ замолчали, и даже Пимановы дѣти не нашлись что сказать: передъ ними стояло мужицкое горе.

— Эхъ, мужики! вздумали что: мужицкое счастье дѣлить. Вотъ вы кого посмотрите, вскрикнулъ хитроумный политикъ Макридій Сафронычъ:—Ну-ка, Власъ Петровичъ, двинься сюда... Да не стыдись!.. Полно! Человѣкъ чай знакомый!.. Въ гостяхъ у меня.

Тутъ выпихнулъ онъ передъ міръ полегоньку міряпина изъ Пузырей: толстый, низенькій, съ брюхомъ большимъ, въ красной рубахѣ, на поясѣ ключикъ, сапоги смотрятъ врозь, а ноги, что тумбы; послѣ бани надутыя щеки такъ и пышутъ. Стоитъ, улыбается, словно красная дѣвка, да Макридію грозитъ кулакомъ. А Макридій хохочетъ:—Вотъ смотрите! знаете чай!.. Былъ такой-же сухой, что Ермилъ, да Богъ наградилъ наслѣдствомъ... Ушелъ въ Доброе, въ волость, къ купцамъ, вывелъ хоромы, давай землей торговать: черезъ годъ налился, что піявка... пять лѣтъ былъ въ купцахъ, да вдругъ и пошло прахомъ все: въ одночасье на чистоту обобрали... Тутъ онъ поскорѣй—дай Богъ ноги; перекрестился—да въ деревню къ себѣ, да къ своей полосѣ, вотъ теперь онъ по ней, что пузырь, и катается... Жарко, ноги вязнутъ въ песокъ, паръ изъ него, что отъ каменки въ банѣ—ничего, самъ кряхтитъ за сохой, да и земля подъ нимъ стонетъ!..

Весело сдѣлалось міру, и даже угрюмые разсмѣялись на этого гостя—Власа изъ Пузырей.

— Такъ вотъ оно счастье, закончилъ Макридій: — не намъ его усчитать. Давайте лучше ровняться, какъ сможемъ... Пусть кто сильнѣе въ міру, тотъ больше и тягости приметъ... Это будетъ по правиламъ...

Ему тутъ хотѣли сказать Пимановы дѣти: «по правиламъ такъ, а по-божьи кто же сильнѣе-то? Онъ ли, что лавку имѣетъ,

да лошадями торгуетъ, и земли беретъ всего на двѣ души, или опять все они же, у которыхъ пупъ трещитъ отъ работы?»—Но ихъ дернулъ за полы Пиманъ, да кстати и два старика помѣшали: весь міръ ими былъ занятъ и дружно смѣялся. Два свата старыхъ сцѣпились, что пѣтухи: тоже объ счастьѣ заспорили.

Сватъ Парамонъ говорилъ, что былъ бы-де онъ счастливъ, коли-бъ не невѣстка его, смутьянка и дому всему раззорительница. Но тутъ сватъ Сысой наскочилъ на него съ такими словами: «Я самъ былъ бы счастливъ, когда бы чортъ не спуталъ съ тобой!.. У меня бы теперь сватомъ купецъ былъ Грачевскій, не то, что вы, сбитые лапти!.. Да чортъ угораздилъ тогда съ тобой лишнее выпить: ну, «пріятель да другъ! Міръ тутъ ввязался: сватать давай. Вотъ міръ, водка, да чортъ и попутали!.. А ты бы за мою-то дочь вѣчно въ ногахъ мнѣ валялся. Вѣдь вы только что ею и живы. — «Кто?»—Вы, лежебоки, съ сыномъ только на печкѣ бока парите. А она... — Что она? Хвостъ да языкъ треплетъ по чужимъ избамъ. Вотъ она—кто!.. Она—лиходѣйка!..»

Такъ два свата бранились, пока не развелъ ихъ Макридій:— Стойте! что вы! Вотъ старичишки!.. Люди собрались степенно выпить послѣ трудовъ, а они вишь смуту подняли какую! Братцы, впередъ не давать имъ мірскаго вина!

— Не давать, не давать! міръ шумѣлъ и смѣялся...

— Все это вотъ наши Пиманы, замѣтилъ Макридій:—чѣмъ бы тихонько, ладкомъ бы, а они подняли споръ, счастье мужицкое стали усчитывать...

— Все мы же опять виноваты? спросили Пимановы дѣти. Но Макридій Софронычъ въ сторону отъ нихъ отвернулся—и ничего не отвѣтилъ.

Всѣ замолчали. Такое молчаніе въ міру не всегда бываетъ къ добру; часто за нимъ вдругъ подымается буря: семья на семью, выть на выть наступаютъ—и всю подноготную въ жизни другъ у друга подымутъ! Да ныньче, словоохотливый Минъ Афанасьичъ былъ въ духѣ, а когда онъ въ духѣ — то молчать не любилъ. Случалось, за это пристрастье его и бивали...

— Дастъ Богъ—объявится правда: всѣхъ уровняетъ! выкрикнулъ онъ пѣтухомъ:—уповайте—одно! Говорилъ ужь вамъ: изъ-за плошекъ, ложекъ, да женниныхъ тряпокъ деремся, а *большого* не видимъ. Шелъ я вотъ какъ-то, въ то еще время какъ съ братомъ дѣлился, въ городъ. Иду, да тихонько реву: за что молъ мнѣ такая неправда? Нагналъ меня старичекъ, пошли мы съ нимъ рядомъ. «Негорюй, говоритъ: — всему, говоритъ свои времена есть и сроки. Объявится правда крестьянству...

Крестьянство держава всему! Раззорить до конца его—Богъ не попуститъ. Ежели-бъ такъ, не почто было-бъ ему родить и народъ. Все крестьянствомъ крѣпится: не стога̀, не скирды̀, вишь ты это стоятъ, показалъ онъ мнѣ на поля: — а золото ссыпано тутъ! Всѣ имъ сыты: царева казна, и солдатикъ, и баринъ. Такъ-то! Неправда, говоритъ, слышь, любезный, минуетъ; царскія очи прозрятъ и объявится царскій приказъ — поравненья. Тогда и ссоры и драки не будетъ. Все, слышь, возвратятъ мужику, все тому, кто у хлѣба стоитъ, кто его холитъ и ро̀ститъ. Потому, хлѣбъ вершина всему! Вотъ мнѣ что спутникъ сказалъ—и вѣрно то слово! Я вамъ говорилъ ужъ, что̀ сталось со мной. Чего же намъ ссориться! Чѣмъ браниться, лучше ужъ выпить еще, чтобы и намъ, мужикамъ, изъ этого злата что ни то за труды перепало. Такъ ли міряне?

— Что говорить, пріятную рѣчь пріятно и слушать! міръ подхватилъ, и всѣ засмѣялись. — До водки доѣхать всегда ты съумѣешь... На что на другое тебя не хватаетъ, а на это хватитъ! острили міряне, но видимо имъ понравилось, что Минъ Афанасьичъ нынче такъ кстати «сболтнулъ» (что̀, по ихъ мнѣнію, съ нимъ не часто бываетъ). Послѣ слова такова можно нынче разойтись и безъ ссоры.

— Ну, да ладно, отвѣтилъ Минъ Афанасьичъ, прячась за спины мірянъ:—пусть ужъ водка, да ссоры бы не было только.

— Вѣрно, вѣрно, выпить еще-бъ не мѣшало!.. Что-жъ въ самомъ дѣлѣ, не грызться-жъ! подхватили и слабые къ водкѣ.

Но тутъ подошли уставшія жены: онѣ не совсѣмъ раздѣляли слишкомъ умильные взгляды Мина на водку.

— Будетъ вамъ, будетъ... Лучше усните покрѣпче, вотъ вамъ и міръ, говорили онѣ:—и себѣ и другимъ отдыхъ дадите! Ступайте, давно самовары готовы и ужинъ.

— Эхъ, холодно послѣ бани! Еще-бъ не мѣшало стаканчикъ, слышалось съ разныхъ концовъ.

— Полно вамъ, говорили и жены, и трезвые люди.—Вишь теперь какъ на деревнѣ тепло, какъ обставились сѣномъ и хлѣбомъ кругомъ! Словно паромъ изъ бани несетъ!

— Смотрите, съ огнемъ осторожнѣй; пуще всего, напомнилъ Макридій Софронычъ.

— Всякъ за себя побоится, небось, староверы замѣтили тихо:—а вотъ тѣ, у кого ничего нѣтъ...

— Полно вамъ! экій народецъ! что вы на ночь пужаете міръ, накинулись всѣ на староверскую выть.—У насъ еще, слава Создателю—-не было видано сроду, чтобъ когда хлѣбъ крестьянскій сгорѣлъ отъ поджога.

— Вѣрно, вѣрно... Есть конокрады, воры, убійцы, безумныя и неразумныя дѣти, что по глупости избы сжигають, а злодѣевъ такихъ еще не видалъ міръ, чтобъ пускать въ мужицкіе скирды огонь!.. Страшно сказать! Лиходѣю тому уготована черная смерть: кусокъ не пойдетъ ему въ горло и все, что ни съѣсть, выбросить вонъ изъ себя, исхудаетъ какъ щепка; останутся кости да кожа; а умреть — и въ землѣ ему не будетъ покоя: могилу его разрывать будутъ волки, а кости растащутъ вороны, разсказывалъ Минъ Афанасьевъ.

— Говорять, что до третьяго будто колѣна, всѣ въ роду анаѳема прокляты будутъ.

— Инако нельзя! Хлѣбъ—держава всему! Хлѣбъ да земля сами себя охранять, коли будетъ ихъ у крестьянина вдосталь!.. сказали міряне.

— Ну, прощайте... Пойдемте ужь спать... И тàкъ заболтались... А завтра съ вытѝ по подводѣ выставимъ въ помочь вдовѣ: только ея полоса и осталась. Свозимъ да ужь на жниво и пустимъ сотину... Ладно что-ль? заключилъ Макридій Софроньичъ.

— Ла-адно! Чатъ не въ первòй, отвѣчали міряне. Медленно двинулись всѣ они группами къ избамъ, и долго еще толковали, смѣясь, о счастьи мужицкомъ.

III.

Пимановы дѣти ушли слѣдомъ за матерью, приходившей ихъ звать, а старикъ съ другомъ стариннымъ своимъ, Миномъ, двинулись послѣ, неторопливо шагая, руки закинувъ за спины и бороды внизъ опустивъ. То были пріятели давніе. Міръ деревенскій давно привыкъ видѣть ихъ вмѣстѣ, хотя они во многомъ не были схожи. Взять одно: Пиманъ былъ рослый, сухой, сутоловатый мужикъ; ходилъ онъ, ёрзая ò-земь ногами, выпятивъ голову, шею и грудь, словно по пашнѣ напирая на соху. Ктобы ни увидѣлъ его, сразу призналъ бы въ немъ земледѣльца: носъ мясистый, широкій у ноздрей; пухлыя красныя губы и бѣлые прочные зубы; голубые глаза — смирные, мягкіе и какъ будто сонливые даже; уши большія, круглыя и тоже мягкія; борода русая и хотя онъ чесалъ ее только разъ, послѣ бани, не сваливалась въ колтунъ и косицы. Такихъ мужиковъ любятъ наши хозяйныя бабы: вымывшись въ банѣ подъ праздникъ, надѣвъ чистыя рубахи, смирно сидятъ они въ прибранной избѣ, за чисто выскобленнымъ ножами столомъ, и благодушно-лѣнивая улыбка не сходитъ съ ихъ лицъ: они всѣмъ довольны; въ

бабьи дѣла не суются; не ворчатъ по-пустому. А бабамъ и любо что хозяева ихъ, что короли, сидятъ великатно и чинно. Съ такими мужьями до старости живется счастливо, хотя въ молодости и нерѣдко молодыя бабенки, изъ-за спины такого мужа, поглядывали на кудрявыхъ лихачей, съ острыми, бойкими глазами, порывистыхъ и страстныхъ... Ну, да мало ли блажи какой не бывало! А вотъ послѣ, когда воспитаешь семью душъ въ пять-шесть, когда за хозяйствомъ проходишь полвѣка, какъ сладко и тепло спится около смирнаго мужа!

Хотя также былъ смиренъ и добръ пріятель Пимана — Минъ Афанасьичъ, но всѣ знали, что это другой человѣкъ. Онъ малъ ростомъ, низокъ и жидокъ; волоса у него, словно сѣно, а лицо постоянно смѣется; ходитъ ли онъ, говоритъ ли — все какъ-то восторженно: машетъ руками, ногами топочетъ, бороду треплетъ... «Развѣ это мужикъ!» какъ будто надъ нимъ постоянно смѣется деревня. И дѣйствительно, вотъ Пиманъ — посмотрите, въ немъ словно живетъ вся деревня, какъ будто онъ носитъ всюду съ собой, невидимо, весь обиходъ деревенскій. Такъ все въ немъ соразмѣрно деревнѣ. Иначе его не представишь себѣ: идетъ онъ, и, кажется, будто вотъ тутъ, передъ нимъ, соха скрипитъ тяжко подъ могучей рукой, вцѣпляясь желѣзомъ въ засохшую землю, лошадь, высокая, плотная, также какъ и Пиманъ, напирая широкою грудью, мѣрно шагаетъ, тяжело подымая ноги и въ тактъ имъ тряся добродушно ушами. Обозъ ли представишь—и опять тотъ же Пиманъ, та же лошадь, въ ногу ступаютъ—и вмѣстѣ съ возомъ какъ будто скрипятъ и пыхтятъ. Во дворѣ ли увидишь его—съ нимъ жена, работящая, степенная, строгая баба, крупно шагая, ходитъ изъ закута въ закуту, съ крупой и мукой, съ водой и корытомъ, отъ птицы къ скотинѣ; вотъ тутъ и корова сытно жвачку жуетъ и добрыми, сонливыми глазами спокойно-лѣниво смотритъ вокругъ. Такъ гармонично все, такъ немыслимо тутъ одно безъ другого. Также все соразмѣрно связано здѣсь, какъ и въ природѣ самой, и молчаливо-торжественно совершается процессъ органической жизни, какъ будто пущенный въ ходъ чьей-то стороннею властью. Тутъ и признака нѣтъ, чтобы кто кѣмъ-нибудь управлялъ: почва ли корнемъ, или листьями стволовъ, или туча все здѣсь оживляетъ, или вѣтеръ эту тучу направилъ, или рѣка, поднимаясь парами къ небу, ее родила. Кто-жь тутъ важнѣе: рѣка ли, почва ли, вѣтеръ, туча... Одно безъ другого—ничто. — Такъ и здѣсь: заверните во дворъ или избу счастливаго мужика Пимана, и скажите, кто здѣсь кѣмъ управляетъ, отъ кого все зависитъ? И чувствуешь, что отними отъ Пимана эту сильную, высокую ло-

шадь, эту спокойно-созерцающую сытую корову, дающую молоко и навозъ, эту спокойно-хлопотливую жену, этихъ здоровыхъ ребятъ, и счастливый Пиманъ не будетъ ужь счастливъ; здѣсь никто ни умнѣе, ни глупѣе другого, здѣсь никто ни лѣнивѣе, ни трудолюбивѣе, здѣсь нѣтъ ни на чемъ индивидуальнаго творчества: здѣсь одно—гармонія труда. Не такова ли природа? Все индивидуальное въ ней — не въ рабствѣ ли у цѣлаго, у великой творческой гармоніи. Таковъ былъ счастливый мужикъ.

Другое дѣло Минъ Афанасьичъ. Онъ въ жизни своей не знавалъ этой гармоніи: самъ онъ былъ маленькій, шустрый, а жену ему далъ Богъ бабу въ косую сажень, флегматичную, сильную, грубую. Хозяйство у него было плохое и шло не спокойно: послѣ смерти отца, какъ мы знаемъ, велъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тяжбу съ братомъ; случалось, изъ-за колоды по цѣлымъ днямъ судились они въ волости, теряя большой заработокъ, гноя хлѣбъ на поляхъ или сѣно въ лугу. — Этого мало: онъ ухитрялся какъ-то еще самъ вносить дисгармонію. Такъ, отецъ при жизни еще хотѣлъ устроить хозяйство ему: и жену ему подобралъ «большую» и упрямую, чтобы она его держала въ рукахъ, и лошадь купилъ тоже «большую» и упрямую, чтобы онъ ее не загонялъ (у него была, выпивши, страсть кататься «во весь опоръ»), и корову купилъ большую, хорошую, и телегу прочную, крѣпкую... Однимъ словомъ, отецъ его—тотъ же Пиманъ, только характеромъ круче—все хозяйство ему хотѣлъ въ такихъ разсчетахъ устроить, чтобы оно его непремѣнно «одолѣло»; но вышло какъ разъ наоборотъ—не «хозяйство» его одолѣло, а онъ одолѣлъ хозяйство. При отцѣ онъ крѣпился еще, потому что боялся, да и хозяйство какъ-то еще шло помимо его какъ будто. Но какъ только умеръ отецъ—онъ сейчасъ же пошелъ воевать: хорошую корову промѣнялъ на другую, на томъ основаніи, «что не я тебя кормить буду, а ты меня корми»; сначала сталъ «учить» лошадь, а потомъ и жену, въ особенности выпивши, на томъ основаніи, «что-де не я вамъ, а вы мнѣ должны покоряться...» Вообще, въ немъ сказывалась страшная жажда личной энергіи и почина, которыхъ никто за нимъ не хотѣлъ признавать и считалъ для крестьянской гармоніи вредными, ибо они вноситъ въ крестьянскій обиходъ элементъ борьбы, неустойчивости и разложенія. Это хорошо понималъ и самъ Минъ. Но какъ же примирить съ этимъ рабствомъ гармоніи личное творчество? Трудно то было, но все-жь оказалось, что не было человѣка, у котораго было бы столько внутренней, душевной гармоніи, какъ у Мина, и никто такъ не жаждалъ воплощенія этой гармо-

ніи въ жизни, никто такъ не скорбѣлъ о томъ, что въ мірѣ «битва» идетъ, что «правда» пропала, и никто такъ ни вѣрилъ въ возвращеніе этой правды, какъ Минъ Афанасьичъ. И чего только ни приводилъ онъ въ гармонію въ своей фантазирующей душѣ! Вещи самыя непримиримыя умѣлъ онъ опоэтизировать и ввести въ гармонію съ другими. Никому, напримѣръ, не могло въ голову придти, какимъ образомъ могъ маленькій Минъ «учить» свою большую, суровую и упрямую бабу: когда онъ пѣтухомъ налеталъ на нее, хорохорился, какъ пигмей, а она спокойно только отстраняла рукой и ворчала — всякому было понятно, что это только «блезиръ», и въ концѣ-концовъ все же одолѣетъ» его баба. Однако, это было далеко не такъ. Въ то время, какъ, напримѣръ, Пимана, сильнаго, здороваго, представительнаго, тѣмъ не менѣе, одолѣвала и дѣлала рабомъ нетолько жена, дѣти, но и всякая хозяйская мелочь, Минъ, видимо для всѣхъ, не былъ пассивный рабъ чуждой воли или окружающей гармоніи, а борющееся существо. Но такъ какъ блажить ему еще было можно, а торжествовать приходилось рѣдко, то въ этихъ-то случаяхъ онъ и пускалъ въ ходъ всю силу своей фантазіи, чтобы все привести въ гармонію, въ которой, однако, онъ былъ бы главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, или, по крайней мѣрѣ, не послѣдняя спица въ колесницѣ. Несетъ онъ къ помѣщику оброкъ, который сколотилъ всякими правдами, а иногда и неправдами, ругаясь и злясь, перессорившись и переругавшись со всѣми близкими и дальними родственниками, накрививъ душой на базарахъ столько, что и въ вѣкъ не изживешь, и оказывается, что онъ возвратился отъ помѣщика умиленнымъ, сидитъ въ избѣ, куритъ трубку, и восторженно разсказываетъ: «Примѣрный у насъ баринъ, истинно примѣ-ѣрный!.. Что, душа!.. Великатенъ, обращеніе понимаетъ... Сейчасъ это я пришелъ — допустилъ, около себя посадилъ, разспрашиваетъ... Что! Да оно такъ, какъ же инако! Вѣдь онъ понимаетъ, что ему безъ меня не жить... Вотъ вѣдь оно какая у мужика-то сила!.. Теперь плохъ мужичекъ, и бьютъ его, и сѣкутъ, а глядишь, безъ мужичка-то и безъ хлѣба насидишься!.. Нда! Вѣдь я ему тоже не маково зерно отвалилъ... Такъ онъ это и чувствуетъ!.. Мужичка-то ужь онѣ и охаживаетъ великатно! Вотъ что!..»

Есть еще у него яйцо знаменитое, которое кажетъ онъ всѣмъ, кто только къ нему ни заглянетъ. Бережетъ онъ его въ десяти бумагахъ, въ шкафу «за стекломъ»: высшая почесть предмету, если таковой удостоится попасть за стекло у крестьянина. Вотъ какъ оно у него оказалось. Былъ у Мина сынъ и сдали его еще 18-ти лѣтъ въ солдаты, прямо въ гвардію, потому былъ онъ въ

мать — высокъ и широкъ костью. Лѣтъ черезъ пять, вернулся онъ домой, въ побывку, больной, изнуренный (давно это было). Вошелъ онъ кротко и тихо, усталый и обезсиленный, долго томительно кашлялъ, пока ранецъ снималъ и шинель: плакала мать, встрѣтивши сына такого, плакали тутъ и старушки, завернувшія къ ней въ избу, да и самъ Минъ прослезился, какъ солдатъ, по слову роняя, разсказывалъ страшную быль солдатской службы. Не долго солдатикъ ихъ прожилъ: послѣ дороги сразу свернуло его и ужь на третій день умирать собрался. Тутъ онъ вспомнилъ: «Батюшка, вынь ты мой ранецъ... Забылъ я совсѣмъ-было... есть тамъ яйцо — царскій подарокъ... Стояли мы въ Пасху во дворцѣ карауломъ, всѣмъ намъ далъ по яйцу... Берегъ я его пуще глазу—и вы сберегите: можетъ когда и утретъ оно ваши слезы...» Вынулъ Минъ Афанасьичъ изъ ранца яйцо, сахарное, на розовой ленточкѣ, и воскресенье изъ мертвыхъ Христа на немъ нарисовано было. Умильно смотрѣли отцы на царскій подарокъ и, бережно въ чистый платокъ завернувъ, спрятали въ шкафъ. А солдатикъ ужь умеръ... И завѣщаніе его исполнилось скоро: утеръ себѣ слезы Минъ Аѳанасьичъ... Съ тѣхъ поръ, кто ни придетъ къ нему, всѣмъ онъ съ восторгомъ кажетъ яйцо: «Вотъ, говоритъ, наградилъ!.. Плохъ, плохъ мужичекъ, а самъ Государь его жалуетъ! Да! Онъ, батюшка, знаетъ одинъ—каковъ мужичекъ есть на свѣтѣ!.. Не погнушается имъ никогда онъ!.. Да!.. Вотъ оно что: тутъ какой-нито писаришка съ тобой фордыбачитъ, не смысля ничего!.. А тамъ самъ Государь цѣлуетъ въ уста!.. Потому, онъ одинъ понимаетъ, что какъ онъ при царствѣ—такъ мужичекъ при землѣ: держава всему!..»

— Такъ-то, Пиманъ Савельичъ, говорилъ болтливый Минъ Аѳанасьичъ, мигая глазами и часто сѣменя босыми ногами, спѣша за солиднымъ Пиманомъ: — говорю я: гдѣ битва̀, тамъ крестьянству раззоръ... А все вѣдь пустое, такъ, перекоры, Богъ вѣсть за что̀, чего дѣлятъ... другъ другу перечатъ, хитрымъ обманомъ обходятъ, злоба, ненависть... Великъ ли нашъ міръ, и вотъ ужь успѣли чуть не подраться: зависть все... Все изъ пустого!

— Такъ думаю я, выговорилъ молчаливый Пиманъ: — оттого это нонѣ, что всякому стало вольнѣе, а міру тѣснѣе... Прежде было такъ: прежде было тебѣ утѣснительно, да за то міру просторно!..

— А почему все? Потому что битва̀... Хотѣлъ мужичекъ воли, ну, Государь и говоритъ: вотъ тебѣ воля — воюй!.. Кто кого одолѣетъ! Ну, и пошли воевать — и мужичекъ лютуетъ, и баринъ лютуетъ. Ты скажи, развѣ можно было допрежде, чтобъ

баринъ съ мужичкомъ воевалъ, чтобъ онъ на него войной ходилъ? Бить онъ его билъ по своей барской строгости, въ черной кости держалъ, ну, все же до убивства не допущалъ... Не ворогъ же онъ себѣ, понимаетъ, что въ мужичкѣ сила, питаніе его!.. А теперь сказано: воюй всякъ за себя! Ну, и пошла битва. И пошли, братецъ мой, мужика выбивать... Прежде барину мужикъ нуженъ былъ костистый, не очень чтобы толстъ, ну, и чтобъ на ногахъ стоялъ все же, а теперь барину мужикъ нуженъ дохлый, чтобъ отъ вѣтру валился... Ну, и пошли его вышибать, и въ хвостъ, и въ голову! Кто изъ мужичковъ былъ по-хитрѣе да по-оборотистѣй, тотъ самого барина-то сгребъ, а кто посмирнѣе, ну, тому—одно слово: прощай!.. Война и шабашъ! Какой тутъ міръ — коли война!.. Въ міру миръ и долженъ быть! Міръ въ мирѣ только и живетъ... Вотъ почему, другъ любезный, и міру пошло утѣсненье: всякъ за себя, а за міръ—никого!

— Оттого и народу стѣсненье, добавилъ Пиманъ. — Кто е знаетъ, что ужь и будетъ!.. Гдѣ намъ воевать? Такъ думать надо, что намъ всего хуже и будетъ... Вотъ нынче какъ сыны-то мои огорчились... Да какже инако!.. Мы народъ робкій... Только и живы работой... Что ужь будетъ — и страшно подумать!.. Прежде, братъ, какъ-то спокойнѣе было... Тишь была... Какъ-то все само-собой шло... Главное, думъ этихъ не было... Какъ о барщинѣ, больше ни о чемъ и не думалось,.. Въ міру передъ бариномъ всѣ рàвны были: земли было много, а коли кому недостача — баринъ достанетъ... Сосѣдъ забижаетъ, опять же баринъ заступа: пусть тамъ, какъ знаетъ, одумаетъ... Ну, а теперь, самъ все подумай... А гдѣ же намъ думать?.. Къ этому мы непривычны... Теперь же, послушаешь, всякій несетъ слухи и смуты отвсюду... Молодежь вонъ теперь обо всемъ говоритъ ужь: придутъ къ Покрову съ заработковъ — чего только не поразскажутъ!.. И объ купцахъ, и объ барахъ и объ царскихъ указахъ... Признаться, мнѣ старику ужь и жутко какъ будто...

— Ты не горюй, Пимонъ Савельичъ, сказалъ Минъ Аѳанасьичъ, разгладивъ пальцами волосы: — я вотъ не горюю, потому, братъ, я знаю: хуже не будетъ... Мѣкай такъ, что̀ буде лучше... А хуже не будетъ!.. Потому, это все въ божьемъ произволеніи... Безъ крестьянства, братецъ, не быть — это ужь ты мнѣ повѣрь!.. Былъ приказъ: допущенье мужичку было дадено воевать съ господами... Ну, а теперь, годи малость, объявится новый приказъ: быть правдѣ и миру чтобы на міру... Ты вонъ гляди, мужичекъ ужь барина тоже нажалъ: сколько теперь ихъ отсюда ушло!.. Бывало, ты помнишь, какое у нихъ здѣсь поселеніе было: только и слышишь — тройки лихія, бубенцы, коло-

кольцы, охоты по звѣрю, по птицѣ... Годи немного, объявится новый приказъ, скажетъ: стой, робя! Не воевать! Будетъ... А то эдакъ въ битвѣ совсѣмъ мужичекъ придетъ въ закончанье—кто же намъ хлѣбъ народитъ? — Ну, и значитъ, всѣмъ поравненье! Ежели кто черезчуръ чужого порехватилъ — сейчасъ тому выплатятъ изъ казны, доброхотно... А земля, пускай, всѣмъ будетъ вровень, чтобы въ ней, матушкѣ, утѣсненья крестьянину не было... Вотъ такъ и вездѣ поведется, какъ у насъ на Вальковщинѣ было... Помнишь, чать!

— Какъ не помнить! Нынче выйдешь въ луга, не разъ вспомянешь: нонѣ скучнѣе, куда!..

— Что говорить!.. Я вотъ еще маленькимъ экимъ засталъ, какъ дѣлили мы Вражьи луга всей Вальковщиной... Господи Боже, сколько народу сбиралось: все крестьянинъ одинъ!.. Мужикъ такъ валмя и валитъ! Все мужичокъ одинъ—на подборъ! Нѣтъ тебѣ тутъ ни начальства, ни баръ: шумно, свободно! Окрестъ окинешь—все наши луга, верстъ на десятокъ!.. Всѣмъ было въ волю, на всѣхъ приходилось, да и царскіе кони всѣ были сыты...

— Всѣмъ былъ просторъ! вздохнулъ тутъ счастливый Пиманъ. — А вотъ ужь какъ барамъ насъ сдали въ подарокъ, да разодрали Вальковщину всю, ровно худую паневу, на клочки да лоскутья, все въ міру пошло прахомъ! Ребятишкамъ своимъ не разъ говорилъ я объ этомъ... Сказки, слышь, говоришь!..

— Не тоскуй, другъ... Помалкивай только: всему времена и сроки... Все прѣйдетъ, только одно не прѣйдетъ—крестьянство, да хлѣбъ!.. Объявится правда, и будетъ надъ всѣмъ владыка одинъ — мужичокъ!.. И миръ будетъ въ мірѣ!.. Это вотъ только дураки Старовѣры толкуютъ, что, молъ, послѣднее время пришло... Да развѣ то можно, чтобъ Богъ мужичка изничтожилъ? Можетъ онъ, Создатель, насъ за грѣхи покарать, да и то по времени, по мѣсту — гдѣ голодовкой, гдѣ хворью, да и то въ разсчетѣ такомъ, чтобъ былъ гдѣ ни то урожай... Чтобы все-жь не свести всего роду людского! Мужичка сведешь разъ, тутъ и міру конецъ!..

IV.

Такъ толкуя, наши друзья подошли къ дому Пимана. То была большая изба, старинной и прочной стройки; въ шесть оконъ по улицѣ. Только вся она казалась какъ будто сшитой и составленной, хотя изъ стариннаго крупнаго лѣса, но изъ корот-

кихъ брусковъ. Видимо было, сначалу она была строена въ три только окна, а потомъ къ ней пристроивалось по окну или по два; такъ росла она и съ боковъ, и сзади, въ глубь двора, по мѣрѣ того, какъ выростала семья. Теперь ужь съ ней рядомъ былъ заложенъ кирпичный фундаментъ и доведенъ до первыхъ оконъ: то строилась новая изба для внуковъ и правнуковъ, предметъ самыхъ пламенныхъ мечтаній Пимана и самыхъ усердныхъ заботъ. Прежде, когда было много лѣсовъ, клалъ хозяйный крестьянинъ для внуковъ избу изъ дубовыхъ бревенъ, теперь уже сдѣлался предметомъ его домогательствъ кирпичъ. Часто такой хозяйственный мужикъ отпускаетъ сыновей зимой на работу въ кирпичные сараи, возить на подводахъ кирпичъ, и только затѣмъ лишь, чтобъ вмѣсто платы заполучить тысячь пятокъ или десятокъ плитъ. Прочнà, вѣковѣчна такая изба, а отъ пожаровъ лучше не надо! И долго же строитъ такую избу «счастливый» мужикъ, если вздумаетъ вывесть ее одними своими трудами. Такъ и Пимонъ съ сыновьями: третій ужь годъ какъ въ извозъ ходятъ они на кирпичный заводъ, чтобъ заработать кирпичъ; и по легоньку, исподволь, идетъ прирощенье избы: нынче выведутъ двѣ-три кладки, на другой годъ — еще три — и думать надо—придется женить правнуковъ прежде, чѣмъ будетъ готова изба и покроется крышей!.. А Богъ вѣсть, можетъ и такъ суждено ей застыть, не поднявшись до половины: «мужицкое счастье—вода!» Такъ часто раздумывалъ робкій Пиманъ, глядя на новую стройку—и все упорнѣе напрягался съ дѣтьми въ работѣ, чтобы какъ-никакъ поскорѣй увидать завершеннымъ трудъ многихъ лѣтъ.

Онъ и теперь было остановился съ Миномъ у стройки, чтобъ передать ему снова свои упованія, разсчеты и опасенія. Но изъ окна тутъ окрикнула ихъ Пиманова жена:

— Отецъ, чего-жь запоздалъ ты? Мы вѣдь ждемъ тебя... Людямъ тоже вздохнуть надо... Гляди, ужь не долго — займется заря и опять подыматься, съ подводами ѣхать...

— Чего-жь меня ждете?.. Чать я васъ никогда не стѣснялъ... Ѣшьте, спите, какъ всякому надо... А мнѣ вѣдь немногого нужно, отвѣтилъ Пиманъ. — Зайдемъ, коли хочешь, Минъ Аѳанасьичъ, прибавилъ онъ пріятелю:—у васъ нонѣ пьютъ ли чай-то?

— Не знаю, чай пьютъ, сказалъ, почесавъ лѣниво поясницу, Минъ Аѳанасьичъ. — Да не хочется мнѣ къ намъ идти-то сегодня—пущай пьютъ одни... Признаться, нонѣ мы съ брательникомъ опять поругались... У насъ вѣдь не то, что у васъ: мы народецъ неровный... Порохъ—одно!.. Мало чуть искра запала — вотъ и пожаръ!

— Что же у васъ?

— Все изъ пустого!.. Чему быть? Да я не горюю... Я вотъ потихоньку, чтобъ шуму не дѣлать и имъ на глаза не казаться, уйду прямо на сѣнницу, да тамъ и высплюсь! Важно теперь тамъ: тепло и душисто!.. А пока, пожалуй, водицы съ тобой потяну.

Въ избѣ, за столомъ, сидѣли бородатыя дѣти Пимана, наливая жиденькій чай и постоянно отирая потныя лица; мать-старуха подавала имъ хлѣбъ и творогъ: то была высокая баба, въ черномъ платкѣ и изгребномъ сарафанѣ, съ худымъ лицомъ, но пріятнымъ и умнымъ; съ тонкими блѣдными губами, всегда сжатыми плотно, и съ большими карими глазами, упавшими глубоко въ глазницы, изъ которыхъ они блестѣли уже потухавшимъ огнемъ: все въ ней говорило, что была она когда-то и бойка, и красива. И теперь, подъ привычнымъ смиреннымъ степенствомъ ея можно было подмѣтить ту упорную силу, которая никогда не бросается всѣмъ на глаза, но которая невидимо все заставляетъ дѣлать по своему. Много женщинъ такихъ въ нашихъ селахъ. Ихъ трудовая тяжелая доля въ крестьянствѣ и выходки грубой мужицкой силы надъ ними не рѣдко заставляли въ ней видѣть «раба», безъ силы и воли, подобно волу, покорному кнуту своего хозяина. Но часто на дѣлѣ, всѣмъ невидимо, руководитъ она, эта «раба» — мать молодыхъ поколѣній. Какъ бы ни былъ звѣрски дикъ несчастный отецъ, одна она примиряетъ съ нимъ семью и, во имя тѣхъ немногихъ минутъ, когда они когда-то можетъ быть любили другъ друга, вноситъ она и въ дѣтскую душу гуманное чувство прощенья. А невольное, можетъ быть безсознательно присущее ей чувство заботы о судьбѣ своихъ поколѣній, придаетъ душѣ ея ту чуткость, съ которой относится она къ перемѣнамъ и треволненіямъ житейскимъ, къ тому, что только едва еще намѣчено въ жизни, и скоро въ грядущемъ займетъ прочное мѣсто. Женщина въ деревенской семьѣ— а можетъ быть и во всякой другой—неустанно творящій художникъ: чувствомъ она охраняетъ миръ очага и до гроба въ себѣ сберегаетъ искры любви, которыя въ мужѣ давно ужь погасли; чувствомъ же постигаетъ она часто то новое въ жизни, чего мужъ или не видитъ, или по упрямству не хочетъ признать, или же просто не понимаетъ и робко предъ нимъ отступаетъ. И вотъ, незамѣтно, изо-дня въ день, намекомъ и словомъ невольно она его увлекаетъ въ сторону ту, куда онъ ни за что бы не рѣшился идти прежде. Мужъ всегда слишкомъ занятъ дѣломъ минуты и слишкомъ много привыкъ придавать значенія собственной волѣ: вотъ почему онъ такъ часто горланитъ и са-

модурствуетъ, дико и порывисто протестуя, между тѣмъ какъ его увлекаетъ невидимо то, чему онъ никогда не позволилъ бы себѣ покориться.

Такова была и Катерина Петровна. Когда-то въ самой ранней молодости (о, какъ давно это было!) любила она молодого, веселаго, добраго краснобая и беззавѣтнаго кутилу Мина Аѳанасьича... Почти уже дѣло было рѣшенымъ, что быть ей за нимъ, но вдругъ она обвѣнчалась со степеннымъ, молчаливымъ и ровнымъ Пиманомъ. Чутко ей говорило сердце, что въ немъ будутъ жить тѣ идеалы, на которыхъ прочно и крѣпко установляется жизнь. А любовь—это пѣсня, улыбка, цвѣтокъ—разцвѣли и пропали. Скучно ей было сначала съ Пиманомъ, и вотъ въ первый годъ замужества она нерѣдко убѣгала, по вечерамъ, къ дѣвкамъ и парнямъ, и къ тому же удалому Мину, и съ нимъ часто въ лѣсъ уходила. Сказали Пиману. Пиманъ осердился. Но Катерина Петровна такъ чистосердечно уважала его, какъ хозяина дома, какъ отца ея будущихъ дѣтей, какъ хранителя и владыку семейнаго очага, какъ крѣпкую опору всей ея, можетъ быть, долголѣтней жизни, что ей ничего не стоило утвердить его въ мысли, что можетъ ли быть какое-нибудь сравненіе между игрою молодой крови, плотскимъ влеченіемъ и тѣмъ чувствомъ, которое она питала къ нему. И то была правда.

Крестьяне смотрятъ на это иначе, чѣмъ мы: нравственную связь, уваженіе, почтеніе, крѣпость хозяйственныхъ узъ они рѣдко ставятъ въ зависимость отъ любви; послѣднюю много ниже считаютъ они, и хотя формально относятся строго къ любовнымъ загуламъ, но не считаютъ ихъ важными, пока они не грозятъ гармоніи деревенскаго очага. Часто мы называемъ развратомъ въ крестьянствѣ то, чего сами они таковымъ не считаютъ. Какъ грубость ихъ языка не говоритъ о развратѣ мысли и воображенія, такъ и легкомысленный, съ нашей точки зрѣнія, взглядъ ихъ на физіологическій актъ — не есть еще признакъ потери стыда или чести. У насъ этотъ актъ часто покоряетъ себѣ и разрушаетъ глубокую нравственную связь навсегда, только потому, что мы привыкли съ нимъ неразрывно мыслить гармонію духа и тѣла, хоть бы ея, въ сущности, тутъ не имѣлось. Такой гармоніи народъ не признаетъ, и отъ физіологическаго акта не ставитъ въ зависимость нравственной личности, такъ какъ ее и трудовую гармонію онъ привыкъ ставить выше, чѣмъ удовлетвореніе плоти. Такъ и Катерина Петровна, когда родился у нихъ сынъ, скоро взяла въ твердыя руки хозяйство, и вотъ сорокъ ужъ лѣтъ, какъ вѣрнымъ и неизмѣннымъ спутникомъ служитъ Пиману. Дѣтей у нихъ пятеро: дочери двѣ и три сына. Старшая

дочь и младшій сынъ скорѣй на отца походили: также спокойно-медлительны, ровны, мягки и трудолюбивы, и бойкости было въ нихъ мало: медленно и спокойно текла мысль въ ихъ мозгу и кровь въ жилахъ. Но старшихъ два сына (одинъ, самый старшій, давно въ раздѣлѣ былъ и съ ними давно уже не жилъ) и младшая дочь много носили въ себѣ материнскаго: живѣе какъ будто двигалась кровь въ нихъ, свѣтлѣе и чище былъ мозгъ, сердце билось сильнѣе и чутче, и въ трудѣ больше сознательно-дѣятельной энергіи было, чѣмъ равномѣрно-механической напряженности. Да и по внѣшнему виду они рѣзко носили ту же печать: одни бѣлокуры были, въ отца, а тѣ, что въ мать, черноваты; первые были на взглядъ симпатичнѣй, но вторые — красивѣй. За то если первыхъ сразу полюбишь, то объ вторыхъ долго и пристально будешь раздумывать: непобѣдимо загадочнымъ чѣмъ-то вѣетъ отъ нихъ. Такъ ясна̀ и знакома, и дорога̀ иногда намъ книга прошедшаго, и такъ загадачно-заманчива еще неоткрытая книга будущаго.

Въ избѣ теперь только два сына сидѣли и ужинъ кончали. Жены и малыя дѣти ихъ давно улеглись, каждыя на своей половинѣ. А молодежи тутъ не было видно: откуда-то только, въ растворенныя окна, доносился говоръ, смѣхъ и громкая пѣсня Пимахи-внука.

— Міръ вамъ! привѣтствовалъ Минъ Аѳанасьичъ и, поклонившись, смиренно крехтя и какъ будто не смѣло присѣлъ въ сторонѣ. Немного всегда онъ какъ будто стѣснялся или боялся старшаго сына Пимана. Да и самой Катерины Петровны. Всегда говорливый и беззавѣтный съ Пиманомъ или съ другимъ кѣмъ, онъ при нихъ вдругъ замолкалъ, робѣлъ и только сіялъ всѣмъ лицомъ. Такъ часто дѣти бываютъ болтливы между собой или съ нянькой-старухой, шутятъ, говорятъ небылицы или же уносятся въ міръ безгрѣховныхъ, наивныхъ фантазій, но лишь войдутъ «взрослые» и солидные люди—мать или отецъ—какъ внезапно смолкаютъ они, съ улыбкой смотря на вошедшихъ и конфузливо прячась за старую няньку.

— Спасибо, отвѣтили дѣти Пимана, вылѣзая изъ-за стола:— садитесь!.. Мы ужь попили... Больно долго что-то вы шли... Али устали?

— Такъ, поболтали кое о чемъ со старикомъ, замѣтилъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Ты ужь извѣстно: сказку затянешь — не скоро тебя остановишь, шутливо сказалъ старшій сынъ.—Вотъ и сегодня—міръ намутилъ...

— Что-жь такъ? Кажись, нонѣ я смирно, испуганно вскинувъ глазами, сказалъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Пора бы тебѣ это бросить... Поведенье плохое, продолжалъ ужь серьёзно старшій сынъ.

— А что-жь я?

— Къ чему насъ ты счастливыми славишь вездѣ, въ дѣло не въ дѣло? Что мы, въ самомъ дѣлѣ, за богачи?.. А народъ тутъ и радъ...

— Да вѣдь что-жь, не одинъ я... Вонъ и Макридій Сафронычъ тоже.

— То-то вотъ, Макридій Сафронычъ... Кажется, намъ онъ извѣстенъ... Котами недаромъ зовутъ ихъ: ласково стелятъ да какъ будетъ спать!.. Они рады, что такихъ счастливыхъ нашли, за которыхъ и себя можно спрятать... А кабашные гости и рады, имъ дай только видъ—разнесутъ... А тутъ только и словъ отовсюду: вотъ счастливые! вотъ жадные!

— Да вѣдь это я спрòста... Развѣ я чтò!.. Не изъ зависти чай... Такъ, спростà... А гдѣ просто, тамъ, говорятъ, ангеловъ сò ста, замѣтилъ Минъ Аѳанасьичъ, сіяя.

— Говорятъ и другое: постоитъ простота, слышь, воровства. Нонѣ на ней недалеко уѣдешь... Это вотъ, можетъ, тебѣ—ничего... Ну, а намъ оно и обидно какъ будто... Чтò бы, кажись, безгрѣшнѣй да справедливѣй работы, а и тутъ ужь счастливыми стали дразнить, укорять да глумиться... Вотъ взять хоть бы брата Бориса... Давно ли вернулся, а...

— Ну, оставьте объ этомъ... Будетъ ужь... Чтò привязались?.. Одна рѣчь—не пословица, сказалъ недовольнымъ тономъ Пиманъ.—Лучше потише, ровнѣе... Уйдите въ себя...

— И то правда, не за худое вѣдь назвалъ васъ Минъ Аѳанасьичъ счастливыми, прибавила и Катерина Петровна:—за работу, да за старанье.

— Онъ-то такъ... А другіе...

— А другіе найдутъ свое завсегда... Оставьте!.. Слава Богу, сòбрали хлѣбъ... Убрали поле... Надо благодарить, а не то что перекорами Бога гнѣвить... Пока ничего, а дальше чтò будетъ, тогда и увидимъ... Давай-ка, старуха, намъ хлѣба!

— А я вотъ такъ полагаю, что счастливъ-то ты, Минъ Аѳанасьичъ, лукаво сказала Катерина Петровна, поведя на него своими черными глазами, вспыхнувшими какъ будто изъ-подъ пепла огнемъ:—намъ за твоимъ счастьемъ не угоняться!..

— Это вотъ вѣрно, подхватили братья̀.

— Мы вотъ счастливы, продолжала она:—пока у насъ все въ достаткѣ да въ мирѣ, пока хозяйство идетъ колесомъ!.. А чуть

насъ прижмешь, чуть Господь огорченьемъ попуститъ — тутъ и нашему счастью конецъ, пойдетъ недовольство, тоска, станемъ сердиться одинъ на другого, виноватаго будемъ въ каждомъ искать... А ты, гдѣ ни сядешь, все тебѣ мило! Что птица: сядетъ на землю—зернышко клюнетъ, сядетъ на вѣтку—поетъ!..

— Вотъ это такъ!.. Мать тебя знаетъ! крикнули дѣти и громко смѣялись. — Такъ ты ужь впередъ, на-міру, такъ и кричи: я, молъ, счастливый!.. А насъ-то оставь... Ну, прощайте, пока... Съ вами не кончишь до утра... А намъ вѣдь ужь скоро ѣхать..... Неравно скотину, мамка, погонишь, толкни насъ!..

— Ну, ступайте... А мы ужь, на старости, и отдохнемъ... Ну-ка, старуха, дай намъ винца! Вспомнимъ мы съ нимъ старину...

— Вотъ хорошо... Эхъ, хорошо!.. Пусть ихъ, молодыхъ: намъ ужь съ ними не жить! воскликнулъ Минъ Аѳанасьичъ, и рядомъ за столъ усѣлся съ Пиманомъ.

— Ну-ка вотъ, старички, помѣряйтесь лучше другъ съ другомъ: кто счастливѣе прожилъ... Намъ вѣдь ужь можно свести концы съ концами, сказала Катерина Петровна, ставя графинъ.

— Чай пора... А можетъ—Богъ знаетъ!—можетъ, жизнь и въ чужой еще вѣкъ заведетъ!.. Раньше смерти счета не сведешь! замѣтилъ Пиманъ Савельичъ, наливая Мину стаканчикъ.—Ну, пріятель, такъ въ чемъ же намъ счастье-то было? А?

— Прожили—вотъ тебѣ разъ; прокормили себя и другихъ— вотъ тебѣ два, да и на предки работниковъ міру оставимъ... Вотъ тебѣ и мужицкое счастье! отвѣтилъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Слава Создателю!.. Нынче годъ былъ хорошъ... Какъ-никакъ, можетъ, всѣ справимся, и травы, и хлѣба хороши... Народъ, можетъ, продержитъ и себя, и скотину до новаго хлѣба, да и и подати, можетъ, осилитъ... А то что ужь! Бѣда! Вотъ три года тутъ было: земли своей мало, а ренды большія... Безъ урожая, убытокъ одинъ.. Сколько свели на базаръ за уплату аренды скота ни за что!.. Прежде не знали мы это...

— Тѣсно, тѣсно, Пиманъ Савельичъ, народу...

— Ну-ка, старуха, выпей и ты съ нами... Нонче всѣмъ подкрѣпиться не грѣхъ... Тебѣ будетъ съ нами не стыдно! пошутилъ легонько старикъ.

— Чего стыдно! сказала Катерина Петровна и опять повела лукаво глазами на Мина. Но Минъ Аѳанасьичъ стыдливо опустилъ бороду внизъ и долго боялся взглянуть въ лицо своей старой зазнобѣ.

Выпили; плотно поѣли моченыхъ груздей, чаемъ запили.

— Гдѣ-жь молодки?.. Неужь все гуляютъ? спросилъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Слышишь чай, вонъ это твой заливается! отвѣчала Катерина Петровна:—Андрей твой, Пимаха, Анютка да Пашка мои. Нѣтъ имъ устатку!.. Пашутка отъ мужа бѣжала: выпилъ лишку, буянитъ да куралеситъ—выгналъ ее... Парень всѣмъ бы хорошъ, да разсудокъ теряетъ въ винѣ, а у него и такъ его мало; доберъ, работящъ, сердцемъ тепелъ и мягокъ, ну, а въ жизни приглядки не знаетъ... А какъ выпьетъ—совсѣмъ ужь дуракъ... Да онъ по Пашуткѣ!.. Пашутка сама къ нему виснетъ. Прибѣжала сегодня, реветъ, а теперь вонъ съ молодыми гуляетъ, пока мужъ не уснетъ, да дурить перестанетъ. А на завтра сама на шею повиснетъ къ нему!.. Хорошо оно жить такъ пока, да послѣто трудно, трудно будетъ, закончила мать и задумчиво опустила взглядъ.

— Ну, старикъ, за молодыми намъ не угнаться, сказалъ задремавшій Пиманъ:—имъ вонъ и работа не въ усталь... Кровь молодая свое возьметъ!.. Не пора ли намъ къ мѣсту?

— Что-жь, пожалуй... Я ужь прямо на сѣно.

— И я тоже... Тепло тамъ теперь, ровно на печкѣ!..

— Да шли бы вы вмѣстѣ къ намъ въ сѣнницу, чѣмъ порознь... Все-жь веселѣе было бы спать, сказала жена.

— И то!.. За нами вѣдь не грудные ребята... Пойдемъ, Минъ Аѳанасьичъ!..

На улицу вышли сначала, поглядѣли на небо. Покоились мирно на немъ блѣдныя звѣзды, только порой, словно внезапно сорвавшись, одна за другой быстро слетали и, загорѣвшись яркимъ огнемъ, исчезали во тьмѣ горизонта. Гдѣ-то зарница играла. Тихо. Даже вязъ старожилый спалъ крѣпко и не ворчалъ своей удрученной вѣками вершиной.

— Хорошо, кабы насъ Господь вдосталь уважилъ, сказалъ Пиманъ Савельичъ.—Кабы еще постояла съ недѣлю такая пора, не надо-бъ топить и овиновъ... Сыромолоткой справились бы... А вѣдь намъ, какъ отняли лѣса, въ этомъ не малый разсчетъ!..

— Какъ можно! Что за мужикъ безъ воды, безъ земли, да безъ лѣсу!.. Страшно подумать!.. Не мало народу, слышно, стало—въ снопахъ хлѣбъ продаютъ, изъ того, что скорѣе на деньги купишь муки, чѣмъ дождешься своей...

— Эхъ, господа, господа! покачалъ головой сокрушенно Пиманъ.

Прошли черезъ дворъ, гдѣ лошади мирно дремали, опустивъ головы внизъ, да изрѣдка переступая ногами—огородомъ, откуда, словно тяжелый мѣшокъ, поднялась сова и, пролетѣвъ, неуклюже

сѣла на крышѣ—черезъ коноплянникъ, отъ котораго воздухъ кругомъ сталъ густымъ и тяжело-душистымъ. А вотъ и овины, скирды, а дальше ужъ поле... Распахнувъ широкія ворота у сѣнницы, улеглись старики на свѣжее сѣно, повздыхавъ и покрякавъ.

— Господи Боже, спаси и помилуй насъ грѣшныхъ! зѣвая шептали они, раскинувшись нà-спины, вверхъ животами.

Потянуло сырою росой, а по ней откуда-то чуть внятный говоръ донесся.

— Все еще наши гуляютъ, говорилъ Минъ Афанасьичъ: — это Андрей... А это Анютка твоя хохочетъ...

И Минъ Афанасьичъ опять сладко зѣвнулъ.

— Слышь-ка, Пиманъ Савельичъ... Спишь, что ли? заговорилъ онъ опять.

— Чего ты?

— Хотѣлъ я тебѣ нонѣ сказать, кстати ужь... Помнишь, кажись мы съ тобой когда-то уговоръ породниться поставили... Ась?

— Помню... Такъ что-жь?

— То-то, молъ, кстати... Вотъ и осень приходитъ, и хлѣбъ убранъ въ достаткѣ... Хорошо бы оно и пивà заварить?.. Ась?..

— Что-жь, я не прочь... Только, знаешь ты самъ, въ этомъ дѣлѣ ребятамъ я не указчикъ.

— Знаю, знаю... Завсегда ты былъ ровенъ:—почему-жь ты и счастливъ...

— Какъ Анютка да мать... Большаковъ тоже надо спросить... А мнѣ что!.. Насъ съ тобой, говорятъ, не разлей и вода... Только вотъ у тебя, вишь, идутъ перекоры, битва, а ты самъ говоришь...

— Полно, брось... Пустое все это!.. Изъ чего вѣдь и дѣло-то вышло:—больно ужь пò-милу зажили съ братомъ... Ну, говоримъ, чтò намъ порознь чаи распивать: будемъ собща пить!.. И стали... Попуталъ вотъ грѣхъ... Изъ-за сахару что ли, али изъ чего—и повздорили бабы... Мы съ брательникомъ выпивши были... Ну, и того, значитъ, всякъ за свое... Это пустое!.. Мой Андрей, ты знаешь, парень хорошій, въ работѣ примѣрный... Анютка твоя тоже дѣвка король, и умомъ и работой... Да и сами они ужь гуляютъ давно... Такъ какъ ты?

— Говорю тебѣ, ладно... Сватай... да спи-се! И старики замолчали. Но Минъ Аѳонасьичъ не скоро уснулъ.

— Слышь ты еще что, Пиманъ Савельичъ, кстати хотѣлъ я... Дай ты мнѣ рубль... Послѣ сочтемся...

— Вотъ ты какой, братецъ... Право! отъ нетерпѣнья тяжело повернулся Пиманъ Савельичъ:—вотъ ты... Повадь тебя только

хошь малость, ужь ты... Право!.. Вотъ ты... ей-Богу... Смутьянъ ты!.. Правду говорятъ сыновья... (Пимонъ Савельичъ былъ добръ по природѣ, но какъ всякій хозяйный мужикъ, что сидитъ въ кабалѣ у хозяйства, скуповатъ и прижимистъ: не любитъ онъ, когда у него просятъ денегъ, такъ какъ это рождало въ душѣ у него постоянно борьбу, которую самъ онъ никакъ разрѣшить былъ не въ силахъ).

— Ну, спи, спи, поспѣшилъ успокоить его Минъ Аѳанасьичъ: — я потому больше, что вотъ теперь у насъ эта война зачалась, такъ тутъ не подступишь ни къ брату, ни къ женѣ...

— Двугривенный дамъ завтра, сказалъ Пимонъ: — а то ступай къ старухѣ моей... Пускай, какъ она... У насъ вѣдь хозяйство—я одинъ на себя не возьму...

— Спи, спи... Не надо... Я такъ... Нѣтъ ужь, я къ ней не пойду, утѣшалъ Минъ Аѳанасьичъ, оробѣвъ при одномъ намекѣ на Катерину Петровну.

— Гривенникъ, хочешь, прибавлю еще, ворчливо сказалъ Пимонъ.—А больше ни за что!.. Вотъ ты, братецъ, какой... Ты ужь, сдѣлай милость, еще у меня не проси — это не дружба... Эдакъ съ тобой я совсѣмъ поссорюсь... Вотъ вы народецъ какой: тебя вотъ повадь...

— Ну, ну, спи съ Богомъ!..

И старики, повернувшись задомъ другъ къ другу, ноги поджавъ, какъ ребята, скоро заснули...

Въ щель сарая тихо глядѣла луна. Гдѣ-то скрипнула еще разъ калитка—и ночь налегла на деревню, окутавъ ее серебрянымъ свѣтомъ всплывшей на небо луны и свѣже-пахучимъ паромъ отъ хлѣба и сѣна.

Н. Златовратскій.

МИЛЛЬ И РЕНАНЪ ВЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ БРАНДЕСА.

II.

Эрнестъ Ренанъ.

Во время моего пребыванія въ Парижѣ, съ апрѣля по сентябрь 1870 г., я не имѣлъ намѣренія посѣтить Ренана, меня всегда пугало — подъ предлогомъ выраженія своихъ чувствъ къ знаменитымъ людямъ, отнимать у нихъ время. Но, послѣ того, какъ Тенъ, ближайшій пріятель Ренана, неоднократно повторилъ мнѣ, что онъ очень желаетъ, чтобы я побывалъ у «его друга-филолога», я собрался съ духомъ и однажды, снабженный рекомендательнымъ письмомъ отъ Тена, очутился въ томъ домѣ улицы de Vannes, гдѣ въ третьемъ этажѣ жилъ Ренанъ. Квартира его отличалась простотою. Съ тѣхъ поръ, какъ его лишили каѳедры еврейскаго языка въ Collège de France, онъ не получалъ никакого опредѣленнаго содержанія, и только его первое популярное сочиненіе служило ему источникомъ значительнаго дохода.

Судя по сочиненіямъ и портретамъ Ренана, я представлялъ его себѣ въ родѣ Жюля Симона, только болѣе тонкимъ, филантропическимъ, кроткимъ въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ; я увидѣлъ человѣка, выражавшагося коротко и смѣло, высказывавшаго мнѣнія свои очень категорически. Въ немъ была извѣстная доля застѣнчивости ученаго, но еще болѣе самоувѣренности и сознанія своего превосходства человѣка свѣтскаго. Въ ту пору Ренану было 47 лѣтъ. За письменнымъ столомъ сидѣлъ передо мною маленькій, широкоплечій, отчасти сутуловатый человѣкъ, съ тяжелою большою головою, грубыми чертами лица, нечистою кожей, проницательными глазами и умнымъ, даже во время молчанія краснорѣчивымъ ртомъ. Некрасивое, но привлекательное лицо, съ выраженіемъ высокаго ума и слѣдами усиленной ра-

боты, было обрамлено темными, переходившими на вискахъ въ сѣдину, волосами. Фигура его напомнила мнѣ имъ же высказанное положеніе: «La science est roturière».

Въ моей ранней молодости къ сочиненіямъ Ренана я относился антипатично: вообще онъ писатель не для молодежи. Притомъ же его «Жизнь Іисуса», съ которою я познакомился прежде всего, безспорно слабѣйшее изъ его произведеній; сентиментальность его, проскальзывающій мѣстами въ этой книгѣ душеспасительно-умиленный тонъ, этотъ послѣдній слѣдъ полученнаго имъ религіознаго воспитанія, все то, что молодому человѣку должно было казаться приторно-мягкимъ или фальшивымъ, не позволяло мнѣ правильно оцѣнить его высокія достоинства, какъ писателя. Это первое впечатлѣніе впослѣдствіи уничтожилось; прекрасный сборникъ ренановскихъ статей, подъ заглавіемъ «Etudes d'histoire religieuse», вполнѣ уяснилъ мнѣ то, почти женски-тонкое чутье автора, которое только строптивому молодому уму можетъ казаться женственною слабостью, и я нашелъ совершенно естественнымъ, что этотъ человѣкъ, котораго справедливо прозвали «боязливѣйшимъ между отважными», не безъ грусти высказался въ слѣдующихъ выраженіяхъ о своемъ исключительномъ положеніи: «Самая тяжелая мука, которою человѣкъ, достигнувшій возможности жить только размышленіемъ, платится за свое исключительное положеніе, состоитъ въ томъ, что онъ видитъ себя выброшеннымъ изъ великой религіозной семьи, къ которой принадлежатъ лучшія души міра, и что существа, съ которыми ему горячо хотѣлось бы жить въ духовномъ единеніи, смотрятъ на него, какъ на испорченнаго человѣка. Надо быть слишкомъ увѣреннымъ въ себѣ, чтобы не ощущать внутренняго потрясенія, когда женщины и дѣти при встрѣчѣ съ вами набожно складываютъ руки и говорятъ вамъ: О, вѣруй, какъ вѣруемъ мы!»

Я, однако, ошибся въ предположеніи, что нѣкоторую долю этого элегическаго тона Ренана-писателя найду и въ его повседневной, житейской бесѣдѣ. Существенною чертою этой послѣдней была полнѣйшая умственная свобода, грандіозная непринужденность умнаго свѣтскаго человѣка. Каждое слово его было проникнуто такимъ безграничнымъ презрѣніемъ къ толпѣ, къ массѣ, какого я никогда до тѣхъ поръ не встрѣчалъ въ человѣкѣ, повидимому, совершенно чуждомъ горькаго озлобленія или ненависти къ людямъ. Уже въ первое наше свиданіе онъ навелъ разговоръ на человѣческую глупость и, очевидно, для того, чтобы поселить въ своемъ младшемъ товарищѣ по

профессіи душевное спокойствіе среди предстоявшихъ ему житейскихъ бурь, сказалъ: «большинство людей не люди, а обезьяны», но эти слова произнесъ онъ безъ всякаго гнѣва. Я вспомнилъ изреченіе Жерозе: «L'âge mûr méprise avec tolérance». Это спокойное презрѣніе чувствуется во всѣхъ предисловіяхъ Ренана; много лѣтъ спустя послѣ нашего разговора, оно нашло себѣ поэтическое выраженіе въ его продолженіи шекспировской «Бури»; но въ статьѣ о Ламнэ онъ далъ ему почти положительное опредѣленіе. Тамъ онъ говоритъ: «У Ламнэ мы находимъ слишкомъ много гнѣва и недостаточно презрѣнія. Литературныя послѣдствія этого недостатка очень серьёзны. Гнѣвъ влечетъ за собою декламаторство, мужиковатость, часто даже грубую брань; напротивъ того, презрѣніе почти всегда сообщаетъ писателю тонкій и исполненный достоинства стиль. Гнѣвъ соединенъ съ потребностью чувствовать себя раздѣляемымъ другими; презрѣніе есть тонкое и проникающее человѣка сладострастіе, не нуждающееся въ участіи другихъ; оно довольствуется само собою».

Въ манерѣ Ренана говорить былъ извѣстный поэтическій размахъ, нѣчто живое и кипучее, безъ котораго во Франціи никто не удостаивается похвальной репутаціи человѣка «прелестнаго»—charmant—въ частныхъ сношеніяхъ и разговорѣ, репутаціи, которою Ренанъ постоянно пользуется въ Парижѣ. Торжественности, часто проявляющейся въ его стилѣ, не было и слѣда въ устной рѣчи его. Никакого религіознаго вдохновенія, никакого паѳоса мученика свободной мысли. Возраженія свои онъ обыкновенно начиналъ своимъ любимымъ восклицаніемъ «diable!» и до такой степени былъ далекъ отъ склонности къ горькимъ и элегическимъ звукамъ, что его духовное равновѣсіе имѣло скорѣе какой-то олимпійски-безмятежный характеръ. Кто зналъ враждебныя нападенія, которымъ Ренанъ ежедневно подвергался со стороны клерикаловъ, и кто, какъ я, былъ въ журнальномъ кружкѣ Вельо свидѣтелемъ разсужденій—повѣсить ли или разстрѣлять слѣдуетъ его за высказанные имъ печатно-еретическіе взгляды—тотъ весьма естественно могъ спросить Ренана—что и было сдѣлано мною—не слишкомъ ли много пришлось вытерпѣть ему за его убѣжденія. «Нисколько! отвѣчалъ онъ: — съ католиками у меня нѣтъ никакихъ сношеній; я знаю между ними только одного—члена нашей академіи надписей, и мы съ нимъ очень хорошіе пріятели. Проповѣдей, произносящихся противъ меня, я не слушаю; брошюръ, пишущихся противъ меня, я не читаю. Чѣмъ же все это можетъ повредить мнѣ?» Тутъ же онъ высказалъ мнѣніе, что правовѣрные католики Франціи, по всей

вѣроятности, составляютъ пятую часть всего населенія и что они гораздо фанатичнѣе заклятыхъ католиковъ другихъ странъ, потому что католицизмъ въ Испаніи и Италіи почти ничто иное, какъ дѣло привычки, тогда какъ во Франціи онъ поддерживается и раздражается оппозиціею интеллигентной среды.

Въ іюнѣ 1870 г., я нашелъ Ренана въ очень веселомъ настроеніи по поводу тогдашнихъ событій въ Римѣ. «Пію IX, сказалъ онъ:—слѣдовало бы воздвигнуть статую; это необыкновенный человѣкъ. Со времени Лютера никто еще не послужилъ дѣлу религіозной свободы такъ сильно, какъ этотъ папа. Онъ двинулъ дѣло на триста лѣтъ впередъ. Не будь его, католицизмъ еще добрыхъ три вѣка продержался бы цѣлъ и невредимъ въ заперти, со своею паутиною и своими толстыми слоями пыли. Теперь мы вывѣтриваемъ это замкнутое мѣсто, и каждый видитъ, что оно пусто, что въ немъ не находится ровно ничего». Ренанъ побаивался было, чтобы переговоры о непогрѣшимости папы въ самую послѣднюю минуту не окончились какимъ-нибудь компромисомъ, благодаря которому все осталось бы фактически въ прежнемъ положеніи; но возможность такого исхода уничтожилась какъ разъ въ это время, и легко было предвидѣть, что не слѣдовало страшиться никакихъ послѣдствій; даже того, которое предполагалъ Ренанъ—именно такого же раздробленія въ средѣ католицизма, въ какомъ находится протестантизмъ. Оказалось, что политика католической церкви была правильнѣе, чѣмъ думали въ первую минуту ея противники. Совершившееся разъединеніе не имѣло ни глубины, ни важности, и о раздробленіи, даже приблизительно похожемъ на сектантство въ протестантизмѣ, не могло быть и рѣчи. У Ренана же, болѣе всего думавшаго о Франціи, была одна особенно сильная надежда, что французская буржуазія, которая послѣ февральской революціи совершенно отдалась въ руки церкви и теперь тревожно слѣдила за враждебными культурѣ дѣйствіями папской власти, наконецъ, увидитъ дѣло въ надлежащемъ свѣтѣ и образумится.

Викторъ Шербюлье, въ своемъ интересномъ романѣ «Владиславъ Больскій», мягко и дружески посмѣялся надъ нѣкоторыми любимыми теоріями Ренана, вложивъ въ уста добродушнаго, но совершенно неспособнаго къ дѣйствію ментора героя разсказа Ренановское ученіе о нѣжной натурѣ истины и о вытекающей изъ этого необходимости подходить къ истинѣ не иначе, какъ съ самою крайнею осторожностью и деликатностью. Жоржъ Ришарде думаетъ, подобно Ренану, что во всемъ главное дѣло — оттѣнокъ, что истина есть только оттѣнокъ, а не нѣчто просто

бѣлое или черное. Жоржъ Ришарде хочетъ осуществить въ дѣйствительной жизни ту идею, которую Ренанъ въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій выразилъ слѣдующимъ образомъ: «Схватить грубыми клещами силлогизма истину въ нравственной наукѣ, попытка такая же безплодная, какъ попасть огромной палицей въ крылатое насѣкомое. Логика не схватываетъ оттѣнковъ, а нравственныя истины имѣютъ своимъ основаніемъ вполнѣ и исключительно оттѣнки. Поэтому совершенно безполезно накидываться на истину съ грубымъ насиліемъ дикаго кабана; летучая и легкая истина ускользаетъ, и трудъ негодующаго пропадаетъ даромъ». Знакомому съ писательскою дѣятельностью Ренана извѣстно, до какой степени не отрѣшается онъ отъ этой мысли въ то время, когда пишетъ. Но послушайте его въ устной бесѣдѣ—куда дѣвались его любимцы-оттѣнки! Между тѣмъ, какъ Тенъ, столь рѣзкій въ своихъ писаніяхъ, въ разговорѣ постоянно умѣряетъ и сдерживаетъ себя, руководясь соображеніями справедливости и снисхожденія, Ренанъ, разсуждая словесно, доходитъ до послѣдней крайности и является отнюдь не рыцаремъ-защитникомъ оттѣнка. «Только въ одномъ пунктѣ и тотъ, и другой выражались съ одинаковою рѣшительностью, именно, когда разговоръ заходилъ о той спиритуалистической философіи во Франціи, которая искала себѣ опоры въ союзѣ съ церковью, первоначально обратила къ себѣ сердца отцовъ семейства тѣмъ, что помѣстила на своемъ знамени догматы и добродѣтель, и, вмѣсто открытія новыхъ истинъ, обѣщала, въ видѣ плода своихъ научныхъ изслѣдованій, надѣленіе всей страны добрыми нравами. Всѣ каѳедры Франціи находились вѣдь въ ту пору въ ея владѣніи! Въ Сорбоннѣ представителями ея были Жане и Каро, изъ которыхъ первый, какъ умъ болѣе тонкій и надѣленный бо̀льшимъ вкусомъ, старался понимать своихъ противниковъ и относиться къ нимъ справедливо, между тѣмъ, какъ Каро, посредственность въ полномъ смыслѣ этого слова, щеголявшій театральными жестами и сильными ударами въ свою широкую грудь, вызывалъ одобреніе слушателей воззваніями къ свободѣ воли. Для Ренана, который, однако, посвятилъ Кузену, какъ оратору и писателю, этюдъ въ такой изящной формѣ, вся эклектическая философія — когда онъ разсуждалъ о ней словесно—была ничто иное, какъ «оффиціальная похлебка», «дѣтская кашка», «продуктъ посредственностей, разсчитанный на истребленіе посредственностями». До такой степени доходило его упорство на счетъ этого пункта, что онъ, адводатъ оттѣнковъ, составивъ себѣ однажды убѣжденіе въ безусловной фальши спиритуализма, никогда и ни за что не хотѣлъ отречься отъ этого

взгляда. Напротивъ того, къ Тену онъ питалъ чувство какого-то поклоненія. «Taine, c'est l'amour du vrai, l'amour de la vérité même». Несмотря на столь рѣзко кидающееся въ глаза различіе между этими двумя натурами, Ренанъ заявлялъ, что во всѣхъ главныхъ вопросахъ онъ совершенно сходится съ своимъ другомъ. И когда я однажды завелъ рѣчь о предметѣ, часто обсуждавшемся въ Парижѣ, именно о вопросѣ, насколько было право общественное мнѣніе, не перестававшее жаловаться на умственный упадокъ Франціи, то Ренанъ и тутъ вспомнилъ Тена: «Упадокъ! Что такое упадокъ? Все относительно. Развѣ, напримѣръ, Тенъ не значительнѣе Кузена и Вильмена, взятыхъ вмѣстѣ? Нѣтъ, во Франціи еще много ума». И онъ нѣсколько разъ повторялъ эти послѣднія слова: «Il y a beaucoup d'esprit en France».

Подобно почти всѣмъ образованнымъ французамъ, Ренанъ чуть не съ благоговѣніемъ относился къ Жоржъ-Занду. Эта необыкновенная женщина съумѣла подчинить своему авторитету молодое поколѣніе Франціи, не измѣняя для этого идеаламъ своей собственной молодости. Такого идеалиста, какъ Ренанъ, привлекла она къ себѣ своимъ идеализмомъ, такого натуралиста, какъ Тенъ — таинственною силою природы въ своей натурѣ. Насколько Ренанъ долженъ былъ ненавидѣть Беранже, который представляется ему олицетвореніемъ всего фривольнаго и прозаическаго во французскомъ народномъ характерѣ, и котораго филистерское «Dieu des bonnes gens» колетъ глаза ему, пантеистическому мыслителю и мечтателю, настолько же, по естественному порядку вещей, долженъ былъ вызывать его симпатію авторъ «Леліи», «Спиридіона» и множества другихъ произведеній въ томъ же идеалистическомъ родѣ.

Несмотря на свой широкій кругозоръ, Ренанъ въ своихъ литературныхъ симпатіяхъ не лишенъ, однако, національной узкости. Въ одномъ изъ нашихъ разговоровъ объ Англіи онъ не нашелъ сказать ни одного добраго слова о Диккенсѣ, не могъ отнестись къ этому писателю даже съ простою снисходительностью. «Полный притязательности, стиль Диккенса, сказалъ онъ:—производитъ на меня такое же впечатлѣніе, какъ слогъ какой-нибудь провинціальной газеты». Извѣстной, несправедливой статьѣ его о Фейербахѣ удивляешься меньше, когда слышишь, какъ онъ, за недостатками Диккенса, вовсе не видитъ его огромныхъ достоинствъ. Одна и таже причина дѣлаетъ для него антипатичными и юмористическія особенности въ стилѣ Диккенса, и страстную форму выраженія Фейербаха, это—до болѣзненности развитая склонность къ классическимъ и сдержаннымъ оборотамъ рѣчи; только вслѣдствіе ея находитъ онъ провинціальную аффектиро-

ванность въ геніальной причудливости англичанина, а въ порывистой силѣ нѣмца слышится ему, такъ сказать, табакоподобный вкусъ педантичности студенческаго атеизма.

Весною 1870 г., Ренанъ намѣревался сопровождать принца Наполеона въ его поѣздкѣ на Шпицбергенъ. Незадолго до этой поѣздки онъ однажды заговорилъ о политикѣ и сказалъ: «Вы вполнѣ можете ознакомиться съ императоромъ по его сочиненіямъ. Онъ журналистъ на тронѣ, публицистъ, который всегда старается узнать общественное мнѣніе. Такъ какъ на этомъ послѣднемъ зиждется вся его власть, то ему нужно больше ловкости и искуства, чѣмъ Бисмарку, который можетъ ни на что не обращать вниманія. Покамѣстъ онъ ослабѣлъ только тѣлесно, а не духовно, но при этомъ сдѣлался крайне осторожнымъ (extrêmement cauteleux) и чувствуетъ къ себѣ самому недовѣріе, котораго прежде не зналъ». Ренанъ судилъ о Наполеонѣ почти такъ же, какъ Сент-Бёвъ въ извѣстной статьѣ о «Жизни Цезаря». Къ Оливье, съ которымъ Ренанъ былъ знакомъ очень долго, онъ относился строго. Вотъ его слова: «Оливье и императоръ отлично подходятъ другъ къ другу, въ нихъ въ обоихъ живетъ одинъ и тотъ же родъ честолюбиваго мистицизма; они, такъ сказать, породнились посредствомъ химеры». Уже въ 1851 году Оливье не разъ говорилъ Ренану: «Какъ только я стану во главѣ правленія... какъ только я сдѣлаюсь первымъ министромъ...» и т. п.

Въ этихъ разговорахъ мнѣ приходилось часто отстаивать мою простую и основную политическую мысль—о необходимости обязательнаго обученія, мысль, защищать которую мнѣ постоянно представлялся поводъ, такъ какъ повсюду на нее смотрѣли въ то время какъ на нелѣпость, давно оставленную бредню; Ренанъ въ этихъ случаяхъ представлялся мнѣ до того парадоксальнымъ, что я иногда просто сомнѣвался — серьёзно онъ говоритъ или шутитъ. Аргументы его были особенно интересны потому, что ихъ повторяли (только въ другой формѣ) весьма многіе передовые люди Франціи. Ренанъ утверждалъ, во-первыхъ, что обязательное обученіе — тиранія. «У меня самого, говорилъ онъ:— есть дитя, очень слабое и болѣзненное. Какой деспотизмъ—отнять его у родителей, чтобы отдать учиться!» Я возразилъ, что законъ допускаетъ и исключенія. «Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ:—никто не сталъ бы посылать своихъ дѣтей въ школу. Вы не знаете нашихъ французскихъ поселянъ. Это имъ не принесетъ ровно никакой пользы. Предоставьте имъ обработывать землю и платить подати, или дайте имъ ружье и ранецъ — и

они окажутся лучшими солдатами въ свѣтѣ. Но что годится для одного народа, то непригодно для другого. Франція не такая страна, какъ Шотландія или Скандинавія; пуританскія и германскія привычки не найдутъ себѣ у насъ никакой почвы. Франція, напримѣръ, не религіозное государство, и всякая попытка сдѣлать его такимъ, окончится неудачей. Это земля, производящая только великое и тонкое («du grand et du fin»). Почтенная посредственность никогда не будетъ процвѣтать здѣсь. Этими двумя словами выражается идеальная потребность населенія; затѣмъ, оно желаетъ только одного — веселиться, чувствовать посредствомъ удовольствія, что оно живетъ. И наконецъ, вѣрьте мнѣ— это мое твердое убѣжденіе — элементарное образованіе ничто иное, какъ зло. Что такое человѣкъ, умѣющій читать и писать, я хочу сказать: только и умѣющій, что читать и писать? Животное, глупое и тщеславное животное. Обучайте, если можете, людей отъ 15 до 20 лѣтъ, и этимъ ограничивайтесь! Все, что внѣ *этого* обученія, далеко не дѣлаетъ ихъ умнѣе, а напротивъ того, только портитъ ихъ милую естественность, инстинктъ, здравый смыслъ, и они становятся невыносимыми для другихъ. Можетъ ли быть что-нибудь хуже подчиненія семинаристамъ? Единственная причина, почему мы теперь поставлены въ необходимость заниматься этимъ вопросомъ, заключается въ томъ, что эта стая уличныхъ мальчишекъ («ce tas de gamins») въ свое время вынудила у насъ право общей подачи голосовъ. Нѣтъ, согласимся въ томъ, что образованіе—благо только тогда, когда имъ обладаютъ только высокообразованные и что на полуобразованныхъ слѣдуетъ смотрѣть только какъ на безполезныхъ и задирающихъ носъ обезьянъ». Я заговорилъ о децентрализаціи, о необходимости поднять значеніе провинціальныхъ городовъ, напримѣръ Ліона.—«Ліонъ! воскликнулъ онъ совершенно серьёзно. Надѣюсь, ни кому не придетъ на мысль обращать главные провинціальные города въ центры умственной дѣятельности: вѣдь они въ этомъ случаѣ сейчасъ бы попали въ руки епископовъ!.. Нѣтъ! прибавилъ онъ съ комическимъ убѣжденіемъ — въ такихъ городахъ никогда не будутъ дѣлать ничего, кромѣ глупостей». Эти взгляды того человѣка, который болѣе чѣмъ кто либо во Франціи боролся за реформу высшаго обученія, облегчатъ, можетъ быть, пониманіе, почему въ этой странѣ равнодушіе либераловъ шло объ руку съ рвеніемъ католическаго духовенства въ ту пору, когда возникъ вопросъ о необходимости устранить невѣжество низшихъ классовъ, оказавшееся въ послѣдствіи столь опаснымъ для безопасности государства. Старикъ Филаретъ Шаль, который, ужь конечно, не былъ шовинистомъ, однажды вечеромъ, въ маѣ 1870 г., до такой

степени подтрунивалъ надъ моею вѣрою въ благотворную силу обязательнаго обученія, что назвалъ это послѣднее моею revalenta arabica и утверждалъ, что я надѣюсь облагодѣтельствовать этимъ средствомъ родъ человѣческій на вѣчныя времена. Тутъ же онъ спросилъ меня, допускаю ли я, что крестьяне и безъ школьныхъ учителей могутъ быть достаточно хорошими отцами семейства и солдатами. Война скоро показала этимъ людямъ, что для силы войска весьма важно, когда солдатъ умѣетъ читать и писать. Но удивительно было видѣть, какъ идеи, которыя многими приписывались исключительно католическому духовенству, напримѣръ, та же идея о безусловномъ вредѣ неполнаго образованія, мало по малу пріобрѣли такой авторитетъ въ проникнутой католицизмомъ странѣ, что покорили себѣ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, даже противниковъ католической религіи.

Въ пору объявленія войны между Германіею и Франціею я находился въ Лондонѣ, и такъ какъ мнѣ посчастливилось сойтись тамъ съ нѣсколькими личностями, обладавшими высшимъ политическимъ умомъ и державшимися внѣ всякихъ партій, то я зналъ раньше моихъ французскихъ знакомыхъ, какой несчастный исходъ будетъ имѣть эта война для Франціи. Возвратясь въ Парижъ, я нашелъ тамъ самыя свѣтлыя надежды и полную увѣренность въ успѣхѣ, увидѣлъ даже проявленія высокомѣрія, непріятно дѣйствовавшаго на всякаго иностранца. Это высокомѣріе не раздѣлялось однако людьми науки. До сраженія дѣло еще не дошло; но уже извѣстіе о самоубійствѣ Прево-Парадоля въ Сѣверной Америкѣ поселило самыя тревожныя предчувствія въ каждомъ, знавшемъ, какъ близко были извѣстны этому человѣку приготовленія и средства Франціи. Этотъ одиночный пистолѣтный выстрѣлъ, прозвучавшій какъ сигналъ къ сотнѣ тысячъ страшныхъ залповъ, потрясъ всѣхъ друзей и товарищей Прево-Парадоля. Тенъ, ѣздившій на короткое время въ Германію собирать материалы для статьи о Шиллерѣ, глубоко скорбѣлъ при мысли о предстоявшихъ бѣдствіяхъ и, между прочимъ, сказалъ: «Съ двумя государями въ родѣ Людовика-Филиппа мы могли бы избѣжать войны; съ двумя такими «capitaines», какъ Бисмаркъ и Людовикъ-Наполеонъ, она была необходима». Въ ту пору это былъ первый французъ, отъ котораго я слышалъ сознаніе въ возможности побѣды Германіи надъ Франціею.

Черезъ недѣлю послѣ битвы при Вёртѣ, именно 12-го августа, встрѣтился я съ Ренаномъ. Онъ только что вернулся изъ поѣздки на сѣверъ. Ни разу еще не случалось мнѣ видѣть его до такой степени взволнованнымъ. Онъ былъ внѣ себя отъ не-

годованія и говорилъ: «Никогда ни одинъ несчастный народъ не управлялся такъ, какъ нашъ, глупыми головами. Подумаешь, право, что съ императоромъ случился припадокъ помѣшательства! Но онъ окруженъ презрѣннѣйшими льстецами; я знаю высокопоставленныхъ военныхъ, которымъ было очень хорошо извѣстно, что прусскія пушки гораздо лучше нашихъ хваленыхъ митральёзъ, но не они рѣшались сказать объ этомъ императору, потому что онъ самъ занимается этими вещами, принималъ кое-какое участіе въ рисованіи проэктовъ и за это на оффиціальномъ языкѣ называется изобрѣтателемъ митральёзы. Никогда еще не было такъ мало ума («si peu de tête») въ министерствѣ императора; онъ самъ убѣдился въ этомъ; онъ говорилъ объ этомъ одному моему знакомому — и съ такимъ министерствомъ рѣшается онъ вести войну! Видано ли такое безуміе? Не возмутительно ли это? Теперь мы народъ, надолго выброшенный изъ сѣдла. И какъ подумаешь, что однимъ ударомъ сокрушено все, съ такимъ трудомъ строившееся нами въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, взаимныя симпатіи народовъ, взаимное пониманіе, благотворная совмѣстная работа! Какъ подобная война убиваетъ любовь къ правдѣ! Сколько лжи, сколько клеветы насчетъ одного народа будетъ черезъ какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ съ жадностію слушаться и приниматься на вѣру другимъ, разъединяя ихъ между собою на безконечно долгое время! Какое замедленіе въ европейскомъ прогрессѣ! Ста лѣтъ будетъ намъ недостаточно для возстановленія того, что эти люди разрушили въ одинъ день!» Разрывъ между двумя великими сосѣдями долженъ былъ произвести особенно тяжелое впечатлѣніе именно на Ренана, который такъ долго являлся во Франціи представителемъ нѣмецкой образованности; онъ относился къ культурѣ Германіи съ такимъ сочувствіемъ, какого я не встрѣчалъ ни въ какомъ другомъ писателѣ. Однимъ изъ его любимыхъ изреченій было: «Ничто на свѣтѣ не можетъ таить въ себѣ такъ много, какъ нѣмецкая голова». Лично нѣмцевъ онъ не особенно любилъ, но о ихъ высокой интеллегенціи всегда говорилъ съ большимъ уваженіемъ.

О своемъ путешествіи Ренанъ разсказывалъ: «Мы были въ Бергенѣ, когда къ намъ пришла изъ Франціи первая сомнительная вѣсть о предстоявшей войнѣ. Ни одинъ изъ насъ не хотѣлъ вѣрить. Принцъ и я переглянулись между собою. Онъ, обладающій такимъ рѣдкимъ и проницательнымъ умомъ, сказалъ только: «Это невозможно!» и приказалъ плыть дальше. Мы направились къ Тромзее. Въ этомъ пунктѣ застали мы двѣ депеши къ принцу—одну отъ его секретаря изъ Парижа, другую отъ Эмиля Оливье, со словами: Guerre inévitable! Послѣ корот-

каго совѣщанія, война эта представилась намъ до такой степени нелѣпою, а слѣдовательно и невозможною; и намъ такъ хотѣлось побывать въ Шпицбергенѣ и увидѣть «вѣчные льды», что мы рѣшились на слѣдующее утро плыть дальше. Моя каюта была рядомъ съ каютою адъютанта принца. На разсвѣтѣ я слышалъ, какъ камердинеръ будилъ адъютанта, подавая ему новую депешу. Я всталъ, мы вышли на палубу, пароходъ снялся съ якоря, и вы можете представить себѣ мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что мы повернули обратно къ югу. Принцъ сидѣлъ въ мрачномъ отчаяніи. Первыя слова его были: «Voilà leur dernière folie, ils n'en feront pas d'autres». И онъ оказался пророкомъ—то было дѣйствительно ихъ послѣднее безуміе... Я самъ, прибавилъ Ренанъ:—былъ того же мнѣнія. Я зналъ, что мы весьма мало готовы къ войнѣ, но кто бы могъ ожидать, что все совершится такъ скоро! Не говорите, что мы еще можемъ одержать побѣду. Никогда больше не будемъ мы побѣждать; при этомъ императорѣ мы не побѣдили еще ни одного такого народа, пораженіе котораго могло бы считаться хорошимъ предзнаменованіемъ, когда рѣчь идетъ о Пруссіи. Арабы, но они вѣдь самые плохіе тактики въ свѣтѣ!» И нѣсколько разъ Ренанъ восклицалъ: «Это неслыханно, невѣроятно! Бѣдный принцъ! бѣдная Франція!» Раздраженіе его было такъ велико, что онъ осыпалъ бранью и проклятіями всѣхъ, управлявшихъ въ это время Франціею, называя ихъ поголовно—на этотъ разъ уже безъ всякихъ «оттѣнковъ»—болванами или мерзавцами. «Кто этотъ Паликао? Воръ, отъявленный воръ, котораго не пускаютъ ни въ одинъ порядочный домъ! А его товарищъ? Развѣ не извѣстно всему міру, что это преступникъ, разбойникъ, который, только благодаря своему бѣгству за-границу, увернулся отъ наказанія за убійство! И въ рукахъ такихъ людей наша судьба!»

Я увидѣлъ слезы въ глазахъ Ренана и простился съ нимъ. Съ того дня мы уже не встрѣчались. Онъ скоро послѣ того успокоился и преодолѣлъ свое печальное настроеніе. Но въ тѣ минуты, о которыхъ я разсказываю, передо мною былъ не тотъ Ренанъ, который писалъ: «Ученый есть ничто иное, какъ зритель всего, происходящаго въ мірѣ. Онъ знаетъ, что міръ принадлежитъ ему только какъ предметъ изученія, и еслибы даже былъ въ состояніи преобразовать его, то, можетъ быть, нашелъ бы его, въ теперешнемъ его видѣ, до такой степени любопытнымъ, что потерялъ бы всякую охоту къ такому преобразованію». Вполнѣ серьёзно эти холодныя и аристократическія слова, конечно, не могли говориться Ренаномъ; но если бы и такъ, то въ 1870 г.

пришлось ему переживать такое душевное состояніе, при которомъ они уже не имѣли для него никакого смысла.

Трудно измѣрить, какое деморализующее вліяніе имѣла на французскихъ ученыхъ во время второй имперіи жизнь подъ господствомъ и гнетомъ такъ называемаго «fait accompli». При Наполеонѣ III французская наука вообще отличается наклонностью къ квіетизму и фатализму, къ одобренію всего, что разъ совершилось. Слѣды этого вліянія замѣчались всюду въ общественной жизни, въ разговорахъ. Полное отсутствіе энтузіазма сдѣлалось синонимомъ образованности и умственной зрѣлости. Молодому иностранцу ежедневно представлялся случай изумляться сдержанности и пассивности даже самыхъ лучшихъ людей, какъ скоро рѣчь заходила о какой бы то ни было практической цѣли, и я помню, что однажды, въ маѣ 1870 г., вернувшись вечеромъ домой, я записалъ въ своемъ дневникѣ: «Въ прежнее время была иная Франція...»

Съ измѣняющимися чувствами и мыслями смотрѣлъ Ренанъ на развитіе республиканской Франціи. Хотя республиканцы и поспѣшили возвратить ему его каѳедру, но отнеслись къ нему, какъ и ко всѣмъ остальнымъ друзьямъ принца Наполеона, довольно холодно и сдержанно. Насквозь проникнутый аристократическимъ образомъ мыслей, онъ, въ своемъ «Калибанѣ», далъ демократіи понять, какъ глубоко онъ презираетъ ее, но тѣмъ не менѣе, скоро послѣ того, объясняя въ письмахъ одному пріятелю-нѣмцу свою вступительную рѣчь во французской академіи, онъ же говорилъ: «А что, если въ то время, какъ ваши государственные люди погружены въ эту неблагодарную работу (отплату французамъ), французскій крестьянинъ, съ его простымъ умомъ, неприкрашенной политикой, трудолюбіемъ и экономіей благополучно создастъ прочную и мирную республику! Забавная была бы штука!» Ренанъ настолько патріотъ и философъ, чтобы въ концѣ-концовъ дружелюбно относиться ко всякой формѣ правленія, удовлетворяющей большинство его соотечественниковъ и соотвѣтствующей ихъ умственной точкѣ зрѣнія.

Ренанъ, какъ извѣстно, бретонецъ и соединяетъ въ себѣ многія свойства этого племени. У бретонцевъ въ новой французской литературѣ есть одна общая черта. Точно такъ же, какъ Шатобріанъ и Ламнэ, Ренанъ ненавидитъ все будничное, добродушно-фривольное и, оставаясь постоянною добычею сомнѣнія, одержимъ въ тоже время самымъ горячимъ стремленіемъ къ вѣрованію и идеалу. Къ своей родинѣ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, т. е. къ Бретани, онъ питаетъ глубокую привязанность. Это-то чувство, конечно, заставило его даже въ минуту

отчаянія воскликнуть, обращаясь къ соотечественникамъ: «О ты, простой классъ земледѣльцевъ и моряковъ, которому я обязанъ тѣмъ, что въ *угасшей* странѣ сохранилъ силу своей души!» Этотъ душевный крикъ не слѣдуетъ, однако, понимать слишкомъ буквально. Никто глубже Ренана не чувствуетъ, какъ далеко не *погасла* та Франція, о которой онъ писалъ Штраусу, что она необходима Европѣ, какъ «постоянный протестъ противъ педантства и догматизма». Но вышеприведенныя слова характеристичны для этого упорнаго и въ тоже время волнующагося, мечтательнаго и скептическаго бретонца. Если онъ отрекается отъ своего вѣрованія въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ (какъ здѣсь относительно Франціи), то это только для того, чтобы тѣмъ теплѣе и восторженнѣе примкнуть къ какому-нибудь другому идеалу. И въ сферѣ религіи есть у него Бретань, въ которую онъ вѣруетъ.

Такими являются Милль и Ренанъ въ характеристикахъ Брандеса — характеристикахъ, какъ видѣлъ читатель, довольно бѣглыхъ, имѣющихъ отчасти личный характеръ, но во многихъ отношеніяхъ (особенно когда рѣчь идетъ о Миллѣ) бросающихъ свѣтъ на литературную и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣческую физіономію характеризуемой личности, т. е. вполнѣ примѣняющихъ на дѣлѣ обыкновенный критическій пріемъ Брандеса, для котораго, какъ для критика, неразрывно соединяющаго исторію литературы съ исторіею общей культуры народа, важна точка зрѣнія не собственно литературная, а психологическая, и произведенія писателя служатъ какъ бы сборниками чувствъ и мыслей, «показывающими намъ (это собственныя слова Брандеса) то существеннѣйшее, что̀ въ данное время происходило въ душѣ авторовъ». Съ этой точки зрѣнія очень хорошими дополненіями, отчасти разъясненіями къ брандесовскимъ характеристикамъ Милля и Ренана, (или, пожалуй, наоборотъ), могутъ служить автобіографіи этихъ двухъ писателей. Что касается до автобіографіи Милля, на которую, какъ мы видѣли, неоднократно ссылается критикъ, то она хорошо извѣстна и русской читающей публикѣ, вслѣдствіе чего намъ нѣтъ нужды здѣсь припоминать выдающіяся подробности ея. Записки же Ренана, которыя онъ началъ печатать еще въ 1876 г. въ «Revue des deux Mondes» и печатаетъ—правда, весьма рѣдко и весьма малыми дозами—до сихъ поръ, на русскій языкъ, сколько мы знаемъ, не переводились. Мы пользуемся поэтому случаемъ для дополненія характеристики Брандеса извлеченіемъ изъ этой автобіографіи—извлеченіемъ, которое объяснитъ намъ многое изъ того,

на что указываетъ Брандесъ, напримѣръ, «душеспасительно-умиленный тонъ» и «сентиментальность», идеализмъ Ренана, его аристократическій образъ мыслей и презрѣніе къ демократіи и т. п. Къ сожалѣнію, намъ придется остановиться на самомъ интересномъ моментѣ, такъ какъ авторъ, излагающій въ этихъ запискахъ процессъ своего умственнаго и душевнаго развитія и перерожденія, покамѣстъ довелъ свой разсказъ только до начала второго періода этой внутренней жизни, только *до* столкновенія съ тѣми критическими выводами его разума, которые скоро ниспровергли понятія и чувства, вложенныя въ него его первоначальнымъ воспитаніемъ.

Воспитаніе это, на которое обращаетъ вниманіе и Брандесъ, упоминая о «Жизни Іисуса», было строго-религіозное. Родина Ренана—старинный городъ Трегье въ Бретани, городъ, весь наполненный монахами и монастырскимъ духомъ, мѣсто, «куда не проникалъ никакой шумъ извнѣ, гдѣ называли суетою суетъ то, за чѣмъ гонятся другіе люди, и гдѣ дѣйствительностью признавалось именно то и только то, что человѣкъ свѣтскій называетъ химерою».

Въ этой-то средѣ проходило дѣтство Ренана, и она сообщила ему, по его собственному выраженію, «неразрушимую складку». Съ одной стороны развивается въ немъ религіозный идеализмъ, съ другой—благодаря тому, что этотъ монашескій міръ, окружающій его, есть въ тоже время міръ старыхъ бретонскихъ аристократовъ, аристократизмъ которыхъ еще болѣе усиливается, замыкается въ себя послѣ французской революціи—ребенокъ-Ренанъ рано получаетъ инстинктивную антипатію къ буржуазіи, антипатію, которую, прибавляетъ онъ, «мой разсудокъ впослѣдствіи успѣлъ побороть». Первыми наставниками, духовными руководителями его были эти монахи, и онъ отзывается о нихъ съ теплою любовью, съ глубокимъ уваженіемъ; имъ, по его сознанію, онъ одолженъ всѣмъ, что можетъ быть въ немъ хорошаго. «Каждое слово ихъ, говоритъ онъ:—представлялось мнѣ изрѣченіемъ оракула; я относился къ моимъ учителямъ съ такимъ уваженіемъ, что до шестнадцати лѣтъ, до моего переѣзда въ Парижъ, у меня никогда не являлось ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ того, что я слышалъ отъ нихъ. Впослѣдствіи пришлось мнѣ учиться у людей гораздо болѣе блестящихъ и умственно развитыхъ, но наставниковъ болѣе почтенныхъ у меня не было, и вотъ что производитъ часто разногласіе между мною и нѣкоторыми изъ моихъ друзей. Благодаря имъ, я имѣлъ счастіе узнать абсолютную истину; я знаю, что такое вѣра... Въ сущности, я чувствую, что моя жизнь посто-

янно управляется вѣрою, которую я уже утратилъ. Вѣра имѣетъ ту особенность, что, исчезнувъ, она все-таки продолжаетъ дѣйствовать... Послѣ того какъ Орфей, потерявъ свой идеалъ, былъ растерзанъ Менадами, лира его произносила только одно слово: Эвридика! Эвридика!»

О воспитаніи мало-мальски литературномъ въ такой средѣ и при такой обстановкѣ не могло быть и рѣчи. Послѣднимъ словомъ поэзіи почтенные отцы считали поэму Расина младшаго «La Réligion»; надъ Ламартиномъ издѣвались, Гюго, въ ту пору уже занявшаго видное мѣсто въ литературѣ, совсѣмъ игнорировали. Исторія и естественныя науки преподавались тоже въ самомъ ничтожномъ объемѣ и самымъ жалкимъ образомъ. Идеи, провозглашенныя XIX вѣкомъ и въ ту пору уже пропагандировавшіяся многими передовыми людьми, были совершенною terra incognita для этихъ добрыхъ людей, а слѣдовательно, и для ихъ воспитанниковъ. Характеръ убѣжденій политическихъ въ этой средѣ обусловливался полнымъ удаленіемъ отъ свѣта и современнаго движенія; то были убѣжденія самаго непоколебимаго, самаго суроваго легитимизма, уничтожавшія даже возможность говорить безъ ужаса и отвращенія о революціи и Наполеонѣ. Замѣтимъ, однако, здѣсь, что въ этомъ отношеніи вліяніе учителей Ренана ослаблялось вліяніемъ противоположнымъ, которое онъ испытывалъ въ своей семьѣ, собственно въ нѣкоторыхъ членахъ ея. Его мать, живая, впечатлительная, веселая женщина, скорѣе любила, чѣмъ ненавидѣла революцію, грандіозные и страшные эпизоды которой оставили въ ней неизгладимое впечатлѣніе. «Отъ нея-то, говоритъ Ренанъ: — я получилъ неодолимую склонность къ революціи, склонность, заставляющую меня любить ее вопреки моему разсудку и всему тому дурному, что̀ я писалъ о ней». И къ этимъ словамъ онъ прибавляетъ: «Я не уничтожаю ни одной буквы изъ написаннаго мной, но съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ приходится быть свидѣтелемъ ярости, съ которою иностранные писатели стараются доказывать, что французская революція ничто иное, какъ позоръ, безуміе, и что въ исторіи міра она является фактомъ, лишеннымъ всякой важности, я начинаю думать, что коли ей такъ завидуютъ, то она, пожалуй, лучшее изъ всего, когда-либо совершеннаго нами».

Заговоривъ объ этомъ предметѣ, Ренанъ сообщаетъ одинъ любопытный и характеристическій эпизодъ изъ своихъ дѣтскихъ лѣтъ — эпизодъ, который онъ ставитъ въ число причинъ, сдѣлавшихъ изъ него, въ концѣ-концовъ, «скорѣе сына революціи, чѣмъ сына крестоносцевъ». Это—встрѣча съ однимъ старикомъ.

«Это былъ старикъ, котораго жизнь, мысли, привычки, пред-

ставляли самую странную противоположность съ жизнью, мыслями, привычками остальныхъ жителей. Каждое утро видѣлъ я, какъ онъ, въ своемъ поношенномъ плащѣ, отправлялся на рынокъ купить себѣ на два су молока. Онъ былъ бѣденъ, но не въ нищетѣ. Ни съ кѣмъ онъ не разговаривалъ, въ его робкомъ взглядѣ было много кротости. Люди, входившіе съ нимъ въ сношеніе, благодаря какимъ-нибудь совершенно исключительнымъ обстоятельствамъ, оставались въ восхищеніи отъ его привѣтливости, милой улыбки, веселаго ума.

«Я никогда не зналъ его имени, да полагаю, что оно не было извѣстно и никому другому. Родомъ онъ былъ не изъ нашей мѣстности и не имѣлъ никакой семьи; жилъ совершенно уединенно, и странность его образа жизни теперь возбуждала только удивленіе, но такого результата достигъ онъ не скоро. Было время, когда онъ пытался входить въ сношеніе съ жителями, сообщалъ имъ нѣкоторыя изъ своихъ идей; никто ничего не понялъ изъ этихъ объясненій. Слово «система», которое онъ произнесъ два-три раза, показалось смѣшнымъ. Его самого прозвали «Системой», и это прозвище такъ и осталось за нимъ. Продолжай онъ свои бесѣды, дѣло повернулось бы плохо; мальчишки стали бы кидать въ него камнями. Какъ истинный мудрецъ, онъ замолчалъ, совершенно отдалился отъ всѣхъ, и его оставили въ покоѣ. Каждое утро онъ выходилъ покупать провизію для своей скромной трапезы; вечеромъ прогуливался въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ. Выраженіе лица его было серьёзное, но не печальное, скорѣе пріятное, чѣмъ недоброжелательное. Впослѣдствіи, прочтя «*Жизнь Спинозы*», я увидѣлъ, что въ дѣтствѣ у меня передъ глазами находился образецъ, совершенно похожій на знаменитаго амстердамца. Никто въ городѣ не тревожилъ его, большинство даже относилось къ нему съ уваженіемъ. Его не понимали, но чувствовали присутствіе въ немъ чего-то высшаго—и преклонялись.

«Онъ никогда не ходилъ въ церковь и избѣгалъ всякихъ случаевъ, при которыхъ было бы необходимо обнаруженіе догматическаго вѣрованія. Духовенство смотрѣло на него весьма косо; съ каѳедры церковной противъ него не проповѣдывали, потому что ничего явно-скандальнаго въ его образѣ жизни не было, но въ интимной бесѣдѣ имя его произносилось съ ужасомъ. Одно особенное обстоятельство усиливало эту враждебность и создавало вокругъ стараго отшельника атмосферу, пропитанную очевиднымъ страхомъ людей, вѣрящихъ въ злого духа. Дѣло въ томъ, что онъ имѣлъ очень значительную библіотеку, составленную изъ сочиненій XVIII вѣка; тутъ была собрана вся эта ве-

ликая философія, въ итогѣ сдѣлавшая больше, чѣмъ сдѣлали Лютеръ и Кальвинъ. Старикъ зналъ свою библіотеку наизусть и существовалъ маленькими доходами, которые доставляло ему ссуженіе этими книгами нѣсколькихъ лицъ, любившихъ читать. Это-то и составляло предметъ страшной тревоги духовенства; брать у нечестиваго старика книги запрещалось самымъ положительнымъ образомъ. Чердакъ, на которомъ хранились онѣ, считался скопищемъ самыхъ возмутительныхъ грѣховъ.

«Я, естественно, раздѣлялъ этотъ ужасъ, и уже гораздо позже, когда установились мои философскія идеи, вспомнилъ, что въ дѣтствѣ имѣлъ счастіе видѣть истиннаго мудреца. Мысли его мнѣ удалось возсоздать безъ труда, сопоставивъ слова, которыя остались у меня въ памяти и которыя въ то время были мнѣ совершенно непонятны. Богъ представлялъ собою для него міровой порядокъ, ближайшую причину всего существующаго. Отрицанія бытія божьяго онъ не допускалъ. Онъ любилъ человѣчество, какъ представителя разума и ненавидѣлъ суевѣріе, какъ отрицаніе разума. Не обладая тѣмъ поэтическимъ вѣяніемъ, которое XIX вѣкъ съумѣлъ присоединить къ этимъ великимъ истинамъ, мой старикъ Система, я увѣренъ, видѣлъ очень высоко и очень далеко. Онъ стоялъ на почвѣ истины. Погруженный въ глубокое спокойствіе и искреннее смиреніе, онъ понималъ, что заблужденія человѣческія заслуживаютъ больше жалости, чѣмъ ненависти. Очевидно было, что онъ презиралъ свой вѣкъ. Возрожденіе того суевѣрія, которое онъ считалъ похороненнымъ дѣятельностью Вольтера и Руссо, представлялось ему въ новомъ поколѣніи признакомъ полнаго отупѣнія умственнаго.

«Однажды утромъ его нашли мертвымъ въ бѣдной комнаткѣ, посреди сваленныхъ въ кучу книгъ. Это было послѣ 1830 г.; мэръ прилично похоронилъ его на казенный счетъ. Духовенство купило за грошъ всю его библіотеку и уничтожило ее. Въ его комодѣ не нашлось ни одной бумажки, которая помогла бы уяснить тайну, окружавшую этого человѣка; только въ углу одного ящика оказался старательно завернутый въ бумагу букетъ высохшихъ цвѣтовъ, перевязанныхъ трехцвѣтной лентой. Сперва подумали, что это какое-нибудь любовное воспоминаніе, но такое предположеніе разбивалось присутствіемъ трехцвѣтной ленты. Моя мать положительно отвергала это предположеніе. Она и при жизни Системы всегда говорила мнѣ: «Это старый террористъ. По временамъ, мнѣ кажется, что я видѣла его въ 1793 г. Да и манеры, и идеи у него точь въ точь, какъ у М..., который терроризировалъ нашъ Ланніонъ и держалъ въ немъ гильотину все время, пока господствовалъ Робеспьеръ».

Мы извлекли изъ записокъ Ренана этотъ эпизодъ и потому, что онъ интересенъ самъ по себѣ, и потому, что при сопоставленіи его съ другими, отчасти уже вышеприведенными подробностями дѣтства Ренана, хорошо выставляются на видъ тѣ противоположныя вліянія, среди которыхъ росъ и воспитывался будущій философъ. Эти противоположныя вліянія существовали, какъ мы уже видѣли выше, и въ собственной его семьѣ, гдѣ сошлись гасконскій и бретонскій элементы. «Помимо моего вѣдома, говоритъ онъ: — гасконецъ игралъ во мнѣ невѣроятныя штуки съ бретонцемъ и дразнилъ его, корча обезьяньи гримасы»... Отецъ Ренана, его дѣдъ по отцу, дяди, мать были такъ называемые «патріоты», и скомпрометировали себя въ 1815 г., но бабушка его, по матери, женщина въ высшей степени набожная, страшно ненавидѣла революцію и была благоговѣйною поклонницею роялизма, входившаго, какъ существенная часть, въ ея религіозное вѣрованіе. Такую сложность происхожденія, обусловливавшую собою различіе политическихъ убѣжденій, Ренанъ считаетъ одною изъ главныхъ причинъ того, что̀ онъ называетъ своими «кажущимися противорѣчіями», замѣчая по этому поводу: «Я человѣкъ двойной; иногда одна часть меня смѣется въ то время, когда другая плачетъ. Такъ какъ во мнѣ два человѣка, то у одного изъ нихъ всегда есть поводъ быть довольнымъ. Между тѣмъ, какъ съ одной стороны все мое стремленіе заключалось въ томъ, чтобы сдѣлаться деревенскимъ священникомъ или преподавателемъ семинаріи, съ другой — во мнѣ бродили стремленія и элементы мыслителя. Въ часы богослуженія я совершенно погружался въ мечты и грезы; глаза мои блуждали по сводамъ часовни; я читалъ на нихъ самъ не знаю что, я думалъ о знаменитости великихъ людей, о которыхъ разсказываютъ книги»...

Но вернемся къ исторіи воспитанія, доведшаго Ренана до того пункта, до тѣхъ желаній и идеаловъ, о которыхъ говорится въ только-что приведенныхъ строкахъ.

Мы видѣли, чему учили и какъ учили его почтенные монахи; дѣло происходило уже послѣ революціи 1830 г., а образованіе, получавшееся будущимъ философомъ-скептикомъ, было то самое, которое давалось, лѣтъ двѣсти до того, въ самыхъ строгихъ религіозныхъ общинахъ. «Но, замѣчаетъ Ренанъ: — отъ этого оно нисколько не становилось хуже; то было здоровое и трезвое воспитаніе, очень благочестивое, но нисколько не іезуитское, воспитаніе, создавшее поколѣнія старой Франціи и изъ котораго выходили въ одно и то же время такими серьёзными и такими христіанами...» Выше всего цѣнитъ Ренанъ въ этомъ воспи-

таніи три вещи, пріобрѣтенныя имъ навсегда: любовь къ правдѣ, уваженіе къ разуму, серьёзный взглядъ на жизнь. «Вотъ, говоритъ онъ:—единственное, что никогда не измѣнялось во мнѣ. Я вышелъ изъ рукъ моихъ учителей съ нравственнымъ чувствомъ, готовымъ и способнымъ выдержать всякое испытаніе... Я въ такой степени былъ воспитанъ ими для жизни, чуждой малѣйшаго эгоизма, для добра, для правды, что мнѣ было бы невозможно избрать карьеру, не посвященную интересамъ духовнымъ. Отличительную черту безусловнаго призванія составляетъ невозможность для призваннаго дѣлать что либо иное, и это въ такой степени, что чуть только сойдетъ онъ съ пути, указаннаго ему свыше, какъ становится ничтожнымъ, неловкимъ, ниже посредственности. Мои учителя сдѣлали меня до того неспособнымъ къ какой бы то ни было свѣтской работѣ, что я былъ безповоротно обреченъ на жизнь духовную. Измѣнить этому призванію я не могъ бы, хотя бы и захотѣлъ. Занятіе всякою другою профессіей окончилось бы для меня постыдною неудачей. Жизнь духа представлялась мнѣ единственно благородною; на всякую профессію, приносящую матеріальную прибыль, я смотрѣлъ какъ на рабскую и недостойную меня».

Убѣжденный своими учителями въ двухъ, казавшихся ему неоспоримыми, истинахъ—во-первыхъ, что человѣкъ, себя уважающій, можетъ посвящать свои силы на служеніе только вполнѣ идеальному дѣлу, что все остальное—второстепенно, низко, почти постыдно, и во-вторыхъ, что католицизмъ резюмируетъ въ себѣ все идеальное, юноша естественно пришелъ къ заключенію, что его назначеніе—быть священникомъ; мысль о возможности карьеры свѣтской даже не приходила ему въ голову. Принявъ себѣ за образецъ своихъ учителей, онъ сталъ мечтать объ одномъ—сдѣлаться когда-нибудь, какъ они, преподавателемъ въ скромной семинаріи, жить въ скромной бѣдности, вдали отъ матеріальныхъ заботъ, пользуясь общимъ уваженіемъ. Тѣ инстинкты, которые противорѣчили этимъ стремленіямъ и уже теперь существовали въ этой душѣ, еще спали. Ихъ пробужденіе, совершившееся черезъ нѣсколько времени послѣ того, помѣшало осуществленію только что упомянутыхъ плановъ, «но, замѣчаетъ Ренанъ, складка была принята (le pli était pris)». И по этому поводу высказываетъ нѣсколько мыслей и подробностей, весьма любопытныхъ по отношенію къ общей характеристикѣ его и отчасти противорѣчащихъ тому, что говоритъ Брандесъ о различіи между Ренаномъ-писателемъ и Ренаномъ въ частной бесѣдѣ. «Я не сдѣлался — разсказываетъ автобіографія — священникомъ по профессіи, но сталъ священникомъ въ душѣ. Всѣ мои недостатки имѣютъ

*

этотъ источникъ; это недостатки католическаго священника. Мои учителя привили мнѣ презрѣніе ко всему свѣтскому и мысль, что человѣкъ, миссія котораго на землѣ не чужда всякаго матеріальнаго интереса, негодный бездѣльникъ. Такимъ образомъ я всегда былъ инстинктивно очень несправедливъ къ буржуазіи. Напротивъ того, во мнѣ живетъ искренняя симпатія къ народу, къ бѣдному классу. Изъ всѣхъ моихъ современниковъ я одинъ могъ понять Франциска Ассизскаго. Представлялась опасность, что это сдѣлаетъ изъ меня демократа, на манеръ Ламнэ. Но Ламнэ только перемѣнилъ одну вѣру на другую; онъ только въ старости пришелъ къ критическому анализу и холодной дѣятельности ума; что же касается меня, то умственная работа, оторвавшая меня отъ догматовъ католицизма, сдѣлала меня, въ тоже самое время, такъ сказать, однимъ и тѣмъ же ударомъ, неспособнымъ ко всякому практическому энтузіазму... Тою же причиною, говоритъ Ренанъ далѣе—обусловливается другой изъ моихъ недостатковъ—кажущееся отсутствіе искренности въ извѣстныхъ отношеніяхъ, я хочу сказать: въ словесномъ разговорѣ и въ частной перепискѣ. Священникъ вноситъ во все свою церковную политику; его устная рѣчь требуетъ много условного. Въ этомъ отношеніи я остался священникомъ. Въ моихъ сочиненіяхъ я сохранялъ безусловную искренность. Писано мною было только то, что я дѣйствительно думалъ; мало того: я — что̀ гораздо труднѣе и встрѣчается гораздо рѣже—писалъ все, что думалъ. Но въ устной бесѣдѣ и частной перепискѣ со мною случаются иногда странныя вещи: за исключеніемъ небольшого числа лицъ, съ которыми я признаю себя въ духовномъ родствѣ, всякій слышитъ отъ меня только то, что̀, по моему мнѣнію, можетъ доставить ему удовольствіе. Мое ничтожество въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ приходится имѣть дѣло съ свѣтскими людьми, невообразимо. (А Брандесъ говоритъ вѣдь совсѣмъ противное). Я путаюсь, сбиваюсь, совершенно теряюсь въ цѣлой сѣти нелѣпостей. Добровольно обрекши себя на утрированную вѣжливость, вѣжливость священника, я усиленно стараюсь узнать, что именно желаетъ услышать отъ меня мой собесѣдникъ... Это стараніе находится въ связи съ предположеніемъ, что весьма небольшое число людей настолько не подчинено своимъ собственнымъ мыслямъ, что не оскорбляется, когда имъ высказываютъ мысли противоположныя. Говорить свободно я могу только съ тѣми, которые свободны отъ всякаго разъ навседа принятого мнѣнія и стоятъ на точкѣ зрѣнія благосклонной ироніи относительно всего міра (au point de vue d'une bienveillante ironie universelle). Что касается до моей переписки, то она, если ее обнародуютъ послѣ моей смерти, по-

кроетъ меня вѣчнымъ стыдомъ. Написать письмо — для меня пытка. Я понимаю, что можно появиться въ качествѣ виртуоза передъ десятью, какъ и передъ десятью тысячами человѣкъ; но передъ *однимъ*!..» — «Въ общемъ итогѣ, такъ заключаетъ Ренанъ: — разсматривая мои теперешніе недостатки, я нахожу въ нихъ недостатки маленькаго воспитанника семинаріи нашего городка. Я родился священникомъ a priori, какъ другіе родятся военными, чиновниками...»

Такимъ образомъ, все складывалось для того, чтобы изъ будущаго автора «Жизни Іисуса» вышелъ скромный пастырь въ отдаленномъ углу простой и набожной страны. Обстоятельство совершенно внѣшняго характера вдругъ измѣнило все.

Въ это время въ парижскомъ церковномъ мірѣ выдвинулся впередъ, съ тѣмъ, чтобы скоро сдѣлаться самымъ виднымъ, самымъ блестящимъ дѣятелемъ въ этой сферѣ, аббатъ Дюпанлу. Онъ уже и прежде имѣлъ значительный успѣхъ въ той великосвѣтской публикѣ, для которой красивыя и чувствительныя фразы нужнѣе и пріятнѣе всякой серьёзной доктрины; совершенный же имъ великій подвигъ обращенія на путь истинный, въ предсмертный часъ, такого великаго грѣшника, какъ Талейранъ, мгновенно подняло до огромныхъ размѣровъ его репутацію въ аристократическомъ предмѣстьи Сент-Оноре, и съ этого дня онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ священниковъ Франціи. Ревностно, даже страстно преданный своему дѣлу, Дюпанлу задумалъ пропагандировать свои идеи распространеніемъ всюду классическаго и религіознаго воспитанія, и вотъ тутъ-то ему было поручено управленіе семинаріею св. Николая, на которую обращалъ особенное вниманіе, желая сдѣлать изъ нея первое учебное заведеніе, тогдашній парижскій архіепископъ, человѣкъ, по словамъ Ренана, «любившій благочестіе, но благочестіе свѣтское, хорошаго тона, чуждое схоластическаго варварства, мистическаго жаргона, благочестіе, какъ дополненіе идеала аристократическаго, который, говоря правду, и составлялъ главную его религію». Оттого-то онъ и полюбилъ Дюпанлу, оттого и взялъ его къ себѣ въ главные помощники. Уже изъ сказаннаго видно, какой характеръ должно было принять образованіе въ этомъ учебномъ заведеніи подъ этимъ новымъ руководствомъ. Дюпанлу имѣлъ въ виду «воспитаніе либеральное, одинаково пригодное для духовенства и для аристократической молодежи предмѣстья Сент-Оноре, имѣющее своимъ фундаментомъ христіанское благочестіе и классическую литературу. Науки почти совсѣмъ не входили въ программу преподаванія: Дюпанлу не имѣлъ о нихъ никакого понятія». Задумавъ свое дѣло широко, новый руководитель

разослалъ агентовъ по всей Франціи, чтобы всюду розыскивать юношей, подающихъ надежды, и привлекать ихъ въ преобразованную семинарію. Въ число этихъ вербуемыхъ попалъ въ 1836 г. и Ренанъ, какъ разъ въ это время кончившій курсъ въ своемъ училищѣ съ наградами по всѣмъ предметамъ; его, пятнадцатилѣтняго юношу, не долго спрашивая, взяли и привезли въ Парижъ, и первая пора этого переворота, которую онъ характеризуетъ какъ «самый важный кризисъ его жизни», описывается въ автобіографіи такъ:

«Буддистскій лама или мусульманскій факиръ, мгновенно перенесенный изъ Азіи на парижскій бульваръ, былъ бы пораженъ менѣе меня, когда я внезапно очутился въ средѣ, столь непохожей на міръ моихъ старыхъ бретонскихъ монаховъ, этихъ почтенныхъ головъ, совершенно превратившихся въ деревянныя или гранитныя, этихъ своего рода египетскихъ колоссовъ, которыми суждено мнѣ было любоваться много лѣтъ спустя въ самомъ Египтѣ. Мое переселеніе въ Парижъ было переходомъ отъ одной религіи къ другой. Вѣрованія, вынесенныя мною изъ Бретани, нисколько не были похожи на встрѣченныя здѣсь. Это была совсѣмъ не та религія. Мои старые священники, въ ихъ тяжелыхъ головныхъ уборахъ, представлялись мнѣ магами, владѣющими словами вѣчности; въ томъ, что мнѣ предлагалось теперь, я видѣлъ благочестіе раздушенное, разряженное, набожность, олицетворяемую маленькими красивыми свѣчками и маленькими цвѣточными горшками, богословіе барышенъ, лишенное всякой солидности, сдѣланное въ какомъ-то совершенно невѣдомомъ стилѣ, вычурное и замысловатое, какъ заглавная виньетка въ модномъ молитвенникѣ».

Недостатки воспитанія въ семинаріи св. Николая были тѣ же, что и личные недостатки ея руководителя (котораго, замѣтимъ здѣсь кстати, Ренанъ называетъ «Вильменомъ католической школы»), т. е. отсутствіе раціонализма, научности; глядя на направленіе, которое онъ давалъ своимъ многочисленнымъ питомцамъ, можно было бы подумать, что онъ предназначаетъ ихъ всѣхъ къ карьерѣ поэтовъ, писателей, ораторовъ. Собственно литературѣ отводилось очень широкое мѣсто; споръ о классицизмѣ и романтизмѣ, бывшій въ ту пору въ самомъ разгарѣ, проникалъ въ заведеніе со всѣхъ сторонъ; ученики, учителя, самъ начальникъ только и толковали, что о Ламартинѣ, Гюго. «Такимъ-то путемъ, замѣчаетъ Ренанъ: — я узналъ современныя битвы». Другимъ источникомъ его умственнаго пробужденія было знакомство съ исторіей, которую въ семинаріи св. Николая читали въ духѣ новой школы. Особенное впе-

чатлѣніе производилъ на юношу Мишле, съ его «Исторіею Франціи».—«Такимъ образомъ—читаемъ въ автобіографіи—девятнадцатый вѣкъ проникалъ до меня сквозь всѣ щели разъединенной штукатурки. Я пріѣхалъ въ Парижъ сформированный морально, но ровно ничего не знающій. Мнѣ пришлось открывать все. Я съ удивленіемъ узналъ, что и между свѣтскими есть люди серьёзные и ученые; я увидѣлъ, что существовало нѣчто внѣ древности и церкви, убѣдился также въ существованіи современной литературы, достойной нѣкотораго вниманія. Смерть Людовика XIV теперь уже не представлялась мнѣ концомъ міра. Во мнѣ стали возникать идеи, чувства, которыя не находили себѣ выраженія ни въ древности, ни въ XVII вѣкѣ... Сѣмена, лежавшія во мнѣ, получили, стало быть, оплодотвореніе. Это новое воспитаніе, хотя антипатичное моей натурѣ многими сторонами своими, послужило реактивомъ, который заставилъ все во мнѣ жить и распускаться... Насколько серьёзность моихъ религіозныхъ вѣрованій пошатнулась, когда я подъ прежними названіями нашелъ столь иныя вещи, настолько умъ мой жадно пилъ подносимый ему напитокъ. Міръ открылся для меня... Мои старые священники въ Бретани знали математику и латынь гораздо лучше моихъ новыхъ учителей; но они жили въ катакомбахъ, безъ свѣта и воздуха. Здѣсь атмосфера вѣка не находила никакихъ препятствій для своего движенія... Черезъ нѣсколько времени узналъ я нѣчто, до тѣхъ поръ совершенно невѣдомое мнѣ. Слова: талантъ, блескъ, репутація, получили для меня смыслъ. Я погибъ для того скромнаго идеала, который поселили во мнѣ мои старые наставники, я плылъ теперь по открытому морю...»

Три года пробылъ Ренанъ въ этомъ учебномъ заведеніи и, совершенно преобразованный умственно, но еще далекій отъ того, что могло назваться религіознымъ скептицизмомъ, перешелъ въ заведеніе высшее — семинарію св. Сульпиція, гдѣ, по его словамъ, «XVII вѣкъ продолжаетъ жить по сю пору безъ малѣйшаго измѣненія, и гдѣ разстояніе между господствующимъ тамъ направленіемъ и духомъ настоящаго времени такъ велико, какъ будто эти стѣны окружены тысячами верстъ глубокаго безмолвія». Сперва надо было пройти два класса философіи, затѣмъ, въ другомъ отдѣленіи той же семинаріи — высшій курсъ спеціальнаго богословія. Пребываніе въ этихъ стѣнахъ оказало на Ренана огромное вліяніе, оно вполнѣ и окончательно опредѣлило путь, по которому направилась его жизнь; духъ, господствовавшій здѣсь, остался—говоритъ Ренанъ—«самымъ глубокимъ закономъ всего моего развитія, какъ умственнаго, такъ и нрав-

ственнаго». Новое мѣстопребываніе юноши (исторіи и характеристикѣ котораго посвящено въ автобіографіи нѣсколько весьма любопытныхъ въ своемъ родѣ страницъ) представляло съ прежнимъ, т. е. съ созданіемъ Дюпанлу, самую рѣзкую противоположность; интересы политическіе, общественные, литературные не существовали религія сохранялась и преподавалась въ строгой первобытной чистотѣ и неприкосновенности, преподавалась совершенно и исключительно догматически; никакое измѣненіе, никакое толкованіе догматовъ не допускалось; отцы церкви, вселенскіе соборы и ученые богословы являлись тамъ источниками христіанства. «Богословская балаганщина — говоритъ Ренанъ — которой модная парижская публика апплодировала, благодаря апломбу и краснорѣчію проповѣдниковъ, не пользовалась ни малѣйшимъ успѣхомъ у этихъ серьёзныхъ христіанъ. Они находили, что догматъ нѣтъ надобности видоизмѣнять, коверкать, наряжать à la jeune France. Они доказывали отсутствіе въ себѣ критики, воображая, что католицизмъ богослововъ былъ именно та религія, которую проповѣдывали Іисусъ и апостолы; но они не изобрѣтали для свѣтской публики христіанства, приспособленнаго къ ея воззрѣніямъ и наклонностямъ». Къ этому строгому пониманію религіи, распространившему въ стѣнахъ заведенія даже аскетическій духъ, чуждый всякихъ партій, всякихъ увлеченій, всякаго движенія, присоединялось практикованіе добродѣтели, которая, по выраженію Ренана, и дѣлала главнымъ образомъ эту семинарію «чѣмъ-то архангельскимъ, какимъ-то ископаемымъ съ двухсотлѣтнимъ существованіемъ». Тутъ, въ такой средѣ, провелъ онъ четыре года въ самую рѣшительную пору своей жизни. «Здѣсь—разсказываетъ онъ—я очутился какъ въ своей стихіи. Между тѣмъ какъ большинство моихъ товарищей, перешедшихъ сюда со мною изъ заведенія Дюпанлу и разслабленныхъ немного приторнымъ гуманизмомъ (l'humanisme un peu fade) этого послѣдняго, ломали зубы на схоластикѣ, мнѣ эта горькая кора сразу пришлась какъ-то особенно по вкусу. Въ этихъ величаво-серьёзныхъ и добрыхъ священникахъ, проникнутыхъ убѣжденіемъ и мыслью о добротѣ, я снова видѣлъ передъ собою моихъ первыхъ учителей. Семинарія св. Николая и ея поверхностная реторика теперь уже были для меня бездѣлкой сомнительнаго достоинства. Я оставилъ слова для дѣла. Наконецъ, мнѣ представилась возможность изучать основательно, анализировать въ малѣйшихъ ея подробностяхъ ту католическую религію, которая теперь, болѣе чѣмъ когда либо, казалась мнѣ средоточіемъ всей истины».

Преподаватели этихъ «философскихъ» классовъ составляли двѣ

противоположныя одна другой группы: экзальтированныхъ мистиковъ и приверженцевъ здраваго смысла; сообразно этому и ученики распадались на такія же двѣ категоріи. Ренанъ примкнулъ ко второй. «Я всегда вѣрилъ въ человѣческій умъ», говоритъ онъ. Одинъ изъ его профессоровъ поддерживалъ его въ томъ, что онъ называетъ своимъ раціонализмомъ; другой—приверженецъ шотландской философіи, знакомилъ съ нею, главнымъ образомъ, въ лицѣ Томаса Рейда, и своего молодого ученика.

Съ тѣхъ поръ, чтеніе книгъ, внимательное изученіе такихъ авторовъ, какъ Паскаль, Малебраншъ, Эйлеръ, Локкъ, Лейбницъ, Декартъ, Рейдъ, Дугальдъ-Стюартъ, въ соединеніи съ Фенелономъ, Франциском de-Sales и др., сдѣлалось единственнымъ, поглощающимъ занятіемъ юноши. Онъ совершенно уединился, никуда не выходилъ, избѣгалъ всякихъ развлеченій, свойственныхъ его возрасту. Теперь на первомъ планѣ стояло у него занятіе философіей; методъ преподаванія этой науки въ семинаріи былъ схоластическій, на латинскомъ языкѣ, но то была, замѣчаетъ Ренанъ, «не схоластика XIII в., варварская и ребяческая, а то, что можно назвать схоластикою картезіанскою», гдѣ «весьма почтенному раціонализму» было отведено видное мѣсто. Тотъ изъ профессоровъ Ренана, который имѣлъ на него наиболѣе вліянія и знакомилъ его съ шотландской философіей, былъ одолженъ этой послѣдней отвращеніемъ къ метафизикѣ и безусловною вѣрою въ здравый смыслъ; тоже самое внушалъ онъ и своему любимому слушателю. Съ нѣмецкою философіею только начинали знакомиться въ ту пору; она, какъ выражается Ренанъ, «оказывала на него странное притягательное вліяніе», но профессора разъяснили ему, что эта философія слишкомъ часто и сильно измѣнялась, и что для вѣрной оцѣнки ея надо было дождаться, чтобы развитіе ея совершилось окончательно. Сочиненія философовъ новыхъ, особенно Кузена и Жуффруа, въ семинарію не допускались, но о нихъ постоянно говорили здѣсь, вслѣдствіе той оживленной полемики, которую они вызывали со стороны духовенства. Такимъ путемъ дѣлались они извѣстными и ученикамъ-юношамъ, и тѣ жадно упивались страницами Кузена, Жуффруа, Пьера Леру, цитировавшимися ихъ противниками совсѣмъ съ иною цѣлью... На ряду съ все болѣе и болѣе увеличивавшимся въ Ренанѣ, благодаря вышеупомянутымъ вліяніямъ, отвращеніемъ къ отвлеченной метафизикѣ, шла у него также пропорціонально усиливавшаяся склонность къ наукѣ положительной, въ которой онъ съ этихъ поръ сталъ видѣть «единственный источникъ всякой истины». Научный духъ составлялъ, какъ объясняетъ онъ, сущность его натуры. «Отъ моихъ первыхъ учителей въ Бретани я

получилъ довольно широкое математическое образованіе. Математика и физическая индукція всегда были основными элементами моего ума, единственными камнями въ моей умственной постройкѣ, никогда не измѣнявшими своего мѣста и продолжающими служить мнѣ до сихъ поръ, какъ служили тогда. Тѣ свѣдѣнія по естественной исторіи и физіологіи, которыя я пріобрѣлъ въ эти два года, познакомили меня съ законами жизни. Я увидѣлъ недостаточность того, что называютъ спиритуализмомъ; картезіанскія доказательства существованія души отдѣльно отъ тѣла всегда казались мнѣ очень слабыми; я, такимъ образомъ, сдѣлался идеалистомъ, а не спиритуалистомъ въ томъ значеніи, которое даютъ этому слову. Вѣчное *fieri*, безконечная метаморфоза казались мнѣ основнымъ міровымъ закономъ... Какимъ образомъ это уже довольно ясное пониманіе положительной философіи не изгоняло изъ моего ума схоластику и католичество? Причинами были въ этомъ случаѣ моя молодость, непослѣдовательность и отсутствіе критики. Примѣръ столькихъ великихъ умовъ, глубоко понимавшихъ природу и при томъ, однако, остававшихся вѣрующими католиками, удерживалъ меня. Особенно занимала меня мысль о Малебраншѣ, который всю свою жизнь совершалъ богослуженіе, высказывая въ тоже время на счетъ общаго строя вселенной мысли, немногимъ отличавшіяся отъ тѣхъ, къ которымъ приходилъ теперь я. Его «Бесѣды о метафизикѣ» и «Христіанскія размышленія» были постояннымъ предметомъ моего обсужденія».

Два года философскаго курса были пройдены, Ренанъ перешелъ въ другое отдѣленіе, гдѣ ему предстояло ознакомиться съ высшимъ, спеціальнымъ курсомъ богословія. Но на этомъ пунктѣ покамѣстъ остановились его записки, которыя онъ обѣщаетъ продолжать, намѣреваясь, по его словамъ, разсказать, «съ какимъ жаромъ онъ погрузился въ эту новую область изученія и какимъ образомъ, благодаря цѣлому ряду критическихъ выводовъ, представившихся его уму, основанія его жизни, какою онъ понималъ ее до тѣхъ поръ, были совершенно ниспровергнуты». Остановился, стало быть, автобіографъ на самомъ интересномъ мѣстѣ, и мы, можетъ быть, еще обратимся къ этимъ запискамъ, когда онѣ возобновятся.

П. И. В.

ПИСЬМА КЪ ТЁТЕНЬКѢ.

VII.

Милая тётенька.

Представьте себѣ, вѣдь Ноздревъ-то осуществилъ свое намѣреніе: передо мною лежатъ ужь два номера его газеты. Называется она, какъ я посовѣтовалъ: «Помои—изданіе ежедневное». Безъ претензій и мило. Въ программѣ-объявленіи сказано: «мы имѣемъ въ виду истину»—еще милѣе. Никакихъ другихъ обѣщаній нѣтъ, а коли хочешь знать, какая лежитъ на днѣ «Помоевъ» истина, такъ подписывайся. «Мы не пойдемъ по слѣдамъ нашихъ собратовъ», говорится дальше въ объявленіи, «мы не унизимся до широковѣщательныхъ обѣщаній, но позволимъ сказать одно: кто хочетъ знать истину, тотъ пусть читаетъ нашу газету, въ противномъ же случаѣ, пусть не заглядываетъ въ нее—ему же хуже!» А въ выноскѣ, къ слову «истина» сдѣлано примѣчаніе: «Всѣ новости самыя свѣжія будутъ получаться нами изъ первыхъ рукъ, немедленно и изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ». И въ томъ числѣ, конечно, будетъ получаться и клевета.

Внѣшній видъ газеты дѣйствуетъ чрезвычайно благопріятно. Большого фармата листъ; бумага—изумительно пригодная; печать—сдѣлала бы честь самому Гутенбергу; опечатокъ столько, что редакція можетъ прятаться за ними, какъ за каменной стѣной. Внизу подписано: редакторъ-издатель Ноздревъ; но искусно пущенный подъ рукою слухъ сдѣлалъ извѣстнымъ, что главный воротило въ газетѣ—публицистъ Искаріотъ. Не тотъ, впрочемъ, Искаріотъ, который удавился, а приблизительно. Ноздревъ даже намѣревался его отвѣтственнымъ редакторомъ сдѣлать (то-то бы розничная продажа пошла!), но не получилъ разрѣшенія, потому что формуляръ у Искаріота не хорошъ.

Со стороны внутренняго содержанія газета дѣлаетъ впечатлѣніе

еще болѣе благопріятное. Въ передовой статьѣ, принадлежащей перу публициста Искаріота, развивается мысль, что ничто такъ не предосудительно, какъ ложь. «Намъ все дозволяется, говоритъ Искаріотъ, только не дозволяется говорить ложь». И далѣе: «Никогда лгать не надо, за исключеніемъ лишь того случая, когда необходимо увѣрить, что говоришь правду. Но и тогда лучше выразиться на̀-двое». Затѣмъ, разсматриваетъ факты современной жизни, вредные—одобряетъ, полезные—осуждаетъ, и въ заключеніе восклицаетъ: «такъ долженъ думать всякій, кто хочетъ оставаться въ согласіи съ истиной!» А Ноздревъ въ выноскѣ примѣчаетъ: «Полно такъ ли? *Ред.*» Вторая передовая статья подписана «Сверхштатный Дипломатъ» и посвящена вопросу: было ли въ 1881 году соблюдено Европейское равновѣсіе? Отвѣтъ: было, благодаря искусной политикѣ, а чьей—не скажу. Примѣчаніе Ноздрева: «Скромность почтеннаго автора будетъ совершенно понятна, если принять въ соображеніе, что онъ уволенъ отъ службы за неспособностью. *Ред.*» Въ фёльетонѣ, фёльетонистъ Трясучкинъ увѣряетъ, что никогда ему ни было такъ весело, какъ вчера на раутѣ у княгини Насофѣполежаевой. Раутъ имѣлъ отчасти литературный характеръ, потому что княгиня декламировала: «Ахъ, почто̀ за мечъ воинственный я свой посохъ отдала?» но изъ заправскихъ литераторовъ были тамъ только двое: онъ, Трясучкинъ, да поэтъ Булкинъ. Оба въ бѣлыхъ галстухахъ. И когда княгиня произносила стихъ: «Зрѣла я небесъ сіяніе», то въ гостиную вошелъ лакей во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ, и покурилъ духами. Такъ что очарованіе было полное. А когда, вслѣдъ затѣмъ, сюрпризомъ явился фокусникъ, то вышелъ такой поразительный контрастъ, что всѣ залились веселымъ смѣхомъ. Но ужина не было, «такъ что мы съ Булкинымъ вынуждены были отправиться къ Палкину, и пробыли тамъ до шести часовъ утра». Противъ имени княгини Насофѣполежаевой Ноздревъ примѣтилъ: «Урожденная Сильвуплѐ, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника, игравшаго въ свое время видную роль по духовному вѣдомству», а противъ фамиліи поэта Булкина: «нѣтъ ли тутъ какого недоразумѣнія?» На второй страницѣ, разнообразнѣйшая «Хроника», въ которой противъ десяти «извѣстій», въ выноскахъ сказано: «Слышано отъ Репетилова», а противъ пяти: «Не клевета ли?» За хроникой слѣдуетъ тридцать три *собственныхъ* телеграммы, извѣщающія редакцію, что мужикъ сытъ. Но и тутъ выноска: «Истина вынуждаетъ насъ сознаться, что телеграммы эти составлены нами въ редакціи для образца». Третья страница посвящена корреспонденціи изъ городовъ, коихъ имена не попали въ «Списокъ городскихъ поселеній», изданный Ста-

тистическимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ. На четвертой страницѣ—серьёзная экономическая статья «Наши денежные знаки», въ которой развивается мысль, что ночью съ извощикомъ слѣдуетъ расчитываться непремѣнно около фонаря, такъ какъ въ противномъ случаѣ легко можно отдать двугривенный вмѣсто пятиалтыннаго, «что съ нами однажды и случилось». Статья подписана *Не вѣрьте мнѣ*, а въ выноскѣ противъ подписи сказано: «Не только вѣримъ, но усерднѣйше просимъ продолжать. *Ред. Ноздревъ*». Наконецъ, на самомъ кончикѣ послѣдняго столбца объявленіе: «ДѢВИЦА!! ищетъ поступить на мѣсто къ холостому человѣку солидныхъ лѣтъ. Письма адресовать въ городъ Копысъ Прасковьѣ Ивановнѣ». Выноска: «Очень счастливы, что начинаемъ предстоящую серію нашихъ объявленій столь любезнымъ предложеніемъ услугъ, надѣемся, что и прочія дѣвицы (sic) не замедлятъ почтить насъ своимъ довѣріемъ. *Конторщикъ Любострастновъ*».

Второй номеръ еще лучше. Начинается передовой статьей: «Военный бредъ», въ которой указывается, что въ тылу у насъ—Бѣлое море и Ледовитый океанъ. Статья подписана «Бывшій начальникъ штаба войскъ эѳіопскаго принца Амонасро, изъ «Аиды». Во второй статьѣ, публицистъ Искаріотъ сходитъ съ высотъ теоретическихъ на почву современности, и разбираетъ по суставчикамъ газету «Пригорюнившись Сидѣла», доказывая, что каждое ея слово есть измѣна. Затѣмъ, помѣщено письмо Трясучкина, который извѣщаетъ, что поэтъ Булкинъ совсѣмъ не «недоразумѣніе», а авторъ извѣстнаго стихотворенія «Воззри въ лѣсахъ на бегемота», а редакторъ Ноздревъ въ выноскѣ на это возражаетъ: «Но кажется, что это стихотвореніе, или приблизительно въ этомъ родѣ, принадлежитъ перу Ломоносова»? Телеграммы опять составлены въ стѣнахъ редакціи, и по этому поводу Ноздревымъ сдѣлано слѣдующее «заявленіе»: «Невозможно, чтобъ редакція на свой счетъ получала телеграммы изъ всѣхъ городовъ. Она свое дѣло сдѣлала, т. е. составила и обнародовала образцы, а затѣмъ охотники, желающіе видѣть свои телеграммы напечатанными, обязываются уже на собственный счетъ посылать таковыя въ редакцію». На четвертой страницѣ, новая экономическая статья экономиста *Не вѣрьте мнѣ*, въ которой развивается мысль, что когда играютъ въ карты на мелокъ, то справедливость требуетъ каждодневно насчитывать умѣренные проценты. И въ выноскѣ: «Такъ мы и дѣлаемъ. *Ред.*». Въ концѣ опять *одно* объявленіе: «КУХАРКА!! такое одно кушанье знаетъ, что пальчики оближешь. Спросить на Невскомъ отъ 10 до 11 часовъ вечера дѣвицу «Ребятахвалили». Выноска: «Наши вчерашнія ожиданія

постепенно оправдываются, но пускай же и прочія кухарки поспѣшатъ къ намъ съ своими объявленіями. *Конторщикъ Любострастновъ*».

И внизу, подъ обоими номерами достолюбезная подпись: редакторъ-издатель Ноздревъ!!

Я разомъ проглотилъ оба номера, и скажу вамъ: двойственное чувство овладѣло мной по прочтеніи. Съ одной стороны, въ душѣ—музыка, съ другой—какъ будто больше чѣмъ слѣдуетъ въ ретирадѣ замечтался. И надо откровенно сознаться, послѣднее изъ этихъ чувствъ, кажется, преобладаетъ. По крайней мѣрѣ, даже въ эту минуту я все еще чувствую, что пахнетъ, между тѣмъ, какъ музыки ужь давнымъ давно не слыхать.

Но что всего больше поразило меня въ новорожденномъ органѣ—это неизрѣченная и даже, можно сказать, наглая увѣренность въ авторитетности и долговѣчности. «Ужь мнѣ-то не заградятъ уста!» «Я то вѣдь до скончанія вѣковъ говорить буду!»—такъ и брызжетъ между строками. Во второмъ номерѣ Ноздревъ даже словно играетъ съ персонами, на заставахъ команду имѣющими. «Насъ спрашиваютъ нѣкоторые подписчики, говоритъ онъ, какъ мы намѣрены поступать въ случаѣ могущей приключиться горькой невзгоды? то есть, отдадимъ ли подписчикамъ деньги назадъ по расчету, или употребимъ ихъ на собственныя нужды? На это отвѣчаемъ положительно и твердо: никакой невзгоды съ нами не можетъ быть и не будетъ. Мы не съ тѣмъ предприняли дѣло, чтобъ идти на встрѣчу невзгодамъ, а съ тѣмъ, чтобы направлять таковыя на другихъ. Тѣмъ не менѣе, считаемъ за нужное оговориться, что не невозможенъ случай, когда опасенія подписчиковъ рискуютъ оказаться и не безосновательными. А именно: ежели публика выкажетъ холодность къ нашему изданію и не предоставитъ намъ достаточныхъ средствъ для его продолженія. Тогда, мы еще подумаемъ, какъ намъ поступить съ подписчиками».

Такимъ образомъ, оказывается, что ежели вы, напримѣръ, подпишетесь на «Помои», то для того, чтобы не потерять денегъ, вы обязываетесь уговаривать всѣхъ вашихъ родственниковъ, чтобъ и они на «Помои» подписались... Справедливо ли это?

Но можете себѣ представить положеніе бѣдной «Пригорюнившись Сидѣла»? Чтò должны ощущать почтеннѣйшіе ея редакторы, читая какъ «Помои» перемываютъ ея косточки, и въ каждой косточкѣ прозрѣваютъ измѣну. Вѣдь у насъ такъ ужь изстари повелось, что противъ слова «измѣна» даже разъясненій никакихъ не полагается. Скажетъ она: то, что я говорила, съ незапамятныхъ временъ и вездѣ уже составляетъ самое зауряд-

ное достояніе человѣческаго сознанія, и только «Помоямъ» можетъ казаться диковиною—сейчасъ ей въ отвѣтъ: а! такъ ты вотъ еще какъ... не раскаянная! Или скажетъ: Я совсѣмъ этого не говорила, а говорила вотъ то-то и то-то — и тутъ готовъ отвѣтъ: а! опять за лганье принялась! опять хвостомъ вертишь! Словомъ сказать, выгоднѣе и приличнѣе всего окажется простое молчаніе. «Помои» будутъ растабарывать, а «Пригорюнившись Сидѣла»—молчать. Таково ихъ взаимное провиденціальное назначеніе.

Повидимому, тактика Ноздрева заключается въ слѣдующемъ. По всякому вопросу непремѣнно писать передовую статью, но не затѣмъ, чтобы выяснить самую сущность вопроса, а единственно ради того, чтобы высказать по поводу его «русскую точку зрѣнія». Разумѣется, выищутся люди, которые тронутся такимъ отношеніемъ къ дѣлу и назовутъ его недостаточнымъ—тогда подстеречь удобный моментъ и закричать: караулъ! измѣна!

Такого рода моменты называются «вѣяніями», а вѣдь извѣстно, что у насъ, коли вплотную повѣетъ, то всякое слово за измѣну сойдетъ. И тогда измѣнниковъ хоть голыми руками хватай.

Замѣчательно, что есть люди—и даже не мало такихъ—которые за эту самую тактику называютъ Ноздрева умницей. Мерзавецъ, говорятъ, но уменъ. Знаетъ гдѣ раки зимуютъ, и понимаетъ, что̀ по нынѣшнему времени требуется. Стало быть, будетъ съ капитальцемъ.

Что Ноздревъ будетъ съ капитальцемъ (особливо, ежели деньгами подписчиковъ распорядится)—это дѣло возможное. Но, чтобы онъ былъ «умницей»—съ этимъ я никакъ согласиться не могу. Во-первыхъ, онъ потому ужь не умница, что не понимаетъ, что времена переходчивы; а во-вторыхъ, онъ до того въ двухъ вышедшихъ номерахъ обнажилъ себя, что даже виноградного листа ему достать нѐ откуда, чтобы прикрыть, въ крайнемъ случаѣ, свою наготу. Говорятъ будто бы онъ меценатами заручился, да меценаты-то чѣмъ заручились?

Покамѣсть, однакожь, ему везетъ. У меня, говоритъ, въ тылу—сила, а ежели мой тылъ обезпеченъ, то я многое могу дерзать. Эта увѣренность развиваетъ чувство самодовольства во всемъ его организмѣ, но въ то же время темнитъ въ немъ разсудокъ. До такой степени темнитъ, что онъ, въ изступленіи наглости, прямо отъ своего имени объявляетъ войны, заключаетъ союзы и даруетъ миръ.

Не дальше, какъ сегодня, подъ живымъ впечатлѣніемъ только-что прочитанныхъ номеровъ, я встрѣтился съ нимъ на улицѣ, и, по обыкновенію, спутался. Вмѣсто того, чтобъ перебѣжать на

другую сторону, очутился съ нимъ лицомъ къ лицу и началъ растабарывать. «Какъ, говорю, вамъ не стыдно выступать съ клеветами противъ газеты, которая, во всякомъ случаѣ, честно исполняетъ свою задачу? Еслибъ даже убѣжденія ея»... Но онъ мнѣ не далъ и договорить.

— Прежде всего, прервалъ онъ меня:—я не признаю клеветы въ журналистикѣ. Журналистика—поле для всѣхъ открытое, гдѣ всякій можетъ свободно оправдываться, опровергать и даже въ свою очередь клеветать. Безъ этого, немыслимо издавать мало-мальски «живую» газету. Но, главное, надо же, наконецъ, за умъ взяться. Пора разъ навсегда покончить съ этими гнѣздами разъѣвшагося либерализма, покончить такъ, чтобъ они ужь и не воскресли. Щадить врага—это самая плохая политика. Одно изъ двухъ: или сдаться ему въ плѣнъ, или же бить, бить до тѣхъ поръ...

Такъ вотъ онъ чтò собрался совершить. Покончить съ «врагами» — съ чьими? съ своими собственными, ноздревскими врагами... ахъ! Спрашивается: неужто жь найдется въ мірѣ какая-то «сила», которая согласится войти въ союзъ съ Ноздревымъ, съ цѣлью сокрушенія ноздревскихъ враговъ?!

Нѣтъ, какъ хотите, а Ноздревъ далеко не «умница». Все въ немъ глупо: и замыслы, и надежды, и способы осуществленія. Только вотъ негодяйство какъ будто скрашиваетъ его, и даетъ поводъ думать, что онъ нѣчто смекаетъ и что-то можетъ совершить.

Вся его сила заключена именно въ этомъ негодяйствѣ; въ немъ, да еще въ эпидемически развившейся путаницѣ понятій, благодаря которой, куда ни глянешь, кромѣ мути, ничего не видишь. Пользуясь этими двумя содѣйствіями, онъ каждодневно будетъ твердить, что всѣ, кто не читаетъ его паскудной газеты — все это враги и потрясатели. И найдутся простецы, которые повѣрятъ ему...

Но вы, милая тётенька, не вѣрьте! Не увлекайтесь ни Ноздревскими клеветами, ни намёками на Ноздревскую авторитетность и на какихъ-то случайныхъ людей, которые, будто бы, поддерживаютъ эту авторитетность. Смотрите на Ноздрева, какъ можно проще: какъ на бездѣльника и глупца. Тогда для васъ не только сдѣлается яснымъ секретъ его беззастѣнчивости, но и паскудный листъ, въ которомъ онъ выливаетъ свои душевные помои, перестанетъ казаться опаснымъ, а пребудетъ только паскуднымъ, чѣмъ ему и быть надлежитъ.

Какъ ни страннымъ покажется переходъ отъ Ноздрева къ литературѣ вообще, но, дѣлать нечего, приходится примириться съ этимъ. Перо краснѣетъ, возвѣщая, что Ноздревъ вторгся въ литературу, и, повидимому, расположился внѣдриться въ ней, но это осязательный фактъ и никакое перо не въ силахъ опровергнуть его.

Ноздрева провела въ литературу улица, провела постепенно, переходя отъ одного видоизмѣненія къ другому. Начала̀ съ Тряпичкина, потомъ пришла къ «нашему собственному корреспонденту», потомъ къ Подхалимову и закончила гармоническимъ аккордомъ, въ лицѣ Ноздрева. А покуда проходили эти видоизмѣненія, литература съ наивнымъ изумленіемъ восклицала: кажется, что дальше идти невозможно! Однакожъ, оказалось возможнымъ.

Еще въ недавнее время, наша литература жила вполнѣ обособленною жизнью, то есть, бряцала и занималась эстетикою. По временамъ, однакожъ, и въ ней обнаруживались проблески, свидѣтельствовавшіе о стремленіи прорваться на улицу, или, вѣрнѣе сказать, создать ее, потому что тогда и «улицы»-то не было, а была только ширь да гладь да божья благодать, а надъ нею витало: «Печатать дозволяется, цензоръ Красовскій». Но, именно, по простотѣ и крайней вразумительности этого «печатать дозволяется» никакія новшества не удавались, такъ что самыя смѣлыя экскурсіи въ область злобы дня прекращались по мановенію волшебства, не дойдя до перваго этапа. И въ концѣ-концовъ, литература вновь возвращалась къ бряцанію и разработкѣ вопросовъ чистаго искуства.

Эта полная отчужденность литературы отъ насущныхъ злобъ сообщала ей трогательно-благородный характеръ. Какъ будто она, какъ сказочная царевна, была заключена въ неприступномъ чертогѣ, и тамъ дремала, окутанная сновидѣніями. Но въ основѣ этихъ сновидѣній все-таки лежало «человѣчное», такъ что ежели литература не принимала дѣятельнаго участія въ негодованіяхъ и протестахъ жизни, то не участвовала и въ ея торжествахъ. Вотъ почему и «замаранность» была въ то время явленіемъ исключительнымъ, ибо гдѣ же и ка̀къ могла «замараться» царевна, дремлющая въ волшебныхъ чертогахъ? Вообще, руводительство жизнью составляло тогда привилегію табели о рангахъ и ревниво оберегалось ею отъ постороннихъ вторженій, литературѣ же предоставлялось стоять притиснутою въ углу и пробуждать благородныя чувства. Но все-таки повторяю: иногда даже подъ флагомъ благородства чувствъ литература упорствовала проводить нѣчто своеобразное, и тогда происходили коллизіи, вслѣдствіе

которыхъ водворялось молчаніе и царевна вновь предавалась исключительно-эстетическимъ сновидѣніямъ.

Мнѣ могутъ возразить здѣсь: а иносказательный рабій языкъ? а умѣнье говорить между строками? — Да, отвѣчу я, дѣйствительно, обѣ эти характерныя особенности выработались во время пребыванія литературы въ плѣну, и обѣ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о ея попыткахъ прорваться сквозь непріятельскую цѣпь. Но вѣдь какъ ни говори, а рабій языкъ все-таки рабій языкъ и ничего больше. Улица никогда между строкъ читать не умѣла и по отношенію къ ней рабій языкъ не имѣлъ и не могъ имѣть воспитательнаго значенія. Такъ что если тутъ и была побѣда, то очень и очень небольшая.

Улица заявила о своемъ нарожденіи на нашихъ глазахъ. Она создалась сама собой, вдругъ, безъ всякаго участія со стороны литературы. Послѣдняя, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, была до того истощена, измучена и отуманена, что при появленіи улицы даже не высказала особенной способности къ уясненію своихъ отношеній къ ней. Можно было подумать, что плѣнъ, въ которомъ она такъ долго томилась, сдѣлался ей милъ. Онъ напоминалъ ей о талантѣ, знаніи и высотахъ ума, словомъ сказать, обо всемъ, что было затѣснено, забито, но чего самая тьма не могла окончательно заглушить. Напротивъ того, улица съ перваго же раза зарекомендовала себя безсвязнымъ галдѣніемъ, низменною несложностью требованій, живостью предразсудковъ, дикостью идеаловъ, произвольностью отправныхъ пунктовъ, и, наконецъ, какою-то удручающею безграматностью. Но въ то же время, таже улица высказала и чуткость, а именно: она отлично поняла, что литература для нея необходима, и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, всей массой хлынула, чтобы овладѣть ею. Двѣ силы встрѣтились лицомъ къ лицу: съ одной стороны, литература, замученная, заподозрѣнная и недоумѣвающая; съ другой—улица, нетолько не заподозрѣнная, но прямо, какъ на преимущество, ссылающаяся на родство своихъ идеаловъ съ идеалами Управы благочинія. Понятно, на чьей сторонѣ долженъ былъ остаться перевѣсъ.

Съ появленіемъ улицы, литература, въ смыслѣ творческомъ, не замедлила совсѣмъ сойти со сцены, отчасти за недоступностью новыхъ мотивовъ для разработки, отчасти за общимъ равнодушіемъ ко всему, что не прикасается непосредственно къ уличному галдѣнію. Конечно, найдутся и теперь два-три исключенія, но это ужь, такъ сказать, «послѣднія тучи разсѣянной бури», которыя набрасываютъ остальные штрихи въ старой картинѣ, а передъ новою точно такъ же останавливаются въ недоумѣніи,

какъ и всѣ прочіе. Ибо *входъ за кумисъ посторонним* (т. е. литературѣ) *воспрещается*...

По наружности, кажется, что никогда не бывало въ литературѣ такого оживленія, какъ въ послѣдніе годы; но, въ сущности, это только шумъ и гвалтъ взбудораженной улицы, это нестройный хоръ обострившихся вождѣленій, въ которомъ главная нота, по какому-то горькому фатализму, принадлежитъ подозрительности, сыску и безшабашному озлобленію. О творчествѣ нѣтъ и въ поминѣ. Нѣтъ ничего цѣльнаго, задуманнаго, выдержаннаго, законченнаго. Одни обрывки, которые много-много имѣютъ значеніе сырого матеріала, да и то матеріала несвязнаго, противорѣчиваго. Для чего этотъ матеріалъ можетъ послужить? ежели для будущаго, то право, будущее скорѣе сочтетъ болѣе удобнымъ совсѣмъ отвернуться отъ времени, породившаго этотъ матеріалъ, нежели заботиться объ его воспроизведеніи. Мы же, современники, читаемъ эти обрывки и чувствуемъ себя подъ гнетомъ какой-то безъисходной тоски. Странное, въ самомъ дѣлѣ, положеніе: ни въ жизни, ни въ литературѣ—нигдѣ разобраться нельзя. Вездѣ суета, вездѣ мельканіе, свара, сыскъ, безъ всякой надежды на обрѣтеніе мало-мальски твердой опоры, о которую могла бы притупиться эта безсмысленная сутолока.

Еслибъ представилась возможность творчески отнестись къ картинѣ этой всесторонней жизненной неурядицы, это уже былъ бы громадный выигрышъ въ смыслѣ общественнаго освѣженія. Соберите элементы удручающей насъ смуты, сгруппируйте ихъ, укажите каждому его мѣсто, его центръ тяготѣнія — одного этого будетъ достаточно, чтобъ взволновать честныя сердца и остепенить сердца самодовольныхъ и легкомысленныхъ глупцовъ. Но тутъ-то именно и встрѣчаются тѣ неодолимыя препятствія, которыя на всю область творчества налагаютъ какъ бы секвестръ.

Дѣло въ томъ, что вездѣ, въ цѣломъ мірѣ, улица представляетъ собой только матеріалъ для литературы, а у насъ, напротивъ, она господствуетъ надъ литературой. Во всѣхъ видахъ господствуетъ: и въ видѣ частной инсинуаціи, частнаго насилія, и въ видѣ непререкаемо-возбраняющей силы. И на каждомъ шагу ставитъ «вопросы», на которые сдѣлалось какъ бы обязательнымъ, *до времени*, закрывать глаза. Тщетно вы станете доказывать, что вопросъ самый жгучій именно тогда и утрачиваетъ значительную часть своей жгучести, когда онъ подвергнутъ открытому изслѣдованію (допустимъ, даже самому страстному)—въ отвѣтъ на эти убѣжденія вамъ или скажутъ, что вы ставите ловушку, или же просто на просто посмотрятъ на васъ съ изумленіемъ. Потому что улицей овладѣлъ испугъ, и она

ищетъ освободиться отъ него во что бы то ни стало. А такъ какъ она искони отъ всѣхъ недуговъ исцѣлялась первобытными средствами, въ родѣ шиворота (въ «Помояхъ» расшалившійся Ноздревъ такъ-таки прямо и сулитъ «либеральной» прессѣ... *розги*!!), то и теперь на всякія болѣе сложныя комбинаціи смотритъ какъ на злонамѣренный подвигъ, или какъ на безуміе.

Улица тяжела на подъемъ въ смыслѣ умственномъ; она погрязла въ преданіяхъ, завѣщанныхъ мракомъ временъ, и ни мало не изобрѣтательна. Она хочетъ, чтобъ торжество досталось ей даромъ, или, во всякомъ случаѣ, стоило какъ можно меньше. Дешевле и проще плющильнаго молота ничего мракомъ временъ не завѣщано—вотъ она и приводитъ его въ дѣйствіе, не разбирая, что̀ и во имя чего молотъ плющитъ. Да и гдѣ же тутъ разобраться, коль скоро у всѣхъ этихъ уличныхъ «охранителей» поголовно поджилки дрожатъ!

И замѣтьте, милая тётенька, вездѣ нынче такъ. Вездѣ одна внѣшняя суета, и вездѣ же какая-то блаженная увѣренность, что искомое цѣленіе само собою придетъ на крикъ: ego vos! Никогда, обстоятельства болѣе серьезныя не вызывали на борьбу такого множества легкомысленныхъ и самодовольныхъ людей. Мы, кажется, даже забыли совсѣмъ, что для того, чтобъ получить прочный результатъ, необходимо прежде всего потрудиться. Потрудиться не одной кожей, но и всѣмъ внутреннимъ существомъ. Но, можетъ быть, внутреннее-то существо уже до того въ насъ истрепалось, что и понадѣяться на него нельзя...

Какъ бы то ни было, но литературное творчество въ умаленіи. И едва ли я ошибусь, сказавъ, что тайна его исчезновенія заключается не въ собственномъ его безсиліи, а въ отсутствіи почвы, которую оно могло бы эксплуатировать. Творчество не можетъ сдѣлать шага, чтобы не встрѣтиться съ «вопросомъ», а стало-быть и съ невозможностью. Приступится ли оно къ жизни такъ называемаго культурнаго общества—половина этой жизни представляетъ заповѣдную тайну, и именно та половина, которая *всей* жизни даетъ колоритъ. Спустится ли оно въ глубины бытовой жизни—и тамъ его подстерегаетъ цѣлая масса вопросовъ: вопросъ аграрный, вопросъ общинный, вопросъ о народившемся «кулакѣ» и т. д. И всѣ эти вопросы—тоже заповѣдная тайна, хоть въ нихъ и только въ нихъ однихъ лежитъ разъясненіе всѣхъ невзгодъ, удручающихъ бытовую жизнь.

Но ежели вездѣ, куда ни оглянись, ничего, кромѣ испуга и обязательной тайны не обрѣтается, то ясно, что самая смѣлая попытка разложить и воспроизвести этотъ загадочный міръ ничего не дастъ, кромѣ бѣглыхъ, не имѣющихъ органической связи

обрывковъ. Ибо какую же можетъ играть дѣятельную роль творчество, затертое среди испуговъ и тайностей?

Мнѣ скажутъ, быть можетъ: но существуетъ цѣлый міръ чисто психическихъ и нравственныхъ интересовъ, выдѣляющій безконечное множество разнообразнѣйшихъ типовъ, относительно которыхъ не можетъ быть ни вопросовъ, ни недоразумѣній. Да, такой міръ дѣйствительно есть, и литература отлично знала его въ то время, когда она, подобно спящей царевнѣ, дремала въ волшебныхъ чертогахъ. Но, во-первыхъ, типы этого порядка съ такимъ несравненнымъ мастерствомъ разработаны отцами литературы, что возвращаться къ нимъ значило бы только повторять зады. А во-вторыхъ—и это главное—попробуйте-ка въ настоящую минуту заняться, напримѣръ, воспроизведеніемъ «хвастуновъ» «лжецовъ», «лицемѣровъ», «мизантроповъ» и т. д.—вѣдь та же самая улица въ одинъ голосъ возопитъ: объ чемъ ты намъ говоришь? оставь старыя погудки и отвѣть на тѣ вопросы, которые затрогиваютъ насъ по существу: кто мы таковы? и отчего мы нравственно и матеріально оголтѣли?

Ибо никогда не была психологія въ фаворѣ у улицы, а нынче она удовлетворяется ею меньше, нежели когда-нибудь. Помилуйте! до психологіи ли тутъ, когда въ цѣломъ организмѣ нѣтъ мѣста, которое бы не щемило и не болѣло!

Но, сверхъ того, психическій міръ, на который такъ охотно указываютъ, какъ на тихое пристанище, гдѣ литература не рискуетъ встрѣтиться ни съ какими недоразумѣніями—вѣдь и онъ сверху до низу измѣнилъ физіономію. Основныя черты типовъ, конечно, остались, но къ нимъ прилипло нѣчто совсѣмъ новое, прямо связанное съ злобою дня. Появились дѣльцы, карьеристы, хищники и т. д. Безспорно, послѣдніе типы очень интересны, но вѣдь ежели вы начнете ваше повѣствованіе словами: «Безшабашный совѣтникъ такой-то вкупѣ съ безшабашнымъ совѣтникомъ такимъ-то начертали планъ ограбленія Россіи» (а какъ же иначе начать?)—то дальше ужь нѐ зачѣмъ и идти. Ибо вы сейчасъ же очутитесь въ самомъ водоворотѣ «вопросовъ», и именно тѣхъ вопросовъ, на которые, *до времени*, обязательно закрывать глаза.

Но говорятъ: умѣлъ же писать Пушкинъ?—умѣлъ! Написалъ же онъ «Повѣсти Бѣлкина», «Пиковую Даму» и проч.?—написалъ! Отчего же современный художникъ не можетъ обращать свою творческую дѣятельность на явленія такого же характера, которыми не пренебрегалъ величайшій изъ русскихъ художниковъ, Пушкинъ?

Отвѣтъ на это вовсе не труденъ. Во-первыхъ, Пушкинъ не

одну «Пиковую Даму написалъ, а многое и другое, объ чемъ современные Ноздревы благоразумно умалчиваютъ. Во-вторыхъ, живи Пушкинъ *теперь*, онъ, *навѣрное*, не потратилъ бы себя на писаніе «Пиковой Дамы». Вѣдь это только шутки шутятъ современные Ноздревы, приглашая литературу отдохнуть подъ сѣнію памятника Пушкина. Въ дѣйствительности, они столь же охотно пригласили бы Пушкина въ участокъ, какъ и всякаго другого, стремящагося проникнуть въ тайности современности. Ибо они отлично понимаютъ, что сущность Пушкинскаго генія выразилась совсѣмъ не въ «Пиковыхъ Дамахъ», а въ тѣхъ стремленіяхъ къ общечеловѣческимъ идеаламъ, на которые тогдашняя Управа Благочинія, какъ и нынѣшняя, смотрѣла и смотритъ одинаково непріязненно.

И еще скажутъ: есть способъ и къ современности относиться, не возбуждая подозрительности въ улицѣ. Знаю я такой способъ и знаю, что онъ не разъ практиковался и практикуется и именно въ литературѣ ноздревскаго пошиба. Но позвольте же мнѣ, милая тётенька, слогомъ литератора-публициста Евгенія Маркова доложить: вѣдь искуство есть алтарь, на которомъ воскуряется ѳиміамъ человѣчности. Не сикофантству, а именно человѣчности—это ужь я отъ себя своимъ собственнымъ слогомъ прибавляю. Какимъ образомъ оно, вмѣсто того, чтобы воспроизводить въ перлъ созданія, то есть очеловѣчивать даже извращенныя человѣческія стремленія, будетъ брызгать слюною, прибѣгать къ митирогнозіи и молотить по головамъ? А вѣдь это-то собственно и разумѣется подъ «инымъ способомъ» относиться къ современности.

Такимъ образомъ, творчество остается не у дѣлъ, отчасти за недоступностью матеріала для художественнаго воспроизведенія, отчасти за нравственной невозможностью отнестись къ этому матеріалу согласно съ указаніями улицы. На мѣстѣ творчества въ литературѣ водворилась улица съ цѣлой массой вопросовъ, которые такъ и рвутся наружу, которыхъ, собственно говоря, и скрыть-то никакъ невозможно, но которые, тѣмъ не менѣе, остаются для литературы заповѣдною областью. То есть именно для той единственной силы, которая имѣетъ возможность ихъ регулировать, сообщить имъ стройность и смягчить ихъ жгучій характеръ.

Не думайте, однакожь, что я пишу обвинительный актъ противъ возникновенія улицы и вторженія въ литературу—напротивъ того, я отлично понимаю и неизбѣжность, и несомнѣнную законность этого факта. Невозможно, чтобъ улица вѣчно оставалась подъ спудомъ; невозможно, такъ какъ въ противномъ

случаѣ и въ обществѣ, и въ странѣ прекратилось бы всякое жизненное движеніе. Поэтому, какъ только появились сколько-нибудь подходящія условія, улица воспользовалась ими, чтобъ засвидѣтельствовать о себѣ. Она создалась сама собою, безъ всякихъ предварительныхъ подготовокъ; создалась, потому что имѣла право на самосозданіе. Мало того, что она сама создалась, но и втянула въ себя табель о рангахъ, которая еще такъ недавно не признавала ея существованія и которая теперь представляетъ, наравнѣ съ прочими случайными элементами, только составную ея часть, идущую за ея колебаніями и даже оберегающую ея право на самоистязаніе подъ гнетомъ всевозможныхъ жизненныхъ неясностей.

Но я иду еще дальше: я объясняю себѣ, почему улица, въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ, такъ мало привлекательна. Почему требованія ея низменны, отправные пункты дики и произвольны, а идеалы равносильны идеаламъ Управы Благочинія. Все это иначе не можетъ и быть. Это особаго рода фатальный законъ, въ силу котораго первая стадія развитія всегда принимаетъ формы ненормальныя и даже уродливыя. Крестьянинъ, освобождающійся отъ власти земли, чтобы вступить въ область цивилизаціи, тоже представляетъ собою типъ нетолько комическій, но и отталкивающій. Наконецъ, всѣмъ извѣстенъ непріятный типъ мѣщанина въ дворянствѣ. Но это еще не значитъ, чтобъ эмансипирующійся человѣкъ былъ навсегда осужденъ оставаться въ рамкахъ отталкивающаго типа. Новыя перспективы непремѣнно вызовутъ потребность разобраться въ нихъ, а эта разборка приведетъ за собой новый и уже высшій фазисъ развитія. Тоже самое, конечно, сбудется и съ улицей. Состояніе хаотической взбудораженности, въ которомъ она нынѣ находится, можетъ привести ее только къ глухой стѣнѣ, и разъ это случится, самая невозможность идти далѣе заставитъ ее очнуться. И тогда же начнется и провѣрка руководившихъ ею идеаловъ, а затѣмъ и несомнѣнное ихъ упраздненіе.

Я понимаю, что все это законно и неизбѣжно, что улица имѣетъ право на существованіе, и что дальнѣйшія ея метаморфозы представляютъ только вопросъ времени. Сверхъ того, я знаю, что понять извѣстное явленіе значитъ оправдать его.

Но оправдать явленіе—одно, а жить подъ его давленіемъ—другое. Вотъ это-то противоположеніе между олимпическимъ величіемъ теоріи и болѣзненною чувствительностью жизни и составляетъ болящую рану современнаго человѣка.

Можно понимать и оправдывать пустоту, среди которой мы вращаемся, но жить въ ней нестерпимо-мучительно. Вотъ почему

мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ людей, далеко не выспренниххъ, которые, однакожъ, изнемогаютъ, снѣдаемые безсознательною тоской. И я ни мало не былъ бы удивленъ, еслибъ въ этой массѣ тоскующихъ нашлись и такіе, которые сами участвуютъ въ созданіи пустоты. Ибо и ихъ только незнаніе, гдѣ отыскать выходъ изъ обуявшей паники, можетъ заставить упорно принимать жизненные миражи за подлинную жизнь, и легкомысленное мельканіе вокругъ разрозненныхъ «вопросовъ» предпочитать трудной, но настоятельно требующейся провѣркѣ основныхъ идеаловъ современности.

Но оставимъ покуда въ сторонѣ широкое русло жизни и ограничимся однимъ ея уголкомъ—литературою. Этотъ уголокъ мнѣ особенно дорогъ, потому что на немъ съ дѣтства были сосредоточены всѣ мои упованія, и онъ, въ свою очередь, далъ мнѣ гораздо больше того, что я достоинъ былъ получить. Весь жизненный процессъ этого замкнутаго, по волѣ судебъ, міра, былъ моимъ личнымъ жизненнымъ процессомъ; его незащищенность—моею незащищенностью; его замученность—моею замученностью; наконецъ, его кратковременныя и рѣдкія ликованія—моими ликованіями. Это чувство отожествленія личной жизни съ жизнью излюбленнаго дѣла такъ сильно, и принимаетъ съ годами такіе размѣры, что заслоняетъ отъ глазъ даже ту широкую, незнающую береговъ жизнь, передъ лицомъ которой все живущее представляетъ лишь безъимянную величину, вѣчно стоящую подъ ударомъ случайности.

Несомнѣнно, что вторженіе въ литературу ноздревскаго элемента не составляетъ для меня загадки, и я могу довольно обстоятельно объяснить себѣ, что въ этомъ фактѣ ничего нѣтъ ни произвольнаго, ни неожиданнаго. Я признаю, что въ современной русской литературѣ на первомъ планѣ должна стоять *газета*, и что въ этой газетѣ *должна* господствовать публицистика подсиживанья, сыска и клеветы. Допускаю также появленіе на сцену борзописцевъ, которые не могутъ доказать, гдѣ они вчера ночевали, и у которыхъ нѣтъ другихъ словъ на языкѣ, кромѣ словъ, непомнящихъ родства...

Все это я допускаю, объясняю себѣ и признаю. А стало быть, обязываюсь и оправдать.

Но отчего же я чувствую, что сердце мое мучительно ноетъ при видѣ этого зрѣлища? отчего я, сверхъ того, убѣжденъ, что оно способно возбуждать негодованіе не во мнѣ одномъ, но и во всѣхъ вообще честныхъ людяхъ?

Оттого, милая тётенька, что всѣ мы, яко человѣки, нетолько мыслимъ, но и живемъ.

Не дальше какъ вчера, я былъ на раутѣ у тайнаго совѣтника Грызунова (кромѣ медалей, имѣетъ знакъ отличія мужского ордена для ношенія по установленію).

Грызуновъ—мой школьный товарищъ и, по призванію, экономистъ. Еще на школьной скамьѣ, онъ постигъ нѣкоторыя экономическія истины и съ помощью ихъ объяснялъ смущавшія насъ явленія.

— Грызуновъ! спросишь его, бывало:—отчего Куропатка (прозвище одного изъ воспитанниковъ) продалъ вчера Карасю (прозвище другого товарища) свою булку за два листа бумаги, а сегодня Карась за такую же булку долженъ былъ заплатить Куропаткѣ четыре листа?

— Оттого, разрѣшалъ Грызуновъ безъ труда: — что вчера, кромѣ Куропатки, предлагалъ Карасю свою булку еще Котенокъ (третій товарищъ); стало быть, предложеніе было большое а спросъ—малый. Ныньче Котенокъ съѣлъ свою булку самъ; вслѣдствіе этого предложеніе уменьшилось вдвое, и сообразно съ этимъ вдвое же увеличилась и цѣна булки.

Или:

— Отчего, Грызуновъ, монета всегда чеканится круглая, между тѣмъ какъ пироги съ черникой безразлично пекутся и круглые, и овальные, и четырехъугольные?

— Оттого, объяснялъ онъ: — что обыкновенно монету носятъ въ карманѣ; стало быть, еслибъ ее чеканили, напримѣръ, четырехугольною, то, безпрерывно цѣпляясь углами о подкладку кармана, она продырила бы ее быстрѣе, нежели желательно. Пироги же кладутся не въ карманъ, а въ ротъ, и будучи мягки, доходятъ по назначенію, ничего не продыривъ.

За быстроту, съ которою давались эти отвѣты, Грызунову было дано прозвище восьмого мудреца, а такъ какъ мы были тогда того мнѣнія, что плохой тотъ школяръ, который не надѣется быть министромъ, то на долю Грызунова самымъ естественнымъ образомъ выпадалъ портфель министра финансовъ. Съ тѣмъ мы и вышли изъ школы.

Съ тѣхъ поръ, прошли годы. Грызуновъ немедленно принялся оправдывать возлагаемыя на него надежды. Сначала, онъ сдѣлался «нашимъ молодымъ и блестящимъ экономистомъ», потомъ «нашимъ извѣстнымъ экономистомъ», и наконецъ—«нашимъ маститымъ экономистомъ». Писалъ онъ изобильно и легко, писалъ обо всѣмъ, объ чемъ взгрустнется. И объ томъ, отчего мы бѣдны, и объ томъ, отчего у насъ во всемъ изобиліе; и о томъ, что изобиліе уменьшаетъ цѣну на предметы, и о томъ, что хотя, *вообще говоря*, изобиліе и уменьшаетъ цѣну на предметы, но «въ тоже

время, до извѣстной степени, и увеличиваетъ ее». Словомъ сказать, возьметъ изъ кучи любой вопросъ, и безъ труда на него отвѣтитъ. Природа даровала ему желѣзную поясницу и чугунное при ней днище, и онъ съ признательностью пользовался этимъ даромъ. Сядетъ, посидитъ, и сколько посидитъ, столько и напишетъ. Урветъ что-нибудь у Бастіа, или у Риккардо, или даже у Кокорева («нѣчто о глазомѣрѣ въ связи съ смекалкою»), а скажетъ, что самъ выдумалъ. И написавши, сидитъ нѣкоторое время дома и ждетъ, что его позовутъ: пожалуйте, Иванъ Александрычъ, министерствомъ управлять! Ждалъ онъ такимъ образомъ цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, его не разъ звали, но всегда дѣло оканчивалось тѣмъ, что его же спрашивали: ахъ, объ чемъ, бишь, нужно было съ вами поговорить? Значитъ, звать-звали, а призвать не призвали. Какъ это случилось, онъ не понимаетъ, да и я, признаться, не понимаю. Человѣкъ знаетъ, отчего монета кругла (а можетъ быть, и отчего кругла земля?), а никому до этого какъ-будто дѣла нѣтъ. Не повезло ему—вотъ и все. Иногда онъ впадалъ въ уныніе отъ этой несправедливости, но вѣра, что никому въ цѣлой Россіи не извѣстны такъ близко тайны спроса и предложенія (а это, тётенька, позамысловатѣе «Тайнъ Мадридскаго двора») — спасала его. Несмотря на длинный рядъ неудачъ и разочарованій, всякій разъ (и это въ теченіи всего двадцати-пятилѣтняго періода!), какъ въ извѣстныхъ сферахъ возникало движеніе, онъ вновь начиналъ волноваться, надѣяться и ждать. Несомнѣнно, ждетъ и поднѣсь.

Это постоянное, страстно-выжидательное состояніе оказываетъ извѣстное вліяніе и на его отношенія къ людямъ. Когда въ воздухѣ носятся либеральныя вѣянія, онъ льнетъ къ либераламъ, а консерваторовъ называетъ измѣнниками. Когда на рынкѣ въ цѣнѣ консерватизмъ, онъ прилѣпляется къ консерваторамъ и называетъ измѣнниками либераловъ. Но это въ немъ не предательство, а только слѣдствіе слишкомъ живучаго желанія пристроиться.

Я думаю, что Грызуновъ не жаденъ, и охотно удовольствовался бы половиннымъ содержаніемъ, еслибъ его призвали. Я даже думаю, что, въ сущности, онъ и не честолюбивъ. Онъ просто знаетъ свои достоинства и цѣнитъ ихъ—вотъ и все. Но такъ какъ и другіе знаютъ свои достоинства и цѣнятъ ихъ, то онъ и затерялся въ общей свалкѣ.

Въ послѣднее время, онъ какъ-то особенно всполошился. Видитъ, что пустого мѣста много, а людей, знающихъ достовѣрно, отчего монета кругла — нѣтъ. При томъ же, fugaces labuntur

anni, ему ужь шестой десятокъ въ исходѣ, а онъ все еще ни причемъ. Надо ловить. Поэтому, онъ съ утра до вечера мелькаетъ, съ утра до вечера всѣмъ и каждому предлагаетъ вопросы по всѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣденія и самъ же на нихъ отвѣчаетъ. И все вопросы труднѣйшіе, такъ что только въ «Задачникѣ» Малинина и Буренина и можно такіе встрѣтить. У разнощика былъ лотокъ съ апельсинами, сто изъ нихъ, онъ продалъ, два самъ съѣлъ, три (съ пятнышками) бѣднымъ мальчикамъ роздалъ, а пять подарилъ околодочному—сколько всѣхъ апельсиновъ было? Другой такой же претендентъ на постъ или задумается, прежде нежели отвѣтить, или отвѣтитъ уклончиво, что бабушка на̀-двое сказала, а Грызуновъ—быстро, отчетливо, зво̀нко: сто десять! Сверхъ того, чтобы удовлетворить сжигающей его жаждѣ дѣятельности, онъ устроилъ у себя по субботамъ рауты, и кого ни встрѣтитъ, всѣхъ приглашаетъ: «Субботы не забудьте... это срамъ!!»

То есть, не субботы «срамъ», а то, что требуются почти нечеловѣческія усилія, чтобы устроить по субботамъ обмѣнъ мыслей. Но въ хлопотахъ, онъ не договариваетъ фразы, и спѣшитъ хлопотать дальше. И всякому что-нибудь на ходу скажетъ. Одному — что въ виду общаго врага, всѣ партіи, и либералы и консерваторы, должны въ субботу подать другъ другу руки; другому—что теперь-то именно, т. е. опять-таки въ будущую субботу, и наступила пора сосчитаться и покончить съ либералами, признавъ ихъ сообщниками, попустителями и укрывателями превратныхъ толкованій; третьему: «слышали, батюшка, что̀ консерваторы-то наши затѣяли — ужасъ! а, впрочемъ, въ субботу поговоримъ!»

Какимъ образомъ весь этотъ разнокалиберный матеріалъ одновременно въ немъ умѣщается — этого я объяснить не могу. Но знаю, что, въ сущности, онъ замѣчательно добръ, такъ что стоитъ только пять минутъ поговорить съ нимъ, какъ онъ уже восклицаетъ: вотъ мы и объяснились! Даже въ томъ его убѣдить можно, что ничего нѣтъ удивительнаго, что его не призываютъ. Онъ выслушаетъ, скажетъ: тѣмъ хуже для Россіи!—и успокоится.

Такихъ Лжедимитріевъ ныньче, милая тётенька, очень много. Слоняются, постылые тушинцы, вторгаются въ чужія квартиры, останавливаютъ прохожихъ на улицахъ, и хвастаютъ, хвастаютъ безъ конца. Одинъ — табличку умноженія знаетъ; другой — утверждаетъ, что Россія шестая часть свѣта, а третій безъ запинки разрѣшаетъ задачу «летѣло стадо гусей». Все это — права̀ на признательность отечества; но когда наступитъ время

для признанія этихъ правъ удовлетворительными, чтобы стоять у кормила — этого я сказать не могу.

Меня Грызуновъ долгое время любилъ; потомъ сталъ не любить и называть «краснымъ»; потомъ опять полюбилъ. Въ какомъ положеніи находятся его чувства ко мнѣ въ настоящую минуту, я опредѣлить не могу, но когда мы встрѣчаемся, то происходитъ нѣчто странное. Онъ смотритъ на меня несомнѣнно-добрыми глазами, улыбается... и молчитъ. Я тоже молчу. Это значитъ, что мы понимаемъ другъ друга. Но всякая наша встрѣча непремѣнно кончается тѣмъ, что онъ скажетъ:

— А что̀ же субботы... забылъ?

А какъ-то на дняхъ, даже прибавилъ:

— Вѣдь надо же, наконецъ! Надо, чтобъ благомыслящіе люди всѣхъ оттѣнковъ сговорились между собой! Потому что, въ сущности, насъ раздѣляютъ только недоразумѣнія, и сто̀итъ откровенно объясниться, чтобы разногласія упали сами собой. Такъ до субботы... да?

Вотъ я въ прошлую субботу и отправился.

Когда я пріѣхалъ, всѣ уже собрались въ столовой вокругъ большого стола, за которымъ любезная хозяйка разливала чай. Однакожъ, хотя я и прежде замѣчалъ въ обстановкѣ и составѣ Грызуновскихъ раутовъ нѣкоторыя неожиданности, но теперь эти неожиданности уже прямо приняли характеръ какихъ-то ловушекъ, которыхъ никакимъ образомъ предусмотрѣть нельзя.

Прежде всего, меня поразило то, что подлѣ хозяйки дома сидѣла «Дама изъ Амстердама», необычайныхъ размѣровъ особа, которая днемъ даетъ представленія въ Пассажѣ, а по вечерамъ показываетъ себя въ частныхъ домахъ: возьметъ чашку съ чаемъ, поставитъ себѣ на грудь, и, не проливши ни капли, выпьетъ. Грызуновъ отрекомендовалъ меня ей, и шепнулъ мнѣ на ухо, что она приглашена для «оживленія общества». Затѣмъ, не успѣлъ я пожать руки гостепріимнымъ хозяевамъ, какъ вдругъ... слышу голосъ Ноздрева!!

— Любовь къ отечеству, вѣщаетъ этотъ голосъ: — это такое святое чувство, которое могутъ понимать и воздѣлывать только возвышенныя сердца!

Всматриваюсь: дѣйствительно — «онъ»! Во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и такъ благороденъ, что еслибы не сидѣлъ за столомъ, то можно было бы принять его за оффиціанта. Изрекаетъ обязательные афоризмы и даже сознаетъ себя въ правѣ изрекать таковые, потому что успѣхъ «Помой» ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Рядомъ съ нимъ сидитъ и почтительно вздрагиваетъ плечами бывшій начальникъ штаба эѳіопскихъ войскъ, юркенькій чело-

вѣчекъ, который, хотя и былъ побѣжденъ египетскимъ полководцемъ Радамесомъ (изъ «Аиды»), но всѣмъ разсказываетъ, что «только наступившая ночь помогла Радамесу спастись въ постыдномъ бѣгствѣ». Нѣсколько поодаль, расположился Расплюевъ, который не сводитъ съ Ноздрева глазъ, и, очевидно, завидуетъ его спокойному величію.

Да и самъ Грызуновъ почти не отходитъ отъ Ноздрева, такъ что я начинаю подозрѣвать, ужь не онъ ли скрывается подъ псевдонимомъ «Не вѣрьте мнѣ», подписаннымъ подъ блестящими экономическими статьями, украшающими «Помои». По крайней мѣрѣ, не успѣлъ я порядкомъ осмотрѣться, какъ Грызуновъ отвелъ меня въ сторону и шепнулъ на ухо:

— Ноздревъ нынче — сила! да-съ, батюшка, сила! И надо съ этой силой считаться! Да-съ, считаться-съ!

Наконецъ, и я кой-какъ примостился между собесѣдниками, и приготовился быть свидѣтелемъ прохожденія раута.

Разумѣется, я не буду описывать всѣ подробности раута, но думаю, что краткій разсказъ будетъ для васъ не безъинтересенъ. Героемъ являлся Ноздревъ, который все время, пока мы сидѣли за чаемъ, удерживалъ за собой первенствующее значеніе. Онъ говорилъ непрерывно и притомъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. И о томъ, что «недугъ залегъ глубоко», и о томъ, что редакція «Помой» твердо рѣшилась держать въ рукахъ свое знамя, и о томъ, что прежде всего необходимо окунуться въ волны народнаго духа и затѣмъ предпринять крещеніе огнемъ и мечемъ.

Высказавши это послѣднее предположеніе, онъ на минуту стыдливо умолкъ, но видя, что Расплюевъ еще чего-то отъ него ждетъ, прибавилъ:

— А потомъ, будемъ врачевать!

Этотъ выводъ всѣхъ присутствующихъ утѣшилъ, убѣдивши, что Ноздревъ обдумалъ свою программу основательно и стало быть положиться на него можно. Что касается до Грызунова, то онъ положительно млѣлъ отъ восхищенія. Все время онъ шнырялъ около стола, и вторилъ Ноздреву, восклицая:

— Еще бы! это именно моя мысль! Совершенно, совершенно справедливо!

И затѣмъ, подбѣгая ко мнѣ, шепталъ:

— Да-съ, батюшка, это — сила! Какъ тамъ ни толкуй, что у Ноздрева одна бакенбарда жиже другой, а считаться съ нимъ все-таки надо... да-съ!

Словомъ сказать, Ноздревъ былъ истиннымъ героемъ раута.

Даже тогда, когда гости, наконецъ, оставили столовую и разсѣялись по другимъ комнатамъ—и тутъ компактная кучка постоянно окружала Ноздрева, который объяснялъ свои виды по всѣмъ отраслямъ политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней. И замѣтьте, милая тетенька, что въ числѣ слушателей, внимавшихъ этому новому оракулу, было значительное число травленыхъ администраторовъ, которые въ свое время негодовали и приносили жалобы на вмѣшательство печати, а теперь, глядя на Ноздрева, приходили отъ нея въ восхищеніе, и вмѣстѣ съ редакторомъ «Помой» требовали для слова самой широкой свободы.

— Уничтожьте цензуру, ораторствовалъ Ноздревъ:—и вы увидите, что дурныя страсти, проникнувшія въ нашу литературу, разсѣются сами собою. Мы, благонамѣренная печать, беремся за это дѣло, и ручаемся за успѣхъ. Но, само собой разумѣется, что при этомъ необходимы соотвѣтствующіе карательные законы, которые сдѣлали бы наши усилія плодотворными...

А Грызуновъ, слушая эти рѣчи, снова бѣгалъ и восклицалъ:

— Еще бы! Это именно и моя мысль! Именно это самое я всегда говорилъ!

И, обращаясь ко мнѣ, прибавлялъ:

— Удивительно, какъ быстро ростутъ люди въ наше время! Ну, что̀ такое былъ Ноздревъ, когда Гоголь познакомилъ насъ съ нимъ, и посмотри, какъ онъ... вдругъ выросъ!!

Тѣмъ не менѣе, Грызуновъ понялъ, что восхищаться цѣлый вечеръ Ноздревымъ да Ноздревымъ — хоть кого утомитъ. Поэтому, онъ рѣшился устроить для гостей дивертисементъ, который, впрочемъ, былъ имъ обдуманъ уже заранѣе.

Прежде всего, къ содѣйствію была призвана «Дама изъ Амстердама», показывавшая себя, съ успѣхомъ, при всѣхъ европейскихъ дворахъ, и прозванная, за свою тучность, Царь-пушкой.

— Господа! выкрикивалъ Грызуновъ, переходя изъ комнаты въ комнату:—Анна Ивановна Зюйдерзее благосклонно изъявила согласіе показать опыты «непосредственнаго самопитанія». Неугодно ли въ залъ? Надѣюсь, что вы ничего не имѣете противъ этого? добавилъ онъ, обращаясь къ Ноздреву.

Гости высыпали въ залъ. На середину комнаты вывели Анну Ивановну и на груди у нея утвердили блюдо съ ростбифомъ въ одиннадцать костей. Затѣмъ, она начала кивать головой, кивала-кивала и черезъ пять минутъ нетолько мякоти, но и костей на блюдѣ не осталось. Публика въ волненіи все больше и больше съуживала кругъ, и наконецъ вплотную обступила ее. Кто-то спросилъ, неужто она замужемъ, и, получивъ отвѣтъ, что заму-

жемъ за слономъ, находящимся въ Зоологическомъ саду г-жи Ростъ, молвилъ: ого! Кто-то другой громко соображалъ, что̀ можетъ сто̀ить ея содержаніе, если она съѣдаетъ, положимъ, хоть десять ростбифовъ въ день, а третій, сверхъ того, напомнилъ: нѣтъ, вы сосчитайте, сколько ей аршинъ матеріи на платье нужно! А она, между тѣмъ, ликующая и довольная, пыхтѣла и отдувалась. Но, казалось, все еще настоящимъ образомъ сыта не была, ибо съ такою строгостью посмотрѣла на маленькаго сенатора изъ стараго сената, который слишкомъ неосторожно къ ней подскочилъ, что бѣдняга струсилъ и поскорѣй юркнулъ въ толпу.

Но тутъ, милая тётенька, случился скандалъ. У одного сенатора—тоже изъ стараго сената—исчезъ изъ кармана носовой платокъ, и такъ какъ содержаніе старичку присвоено небольшое, то онъ сталъ жаловаться. Началъ язвить, что хоть у него дома платковъ и много, но изъ этого еще не явствуетъ, чтобъ дозволительно было воровать; что платокъ есть собственность, которую потрясать не менѣе предосудительно, какъ и всякую другую, что онъ и прежде не разъ закаявался ѣздить на вечера съ фокусниками, а впередъ, ужь, конечно, его на эту дудочку не поймаютъ; что наконецъ, онъ въ эту самую минуту чувствуетъ потребность высморкаться и т. д. Произошло общее смятеніе. Грызунову слѣдовало бы сейчасъ же удовлетворить сердитаго старика новымъ платкомъ, а онъ, вмѣсто того, предпринялъ слѣдствіе; сталъ подходить къ гостямъ, засматривать имъ въ глаза, какъ бы спрашивая: не ты ли стибрилъ? Наконецъ, взоръ его остановился на Ноздревѣ и Расплюевѣ. Оба отдѣлились отъ прочихъ гостей и оживленно между собой перешептывались, какъ будто дѣлили добычу. Тогда все и для всѣхъ сразу сдѣлалось яснымъ... Но хозяинъ, чтобы не потрясти Ноздревскаго авторитета, кончилъ тѣмъ, съ чего долженъ былъ бы начать, т. е. велѣлъ подать потерпѣвшей сторонѣ свой собственный платокъ. А такъ какъ при этомъ одинъ изъ присутствующихъ пожертвовалъ еще старую пуговицу, то добрый старикъ былъ съ лихвою вознагражденъ. Недоразумѣніе прекратилось, и Грызуновъ, чтобъ успокоить гостей, ходилъ между ними, и объяснялъ:

— Что̀ будете дѣлать... это болѣзнь! И все-таки повторяю: Ноздревъ—сила!

Такимъ образомъ, Ноздревъ вышелъ изъ этого казуса съ честью.

Когда волненіе улеглось, Грызуновъ приступилъ къ молодому поэту Мижуеву (племянникъ Ноздрева) съ просьбой прочесть его новое нигдѣ еще не напечатанное стихотвореніе. Поэтъ съ

минуту отпрашивался, но послѣ нѣкоторыхъ настояній, выступилъ на то самое мѣсто, гдѣ еще такъ недавно стояла «Дама изъ Амстердама», откинулъ кудри, и твердымъ голосомъ произнесъ:

Подъ вечеръ осени ненастной
Она въ пустынныхъ шла мѣстахъ,
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ...

Но тутъ опять произошелъ скандалъ, потому что едва успѣлъ поэтъ продекламировать сейчасъ приведенные стихи, какъ кто-то въ толпѣ крикнулъ:

— Грабятъ!

А на возгласъ этотъ въ другомъ углу другой голосъ взволнованно отозвался:

— Помилуйте! да тутъ, пожалуй, сапоги снимутъ!

Оказалось, однакожь, что это было смятеніе чисто библіографическаго свойства. Между гостями какимъ-то образомъ затесался старый библіографъ, который угадалъ, что стихотвореніе, выдаваемое Мижуевымъ за свое, принадлежитъ къ числу лицейскихъ опытовъ Пушкина, и, будучи подъ живымъ впечатлѣніемъ Ноздревскихъ статей о потрясеніи основъ, поспѣшилъ объ этомъ заявить. А такъ какъ библіографъ еще въ юности написалъ объ этомъ стихотвореніи рефератъ, который постоянно носилъ съ собою, то онъ тутъ же вынулъ его изъ кармана, и прочиталъ. Рефератомъ этимъ было на незыблемыхъ основаніяхъ установлено: 1) что стихотвореніе «Подъ вечеръ осенью ненастной» несомнѣнно принадлежитъ Пушкину; 2) что въ первоначальной редакціи первый стихъ читался такъ: «Подъ вечерокъ весны ненастной», но потомъ, уже по зачеркнутому, состоялась новая редакція; 3) что написано это стихотвореніе въ неизвѣстномъ часу, неизвѣстнаго числа, неизвѣстнаго года, и даже неизвѣстно гдѣ, хотя новѣйшія библіографическія изслѣдованія и дозволяютъ думать, что мѣстомъ написанія было лицей; 4) что въ первый разъ оно напечатано неизвѣстно когда и неизвѣстно гдѣ, но потомъ постоянно перепечатывалось; 5) что на подлинномъ листѣ, на которомъ стихотвореніе было написано (*За сообщеніе этого свѣдѣнія приносимъ нашу искреннѣйшую благодарность покойному библіографу Геннади*), сбоку красовался чернильный кляксъ, а внизу поэтъ собственноручно нарисовалъ перомъ дѣвицу, у которой въ рукахъ ребенокъ, и которая, повидимому, уже беременна другимъ; и наконецъ 6) что нѣтъ занятія болѣе полезнаго для здоровья, какъ библіографія.

Когда все это было непререкаемымъ образомъ доказано и подтверждено, приступили съ вопросомъ къ Ноздреву (онъ привезъ Мижуева къ Грызуновымъ), на какомъ основаніи онъ дозволилъ себѣ ввести въ порядочный домъ завѣдомаго грабителя? А при этомъ намекнули и на пропавшій платокъ. На что Ноздревъ объяснилъ, что поступокъ Мижуева объясняется не воровствомъ, а начитанностью; что нынѣшняя молодежь слишкомъ много читаетъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, ежели, по временамъ, происходятъ совпаденія. Что же касается до обвиненія его лично въ кражѣ платка, то платокъ этотъ, дѣйствительно, у него въ карманѣ, но какимъ путемъ онъ туда попалъ—этого онъ не вѣдаетъ, потому что былъ въ то время въ безпамятствѣ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, платокъ такой, что не стоитъ объ немъ разговаривать. И въ удостовѣреніе вынулъ платокъ изъ кармана и показалъ; и всѣ убѣдились, что дѣйствительно не стоило объ такомъ платкѣ говорить.

Такимъ образомъ, Ноздревъ и во второй разъ вышелъ изъ затрудненія съ честью.

Однакожь, положеніе Грызунова было очень щекотливое. Еще одинъ или два такихъ казуса—и репутація Ноздрева неизбѣжно должна пошатнуться. Издатель-редакторъ «Помой» находился въ положеніи того вора, котораго, несмотря на несомнѣнныя улики, присяжные оправдали, и которому судья сказалъ: «Подсудимый! вы свободны; но знайте, что вы все-таки воръ, и что присяжные не всегда будутъ расположены оправдывать васъ. Идите, и старайтесь впередъ не воровать». Поэтому, хотя въ программѣ раута стояли «Разсказы изъ народнаго быта», но Грызуновъ, сообразивши, что литературѣ въ его домѣ не везетъ (пожалуй, опять кто-нибудь закричитъ: караулъ!), рѣшился пропустить этотъ номеръ. Не зная чѣмъ наполнить конецъ вечера (было только половина двѣнадцатаго, а ужина у Грызуновыхъ не полагалось), онъ съ тоской обводилъ глазами присутствующихъ, какъ бы вызывая охотниковъ на состязаніе. Какъ вдругъ его взоръ упалъ на «свѣдущаго человѣка», и блестящая мысль мгновенно созрѣла въ его головѣ.

— Мартынъ Иванычъ! васъ-то намъ и надо! воскликнулъ онъ въ восхищеніи, и, подводя новаго корифея къ Ноздреву, рекомендовалъ:—Мартынъ Иванычъ Задека! на всѣ вопросы имѣетъ приличные отвѣты! Скатайте изъ хлѣба шарикъ, киньте на удачу, и на какой номеръ попадетъ—вездѣ выйдетъ исполненіе желаній.

— «Свѣдущій человѣкъ»? благосклонно переспросилъ Ноздревъ, и, вынувъ изъ кармана табакерку, хотѣлъ-было нюхнуть

табачку, какъ одинъ изъ близь-стоящихъ сенаторовъ, безъ церемоній взявъ у него табакерку изъ рукъ, сказалъ:

— Прежде, нежели присвоивать себѣ чужую табакерку...

Но Ноздревъ не далъ ему докончить, и вновь вышелъ съ честью изъ затрудненія, отвѣтивъ:

— Что жь, если табакерка, дѣйствительно, принадлежитъ вамъ, то возьмите ее!

Задека, между тѣмъ, объяснялъ присутствующимъ, что онъ, дѣйствительно, можетъ отвѣчать на всѣ вопросы, но преимущественно по питейной части.

— Вѣрно... тово? пошутилъ Ноздревъ, щелкнувъ себя по галстуху.

— Было-таки, скромно отвѣтилъ Задека.

— И дозволите испытать ваши познанія?

— Хоть сейчасъ.

Тогда произошло нѣчто изумительное. Во-первыхъ, Ноздревъ бросилъ въ свѣдущаго человѣка хлѣбнымъ шарикомъ и попалъ на № 24. Вышло: «Кто пьетъ вино съ разсужденіемъ, тотъ можетъ потреблять оное нетолько безъ ущерба для собственнаго здоровья, но и съ пользою для казны». Во-вторыхъ, по инціативѣ Ноздрева же, Мартыну Задекѣ нà-крѣпко завязали глаза, потомъ налили двадцать рюмокъ разныхъ сортовъ водокъ и поставили передъ нимъ. По командѣ «пей»!—онъ выпивалъ одну рюмку за другой и по мѣрѣ выпиванія выкликалъ:

— Полынная! завода Штритера! оптовой складъ тамъ-то.

— Столовое очищенное вино! завода Зызыкина въ Кашинѣ! Оптовой складъ въ Москвѣ.

— Зорная! завода Дюшаріо и т. д.

И ни разу не ошибся, а зорной даже попросилъ повторить.

Но этимъ не удовольствовались. Чтобъ окончательно убѣдиться въ правахъ Задеки на званіе «свѣдущаго человѣка», налили въ стаканъ понемногу (но не пòровну) каждой изъ двадцати водокъ и заставили его выпить эту смѣсь. Выпивши, онъ обязывался опредѣлить, сколько въ предложенной смѣси находится процентовъ каждаго сорта водки. И опредѣлилъ.

Тогда между присутствующими поднялся настоящій вой. Рукоплескали, стучали ногами, обнимали другъ друга, поздравляли съ «обновленіемъ», кричали, что Россія не погибнетъ, а кто-то даже запѣлъ: «Коль славенъ»... Одинъ Ноздревъ былъ какъ будто смущенъ: очевидно, онъ не ожидалъ, что явится новый Янъ Усмовичъ, который перейметъ у него славу...

Я же, признаюсь, стоялъ въ сторонѣ, и думалъ, кàкъ бы хо-

рошо было, еслибъ въ эту минуту Грызуновъ возгласилъ: господа! не угодно ли закусить?

Но этого не случилось. Напротивъ, лампы стали меркнуть, меркнуть и вдругъ потухли. Гости въ смятеніи ринулись въ переднюю, придерживая руками карманы.

Я знаю, вы скажете, что я впадаю въ каррикатуру. Ахъ, тётенька, да оглянитесь же кругомъ! Лжедмитріевъ, что ли, нѣтъ? Ноздревыхъ мало? Задекъ?

А сверхъ того, что жь такое, если и каррикатура? Каррикатура такъ каррикатура—большая бѣда! Не все же стоять, уставившись лбомъ въ стѣну; надо когда-нибудь и улыбнуться. Есть въ человѣческомъ сердцѣ эта потребность улыбки, есть. Даже измученный и ошеломленный человѣкъ—и тотъ ощущаетъ ее.

Улыбнитесь, голубушка!

P. S. Конечно, вы ужь знаете, что бабинька Варвара Петровна скончалась. Сегодня утромъ происходили ея похороны, на которыхъ присутствовалъ и я.

Хоронили пышно, какъ подобаетъ болярынѣ, которая съ Аракчеевымъ манимаску танцовала.

Изъ дома гробъ везли подъ балдахиномъ, на траурной колесницѣ, влекомой цугомъ въ шесть лошадей. Впереди шло попарно шесть протопоповъ, столько же дьяконовъ и два хора пѣвчихъ. За гробомъ, впереди всѣхъ, слѣдовалъ Стрекоза, совсѣмъ разстроенный; по бокамъ у него, неизвѣстно откуда, вынырнули Удавъ и Дыба, которые, какъ теперь оказалось, были произведены Аракчеевымъ изъ кантонистовъ въ первый классный чинъ, вслѣдствіе этого, очень уважали покойную бабеньку, но при жизни къ ней не ходили, потому что она, по привычкѣ, продолжала называть ихъ кантонистами. Нѣсколько поодаль, шли родственники съ дядей Григоріемъ Семенычемъ во главѣ. Тутъ была и Индюшка съ своими индеятами, и оба надворныхъ совѣтника, и безчисленное множество кадетовъ, и извѣстный вамъ отставной фельдъегерь Петръ Поселенцевъ. Послѣдній неутѣшно плакалъ. Представьте себѣ: свою маленькую, новгородскую усадьбу бабинька завѣщала продать и проценты съ капитала употреблять на чествованіе памяти Аракчеева въ день его рожденія, а Петрушѣ

отказала всего тысячу рублей. Но видѣть фельдъегерскія слёзы— не дай Богъ никому!

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, былъ на похоронахъ еще «свѣдущій человѣкъ», потому что нынче ни крестинъ, ни свадебъ, ни похоронъ (на похороны ихъ поставляютъ сами гробовщики) безъ нихъ справлять не дозволяется. А вверху, надъ шедшей за гробомъ процессіей, невидимо рѣялъ «командированный чинъ», наблюдавшій за направленіемъ умовъ.

Хотѣли-было погребсти бабиньку въ Грузинѣ, но сообразили, что изъ этого можетъ выйти революція, и потому вынуждены были отказаться отъ этого предположенія. Окончательнымъ мѣстомъ успокоенія было избрано кладбище при Новодѣвичьемъ монастырѣ. Мѣсто уединенное, тихое, и могила—въ уголку. Хорошо ей тамъ будетъ, покойно, хотя, конечно, не такъ удобно, какъ въ квартирѣ, въ Офицерской, гдѣ все было подъ руками: и Литовскій рынокъ, и Литовскій за̀мокъ, и живорыбный садокъ, и Демидовъ садъ.

— Маменька, маменька! ничего вамъ больше не потребуется! уныло восклицалъ Поселенцевъ, въ первый разъ осмѣливаясь публично назвать бабиньку маменькой.

Отпѣли обѣдню, вынесли гробъ, поставили его скраю зіяющаго четырехугольника, и послѣ литіи, опустили въ могилу. И не прошло десяти минутъ, какъ могила была окончательно задѣлана, и передъ нашими глазами уже возвышался не высокій холмъ, на одной изъ оконечностей котораго, плотникъ проворно водружалъ временный деревянный крестъ. Стрекоза, покачиваясь, словно въ забытьи, безпрерывно кивалъ всѣмъ корпусомъ, касаясь рукой земли; Дыба и Удавъ что-то говорили о «предѣлѣ», о томъ, что земная жизнь есть только вступленіе, а настоящая жизнь начнется—*тамъ*; это же подтвердилъ и одинъ изъ діаконовъ, сказавъ, что какъ ни мудри, а *мимо* не проскочишь. Изъ родственниковъ, молодые съ любопытствомъ слѣдили за работой землекоповъ, каменщиковъ и плотника, старшіе же думали: кто же, однако, за бабенькину квартиру остальные три года, до окончанія контрактнаго срока, платить будетъ? Петръ Поселенцевъ, выплакавъ всѣ слезы, обратился къ могилѣ, и, къ великому огорченію присутствующихъ, воскликнулъ:

— Тысячу рублей... на всю жизнь... вотъ такъ удружила!!

По окончаніи похоронъ, дядя Григорій Семенычъ пригласилъ какъ духовенство, такъ и прочихъ ассистентовъ въ ближайшую кухмистерскую на поминальный обѣдъ.

Закуска прошла довольно вяло. Стрекоза продолжалъ качаться

изъ стороны въ сторону, бормоча себѣ подъ носъ: «вотъ оно... заключеніе! ну, и чтожъ! ну, и извольте!» Очевидно, онъ разговаривалъ съ бабенькой, которая приглашала его *туда*, а ему «туда» совсѣмъ не хотѣлось, хотя, по обстоятельствамъ, и предстояло поспѣшать. Удавъ и Дыба начали-было разсказъ о томъ, какіе въ грузинскихъ прудахъ караси водились—вотъ этакіе!—но, убѣдившись, что карасями современнаго человѣка даже на похоронахъ не проберешь, смолкли. «Индюшка» разсматривала на свѣтъ балыкъ, и спрашивала у хозяина кухмистерской, гдѣ и почёмъ онъ его покупалъ; кадеты и прочая молодежь толпились около закусочнаго стола и молча гремѣли вилками; дядя Григорій Семенычъ глазами торопилъ оффиціантовъ, чтобъ подавали скорѣе. Что же касается до Поселенцева, то онъ разомъ, одну за другой, выпилъ шесть рюмокъ рижскаго бальзама, и въ одинъ моментъ до того ополоумѣлъ, что его вынуждены были увести. Собственно объ бабинькѣ сказалъ нѣсколько словъ изъ приличія (а можетъ быть, и потому, что этого требовалъ церемоніалъ), старшій отецъ протопопъ, а дьяконà при этомъ пропѣли вѣчную память, и затѣмъ, имя ея точно въ воду кануло.

За обѣдомъ, однакожь, дѣло пошло живѣе. Завязалась бесѣда, въ основаніе которой, какъ и слѣдовало ожидать, легла внутренняя политика.

Да, милая тётенька, даже въ виду только-что остывшаго праха, эта язва преслѣдуетъ насъ! До того преслѣдуетъ, что, не будь ея, я не знаю даже, чтò бы мы дѣлали, и объ чемъ бы думали! Вѣроятно, сидѣли бы другъ противъ друга и молча стучали бы зубами...

Первый толчокъ далъ одинъ изъ батюшекъ, сказавъ, что «нынѣ настали времена покаянныя», на что другой батюшка отозвался, что давно очнуться пора, потому что «всѣ революціи, и древнія и новыя, отъ того происходили, что правительства на вольныя мысли сквозь пальцы смотрѣли».

— Сперва одна мысль благополучно пройдетъ, соболѣзновалъ батюшка: — потомъ другая, а за ней, смотришь, сто, тысяча... милліонъ!

Этотъ же тезисъ, но гораздо полнѣе, развилъ и надворный совѣтникъ Сеничка, но тутъ же, впрочемъ, успокоилъ присутствующихъ, сказавъ, что хотя до сихъ поръ такъ было, но впредь ужь не будетъ.

— Было у насъ этихъ опытовъ! довольно было! воскликнулъ онъ:—были и «вѣянья»! были и цѣлыя либеральныя вакханаліи! и даже диктатура сердца была! Только теперь ужь больше не

будетъ! Аттàнде-съ. Съ «вѣяніями»-то придется повременить... да-съ!

— Только повременить, а не то, быть можетъ, и совсѣмъ оставить? полюбопытствовалъ третій батюшка.

— Ну, тамъ оставить или повременить—это видно будетъ. А только что, ежели господа либералы еще продолжаютъ питать надежды, то они глубоко ошибутся въ расчетахъ!

Сеничка высказалъ это такъ увѣренно, что діаконà слушали-слушали, да и ободрились.

— А мы-было пріуныли! отозвался старшій діаконъ за себя и за прочихъ діаконовъ. — Видимъ дѣйствія несодѣянная, слышимъ словеса неизглаголанная; думаемъ: доколѣ, Господи! Анъ, стало быть, и съ концомъ поздравить можно?

Начались разсказы изъ современнаго народнаго быта, причемъ разсказщиками являлись по преимуществу, духовные. «Ѣду я, намѣднись, по конкѣ», «Иду я, намѣднись, по Гороховой», «Стоимъ мы, намѣднись, съ отцомъ Петромъ на паперти» и т. д. И въ концѣ, непремѣнно кляуза. Словомъ сказать, такъ оживился нашъ поминальный кружокъ, что даже причетники, которымъ былъ сервированъ столъ (попроще) въ сосѣдней комнатѣ, безпрестанно выбѣгали оттуда въ нашъ залъ съ величайшею охотой свидѣтельствовать. Однакожь, Сеничка не рѣшился отбирать показанія въ кухмистерской; но очень ловко намекнулъ, что ежедневно, отъ такого-то до такого-то часа, онъ бываетъ у себя въ камерѣ.

Шла, впрочемъ, рѣчь и объ «отрадныхъ» явленіяхъ, и въ томъ числѣ, конечно, о Ноздревѣ.

— Какой былъ гнилой сосудъ! дивился четвертый батюшка:— а вотъ упалъ на него лучъ, и какія вдругъ кристальныя струи изъ этакого, съ позволенія сказать, вмѣстилища потекли!

Дядя Григорій Семенычъ сидѣлъ и корчился. Неоднократно онъ порывался перемѣнить разговоръ, но это положительно не удавалось, потому что всѣ головы были законопачены охранительнымъ хламомъ, да и у него самого мыслительный источникъ словно изсякъ. Наконецъ, онъ махнулъ рукой, шепнувъ мнѣ:

— Пошла въ ходъ управа благочинія! Нѣтъ въ мысляхъ благородства, да и все тутъ! Хоть бы досидѣть какъ-нибудь!

Среди оживленій проснувшейся ябеды, совсѣмъ забыли о «свѣдущемъ человѣкѣ», который притулился между кадетами, и, повидимому, на столько превратно проводилъ время, что даже забылъ, что ему, рано или поздно, придется отвѣчать.

Наконецъ, этотъ моментъ наступилъ. Діаконà вспомнили, что

въ числѣ похоронныхъ принадлежностей чего-то недостаетъ, стали искать, и, конечно, отыскали.

Однакожъ, на этотъ разъ «свѣдущій человѣкъ» оказался скромнымъ. Это былъ тотъ самый, Иванъ Непомнящій, котораго—помните? — нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, нашли въ сѣнномъ стогу, осмотрѣли и пустили на всѣ четыре стороны, сказавъ: иди, и отвѣчай на вопросы! Натурально, онъ еще не утратилъ первобытной робости, и потому не могъ такъ всесторонне лгать, какъ его собратъ, Мартынъ Задека.

И дѣйствительно, когда дьяконà приступили къ нему съ вопросомъ, скоро ли будетъ конецъ внутренней политикѣ, то онъ твердо отвѣтилъ, что политика до свѣдущихъ людей не относится.

— Вотъ ежели бы куры внезапно перестали нести яйца, сказалъ онъ:—и потребовалось бы опредѣлить, въ чемъ настоящая причина заключается — тутъ свѣдущій человѣкъ можетъ прямо сказать: оттого, что ихъ рѣдко щупаютъ!

Сначала отвѣтъ этотъ произвелъ нѣкоторое недоразумѣніе, но такъ какъ въ эту самую минуту, Стрекоза, словно въ забытьи, прокричалъ: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ! — то всѣ сейчасъ же поняли и удовлетворились.

— Но неужто-жъ вы только по вопросу о курахъ и чувствуете себя призваннымъ дать отвѣтъ? спросилъ, однакожъ, дядя, который былъ очень доволенъ, что, наконецъ, представился случай завести «партикулярный» разговоръ.

— Нѣтъ, я могу отвѣчать и на нѣкоторые другіе вопросы, не очень, впрочемъ, трудные; но собственно «свѣдущимъ человѣкомъ» я числюсь по вопросу о болѣзняхъ. Съ юныхъ лѣтъ я былъ одержимъ всевозможными недугами, и наслѣдственными, и благопріобрѣтенными, а такъ какъ въ ближайшемъ будущемъ долженъ быть разсмотрѣнъ вопросъ о преобразованіи Калинкинской больницы, то я и жду своей очереди.

Тогда мы начали предлагать ему вопросы, онъ же скромно, но отчетливо и съ полнымъ знаніемъ дѣла, давалъ на эти вопросы отвѣты.

Ахъ, тётенька! Какими только недугами этотъ человѣкъ не былъ одержимъ въ теченіи своей многомятежной жизни! И замѣтьте, все недугами не русскими, а перувіанскими, бразильскими, парагвайскими!

И какую пользу онъ долженъ принести при разсмотрѣніи вопроса о преобразованіи Калинкинской больницы!

Онъ — по этому вопросу, другой — по другому, третій — по

третьему. А то, сказывають, прибылъ изъ губерніи еще «свѣдущій человѣкъ», который разъ десять былъ изувѣченъ при переѣздахъ по желѣзнымъ дорогамъ — такъ тотъ по желѣзнодорожному вопросу будетъ пользу приносить...

Тàкъ оно и пойдетъ чередомъ.

. . . .

Обмѣниваясь мыслями, мы и не замѣтили, какъ насъ застигъ вечеръ. А бабинькина тѣнь невидимо рѣяла надъ нами, какъ бы говоря: дорожите «свѣдущими людьми»! ибо это единственный веселый оазисъ на унылом фонѣ вашей жизни, которая все болѣе и болѣе выказываетъ наклонность отожествиться съ управой благочинія!

Н. Щедринъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗЪ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАГО МІРА.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. (Отдѣлъ санитарной статистики. Т. III. Выпускъ 1-й. Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Клинскаго уѣзда. *Ф. Ф. Эрисмана*: М. 1881. Вып. 2-й. Кирпично-гончарное производство Московскаго уѣзда. *А. В. Погожева*. М. 1881. Вып. 3-й. Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Верейскаго и Рузскаго уѣзда. *Его же*. М. 1882. Вып. 4-й. Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда. *Эрисмана*. М. 1882).

Мы несомнѣнно наканунѣ введенія въ Россіи фабричнаго законодательства. Первый починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ нѣкоторымъ земствамъ, которыя устанавливали обязательность извѣстныхъ мѣръ для фабрикъ и заводовъ, находящихся въ районѣ вѣдѣнія данныхъ земствъ. Эти обязательныя земскія постановленія принесли, однако, скорѣе теоретическую пользу дѣлу, выясняя настоятельность и необходимость созданія особыхъ законовъ для фабрично-заводской промышленности, чѣмъ практическую, отразившуюся непосредственно на положеніи фабрично-заводскаго люда. Чувствовалась потребность не въ частныхъ мѣрахъ, которыя, къ тому же, не имѣютъ силы и значенія общегосударственнаго закона и просто игнорируются, а въ созданіи общаго фабричнаго законодательства, которое было бы одинаково обязательно для всѣхъ концовъ Россіи и дѣйствительность котораго была бы гарантирована учрежденіемъ особаго института фабрично-заводской инспекціи. Естественно, что эта потребность всего сильнѣе въ такихъ промышленныхъ центрахъ, какъ Москва и Петербургъ, гдѣ масса всякихъ заводовъ и фабрикъ и гдѣ численность класса фабрично-заводскихъ рабочихъ опредѣляется очень внушительными цифрами. И вотъ въ Москвѣ была учреждена г. московскимъ генералъ-губернаторомъ особая «комиссія» для осмотра фабрикъ и заводовъ, издавшая, между прочимъ, переводы иностранныхъ фабричныхъ законовъ. Затѣмъ подобная же комиссія была основана петербургскимъ

градоначальникомъ [1]. Наконецъ, послѣднія газетныя извѣстія указываютъ на существованіе при министерствѣ финансовъ нѣсколькихъ комиссій, труды которыхъ должны послужить матеріаломъ при составленіи новаго фабрично-промышленнаго устава. По тѣмъ же газетнымъ извѣстіямъ, изданіе этого устава послѣдуетъ въ недалекомъ будущемъ, такъ какъ министерство финансовъ, въ видахъ ускоренія дѣла, намѣрено, по мѣрѣ разработки въ комиссіяхъ отдѣльныхъ вопросовъ, немедленно же вносить частные проэкты по этимъ вопросамъ въ государственный совѣтъ. Изъ этихъ частныхъ вопросовъ, уже разработанныхъ настолько, чтобы составить предметъ разсмотрѣнія въ законодательномъ порядкѣ, газеты указываютъ на вопросы объ ограниченіи числа рабочихъ вообще и для несовершеннолѣтнихъ въ особенности, объ обученіи несовершеннолѣтнихъ рабочихъ, объ обязательныхъ мѣрахъ для охраненія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и о фабрично-заводской инспекціи [2]. Если эти извѣстія справедливы—а они были нѣсколько разъ подтверждаемы съ разныхъ сторонъ—то, значитъ, въ скоромъ времени мы будемъ, наконецъ, имѣть фабричные законы [3].

Доказывать въ настоящее время необходимость фабричныхъ законовъ совершенно излишне. Необходимость эта вполнѣ усвоена общественнымъ сознаніемъ, такъ что даже гг. фабриканты и заводчики стыдятся *прямо* возражать противъ фабричнаго законодательства. Вопросъ теперь въ томъ, насколько имѣющій явиться фабрично-заводскій уставъ измѣнитъ къ лучшему современное, по истинѣ, возмутительное положеніе вещей на нашихъ фабрикахъ и заводахъ: представитъ ли онъ собою радикальное разрѣшеніе множества вопросовъ и задачъ, возникающихъ изъ современнаго строя фабричнаго міра, или онъ явится однимъ изъ тѣхъ безжизненныхъ дѣтищъ канцеляризма, которыми безпрерывно насъ благодѣтельствуютъ всевозможныя комиссіи? Явится ли онъ дѣйствительною реформою, оставляющею глубокіе слѣды въ народной жизни, или все значеніе его появленія будетъ ограничиваться утолщеніемъ свода законовъ? Общество должно подготовить себя къ правильной оцѣнкѣ будущаго «устава», чтобы не впасть, при его появленіи, въ излишній оптимизмъ, какъ это съ нашимъ обществомъ доселѣ постоянно случалось, при всякой новой реформѣ, и не почувство-

[1] Въ настоящее время при управленіи с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера учреждена «временная фабричная комиссія», въ составѣ представителей трехъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи. Комиссіи этой предоставлены довольны широкія права, начиная съ инспекціи фабрикъ и кончая изданіемъ обязательныхъ постановленій. Ходятъ слухи объ учрежденіи такой же «временной фабричной комиссіи» и въ Москвѣ.

[2] «Новое Время» 1881, № 2085.

[3] По сообщенію «Новаго Времени», отъ 10-го января настоящаго года, въ государственный совѣтъ уже внесенъ проэктъ правилъ о регулированіи дѣтскаго труда на фабрикахъ и заводахъ.

вать потомъ излишняго разочарованія, когда розовыя надежды, возлагаемыя на уставъ, не оправдаются, что также до сихъ поръ составляло постоянный удѣлъ нашего общества. Лучшею подготовкою для оцѣнки будущихъ фабричныхъ законовъ должно, конечно, служить ознакомленіе съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ на фабрикахъ и заводахъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ знакомство съ фабричными порядками для большинства публики, не имѣющей непосредственныхъ сношеній съ фабричнымъ міромъ, было очень затруднительно. Газетныя извѣстія и журнальныя статьи постоянно сообщаютъ массу фактовъ, характеризующихъ ту или другую сторону фабричнаго быта; но эти извѣстія и статьи, вслѣдствіе своей безсистемности, отрывочности и мимолетности, были далеко недостаточны для составленія ясной и полной картины порядковъ, царящихъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ. Систематическихъ же работъ и изслѣдованій, направленныхъ къ всестороннему изученію фабрично-заводскихъ порядковъ и условій жизни фабричнаго населенія, до послѣдняго времени не предпринималось ни правительствомъ, ни земствами, ни, тѣмъ болѣе, частными лицами. Неудивительно, поэтому, что представленія большинства нашего общества о фабричномъ бытѣ не идутъ далѣе представленія чего-то ужаснаго, губительно отзывающагося на здоровьѣ и жизни рабочихъ. Но въ чемъ именно заключается ужасъ положенія фабричныхъ рабочихъ и до какой степени ужасны условія ихъ жизни—это для большинства остается неяснымъ и даже совсѣмъ неизвѣстнымъ.

Въ виду всего сказаннаго нельзя не отнестись съ глубокимъ сочувствіемъ къ предпріятію московскаго губернскаго земства, рѣшившагося произвести санитарное изслѣдованіе всѣхъ фабрикъ и заводовъ Московской губерніи. Какъ извѣстно, московское губернское земство, относительно «изслѣдованій» всякаго рода, стоитъ впереди всѣхъ земствъ. Такіе труды агентовъ этого земства, какъ «Промыслы Московской губерніи», Исаева, «Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губерніи» Орлова и другіе, оказали громадную услугу общественному сознанію, освѣтивши многія темныя стороны народной жизни и сильно содѣйствовали выработкѣ правильныхъ взглядовъ въ обществѣ на нужды народа и на явленія его жизни. Нѣкоторыя изъ этихъ работъ, какъ, напримѣръ, названный выше трудъ г. Орлова, являются единственными, не имѣющими въ нашей литературѣ ничего подобнаго и равнаго себѣ по достоинству. Нѣтъ сомнѣнія, что и начатыя работы по санитарному изслѣдованію фабрикъ будутъ стоять наравнѣ съ работами, произведенными агентами московскаго земства въ области хозяйственной статистики, какъ по точности изслѣдованія, такъ и по обилію собранныхъ матеріаловъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ какъ-то, что дѣло санитарнаго изслѣдованія поручено извѣстному гигіенисту г. Эрисману, такъ и содержаніе уже вышедшихъ изданій московскаго земства, въ которыхъ изложены результаты изслѣдованія фабрикъ и за-

*

водовъ по нѣкоторымъ уѣздамъ. Доселѣ вышло четыре выпуска этихъ изслѣдованій, въ которыхъ описываются фабрики и заводы Клинскаго, Верейскаго, Рузскаго и Московскаго уѣздовъ. Содержаніе этихъ выпусковъ не ограничивается только санитарнымъ изслѣдованіемъ фабрикъ и заводовъ; агенты московскаго земства, понимая, что санитарныя условія жизни рабочихъ находятся въ тѣсной связи съ ихъ экономическимъ положеніемъ, обратили серьёзное вниманіе и на эту сторону дѣла и собрали массу инсересныхъ данныхъ, касающихся заработной платы, взаимныхъ отношеній хозяевъ и рабочихъ, связи между экономическимъ положеніемъ населенія вообще и развитіемъ фабричнаго промысла, и т. д. Вообще работы г. Эрисмана и его сотрудника, г. Погожева, представляютъ собою полное и всестороннее изслѣдованіе фабричнаго быта данной мѣстности во всѣхъ его деталяхъ. Къ сожалѣнію, гг. Эрисманъ и Погожевъ употребили всѣ усилія для того, чтобы сдѣлать свои работы доступными возможно меньшему числу читателей. Необыкновенное обиліе сырого матеріала, могущаго быть интереснымъ и доступнымъ для немногихъ спеціалистовъ, невольно пугаетъ и отталкиваетъ отъ книги обыкновеннаго читателя. Многіе ли рѣшатся прочесть книгу г. Эрисмана о фабрикахъ Клинскаго уѣзда, три четверти которой состоятъ изъ таблицъ, наполненныхъ бо́льшею частью самымъ что ни на есть сырымъ матеріаломъ, напримѣръ, результатами измѣренія роста и груди рабочихъ, съ указаніемъ цифры для каждаго рабочаго отдѣльно, и т. п.? Или кто изъ читателей станетъ читать таблицы г. Погожева, въ которыхъ онъ приводитъ точныя цифры длины, ширины и высоты всѣхъ зданій, встрѣченныхъ имъ на той или другой фабрикѣ, и указываетъ, изъ какого матеріала эти зданія выстроены и чѣмъ покрыты, хотя бы ни размѣры того или другого зданія, напримѣръ, харчевной или мануфактурной лавки, ни употребленіе того или другого матеріала для постройки даннаго зданія не имѣли ровно никакого значенія? Кому, скажите пожалуйста, можетъ быть интереснымъ указаніе, что на такой-то фабрикѣ хлѣбопекарня имѣетъ 30 аршинъ длины, 15 ширины и 6 высоты, что она выстроена изъ кирпича и покрыта желѣзомъ? Что говоритъ подобное указаніе? Или кому нужно знать, что № 1481—чеканщикъ, имѣетъ отъ роду 31 годъ, ширина его груди равна тому-то, а ростъ тому-то, работаетъ на фабрикѣ 21 годъ, Верейскаго уѣзда, а № 1482, будучи тоже чеканщикомъ, имѣетъ только 17 лѣтъ, обхватъ груди такой-то, и проч., проч.? Читателю не спеціалисту интересны среднія цифры и общіе выводы, а не такія мелочныя подробности [1].

---

[1] Да и вообще едва ли *кто бы то ни было* просматриваетъ такія таблицы гг. Эрисмана и Погожева, каковы: «подлинныя цифры, полученныя при измѣреніи роста и окружности груди рабочихъ» и «сводныя таблицы санитарно-статистическихъ свѣдѣній». Цифры этихъ таблицъ интересны только потому, что, на основаніи ихъ *итоговъ*, можно сдѣлать тѣ или другіе выводы. Между

Удивительно ли, что масса читающей публики не читаетъ книгъ, подобныхъ работамъ гг. Эрисмана и Погожева, и только не многіе смѣльчаки рѣшаются перелистывать ихъ. А между тѣмъ, въ трудахъ гг. Эрисмана и Погожева собрана масса общеинтересныхъ данныхъ и рисуется полная и яркая картина современнаго положенія класса фабрично-заводскихъ рабочихъ въ Россіи. Воспользовавшись для настоящей статьи собраннымъ гг. Погожевымъ и Эрисманомъ матеріаломъ, я именно хотѣлъ хоть отчасти познакомить публику съ работами этихъ изслѣдователей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не счелъ возможнымъ ограничиться исключительно данными, приведенными въ книгахъ гг. Эрисмана и Погожева, какъ касающимися лишь одного фабрично-заводскаго района, и нашелъ нужнымъ дополнить эти данныя нѣкоторыми свѣдѣніями о положеніи фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

I.

Книги гг. Эрисмана и Погожева, по своему изложенію, напоминаютъ полицейскіе протоколы: сухой языкъ, полное безстрастіе и отсутствіе всякаго воодушевленія; приводятся факты, перечисляются цифры — и все это съ самымъ леденымъ хладнокровіемъ. Но тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе, производимое чтеніемъ этихъ сухихъ протоколовъ, необыкновенно сильно: чувствуешь невольный ужасъ за судьбу сотенъ тысячъ нашихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, принужденныхъ жить и работать при такихъ условіяхъ, въ которыхъ, съ перваго взгляда, кажется невозможнымъ какое бы то ни было существованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляешься тому долготерпѣнію, съ которымъ рабочій переноситъ свое положеніе. Условія, которыми обставлена жизнь фабричнаго рабочаго, хуже условій жизни послѣдней крестьянской лошаденки-клячи; трудъ, который онъ несетъ, можетъ быть названъ «лошадинымъ» развѣ только ради *мягкости* этого выраженія.

Въ самомъ дѣлѣ, работаетъ ли хоть какая-нибудь лошадь столько времени, сколько работаетъ фабрично-заводской рабочій? Такъ на фабрикахъ и заводахъ Клинскаго уѣзда, рабочій день продолжается 11 часовъ (исключая время принятія пищи и от-

тѣмъ, итоги этихъ цифръ и вытекающіе изъ нихъ выводы частью сдѣланы гг. Эрисманомъ и Погожевымъ, частью, по ихъ собственнымъ словамъ, будутъ сдѣланы въ недалекомъ будущемъ, когда будетъ окончено изслѣдованіе всѣхъ уѣздовъ Московской губерніи. Въ виду этого, упомянутыя таблицы являются лишнимъ балластомъ въ книгахъ почтенныхъ изслѣдователей. Вообще это слабая струнка ученыхъ людей заваливать свои произведенія ненужными цифрами и подробностями, и тѣмъ доводить число своихъ читателей до ничтожнаго minimum'а.

дыха) только на механическихъ заводахъ; на фабрикахъ же—ковровой, бумагопрядильной и самоткацкихъ-бумажныхъ работаютъ по 12 часовъ въ день. Но рабочіе этихъ фабрикъ — еще счастливцы. На спичечныхъ, химическихъ, кожевенныхъ и зеркальныхъ заведеніяхъ рабочій день равняется 13—14 часамъ, а на отбѣльныхъ, красильныхъ, мѣднопѣпочныхъ, бахромныхъ, войлочныхъ, мелкихъ ткацкихъ и сапожныхъ онъ простирается до 15 часовъ [1]. Тоже самое наблюдается и на фабрикахъ другихъ изслѣдованныхъ гг. Эрисманомъ и Погожевымъ уѣздовъ Московской губерніи, съ тою разницею, что нерѣдко встрѣчается рабочій день съ большею продолжительностью, чѣмъ въ 15 часовъ. Такъ на колбасномъ заведеніи и на кирпично-гончарныхъ заводахъ Московскаго уѣзда, а также на кожевенныхъ заводахъ Верейскаго уѣзда рабочіе работаютъ по 16 часовъ въ день [2]. Бываетъ, впрочемъ, и еще хуже: на рогожныхъ заведеніяхъ Московскаго уѣзда и красильно-набивномъ — Рузскаго рабочій день продолжается 18 часовъ: [3] такимъ образомъ, на сонъ, отдыхъ, принятіе пищи и удовлетвореніе всѣхъ другихъ физическихъ и нравственныхъ потребностей рабочему остается 6 часовъ въ сутки!

Какъ ни ужасны приведенные факты, они положительно блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что творится во многихъ глухихъ уголкахъ Россіи. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ одинъ наблюдатель о трудѣ рабочаго на сибирскихъ золотыхъ пріискахъ: «Онъ ложится въ 12 часовъ ночи (подъ осень, въ темныя ночи до этихъ часовъ работаютъ даже съ фонарями), а въ три уже встаетъ. Отъ начальства золотопромышленнику даны казаки съ нагайками, которые очень хорошо умѣютъ школить лѣнивыхъ или строптивыхъ». [4] Авторъ цитируемой статьи называетъ трудъ пріисковыхъ рабочихъ «каторжнымъ», но это едва ли справедливо: на сколько извѣстно, рабочій день каторжниковъ гораздо короче. Еще ужаснѣе положеніе рогожниковъ г. Рославля, Смоленской губерніи: они встаютъ въ часъ пополуночи и работаютъ до 6 часовъ утра, затѣмъ удѣляется полчаса на завтракъ; опять работа—до 12 часовъ дня; обѣдъ 1½ часа и работа до 11 часовъ ночи. Такимъ образомъ, собственно работа занимаетъ 20 часовъ, а все рабочее время равно 22 часамъ въ сутки! Несчастные рогожники располагаютъ для ночного отдыха только 2 часами! Возможность хоть какого-нибудь существованія для рославльскихъ рогожниковъ объясняется тѣмъ, что они во время

---

[1] I, стр. 68. Для краткости я буду обозначать выписанныя въ заголовкѣ статьи книги Эрисмана и Погожева римскими цифрами, смотря по тому, какой выпускъ «Сборника» онѣ составляютъ.

[2] IV, 225, II, 86, III, 1 ч., стр. 43.

[3] IV, 225, III, 2 ч., стр. 19.

[4] «Отеч. Зап.» 1875, № 7. *Хайдаковъ*: «Не столь отдаленныя мѣста Сибири». Стр. 35.

праздниковъ спятъ по цѣлымъ суткамъ и, такъ сказать, высыпаются въ это время на цѣлую недѣлю, и тѣмъ, что рославльскіе рогожники—крестьяне, занимающіеся въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ полевыми работами. [1]

Тяжесть труда фабрично-заводскаго рабочаго, обусловливаемая чрезмѣрною длиною рабочаго дня, еще усиливается на тѣхъ фабрикахъ и заводахъ, гдѣ работа идетъ безпрерывно въ теченіи сутокъ. Ночной трудъ, вообще, практикуется у насъ довольно часто. Такъ въ Московскомъ уѣздѣ (самый городъ Москва во вниманіе здѣсь не принимается), работа продолжается днемъ и ночью на 21,76% общаго числа фабрикъ и заводовъ [2]. При этомъ, само собою понятно, что ночная работа бываетъ, главнымъ образомъ, на крупныхъ фабрикахъ, каковы: бумагопрядильныя, суконныя и другія, занимающія громадное число рабочихъ рукъ, такъ что процентъ рабочихъ, занятыхъ ночнымъ трудомъ, по отношенію къ общему числу рабочихъ, гораздо выше указаннаго процента фабрикъ съ ночною работой. Этотъ ночной трудъ, дѣйствующій на рабочихъ въ высшей степени гибельно, какъ объ этомъ заявляютъ гг. Эрисманъ и Погожевъ, по профессіи врачи, при каждомъ описаніи фабрики съ ночнымъ трудомъ, вовсе не является безусловно необходимымъ по условіямъ того или другого производства, какъ это любятъ выставлять гг. фабриканты и заводчики. По крайней мѣрѣ, въ очень и очень многихъ случаяхъ увѣренія въ неизбѣжности ночной работы оказываются просто вздоромъ. Въ этомъ иногда откровенно сознаются даже лица, болѣе или менѣе заинтересованныя въ этомъ вопросѣ. Такъ г. Погожевъ, въ описаніи бумагопрядильной и самотвацкой фабрики Воскресенской мануфактуры, Верейскаго уѣзда, сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Достойно вниманія, что фабричная администрація, какъ и на многихъ другихъ фабрикахъ, отнюдь не признаетъ безусловной необходимости ночной работы для успѣшнаго веденія дѣла. По словамъ одного изъ директоровъ на описываемой фабрикѣ, это крупное зло легко могло бы быть устранено, еслибы всѣ фабриканты сговорились прекратить у себя на фабрикахъ ночную работу, или *еслибы послѣдняя была безусловно воспрещена.* Такъ, по словамъ упомянутаго директора, на бумагопрядильныхъ фабрикахъ петербургскаго округа, уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, не существуетъ ночной работы, а между тѣмъ дѣла идутъ несравненно лучше, чѣмъ на фабрикахъ московскаго промышленнаго округа, гдѣ еще не послѣдовало такого добровольнаго соглашенія между всѣми фабрикантами». [3] Безусловное запрещеніе ночной работы въ большей части производствъ, въ которыхъ она практикуется

---

[1] «Недѣля», 1878. № 13. Рогожники.
[2] IV, 223.
[3] III, 80.

нынѣ, не принесетъ ни малѣйшихъ убытковъ фабрикантамъ и заводчикамъ, а рабочихъ избавитъ отъ чисто египетскихъ мукъ.

На фабрикахъ съ ночною работою рабочіе дѣлятся на двѣ смѣны, которыя распредѣляютъ между собою рабочее время различными способами. Такъ на однѣхъ фабрикахъ смѣны чередуются 4 раза въ сутки, такъ что каждая смѣна работаетъ 6 часовъ подъ рядъ, а затѣмъ имѣетъ 6 часовъ отдыха; въ сутки каждая смѣна работаетъ 12 часовъ. [1] На другихъ фабрикахъ смѣны чередуются 3 раза въ сутки, черезъ каждые 8 часовъ, такъ что каждая смѣна одни сутки работаетъ 8 часовъ, а другая — 16. [2] При обѣихъ этихъ системахъ смѣнъ ночная работа даетъ знать себя рабочимъ. Въ первомъ случаѣ, 6-ти часовой срокъ отдыха въ дѣйствительности сильно сокращается, такъ какъ, во-первыхъ, въ этотъ короткій промежутокъ рабочимъ приходится обѣдать, пить чай (тамъ гдѣ чаепитіе стало потребностью), шить и починять одежду и т. п.; во-вторыхъ, большая часть фабричныхъ рабочихъ живетъ не на самыхъ фабрикахъ, а въ собственныхъ избахъ или на вольныхъ квартирахъ, за $1^1/_2$, 2 и 3 версты отъ фабрики, такъ что у такихъ рабочихъ часть времени, назначеннаго на отдыхъ, уходитъ на то, чтобы во время свободной смѣны дойдти до своей квартиры и затѣмъ снова возвратиться на фабрику къ сроку; въ-третьихъ, у рабочихъ, имѣющихъ собственное хозяйство, извѣстное время тратится на хлопоты по дому и разнообразныя заботы по крестьянскому хозяйству, и въ-четвертыхъ, суровые штрафы за опаздываніе заставляютъ рабочихъ являться на фабрику гораздо ранѣе срока и, такимъ образомъ, сокращать не великій и безъ того 6-ти часовой перерывъ работы. Къ концу концовъ и выходитъ, что многіе рабочіе спятъ не болѣе 3—4 часовъ въ сутки [3]. При системѣ 8-часовыхъ смѣнъ чрезвычайно гибельно отзывается на здоровыхъ рабочихъ то обстоятельство, что имъ приходится черезъ день работать по 16 часовъ въ сутки, да еще при ночномъ трудѣ. При этомъ фабриканты, желая, чтобы во время завтрака и обѣда рабочихъ, производство не останавливалось и машины не оставались безъ наздора, придумали особое, выгодное для фабрикантовъ и крайне тягостное для рабочихъ—распредѣленіе рабочаго времени между «смѣнами»: одна смѣна работаетъ всю ночь отъ 8 часовъ вечера до 4 часовъ утра; затѣмъ отъ 4 ч. утра до 8 работаетъ вторая смѣна, которая отъ 8 до $8^1/_2$ часовъ завтракаетъ и въ это время замѣняется ночною смѣною; отъ $8^1/_2$ до 12 снова работаетъ вторая смѣна и снова на время обѣда отъ 12 до $1^1/_2$ ч. замѣняется ночною; наконецъ, отъ $1^1/_2$ до 8 опять работаетъ вторая смѣна, а потомъ начинаетъ работу ночная смѣна. Такимъ образомъ, время отдыха ночной смѣны

---

[1] См., напримѣръ, I. 80, 116, 123 и др.

[2] I, 103 и пр.

[3] I, 116, III, 1 ч., 56.

постоянно прерывается и раздѣляется на маленькіе промежутки въ 4, 3½ и 6 ½ часовъ; понятно, что при такихъ условіяхъ ни выспаться, ни отдохнуть нѣтъ никакой возможности [1].

Встрѣчается еще особый видъ ночной работы — безъ всякихъ «смѣнъ». Такъ, напримѣръ, на войлочныхъ заведеніяхъ Клинскаго уѣзда работа начинается въ 12 ч. ночи и продолжается до 4 часовъ вечера [2]. Бываютъ и еще различные виды ночной работы, но о нихъ, какъ о рѣдко встрѣчающихся, мы не будемъ говорить.

Какъ ни длиненъ рабочій день на нашихъ фабрикахъ и заводахъ, фабрикантамъ и заводовладѣльцамъ все кажется, что рабочіе работаютъ слишкомъ мало времени, и они стараются удлиннять рабочій день. Уловки, употребляемыя съ этою цѣлью фабричною и заводскою администраціею, крайне разнообразны и свидѣтельствуютъ о ловкости и изобрѣтательности. Такъ, на нѣкоторыхъ фабрикахъ рабочимъ не даютъ отдыха послѣ завтрака, на другихъ—послѣ обѣда, наконецъ, на третьихъ отдыхъ не полагается ни послѣ завтрака, ни послѣ обѣда [3]. На фабрикахъ съ ночнымъ трудомъ работа подъ праздники оканчивается не наканунѣ праздничнаго дня, а утромъ въ самый праздникъ: такимъ образомъ, въ то время, когда рабочіе, не несущіе ночного труда, имѣютъ въ праздники для отдыха день и двѣ ночи, рабочіе фабрикъ съ ночнымъ трудомъ отдыхаютъ только одинъ день и одну ночь [4]. Получается, такимъ образомъ, нѣчто прямо противоположное тому, что существуетъ въ другихъ европейскихъ странахъ, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ въ субботу работа оканчивается раньше обыкновеннаго, напримѣръ, въ 2 часа по полудни. Послѣднее явленіе наблюдается и въ Россіи, но такъ рѣдко, что, напримѣръ, гг. Эрисманъ и Погожевъ встрѣтили его изъ всей массы посѣщенныхъ ими фабрикъ и заводовъ только на нѣсколькихъ мелкихъ ткацкихъ фабрикахъ Верейскаго уѣзда, гдѣ работа оканчивается подъ праздникъ въ 4 часа по полудни, да на ткацкихъ заведеніяхъ г. Вереи, останавливающихъ свои дѣйствія наканунѣ праздниковъ въ 12—2 часа по полудни [5]. Явленіе это во всякомъ случаѣ исключительное, тогда какъ указанное выше скрадываніе одной рабочей ночи въ недѣлю представляетъ собою явленіе *обыкновенное*. Но фабриканты этимъ не ограничиваются; такъ или иначе, они стараются хоть крупицами утянуть и еще кое-что изъ времени отдыха рабочаго. Такъ, ту смѣну рабочихъ, которая оканчиваетъ работу утромъ въ праздникъ, фабричная администрація заставляетъ еще въ теченіе 1½—2 часовъ чистить машины: эта работа, сокра-

---

[1] III, 1 ч., 101 и 112.
[2] I, 206.
[3] III, 1-я ч., 184, 2-я, 55, 59.
[4] III, 1-я ч., 56.
[5] id, 126.

щающая и безъ того незначительный отдыхъ рабочихъ, обходится фабрикантамъ совершенно даромъ. Затѣмъ, въ послѣ праздничные дни, работа начинается не въ обычное, урочное время, а 2 — 3 часами ранѣе и эти лишніе часы совсѣмъ не оплачиваются [1]. Такъ, напримѣръ, на бумаго-и шерсто-прядильной фабрикѣ купчихи Богомоловой, въ Рузскомъ уѣздѣ, «время начала и окончанія работы опредѣляется по часамъ въ паровой, которые обыкновенно въ началѣ недѣли ставятся на 1/2 часа впередъ, а затѣмъ къ концу недѣли постепенно отстаютъ, такъ что получается слѣдовательно выигрышъ. въ пользу эксплуатаціи производства, около получаса, сверхъ урочнаго рабочаго времени въ теченіи цѣлой недѣли» [2]. Наконецъ, встрѣчаются случаи, что работа идетъ почти безпрерывно круглый годъ, такъ, что рабочіе совсѣмъ не знаютъ праздничнаго отдыха: такъ, напримѣръ, г. Эрисманъ описываетъ мукомольную мельницу Нечаева, въ Клинскомъ уѣздѣ, на которой работа прекращается только въ Рождество и на масляницу, а другихъ праздниковъ не бываетъ [3]. Можете себѣ вообразить, читатель, положеніе рабочихъ, работающихъ день и ночь и могущихъ вздохнуть только два раза въ годъ?!.

При этомъ нельзя не отмѣтить слѣдующаго факта: рабочій день тѣхъ рабочихъ, которые получаютъ сдѣльную плату, гораздо продолжительнѣе рабочаго дня получающихъ мѣсячное жалованье [4]. Это и понятно: съ одной стороны ничтожныя цѣны задѣльной работы, съ другой—нужда заставляютъ рабочихъ вытягивать рабочій день до послѣдней возможности, чтобы хотя нѣсколько увеличить свой заработокъ [5]. Фабриканты отлично поняли это, и въ настоящее время почти не встрѣчается фабрикъ и заводовъ, на которыхъ хоть часть работъ не исполнялась бы за сдѣльную плату, а на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ всѣ работы оплачиваются сдѣльно. На такихъ промышленныхъ заведеніяхъ, типомъ которыхъ могутъ служить кирпичные и рогожные заводы, встрѣчается самый продолжительный рабочій день. При сдѣльной платѣ, рабочій день особенно чрезмѣрно удлинняется въ тѣ періоды, когда рабочему до зарѣзу нужны деньги. Такъ, на красильно-ткацкой фабрикѣ купчихи Зариной, Рузскаго уѣзда, ткачи и ткачихи, работающіе сдѣльно, обыкновенно начинаютъ работу въ 6 часовъ утра и кончаютъ въ 8 ч. вечера: но послѣ Рождества, передъ срокомъ уплаты податей, они работаютъ, по заявленію хозяина, «не жалѣя себя»: «за станокъ становятся уже въ 3—4-мъ часу утра, сокращая перерывы въ работѣ, насколько это вообще бываетъ возможно» [6].

---

[1] III, 1-я ч., 56.
[2] III, 2-я ч., 26.
[3] I, 250.
[4] См., напр., IV, 225.
[5] I, 153.
[6] III, 2-я ч., 80.

Но если положеніе рабочихъ-мужчинъ, вслѣдствіе чрезмѣрной длины дня, ужасно, то какой терминъ можетъ быть приложенъ къ положенію женщинъ и дѣтей, которыя принуждены работать на фабрикахъ столько же времени, сколько работаютъ и мужчины?

Женскій трудъ вообще распространенъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ чрезвычайно сильно. Такъ на фабрикахъ и заводахъ Московскаго уѣзда женщины-работницы составляютъ 34% общаго числа рабочихъ, на фабрикахъ Верейскаго—37%, Клинскаго—38% и Рузскаго даже 43%[1]. Изъ общаго числа работницъ замужнія, стало быть, имѣющія дѣтей, очень часто грудныхъ, составляютъ очень большой процентъ: на фабрикахъ Верейскаго уѣзда замужнія составляютъ 33½%, а въ Московскомъ уѣздѣ 47% общаго числа работницъ. Къ этому числу нужно присоединить и вдовъ, которыя также, въ большинствѣ случаевъ, обременены дѣтьми, и которыя въ первомъ уѣздѣ составляютъ 5½%, а во второмъ—9% общаго числа работницъ[2].

Положеніе работницъ на нашихъ фабрикахъ въ высшей степени тяжелое. Несмотря на свою сравнительную слабость, онѣ принуждены нести одинаковый трудъ съ мужчинами и наравнѣ съ ними работать по 15—17 часовъ въ сутки. Въ то время, какъ, напримѣръ, въ Англіи и Швейцаріи женскій ночной трудъ запрещенъ безусловно, на нашихъ фабрикахъ женщины принимаютъ участіе въ ночныхъ смѣнахъ наравнѣ съ мужчинами. Въ Швейцаріи работница-мать пользуется обѣденнымъ отдыхомъ въ 1½ часа, въ то время какъ для остальныхъ онъ равенъ одному часу: цѣль такой льготы для работницы-матери—дать ей возможность позаботиться о своемъ ребенкѣ. Никакими такими льготами русская работница-мать не пользуется, и ей, въ большинствѣ случаевъ, приходится кормить своего грудного ребенка тутъ же около машинъ, оторвавшись на нѣсколько минутъ отъ работы. Уходя на работу, матери грудныхъ и вообще малолѣтнихъ дѣтей оставляютъ ихъ подъ присмотромъ бабушекъ, старшихъ сестеръ или какой-нибудь наемной нянюшки. Что-нибудь въ родѣ заграничныхъ *колыбеленъ* для грудныхъ дѣтей женщинъ, работающихъ на фабрикахъ, гг. фабриканты считаютъ лишнимъ заводить. Если въ Петербургѣ есть нѣсколько небольшихъ *яслей* для дѣтей, то они поддерживаются исключительно частною благотворительностью и фабриканты никакого участія въ ихъ содержаніи не принимаютъ. Едвали не единственный въ Россіи примѣръ устройства колыбеленъ на фабрикѣ представляетъ фабрика гг. Малютиныхъ въ с. Раменскомъ, Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи[3]. Обыкновенно же дѣти-младенцы фабричныхъ работницъ находятся въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ: они по-

---

[1] IV, 30; II[г], 1-я ч., 41; I, 67; III, 2-я ч., 15.
[2] III, 1-я ч., 42; IV, 205.
[3] «Рус. Курьеръ» 1880 г. № 276.

стоянно находятся въ такой душной, вонючей атмосферѣ, которую не всегда въ состояніи выносить и взрослые; измученныя, истомленныя матери могутъ давать своимъ дѣтямъ только незначительное количество молока и притомъ испорченнаго, а иногда и прямо отравленнаго разными ядами, какъ фосфоръ, мышьякъ и другіе, вдыхаемые матерями при работѣ. Смерть преслѣдуетъ дѣтей фабричныхъ работницъ на каждомъ шагу, оставшіяся же въ живыхъ растутъ хилыми, чахлыми, не развитыми и въ физическомъ и въ умственномъ отношеніи. Тяжелая участь постигаетъ дѣтей фабричныхъ работницъ еще въ утробѣ матери. Въ Швейцаріи, напримѣръ, беременныя женщины освобождаются отъ работы за двѣ недѣли до родовъ и на шесть недѣль послѣ нихъ; во многихъ, особенно вредныхъ отрасляхъ промышленности, беременныя совсѣмъ не допускаются къ работѣ. Родильницы на Западѣ обыкновенно получаютъ отъ собственника фабрики пособіе, равное заработной платѣ нѣсколькихъ дней и даже недѣль. Ничего подобнаго не существуетъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ: никакихъ пособій отъ фабричныхъ конторъ родильницы не получаютъ, никакими льготами беременныя не пользуются. Беременныя работницы работаютъ до послѣдней возможности, оставляя иногда фабрику лишь за нѣсколько часовъ до родовъ; случается, что женщина родитъ на фабричномъ дворѣ, только что оставивши мастерскую, гдѣ она отправляла свою обычную работу. Можно ли послѣ этого удивляться обилію мертворожденій на фабрикахъ? Послѣ родовъ работницы, не успѣвъ оправиться, часто на второй или третій день, снова поступаютъ на фабрику и несутъ на равнѣ съ здоровыми тяжелый трудъ [1].

Еще болѣе ужасно положеніе малолѣтнихъ работниковъ. Дѣтскій трудъ эксплуатируется на нашихъ фабрикахъ и заводахъ въ очень широкихъ размѣрахъ. Такъ на фабрикахъ Клинскаго уѣзда дѣти моложе 14 лѣтъ составляютъ 11 1/4% общаго числа рабочихъ, подростки (отъ 14—18 л.) 25 1/2%, а вообще несовершеннолѣтніе рабочіе—37%; въ Верейскомъ уѣздѣ — рабочихъ моложе 14 лѣтъ—12%, отъ 14 до 18—17%, а всего несовершеннолѣтнихъ—29%, въ Рузскомъ—до 14 лѣтъ—16%, отъ 14 до 18—27 1/2%, всего 43 1/2%, и въ Московскомъ—до 14 лѣтъ—7%, отъ 14 до 18—16%, всего—23% [2]. Какого-нибудь предѣльнаго возраста для пріема на фабрику у насъ не существуетъ, и въ то время, какъ въ Англіи дѣти принимаются на фабрики не ранѣе 10 лѣтъ, въ Германіи, во Франціи, въ Нидерландахъ, въ Швеціи и Норвегіи не ранѣе 12 лѣтъ, въ Швейцаріи по отдѣльнымъ кантонамъ не ранѣе 12, 13 и 14 лѣтъ, а въ Цюрихѣ и Аргау даже не ранѣе 16 лѣтъ, наши фабриканты и заводчики не церемонятся принимать на работу

---

[1] I, 85, 134.
[2] I, 67; III, 1-я ч., 41; 2-я ч., 15; IV, 198.

дѣтей 8, 7 и даже 6 (!) лѣтъ [1]. Далѣе, на Западѣ на многія особенно вредныя фабричныя производства дѣти совсѣмъ не допускаются; у насъ же, напротивъ, малолѣтнія дѣти всего болѣе эксплуатируются въ наиболѣе вредныхъ производствахъ, каковы ткацкое и рогожное, гдѣ дѣти, вдыхая массу органической пыли, наживаютъ раннюю чахотку, и спичечное, на которомъ несчастныя малютки отравляются сѣрными и фосфорными парами. Въ большинствѣ европейскихъ государствъ *дѣтскій рабочій день* поставленъ въ очень узкія границы: такъ, въ Англіи для дѣтей моложе 14 лѣтъ максимумъ рабочихъ часовъ равенъ 6½ и для подростковъ (отъ 14 до 18)—10; въ Швейцаріи дѣтскій фабричный трудъ вмѣстѣ съ ученьемъ не должны превышать 11 часовъ въ сутки, причемъ на *обязательное* ученіе идетъ около 5 часовъ. Затѣмъ почти во всей Европѣ ночной дѣтскій трудъ запрещенъ, исключая очень немногія производства (типографіи, стеклянные заводы и нѣкоторыя металлическія заведенія). Въ Россіи эксплуатаціи дѣтскаго труда не поставлено никакихъ ограниченій. На фабрикахъ Московской губерніи дѣти, по возрасту иногда чуть не грудныя, работаютъ на равнѣ съ взрослыми, т. е. по 15 и даже 17 часовъ въ сутки! Въ ночной работѣ дѣти принимаютъ участіе опять на равнѣ съ взрослыми и несутъ на себѣ «смѣны», оказывающіяся убійственными даже для взрослыхъ! [2] И подобное положеніе вещей вовсе не является исключительною принадлежностью фабрикъ Московской губерніи; оно распространено по всей Россіи, и россіяне до того свыклись съ нимъ, что, напримѣръ, владимірскіе земцы, выработавъ правила о возрастѣ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ и количествѣ рабочихъ часовъ для нихъ, находили вполнѣ нормальнымъ, что на фабрикахъ Владимірской губерніи дѣти работаютъ по 12 часовъ въ сутки, хотя тамъ дѣти начинаютъ работать съ 6 лѣтъ [3]...

Есть производства, въ которыхъ положеніе работающихъ дѣтей превосходитъ по своему ужасу все, что только можетъ создать самая пылкая фантазія. Таковы спичечныя фабрики. Рабочіе, нанимаемые для этого вреднѣйшаго производства, состоятъ, главнымъ образомъ, изъ дѣтей и подростковъ: такъ, на спичечныхъ фабрикахъ Московской губерніи несовершеннолѣтніе рабочіе составляютъ отъ 60 до 80% общаго числа рабочихъ [4]; на спичечныхъ фабрикахъ Новгородскаго уѣзда рабочіе моложе 17 лѣтъ составляютъ 77% общаго числа рабочихъ, причемъ дѣтей до 13 лѣтъ 36½% всѣхъ рабочихъ [5]. Чтобы не отклоняться отъ принятаго плана статьи, я отлагаю до слѣдующихъ стра-

---

[1] I, 140, 284, 286; IV, 192; III, 1-я ч., 159 и др.
[2] I, 103, 153; III, 1-я ч., 101, 113, 2-я ч., 25 и др.
[3] «Слово», 1879, 8. «Земское чиновничество и гг. фабриканты». *С. Ш.*
[4] I, 181—187, 193; III, 1-я ч., 164, 2-я ч., 43.
[5] «Слово» 1880 г. № 8. «Спичечныя фабрики».

ницъ изображеніе условій работы на спичечныхъ фабрикахъ, губящихъ дѣтскія силы въ корнѣ, и теперь ограничусь только сообщеніемъ слѣдующаго факта: въ мартѣ 1870 г. на 14 спичечныхъ фабрикахъ Новгородскаго уѣзда изъ общаго числа рабочихъ 24% были больны болѣзнями, явившимися слѣдствіемъ работы въ сѣрной и фосфорной атмосферѣ, именно: фосфорнымъ худосочіемъ, воспаленіемъ деснъ, глазъ, бронхій, одышкой, кровохарканіемъ, страданіемъ челюстей. Особенно ужасна послѣдняя болѣзнь, состоящая въ гніеніи и даже вываливаніи челюсти; случаевъ этой болѣзни врачъ, данными котораго я пользуюсь, приводитъ 7, при общемъ числѣ рабочихъ въ 376, [1], т. е. изъ 100 рабочихъ у двоихъ непремѣнно вываливается челюсть. Можете вы себѣ представить, какими прелестями обставлена работа на спичечныхъ фабрикахъ и какъ она должна дѣйствовать на здоровье рабочихъ-дѣтей!..

Тамъ, гдѣ гг. Эрисману и Погожеву приходится описывать внѣшній видъ фабричныхъ малолѣтнихъ рабочихъ, они не находятъ другихъ словъ, кромѣ: хилый, измученный, изможденный и т. п.

Посмотримъ теперь, каковъ тотъ трудъ, которому нашъ рабочій принужденъ отдавать по 15—17 часовъ въ сутки. Въ этомъ отношеніи мы находимъ у гг. Погожева и Эрисмана нѣсколько очень выразительныхъ цифръ. Такъ, на спичечныхъ фабрикахъ такъ называемыя *снимальщицы*, обязанности которыхъ состоятъ въ томъ, чтобы вынимать изъ рамъ и укладывать въ коробки спички, получая ничтожную задѣльную плату въ 15—20 копеекъ за ящикъ, стараются изъ всѣхъ силъ уложить хоть одинъ ящикъ въ день. Чтобъ оцѣнить по достоинству этотъ трудъ, надо знать, что каждый ящикъ содержитъ 100 пачекъ; каждая же пачка состоитъ изъ 10 коробочекъ, а въ каждой коробочкѣ находится 100 спичекъ; такимъ образомъ, укладывая одинъ ящикъ, снимальщица пропускаетъ черезъ свои руки 100,000 спичекъ [2]. У г. Эрисмана есть указаніе, что нѣкоторыя снимальщицы укладываютъ въ день по 2 ящика и, такимъ образомъ, успѣваютъ въ день (около 12½ рабочихъ часовъ) снять съ рамъ и уложить въ коробки до 200,000 спичекъ. Можете ли вы, читатель, представить себѣ эту ужасную, невѣроятную быстроту движеній рукъ снимальщицы, которая должна каждую минуту укладывать болѣе 250 спичекъ? Сколько при этомъ случается несчастій, сколько разъ загораются отъ тренія спички (соблюдать какія бы-то ни было предосторожности некогда). сколько ожоговъ рукъ и лица получаютъ снимальщицы!.. А вотъ примѣръ нѣсколько иного рода: такъ называемые *глинщики* на кирпичныхъ заводахъ копаютъ и подвозятъ къ заводу въ тачкахъ глину, на разстояніи 100—200 саженъ, причемъ въ тачку

---

[1] «Архивъ Судебной Медицины», 1871, № 1. ст. *Филиппова*, стр. 43.
[2] I, 182.

накладывается отъ 10 до 12 пудовъ глины; и такихъ тачекъ глинщикъ свозитъ въ день 45—50 [1]. Какъ хотите, а это ужъ настоящая *воловья* работа!..

Но есть производства, въ которыхъ трудъ рабочаго долженъ быть еще интенсивнѣе. Вотъ, напримѣръ, какова работа *порядовщиковъ*, занимающихся приготовленіемъ кирпича. Порядовщикъ долженъ замѣсить глину, умять ее и разрѣзать рѣзкой на отдѣльныя глыбы (галки) для 1—2 кирпичей. Обвалявъ предварительно эти глыбы въ пескѣ, насыпанномъ на столѣ, порядовщикъ начинаетъ раскатывать ихъ обѣими руками такъ же, какъ это дѣлается съ тѣстомъ для пироговъ. Раскатавъ и умявъ при этомъ еще разъ глину, при постоянномъ смачиваніи ея водой, порядовщикъ вытираетъ рукой (чтò по условіямъ производства должно быть совершаемо очень тщательно) желѣзную форму съ поднимающимся дномъ, ввинченную въ серединѣ стола, смачиваетъ ее водой, обсыпаетъ пескомъ, бросаетъ въ нее «галку», тщательно уминаетъ глину руками, чтобы она наполнила, по возможности, всю форму, затѣмъ съ силой прихлопываетъ ее прибойкой (деревянный полукруглый брусъ), фунтовъ 12 вѣсомъ, чтобы еще лучше сдавить и умять глину, снимаетъ круглой скалкой, смоченной въ водѣ, излишекъ глины, проводя скалкой по краямъ коробки, снова ударяетъ раза два прибойкой, наконецъ, нажимаетъ правой ногой подножку рычага, вслѣдствіе чего дно формы вмѣстѣ съ готовымъ кирпичемъ поднимается вверхъ. Порядовщикъ снимаетъ обѣими руками кирпичъ и кладетъ на приготовленную заранѣе тесину. По приведеннымъ г. Погожевымъ цифрамъ, оказывается, что порядовщики работаютъ ежедневно около 12 часовъ (сюда не входитъ время, употребляемое на принятіе пищи и на отдыхъ), слѣдовательно 720 минутъ; число же кирпичей, приготовляемыхъ ежедневно каждымъ порядовщикомъ, равно 750; сталъ-быть, описанный рядъ дѣйствій, обязательно совершаемыхъ надъ каждымъ кирпичемъ, порядовщикъ долженъ совершить менѣе, чѣмъ въ минуту! Г. Погожевъ говоритъ о порядовщикахъ, работающихъ, впрочемъ, по иной системѣ, чѣмъ описанная, что у нихъ при работѣ «рѣшительно всѣ части тѣла, какъ у бѣсноватаго, приходятъ въ движеніе: руки, ноги ходятъ, голова трясется, глаза выскочить хотятъ» [2]. Еще ужаснѣе работа *сушниковъ*, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, что они «оправляютъ» мягкій, но уже достаточно просохшій кирпичъ, ударяя по немъ валькомъ, въ родѣ валька у прачекъ, но нѣсколько массивнѣе послѣдняго; оправка требуетъ 10—15 ударовъ на каждый кирпичъ, а въ день оправляется отъ 2,000 до 3,500 кирпичей [3]. Такимъ образомъ, сушникъ дѣлаетъ ежедневно отъ 20,000 до

---

[1] II, 14—15.
[2] II, 18—20, 23.
[3] Id., 22.

40,000 слишкомъ ударовъ; полагая время, фактически употребляемое сушникомъ на работу, въ 12 часовъ, или 720 минутъ, находимъ, что сушникъ долженъ дѣлать ежеминутно отъ 30 до 60 ударовъ, т. е. производить удары съ быстротою секунднаго маятника! Еще тяжелѣе трудъ рабочихъ на золото-сусальныхъ заведеніяхъ. Техника производства этихъ заведеній состоитъ въ томъ, что «вальсованное золото расколачивается и превращается въ листы неимовѣрной тонкости. Расколачиваніе золота производится въ книжкахъ, состоящихъ изъ большого количества весьма тонкихъ листовъ, сдѣланныхъ изъ такъ называемой «перепонки» бычачей печени. Рабочіе перекладываютъ золото листами этой «перепонки», закрываютъ книжки и затѣмъ колотятъ ихъ молоткомъ довольно продолжительное время. При этой работѣ они сидятъ на низкихъ табуреткахъ, въ нѣсколько согбенномъ положеніи, придерживая одной рукой книжку». При этомъ, по наблюденіямъ г. Эрисмана, «число ударовъ молоткомъ, дѣлаемыхъ рабочимъ, доходитъ до 100 въ минуту; если теперь принять, что рабочій только половину времени работаетъ молоткомъ, а другую половину употребляетъ на перекладываніе золотыхъ листовъ, накладываніе заплатокъ и т. п., то все-таки окажется, что онъ въ теченіи 14—15 часовъ ударяетъ молоткомъ о книжку около 40,000 разъ» [1].

Трудъ рабочихъ въ другихъ производствахъ нисколько не легче труда глинщиковъ, порядовщиковъ, сушниковъ и золотосусальщиковъ. Если въ нѣкоторыхъ производствахъ не требуется такого ужаснаго напряженія мышцъ, какъ въ названныхъ и во многихъ не названныхъ (напримѣръ, горнозаводскомъ, литейномъ и др.) производствахъ, то это облегченіе съ избыткомъ покрывается неудобствомъ положенія, которое долженъ занимать рабочій во время работы, и антигигіеническими условіями, при которыхъ она совершается. Такъ, у большинства рабочихъ на бумагопрядильныхъ, шерстопрядильныхъ, ткацкихъ, суконныхъ и другихъ фабрикахъ приходится въ теченіи 12—15 часовой работы находиться безпрерывно въ стоячемъ положеніи; ткачамъ приходится постоянно сидѣть въ согнутомъ положеніи, упираясь грудью о навой; работающіе на гончарныхъ кругахъ сидятъ въ полусогнутомъ положеніи, напряженно двигая правой ногой, обѣими руками и всѣмъ туловищемъ и напирая грудной костью на верхній гончарный кругъ, и т. д. [2].

Тяжесть труда нашего фабрично-заводскаго рабочаго, чрезмѣрная и сама по себѣ, еще болѣе усиливается вслѣдствіе тѣхъ условій, въ которыхъ совершается этотъ трудъ, той обстановки, въ которой рабочему приходится жить и работать. Во многихъ производствахъ работа производится подъ открытымъ небомъ, въ сырости, на холоду: такова, напримѣръ,

---

[1] I, 268—269.

[2] III, 1-я ч., 109; II, 93.

работа многихъ рабочихъ на кирпично-гончарныхъ заводахъ. На пріискахъ приходится иногда работать по поясъ въ водѣ. Работа горныхъ рабочихъ, въ рудникахъ, несомнѣнно превосходитъ по своимъ антигигіеническимъ условіямъ работу въ большинствѣ другихъ производствъ. Останавливаться, однако, на работѣ рудокоповъ и пріисковыхъ рабочихъ мы не будемъ, такъ какъ наша спеціальная задача—изученіе положенія собственно *фабрично-заводскаго* рабочаго.

Но и въ тѣхъ производствахъ, въ которыхъ работа идетъ въ зданіяхъ, въ мастерскихъ, она совершается при условіяхъ болѣе, нежели ужасныхъ. Очень часто кубическій размѣръ мастерскихъ бываетъ до такой степени ничтоженъ, что въ нихъ рабочимъ нечѣмъ было бы дышать, даже еслибы въ нихъ не производилось никакой работы. Что же бываетъ въ такихъ мастерскихъ, когда онѣ бываютъ полны распространяющеюся при работѣ пылью? Такъ, въ Московскомъ уѣздѣ, на рогожныхъ, бумаголакировочныхъ и подпосныхъ заведеніяхъ на каждаго рабочаго приходится, *въ среднемъ выводѣ*, отъ 0,8 до 1 куб. сажени пространства въ мастерской; въ отдѣльныхъ же случаяхъ на рогожныхъ заведеніяхъ и мелкихъ ткацкихъ фабрикахъ иногда бываютъ такія тѣсныя мастерскія, что на каждаго рабочаго приходится не болѣе 0,3 куб. сажени пространства [1]. Тоже самое наблюдается и въ другихъ описанныхъ гг. Эрисманомъ и Погожевымъ уѣздахъ Московской губерніи. Чтобы показать, при какихъ условіяхъ должна совершаться работа въ такихъ мастерскихъ, я приведу описаніе мастерскихъ войлочныхъ заведеній: «Помѣщеніе низкое ($2^3/_4$ арш.), освѣщается весьма скудно двумя небольшими окнами, содержитъ большую кирпичную печь безъ дымовой трубы, и, какъ единственную мебель, узкія скамейки вдоль стѣнъ; потолокъ и стѣны совершенно черны отъ копоти и покрыты толстымъ слоемъ пыли, выдѣляющейся изъ обработываемой шерсти; съ потолка пыль мѣстами виситъ длинными бахромьями, какъ будто эти мастерскія ни разу не были вычищены со времени своего существованія; искуственное освѣщеніе совершается при посредствѣ одной маленькой лампочки или пальмовой свѣчи, укрѣпленной на проволокѣ, спускающейся съ потолка, по серединѣ мастерской. Во время работы, въ воздухѣ мастерской носится густое облако шерстяной пыли; температура, во время осмотра, была 23—25° по Р., но, по замѣчанію рабочихъ, она бываетъ и выше» [2].

Еще хуже бываетъ обстановка тѣсныхъ мастерскихъ въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ столичныхъ центровъ. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ Владимірскій Земскій Сборникъ такъ называемыя *свѣтелки*, въ которыхъ производятся ткацкія работы: «Каждая изъ нихъ устроена такимъ образомъ, что, при длинѣ отъ 8—9 аршинъ, при ширинѣ отъ 7—8 и при незначительной

[1] IV, 181—182.
[2] I, 204.

высотѣ въ 2—3 аршина, ни одна изъ нихъ не имѣетъ деревяннаго пола и, дабы сколько-нибудь выиграть пространства въ высоту, каждая изъ нихъ углублена черезъ вырытіе внутри оной земли, почему при такихъ данныхъ всѣ свѣтелки сыры и имѣютъ свой особенный зловредный запахъ; присутствіе обильнаго количества безпокойныхъ насѣкомыхъ положительно присуще каждой свѣтелкѣ. Каждая изъ этихъ свѣтелокъ, по числу оконъ, имѣетъ столько же и ткацкихъ станковъ, такъ что если свѣтелка въ 8 оконъ, то въ ней по такому же числу станковъ должны производить и работу только 8 человѣкъ; но на дѣлѣ бываетъ иначе. Вотъ что пишетъ волостное правленіе въ своемъ примѣчаніи: «Очень часто бываютъ посидѣлки въ свѣтелкахъ, т. е. приходятъ туда парни и дѣвки съ пряжею прясть ленъ, болѣе по вечерамъ, днемъ же бываютъ, но рѣдко. Куреніе табаку производится въ каждой свѣтелкѣ. Для освѣщенія употребяется по вечерамъ и ночью керосинъ изъ небольшихъ пузырьковъ, черезъ что бываетъ сильная духота внутри свѣтелокъ, а работы продолжаются съ вечера при огнѣ. Если прибавить къ этому, что въ числѣ являющихся туда на посидѣлки членовъ сельскаго общества нѣкоторые являются, возвратившись недавно съ большихъ фабрикъ и будучи заражены уже тифомъ и сифилисомъ, то это вполнѣ изобразитъ грустную обстановку свѣтелокъ. Поэтому нельзя не согласиться и съ заключеніемъ врача 2-го участка г. Авдакова, высказавшаго мнѣніе, что «здѣсь и здоровый человѣкъ, только просидѣвъ нѣсколько часовъ, можетъ получить тифъ». Совершенное отсутствіе вентиляціи, двойныя рамы безъ форточекъ, да и тѣ дурно вставленныя, затѣмъ дурно сложенная печь и страшная копоть отъ неумѣнья обращаться съ керосиномъ—все это вмѣстѣ взятое производитъ такой убійственный удушливый и смрадный запахъ, что невольно заражаетъ воздухъ, которымъ приходится дышать всѣмъ тамъ пребывающимъ» [1].

Тѣсныя мастерскія бываютъ, главнымъ образомъ, на мелкихъ заведеніяхъ. На фабрикахъ и заводахъ болѣе или менѣе крупныхъ размѣровъ мастерскія, бо̀льшею частью, очень просторныя, кубическое содержаніе которыхъ даетъ по 5, 7, 10, 15 и даже 37 кубическихъ сажень пространства на одного рабочаго [2]. Но отъ этого простора дѣло нисколько не становится лучше: вездѣ мы встрѣчаемъ полное отсутствіе вентиляціи или въ высшей степени неудовлетворительное устройство ея съ одной стороны, а съ другой—высокую, часто перемѣнную температуру, необыкновенно сильную влажность и воздухъ, пропитанный вредными парами, всевозможными газами и органической или неорганической пылью, что̀ все вмѣстѣ взятое губитъ здоровье рабочихъ,

---

[1] «Сборникъ», 1875, VII, 199—200. «Слово», 1879, № 8. Земское чиновничество и гг. фбриканты. С. III., стр. 3—4.

[2] I, 63; II, 1-я ч., 41; IV, 180.

дѣлаетъ адомъ самую ихъ жизнь и быстро и неминуемо ведетъ къ смерти.

Вотъ, напримѣръ, какими чертами описываетъ г. Эрисманъ положеніе дѣлъ на спичечныхъ фабрикахъ: «Никакихъ мѣръ предосторожности на фабрикахъ не принято... фосфорные, сѣрные и стеариновые пары безпрепятственно распространяются по всей фабрикѣ, такъ что отъ нихъ страдаютъ даже рабочіе, занятіе которыхъ исключаетъ всякое обращеніе съ фосфорной массой, какъ, напримѣръ, накатывальщики и мазальщики. Наконецъ, небрежное отношеніе фабриканта къ опасностямъ, угрожающимъ здоровью рабочихъ, явствуетъ и изъ полнѣйшаго отсутствія мало-мальски удовлетворительной искуственной вентиляціи мастерскихъ, вслѣдствіе чего рабочіе, даже зимой, часто бываютъ вынуждены открывать всѣ двери настежь, чтобы хотя немного содѣйствовать удаленію изъ мастерскихъ вредной атмосферы и подышать свѣжимъ воздухомъ». «Для опредѣленія специфическаго дѣйствія фосфорныхъ паровъ, нами было изслѣдовано состояніе зубовъ и челюстей у всѣхъ рабочихъ. При этомъ оказалось, что изъ числа 19 рабочихъ 5=25%, а изъ 30 работницъ 2=6,7% страдали костоѣдой одного или нѣсколькихъ зубовъ, безъ пораженія надкостницы, а у 3 работницъ (10%) было найдено хроническое воспаленіе надкостницы». Вообще, на всѣхъ спичечныхъ заводахъ Клинскаго уѣзда, по осмотру г. Эрисмана, оказалось 26% общаго числа рабочихъ съ различными челюстными болѣзнями, явившимися слѣдствіемъ вдыханія фосфорныхъ паровъ [1].

Еще ужаснѣе состояніе спичечныхъ фабрикъ Грузинской волости, Новгородской губерніи. Вотъ описаніе одной изъ нихъ: «Предъ вами полуразрушенная деревенская изба. Прямо противъ входа на фабрику отхожія мѣста, грязныя, отвратительныя. Отъ вони духъ захватываетъ. Такъ какъ они переполнены до того, что нечистоты стояли на одномъ уровнѣ съ поломъ, то понятно, что въ нихъ никто не ходитъ. Вслѣдствіе этого все пространство вокругъ нихъ обращено рабочими въ отхожія мѣста, а потому вся почва представляетъ какую-то жидкую массу—смѣсь испражненій съ землей (но не наоборотъ, такъ-какъ земли, кажется, меньше)... до входа на фабрику по всей этой трясинѣ проложены доски... Всѣ двери — настежъ и потому сѣрные и фосфорные газы изъ макальной свободно расходятся по прочимъ отдѣленіямъ фабрики... Когда я вошелъ въ макальную (въ которой *макаютъ* спички въ сѣрную и фосфорную «мази»), тамъ былъ такой чадъ, такой синій туманъ, что нельзя было дышать и я поспѣшилъ выбѣжать изъ макальной. Осмотрѣвъ накатальную и съемальную и, такимъ образомъ, подготовившись нѣсколько къ воздуху макальной, я опять вошелъ въ нее, но дольше нѣсколькихъ минутъ пробыть все-таки не могъ. Остается только удивляться, какъ выносятъ макальщики этотъ воздухъ

[1] I, 181, 183 и 197.

въ теченіи цѣлаго дня. Вентиляціи—никакой. Если отдушники и есть, то они заткнуты или заклеены бумагой, чтобъ спички скорѣе сохли» [1]. Другой наблюдатель, изслѣдовавшій тѣже спичечныя фабрики Грузинской волости, говоритъ слѣдующее: «*Платье рабочихъ пропитывается фосфорными парами до того, что иногда свѣтится въ темнотѣ*, поэтому пары переносятся даже въ дома рабочихъ. Такъ-какъ наши крестьяне спятъ по бо̀льшей части въ носильномъ платьѣ и бѣльѣ, при томъ всей семьей вмѣстѣ на печи или на полатяхъ, часто съ маленькими, даже грудными дѣтьми, то опасность работы на спичечныхъ фабрикахъ въ носильномъ платьѣ *очевидна*» (Филипповъ). Дѣйствительно, очевидна! До того очевидна, что у меня выпадаетъ перо изъ рукъ и я ставлю себѣ вопросъ: да писать ли дальше? вѣдь приведенныя слова г. Филиппова были сказаны имъ 10 лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ положеніе спичечныхъ фабрикъ осталось въ такомъ же возмутительно-безобразномъ видѣ: также на нихъ эксплуатируется трудъ малолѣтнихъ, чуть не грудныхъ дѣтей, и они также задыхаются и гибнутъ въ атмосферѣ сѣрныхъ и фосфорныхъ паровъ, какъ все это было и прежде. Не пропадаютъ ли безплодно всѣ наши писанія, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ?.. Но меня утѣшаетъ то соображеніе, что десять лѣтъ тому назадъ вниманіе общества далеко не было такъ сильно привлечено вопросами о народныхъ нуждахъ, какъ теперь, и я, хотя съ стѣсненнымъ сердцемъ, берусь снова за перо, въ надеждѣ принести хотя малую дозу пользы.

До чего вредна работа на спичечныхъ фабрикахъ, показываетъ слѣдующая приводимая г. Филипповымъ таблица умершихъ отъ грудныхъ болѣзней въ Грузинскомъ приходѣ до устройства спичечныхъ фабрикъ и при ихъ существованіи.

---

[1] Хозяинъ фабрики, Саломатинъ, былъ не разъ оштрафованъ, получилъ еще въ 1874 г. отъ высшаго губернскаго начальства приказъ: или перестроить, или закрыть фабрику, и, несмотря на это, продолжаетъ работать въ прежнемъ зданіи. («Слово». 1880, № 8. Спичечныя фабрики. Стр. 29—31). Прекрасный примѣръ того, какъ легко у насъ могутъ быть игнорируемы велѣнія закона и предписанія правительственной власти, благодаря небрежности или продажности тѣхъ, кто долженъ исполнять законы и наблюдать за ихъ исполненіемъ. Не случится ли того же и съ будущею фабричною инспекціею, если она будетъ чиновничья? А если она будетъ земская, то не выйдетъ ли это, что гг. фабриканты будутъ контролировать сами себя? Вообще вопросъ фабричнаго законодательства тѣсно связанъ съ множествомъ другихъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ, каковы вопросы о внутреннемъ управленіи, о кустарной промышленности, о крестьянскомъ землевладѣніи и т. д., и помимо нихъ врядъ ли можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно.

Годы:	Умерло отъ грудныхъ болѣзней.		Годы:	Умерло отъ груди. болѣзней.	Число спичечныхъ фабрикъ.
1850	8	Фабрикъ не было.	1860	16	1
1851	12		1861	22	1
1852	12		1862	14	2
1853	8		1863	21	3
1854	7		1864	10	3
1855	5		1865	11	3
1856	7		1866	15	4
1857	11		1867	19	7
1858	10		1868	48	7
1859	15		1869	16	9
1850—1859	95		1860—1869	192	

Среднее за годъ—9,5 умерш. Среднее за годъ—19,2 умерш.

Такимъ образомъ, во второе десятилѣтіе смертность отъ грудныхъ болѣзней увеличилась болѣе чѣмъ на 100%! [1]

Но не однѣ грудныя болѣзни влечетъ за собою работа на спичечныхъ фабрикахъ; выше мы упоминали о разнообразныхъ страданіяхъ, которымъ подвергаются рабочіе грузинскихъ спичечныхъ фабрикъ, приводили также указанія на страшно большой процентъ страдающихъ болѣзнями челюстей между рабочими спичечныхъ фабрикъ Московской губерніи. Тѣже страданія, но еще въ большихъ размѣрахъ и въ болѣе ужасномъ видѣ, постигаютъ рабочихъ, занятыхъ на заводахъ, добывающихъ фосфоръ, причемъ, какъ это бываетъ постоянно, условія работы вовсе не необходимо связаны съ самымъ производствомъ, а являются просто продуктомъ безцеремонности, нежелающей произвести грошовые расходы для принятія мѣръ, ограждающихъ рабочаго отъ вредныхъ вліяній работы. Такъ, изъ Перми писали въ газеты о недавно построенномъ тамъ мѣстнымъ купцомъ Тупицинымъ фосфорномъ заводѣ, на которомъ, несмотря на то, что «дѣло пошло чрезвычайно хорошо и владѣлецъ завода нажилъ большое состояніе», «способъ добыванія фосфора самый примитивный» и «обстановка завода и его содержаніе чрезвычайно неблагопріятны для рабочихъ, проводящихъ цѣлые дни въ атмосферѣ, пропитанной фосфоромъ, скоро наживающихъ бронхіальный катарръ, разстройство пищеваренія и наконецъ боли въ нижней челюсти». Несмотря на недавнее существованіе завода, мѣстнымъ земскимъ врачамъ пришлось уже произвести хирургическую операцію надъ двумя рабочими этого завода: одному сдѣлали операцію *удаленія всей нижней челюсти*, у другого была вынута часть ея [2].

Такое же отсутствіе какихъ-либо предохранительныхъ мѣръ

---

[1] «Архивъ Судебной Медицины», 1871, № 1.

[2] «Новое Время», 1880, № 1509.

встрѣчаемъ мы и въ другихъ производствахъ, въ которыхъ рабочимъ приходится имѣть дѣло съ вредными парами и газами. Такъ, на кожевенныхъ заводахъ рабочимъ приходится дышать «спертымъ воздухомъ, до такой степени проникнутымъ газообразными выдѣленіями лака и преимущественно летучими жирными кислотами, образующимися во время сушки лакированныхъ опоекъ, что у непривычнаго посѣтителя, даже при непродолжительномъ пребываніи въ мастерскихъ, является сильнѣйшая головная боль, а у чувствительныхъ людей даже тошнота» [1]. На маслобойняхъ рабочіе «часто страдаютъ головною болью, въ особенности осенью при началѣ работы. Боль вызывается чрезвычайно интенсивнымъ и совершенно специфическимъ запахомъ летучихъ жирныхъ кислотъ, распространяемыхъ сѣменами во время ихъ прожариванія. Этотъ запахъ до такой степени непріятенъ, что у непривычнаго посѣтителя, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ мастерской, вызываетъ сильную головную боль и тошноту» [2]. Но вредное вліяніе газовъ и испареній органическаго происхожденія ничтожно сравнительно съ вредомъ, наносимымъ организму рабочаго неорганическими парами и газами. Такъ, работа на химическихъ заводахъ обставлена такими ужасными условіями, что, несмотря на всю бѣдность нашего крестьянства, оно нерѣдко совсѣмъ не идетъ на эти заводы и администраціи заводовъ приходится нанимать рабочихъ въ различныхъ городскихъ притонахъ изъ числа бездомнаго, пропившагося люда, «босой команды», въ которую идутъ «отщепенцы» всѣхъ сословій [3]. И это отвращеніе крестьянства отъ работы на химическихъ заводахъ вполнѣ понятно въ виду того, что идти работать на эти заводы значитъ идти на вѣрную смерть. Вотъ, напримѣръ, какіе порядки нашелъ г. Погожевъ на химическомъ заводѣ Шлиппе и компаніи въ сельцѣ Плѣсенскомъ Верейскаго уѣзда: съ одной стороны—«неудовлетворительное устройство мастерскихъ и непринятіе необходимыхъ мѣръ предосторожности отъ вредныхъ условій производства, отсутствіе вентиляціи и хорошей тяги въ помѣщеніяхъ и проч.»; а съ другой—рабочимъ приходится вдыхать «громадныя количества паровъ *соляной и азотной кислоты*», приходится постоянно быть въ атмосферѣ, насыщенной парами *сѣрной и сѣрнистой кислоты*, приходится отравляться пылью и парами *мышьяка* и его соединеній, приходится глотать пыль селитры, сѣрнаго колчедана и т. д. До чего небрежно относится администрація фабрики къ здоровью рабочихъ, можно видѣть изъ способа обработки сѣрнаго колчедана. Изъ множества существующихъ способовъ добыванія сѣрной кислоты, на фабрикѣ Шлиппе, по словамъ г. Погожева, практикуется самый вредный, «обставленный притомъ въ высшей степени небрежно». Толченіе

---

[1] I, 315.
[2] Id., 260.
[3] III, 1-я ч., 151.

сѣрнаго колчедана производится въ небольшой пристройкѣ, «деревянный полъ которой покрытъ толстыми непроницаемыми слоями колчеданной пыли и наносной грязью; вдоль стѣнъ свалены прямо на полъ кучи колчеданной руды; оконъ вовсе нѣтъ»... «Размельченіе руды представляетъ весьма вредную для здоровья работу, ибо при варварскомъ способѣ разбиванія руды молотками развивается въ высшей степени опасная пыль, сильно раздражающая дыхательные пути и вызывающая даже кровохарканіе». Самое добываніе сѣрной кислоты изъ колчедана обставлено очень неудовлетворительно: «стѣнки камеръ (свинцовыхъ) отъ ветхости столь истончились и мѣстами, вѣроятно, продырявились, вслѣдствіе чего, даже на довольно значительномъ разстояніи отъ камеръ, дыханіе сильно затрудняется и рѣзкій пронзительный запахъ сѣрнистой кислоты вызываетъ удушливый, неудержимый кашель. Внутри самыхъ сараевъ, въ которыхъ помѣщаются свинцовыя камеры, *грудь спираетъ* отъ громаднаго количества вдыхаемыхъ паровъ сѣрнистой и азотистой кислоты до такой степени, что свободное дыханіе становится почти совершенно невозможнымъ». Даже на разстояніи 15—20 минутъ ходьбы отъ завода сѣрнистая кислота уже «дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ на органы обонянія и дыханія». Вокругъ завода гибнутъ деревья, особенно тополи. Можно послѣ этого представить себѣ, что дѣлается съ рабочими! Не менѣе гибельнымъ оказалось дѣйствіе азотной и соляной кислотъ. У рабочихъ, занятыхъ этимъ производствомъ, оказался «значительный упадокъ питанія и *почти всѣ зубы выкрошились*». До чего вреденъ воздухъ мастерскихъ, въ которыхъ происходитъ добываніе упомянутыхъ кислотъ, видно изъ слѣдующаго факта: ямщикъ г. Погожева, изъ любопытства сопровождавшій его при обходѣ мастерскихъ и побывавшій въ нихъ не болѣе 5 минутъ, жаловался на другой день, что у него всю ночь страшно ныли зубы; у самого г. Погожева и его помощника также обнаружилась зубная боль, спустя 1—2 дня послѣ осмотра завода. Рабочіе, занятые добываніемъ свинцовыхъ солей, подвергаются *медленному и острому свинцовому отравленію*. «У всѣхъ, видѣнныхъ нами рабочихъ, занятыхъ полученіемъ свинцоваго сахара, уксусно-кислаго свинца и проч., говоритъ г. Погожевъ:—замѣчалась *широкая сѣро-зеленоватая кайма на деснахъ* вблизи зубныхъ ячеекъ; большая часть зубовъ выкрошились и выпали. У одного изъ этихъ рабочихъ можно было обнаружить слѣдующіе весьма характерные признаки: сильный упадокъ питанія и блѣдность общихъ покрововъ; сила ручныхъ мышцъ, судя по рукопожатію, замѣтно ослабѣла, что можетъ считаться однимъ изъ первыхъ предвѣстниковъ будущихъ параличей; зубы стали крошиться и выпадать, при самомъ началѣ работы, около 9 лѣтъ тому назадъ». Но самое ужасное на химическихъ заводахъ — это *отравленіе мышьякомъ*. Отравленіе это настолько сильно и *очевидно*, что «въ видахъ предупрежденія» «рабочіе ежедневно получаютъ отъ конторы по одной большой крынкѣ

молока на 3 человѣкъ. Признаки отравленія, а именно тошнота, головокруженіе и т. д., обнаруживаются чрезвычайно быстро, въ особенности при разламываніи печи, вытаскиваніи и разбиваніи горшковъ. По заявленію одного изъ рабочихъ, «если въ это время не пить молока, то непремѣнно помрешь», и необходимо довольно продолжительное время, чтобы нѣсколько оправиться послѣ окончанія каждаго обжига, съ тѣмъ чтобы подвергнуться вторичному повторному отравленію мышьякомъ» [1].

На зеркальныхъ заведеніяхъ рабочіе страдаютъ отъ ртутныхъ паровъ. Все производство ведется самымъ небрежнымъ образомъ: ртуть растирается на оловянномъ листѣ голыми пальцами и свободно испаряется, не будучи ни чѣмъ закрыта и т. д. На одномъ заведеніи г. Эрисманъ нашелъ *у всѣхъ рабочихъ признаки хроническаго ртутнаго отравленія*: «общій видъ рабочихъ въ высшей степени болѣзненный, худосочный; цвѣтъ лица блѣдный, съ сѣроватымъ оттѣнкомъ; питаніе тѣла плохое; десны опухшія; отъ времени до времени является слюнотеченіе; руки дрожатъ» [2].

На горшечныхъ, фарфоровыхъ и кафельныхъ заводахъ рабочіе очень часто *отравляются свинцомъ*, соли котораго примѣшиваются въ глазурь. Такъ еще не давно въ газетахъ была напечатана *телеграмма* о томъ, что на горшечныхъ заводахъ, устроенныхъ въ окрестностяхъ Пскова, обнаружены случаи свинцоваго отравленія рабочихъ. Въ телеграммѣ указывался заводъ Каштеляна, на которомъ «изъ 18 рабочихъ въ короткій промежутокъ времени заболѣло 7 человѣкъ. Особенно поразительные и ужасные симптомы этой болѣзни замѣчены врачемъ у малолѣтнихъ рабочихъ [3].

На стеклянныхъ заводахъ, въ числѣ другихъ вредныхъ факторовъ, особенное вниманіе обращаетъ на себя вліяніе известковой, стекольной и песчаной пыли. Вотъ что говоритъ г. Эрисманъ, описывая стеклянный заводъ князя Меньшикова въ Клинскомъ уѣздѣ: «мастерскія, въ которыхъ развивается известковая, песчаная и глинистая пыль, устроены самымъ первобытнымъ образомъ; песочные камни разбиваются рукой, посредствомъ молотка, а составъ для стекла размѣшивается простыми лопатами въ открытыхъ колодахъ; старое стекло размельчается въ открытой толчеѣ; известь тоже разбивается и просѣевается рукой, а между тѣмъ, для правильной вентиляціи всѣхъ этихъ помѣщеній ничего не сдѣлано». Общій видъ рабочихъ на заводѣ князя Меньшикова — «болѣзненный, изнуренный; часто встрѣчаются признаки сильной анеміи. Большинство этихъ рабочихъ носитъ на себѣ отпечатокъ утомительнаго и заѣдающаго силы труда; по заявленію приказчика, между мастерами и ихъ помощниками

---

[1] III, 1-я ч., 150—158.

[2] I, 199—200.

[3] «Московскій Телеграфъ», 1881, № 291.

нѣтъ ни одного вполнѣ здороваго человѣка». Особенно распространены грудныя болѣзни, что объясняется способомъ производства: мастера должны *выдувать* посуду изъ жидкаго стекла, что, само собою разумѣется, требуетъ страшнаго напряженія легкихъ, такъ что рабочіе съ слабой грудью вовсе не въ состояніи выносить эту работу [1].

На проволочно-тканныхъ заведеніяхъ, приготовляющихъ желѣзныя и мѣдныя сѣтки, рабочіе принуждены вдыхать мелкую металлическую пыль, которая отдѣляется отъ проволоки въ такомъ значительномъ количествѣ, что тонкимъ слоемъ покрываетъ ткацкіе станки и стѣны мастерскихъ [2].

Личильщики стальныхъ издѣлій на заводахъ Владимірской губерніи, по словамъ мѣстнаго земскаго гласнаго, г. Смирнова, «несмотря на то, что во время работы (обтачиванія) такъ завязываются, что одни глаза остаются открытыми, поголовно получаютъ въ короткое время чахотку (отъ вдыханія мелкой стальной пыли) и мрутъ какъ мухи, рѣдко доживая до 30-лѣтняго возраста, а если переживаютъ, то слѣпнутъ...» Дѣти, «оставшіяся послѣ умершихъ чахоткою личильщиковъ, остаются съ наслѣдствомъ чахотки отцовъ» [3]. Г. Смирновъ умолялъ владимірское земское собраніе войдти въ ужасное положеніе личильщиковъ и такъ или иначе спасти ихъ отъ гибели (хотя покупкою для нихъ респираторовъ); но, несмотря на горячую рѣчь г. Смирнова, несмотря на всѣ его резоны, владимірскіе земцы не сочли возможнымъ произвести такой «непроизводительный» расходъ, который имѣетъ въ виду спасеніе какихъ-то личильщиковъ; не сочли также земцы нужнымъ обязать гг. фабрикантовъ принять какія-нибудь предохранительныя мѣры на своихъ заведеніяхъ. Всю эту, въ одно и тоже время и грустную, и смѣшную исторію сами земцы подробно расписали въ своемъ «Сборникѣ».

Не менѣе убійственныя условія работы на игольныхъ фабрикахъ. Такъ на коленцевской фабрикѣ въ Рязанской губерніи въ точильномъ отдѣленіи желѣзная пыль постоянно носится въ видѣ густого дыма и образуетъ на стѣнахъ слой въ палецъ толщиною. Нечего и говорить о томъ, какъ страдаютъ рабочіе, работающіе въ этой *желѣзной* атмосферѣ. Мѣръ предохраненія — никакихъ. А между тѣмъ, эта фабрика производитъ въ годъ до 80,000,000 иголокъ [4].

На фабрикахъ бумаго- и шерсто-прядильныхъ, ткацкихъ, шелко-ткацкихъ, суконныхъ, войлочныхъ и т. п., рабочіе всего сильнѣе страдаютъ отъ необходимости постоянно дышать воздухомъ, сильно наполненнымъ различною органическою пылью—хлопчато-бумажною, шерстяною, льняною и т. п. Пыли этой обыкно-

---

[1] I, 170—174.

[2] I, 165.

[3] «Владимірскій Земскій Сборникъ», 1874, III, 178.

[4] «Врачъ», 1880, іюнь. Ст. *Вондаловскаго*.

зенно бываетъ такъ много въ мастерскихъ, что она нетолько носится въ воздухѣ въ ужасно большомъ количествѣ, такъ что издали мастерскія кажутся переполненными облаками дыма, но и еще покрываетъ толстымъ слоемъ какъ машины, такъ и платья, и даже лица и головы рабочихъ [1]. На льно-прядильной и дерюжно-ткацкой фабрикѣ Вавиловыхъ, въ Рузскомъ уѣздѣ, *льняной кремнистой пыли* до того много въ атмосферѣ мастерскихъ, что отъ нея *гаснутъ лампы* [2], и, конечно, гаснетъ жизнь рабочихъ. Въ то время, какъ въ Англіи на перечисленныхъ выше фабрикахъ принимаются всякія мѣры для уменьшенія пыли и для ослабленія ея дѣйствія: аппараты наглухо прикрываются, устраиваются всевозможные вентиляторы, рабочіе дышатъ черезъ респираторы, въ производствахъ, имѣющихъ дѣло со льномъ, *обязательны вытяжные вентиляторы* и т. д.; у насъ не существуетъ ничего подобнаго: машины вовсе не прикрываются или прикрываются такъ плохо, что пыль свободно проникаетъ сквозь чехлы; вентиляція устроена самымъ первобытнымъ и неудовлетворительнымъ образомъ или ея совсѣмъ нѣтъ. Случается даже, что гг. фабриканты уничтожаютъ естественную вентиляцію, воспрещаютъ открывать окна и форточки, изъ боязни, что *въ растворенныя окна улетитъ нѣкоторое количество хлопчатобумажной пыли, шерсти и пуха*, которые, при отсутствіи вентиляціи, осѣдаютъ на машинахъ, стѣнахъ и головахъ рабочихъ и собираются послѣдними для дальнѣйшей обработки [3]. Вотъ въ какихъ словахъ описываетъ г. Эрисманъ внѣшній видъ рабочихъ на бумагопрядильной фабрикѣ Балина и Макарова, въ Клинскомъ уѣздѣ: «Они плохо упитаны, лишены свѣжаго цвѣта лица, съ отпечаткомъ какъ бы вѣчной усталости, и рано старѣются; послѣднее явленіе всего болѣе бросается въ глаза у женщинъ, которыя, кромѣ того, весьма часто обнаруживаютъ признаки сильнаго малокровія. Особенно жалкій и положительно внушающій состраданіе видъ представляютъ почти всѣ безъ исключенія малолѣтніе: даже имѣя сравнительно легкую работу, не требующую значительнаго физическаго напряженія, они крайне изнурены, съ блѣдными лицами и впалыми щеками; многіе изъ нихъ являются истинными страдальцами» [4]. Еще плачевнѣе видъ рабочихъ громадной Воскресенской бумагопрядильной мануфактуры, въ Верейскомъ уѣздѣ: «всѣ рабочіе, въ особенности малолѣтніе, плохо упитаны; мускулатура лишь у немногихъ развита въ достаточной степени, лица поражаютъ мертвеннымъ видомъ и выраженіемъ давнишней истомы и, какъ бы, постоянной усталости и апатіи; мужчины и, въ особенности, женщины часто обнаруживаютъ рѣзкіе признаки малокровія и

[1] I, 76, 209; III, 1-я ч., 51.
[2] III, 2-я ч., 74.
[3] III, 2-я ч., 77; I, 77, 209.
[4] I, 87.

преждевременнаго старчества. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, особенно рѣзко бросавшихся въ глаза, нѣкоторые изъ рабочихъ имѣли видъ только-что оправившихся послѣ тифа: землистый цвѣтъ лица, впалыя щеки, тусклый, апатичный и сонливый взоръ, полусклоненная голова, какъ бы вслѣдствіе общаго разслабленія затылочныхъ мышцъ и проч.» [1]. О рабочихъ войлочныхъ заведеній г. Эрисманъ говоритъ слѣдующее: «они малокровны, изнурены, съ болѣзненнымъ видомъ лица. Лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, по ихъ словамъ, они нѣсколько поправляются, но вскорѣ послѣ возвращенія къ работѣ въ войлочныхъ заведеніяхъ они опять начинаютъ «сохнуть». Всего больше они страдаютъ въ началѣ занятій, послѣ лѣтнихъ перерывовъ; у нихъ тогда является сильная головная боль, затѣмъ боль въ груди и кашель. Даже весьма непродолжительные перерывы вызываютъ эти болѣзненныя явленія; такъ, напримѣръ, въ понедѣльникъ и вообще въ первый день послѣ праздника они чувствуютъ себя не хорошо и работа идетъ вяло. Нѣкоторые изъ рабочихъ страдаютъ хроническимъ катарромъ бронховъ и эмфиземой легкихъ» [2]. Явленія «засыханія» во время зимнихъ работъ въ мастерскихъ и «поправки» въ теченіе лѣта, на полевыхъ работахъ, наблюдаются на всѣхъ тѣхъ фабрикахъ, съ которыхъ всѣ или значительная часть рабочихъ уходятъ домой, по своимъ деревнямъ [3].

Сверхъ того, рабочимъ приходится еще *сгорать* (не въ фигуральномъ смыслѣ, а въ буквальномъ) отъ страшно высокой температуры въ мастерскихъ или *замерзать* (тоже буквально) отъ сильнаго холода. Такъ, на кирпичныхъ заводахъ рабочіе, вынимающіе кирпичъ изъ печей, нерѣдко работаютъ при температурѣ въ 70, 80 и даже 90° по Реомюру. Случается, что при этой работѣ загораются деревянные щиты, прикрывающіе печи, и тачки съ кирпичами, а у рабочихъ обгораютъ картузы и даже волосы. Условія самаго производства вовсе не требуютъ, чтобы работа производилась при такомъ адскомъ жарѣ: можно было бы подождать, пока кирпичъ остынетъ и тогда вынимать его изъ печей. Но дѣло въ томъ, что гг. заводчики стараются, чтобы одна и таже печь обжигала какъ можно болѣе кирпичей, и поэтому спѣшатъ высадкой кирпича, не ожидая его охлажденія [4]. Но высадка кирпича производится только время отъ времени, и потому положеніе работающихъ при этомъ рабочихъ все-таки не такъ гибельно, какъ положеніе рабочихъ, принужденныхъ проводить всю жизнь на невыносимомъ жару, напримѣръ, кочегаровъ. Вотъ какъ описываетъ одинъ наблюдатель положеніе кочегаровъ на суконной фабрикѣ: «фабричная

---

[1] III. 1-я ч., 81.
[2] I. 206.
[3] См., напр., I, 156
[4] II. 92, 101, 123, 158 и 207.

печь, занимающая самую нижнюю боковую пристройку, составляла какъ бы особое учрежденіе, съ особой породой рабочихъ. То были кочегары, по блѣднымъ, истомленнымъ лицамъ которыхъ струился потъ, крупными каплями ниспадая на разстегнутую и страдальчески запекшуюся грудь. Для помѣщенія ихъ, находившагося передъ самою огненною пастью высокаго печнаго свода, не существовало разности временъ года: они одинаково стояли, работали и двигались въ однѣхъ рубашкахъ, и одинаково въ валеныхъ сапогахъ или разувшись, несмотря на лѣто и зиму. Тутъ, въ этихъ адскихъ условіяхъ невозможнаго физическаго существованія, родятся безпрестанныя ревматическія страданія съ ихъ обычнымъ послѣдствіемъ—неизлечимыми болѣзнями сердца—и всевозможныя пораженія дыхательныхъ органовъ, отъ простого катарра до тяжкихъ плевритовъ. Въ кочегары идутъ, обыкновенно, по крайней нуждѣ, такъ называемые чернорабочіе и люди, для иныхъ, болѣе искусныхъ занятій на фабрикѣ неспособные. Цѣна ихъ труду, обыкновенно, не дорогая, да, кромѣ того, не всегда и праздники у нихъ бываютъ: для того, чтобы фабрика могла работать завтра, «развести пары» для ея двигателей необходимо наканунѣ. Такимъ образомъ, воскресный день у кочегаровъ обыкновенно отъемлется»[1].

На зеркальныхъ заводахъ рабочимъ другое горе: тамъ они мерзнутъ. Дѣло въ томъ, что гг. заводчики не знаютъ никакихъ техническихъ приспособленій, препятствующихъ сильному развитію ртутныхъ паровъ, и употребляютъ съ этою цѣлью только одно средство—холодъ. Дѣло доходитъ до того, что въ мастерскихъ бываетъ только 2° выше нуля, такъ что рабочіе дрожатъ отъ холода[2].

Еще гибельнѣе отражаются на здоровьи рабочихъ постоянныя и притомъ крайне рѣзкія колебанія температуры. Такъ на войлочныхъ заведеніяхъ рабочимъ, послѣ пребыванія въ мастерской, нагрѣтой до 25° R и выше, приходится, босыми ногами и безъ штановъ, выходить для взбиванія шерсти въ сѣни, въ которыхъ господствуетъ морозъ[3]. Въ красильныхъ заведеніяхъ, женщины, работающія въ сушильной, проводятъ почти все свое время при температурѣ не менѣе 50°; само собою разумѣется, что онѣ принуждены легко одѣваться и ходить босикомъ. И вотъ, когда имъ становится не въ терпежъ отъ страшной жары, онѣ, мокрыя и въ своемъ легкомъ костюмѣ, выскакиваютъ на дворъ, несмотря даже на зимніе морозы, чтобы хотя нѣсколько освѣжиться; «разница въ температурѣ, которой при этомъ подвергается организмъ, доходитъ до 70—80°. Приспособленій для

---

[1] «Московскій Телеграфъ», 1881, № 209.
[2] I, 198.
[3] I, 204—207.

избѣжанія этого вреднаго момента, въ родѣ особаго помѣщенія для прохлажденія сушильщицъ, не существуетъ» [1].

Бываетъ, наконецъ, и хуже: случается, что одна часть тѣла рабочаго находится въ пеклѣ, а другая подвергается дѣйствію мороза. Такъ, на стеклянныхъ заводахъ, зимою, часть тѣла рабочихъ, обращенная къ плавильной печи, испытываетъ жару въ 60—70° по Р., тогда какъ въ тоже время другую часть тѣла обдаетъ холодомъ [2]. Тоже бываетъ и съ рабочими кирпичныхъ заводовъ, при высадкѣ обожженнаго кирпича изъ печей [3].

Мы разобрали наиболѣе общія и наиболѣе вредныя условія, которыми обставлена работа нашего фабрично-заводскаго рабочаго. Есть множество другихъ вредныхъ вліяній, подтачивающихъ здоровье и жизнь рабочаго; но они или носятъ болѣе частный характеръ, являясь принадлежностью отдѣльныхъ видовъ производства, или значительно менѣе вредны, сравнительно съ указанными выше. Указаніе этихъ второстепенныхъ вредныхъ моментовъ завлекло бы насъ за предѣлы журнальной статьи, а потому мы упоминать о нихъ не будемъ.

Мы видѣли, что всѣ указанные вредные моменты работы на нашихъ фабрикахъ и заводахъ зависятъ въ большинствѣ случаевъ, а, пожалуй, и исключительно отъ того, что гг. фабриканты и заводчики не принимаютъ никакихъ мѣръ къ предохраненію отъ вредныхъ вліяній здоровья и жизни рабочаго. Это обстоятельство станетъ еще яснѣе, когда мы увидимъ, какимъ безчисленнымъ опасностямъ ежеминутно подвергается жизнь рабочаго, благодаря небрежному отношенію гг. фабрикантовъ. Опасности эти, въ общемъ, могутъ быть подведены подъ три рубрики: опасности отъ машинъ, отъ непрочности фабричныхъ зданій и отъ пожара на фабрикѣ. Рубрика опасностей отъ машинъ можетъ быть раздѣлена на два подраздѣленія: опасность отъ взрыва котла паровой машины и опасность поврежденій отъ работающихъ машинъ.

Взрывъ котла паровой машины — явленіе, положительно пріобрѣвшее право гражданства въ нашей промышленности. Причины взрывовъ, обыкновенно, сводятся къ «неосторожности» рабочихъ, въ дѣйствительности же заключаются въ беззаботности хозяевъ и ихъ стремленіи къ наживѣ: котлы служатъ болѣе длинный срокъ, чѣмъ слѣдуетъ; непосредственно завѣдывать котлами приглашаются не техники, которымъ нужно выдавать приличное жалованье, а какіе-нибудь кочегары, имѣющіе крайне смутныя представленія о давленіи паровъ и т. п.; самые котлы чистятся и осматриваются крайне рѣдко и т. д. И вотъ мы чуть не ежедневно читаемъ въ газетахъ о взрывахъ котловъ и о послѣдствіяхъ этихъ взрывовъ. И какія это бываютъ

[1] I, 223—225.
[2] Id., 168.
[3] II, 207.

ужасныя послѣдствія! Вотъ что, напримѣръ, писали въ газеты изъ Гайсина, Подольской губерніи: «1-го января, около пяти часовъ утра, въ селѣ Нараевкѣ, Гайсинскаго уѣзда, принадлежащемъ г. Меленевскому, произошелъ взрывъ парового котла на винокуренномъ заводѣ... Заводъ почти весь разрушенъ до основанія и представляетъ безпорядочную груду развалинъ. Паровой котелъ, громадной величины, отброшенъ взрывомъ на 13 саженъ въ сторону. Жертвы этого взрыва—10 убитыхъ и 9 раненныхъ и получившихъ обжоги... Взрывъ произошелъ отъ чрезмѣрнаго накопленія паровъ въ котлѣ. Настоящій несчастный случай уже не первый и причина та, что винокуренные заводы устраиваются у насъ безъ соблюденія правилъ, требуемыхъ вообще отъ заводовъ, дѣйствующихъ паромъ; напримѣръ, *ни на одномъ почти винокуренномъ заводѣ нѣтъ манометровъ*, опредѣляющихъ напряженіе пара въ паровомъ котлѣ, и, сверхъ того, *наблюденіе за паровыми машинами принадлежитъ обыкновенно винокурамъ — людямъ, не имѣющимъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній о паровыхъ двигателяхъ*. Въ описываемомъ случаѣ винокуромъ былъ простой еврей, а помощникомъ его крестьянинъ» [1]. А вотъ другой случай, имѣвшій мѣсто на ситцепечатной фабрикѣ г. Гречина: «Взрывъ котла произошелъ въ боковой стѣнкѣ, именно съ той стороны, гдѣ былъ поставленъ на подставкахъ новый паровикъ; взрывъ былъ настолько силенъ, что сдвинулъ съ мѣста этотъ новый котелъ, которымъ и были раздавлены двое печниковъ, остальные же двое и кочегаръ были обварены выбросившимся паромъ и ранены падавшими кирпичами» [2]. Въ прошломъ году въ Ростовѣ-на-Дону произошелъ взрывъ громаднаго паровика мельницы одного еврея. «Говорятъ, сообщаетъ корреспондентъ «Русскаго Курьера»: — что владѣлецъ мельницы, при постановкѣ парового котла, былъ предупрежденъ, что паровикъ непроченъ и крайне опасенъ для употребленія; на что еврей отвѣчалъ, что онъ самъ это знаетъ, но что теперь *время горячее*, *работы по горло*, что *перестановку сдѣлаетъ послѣ* Троицы. Послѣдствіемъ взрыва было обозображеніе и смерть двѣнадцати человѣкъ рабочихъ; двухъ кочегаровъ полиція не могла отыскать въ массѣ мусора» [3]. Можно было бы привести еще множество подобныхъ фактовъ, но, полагаю, и привиденныхъ достаточно, чтобы видѣть, въ чемъ заключаются причины несчастій.

Если не такъ грандіозны, то гораздо чаще случаются съ рабочими несчастія отъ работающихъ машинъ. Прежде всего, такія несчастія зависятъ отъ того, что машины на фабрикахъ и заводахъ размѣщаются въ высшей степени тѣсно и совсѣмъ не покрываются футлярами, такъ что рабочіе, при проходѣ между машинами или при работѣ на нихъ, при малѣйшей неосторож-

---

[1] «Голосъ», 1880, январь.
[2] «Русскій Курьеръ», 1880, № 256.
[3] Id., 1881, № 152.

ности могутъ быть увлечены различными винтами, валиками, безконечными ремнями и т. п. и быть изуродованными или раздавленными. Такъ гг. Эрисманъ и Погожевъ находили на многихъ фабрикахъ такое тѣсное расположеніе машинъ, что для прохода рабочихъ между ними оставлено пространство только 9, 8 и даже 6 вершковъ [1]. На одномъ кирпично-гончарномъ заводѣ г. Погожевъ встрѣтилъ новую машину для прессовки кирпича, о которой онъ говоритъ слѣдующее: «окончательно отказываюсь передать тоскливое замираніе сердца и жуткое ощущеніе боязни за головы рабочихъ, суетящихся вокругъ машины, занимающей площадь не болѣе двухъ квадр. арш., причемъ самые шары спускаются почти надъ самой головой рабочихъ, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ, а толстые вертикальные стержни почти на уровнѣ подбородка, на разстояніи ½—¾ арш. впереди головы. При неимовѣрно быстромъ вращеніи тяжелыхъ шаровъ, массивной дуги и двухъ желѣзныхъ стержней такъ и кажется наблюдателю, что вотъ-вотъ они при своемъ движеніи задѣнутъ за голову рабочаго, вращающаго съ сильной натугой дугу съ шарами, или зацѣпятъ его подручнаго, нагибающаго голову къ кругу, чтобы снять съ него уже прессованный кирпичъ. Малѣйшей неосторожности, разсѣянности рабочихъ, всецѣло погруженныхъ въ процессъ работы и, при сдѣльной платѣ, изъ всѣхъ силъ старающихся сработать какъ можно больше и скорѣй, однимъ словомъ, достаточно малѣйшаго взмаха головы или движенія туловища впередъ, чтобы совершилась катастрофа, хотя ее, до поры, до времени, еще и не случалось: машина была пущена въ ходъ не болѣе 3-хъ недѣль тому назадъ, какъ пишутся эти строки. Несомнѣнно, что при ударѣ массивныхъ шаровъ или вертикальныхъ стержней въ високъ рабочій не будетъ изувѣченъ, а будетъ убитъ тутъ же на мѣстѣ» [2]... Вообще, работа на машинахъ въ высшей степени опасна, вслѣдствіе отсутствія всякихъ мѣръ предосторожности. Такъ, на бумагопрядильныхъ фабрикахъ «пальцы и руки рабочихъ, разстилающихъ хлопокъ на трепальныхъ машинахъ или поправляющихъ «холстъ» на чесальныхъ машинахъ, при малѣйшей неосторожности со стороны рабочаго или при слишкомъ большомъ усердіи его, чрезвычайно легко могутъ быть захвачены пріемными валиками». На маслобойняхъ рабочимъ приходится во время помола размѣшивать сѣмя рукою: «стоитъ только рабочему на минутку забыться, напримѣръ, въ разговорѣ, и не убрать руку заблаговременно для того, чтобы «бѣгунъ» безпощадно прошелъ черезъ нее» [3]. Есть еще одинъ видъ несчастій, которыя всецѣло зависятъ отъ жадности гг. фабрикантовъ и заводчиковъ: это—несчастія, случающіяся во время чистки и смазки машинъ. Дѣло въ томъ,

[1] I, 78, 100, 122 и др.
[2] I, 31.
[3] Id., 78, 260.

что гг. фабриканты не желаютъ потратить ни одной минутки даромъ и заставляютъ рабочихъ чистить и смазывать машины на ходу. При этомъ рабочіе не рѣдко втягиваются машинами и такъ или иначе калѣчатся. До какой степени часты случаи несчастій съ рабочими отъ машинъ можно видѣть изъ слѣдующаго: на фабрикѣ Воскресенской мануфактуры, Верейскаго уѣзда, при числѣ рабочихъ около 2,000, за два года (1879 и 1880) было 100 несчастій: ушибовъ, ранъ, вывиховъ и переломовъ; причемъ въ означенное число вошли только тѣ случаи поврежденій, которые пользовались въ больницѣ фабрики и обусловливали неспособность къ работѣ въ теченіи 3 дней—2 недѣль, а иногда и несравненно долѣе. Сколько было на фабрикѣ сравнительно болѣе легкихъ случаевъ поврежденій и сколько ихъ лечилось на ходу, амбулаторно, остается неизвѣстнымъ [1]. Нерѣдко такіе несчастные случаи бываютъ чрезвычайно ужасны. Такъ, г. Погожевъ упоминаетъ о дѣвушкѣ, нагнувшейся что-то поднять и при этомъ захваченной валикомъ чесальной машины: несчастная была задушена въ аппаратѣ [2]. Не такъ давно газеты сообщали о рабочемъ суконной фабрики Носовыхъ въ Москвѣ, мывшемъ сукно въ громадномъ котлѣ съ кипяткомъ: у рабочаго закружилась голова и онъ упалъ въ кипятокъ, гдѣ и сварился [3]. Прошлымъ лѣтомъ въ Брянскѣ, Орловской губерніи, рабочіе «по неосторожности» опрокинули реторту съ 600 пудами расплавленной стали. «Моментально кипящая масса разлилась по всей мастерской и съ быстротой молніи уничтожала все, попадавшееся на пути: машины, станки, формы, модели и людей. При этомъ четыре человѣка буквально сварились, а двѣнадцать получили страшные обжоги» [4]. Хороши порядки на заводѣ, при которыхъ оказывается *возможнымъ* разлить шестисотъ-пудовую расплавленную массу!..

Долженъ ли хозяинъ отвѣчать за несчастія, случающіяся съ рабочими? Въ Англіи, по закону 7-го сентября 1880 года, фабриканты и заводчики несутъ отвѣтственность за несчастія, происшедшія нетолько по ихъ собственной винѣ, но также и по винѣ всякаго лица, облеченнаго на фабрикахъ и заводахъ какой бы то ни было властью, или исполняющаго какое-нибудь спеціальное порученіе, вродѣ наблюденія за машиной, сигналами и т. п. Русскіе же фабриканты и заводчики никакой отвѣтственности не подлежатъ. Изъ множества фактовъ я приведу первые попавшіеся. Такъ изъ Иванова-Вознесенска пишутъ въ газеты, что тамъ на фабрикѣ г. К., у рабочаго измяло руку, которую пришлось отнять: «владѣлецъ фабрики, по выздоровленіи рабочаго, *прогналъ его, не давши ему копейки*

[1] Ш, 1-я ч., 90.
[2] Id., 109.
[3] «Русскій Курьеръ», 1880, № 251.
[4] «Порядокъ», 1881, 9-го іюня.

на кусокъ хлѣба» [1]. Оттуда же сообщаютъ: «На горшечныхъ фабрикахъ (такъ здѣсь называются мелкія ситцевыя фабрики) цѣлая бездна условій для несчастій съ рабочими, и чуть ли не каждый день приходится слышать, что тамъ оторвало руку, тамъ ногу, палецъ, голову и т. д., только всѣ эти несчастія относятся къ неосторожности пострадавшихъ или къ волѣ Божіей, и никто не хочетъ вникнуть въ дѣйствительную причину ихъ. Напримѣръ, на одной фабрикѣ здѣсь недавно приказано было перенести мѣдный валъ ситцепечатной машины, вѣсомъ пудовъ около пяти, изъ одного помѣщенія въ другое, сообщающееся съ первымъ дверью; полъ одной комнаты былъ выше другого на пол-аршина, приступки или лѣстницы на порогѣ сдѣлано не было, а просто была положена доска съ пола нижней лѣстницы на порогъ двери слѣдующей. Рабочій взялъ валъ, взвалилъ его на плечо, сдѣлалъ шагъ на доску, другой, потерялъ отъ тяжести вала равновѣсіе, упалъ и... голова его оказалась разбитою въ дребезги, какъ говорится... Кто виноватъ? Пріѣхали власти, составили актъ, дѣло приписали волѣ Божьей и сдали въ архивъ. Рабочій былъ семейный — имѣлъ жену и четверыхъ дѣтей, которыя остались безъ всякихъ средствъ къ жизни. Хозяинъ сжалился надъ несчастными и наградилъ семью убитаго: далъ *пять рублей* на похороны и 20 аршинъ ситцу!.. Старшій сынъ убитаго ходитъ теперь «по-міру» и тѣмъ кормитъ семью... Подобныя явленія, добавляетъ корреспондентъ, такъ обыденны у насъ, что ни въ комъ изъ ивановцевъ они не возбуждаютъ удивленія» [2]. О подобномъ же фактѣ сообщали изъ Серпухова: на фабрикѣ Коншина смазчикъ, стоя на лѣстницѣ, «сталъ смазывать шестерню, находящуюся на верху помѣщенія. *У лѣстницы не было крючьевъ*, которые могли бы предупредить выскальзываніе; она выскользнула у смазчика изъ-подъ ногъ и бѣдняга полетѣлъ въ машину, которая также *не была ничѣмъ ограждена*. Зубьями шестерни рабочему оторвало руку и отбросило въ одну сторону, а его въ другую. Несчастный скончался въ тотъ же день въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ, не переставая умолять сторожа добить его поскорѣе. Находящійся при фабрикѣ фельдшеръ, будучи пьянъ, не могъ оказать никакой помощи. Смазчикъ, получавшій 12 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ, оставилъ жену и четверыхъ дѣтей. Когда вдова явилась на фабрику просить вспомоществованія, то директоръ фабрики Чорнакъ далъ 3 руб., и объявилъ, что больше не дастъ» [3]. Или вотъ что пишутъ изъ Екатеринбурга: «Еще при крѣпостномъ правѣ Демидъ Векшинъ, восьмилѣтнимъ ребенкомъ, началъ работать въ Уткинскомъ заводѣ графа Стенбокъ-Ферморъ. Проработавши 15 лѣтъ, онъ сдѣлалъ *прогульный* день, за что всѣ 15 лѣтъ были

[1] «Современныя Извѣстія», 1880, № 284.
[2] «Русскій Курьеръ», 1880, № 258.
[3] «Русскія Вѣдомости», 1880.

вычтены изъ срока на пенсію. Прослуживъ снова 25 лѣтъ, Векшинъ *погибъ въ тюрбинѣ.* Трое сыновей его проработали на томъ же заводѣ, въ сложности, 18 лѣтъ и всѣ трое *погибли* на работѣ отъ несчастныхъ случаевъ. Въ итогѣ получается *пятьдесятъ восемь лѣтъ* работы и *четыре жизни.* Изъ семьи осталась въ живыхъ жена Демида Векшина, старуха, которой заводское управленіе назначило пенсію — *одинъ рубль семьдесятъ двѣ копейки въ годъ* [1]...

Къ опасностямъ, которымъ подвергается жизнь рабочихъ со стороны машинъ, присоединяется иногда еще опасность отъ непрочности самаго фабричнаго зданія. Такъ, г. Эрисманъ нашелъ на одной фабрикѣ мастерскую во 2-мъ этажѣ зданія, въ которой полъ, подъ вліяніемъ тяжести ткацкихъ станковъ, значительно опустился по серединѣ; при этомъ, во время дѣйствія ткацкихъ станковъ, постоянно дрожитъ нетолько полъ, но и все зданіе [2]. Работа въ такомъ зданіи нетолько «не вполнѣ безопасна», какъ выражается г. Эрисманъ, но прямо опасна и должна быть безусловно воспрещена. Бываютъ, впрочемъ, мастерскія еще хуже—и въ тѣхъ работаютъ безъ запрета. Вотъ какъ описываетъ г. М. Р. зданіе одной спичечной фабрики Грузинской волости: «Все зданіе фабрики до того гнило, что я могъ безъ всякаго усилія отламывать куски просто пальцами отъ наружной стороны бревенъ, изъ которыхъ построена фабрика; достаточно было ткнуть тросточкой въ стѣну, чтобъ оттуда посыпалась пыль отъ гнилушекъ, въ которыя обратились бревна. Эта фабрика положительно грозитъ разрушеніемъ» [3]. Не лишне при этомъ припомнить печальную судьбу Даниловской мануфактуры: въ подмосковной Даниловской слободѣ строилось громадное зданіе въ пять этажей, предназначавшееся для фабрики. Судя по размѣрамъ зданія, фабрика должна была вмѣстить громадное количество рабочихъ. Постройка уже кончилась, какъ вдругъ 29-го февраля 1880 года своды въ четырехъ этажахъ зданія рухнули, а въ пятомъ этажѣ обрушился потолокъ. Оказалось, что желѣзныя балки, поддерживающія своды, недостаточно крѣпко утверждены и упали, а за ними рухнули и самые своды. Представьте же себѣ, что было бы, еслибы балки выдержали до тѣхъ поръ, пока постройка была кончена и въ зданіи были открыты фабричныя работы: сколько жертвъ погибло бы подъ развалинами фабрики! И только милостью Бога можно объяснить отсутствіе несчастій при катастрофѣ: зданіе развалилось въ то время, когда въ немъ никого не было [4].

Наконецъ, нужно остановиться еще на одной опасности, ко-

---

[1] «Русскій Курьеръ», 1880, № 250.

[2] I, 100—101.

[3] «Слово», 1880, № 8. «Спичечныя фабрики», стр. 32.

[4] Подробности см. въ мартовскихъ номерахъ газетъ за 1880 г. Не безъинтересно отмѣтить слѣдующія подробности: *постройка производилась безъ плана,* который еще не былъ утвержденъ строительнымъ отдѣленіемъ; *зданіе*

торой рабочіе подвергаются очень часто и которая по своимъ размѣрамъ превосходитъ всѣ опасности, упомянутыя выше; это— опасность сгорѣть за-живо на фабрикѣ. На большей части фабрикъ и заводовъ собирается такая масса горючихъ матеріаловъ всякаго рода, что пожары на нихъ возможны при малѣйшей неосторожности. А между тѣмъ, обыкновенно, никакихъ мѣръ ни для предупрежденія пожара, ни для предупрежденія несчастій въ случаѣ возникновенія пожара, на нашихъ фабрикахъ не принимается. Вотъ что говоритъ г. Погожевъ объ одномъ корпусѣ Мауринской мануфактуры, въ Верейскомъ уѣздѣ: «Это громадное, двухъ-этажное, ветхое, бревенчатое строеніе, длиною 90 аршинъ и высотою около 9 аршинъ, служащее въ то же время и спальней для 148 ткачей и шпульниковъ, *имѣетъ только одно общее крыльцо*; верхній и нижній этажъ сообщаются между собою *одной* внутренней *деревянной лѣстницей*; полы вездѣ устроены безъ двойного наката. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что снаружи поставлена желѣзная лѣстница, согласно изданному въ недавнее время постановленію московской городской фабричной коммиссіи. Однако, въ случаѣ внезапной катастрофы едва ли кто изъ рабочихъ, захваченныхъ въ расплохъ, вспомнитъ объ этой лѣстницѣ, въ силу извѣстныхъ психологическихъ соображеній, да притомъ и *выходъ* на спасительную площадку этихъ лѣстницъ бываетъ почти всегда *заколоченъ на глухо, какъ и на всѣхъ другихъ фабрикахъ*. Точно также нельзя чувствовать себя удовлетвореннымъ и объясненіемъ фабричной администраціи, что «всѣ требованія закона исполнены, а въ случаѣ пожара можно выпрыгнуть и прямо внизъ со 2-го этажа» [1].

Въ началѣ прошлаго года въ Ромнахъ случился пожаръ на табачной фабрикѣ купца Р... Пламя быстро охватило деревянную лѣстницу, соединяющую верхній этажъ съ нижнимъ, и отрѣзало отступленіе злосчастнымъ рабочимъ, бывшимъ на верху. Многихъ изъ нихъ пожаръ засталъ спящими — имъ уже не пришлось проснуться; такихъ было 6 человѣкъ. Судьба другихъ двухъ была нѣсколько иная: одинъ успѣлъ добраться до окна и проломалъ рѣшетку. Положеніе его было ужасно. Сзади удушающій дымъ, а впереди страшная вышина. Окружающая публика, не имѣя подъ руками спасательныхъ сѣтокъ, ограничилась однимъ одобреніемъ, приглашая несчастнаго на отчаянный скачокъ съ высоты 2-го этажа. «Страшно! ухъ,

---

выводилось безъ наблюденія архитектора, т. е. архитекторъ-то былъ, да онъ только деньги получалъ, а въ дѣло не вмѣшивался, постройка же производилась по усмотрѣнію самого владѣльца, г. Мещерина. Такимъ образомъ постановленія строительнаго устава были нарушены самымъ безцеремоннымъ образомъ. Хорошій урокъ для составителей фабричныхъ законовъ: они не должны ограничиться только выработкою фабричнаго кодекса, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны создать такую систему надзора за исполненіемъ его постановленій, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не оставались только на бумагѣ.

[1] Ш, 1-я ч., 110.

страшно! кричитъ бѣдняга: — да тутъ еще одинъ, прибавляетъ онъ:—только совсѣмъ безъ чувствъ». — «Вали его сюда, кричитъ толпа». И вотъ валятся сначала полу-трупъ, а за нимъ другой рабочій. Оба расшиблись, хотя, впрочемъ, не на смерть [1].

Разсказанный фактъ, однако, совершенно блѣднѣетъ предъ ужасами, имѣвшими мѣсто во время пожаровъ на фабрикѣ Гивартовскаго въ Москвѣ и на табачной фабрикѣ братьевъ Шапшалъ въ Петербургѣ. Мы остановимся только на первомъ. Пожаръ этотъ былъ предметомъ судебнаго разбирательства, и потому обстоятельства, при которыхъ онъ произошелъ, были болѣе или менѣе выяснены. Сущность дѣла состояла въ слѣдующемъ: Въ ночь на 25-е февраля 1880 г. произошелъ пожаръ на фабрикѣ почетнаго гражданина Гивартовскаго, въ Лефортовской части Москвы. «Пожаръ начался въ 4 часа утра, въ каменномъ четырехъ-этажномъ ткацко-набивномъ корпусѣ фабрики, въ нижнемъ этажѣ, и огонь почти немедленно охватилъ все зданіе. Изъ числа рабочихъ, помѣщавшихся въ этомъ корпусѣ, *болѣе 40 человѣкъ погибло въ огнѣ, 6 человѣкъ умерло скоро въ больницахъ отъ полученныхъ обжоговъ и увѣчій, 26 поступили въ больницы*, для излеченія отъ болѣе или менѣе тяжкихъ обжоговъ и ушибовъ, нѣкоторые же изъ потерпѣвшихъ менѣе сильно отправились для пользованія на родину. Число сгорѣвшихъ людей не могло быть приведено въ точности, такъ какъ... списки рабочихъ сгорѣли въ конторѣ, находившейся въ томъ же зданіи... Въ теченіи цѣлаго мѣсяца откапывались обгорѣлыя кости».

«Причина пожара не обнаружена», гласитъ обвинительный актъ; но причины, вслѣдствіе которыхъ сгорѣло болѣе 40 человѣкъ и столько же осталось на всю жизнь калѣками, обнаруживаются очень легко. Прошу извиненія у читателя за нѣкоторыя сухія подробности, приводимыя ниже, но онѣ необходимы. Подробности эти я заимствую изъ отчета о судебномъ процессѣ Гивартовскаго, имѣвшемъ мѣсто 22-го мая 1881 года въ VII отдѣленіи московскаго окружного суда.

26-го февраля 1865 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ между прочимъ предписывалось: «во всѣхъ каменныхъ заводскихъ и фабричныхъ зданіяхъ лѣстницы должны быть устраиваемы каменныя, чугунныя или желѣзныя и при каждомъ зданіи, имѣющемъ болѣе одного этажа и болѣе 8 саженъ по длинѣ, не менѣе двухъ такихъ лѣстницъ». Для приведенія въ исполненіе этихъ правилъ назначенъ былъ срокъ въ 4 года. 21-го мая 1874 года послѣдовало Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, которымъ статья строительнаго устава, соотвѣтствующая приведенному выше Высочайшему повелѣнію 1865 года, замѣнялась слѣдующимъ правиломъ: «во всѣхъ каменныхъ заводскихъ и фабричныхъ зданіяхъ лѣстницы должны быть изъ несгараемаго матеріала — камня, кирпича, чу-

---

[1] «Заря», 1881, январь.

гуна или желѣза, причемъ въ каждомъ зданіи, имѣющемъ болѣе одного этажа и болѣе 12 саж. длины по фасаду, надлежитъ устраивать не менѣе двухъ такихъ лѣстницъ». Фабрика Гивартовскаго открыта въ силу свидѣтельства, выданнаго московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, на основаніи предложенія московскаго генералъ-губернатора отъ 13-го февраля 1868 года; значитъ на ней должны быть, согласно Высочайшему повелѣнію 26-го февраля 1865 г., 2 каменныхъ, чугунныхъ или желѣзныхъ лѣстницы. Въ Москвѣ, конечно, существуютъ учрежденія, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за исполненіемъ закона; стало быть, на фабрикѣ Гивартовскаго должны быть соблюдены какъ правила мнѣнія государственнаго совѣта отъ 21-го мая 1874 года, такъ и вообще предписываемыя закономъ мѣры предосторожности отъ пожара. Посмотримъ же, что было на самомъ дѣлѣ.

Изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что сгорѣвшій корпусъ имѣлъ 4 этажа и былъ 18-ти саженъ длины. По закону онъ долженъ былъ имѣть 2 лѣстницы изъ несгараемаго матеріала; въ дѣйствительности же, внутри зданія была для всѣхъ четырехъ этажей *одна деревянная* лѣстница и одинъ выходъ изъ всего громаднаго зданія. Снаружи къ крышѣ была приставлена спасательная лѣстница, но она была *ветха* и въ ней *недоставало нѣсколькихъ ступенекъ. Поперечныхъ каменныхъ стѣнъ — брандмауеровъ не было вовсе*, хотя постройка фабрики была разрѣшена только подъ условіемъ, чтобы поперекъ ея былъ каменный брандмауеръ и съ одной стороны была бы каменная четырехъ-этажная пристройка для лѣстницы. Внутри корпуса *этажи раздѣлялись простымъ дощатымъ поломъ* на брускахъ, который въ то же время служилъ потолкомъ для нижняго этажа, *безъ накатовъ и насыпи*. Въ нижнемъ этажѣ были поперечныя *дощатыя перегородки* поперекъ всей фабрики. Къ корпусу была пристроена *деревянная галлерея*; хотя въ разрѣшеніи городской управы на эту постройку она была названа *каменною*. Если къ этому прибавить, что въ каждомъ этажѣ были размѣщены деревянныя стѣны, рамы, столы, что надъ столами были устроены палати, что тутъ же лежалъ шерстяной матеріалъ для работы, что около столовъ стояли ящики съ жидкими лаковыми красками, что въ нижнемъ этажѣ *возлѣ лѣстницы* находилась кладовая, гдѣ хранился матеріалъ (шерсть), и что вода была проведена только въ нижній этажъ, то причины, вслѣдствіе которыхъ изжарились рабочіе, будутъ вполнѣ ясны. Огонь охватилъ единственный выходъ, обложенный со всѣхъ сторонъ горючими матеріалами, и рабочимъ была отрѣзана всякая возможность спасенія, тѣмъ болѣе, что гнилая «спасательная» лѣстница провалилась съ народомъ: рабочимъ пришлось бросаться съ *шестисаженной* вышины...

Въ заключеніе надо сказать, что г. Гивартовскій выдалъ 5,470 рублей, присужденныхъ потерпѣвшимъ. Дешевенько!..

Я. Абрамовъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ О СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЯХЪ.

(Замѣтка по поводу еврейскихъ погромовъ).

Въ то время, когда мы пишемъ эту замѣтку, т. е. въ концѣ января и началѣ февраля, во многихъ городахъ южной, юго-западной и западной Россіи не одна сотня тысячъ еврейскихъ семействъ, въ тревожномъ ожиданіи какихъ-то огромныхъ несчастій, молится въ синагогахъ объ избавленіи ихъ отъ погромовъ. Объ этихъ общественныхъ моленіяхъ извѣщаютъ насъ нѣкоторыя газеты спеціальными телеграммами. И дѣйствительно, есть отъ чего трепетать и содрогаться еврейскому населенію Россіи. Не говоря уже о томъ, что грозная туча ненависти, нависшая надъ евреями, не разъ уже разражалась грозами и бурями, разрушительными и ужасными, туча эта и теперь, сейчасъ, все такъ же черна и грозна, какъ и годъ тому назадъ; какъ и въ прошломъ году, она давитъ испуганный еврейскій народъ своею страшною таинственностью, неизвѣстностью, не дающею ни малѣйшей возможности опредѣлить, предвидѣть тотъ день и часъ, въ который можетъ разразиться гроза. Самыя необыкновенныя, неожиданныя причины, не имѣющія, повидимому, ни малѣйшей связи съ религіозною и экономическою ненавистью христіанъ и евреевъ, вызывали, на нашихъ глазахъ, еврейскіе погромы и избіенія. Въ Одессу пріѣзжаетъ французская артистка Сара Бернаръ, чтобы дать нѣсколько спектаклей, а толпа такъ называемой «черни» начинаетъ, по случаю этого пріѣзда, побоища. Стекла въ каретѣ артистки разбиты камнями при крикахъ «Сурка гевалтъ!» На улицу являются солдаты и несчасную Фру-Фру конвоируетъ казачья сотня. Но какъ все это ни нелѣпо, въ данномъ случаѣ, однако, можно еще найти кой-какую связь между разбиваніемъ еврейскихъ домовъ и лавокъ и пріѣздомъ французской актрисы. Прежде всего она «Сурка», т. е. еврейка. Затѣмъ, газеты протрубили, что она получаетъ ежедневно несметныя суммы денегъ, а толпѣ извѣстно, что кагалъ, имѣющій, разумѣется, и надъ Суркой власть точно такую же, какъ и надъ всякимъ другимъ изъ своихъ членовъ, не преминетъ попользоваться частью этихъ несмѣтныхъ богатствъ для еврейской партіи. При нѣкоторомъ усиліи можно даже объяснить и то, что «Сурка», въ которую,

повидимому, ни съ того, ни съ сего народъ бросалъ камни, благодаря шуму и грому газетныхъ фельетоновъ и овацій, превратилась во мнѣніи волнующихся массъ въ «еврейскую царицу», и въ качествѣ таковой и была избиваемою. Все это хоть и нелѣпо, но, повторяемъ, кое-какъ объяснимо; но что̀ сказать о такомъ погромѣ, который произошелъ въ Варшавѣ, на Рождествѣ? Въ одномъ изъ костеловъ кто-то крикнулъ: «Пожаръ!» Публика, напуганная пожаромъ Рингъ-Театра, бросилась къ дверямъ. Произошла давка, во время которой было раздавлено до двадцати человѣкъ. Едва «чернь» узнала объ этомъ происшествіи, какъ немедленно принялась за евреевъ, причемъ погромъ произошелъ необыкновенный. Насчитываютъ до 2,000 разрушенныхъ жилищъ, а сколько погибло имущества — пока не сосчитано. Въ этомъ происшествіи ужь рѣшительно нѣтъ ни малѣйшей возможности найти какую-нибудь связь между причиной и слѣдствіемъ. Почему двадцать труповъ, которые народъ увидѣлъ на паперти костела, привели его къ мысли о томъ, что «это жиды», что это «жидовское дѣло»? И зачѣмъ евреямъ могли понадобиться эти двадцать труповъ? Какой въ этомъ разсчетъ и какая выгода? Въ этомъ эпизодѣ, повторяемъ, уже нѣтъ ни малѣйшей возможности уловить хотя какую-нибудь черту, уясняющую связь погрома съ происшествіемъ въ костелѣ, а видно только, что нервы волнующихся массъ разстроены до послѣдней степени; что массы охвачены какимъ-то нравственнымъ растройствомъ, источники котораго не изслѣдованы и неизвѣстны намъ. При такомъ настроеніи массъ трудно отдѣлаться отъ мысли, что погромъ можетъ начаться каждую минуту, отъ всякой, самой ничтожной, самой неожиданной причины, т. е. нетолько отъ такихъ болѣе или менѣе понятныхъ фактовъ, какъ пріѣздъ «еврейской царицы» Сурки, нетолько отъ такихъ возбуждающихъ, хоть и непонятныхъ случаевъ, какъ варшавскій переполохъ въ костелѣ, но просто отъ крика какого-нибудь пьянаго (какъ это въ дѣйствительности и бывало), который, выскочивъ изъ кабака на базарную площадь, съ избитымъ лицомъ, гаркнетъ среди народа: «Бей, ребята, жидовъ...»

Вся бѣда въ томъ, что мы не знаемъ народной мысли, руководящей массами въ этихъ погромахъ. Не знаемъ, что̀ думалъ тотъ человѣкъ, который поднялъ съ мостовой камень, чтобъ пустить его въ карету еврейской царицы; не знаемъ, какимъ образомъ, глядя на трупы раздавленныхъ во время паники людей, человѣкъ могъ придти къ убѣжденію, что «за это» надобно раздѣлываться непремѣнно съ евреями, и подалъ знакъ къ началу буйства. Не знаемъ мы, какія мысли волнуютъ массу, чѣмъ она обезпокоена и чего хочетъ добиться, а въ этомъ-то все дѣло. Все же то, что̀ было дано намъ, до сихъ поръ, въ объясненіе этихъ безпорядковъ—не отъ лица народа, т. е. той массы, которая почему-то считаетъ необходимымъ бить камнями французскую артистку—все это, говоря откровенно, рѣшительно не разъ-

ясняетъ дѣла. Какъ на образчикъ объясненій, дававшихся прискорбному явленію людьми, не старавшимися или не имѣвшими возможности вникнуть въ это дѣло безпристрастно и обстоятельно, укажемъ на проповѣдь о. Полисадова, произнесенную имъ 24-го мая прошлаго года («Голосъ», 1881 г., № 144) въ Исаакіевскомъ соборѣ. Какъ на главный источникъ безпорядковъ, о. Полисадовъ указывалъ слушателямъ «на оскудѣніе въ народѣ вѣры», доказывая, что оскудѣніе есть причина того, что народныя массы стали воспріимчивы къ лжеученіямъ. «Только при *упадкѣ вѣры* въ народѣ, говорилъ о. Полисадовъ:—могло имѣть мѣсто такое *грустное явленіе*, какъ разграбленіе евреевъ на югѣ Россіи». Останавливаясь затѣмъ на этомъ печальномъ явленіи, «поразившемъ всѣхъ *своимъ звѣрствомъ*», о. Полисадовъ обращается къ его *виновникамъ* и говоритъ: «Зачѣмъ вы (нигилисты) тамъ, на югѣ, *научили* русскихъ, православныхъ грабить, бить и истреблять народъ еврейскій? Гдѣ гуманность и равенство правъ, о которомъ сами вы хлопочете? Это ли коммуна, не говоримъ христіанская, но даже общечеловѣческая?» Проповѣдь эта, какъ сказано въ цитируемой нами замѣткѣ, произвела сильное впечатлѣніе.

Мы привели мнѣніе о. Полисадова, произведшее на слушателей, т. е. «на публику» сильное впечатлѣніе, именно потому, что мнѣніе это одно изъ самыхъ ходячихъ и наиболѣе всего распространенныхъ. «Народъ глупъ, ему назудятъ въ уши какіе-нибудь злоумышленники: «бей» — онъ и вообразитъ...» Но въ томъ же номерѣ «Голоса» (№ 144), изъ котораго мы цитировали вышеприведенное мнѣніе, напечатана рѣчь г. прокурора военно-окружного суда по дѣлу о еврейскихъ безпорядкахъ въ Кіевѣ, въ которой, между прочимъ, сказано: «Что касается соціально-революціоннаго броженія, то оно играло лишь второстепенную роль. Безъ сомнѣнія, рядъ политическихъ убійствъ и горестное событіе 1-го марта вліяло на народъ самымъ *деморализующимъ* образомъ, *убивало въ немъ чувство законности и дѣлало его слишкомъ чуткимъ къ разнаго рода насиліямъ*, но соціалисты *не могли* ни создать, ни организовать анти-еврейскаго движенія». Цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній подтверждаетъ мнѣніе прокурора о томъ, что *науки* въ этихъ безпорядкахъ никакой не было. Одинъ изъ такихъ свидѣтелей, нѣкто г. Розенбаумъ, утверждавшій, что анти-еврейское движеніе имѣетъ *тѣсную* связь съ соціалистическимъ движеніемъ, на просьбу прокурора доказать это мнѣніе, могъ отвѣтить слѣдующее: «*Во-первыхъ*, при разрушеніи магазина Фихтенгольца, во время самаго разгара грабежа, въ лавку вошелъ молодой человѣкъ *въ синихъ очкахъ* и, указывая толпѣ на хозяина лавки, сказалъ: «а вотъ и самъ г. Фихтенгольцъ!» *Во-вторыхъ*, продолжалъ свидѣтель:—при разрушеніи квартиры Бродскаго, какой-то молодой человѣкъ игралъ на фортепьяно, и, въ-третьихъ, одновременность безпорядковъ въ разныхъ мѣстахъ доказываетъ предварительную организацію».

Какъ видите, всѣ эти мнѣнія, объясненія и показанія весьма недостаточны для объясненія той невидимой силы, которая, повторяемъ, сразу, отъ самой ничтожной причины поднимаетъ на ноги тысячныя массы, и поднимаетъ, какъ видно, не на добро. Предположимъ, что мнѣніе о существованіи какихъ-то прокламацій, разсчитанныхъ на народное невѣжество, имѣетъ долю правды, такъ какъ дѣйствительно мѣстами развѣшивались и расклеивались прокламаціи или воззванія. Еслибы это было и справедливо, то спрашивается, почему такая прокламація (!), какъ та, которая была расклеена въ Елисаветградѣ и заключавшая въ себѣ всего нѣсколько безсмысленныхъ словъ, именно: *«Земля и Воля. Бить жидовъ третьяго числа»*, почему *эта* прокламація принята была буянами за непреложное повелѣніе и была немедленно выполнена, тогда какъ никакія пространныя воззванія, никакія золотыя граматы никогда не дѣйствовали на народъ въ такой мѣрѣ? Наконецъ, откуда взялась въ буйныхъ массахъ вѣра въ какой-то фантастическій «приказъ», въ разрѣшеніе и даже приказаніе начальства? А между тѣмъ, вѣра въ существованіе этого приказа и объясняетъ то *веселое*, безпечное расположеніе духа буяновъ, о которомъ свидѣтельствуютъ множество корреспонденцій. Дрались, такъ сказать, *играючи*.

Вообще же, соединяя въ одно всѣ до сихъ поръ обнардованные факты, касающіеся еврейскихъ безпорядковъ, мы сталкиваемся съ массою противорѣчій: тутъ и явное звѣрство, и явная увѣренность въ безнаказанности и правотѣ, даже въ томъ, что звѣрство это дѣлается по приказанію и, вслѣдствіе этого, рядомъ съ буйствомъ веселое расположеніе духа, «играючи»; тутъ явный бунтъ и отсутствіе настоящихъ бунтовщиковъ. Вышеприведенный отрывокъ изъ рѣчи г. кіевскаго военнаго прокурора какъ нельзя лучше характеризуетъ путаницу въ сужденіяхъ объ этомъ неожиданномъ явленіи даже такихъ лицъ (какъ г. прокуроръ), въ рукахъ которыхъ находилась масса самыхъ достовѣрныхъ матеріаловъ въ видѣ показаній самихъ дѣйствующихъ лицъ. «Рядъ политическихъ убійствъ и горестное событіе 1-го марта вліяло на народъ *деморализующимъ* образомъ, *убивало* въ немъ *чувство законности* и *дѣлало слишкомъ чуткимъ къ разнаго рода насиліямъ*» (№ 144 «Гол.». Отд. суд. хрон.). Спрашиваетс: какимъ образомъ *чуткость* къ насиліямъ, т. е. къ неправдѣ, можетъ быть результатомъ деморализаціи, а главное результатомъ утраты *чувства законности?* Неужели же, чтобы не утратить чувства законности и не быть деморализованнымъ, надо быть нечувствительныхъ къ насиліямъ, да еще разнаго рода? Очевидно, что объясненіе движенія сдѣлано неудовлетворительно, но также очевидно и то, что если была деморализація, если была утрата чувства законности, то вмѣстѣ съ этимъ, между ними, или сбоку, или съ краю втерлась какъ-то и откуда-то и «чуткость къ неправдѣ, къ насилію». Но какъ все это кристализовалось въ драку, какъ изъ представленія о приказѣ, о томъ,

что велѣно, какъ изъ деморализаціи, изъ чуткости къ неправдѣ и насилію, изъ потери чувства законности вытекла необходимость моментально выполнить елизавтградскую прокламацію: «Земля и Воля. *Бей жидовъ третьяго числа*», какъ изъ тѣхъ же элементовъ выродился ударъ камнемъ, расколовшій стекла въ каретѣ Сары Бернаръ—все это, къ несчастію, неизвѣстно до настоящаго времени. Неизвѣстно, какимъ образомъ человѣкъ въ *синихъ очкахъ,* сказавшій: «а вотъ и самъ г. Фихтенгольцъ!», можетъ значить въ безпорядкахъ тоже, что и «упадокъ вѣры», какъ говоритъ о. Полисадовъ, и какимъ образомъ «упадокъ вѣры», въ соединеніи съ тѣмъ другимъ господиномъ, который умѣетъ играть на фортепьяно, производитъ грабежъ дома Бродскаго «играючи», въ *веселомъ* расположеніи духа... Сложимъ все: упадокъ вѣры, господинъ въ синихъ очкахъ, говорящій: «а вотъ и самъ г. Фихтенгольцъ!» «*Бей жидовъ третьяго числа, земля и воля*», «упадокъ чувства законнонности», «другой господинъ, который играетъ на фортепьяно», «чуткость къ насилію», «деморализація», «Сурка гевалтъ!» приказъ, веселое расположеніе духа и, въ концѣ-концовъ, изъ всего этого—драка, при одномъ крикѣ «пожаръ» и т. д. Все это вполнѣ непонятно, и тѣмъ менѣе понятно, почему выходомъ изъ этого положенія признано сѣченіе розгами по талонамъ. Когда въ Лондонѣ начались митинги, симпатизирующіе евреямъ и протестующіе противъ бездѣйствія властей, россіянамъ пришлось доказывать свою «гуманность» по отношенію къ несчастному племени тѣмъ, что двѣ тысячи негуманныхъ людей высѣчено розгами и что, слѣдовательно, мы отлично понимаемъ, что̀ такое насиліе, не бездѣйствуемъ, а стоимъ на стражѣ. Неужели же, если его преподобіе архіепископъ кентерберійскій не удвольствуется такимъ доказательствомъ нашей гуманности и будетъ продолжать агитацію въ англійскомъ обществѣ, мы для его успокоенія не будемъ въ состояніи сказать что-нибудь другого, кромѣ увѣдомленія о томъ, что число высѣченныхъ при полиціи съ 2,000 возросло до 3,000. Что же это за успокоительныя телеграммы: «Деремъ, ваше преподобіе!» И, наконецъ, вѣдь его преосвященство можетъ поднять новый гвалтъ по поводу русскихъ жестокостей? А между тѣмъ, несмотря на эти «успокоительныя» вѣсти, евреи не чувствуютъ себя спокойными. Теперь, т. е. въ ту минуту, когда мы пишемъ эту замѣтку, кажется, все спокойно, а между тѣмъ, повторяемъ, 1-го февраля въ Кіевѣ, а 5-го февраля въ Ковно массы евреевъ наложили на себя постъ и цѣлыя дни молятся въ синагогахъ объ избавленіи ихъ отъ погромовъ. Стало-быть есть во всемъ этомъ дѣлѣ что-то такое, что̀ не вполнѣ разъяснено судами и не исцѣлено розгами.

Не лучше ли, чтобы подлинно узнать, въ чемъ тутъ дѣло, обратиться непосредственно къ любому изъ этой волнующейся массы и спросить его:

— Ты зачѣмъ грабишь, дерешься и безобразничаешь? Чего ты хочешь? Чего добиваешься?

Какой бы ни былъ отвѣтъ такого человѣка, онъ во всякомъ случаѣ документъ и документъ подлинный, неоспоримый, а въ такихъ серьёзныхъ дѣлахъ, какъ анти-еврейское движеніе, необходимы именно подлинные документы, необходимы просто во имя самосохраненія...

Вотъ съ однимъ изъ такихъ *подлинныхъ* документовъ, уясняющихъ, нетолько направленіе мысли волнующихся массъ, но опредѣляющихъ, довольно точно, количество и качество современныхъ народныхъ мыслей вообще, мы и хотимъ познакомить читателей въ настоящей замѣткѣ. Годъ тому назадъ, въ одной изъ редакцій не существующей нынѣ газеты было получено письмо крестьянина, касавшееся трагическаго событія перваго марта и *предсказывавшее* еврейскіе безпорядки по крайней мѣрѣ за полтора мѣсяца до елисаветградскихъ волненій. По несчастію, несмотря на глубокую искренность, глубокой патріотизмъ и пламенную любовь къ почившему монарху, письму этому ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, куда мы посылали его, не посчастливилось увидѣть свѣтъ. Отъ имени народа и за народъ писалось и говорилось несмѣтное множество всевозможныхъ мнѣній, толкованій и т. д., но подлинное мнѣніе человѣка толпы, неподходившее къ какому нибудь одному направленію, а спутывавшее всѣ ихъ въ какую-то своеобразную массу, не понравилось ни одному изъ установившихся газетныхъ направленій и было оставлено втунѣ. Что въ мысляхъ человѣка, полагающаго необходимымъ хватить камнемъ въ карету Сары Бернаръ. должна быть путаница, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе, но не можетъ быть сомнѣній также и въ томъ, что разъ путаница эта приводитъ къ потребности взяться за камень, приняться за разрушеніе и разграбленіе, она достойна полнаго нашего вниманія. Таже самая путаница мыслей заключается и въ письмѣ крестьянина, съ которымъ мы хотимъ познакомить читателей; но такъ какъ слово «путаница» означаетъ не тоже, что «безсмыслица» или «дурь», которую можно выколотить палкой, то, вглядѣвшись въ нее внимательно, мы увѣрены, что запутанная мысль эта работаетъ вполнѣ опредѣленно, предъявляетъ опредѣленныя требованія и освѣщаетъ всѣ современныя событія вполнѣ самостоятельно и своеобразно. Какъ увидитъ читатель ниже, въ письмѣ этомъ есть и объ упадкѣ вѣры, и о трагическомъ событіи 1-го марта, и о народѣ, и о пьянствѣ, и о еврейской эксплуатаціи, и о революціонерахъ, и о крамолѣ, словомъ, есть все то, чего почти ежедневно и ежеминутно касается современная печать всевозможныхъ направленій, но все это расположено совершенно не такъ гладко, какъ располагается на столбцахъ печатныхъ передовицъ, долгимъ опытомъ пріученныхъ «не касаться» самаго главнаго въ трактуемомъ вопросѣ; и что особенно важно, все это освѣщено *въ самомъ дѣлѣ* народнымъ, и именно великороссійско-народнымъ міросозерцаніемъ, причемъ и міросозерцаніе это выступаетъ предъ читателемъ почти въ полной ясности.

Путаница изложенія, заключающаяся, во-первыхъ, въ недостаткахъ ореографіи («Стремъ-Главъ», «музувѣръ» вмѣсто изувѣръ и т. д.), а во-вторыхъ, въ безпрестанныхъ повтореніяхъ одного и того же, совершенно безплодно удлиняющихъ рѣчь, все это заставляетъ насъ передать письмо въ отрывкахъ, касающихся самыхъ существенныхъ вопросовъ, волнующихъ автора, причемъ въ отрывкахъ этихъ нами не измѣняется ни единаго слова, за исключеніемъ ореографическихъ ошибокъ.

Вотъ эти отрывки:

«1881 года (слѣдуетъ названіе города и губерніи въ южной Россіи). Имѣю честь рекомендоваться вамъ: я житель Владимірской губерніи и уѣзда, казенный крестьянинъ, проживаю П—ской губерніи съ 1840 года, по занятію кровельными и малярными дѣлами. Для меня извѣстны здѣшнія мѣстности и города, въ которыхъ я имѣю занятіе: Переяславль, Золотоноша, Лубны, Пирятинъ, Прилуки...

Для меня хорошо извѣстны во всѣхъ уѣздахъ сёла и деревни и живущіе въ нихъ. Колись были паны, и когда было крѣпостное право, то они нанимали управляющихъ, которые драли кожу съ мужика: эта была такая плата за труды его и они считали мужика глупѣе всякаго скота. А что-жь теперь? Мужикъ имъ говоритъ: «А что каже, безъ мужика дурака, гдѣ ваша земля, луга и лѣса и гарные хоромы, гдѣ вы роскошно жили и каждый день бали задавали? Въ домахъ вашихъ музыка играла, а теперь тамъ жидовскій гамъ!» Вотъ такъ мужикъ пана своего укоряетъ и на работу къ нему нейдетъ. Крайность заставляетъ пана свое имѣніе жиду въ аренду отдать или вовсе продать. Панъ мужику за обиду мститъ, а жидъ случаю радъ, на каждомъ шагу грабитъ мужика. Жиды богатѣютъ неправымъ путемъ. *Весь судъ жиду защитой; жидъ вездѣ правъ.* Они православныхъ праздниковъ не чтутъ. На рождествѣ и святой лавки отпираютъ, и работы производятъ, а въ воскресные дни базары сдѣланы для нихъ же. Мужикъ Бога забылъ, оставилъ храмъ Божій, ѣдетъ на базаръ вмѣсто молитвы за Освободителя своего, онъ съ жидомъ празднословитъ Вмѣсто поклоновъ земныхъ онъ валяется пьяный на землѣ; вмѣсто (того, чтобы) слёзъ пролить предъ Богомъ, ему рожу разобьютъ жиды и кровію облитъ. За шумомъ жидовъ и мужиковъ не слышно звона колоколовъ. *Никто не обратитъ вниманія на православную религію, власти предали ее на поруганіе жидамъ*; въ жидовскій шабашъ не будутъ жида и судить, а въ воскресенье и праздничные дни—все разрѣшено. И мнѣ случилось испытать здѣшняго суда съ жидами—мъ, —мъ и паршивымъ —мъ, о чемъ я постараюсь вамъ описать, а теперь *я долженъ помолчать покуда я здѣсь*».

«Во время крѣпостного права народъ былъ удаленъ отъ храма Божія, не зная ни праздничныхъ, ни воскресныхъ дней. Ему не было время, онъ не успѣвалъ отработывать панской работы, которая была ему накинута по урокамъ. А оставить (работу) въ воскресный день, то нужно получить палокъ и нагаекъ. По этому случаю народъ только считался православнымъ. Такъ и теперь: рѣдко кто обратился на путь истинный; *онъ отъ попа освободился, такъ къ жиду прилѣпился*, и тоже некогда въ церковь пойдти! Праздниками жиды нарочно заставляютъ работать и платятъ рубли, смѣясь надъ православной религіей и укоряя мужика: — «Что ваша религія! Все можно дѣлать, а постомъ пойди до попа, гривенникъ отдай ему и попъ всѣ грѣхи твои возьметъ... вотъ какъ жидъ внушаетъ, мужикъ такъ и дѣлаетъ: постомъ безъ всякаго (надъ собой) наблюденія идетъ въ храмъ, принимаетъ святыя тайны, платитъ гривенникъ попу, а попъ *такъ* и дѣлаетъ, *какъ жидъ* мужику сказалъ: онъ ихъ какъ барановъ поставитъ въ кругъ налою нѣсколько душъ и скажетъ:

«прощаю и разрѣшаю!» И мужикъ вполнѣ увѣренъ, что онъ правъ, грѣхи отдалъ, и летитъ прямо изъ церкви стремглавъ къ жиду причастіе запить, а жидъ, какъ противникъ Богу и православному народу, нарочно въ поруганіе святыни поздравляетъ мужика и первымъ долгомъ свою осьмушку наливаетъ. Починъ легокъ, мужикъ начинаетъ кутить до того, что у него потечетъ и изъ носу, и изо рту. На другой день мужикъ идетъ поправляться, а жидъ съ поруганіемъ святыни одобряетъ его. *И никто на это не обратитъ вниманія...* Въ праздникъ св. Троицы не приказываютъ рубить деревъ; указываютъ, что синодъ это призналъ лишнимъ, о чемъ я и спросилъ священника:—«Въ чемъ заключается праздникъ и почему (его) исполняли предки наши по заповѣди св. отцевъ». Онъ мнѣ на это отвѣчалъ такъ: — «Прежде было много лѣсу, а теперь мало!» Я спросилъ:—Кто-же всѣмъ этимъ управляетъ? Не можетъ ли Богъ сдѣлать (и теперь) такъ, какъ со смоковницей, неимѣвшей плода? Да и жизнь наша отъ кого зависитъ?» Я спросилъ его:—«Неужели по вашему мнѣнію не нужно вспоминать никакихъ событій, которыя исповѣдуетъ православная религія, какъ напримѣръ, входъ во Іерусалимъ, праздникъ св. Пасхи?» По ихъ убѣжденію это все излишне. Еслибы синодъ опредѣлилъ имъ за каждую вѣтку по нѣскольку копѣекъ, то навѣрно въ церкви весь иконостасъ былъ бы украшенъ вѣтвями. А въ прошломъ году не было ни одной вѣтки предъ иконами Спасителя и Божіей Матери. Я удивляюсь, на что они и траву стелятъ? Это тоже лишній трудъ для нихъ! *Что намъ и удивляться, что въ настоящее время, народъ потерялъ истинный путь и ходитъ во тьмѣ, не встрѣтитъ себѣ показателя, ищетъ своей воли, которая влечетъ его въ неволю! Что же мы въ настоящее время за христіане, если, имѣя православнаго христіанина Государя, боимся правду сказать и укорить безбожно живущихъ?* Въ прежнее время были защитники вѣры и укоряли царей въ невѣріи, и умирали за вѣру, а у насъ царя погубили!.. Если мы будемъ подражать заблудшимъ, то и сами заблудимся и погибнемъ въ безконечные вѣки! Я прошу исправить въ чемъ мое недоразумѣніе, предложить цензурѣ и написать книжки въ познаніе вѣры Христовой, откликнуться заблудшимъ и вывести изъ пропасти, и показать путь истинный? *Неужели у насъ нѣтъ тѣхъ людей, которые знаютъ путь истинный?* Здѣшній народъ не соблюдаетъ постовъ, не говоря о рыбной пищѣ, а ѣдятъ сплошь... Мнѣ случай былъ защищать вѣру и жидъ тутъ былъ. Я спросилъ жида:—«Почему вы во время своей пасхи не имѣете хлѣба въ домѣ, а питаетесь опресноками»? И еще были даны вопросы. Жидъ въ то время склонился на мою сторону и давай укорять священниковъ, что они не защищаютъ своей вѣры...»

Этотъ отрывокъ составляетъ какъ бы предисловіе къ подробному описанію и разъясненію такого грознаго дня, какъ первое марта прошлаго года. Но и изъ этого, такъ сказать, бѣглаго изложенія мыслей, волнующихъ автора, читатель можетъ видѣть, что ненавидимый авторомъ «жидъ», не отдѣленъ имъ отъ общаго направленія жизни общественной, что онъ «не одинъ» волнуетъ его возмущенную душу. Въ дальнѣйшихъ отрывкахъ, читатель увидитъ болѣе подробную разработку этой основной мысли автора.

Въ настоящемъ 1881 г., астрономы, по своимъ календарямъ церковнаго счисленія, предвѣщали намъ, что будетъ въ мартѣ мѣсяцѣ какое-то событіе гнѣва Божія для всего православнаго народа. Каждый православный христіанинъ, чувствуя за собою грѣхи передъ Богомъ и считая себя достойнымъ наказанія Божія, вѣрилъ этому пророчеству и со страхомъ ожидалъ марта мѣсяца первое число. Первое число было въ воскресенье; былъ день тихій и теплый, сол-

нечный, и каждый благодарилъ Бога, радостно встрѣтивъ первый день весны. Но все-таки сердце вѣщало, что сегодня радость, а завтра плачъ! 2-го марта въ три часа ночи получена страшная телеграмма... Эта вѣсть, подобно урагану съ громомъ и молніей, неслась, поражая передъ собою все! Каждый изъ числа вѣрующихъ въ Бога пораженъ былъ въ сердце стрѣлою молніи и убитъ громомъ, падалъ на землю какъ отъ сильнаго вѣтра, проливалъ слезы подобно дождю и вопіялъ рыдающе, какъ дѣти, лишившіяся своего отца, *избавителя отъ безбожно живущихъ и пьющихъ кровь христіанскую*, защитника въ обидахъ, утѣшителя плачущихъ, одного изъ всѣхъ вѣковъ, прешедшихъ Богомъ намъ даннаго на избавленіе всѣхъ народовъ и утѣшеніе плачущихъ. Да кто можетъ быть безъ чувствъ, чтобы не пролить слезъ въ сокрушеніи сердца и забыть великаго избавителя нашего? *Не видно ли намъ всѣмъ, что онъ умеръ за избавленіе насъ? Онъ ни о чемъ больше не имѣлъ попеченія, какъ о благѣ народа, избавилъ отъ кнута и палки, уровнялъ права каждаго простолюдина, открылъ учебныя заведенія для образованія народа До чего же довелъ себя образованный народъ!* Объ этомъ мы скажемъ послѣ...

После этого искреннѣйшаго изліянія скорби, авторъ возвращается къ описанію памятнаго дня и говоритъ:

По распоряженію властей города, приказано было всѣмъ вообще православнымъ и евреямъ оставить дѣла и затворить лавки. Но не всѣ это сдѣлали... Это еврей. Онъ никогда не затворяетъ, ни въ какіе праздники, а только была затворена его лавка, когда его раввинъ померъ, да въ свой шабашъ. Какъ прискорбно было смотрѣть русскому и православному человѣку на несочувствіе этого Каіафы, по всему можно думать, что онъ панскій панъ. *Тутъ только и остается въ такихъ случаяхъ противъ такихъ изувѣровъ, дать права простолюдину поступать съ ними своимъ распоряженіемъ: если будетъ отверена лавка, то забрать товаръ, кто что захочетъ, и этимъ только и можно установить православныя права. А власти города не обращаютъ ни на что вниманія, да и судъ весь у нихъ въ карманѣ;* я постараюсь описать укоризну закона здѣшнихъ судей [1], а теперь опишемъ о скорбномъ событіи...

Слѣдуетъ описаніе панихиды въ соборѣ, на которой собрались «всѣ вѣрующіе въ Бога», «проливая слезы передъ Царемъ царей» и прося его причислить усопшаго государя къ лику мучениковъ,

«которые, не дорожа ни цари царствомъ, ни князи княжествомъ, ни богатые богатствомъ, безъ страха временной смерти проповѣдовали вѣру Христову и укоряли въ заблужденіи безъ сознанія Бога живущихъ. Да кого же они укоряли? Царей, князей и властителей закона. Въ то время цари были идолопоклонники и приказывали властямъ принуждать христіанъ къ идолопоклоненію. Въ то время христіане, боясь казни, скрывались въ горахъ и вертепахъ, терпѣли голодъ и холодъ. А слабый народъ, боясь смерти, повиновался властямъ и отказывался отъ вѣры Христовой. Ревнители же вѣры Христовой, не дорожа своей жизнью, всякаго званія, царскаго, княжескаго, богатые и убогіе охотно шли сами на мученіе, оставляя всю прелесть временной жизни, выходили на торжища и ристалища, безъ страха смертной казни, укоряя въ заблужденіи царей и князей. Да нетолько мужескій полъ, а даже жёны и дѣвицы, и какія же они терпѣли муки! Огнемъ палимы, звѣрямъ бросаеми и въ морскія бездны... Какъ же мы должны сравнить своего милостиваго, благочестиваго христіанина государя, который умеръ мученическою смертью! Да за что? За образованіе народа и избавленіе его отъ кнута и

[1] Кстати, въ іюнѣ мѣсяцѣ появилось въ газетахъ извѣстіе, что мировые судьи того города, откуда писано это письмо, вышли въ отставку.

валки, и данныя простолюду права! Мученики умирали отъ руки воиновъ, по повелѣнію нечестивыхъ царей, а у насъ погубили царя, да какого? Православнаго христіанина, любимаго всѣми державами, *а больше всего простолюдомъ!* Да кто же виновенъ? Его подданный! Какъ прискорбно для русскаго православнаго человѣка и народа! Чѣмъ мы можемъ оправдать себя отъ позорнаго пятна? Мы не въ правѣ сказать, что это не русскій... Да, нужно обратить намъ вниманіе на то, кто же былъ повелителемъ этого безбожнаго народа? Каждый скажетъ, что они сами не въ состояніи такого, да еще не однократнаго покушенія сдѣлать... Обратимъ вниманіе на себя: какъ же мы называемся православными христіанами, что каждый изъ насъ только старается заслужить себѣ почесть, забывая отъ кого даны ему почесть и счастіе? Не долженъ ли каждый чувствовать, что счастіемъ надѣляетъ каждаго человѣка царь небесный, а, по счастію, (человѣкъ) получаетъ всѣ награды отъ царя земного... Не всѣ ли мы должны благодарить царя небеснаго и дорожить жизнью царя земного? Князья и вельможи за данныя имъ почести и награды, а простолюды за избавленіе отъ плача и сѣтованія? *Для чего же намъ бояться кого бы то ни было, зломъ мстящаго?..»* Мы должны думать и сознавать виновными передъ Богомъ себя!.. Плачемъ и кричимъ: увы мнѣ, многомилостивый Господи!.. Да какъ же мы не должны чувствовать себя виновными?.. Не видно ли намъ было день ото дня умноженіе злодѣевъ?.. Теперь изъ насъ каждые схватились, какъ закатилось солнце и Россія во тьмѣ... Каждая держава будетъ смотрѣть на русскаго человѣка, какъ на хищнаго звѣря. Ты, многомилостивый Господи! Вѣси нашу скорбь и *прости намъ согрѣшенія наша!* Побори борющихъ насъ и радующихся нашимъ рыданіямъ. Мы спросимъ другъ друга: «Кто же между нами виновный?» Нѣкоторые изъ насъ скажутъ: «Такіе-то!» (имена и фамиліи). Нѣтъ! Это наймиты, они исполняли свою обязанность какъ работники, по приказанію хозяина. Кто же ихъ хозяева, которые платили имъ жалованье и давали содержаніе? *Это намъ неизвѣстно!* А только мы можемъ имѣть подозрѣніе, подобно тому, какъ подозрѣваемъ недобросовѣстно живущаго между нами человѣка и, въ случаѣ какой-либо кражи, первымъ долгомъ идемъ съ обыскомъ къ нему. Такъ и тутъ. Между нами есть зломъ дышущіе за права и освобожденіе народа отъ мученій... Вотъ они-то и доставляютъ средства для содержанія и бросаютъ отраву между заблудшимъ народомъ... прельщая его интересомъ...» «Вспомнимъ прежнія событія нашего государства прошедшаго времени. Нѣтъ! Не было такого государя милостиваго, чтобы могъ обратить вниманіе на тирановъ простолюда, который несъ иго въ нѣсколько кратъ хуже, чѣмъ въ плѣну мусульманъ. У нѣкоторыхъ безбожно живущихъ, крѣпостной каждый день былъ облитъ кровью за свои труды, да нетолько одинъ мужской полъ, а вмѣстѣ съ нимъ жены и дѣти. Да этотъ безбожный народъ изнущался (издѣвался) надъ невинностью малолѣтнихъ дѣвицъ. Какъ не сказать этой правды? Да можно ли послѣ этого думать, чтобы онъ не былъ мстателемъ за лишеніе? Дѣйствительно, самъ онъ не пойдетъ на злодѣйство, у него есть средство нанять... а чего не хватитъ, то жидъ дастъ помощи... Они (жиды) тоже мстятъ, что съ нихъ дорого берутъ (а берутъ таки!) за то, чтобы не идти въ военную службу: богачи служить нездоровы, а мошенничать—богатыри! Теперь жидовскія права состоятъ въ томъ, чтобы грабить мужика, и я вполнѣ увѣренъ, что и судья скажетъ мужику: «Законъ такъ велитъ!» Я и самъ испыталъ нѣкоторыхъ здѣшнихъ судей. У меня жидъ N порвалъ условіе, сдѣланное съ нимъ за работы синагоги, и пропали 475 рублей...» «Они неправымъ судомъ думаютъ обидѣть мужика и возбудить его противъ правительства. Но мужикъ скажетъ: «Законъ правъ, а у судей нѣтъ убѣжденія и совѣсти судить какъ имъ сказано!» Неправымъ судомъ судья не обидитъ мужика; *мужикъ вполнѣ увѣ-*

рекъ, что за палку и нагайку работать не пойдетъ, а потребуетъ рубля и покойно спитъ: бока и спина у него не болятъ, онъ первымъ долгомъ встаетъ и кладетъ крестное знаменіе за своего избавителя и отца, и вспоминаетъ, какъ онъ прежде все терпѣливо переносилъ, боясь выйти изъ повиновенія своего Государя, повиновался властямъ и не дѣлалъ никакого покушенія нетолько противъ своего пана, но даже (не покушался) на самаго того гицеля или кровопійца какого-либо, наемтаго живодера, драть съ живыхъ кожу. И никто тогда не обратилъ вниманія на плачущихъ и не слушалъ гласа вопіющихъ въ обидахъ, никто не рѣшался избавить отъ кровопійцевъ и утѣшить плачущихъ. Только одинъ изъ прежде бывшихъ царей, царь-избавитель и утѣшитель плачущихъ, какъ православный христіанинъ и ревнитель вѣры Христовой, подобно мученикамъ, укорявшимъ царей, гонителей православной вѣры, видя живущихъ хуже всякихъ идолопоклонниковъ, издѣвающихся надъ подобнымъ себѣ человѣкомъ, хуже какъ надъ животнымъ, и, не боясь ихъ мщенія, *избавилъ человѣка и уровнялъ его права противъ своего мучителя.* Ему была вѣсть, что за избавленіе нѣсколькихъ милліоновъ народа ему нужно умереть мученическою смертью, но Господь хранилъ его какъ возлюбленнаго своего помазанника для большей славы народа и укоризны ищущихъ его жизни... Плачемъ и будемъ плакать и кричать: кто его предалъ? Умремъ всѣ за православную вѣру и православнаго царя! *А если мы будемъ молчать и бояться сотрудниковъ антихриста, то они могутъ и вовсе насъ осиротить, потому что оные крамольники во всѣхъ концахъ Россіи. Мы видимъ злом пишущихъ и нѣкоторыхъ судей, укоряющихъ законъ, не право судящихъ и въ интересахъ жидовскихъ живущихъ, и во всѣхъ неправыхъ дѣлахъ ихъ защищающихъ.* Жиды не пашутъ, не орутъ, не идутъ въ царскую службу, спятъ мягко, себя не безпокоятъ; замка ломать къ амбару жидъ не пойдетъ, а найдутъ такого мужика, который самъ украдетъ да жиду принесетъ и у него же все пропьетъ... Жидовскій трудъ мягкій: обвѣсить и не заплатить. Онъ знаетъ съ кѣмъ подѣлиться и вполнѣ увѣренъ, что онъ во всѣхъ недобросовѣстныхъ дѣлахъ будетъ правъ. *Коварство нѣкоторыхъ лицъ и жидовъ описать трудно... Намъ только видны люди, дѣлающіе преступленія, а подстрекатели во тьмѣ сокрыты исполнителями закона...»*

«Какъ мы теперь должны носить и терпѣть укоризну отъ всѣхъ народовъ, то (спросимъ) кто же этой укоризнѣ причиною? *Архіереи, священники и власти города... Гдѣ тутъ наставники православной вѣры? Нѣтъ ихъ! Остались одни наемники, имъ нужны деньги, а за деньги могутъ причастить животное, нетолько образъ человѣка.* Они не считаютъ за собой въ этомъ никакой отвѣтственности... Почему имъ архіереи не внушаютъ, что сказано Спасителемъ своимъ апостоламъ? Они имѣютъ право сказать: «Ты недостоинъ принять Св. Тайны!» Кто даетъ поводъ крамольникамъ, тотъ самъ крамольникъ, кто допускаетъ безчувственнаго и безрелигіознаго до такой святыни, тотъ самъ безчувственный и безрелигіозный, подобно Іудѣ, который сребролюбіемъ недуговавъ омрачашеся и беззаконнымъ судіямъ Спасителя предаде!» «Я вполнѣ увѣренъ, что каждый простолюдинъ, чтущій Бога, понимаетъ, что Господь, любя насъ, послалъ намъ помазанника, который хранитъ нашу жизнь... Мы теперь освобождены, избавлены, болѣе чѣмъ предки наши были избавлены изъ подъ ига татаръ, отъ нѣкоторыхъ безбожно живущихъ людей... Теперь мы видимъ: гдѣ было свито ихнее гнѣздо, когда мужикъ служилъ за палку и нагайку — тамъ теперь жиды плодятъ дѣтей... Какая жалость! И нѣкоторые изъ мужиковъ забыли, что они вмѣсто палки и нагайки получаютъ теперь рубли. Онъ забылъ какъ прежде за свою работу былъ облитъ кровью своей и въ трудахъ своихъ не зналъ ни праздниковъ, ни воскресныхъ дней... Онъ и теперь не знаетъ. Съ рублемъ его и жидъ за гостя принимаетъ. Мужикъ те-

неръ и ночи мало спитъ, а все въ шинкѣ сидитъ... Жидъ его пьяныхъ поитъ, деньги беретъ да и должникомъ считаетъ и на легкій трудъ посылаетъ чужое взять, да жиду отдать. *Не видно ли намъ, что живущіе при волѣ попадаютъ въ неволю?.. Въ томъ наша бѣда, что мы живемъ безъ пастыря, какъ овцы заблудшія! Намъ некому показать путь! Никто не напомнитъ о прежнемъ и не скажетъ заблудшему народу куда онъ идетъ?..»* «Но ошибаются въ своихъ разсчетахъ тѣ, кто кривымъ и лукавымъ путемъ стараются соблазнить народъ... Намъ видѣнъ ихъ обманъ—они ищутъ вмѣсто воли неволи; это мщеніе за освобожденіе народа!»

Вотъ самые существенные отрывки изъ письма крестьянина о современныхъ событіяхъ. Какъ видите, онъ нетолько огорченъ до глубины души этими событіями, онъ просто измученъ ими, доведенъ до глубокаго душевнаго разстройства, но первое, что должно бросится въ глаза читателю во всѣхъ скорбяхъ и размышленіяхъ этого человѣка — это полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то ни было самомалѣйшихъ крамольническихъ вліяній, а между тѣмъ, именно такой-то религіозный человѣкъ, ненавидящій крамольниковъ и рекомендуетъ «поступать съ евреями своимъ распоряженіемъ», т. е. растаскивать изъ лавокъ товары, «кто что пожелаетъ»—дѣло, неоднократно приписывашееся подстрекательству крамольниковъ... Постараемся же разобраться въ путаницѣ только что приведенныхъ нами разсужденій и приведемъ ихъ въ нѣкоторый порядокъ. Для большей ясности изложимъ наши соображенія по поводу этого письма въ отдѣльныхъ пунктахъ.

1) Съ первой строки до послѣдней все письмо проникнуто самымъ глубокимъ благоговѣніемъ и самой пламенной любовью къ покойному Императору. Любовь эта не слѣпая, не рабская, а вполнѣ сознательная, вполнѣ опредѣленная и непоколебимая, именно вслѣдствіе своей опредѣленности: это царь, который одинъ «изъ всѣхъ прежде бывшихъ царей» «не побоялся» вступиться за простолюдина противъ безбожно живущихъ, который освободилъ народъ отъ кнута и палки, освободилъ отъ труда, въ которомъ народъ былъ «кровію своею облитъ» отъ труда, который былъ хуже «плѣна татарскаго»; царь, который далъ измученному простолюдину «покойно спать», не бояться нагайки, уровнялъ права простолюдина съ мучителемъ. Царь, защитникъ плачущихъ, христіанинъ, болѣе всѣхъ «любимый простолюдомъ», заботился объ «образованіи» народа, царь, подобнаго которому не было никогда во всѣ прошлыя времена народной исторіи.

2) Права, дарованныя народу царемъ, до того важны для него, до того онъ ревниво охраняетъ ихъ, что малѣйшій намекъ на возвращеніе къ старинѣ, къ кабалѣ, даже одно только воспоминаніе объ этой старинѣ волнуетъ автора письма необыкновенно. Старина, крѣпостное право, всегда упоминаются въ его письмѣ рядомъ съ самыми безжалостными издѣвательствами надъ человѣческою личностію. «Изнущеніе изъ народа». «Изнущались надъ женщинами и малолѣтними дѣвицами». «Драли кожу».

«Драли съ живого кожу». «Палки, нагайки, кнутъ». «Облить кровію». Вотъ что рисуется ему въ прошломъ и онъ радостно восклицаетъ: «спина и бока теперь не болятъ... И на работу не идетъ, а требуетъ рубля...»

3) Но, радуясь счастію не быть терзаемымъ кнутомъ и палкой, онъ въ тоже время глубоко скорбитъ о современномъ положеніи народа. Онъ скорбитъ о томъ, что «вмѣсто воли, народъ попалъ въ неволю». «Отъ пана освободился, къ жиду прилепился»: скорбитъ, что «рубль», которымъ его манятъ эксплуататоры, дѣлаетъ его рабомъ всякаго униженія... Его «грабятъ», «опаиваютъ», «онъ съ разбитой рожей валяется», «его посылаютъ воровать и онъ воруетъ». Онъ до того одурѣлъ, что забылъ значеніе того рубля, который ему даютъ теперь за трудъ, тогда какъ прежде «надо было получать только палки и нагайки». Онъ скорбитъ, что этому брошенному на произволъ судьбы народу «некому указать истинный путь». «Неужели у насъ нѣтъ людей, которые знаютъ истинный путь?» съ отчаяніемъ восклицаетъ онъ. Онъ умоляетъ о томъ, чтобы «вывели народъ изъ пропасти...» Народъ, по его представленію, глубоко палъ нравственно; брошенный, безъ указателей истиннаго пути, онъ самъ лѣзетъ въ новое рабство, не цѣнитъ дарованной ему свободы, забылъ о ней, прилепился къ «рублямъ...»

4) Этотъ упадокъ народнаго духа, народной нравственности и духовной силы, словомъ, эту волю, превратившуюся въ неволю, авторъ объясняетъ какъ бы умышленнымъ желаніемъ цѣлой вереницы людей, «зломъ пышущихъ» противъ освобожденнаго народа и мстящихъ ему всѣми возможными способами за освобожденіе отъ палки-нагайки. Вотъ этихъ-то мстителей, этихъ враговъ народныхъ правъ, авторъ-крестьянинъ и считаетъ настоящими крамольниками. Они идутъ прямо противъ воли христіанина и освободителя Государя, добиваясь народнаго униженія, безнравственности и рабства хуже прежняго. Онъ замѣчаетъ и убѣжденъ въ справедливости этого замѣчанія собственнымъ опытомъ, что врагъ народныхъ правъ, народнаго развитія, народнаго благосостоянія и нравственности, всегда найдетъ поддержку въ тѣхъ, кто долженъ бы былъ, исполняя волю Освободителя, охранять эти права, поддерживать это развитіе. Говоря вообще, по мнѣнію автора, *никто* не обращаетъ вниманія на положеніе народа, никто не хочетъ вывести его изъ пропасти, никто не указываетъ истинный путь. Но помимо этого невниманія «вообще», у автора указано множество частныхъ случаевъ возмутительнѣйшаго и умственнаго нераденія о народѣ. *Духовенство* ничего народу не внушаетъ, а только наровитъ получить гривенникъ. Оно поступаетъ такъ, какъ скажетъ жидъ, т. е. прямой врагъ христіанства. *Судьи* всегда рѣшаютъ дѣла во вредъ мужику и въ пользу враговъ мужика, чтобы обезсилить его нравственно и сдѣлать безпомощнымъ въ рукахъ эксплуататоровъ. «Жидъ знаетъ съ кѣмъ подѣлиться». «Онъ всегда будетъ

правъ...» Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ: «крамольники по всѣмъ судебнымъ мѣстамъ...» Мужикъ такимъ образомъ окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами, зломъ дышущими, и доведенъ ими до настоящаго своего нравственнаго паденія. Жиды рублемъ отрываютъ его отъ религіи, влекутъ къ пьянству, къ воровству и т. д. Духовенство небрежетъ о его нравственности, «дѣлаютъ такъ, какъ говоритъ жидъ». Власти предали религію поруганію, архіереи ничего не внушаютъ своимъ подчиненымъ, судьи рѣшаютъ въ пользу неправыхъ, «укоряютъ законъ», панъ—негодуетъ на освобожденіе и мститъ... «Можно ли думать, чтобы они не мстили за освобожденіе?» Въ результатѣ—«пропасть», въ которую народъ ввергнутъ и изъ которой нѣтъ выхода, нѣтъ показателя истиннаго пути...

5) Всѣ эти явные враги народной свободы развитія, благосостоянія, суть въ тоже время, разумѣется, тайные враги въ Бозѣ почившаго государя, который «одинъ изъ всѣхъ царей рѣшился, не боясь мщенія», освободить народъ, разорвать узы крѣпостного права, избавить отъ кнута и палки. Очевидно, что, если у освобожденнаго народа и у государя освободителя нѣтъ никакой поддержки, если и народъ и государь окружены «зломъ пышущими» людьми, если у нихъ такое множество враговъ, «тайно строящихъ козни...»; если всѣ эти враги только и стремятся къ тому, чтобы закабалить народъ и погубить государя, то разумѣется, что защитникомъ, какъ освобожденнаго народа, такъ и освободителя царя, долженъ стать самъ православный народъ... «Что же мы за православные христіане, если боимся сказать правду, имѣя христіанина-государя». «Умремъ всѣ за православную вѣру и православнаго царя!» «Прибегнемъ къ нему и будемъ просить, чтобы онъ окружилъ себя не льстецами или лицемѣрами, а православнымъ русскимъ народомъ».

6) Тутъ же, въ этой плотной цѣпи враговъ, сомкнувшейся вокругъ народа, видна фигура и еврея или «жида», какъ безпрестанно называетъ его авторъ письма. Не трудно видѣть, что жидъ ненавистенъ ему не потому, что онъ иноплеменникъ, а именно потому, что онъ толчется тутъ, въ этой неразрывной цѣпи ненавистниковъ и зломъ пышущихъ на освобожденный народъ. Авторъ, какъ видѣлъ читатель, не задумался сослаться на авторитетъ еврея и подкрѣпить его согласіемъ свои мнѣнія о современныхъ порядкахъ, когда еврей, съ которымъ онъ о нихъ разговаривалъ, «склонился на его сторону и осудилъ духовенство, не защищающее своей религіи...» Выраженіе «даже жидъ склонился на мою сторону»—употреблено авторомъ какъ усиленное доказательство справедливости того, что онъ доказывалъ. Но какъ участникъ въ сонмищѣ «зломъ пышущихъ», еврей ему ненавистенъ. Онъ замѣстилъ собою въ настоящее время тѣхъ, кто дралъ кожу съ мужика, и плодитъ ребятъ въ тѣхъ самыхъ крѣпостническихъ гнѣздахъ, которыя ненавистны автору. Панъ, поддерживая жида противъ мужика,

мстить этому мужику за новыя крестьянскія права. Въ судѣ жидъ всегда правъ; онъ самъ не украдетъ, а пошлетъ мужика; онъ сманиваетъ мужика рублемъ на работу, отучаетъ отъ церкви, увлекаетъ изъ церкви въ кабакъ, издѣвается надъ пьянымъ, бьетъ его въ рожу и вообще не уважаетъ никакихъ «православныхъ правъ». И въ тоже время *всѣ за него*: и судьи, и духовенство торопится исповѣдывать цѣлыми стадами, чтобы народъ успѣлъ поспѣть на рублевую приманку или въ кабакъ... Присматриваясь внимательнѣе къ ненависти автора относительно евреевъ, мы ничѣмъ не можемъ отличить этой ненависти по существу отъ такой же ненависти по отношенію и къ другимъ врагамъ народа. Всѣ они, а вмѣстѣ съ ними и евреи дѣлаютъ одно и тоже гибельное для народа дѣло: вредятъ его свободѣ, развитію, нравственности... Еврей тѣмъ только и отличается отъ остальныхъ враговъ народа, что онъ еврей, то есть принципіальный врагъ христіанъ; это отличіе развязываетъ руки, даетъ право поступать смѣлѣе съ евреями, какъ съ врагами Христа, христіанскаго народа, но сущность негодованія, во имя котораго развязываются руки, остается неизмѣнною, совершенно тождественною съ тою, которою проникается авторъ письма, говоря и о православныхъ и о христіанахъ, разъ только они зачислены имъ въ разрядъ «зломъ пышущихъ». Разсматривать ненависть къ евреямъ отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ подробностей нарисованной авторомъ картины, мы не находимъ возможнымъ.

И такъ, что же выходитъ въ концѣ-концовъ? Намъ кажется, что, припоминая все приведенное выше, мы не ошибемся, если скажемъ, что евреи побиты не по наущенію крамолы, а напротивъ, именно, какъ участники въ самой крамолѣ, какъ пособники враговъ освободителя-царя, какъ сотоварищи враговъ народа, стремящихся повергнуть народъ изъ воли въ неволю, какъ соучастники вмѣстѣ съ врагами народа въ развращеніи его нравственности: они *помогаютъ* врагамъ народа, а враги народа *помогаютъ* имъ. За нихъ можно взяться потому уже, что они враги Христа, враги православія.

О. Полисадовъ, въ своей проповѣди сказалъ: «только *при упадкѣ* вѣры могло произойти избіеніе евреевъ». На основаніи же крестьянскаго письма оказывается, что избіеніе есть *конецъ упадка вѣры* и нравственности и пробужденіе ихъ, а не упадокъ. *Упадокъ* привелъ къ забвенію храма божія, къ забвенію своихъ правъ во имя рубля, къ пьянству, воровству и той позорной апатіи къ царюющему злу, которая давала полную возможность «зломъ пышущимъ» всячески мстить за освобожденіе народа, строить козни противъ Освободителя, и которая, въ концѣ-концовъ, допустила совершиться на глазахъ освобожденнаго, облегченнаго отъ крѣпостного ига, кнута и палки, христіанскаго народа — такому событію, какъ первое марта. Вотъ, гдѣ предѣлъ паденія народной нравственности. «Прежде язычники убивали христіанъ, а теперь христіане допустили, гоняясь

за жидовскимъ рублемъ и кабакомъ, погибнуть Государю-христіанину, освободителю отъ кнута и палки, утѣшителю плачущихъ»... «Гдѣ же гуманность?» вопрошалъ въ своей проповѣди о. Полисадовъ. Оказывается, что побоище происходило во имя гуманныхъ и благородныхъ побужденій—постоять за правду, но прямо во имя самой высшей правды... «Что же мы за христіане, если будемъ молчать и бояться?» Все это, какъ хотите, скорѣе похоже на пробужденіе, а не на упадокъ совѣсти. Фраза г. прокурора кіевскаго военнаго суда о томъ, что первое марта имѣло *деморализующее вліяніе, развивъ въ народѣ чуткость ко всякому насилію*, оказывается, такимъ образомъ, справедливою по отношенію ко второй своей половинѣ, т. е., что горестное событіе пробудило народъ, погрязавшій въ глубокой и пьяной апатіи къ неправдѣ. Что же касается сопоставленія «чуткости» съ «деморализаціей», то намъ кажется, что и здѣсь слова и факты расположены не такъ, какъ слѣдовало бы ихъ расположить и понимать согласно народному міросозерцанію. *Деморализація* была, дѣйствительно, но она привела не къ «чуткости къ неправдѣ», а къ трагическому событію перваго марта. Огромная утрата, понесенная въ этотъ день народомъ, привела его не къ деморализаціи, а вывела изъ нее, вывела изъ пропасти, заставила сознать эту деморализацію, паденіе, безнравственность, безсовѣстность и безсердечность, безсердечность къ Освободителю, котораго онъ былъ обязанъ хранить какъ избавителя, и котораго не уберегъ отъ враговъ, благодаря своей распущенности и деморализаціи. Очень, конечно, жаль, что были драки и буйства; но, все-таки, начало движенія—не деморализація, а ея рѣшительный конецъ.

Въ этой замѣткѣ, мы старались только *понять*, что думаетъ авторъ о современныхъ событіяхъ. Правильно онъ думаетъ или нѣтъ—это не составляетъ задачи настоящей замѣтки, иначе намъ пришлось бы говорить о многомъ не такъ, какъ говоритъ авторъ этого письма, хотя бы, напримѣръ, о вѣковой исключительности положенія евреевъ рѣшительно на всемъ бѣломъ свѣтѣ, о силѣ фанатизма, какъ еврейскаго, такъ и христіанскаго. Слѣдовало бы говорить и о томъ, что болѣе всего отъ погромовъ терпитъ еврейская бѣдность и голь. Такъ, напримѣръ, въ Варшавѣ «разграбленію не подверглись ни одинъ богатый домъ, ни одна торговая контора; разбиты только 3, молитвенные дома, причемъ убытку понесено 600 р. и пострадали 103 еврея-домовладѣльца на 91,861 р. Остальныя потери пришлись на долю совсѣмъ не обезпеченныхъ бѣдняковъ», причемъ изъ 2,011 пострадавшихъ семействъ, на долю бѣдняковъ приходится 948, то есть 47%. Необходимо было бы сказать и о томъ, что въ такой несправедливой враждѣ бѣдняковъ противъ бѣдняковъ, виноваты не евреи, а мы, христіане. Еврейскій ремесленникъ, положимъ, портной, всегда имѣетъ кредитъ у своего единоплеменника, т. е., можетъ взяться сшить сюртукъ, зная, что ему повѣрятъ сукно

въ долгъ; нашъ портной только «случаемъ» можетъ добиться такого кредита. Словомъ, у евреевъ организованъ кредитъ для мелкой промышленности, а у христіанъ и помину еще нѣтъ о немъ. Кромѣ того, не вполнѣ мы согласны съ авторомъ и относительно нѣкоторыхъ упорно-кацапскихъ взглядовъ, весьма напоминающихъ современное литературное московское кацапство, которое, провозглашая себя славянофильствомъ, есть въ сущности приблудное дѣтище лавочной ласковости и кулачества, прикрытаго какъ бы юродивымъ бормотаньемъ насчетъ «престолъ-атечиства», но въ сущности, ничего не желающаго для народа, кромѣ хорошаго бурмистра, который бы съумѣлъ приструнить народъ «побожьи», но «приструнить», а не устроить. При всемъ томъ, авторъ, котораго мы цитировали—много искреннѣе московскихъ кацаповъ, вродѣ Ивана Аксакова, который, чуть не въ пятьдесятъ лѣтъ своего бормотанья, хотя и громкаго (какъ въ пустую бочку), однако, не сказалъ ни единаго *простою* слова, которое бы обязывало къ какому-нибудь *простому* и понятному дѣлу — тогда какъ авторъ цитируемаго письма говоритъ много такихъ простыхъ, понятныхъ словъ и высказываетъ много простыхъ реальныхъ желаній, на основаніи которыхъ можно догадываться на счетъ того, что надо дѣлать, чтобы народъ вышелъ «изъ пропасти», сталъ народомъ и человѣкомъ. Какія же это желанія? Чего хочетъ авторъ письма? Онъ хочетъ, чтобы освобожденный народъ не попалъ въ новую неволю, которую онъ не можетъ вспомнить безъ ожесточенія... Онъ хочетъ этому народу образованія (ни одной азбуки для народа не издали эти разные Аксаковы и другіе охотнорядскіе кацапы, хоть 50 лѣтъ языкъ ихъ краснымъ звономъ разливался о народѣ!), познанія истиннаго пути, правды въ судахъ, нравственности въ церкви, благосостоянія и обезпеченности въ трудѣ... Того же всегда желало и все, что есть въ обществѣ совѣстливаго и искренняго. Разными путями, какъ народъ, такъ и мы, не народъ, пришли къ однимъ и тѣмъ же желаніямъ, и встрѣтились съ однѣми и тѣми же преградами: «никто не обращаетъ вниманія», «никто не заботится»... «нѣтъ показателя истиннаго пути» и т. д. И что же? неужели же такое сложное нравственное состояніе духа, овладѣвающее и народными массами, должно такъ же, какъ и встарь, получить разрѣшеніе и удовлетвореніе только... при полиціи? Право же, это не дальновидно—и право же, наконецъ, ужасно!

—въ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Внутренняя политика.—Новые министры въ кабинетѣ Фрейсинэ: Гоблэ, генералъ Билльо, де Маги, Гюмберъ. — Правительственное заявленіе 31-го января.—Отсрочка пересмотра конституціи. — Отсутствіе устойчиваго большинства. — Преобразованіе группъ: демократическаго союза и республиканскаго союза, примкнувшихъ къ крайней лѣвой и къ радикальной лѣвой.—Воскрешеніе предложенія Бародэ, относительно «cahiers» 1881.—Предложеніе Лабордера и республиканскія группы сената.

Въ «новомъ» министерствѣ только четыре новые министра, изъ которыхъ къ тому же одинъ, Гоблэ, получившій портфѣль внутреннихъ дѣлъ, былъ уже ранѣе товарищемъ министра юстиціи, при Ле-Ройе. Гоблэ — амьенскій адвокатъ, извѣстный своими республиканскими убѣжденіями, дѣятельно заявлявшимися имъ во времена имперіи. 4-го сентября 1870 года, онъ былъ назначенъ генеральнымъ прокуроромъ и выбранъ депутатомъ въ національное собраніе 2-го іюня 1871 года, Принадлежа къ фракціи республиканскаго союза, онъ оказалъ горячій протестъ противъ 24 мая, не былъ избранъ вновь въ 1876 г. сдѣлался мэромъ въ Амьенѣ и былъ отставленъ отъ должности; 14 октября 1877 г., онъ снова занялъ свое прежнее мѣсто въ палатѣ депутатовъ. Это маленькій, нервный человѣчекъ, лѣтъ 53-хъ, очень дѣятельный и либеральный. Генералъ Билльо, замѣнившій генерала Кампенона, послѣ упорнаго отказа этого послѣдняго оставить за собою портфѣль военнаго министра, человѣкъ такого же возраста и темперамента, какъ Гоблэ. Окончивъ свое образованіе въ политехнической школѣ, онъ служилъ въ генеральномъ штабѣ и принималъ участіе въ мексиканской экспедиціи. Въ 1870 г. онъ былъ еще только подполковникомъ, а при правительствѣ національной защиты сдѣлался дивизіоннымъ генераломъ. Комиссія національнаго собранія низвела его на степень бригаднаго. Выбранный депутатомъ отъ коррезскаго департамента, онъ занялся изученіемъ законопроэктовъ, клонившихся къ переустройству арміи и, во время избранія первыхъ 75 несмѣняемыхъ, былъ выбранъ въ сенатъ лѣвыми. Назначенный дивизіоннымъ командиромъ послѣ паденія реакціонныхъ ка-

бинетовъ, онъ командовалъ за послѣдніе два года 15 корпусомъ, въ Марселѣ. Здѣсь Билльо возбудилъ противъ себя вражду клерикаловъ, вслѣдствіе участія своего въ изгнаніи конгреганистовъ, а именно премонстранцевъ. Министромъ земледѣлія сдѣланъ колоніальный депутатъ де-Маги. Онъ родился въ 1830 г. въ Сенъ-Пьерѣ (на остр. Соединенія) и былъ представителемъ родного острова, начиная съ 1871 г. Де-Маги пользуется большимъ расположеніемъ лѣвыхъ, благодаря которымъ онъ сдѣлался квесторомъ палаты въ 1877 г. и продолжалъ имъ быть до послѣдняго времени, сверхъ того, онъ врачъ по профессіи и извѣстенъ своимъ сочувствіемъ къ интересамъ французской деревни. Наконецъ, постъ хранителя государственной печати ввѣренъ Гюмберу. Этотъ новый министръ родомъ изъ Меца, ему уже 60 лѣтъ. Онъ началъ свою политическую карьеру въ 1848 г., когда былъ подпрефектомъ въ Тіонвиллѣ и былъ отставленъ отъ должности послѣ того, какъ Луи Бонапартъ сдѣлался президентомъ республики. 1871 г. засталъ Гюмбера профессоромъ юридическихъ наукъ въ тулузскомъ университетѣ. Онъ оставилъ каѳедру для депутатства, будучи выбранъ отъ департамента Верхней Гаронны. Въ 1875 г. сдѣлался однимъ изъ несмѣняемыхъ сенаторовъ, а въ 1878 генеральнымъ прокуроромъ контрольной палаты. Въ качествѣ предсѣдателя республиканской лѣвой въ сенатѣ, онъ пріобрѣлъ репутацію одного изъ лучшихъ юрисконсультовъ. Относительно клерикальнаго вопроса, онъ также какъ и Фрейсинэ, стоитъ за сохраненіе существующаго порядка вещей и поспѣшилъ предложить департаментъ духовныхъ дѣлъ Флурансу, управлявшему уже имъ въ минуту вступленія въ министерство Поля Бера.

Въ нынѣшнемъ кабинетѣ единственными сторонниками продолженія строгостей противъ конгрегацій, являются Жюль Ферри и Тираръ.

Неизмѣнный Кошери будетъ продолжать попрежнему царить надъ почтой и телеграфами. Въ министерствѣ общественныхъ работъ снова появился Варруà, alter ego Фрейсинэ, по приведенію въ исполненіе плановъ нынѣшняго президента совѣта министровъ. Впрочемъ, этимъ планамъ приходится плохо отъ присутствія Леона Сэ, сторонника крупныхъ желѣзнодорожныхъ компаній и Ротшильда и К°. 31-го января, глава новаго кабинета прочиталъ въ обѣихъ палатахъ «правительственное заявленіе». Оно было какъ нельзя лучше принято въ сенатѣ и весьма холодно въ палатѣ депутатовъ.

Если вѣрить словамъ, заявленіе обѣщаетъ, вмѣсто авторитетныхъ, или, какъ принято говорить во Франціи, якобинскихъ реформъ, постоянное развитіе децентрализаціи и либерализма и предоставленіе правительству лишь чисто матеріальной охраны порядка внутри страны и мира извнѣ. Но въ сущности произошла не замѣна одного принципа другимъ, а лишь простое измѣненіе, такъ сказать, правительственнаго темперамента. Гамбеттовская кипучесть смѣнилась гревистскимъ квіэтизмомъ.

Само «заявленіе» составлено весьма ловко. Прежде всего, въ немъ заявляется глубокое уваженіе къ парламентской власти. Затѣмъ говорится о «свободѣ и прогрессѣ». Если обѣщзютъ «устроить свободу ассоціаціи», сохраняя неприкосновенность основныхъ преимуществъ государства (улыбки на правой), то въ то же время не забываютъ указать на справедливое усиленіе общинныхъ и департаментскихъ вольностей (улыбки на сторонѣ автономистовъ и на крайней лѣвой). Далѣе, въ видахъ успокоенія умѣренныхъ центра, прибавлялось, что «если всякаго рода реформы признаются возможными», благодаря умственному развитію и благоразумію населенія», то, съ другой стороны, «не находятъ возможнымъ заранѣе опредѣлять сроки непрерывному стремленію къ идеалу и свободѣ». Изъ этого слѣдуетъ, что пересмотръ конституціи откладывается въ долгій ящикъ, что оказывается тѣмъ болѣе удобнымъ, что важнѣйшія изъ измѣненій въ способѣ избранія сенаторовъ и даже законодательныя измѣненія, сюда относящіеся, не придется примѣнять ранѣе нѣсколькихъ лѣтъ. Сверхъ того, прибавлялось, что если страна требовала пересмотра, то она не выражала желанія, чтобы этотъ пересмотръ произведенъ былъ ранѣе прочихъ желаемыхъ ею преобразованій, а потому и можно начать съ реформы, послѣдствія которой должны проявиться немедленно, а именно реформы судебной, въ смыслѣ усиленія власти мировыхъ судей и измѣненія состава судебнаго вѣдомства; далѣе можно будетъ заняться окончаніемъ реорганизаціи арміи, ограничивъ срокъ обязательной для всѣхъ военной повинности тремя годами. Наконецъ, довершеніемъ будетъ приведеніе въ исполненіе плана реформы народнаго образованія.

Въ заключеніе прибавлялось, что націи живутъ не одной политикой, но и «дѣлами» и матеріальными интересами. Фрейсинэ включилъ также программу, внушенную Леономъ Сэ, то есть обѣщаніе, что не будетъ, «ни обращенія ренты, ни выкупа желѣзныхъ дорогъ, ни выпуска новыхъ государственныхъ бумагъ», продолжая, однако же, утверждать, что великія общественныя сооруженія могутъ продолжать идти своимъ чередомъ, при расширенномъ содѣйствіи частной предпріимчивости, иначе говоря: поменьше государственныхъ дорогъ и побольше вѣтвей, предоставленныхъ большимъ компаніямъ. Заявленіе не забыло упомянуть и о недавнемъ биржевомъ «крахѣ», причемъ обѣщало пересмотръ закона 1867 г. о торговыхъ и финансовыхъ обществахъ. Обѣщалось также скорое возобновленіе торговыхъ договоровъ, до сихъ поръ еще не заключенныхъ. Заявлялось даже (въ видахъ удержанія крайней лѣвой въ средѣ антигамбеттистскаго большинства), что «великой демократіи должно принадлежать первое мѣсто среди забогъ законодателей, почему правительство и посвятитъ себя непрерывному улучшенію условій трудящихся классовъ, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ».

Во время чтенія «заявленія» въ палатѣ депутатовъ, въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ говорилось объ отсрочкѣ пересмотра конституціи на неопредѣленное время, Локруа замѣтилъ: «А голосованіе палаты?» Съ своей стороны Клемансо прервалъ министра-президента словами:—«А наша власть, о которой вы сейчасъ только говорили сами?»—Уже 1-го февраля, Гранэ предложилъ вмѣстѣ съ Локруа сдѣлать запросъ правительству по поводу неприведенія въ исполненіе рѣшенія 26-го января. Гранэ, бывшій главный секретарь въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ при Констанѣ, выступавшій кандидатомъ въ Арлѣ, гдѣ надъ нимъ одержалъ верхъ Клемансо, а затѣмъ выбранный депутатомъ отъ департамента Устьевъ Роны.—Противъ запроса высказались: радикальная лѣвая 39-ю голосами противъ 17-ти и крайняя лѣвая 17-ю противъ 12. Тѣмъ не менѣе, запрощики настаивали и 6-го числа начались публичныя пренія. Гранэ заключилъ свою довольно хорошо составленную, но плохо выслушанную рѣчь, слѣдующей логической постановкой вопроса: «Палата низложила предшествовавшій кабинетъ, по поводу вопроса о пересмотрѣ. Какимъ же образомъ, вопреки принципамъ и обычаямъ парламентскаго режима, новое министерство не признаетъ голосованнаго рѣшенія и не передастъ его сенату? Въ этомъ случаѣ дѣло идетъ о самомъ достоинствѣ палаты, если рѣшенія ея могутъ считаться ничего незначущими и какъ бы не существующими».

Министръ-президентъ замѣтилъ на это, что рѣшеніе еще не есть проэктъ закона и что ничто не побуждаетъ правительство подвергать палату отказу въ дѣлѣ общаго пересмотра конституціи, что̀ можетъ быть предвидѣно заранѣе. Министерство, сказалъ онъ далѣе, откладываетъ на неопредѣленный срокъ вопросъ о пересмотрѣ, но ему слѣдуетъ предоставить выборъ часа, который найденъ имъ будетъ наиболѣе удобнымъ для его успѣшнаго рѣшенія, а потому онъ проситъ депутатовъ оказать ему необходимое содѣйствіе, дабы возможно было ускорить наступленіе этого часа съ увѣренностью въ успѣхѣ. Локруа довольно ловко указалъ палатѣ, что она утратитъ всякій престижъ въ глазахъ страны, если, отказавъ кабинету Гамбетти въ частномъ и немедленномъ пересмотрѣ, согласится на ограниченный и отложенный на неопредѣленный срокъ пересмотръ, предлагаемый кабинетомъ Фрейсинэ.

Одинъ изъ анти-гамбеттистскихъ ораторовъ 26-го января, Жюлльенъ, замѣтилъ, что положеніе вещей измѣнилось теперь вполнѣ: дѣло шло о предотвращеніи диктаторской попытки, что̀ и удалось. Но не слѣдуетъ дѣлать правительство невозможнымъ, ставя надъ нимъ диктатуру парламента. Къ тому же, страна не выражала желанія относительно пересмотра конституціи ранѣе остальныхъ реформъ; вотъ за эти-то остальныя реформы и слѣдуетъ приняться прежде всего.

«Берегитесь! пытался доказать радикалъ Баллю, среди ропота депутатовъ, который довольно скоро заставилъ его прекратить

рѣчь.—Вы дадите оружіе тѣмъ, которые полагаютъ, что палата низложила кабинетъ 14-го ноября только по той причинѣ, что не хотѣла присоединяться къ слишкомъ смѣлымъ преобразованіямъ».

Было затѣмъ представлено три мотивированныхъ очередныхъ порядка. Правительство присоединилось къ тому, который былъ предложенъ депутатомъ Эры-и-Луары, Гатино, ранѣе высказавшимся противъ списочнаго избирательства, вслѣдствіе чего получилъ ироническое прозвище гамбеттистскаго конкуррента. Теперь онъ нашелъ случай отомстить. Очередной порядокъ его выражаетъ, что «палата довѣряетъ заявленіямъ правительства и искреннему намѣренію его осуществить ожидаемыя реформы, въ составъ которыхъ долженъ войти и пересмотръ конституціонныхъ законовъ».

Это предложеніе вотировано 271 депутатами (изъ 337), все республиканцами. Изъ нихъ 7 принадлежатъ къ крайней лѣвой, 60 къ радикальной лѣвой, 202 къ прежней умѣренной лѣвой и лѣвому центру, и только 2 къ правой. Только 61 депутатъ высказался противъ: 15 крайней лѣвой, 23 радикальной лѣвой, 4 республиканца, не принадлежащіе ни къ какой фракціи и 19 представителей правой. 205 депутатовъ воздержалось отъ голосованія, изъ нихъ 125 республиканцевъ, въ томъ числѣ 23 крайней лѣвой, 31 радикальной лѣвой и 73 члена прежняго республиканскаго союза, включая всѣхъ министровъ и ихъ товарищей въ кабинетѣ Гамбетты.

Вглядѣвшись пристальнѣе въ это голосованіе, оказывается, что Фрейсинэ получилъ ровно половину голосовъ палаты, но половину чисто-ариѳметическую, и его оппортунистскіе противники замѣтили, по этому случаю, что при подобныхъ же условіяхъ Тьеръ отказался отъ голосованія въ версальскомъ собраніи.

Отсутствіе прочнаго большинства привело къ сліянію лѣваго центра съ умѣренной лѣвой, образовавшихъ новую группу, подъ именемъ «демократическаго союза» и избравшую предсѣдателемъ депутата Ложеротта. «Немедленно вслѣдъ затѣмъ былъ возстановленъ, подъ предсѣдательствомъ Мангона, «республиканскій союзъ», составленный исключительно изъ сторонниковъ Гамбетты. Онъ насчитываетъ 150 представителей, между тѣмъ, какъ въ другой, только-что указанной группѣ 120 депутатовъ. Радикальная лѣвая имѣетъ 100 депутатовъ; крайняя лѣвая—60. Остается отъ 40 до 50 изолированныхъ республиканцевъ.

Изъ этого видно, что группировка нынѣшней палаты почти не отличается отъ распредѣленія, существовавшаго въ предъидущей, въ которой невозможно было образовать прочнаго большинства и въ которой стоило только анти-республиканскому меньшинству коализироваться съ меньшинствомъ республиканской партіи, чтобы низложить какое угодно министерство.

И такъ, стараніе избѣгнуть поводовъ къ министерскому кризису снова сдѣлалось главною заботой министерства. По устра-

ненія вопроса о пересмотрѣ конституціи, Фрейсинэ и его товарищи остереглись отъ участія въ преніяхъ о принятіи къ свѣдѣнію предложенія练родэ. Это предложеніе относится къ сентябрю прошлаго года; напоминая о знаменитыхъ «cahiers» 1789 г., оно требуетъ назначенія комиссіи для приведенія въ извѣстность программъ и professions de foi 1881 г., на основаніи которыхъ могла бы быть выработана общая программа, выполненіе которой было бы обязательно для депутатовъ. Комиссія, имѣющая обсуждать это предложеніе, назначила докладчикомъ Накэ, возложивъ на него сдѣлать заключеніе противъ принятія къ свѣдѣнію. Но во время засѣданія 7-го числа, Накэ объявилъ, что онъ не въ силахъ говорить противъ предложенія Бародэ, такъ какъ положеніе дѣлъ измѣнилось; палата низложила министерство Гамбетты, одобрила кабинетъ Фрейсинэ и отреклась отъ собственныхъ мнѣній и требованій по главнѣйшему вопросу, поставленному на послѣднихъ выборахъ, т. е. по пересмотру конституціи. Назначили другого докладчика, который и поддерживалъ «превосходную работу своего предшественника» 11-го числа. Но Бародэ продолжалъ отстаивать свою мысль, а Гатино обратился къ депутатамъ съ вопросомъ, боятся они или нѣтъ быть поставленными лицомъ къ лицу съ обязательствами, принятыми во время ихъ избранія. Гамбеттисты, которыхъ Гатино думалъ затруднить, подали свои голоса en masse въ пользу предложенія, которое до 26-го января было бы, по всей вѣроятности, отвергнуто ими, какъ безполезное, а теперь прошло большинствомъ 344 голосовъ противъ 57. Нѣсколько дней спустя, комиссія, которой поручено было заняться практическимъ примѣненіемъ предложенія, образовалась изъ 9 членовъ за и 2 противъ предложенія.

«Группа общинной автономіи» парижскаго муниципальнаго совѣта давала банкетъ новому сенскому сенатору Лабордеру, обязанному своимъ избраніемъ сопротивленію, оказанному имъ замысламъ реакціонеровъ, потерпѣвшихъ пораженіе 14-го октября 1877 г. Президентъ названной группы, Сонжонъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сравнить съ избраніемъ Бародэ, противъ Тьера, назначеніе Лабордера, «этого солдата-патріота», выборы котораго были какъ бы принятіемъ націей вызова, брошеннаго ей Гамбеттой. Лабордеръ отвѣчалъ, что постарается оправдать оказанное ему довѣріе не словами, а дѣлами, и, что онъ готовъ къ выполненію избирательно-сенатской программы, принятой имъ какъ minimum. «Мы имѣемъ республику, которая дѣйствуетъ въ виду достиженія своихъ логическихъ послѣдствій, сказалъ онъ въ заключеніе своей рѣчи. — Я пью за республику и ея послѣдствія».

Тѣмъ не менѣе, Лабордеръ не пожелалъ взять на себя заявленіе съ сенатской трибуны требованія объ общемъ пересмотрѣ конституціи, предложенномъ крайней лѣвой, ни даже подтвердить рѣшеніе 26-го января. Онъ созвалъ на совѣщаніе свою фракцію, т. е. сенатскій республиканскій союзъ, который 14-го числа,

послѣ довольно горячихъ преній, скомбинировалъ два предложенія: одно Эжена Пелльтана, другое Толэна въ слѣдующій очередной порядокъ: «Республиканскій союзъ, продолжая настаивать на рѣшеніи, принятомъ въ іюлѣ истекшаго года, которымъ онъ выразилъ единодушное сочувствіе пересмотру конституціонныхъ законовъ, и принимая съ другой стороны во вниманіе, что этого пересмотра формально и опредѣленно требовало всенародное голосованіе на выборахъ 21-го августа и 4-го сентября и сенаторскіе избиратели 8-го января, поручаетъ своему бюро войти въ соглашеніе съ двумя остальными республиканскими группами сената, чтобы дать этому дѣлу надлежащее теченіе».

Начиная съ 16-го, лѣвый центръ занялся этимъ вопросомъ и, послѣ краткихъ преній, выразилъ мнѣніе, что послѣ «правительственнаго заявленія и голосованія палаты 6-го февраля было бы несвоевременно заниматься вопросомъ о пересмотрѣ конституціи». Что же касается до республиканской лѣвой, то она, не говоря ни слова, дотянула дѣло до масляницы. Эта фракція, безъ сомнѣнія, предоставитъ всю иниціативу министерству, которое, съ своей стороны, вовсе не расположено брать на себя почипъ.

II.

Гамбетта въ Италіи.—Адресы съ выраженіемъ сочувствія павшему министру.—Проэкты, приготовленные его товарищами по кабинету, вносятся въ палату, какъ предложенія, исходящія отъ парламентской иниціативы. — Упраздненіе богословскихъ факультетовъ.—Общая организація первоначальнаго образованія.—Судебная реформа. — Гарантія агентамъ большихъ компаній. — Обезпеченіе противъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими.—Удаленіе изъ Парижа рецидивистовъ.—Свобода ассоціаціи и конгрегаціи.—Проэктъ кабинета Фрейсинэ.—Вопросъ о мэрѣ города Парижа.—Ферри и Беръ.—Столкновеніе между Сэ и Фрейсинэ.—Финансы и общественныя работы.—Еще о крахѣ.—Владычество финансовыхъ феодаловъ.—Неудача съ франко-англійскимъ договоромъ. — Высылка Лаврова.—Тунисскія и египетскія дѣла.—Вопросъ о рабочемъ днѣ въ сенатѣ.—Нескромный вопросъ по поводу конгрегацій.

Переставъ быть президентомъ совѣта министровъ, Гамбетта объявилъ въ «République Française», что снова дѣлается политическимъ редакторомъ этого органа. Затѣмъ, навѣстивъ своихъ родителей въ Ниццѣ, онъ отправился чрезъ Геную въ Италію, что возбудило не мало толковъ. Однако, несмотря на увѣренія нѣкоторыхъ газетъ, онъ не доѣхалъ до Рима, гдѣ, какъ предполагали, онъ будетъ вести переговоры съ папой о примѣненіи конкордата, по соглашенію съ Фрейсинэ, а также войдетъ въ сношенія съ Манчини во Флоренціи, по поводу рѣшенія тунисскаго и египетскаго вопросовъ къ обоюдному удовольствію Франціи и Италіи.

Гамбетта явился въ Парижъ 16-го и не появлялся въ палатѣ для которой, впрочемъ, въ этотъ день наступали вакантные дни.

Во время его отсутствія, «République Française», высказывавшая довольно кислое настроеніе, и по отношенію къ новому кабинету, и по отношенію къ палатѣ, печатала изрядное количество адресовъ, выражавшихъ соболѣзнованіе по случаю низложенія «великаго патріота». Нѣкоторыя изъ этихъ заявленій были даже сдѣланы въ стихотворной формѣ.

Прежніе министры и товарищи (депутаты), одинъ за другимъ вносили въ палату, подъ видомъ предложеній по парламентскому почину, гамбеттовскіе проэкты реформъ, возвѣщенные кабинетомъ 14-го ноября. Началось съ Поля Бера, который выступилъ, напечатавъ, въ видѣ предисловія, письмо къ члену государственнаго совѣта Кастаньяри, бывшему товарищу его по министерству духовныхъ дѣлъ. Проэктъ бывшаго министра касается роли католическаго исповѣданія въ государствѣ, признанной возможною самимъ непогрѣшимою главою его въ 1802, т. е. конкордата, причемъ предлагается строго придерживаться этого наполеоновскаго конкордата, отвергнувъ всѣ послѣдующія уступки, проистекшія «вслѣдствіе слабости правительствъ». Съ другой стороны, проэктъ предлагаетъ установленіе строгихъ и точно-опредѣленныхъ взысканій, денежной пени и тюремнаго заключенія, за нарушеніе конкордата и органическихъ статей, что до сихъ поръ порицалось лишь платоническимъ образомъ. Проэктъ Бера подвергался горячимъ порицаніямъ, какъ со стороны католиковъ, нашедшихъ его невозможнымъ и невыносимымъ, такъ и со стороны свободныхъ мыслителей, полагающихъ, что приведеніе его въ исполненіе было бы сопряжено съ еще бо̀льшими трудностями, чѣмъ отдѣленіе церкви отъ государства, съ примѣненіемъ къ духовенству общихъ мѣръ противъ международныхъ сообществъ и заговоровъ.

Въ такомъ же духѣ составлено и другое предложеніе Бера, относительно упраздненія католическо-богословскихъ факультетовъ въ Эксѣ, Бордо, Ліонѣ, Парижѣ и Руанѣ, что мотивируется очень просто, а именно тѣмъ, что коль скоро государство есть главный завѣдующій народнымъ просвѣщеніемъ, то оно можетъ допускать оффиціальное преподаваніе лишь положительныхъ знаній, оставляя все прочее за предѣлами школьныхъ стѣнъ и на усмотрѣніе семействъ.

Третье предложеніе Поля Бера касается общаго устройства первоначальнаго образованія, начиная отъ заведеній для дѣтей самаго младшаго возраста и кончая такъ называемыми нормальными школами. Въ этомъ послѣднемъ проэктѣ предлагается также вознагражденіе преподавателей и преподавательницъ, безъ различія пола и единственно на основаніи качества ихъ труда и времени, посвящаемаго занятіямъ, такъ какъ преподавательскій персоналъ изъятъ изъ-подъ всякаго, какъ политическаго, такъ и религіознаго давленія и пользуется одинаковыми обез-

печеніями и почетомъ, какъ и прочія гражданскія и военныя должностныя лица.

Такъ какъ Казо — сенаторъ, то вмѣсто него товарищъ его, Мартенъ Фёйлье, взялъ на себя въ палатѣ отвѣтственность за планъ судебныхъ преобразованій, выработанный въ министерствѣ юстиціи. Въ этомъ планѣ предлагается, между прочимъ, расширить компетентность мировыхъ судей и установить судъ присяжныхъ и для дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію исправительной полиціи. Къ сожалѣнію, однакожь, основанія назначенія присяжныхъ остаются тѣ же, а извѣстно каковы эти основанія со временъ Дюфора. Предлагается сократить число судовъ, что принесетъ съ собою и устраненіе значительнаго количества враждебныхъ республикѣ чиновниковъ, но принципъ несмѣняемости судей остается во всей силѣ и проэктъ не дерзаетъ подтверждать демократическаго примѣненія выборнаго начала къ судебному вѣдомству.

Вопросы соціальные затрогиваются въ слѣдующихъ предложеніяхъ: 1) въ проэктахъ Рэйналя и Вальдека-Руссо (бывшихъ министровъ общественныхъ работъ и внутреннихъ дѣлъ), обезпечивающихъ участь служащихъ при желѣзнодорожныхъ компаніяхъ. 2) Въ проэктѣ бывшаго товарища министра торговли, касающемся отвѣтственности хозяевъ за несчастные случаи съ рабочими и учрежденія страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Вальдекъ-Руссо взялъ на себя защиту предложенія, касающагося очищенія Парижа и другихъ большихъ французскихъ центровъ отъ уголовныхъ рецидивистовъ. Но хотя политическій элементъ, повидимому, и устраненъ изъ этого предложенія, тѣмъ не менѣе, «Intransigeant», можетъ быть, и не безъ основанія, напалъ на проэктъ, называя его средствомъ къ преслѣдованію «пьяныхъ белльвильскихъ рабовъ въ ихъ логовищахъ». (Выраженіе Гамбетты, употребленное имъ противъ своихъ противниковъ во время послѣднихъ выборовъ).

Если принять въ соображеніе, что Вальдека-Руссо, до нѣкоторой степени, изобрѣлъ Гамбетта, то замѣчаніе рошфоровскаго органа не лишено смысла.

Другое предложеніе того же юнаго экс-министра касается вопроса объ устраненіи возможности для конгрегацій воспользоваться свободой ассоціаціи во вредъ свободѣ личности вообще, причемъ противозаконнымъ сообществомъ признается такое, въ которомъ, «при помощи обѣтовъ или обязательствъ, члены общества отказываются отъ присвоенныхъ гражданской личности правъ; права же эти даруются закономъ, а потому и могутъ быть отняты только закономъ».

Съ своей стороны и новое министерство поспѣшило внести два проэкта, чрезъ посредство министра внутреннихъ дѣлъ Гоблэ. Одно изъ этихъ предложеній касается способа рѣшенія особенно важныхъ общинныхъ дѣлъ и возстановляетъ полную свободу рѣшеній въ этого рода дѣлахъ для выборныхъ членовъ муниципа-

литетовъ. Въ другомъ проэктѣ предлагается устраненіе преимущества, предоставленнаго правительству выбирать изъ среды членовъ городскихъ совѣтовъ мэровъ для кантональныхъ, окружныхъ и департаментскихъ центровъ.

Исключеніе сдѣлано только для Парижа, и по этому поводу парижскіе депутаты (не гамбеттисты) вошли въ законодательную комиссію, завѣдующую изученіемъ всѣхъ муниципальныхъ плановъ, съ ходатайствомъ въ пользу того, чтобы и столицѣ предоставлено было выбирать своего мэра, подобно прочимъ центрамъ. Комиссія, предсѣдателемъ которой состоитъ Марсеръ, а докладчикомъ Рибо, отказала присоединить къ министерскому проэкту предложеніе парижскихъ депутатовъ, находя, что уравненіе парижской общины съ ея двумя милліонами жителей, съ остальными, населеніе которыхъ часто не превышаетъ 1,000 человѣкъ—требуетъ особаго обсужденія и спеціальнаго закона.

Новый министръ юстиціи, Гюмберъ, внесъ проэктъ преобразованія судебнаго вѣдомства, нѣсколько болѣе радикальный, чѣмъ тотъ, который забраковала палата въ прошедшемъ году, и менѣе радикальный, чѣмъ проэктъ Казо-Фейлье. Въ проэктѣ новаго министра предлагается уменьшить число апелляціонныхъ судовъ съ 26 до 19 и упразднить всѣ тѣ, которые разбираютъ менѣе 150 дѣлъ въ годъ. Но при этомъ дозволяется сохранившимъ должности судьямъ пріѣзжать по временамъ въ упраздненныя судебныя учрежденія и рѣшать дѣла по мѣрѣ ихъ накопленія.

Районъ дѣйствія мировыхъ судей нѣсколько расширенъ, но о присяжныхъ по дѣламъ исправительной полиціи нѣтъ и рѣчи. Что касается несмѣняемости судей, то ей не наносится ни малѣйшаго ущерба, но въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, назначенныхъ для сокращенія и преобразованія персонала, будетъ предоставлена полная свобода хранителю государственной печати; упраздненные судьи получатъ точно-опредѣленное вознагражденіе, пропорціональное получаемымъ окладамъ и сроку службы.

Жюль Ферри не принялъ предложенія Поля Бера, относительно организаціи первоначальнаго образованія и представилъ собственный планъ, менѣе идущій въ разрѣзъ съ существующими порядками. Выборъ между этими двумя проэктами будетъ предоставленъ законодательной комиссіи по народному просвѣщенію, которая вновь выбрала своимъ предсѣдателемъ Поля Бера.

Морской министръ Жорегиберри не представляетъ никакихъ проэктовъ и старается, повидимому, уничтожить все начатое его предшественникомъ, Гужаромъ. Онъ пріостановилъ приведеніе въ исполненіе декретовъ отъ 14-го до 26-го января, по своему вѣдомству, и передалъ въ совѣтъ адмиралтейства всѣ циркуляры и проэкты преобразованій прежняго министра.

Военный министръ поспѣшилъ избавиться отъ непопулярнаго Мирибеля и назначилъ на постъ начальника генеральнаго штаба пѣхотнаго генерала Вюльемо, скромнаго труженика, выдвинув-

шагося впервые въ луарской арміи. Генералъ Билльо назначилъ большую комиссію для пересмотра и приведенія въ порядокъ военныхъ законовъ и проэктовъ. Эта комиссія подраздѣляется на четыре подкомиссіи, которыя, будучи составлены изъ несомнѣнныхъ спеціалистовъ военнаго дѣла, окажутъ свое содѣйствіе какъ по составленію новыхъ проэктовъ, такъ и въ дѣлѣ измѣненія тѣхъ, которые уже находятся въ рукахъ парламентскихъ комиссій. Примѣняя законъ 24-го іюня 1873 г., повелѣвающій смѣщать, перемѣщать или утверждать корпусныхъ командировъ особыми декретами, генералъ Билльо перевелъ генерала Галлифэ изъ Тура въ Лиможъ и поставилъ во главѣ 6-го корпуса бывшаго посла въ Петербургѣ, генерала Шанзи.

Небольшая ссора, оружіемъ въ которой служили замѣтки «Агентства Гавасъ», съ одной стороны, и «Journal des Débats»— съ другой, разыгралась между двумя главными министрами, которыхъ обстоятельства привели въ одинъ и тотъ же кабинетъ. Фрейсинэ и Сэ столкнулись по двойному вопросу: о невыпускѣ бумагъ и о продолженіи большихъ общественныхъ сооруженій. Слѣдствіемъ этого явилось то, что выпуска погашаемой ренты не будетъ ни въ 1882 г., ни въ 1883 г., и что въ теченіи двухъ лѣтъ, не правительство, а большія компаніи будутъ строить новыя желѣзныя дороги, а также завѣдывать другими предпріятіями, какъ, напримѣръ, улучшеніемъ портовъ, канализаціей рѣкъ и т. п., причемъ эти общества должны будутъ уплатить казнѣ авансы, сдѣланные имъ, со времени ихъ основанія.

Этимъ способомъ разрушается планъ Гамбетты о выкупѣ правительствомъ путей сообщенія, которые теперь очутились въ распоряженіи финансовыхъ феодаловъ. Банкъ Ротшильда и К°, учрежденный Тьеромъ, въ видахъ скорѣйшей уплаты Германіи 5 милліардовъ контрибуціи, нетолько продолжаетъ сохранять, но даже расширяетъ свою власть и значеніе. Такъ какъ биржа есть для него главное орудіе, то правительству пришлось содѣйствовать улаженію «краха». Благодаря тому, что законъ не былъ примѣненъ къ маклерамъ, служащимъ посредниками, не имѣющими права производить операціи за свой счетъ, а равно не могущимъ пріостанавливать платежи, безъ объявленія себя банкротами, парижская биржа избѣжала скандальныхъ ликвидацій. Въ видѣ козлищъ отпущенія допустили крушеніе двухъ-трехъ крупныхъ кулиссьеровъ, на которыхъ косятся финансовые тузы, считая ихъ, во всякомъ случаѣ, болѣе вредными, чѣмъ полезными. Нечего и говорить, что ни малѣйшаго вниманія не было обращено на интересы частныхъ лицъ, не имѣющихъ личныхъ связей съ владыками милліоновъ, и на тѣ сотни и тысячи жертвъ спекуляціи, которыя играли, не зная настоящей подкладки дѣла, и которыя если не сами, то имъ подобныя, снова станутъ играть, пока не замѣтятъ, что карты нечисты: вотъ этого послѣдняго обстоятельства во что бы то ни стало не желали доводить до свѣдѣнія мелкой публики,

что и удалось въ значительной степени. Можно бы наполнить не мало страницъ, перечисляя массу мелкихъ и крупныхъ эпизодовъ, порожденныхъ крахомъ, разразившимся въ январѣ 1882 года и только поверхностно ликвидированнымъ между 1 и 28-мъ февраля. Насчитано до двадцати случаевъ самоубійствъ извѣстныхъ лицъ, которыя, ведя жизнь en grand, очутились въ положеніи нищихъ, даже хуже. Особенно коснулся погромъ міра искуствъ, такъ тѣсно связаннаго съ міромъ милліоновъ. Такъ счастливый Ромео знаменитой Нильсонъ, сошелъ съума (и умеръ 22-го), вслѣдствіе того, что разворился. Пѣвица также потеряла все свое состояніе, кромѣ, впрочемъ, голоса. Г. де-ла-Панузъ уѣхалъ за-границу съ намѣреніемъ вернуться къ морской службѣ. между тѣмъ, какъ его жена, знаменитая Гейльброннъ, потерявъ свои милліоны, принуждена снова приняться за пѣніе, чтобы заработать кусокъ хлѣба.

Въ Ліонѣ, какъ я уже писалъ въ послѣднемъ письмѣ, акціонерная горячка охватила и рабочій классъ, такъ что опасались общей пріостановки работъ на шелковыхъ фабрикахъ, что, въ свою очередь, могло привести къ инсуррекціи, на подобіе 1832 и 1848 годовъ. Поэтому, въ засѣданіи палаты 2-го февраля, одинъ изъ депутатовъ втораго, по своему значенію, города Франціи, Андріё, забилъ тревогу и потребовалъ спеціальнаго закона. который помѣшалъ бы примѣненію общаго закона къ ліонскимъ присяжнымъ маклерамъ, которые всѣ были несостоятельны. Палата отказалась исполнить это требованіе. Дѣйствительно, трудно было отвѣчать иначе на предложеніе нарушить законъ, который перестаетъ бы быть закономъ, еслибы не былъ равнымъ для всѣхъ. Тѣмъ не менѣе, ліонское правосудіе было остановлено въ своемъ неумолимомъ теченіи министромъ юстиціи. Министръ финансовъ устроилъ съ Ротшильдомъ и компаніей какую-то сдѣлку, сущность которой остается до сихъ поръ еще не совсѣмъ ясной, и благодаря которой была соблюдена нѣкоторая внѣшняя законность, при помощи устраненія отъ дѣлъ пяти ліонскихъ маклеровъ, которыхъ бросили, такъ сказать, въ пропасть, въ видахъ избавленія десяти остальныхъ коллегъ.

Въ Парижѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ удалившихся, впрочемъ, втихомолку маклеровъ, вся ихъ компанія была спасена при помощи улаженнаго, такъ сказать, en famille займа въ пять милліоновъ, который поправилъ дѣло по отношенію въ ротшильдовскому банку, и предоставилъ оффиціально признанныхъ посредниковъ исключительно въ распоряженіе этого послѣдняго.

Вслѣдствіе запроса радикальнаго депутата Салиса, было отдано два приказа объ арестованіи, а именно противъ предсѣдателя совѣта администраціи Union générale Бонту и противъ управляющаго дѣлами того же общества Федера, такъ какъ починъ краха принадлежалъ именно «Union générale», этому аристократическо-клерикальному учрежденію, которое и должно было служить козлищемъ отпущенія, чтобы отвлечь бушующія волны

демократіи. Легитимистскія газеты не замедлили указать на противорѣчія между этими двумя арестами и пріостановленіемъ дѣйствія закона, которымъ должны были воспользоваться парижскіе и ліонскіе маклера. Эти газеты обвиняли даже правительство въ томъ, что оно своимъ распоряженіемъ объ арестѣ директоровъ помѣшало состояться общему собранію акціонеровъ, которое могло бы предотвратить 3-го февраля банкротство, объявленное судебнымъ порядкомъ 2-го! Одна изъ подобныхъ газетъ «Figaro», объяснила, однако же, что преслѣдованіе директоровъ «Union générale» было мотивировано тѣмъ, что названное общество, въ видахъ поднятія собственныхъ акцій и возможности выдержать совершенно безумное повышеніе, принуждено было *воспользоваться* вкладами, имъ принятыми, что ровняется злоупотребленію довѣріемъ». Какъ бы то ни было, но гг. Бонту и Федеръ были выпущены изъ тюрьмы Консьержери, причемъ первый внесъ 100,000 ф. залогу, а второй 60,000. Скептики полагаютъ, что ранѣе, чѣмъ дѣло дойдетъ до комерческаго суда, Бонту найдетъ средства расплатиться въ нѣкоемъ вѣнскомъ обществѣ («Timbale»), а также и въ другихъ, венгерскихъ и сербскихъ предпріятіяхъ, отрѣшившихся отъ всякихъ сношеній съ парижской «Union générale». Въ особенности же можетъ Бонту разсчитывать на дружбу Ротшильда и К°, вѣрнымъ и ловкимъ слугою которыхъ онъ былъ, напримѣръ, въ дѣлѣ ломбардскихъ дорогъ. И такъ, принесенъ будетъ въ жертву одинъ Федеръ, хотя, конечно, и за нимъ будутъ признаны смягчающія обстоятельства. Но оставимъ скептиковъ болтать, что имъ угодно и станемъ надѣяться, что послѣдствія краха будутъ благодѣтельны въ томъ смыслѣ, что приведутъ къ лучшему обезпеченію противъ биржевой игры, которой положатъ, наконецъ, нѣкоторый предѣлъ.

Отъ финансовъ къ торговлѣ—одинъ шагъ. 23-го февраля министръ торговли Тираръ объявилъ депутатамъ, что послѣдній изъ подлежавшихъ возобновленію торговыхъ договоровъ, а именно съ Швейцаріей, только что подписанъ, но что важнѣйшій изъ всѣхъ трактатъ съ Англіей окончательно не удался. Тѣ изъ депутатовъ, которые понимаютъ въ чемъ дѣло, выказали нѣкоторое волненіе, но большинство имѣетъ весьма смутныя представленія о свободѣ торговли и покровительственной системѣ, и выразило только любопытство, заставивъ Тирара прочитать изложеніе мотивовъ его предложенія, заключающагося въ томъ, чтобы поставить Великобританію въ положеніе «державы, находящейся въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ», т. е. Бельгіи, такимъ образомъ, чтобы въ случаѣ измѣненія въ размѣрахъ англійскаго ввоза, измѣнять сообразно съ тѣмъ и размѣры ввоза французскаго. Послѣ объявленія неотложности, комиссія торговыхъ трактатовъ пригласила къ себѣ Тирара 24-го числа, назначила докладчикомъ Рибо и распорядилась назначеніемъ преній на 25-е. Разсмотрѣніе причинъ неудачи перегово-

ровъ комиссія отложила до обнародованія «Желтой книги», вмѣщающей протоколы совѣщаній и дипломатическія ноты, которыми обмѣнялись правительства по поводу англо-французскаго торговаго вопроса. Бывшій министръ торговли въ министерствѣ Гамбетты, Рувье, выразилъ надежду, что переговоры могутъ быть возобновлены впослѣдствіи и привести къ благопріятному результату, если ознакомленіе съ «Желтой книгой» докажетъ, какъ онъ надѣется, что причина нынѣшней неудачи заключается въ недостаткахъ растяжимости въ системѣ специфическихъ правъ, чему можно пособить лишь соотвѣтствующимъ измѣненіемъ законодательства. Тираръ объявилъ, что правительство не можетъ разсчитывать, чтобы къ 15-му мая (срокъ примѣненія всѣхъ торговыхъ договоровъ) уладилось дѣло съ Англіей, такъ какъ переговоры о договорѣ съ нею велись цѣлыхъ десять мѣсяцевъ и не увѣнчались успѣхомъ, но что онъ горячо желаетъ достиженія соглашенія между двумя дружественными націями, и что именно это соглашеніе имѣется въ виду переходной мѣрой, имъ предложенной. Палата приняла эту мѣру, а сенатъ имѣлъ чрезвычайное засѣданіе 27-го февраля, для утвержденія закона, который и будетъ обнародованъ 1-го марта.

Дѣло о франко-англійскомъ договорѣ было лишь эпизодомъ засѣданія палатъ 23-го февраля. Это засѣданіе изобиловало всякаго рода запросами и вопросами. Марсельскій депутатъ Кловисъ Гюгъ сдѣлалъ запросъ по поводу высылки извѣстнаго русскаго эмигранта Лаврова.

Правительство сослалось на законъ 1849 г., возлагающій на правительство отвѣтственность за пребываніе иностранцевъ во Франціи. Гюгъ съ большею горячностью говорилъ объ обязанностяхъ международнаго гостепріимства. Правительство, устами Фрейсинэ отвѣчало, что указанный законъ ставитъ его въ зависимость отъ дипломатическихъ требованій державъ, но въ то же время выразило желаніе избавить себя отъ этой зависимости, посредствомъ исправленія закона 1849 года.

Въ томъ же засѣданіи 23-го числа, два бонапартиста: Кюнео д'Орнано и Руа де-Лулэ старались поставить въ затруднительное положеніе военное министерство, по поводу войскъ призыва 1876 г., которыхъ держали долѣе положеннаго срока, и именно въ Тунисѣ. Генералъ Билльо положилъ конецъ этимъ жалобамъ, объявивъ, что уже отданъ приказъ для распущенія этихъ выслужившихъ свой срокъ войскъ.

Новый депутатъ Тэно (редакторъ газеты «Gironde») довольно удачно дебютировалъ въ палатѣ запросомъ, въ которомъ спросилъ, какого рода устройство имѣется въ виду для тунисскихъ владѣній и скоро ли будетъ признано возможнымъ уменьшить дѣйствительный составъ экспедиціонныхъ войскъ.

По первому пункту Фрейсинэ отвѣчалъ, что финансовый вопросъ имѣетъ первенствующее значеніе предъ остальными, что онъ занимается этимъ вопросомъ и сообщитъ парламенту о

результатахъ, когда будетъ существовать опредѣленный планъ. Что касается второго вопроса, то президентъ совѣта ничего не отвѣтилъ. На слѣдующее утро, въ «Оффиціальной газетѣ» было напечатано о назначеніи Рустана посланникомъ въ Вашингтонъ, т. е. на болѣе важный постъ, и о замѣщеніи его въ Тунисѣ Камбономъ, бывшимъ префектомъ въ сѣверномъ департаментѣ, извѣстнымъ своими административными дарованіями. Это назначеніе весьма ясно указывало на измѣненіе характера тунисскаго вопроса и на то, что наступательный образъ дѣйствія будетъ замѣненъ организаціей протектората.

Одинъ изъ депутатовъ правой, Делавоссъ, сдѣлалъ запросъ о египетскихъ дѣлахъ и старался доказать въ длинной рѣчи старый тэзисъ полезности союза съ Турціей. На это, бывшій сотрудникъ «Journal des Débats», Францискъ Шармъ, съ успѣхомъ отвѣчалъ, предостерегая министерство противъ европейскаго конгресса, который могъ бы привести къ вмѣшательству въ смыслѣ усмиренія Араби-бея, министровъ-полковниковъ и совѣта египетскихъ нотаблей, а затѣмъ и къ поднятію оттоманскаго престижа, что̀ дозволило бы константинопольскому калифу возбудить мусульманскій фанатизмъ въ Сѣверной Африкѣ и грозить французамъ въ Туниссъ, Алжирѣ, Триполи и Марокко. Президентъ совѣта, говорившій между этими двумя ораторами, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ большой успѣхъ и рѣчь его вызвала громъ рукоплесканій. Онъ заявилъ, что египетскія дѣла не грозятъ обостреніемъ съ тѣхъ поръ, какъ Англія и Франція предоставили европейскому соглашенію огражденіе status quo и что пока онъ у кормила, ни здѣсь, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, не слѣдуетъ опасаться какихъ бы то ни было случайностей.

На слѣдующій день, 24-го, въ то время, какъ въ сенатѣ обсуждался законопроэктъ о рабочихъ часахъ, ядовитый Бюффе выразилъ желаніе узнать мнѣніе правительства по этому предмету. Министръ торговли былъ въ это время въ бурбонскомъ дворцѣ и обсуждалъ вмѣстѣ съ депутатской комиссіей торговыя англо-французскія отношенія. Министръ иностранныхъ дѣлъ также былъ занятъ въ ту минуту: въ качествѣ президента совѣта онъ принималъ бюро парижскаго муниципальнаго совѣта, который препровожденъ былъ къ нему министромъ внутреннихъ дѣлъ для выслушанія мнѣнія правительства, относительно возведенія предсѣдателя этого совѣта въ санъ мэра столицы.

Фрейсинэ отложилъ рѣшеніе этого вопроса, въ свою очередь отославъ петиціонеровъ къ префекту Флокэ, чтобы согласиться по поводу общей муниципальной организаціи Парижа. И такъ вмѣсто того и другого, министръ юстиціи Гюмберъ, долженъ былъ скромно заявить, что кабинетъ не вмѣшивается въ вопросъ о рабочихъ часахъ. Затѣмъ значительнымъ большинствомъ, 157 голосами противъ 98, сенаторы провалили чисто-человѣческій законопроэктъ, принятый въ палатѣ депутатовъ,

не признавая за государствомъ права вмѣшательства въ отношенія между хозяевами и рабочими, капиталомъ и трудомъ. Несмотря на усиленіе республиканизма въ сенатѣ, въ немъ очевидно не ослабѣваетъ буржуазный элементъ, весьма консервативный въ вопросахъ экономическаго порядка.

Въ то же время, въ палатѣ, депутатъ Прадонъ ставилъ нескромный вопросъ о возвращающихся конгрегаціяхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ воздержался отъ принятія правительствомъ какихъ бы то ни было обязательствъ по вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства. Но, по крайней мѣрѣ, онъ положительно объявилъ, что декреты 29-го марта останутся во всей силѣ и, что если распущенныя конгрегаціи будутъ пытаться возстановить свое существованіе, то противъ нихъ будутъ приняты законныя и строгія мѣры.

III.

Музыка, театръ, живопись и разныя извѣстія. — Масляница и упраздненіе «Bal Mabille».—А. Рубинштейнъ въ Парижѣ.—Вагнеровскій «Лоэнгринъ» на концертахъ въ «Château d'Eau».—Опера.—Мелодрама Мельвиля.—«La Marchande des quatre saisons» въ «Ambigu».—«La grande Iza» въ «Nations».—«La Perle» въ «Comédie parisienne». — Выставка русскихъ художниковъ. — Жакэ и Дюма. — Зола и претензіи ему предъявляемыя. — Смерть Барбье. — 81-ая годовщина Виктора Гюго.

Масляница не отличалась весельемъ въ Парижѣ въ нынѣшнемъ году.

На другой день послѣ третьяго обычнаго бала въ залѣ «Большой Оперы», было объявлено о продажѣ мѣста, занимаемаго Bal Mabill'емъ, этой консерваторіей французской clodocherie для провинціаловъ и иностранцевъ.

На этотъ разъ періодъ концертовъ начался еще на масляницѣ, вопреки традиціи, опредѣляющей для серьёзныхъ концертовъ печальные дни великаго поста, и въ ущербъ старинной галльской веселости, такъ какъ исполнялась преимущественно нѣмецкая и даже русская музыка. Вашъ Антонъ Рубинштейнъ привелъ въ восторгъ нашихъ меломановъ, которые вспомнили Шопена, Тальберга и Листа только для того, чтобы провозгласить Рубинштейна живымъ синтезомъ трехъ изумительнѣйшихъ піанистовъ, когда либо слышанныхъ человѣческими ушами. Онъ игралъ для артистовъ, въ залѣ Эрара, для избранной публики, т. е. для знатоковъ, но не спеціалистовъ, въ залѣ консерваторіи, наконецъ, для всѣхъ въ помѣщеніи Паделу, на воскресныхъ концертахъ. И здѣсь, въ какіе-нибудь два часа, онъ далъ краткій обзоръ всей русской музыки. По его желанію была исполнена увертюра изъ «Ромео и Юліи» Чайковскаго, рѣзкіе контрасты которой произвели сильное впечатлѣніе на парижанъ.

Менѣе понравился «Садко» Римскаго-Корсакова. Арія изъ «Жизни за Царя» Глинки была найдена грандіозною. Концертъ для віолончели Давыдова не произвелъ никакого впечатлѣнія, но «Танецъ баядерокъ» и «Нимфа» Рубинштейна вызвали шумный восторгъ.

Антрепренёръ, устроившій новые концерты въ театрѣ «Château d'Eau», съигралъ отличную штуку съ устраненнымъ антрепренёромъ Нейманомъ, который намѣревался знакомить парижскую публику съ операми Вагнера на нѣмецкомъ языкѣ. Эта штука заключалась въ томъ, что онъ далъ одинъ актъ «Лоэнгрина» съ французскимъ текстомъ. Нейманъ обратился къ содѣйствію приставовъ и велѣлъ захватить сборъ, который былъ остроумно пониженъ до 50 франковъ, за вычетомъ расходовъ. Въ ожиданіи судебнаго рѣшенія, вагнеровскія произведенія поются по частямъ и слушаются съ восхищеніемъ парижанами, нетолько въ «Château d'Eau», но и еще въ четырехъ другихъ концертныхъ залахъ. На этотъ разъ французы забываютъ свои политическія неудовольствія и отдаютъ должное нѣмецкому музыкальному генію.

Въ «Большой Оперѣ»—ничего новаго, въ «Комической Оперѣ» также пробавляются возобновленіями, а именно, даютъ «Филемона и Бавкиду» Гуно и одноактную оперетку Инди: «Attendez moi sous l'orme», сюжетъ которой заимствованъ изъ шутки, написанной въ XVIII столѣтіи.

Первое представленіе большой мелодрамы Франсиса Мельвилля: «Capitaine Xaintrailles», прошло бы очень весело, еслибы не произошло скандала, который могъ бы кончиться весьма трагически. Расположившись во всѣхъ четырехъ рядахъ креселъ, въ оркестрѣ и въ балконѣ, литературная «критика», переставшая относиться серьёзно къ среднимъ вѣкамъ, со времени Эрвѐ и Оффенбаха, уже съ первыхъ картинъ принялась зубоскалить и отпускать остроты. Это вызвало негодованіе клакёровъ до такой степени, что они стали бросать въ литераторовъ бумажными стрѣлами, кусками апельсиновъ, огрызками яблокъ, мѣдными деньгами и даже подушками, изъ которыхъ одна оказалась настолько объемистой, что могла покрыть голову самого Сарсэ. Раздались грозныя восклицанія: «Долой печать! Прочь журналистовъ!» Полиція и парижскіе гвардейцы съ невозмутимымъ спокойствіемъ дали улечься бурѣ. Битва стихла сама собою и пьеса окончилась безъ всякихъ несчастныхъ случаевъ, за исключеніемъ многочисленныхъ убитыхъ на сценѣ, погибшихъ волею автора въ рядахъ французовъ и англичанъ временъ столѣтней войны.

Въ «Ambigu» идетъ новая пьеса Бюзнака «La marchande des quatre saisons». Эта «народная» пьеса, казалось, провалилась съ перваго вечера, но затѣмъ удержалась на сценѣ, благодаря реалистическомъ инцидентамъ и комическимъ сценамъ. Честны угольщики сталкиваются съ грязными Альфонсами. Дѣло идет

не о ребенкѣ, а о похищенномъ и найденномъ, благодаря торговкѣ, завѣщаніи, которое даетъ возможность возстановить дворянское достоинство юной кружевницы и выдать ее замужъ за предметъ ея цѣломудренной любви, совершеннѣйшаго изъ прикащиковъ моднаго магазина. Излишне было-бы говорить, что похитители завѣщанія предаются всякаго рода кражамъ и насиліямъ.

Но такъ какъ добродѣтель награждена, то оставимъ этихъ негодяевъ и будемъ восхищаться провидѣніемъ Ambigu Comique. Его, къ тому-же, изображаетъ въ весьма изящномъ видѣ, г-жа Массенъ, блистающая такими туалетами, которые, конечно, никогда не были виданы въ сосѣдствѣ съ рыночными овощами. Г-жа Оноринъ, исполняющая роль тряпичницы въ Нана и Карконты въ Монте-Кристо, великолѣпно играетъ старую гувернантку, ханжу и воровку, и такъ вѣрно воспроизводитъ этотъ типъ, что внушаетъ просто отвращеніе.

Бюзнакъ передѣлалъ кромѣ того изъ романа Бувье «La grande Iza», которую даютъ въ «Nations», но которая держится только превосходнымъ исполненіемъ.

«Comédie Parisienne» даетъ «La Perle», нелѣпую и довольно скабрёзную пьеску, въ которой Селина Шомонъ съ большимъ мастерствомъ изображаетъ до мозга костей безнравственную парижанку, принадлежащую, однакоже, къ такъ называемому порядочному обществу.

Заключая эту хронику, упомяну о маленькомъ «крахѣ», постигшемъ общество драматическихъ писателей. Главный агентъ и кассиръ этого общества былъ найденъ 14-го февраля мертвымъ на порогѣ своего загороднаго дома въ Шеневьерѣ (въ деп. Сены-и-Марны). Насколько было возможно, старались скрыть фактъ самоубійства, послѣдовавшаго именно въ ту минуту, какъ предстояла повѣрка крайне запутанныхъ счетовъ. Бѣдный Перагалло уже въ теченіи многихъ лѣтъ наносилъ ущербъ и чужимъ и собственнымъ фондамъ своею безконечной снисходительностью къ авторамъ «неигранныхъ» пьесъ, нерѣдко такихъ, которыя и не стоило играть. Онъ слишкомъ легко ссужалъ и бывалъ частенько обманутъ по причинѣ добраго сердца и легко эксплуатируемаго тщеславія. *Неизвѣстные* несостоятельные писатели должны въ его кассу до полумилліона франковъ. Этотъ дефицитъ, впрочемъ, можетъ легко быть покрытъ тѣми милліонерами, которые захватили въ свое распоряженіе театры и вѣроятно не пожелаютъ компрометировать честь своей профессіи безполезными процессами.

Ежегодная выставка картинъ русскихъ художниковъ въ Парижѣ открылась 20-го февраля. Особенное вниманіе обращаютъ на себя акварели Прянишникова, рисунки перомъ Харламова и проэктъ памятника Антокольскаго. Нравятся пейзажи Боголюбова, «Итальянка» Харламова, «Молодая женщина въ черномъ» Лемана и портреты Бомона и Лафарта.

Прекрасная и обыкновенно столь мирно протекающая выставка акварелистовъ, открытая съ 14-го февраля, на этотъ разъ подала поводъ къ довольно крупному скандалу. Художникъ Жакэ выставилъ «Еврейскаго купца въ Багдадѣ», голова котораго во всей точности воспроизводила Дюма-сына. Оказалось, что если знаменитый писатель только отчасти принадлежитъ къ племени Израиля, по матери, то зять его г. Липпманъ чистокровный еврей, и такъ трагически отнесся къ сатирическому изображенію, что изорвалъ его палкой, для чего и отправился на выставку. Дюма обратился къ суду съ просьбой удалить картину съ выставки, но было уже поздно, такъ какъ правосудію придется, съ другой стороны заставить вознаградить живописца за увлеченіе зятя писателя. Причина происшествія заключается въ томъ, что Жакэ продалъ въ галлерею Дюма картину, которую тотъ перепродалъ за двойную цѣну. Это раздосадовало живописца и онъ излилъ свое чувство чисто художническимъ способомъ.

Не лучше ли было бы, еслибы Александръ Дюма оставилъ дѣло незамѣченнымъ?.. По этому поводу высказываются самыя разнообразныя мнѣнія и досужія газеты подробно обсуждаютъ вопросъ о томъ, гдѣ начинается и гдѣ кончается для живописца право брать свои типы, а для писателя выбирать имена для своихъ дѣйствующихъ лицъ.

Извѣстно, что Зола̀ также подвергся непріятностямъ по поводу своего «Pot-Bouille» и замѣнилъ тремя звѣздочками имя Дюверди въ этомъ романѣ, печатающемся въ «Gaulois», редакторомъ котораго состоитъ Жюль Симонъ, по прозванію «Набожный». Однако послѣ того, какъ Зола̀ удовлетворилъ желанію адвоката Дюверди, другое лицо, нѣкій кавалеръ почетнаго легіона Вабръ также пожелалъ, чтобы его не смѣшивали съ грязнымъ лицомъ, носящимъ его имя въ «Pot-Bouille». Удовлетворилъ Зола̀ и этого. Но затѣмъ возникли Жоссераны и даже Мурэ, и выведенный изъ терпѣнія романистъ напечаталъ въ «Gaulois» письмо, въ которомъ объявляетъ, что не намѣренъ болѣе подчиняться требованіямъ однофамильцевъ дѣйствующихъ лицъ своихъ романовъ, предоставляя имъ преслѣдовать его судебнымъ порядкомъ и намѣреваясь довести до самаго кассаціоннаго суда вопросъ о томъ, обязанъ ли авторъ романовъ или театральныхъ пьесъ выучивать наизусть «Альманахъ» 25,000 адресовъ и придумывать такія клички, которыхъ въ дѣйствительности никто не носитъ. Этимъ путемъ и «Comédie Française» навлечетъ на себя въ одинъ прекрасный вечеръ искъ со стороны какого-нибудь оскорбленнаго Дюрана, Дюбуа... или Жоржа Дандена.

13-го февраля умеръ въ Ниццѣ, 77 лѣтъ отъ роду, одинъ изъ сорока членовъ французской академіи, Огюстъ Барбье. Его хоронили весьма скромно, въ Парижѣ, 20-го. Онъ завѣщалъ не оказывать ему военныхъ почестей и не произносить рѣчей

на его могилѣ. Газеты посвятили ему нѣсколько статей и уже теперь никто не говоритъ о немъ.

Но до тѣхъ поръ, пока живъ будетъ французскій языкъ, живы будутъ и «Ямбы» Огюста Барбье, это полное выраженіе торжествующей демократіи.

Въ воскресенье 26-го февраля, въ «Comédie Française», по распоряженію правительства, давали «Эрнани», въ честь 81 годовщины Виктора Гюго. Между 4 и 5 дѣйствіемъ поэтъ на минуту показался публикѣ, держа за руки своихъ внуковъ, Жанну и Жоржа. 2300 человѣкъ зрителей сдѣлали ему восторженную овацію, которая возобновилась по окончаніи представленія, когда Мунэ-Сюлли прочиталъ предъ его бюстомъ прекрасные стихи Коппе, а всѣ артисты продефилировали предъ нимъ, какъ то дѣлалось нѣкогда предъ бюстами Корнеля, Расина и Мольера. Вечеромъ того дня, равно какъ и наканунѣ, сотни посѣтителей, представлявшихъ собою весь артистическій Парижъ, направились къ небольшому отелю въ Avenue Eylau. Молодые люди, организовавшіе въ прошломъ году народный праздникъ, поднесли поэту бронзоваго «Моисея» Микель Анджело. Викторъ Гюго произнесъ краткую рѣчь, начинавшуюся словами: «Я принимаю вашъ даръ и ожидаю еще болѣе цѣннаго и великаго, который только можетъ быть доступенъ человѣку: я разумѣю смерть— эту награду за то доброе, что было совершено на землѣ».

Людовикъ.

Парижъ, 28-го февраля 1882 г.

НОВЫЯ КНИГИ.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ VII. 1855—1877. Спб.

Въ этомъ томѣ собраны, по бо̀льшей части, мелкія сочиненія кн. Вяземскаго, имѣющія автобіографическій характеръ. Но есть между ними двѣ-три статьи, выражающія взгляды автора на предметы, которые имѣютъ для насъ и въ настоящую минуту высокій интересъ. Предметы эти касаются, во-первыхъ, отношеній Россіи къ славянскимъ народамъ, населяющимъ Балканскій полуостровъ, и, во-вторыхъ, отношеній русской литературы къ цензурѣ. По обоимъ этимъ поводамъ кн. Вяземскій высказываетъ мысли, которыя было бы очень и очень не безполезно принять къ соображенію въ наше не весьма глубокомысленное время.

Горячка, увлекавшая на нашихъ глазахъ массы русскихъ добровольцевъ въ Сербію, а въ концѣ-концовъ вовлекшая наше правительство въ тяжелую и не особенно богатую результатами войну, серьёзно встревожила кн. Вяземскаго. Человѣкъ, и по природѣ, и по положенію своему въ обществѣ, умѣренный и сдержанный, онъ не находитъ сказать по этому поводу ничего другого, кромѣ словъ горькаго осужденія. Движеніе это онъ называетъ «политической неурядицей, а средства, съ помощью которыхъ производилась въ русскомъ обществѣ агитація въ пользу сербовъ, «белибердою». Главнаго устроителя этой агитаціи онъ приравниваетъ къ «кондотьерамъ», а къ воинскимъ его доблестямъ относится довольно иронически. Всего болѣе его, конечно, смущаетъ то обстоятельство, что со всей этой «неурядицей» и «белибердой» можетъ, противъ собственной воли, оказаться солидарнымъ русское правительство. «Видѣть Россію, говоритъ онъ:— въ рукахъ * и ** страшно и грустно. За ними не видать правительства, qui ne dit mot consent. Слѣдовательно, правительство потакаетъ этой политической неурядицѣ и горько можетъ поплатиться за нее». По мнѣнію кн. Вяземскаго, «правительства не должны увлекаться сентиментальными утопіями»; и далѣе: «восточный вопросъ очень легокъ на подъемъ и мы любимъ поднимать его, но не умѣемъ поставить на ноги». Въ заключеніе

высказывается мысль, что «возстановленіемъ славянскихъ племенъ, мы только обезпечимъ и утвердимъ недоброжелательность и неблагодарность сосѣда, котораго мы воскресили и поставили на ноги». «Когда были намъ въ пользу славяне?» спрашиваетъ кн. Вяземскій, и отвѣчаетъ на вопросъ такъ: «Россія для нихъ дойная корова, и только; а всѣ сочувствія ихъ уклоняются къ западу».

Со всѣмъ этимъ довольно трудно не согласиться, хотя, конечно, не безъ оговорокъ. Дѣйствительно, добровольческое движеніе 1875—1876 годовъ представляетъ столько необдуманнаго, легкомысленнаго и даже безобразнаго, что даже единичные факты несомнѣнной искренности и чистаго подвижничества утопаютъ въ общей массѣ «неурядицы» и «белиберды». Дѣйствительно, газетныя корреспонденціи того времени переполнены разсказами о подвигахъ добровольцевъ несомнѣнно возмутительнаго свойства. Дѣйствительно, въ сознаніи русскаго общества даже создался типъ «добровольца», въ которомъ едва ли найдутся привлекательныя черты. Дѣйствительно, мы черезчуръ легко, и кстати и некстати поднимаемъ восточный вопросъ, и, что всего замѣчательнѣе, въ послѣднее время поднятіе его сдѣлалось какъ бы достояніемъ партикулярныхъ людей. Было бы грѣшно, конечно, думать, что этими людьми руководятъ корыстныя цѣли, но вѣдь и легкомысліе не можетъ считаться добродѣтелью. Особенно, если результатъ этого легкомыслія выражается въ потокахъ крови многихъ тысячъ русскихъ людей, имѣющихъ о восточномъ вопросѣ очень смутное понятіе, и въ обремененіи русскаго бюджета многими милліонами рублей, пополненіе которыхъ ляжетъ на тѣхъ же непричастныхъ восточному вопросу русскихъ людей.

Но самую трудную роль въ восточномъ вопросѣ играетъ самый объектъ этого вопроса, т. е. славянскія народности, населяющія Балканскій полуостровъ. Болѣе полутора столѣтій Россія ведетъ постоянныя войны съ Турціей, и во всякой войнѣ подкладкою всегда подразумѣвалось освобожденіе славянъ отъ турецкаго ига. На дѣлѣ, однакожъ, выступали такія примѣси, которыя сразу лишали освободительно-славянскій вопросъ всякой самостоятельности, и выдвигали на сцену совершенно постороннія политическія осложненія. То проливы, то ключи. Вслѣдствіе этой неясности цѣли, проливы и ключи и доднѣсь остаются въ прежнемъ положеніи, а дѣло освобожденія славянскихъ народностей отъ турецкаго ига оставалось нетронутымъ до послѣдней войны, совершившейся уже на нашихъ глазахъ. Эта война впервые отнеслась къ освободительному вопросу искренно и цѣльно, безъ примѣси «ключей» и развѣ лишь съ легкою примѣсью «проливовъ», и потому въ результатѣ ея получилось дѣйствительное упраздненіе турецкаго владычества. Но тутъ выступило на сцену новое осложненіе. Русскіе добровольцы столько нахвастали, и такъ имъ полюбились сербско-болгарскіе хлѣбы, что, казалось,

они вознамѣрились не полагать оружія, не облагодѣтельствовавъ братушекъ до конца. Было бы, конечно, преувеличенно сказать, что Европа въ серьёзъ встревожилась этимъ намѣреніемъ, но что она воспользовалась перспективою «русскаго вліянія», чтобы, по возможности, сократить практическіе результаты послѣдней войны, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться. И во всемъ этомъ больше всего потеряли балканскіе славяне, которые на долго, повидимому, утверждены въ званіи несовершеннолѣтнихъ, неспособныхъ устроиться самостоятельно. На мѣсто Турціи, на западной окраинѣ явилась Австрія, которая уже давно не знаетъ, чѣмъ ей быть: нѣмецкою ли, мадьярскою ли, или славянскою державой. А съ другой стороны, въ Болгаріи утвердились русскіе добровольцы, которые никакъ не хотятъ согласиться, что безъ нихъ болгарамъ было бы лучше.

Какъ бы то ни было, но нельзя не согласиться съ мнѣніемъ кн. Вяземскаго, что во всякомъ дѣлѣ прежде всего необходима обдуманность и зрѣлое обсужденіе послѣдствій. «Дразнить» же и «раздражать» только ради того, чтобъ дразнить и раздражать, не только не умно, но просто безсовѣстно. Этимъ эпитетомъ «безсовѣстности» кн. Вяземскій и клеймитъ охочихъ руководителей недавняго добровольческаго движенія.

Такимъ же характеромъ человѣчности запечатлѣны и взгляды кн. Вяземскаго на отношенія русской литературы къ цензурѣ. Статью свою «Обозрѣніе нашей современной литературной дѣятельности съ точки зрѣнія цензурной» (писано въ 1857 г.) онъ прямо начинаетъ словами: «Въ нашей литературѣ нѣтъ, въ собственномъ смыслѣ, вреднаго и злонамѣреннаго направленія», и затѣмъ, подчеркивая, черезъ нѣсколько строкъ повторяетъ: «*нѣтъ началъ злонамѣренныхъ и возмутительныхъ*». «Зло не въ томъ, говоритъ авторъ, что разсказывается (въ печати), а въ томъ, что дѣлается». И далѣе: «въ этихъ журнальныхъ обличеніяхъ, можетъ быть, есть даже несомнѣнное добро, а именно: рождающееся отъ нихъ убѣжденіе въ народѣ, что высшее правительство не принимаетъ на себя, такъ сказать, отвѣтственности въ злоупотребленіяхъ, не застраховываетъ ихъ закономъ молчанія, который налагается на общество».

Исходя изъ этихъ общихъ положеній, кн. Вяземскій приходитъ къ заключенію, что цензура обязывается относиться къ писательскому труду съ возможною осмотрительностью, такъ какъ «вопросы, вытѣсненные изъ печатной литературы, свободнымъ разливомъ вторгнутся въ рукописную и въ контрабандную литературу заграничныхъ русскихъ печатныхъ станковъ».

Мы не будемъ, конечно, увѣрять читателей, что идеалы кн. Вяземскаго о свободѣ книгопечатанія суть наши идеалы, но вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не признать, что идеалы эти для *своего* времени представляются въ высокой степени добропорядочными. Да и для *своего* ли только времени? Не слышимъ ли мы и теперь безпрестанные вопли о необходимости обузданія

литературы? не посрамляется ли и теперь нашъ слухъ гнойными кличками, въ родѣ «разбойниковъ пера» и «мошенниковъ печати?»

Ф. Р. Вейссъ. **Нравственныя основы жизни.** Переводъ съ французскаго. Т. I и II. Спб. 1881.

Оцѣнка этого сочиненія значительно облегчается самимъ авторомъ, который, со свойственной ему благородной откровенностью, сознается въ недостаткахъ своего произведенія и указываетъ на вознаграждающія ихъ достоинства его. «Образованный читатель—говоритъ онъ—пойметъ съ перваго взгляда на мою книгу, что я могъ бы написать и гораздо глубже, и основательнѣй; но тогда я не былъ бы такъ искрененъ». Это разъ. Во-вторыхъ, меня, говоритъ онъ дальше, «могутъ справедливо упрекнуть за недостаточность связи въ томъ, что я писалъ, но, надѣюсь, недостатокъ этотъ вознаграждается точностью и ясностью». Въ-третьихъ, «очень развитые люди найдутъ, что я былъ слишкомъ сдержанъ и не договорилъ многихъ мыслей, болѣе глубокихъ и серьёзныхъ; такихъ людей я прошу вспомнить, что слишкомъ большой свѣтъ для иныхъ можетъ показаться черезчуръ ослѣпительнымъ». Наконецъ, «меня упрекнутъ въ слишкомъ легкомъ отношеніи къ инымъ, вполнѣ серьёзнымъ вопросамъ и, напротивъ, въ излишней строгости къ вопросамъ и обязанностямъ второстепеннымъ; на это я отвѣчу, что снисходительность къ мелочамъ побуждаетъ серьёзнѣе отнестись къ важнымъ предметамъ». Остается прибавить къ этому, что, по сознанію самого автора, «принципы, имъ проповѣдуемые, такъ же стары, какъ человѣчество», чтобы стать совершенно втупикъ предъ вопросомъ: что могло побудить къ переводу и изданію подобнаго сочиненія, къ тому же, написаннаго ровно 100 лѣтъ тому назадъ и, слѣдовательно, потерявшаго даже интересъ новизны? Неужели у насъ такой ужь недостатокъ въ произведеніяхъ неглубокихъ, неосновательныхъ и безсвязныхъ, которыя, если чѣмъ и могутъ ослѣпить, такъ «слишкомъ легкимъ отношеніемъ къ вполнѣ серьёзнымъ вопросамъ» и «строгимъ» отношеніемъ къ второстепеннымъ? Неужели подобныхъ произведеній такъ мало и такая въ нихъ нужда, что приходится обращаться за ними къ прошлому столѣтію?

Чтобы разрѣшить наше недоумѣніе, мы обратились въ самой книгѣ, въ надеждѣ найти въ ея содержаніи какое-нибудь объясненіе. На первомъ планѣ, мы наталкиваемся на очень длинное описаніе всевозможныхъ пороковъ и недостатковъ, которымъ подвержены люди. Авторъ совѣтуетъ не подражать тѣмъ людямъ, которые гордятся красивыми эполетами, цвѣтомъ платья, красивой фамиліей и т. п. Самъ онъ, когда еще былъ молодъ и неразуменъ, также увлекался подобными нестоющими предметами, но опытъ и годы научили его уму-разуму. И вотъ онъ теперь (т. е. сто лѣтъ тому назадъ), совѣтуетъ «не зѣвать при первомъ словѣ о добродѣтели», «не хвастать открыто своими

пороками», что, по его словамъ, бываетъ даже съ людьми высшаго общества; слѣдуетъ быть добродѣтельнымъ, честнымъ, умѣреннымъ, твердымъ. Слѣдуетъ умѣрять страсти разсудкомъ и подчинять ихъ ему. Не слѣдуетъ предаваться чувству зависти, безпричинному гнѣву и лѣности. Противъ послѣдняго порока авторъ рекомендуетъ даже такія радикальныя средства, какъ, напримѣръ, выдумать себѣ дѣло, если его нѣтъ, работать нравственно, ну, хоть искоренять въ себѣ какой-нибудь недостатокъ. Не слѣдуетъ играть въ карты, а откладывать деньги на черный день. Слѣдуетъ быть учтивымъ и снисходительнымъ къ низшимъ, а не высокомѣрнымъ и заносчивымъ, и т. д. и т. д. Всему этому посвященъ преимущественно первый томъ. Всѣ эти сокровища мысли и чувства вывалены въ такой же безсвязной, безпорядочной кучѣ, какъ они приведены сейчасъ у насъ. Въ заключенiи этого тома приводится примѣрная супружеская пара, при чемъ вѣнцомъ ея добродѣтельной жизни являются два поученiя дѣтямъ. Отецъ говоритъ сыну: «будь честенъ, старайся учиться, люби отечество и никогда ничего не бойся». А мать обращается къ нему же съ такимъ наставленiемъ: держись прямо, умой руки, говори правду, будь учтивъ и скроменъ (310, I). Нисколько не подвергая сомнѣнiю эти глубокiя истины, мы, однако же, никакъ не можемъ допустить предположенiе, чтобы книга Вейсса была издана съ цѣлью познакомить русское общество именно съ ними. Мы готовы согласиться съ издателемъ, что «мы не можемъ похвастаться распространенiемъ въ нашемъ обществѣ свѣдѣнiй, касающихся нравственнаго существа человѣка». Но ужь во всякомъ случаѣ истины, въ родѣ—«умой руки, будь честенъ» и т. д., проповѣдуются родителями даже нисколько не добродѣтельными и распространяются прописями, нравственными разсказами для дѣтей, баснями, наконецъ, церковными поученiями. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобъ книга Вейсса превосходила всѣ эти способы распространенiя истины своимъ изложенiемъ, такъ какъ изложенiе это скучное-прескучное, страдаетъ совершенно несноснымъ многословiемъ и обнаруживаетъ наивное убѣжденiе, будто стоитъ высказать какую-нибудь истину, чтобъ всѣ въ ней убѣдились.

Второй томъ преимущественно посвященъ обязанностямъ общественнымъ—гражданина, общественнаго дѣятеля и правителя. И здѣсь мы опять-таки встрѣчаемся съ не менѣе избитыми и азбучными истинами о необходимости соблюденiя общественныхъ интересовъ, о «благѣ общественномъ», какъ руководящемъ принципѣ всякой государственной, политической, юридической и экономической дѣятельности. Всѣ у насъ признаютъ этотъ принципъ на словахъ, хотя, по правдѣ сказать, не всегда дѣлаютъ изъ нихъ даже тѣ элементарные выводы, къ которымъ приходитъ нашъ авторъ. Такъ, въ качествѣ сына свободной швейцарской республики, онъ стоитъ за полную свободу слова, вѣротерпимость, широкую свободу совѣсти и болѣе или менѣе дѣятель-

ное участіе общества въ управленіи. Однако, и эти принципы несравненно сильнѣе и убѣдительнѣе представлены хотя бы въ извѣстной книжкѣ Милля «О свободѣ» и во многихъ другихъ, имѣющихся на русскомъ языкѣ. Мысли о свободѣ слова и совѣсти изложены у него совершенно афористично, а его воззрѣнія на относительныя преимущества различныхъ формъ правленія до такой степени проникнуты духомъ «можно не соглашаться, но должно признаться», что не можетъ быть и рѣчи о цѣльномъ и ясномъ впечатлѣніи. Очевидно, и этимъ не можетъ быть оправдано появленіе книги Вейсса.

Наконецъ, кромѣ «морали» и политики, чрезъ оба тома проходитъ рядъ воззрѣній, соображеній и поученій, составляющихъ, съ позволенія сказать, философію автора. Руководящимъ принципомъ служитъ тутъ мысль, что «лучше всего держаться золотой середины» (193, I). «Ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало—таковъ долженъ быть постоянный припѣвъ всякаго истинно философскаго взгляда» (180, II). Авторъ пользуется этимъ нѣжнымъ припѣвомъ, если не особенно искусно, то очень усердно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его проповѣдь допускаетъ какіе-нибудь мало-мальски серьёзные и практическіе выводы. Этотъ пріемъ, надо сказать, не лишенъ своеобразной откровенности. Такъ, напримѣръ, цѣлая глава посвящена имъ бичеванію предразсудковъ, но рядомъ съ этимъ вы, къ удивленію своему, узнаете, что «полезный предразсудокъ лучше истины, разрушающей хорошее» (18, I). Всякая ложь и несправедливость вызываютъ въ нашемъ авторѣ самые горячіе нападки; борьба съ ними есть высшій удѣлъ человѣка; лучше умереть, чѣмъ поступать и говорить противно убѣжденіямъ (см. 233, II). А съ другой стороны, «открыто бороться противъ такихъ фактовъ, какъ фразы, лицемѣріе, тюрьма и костеръ, можетъ только фанатизмъ, но мудрость уступаетъ имъ со вздохомъ» (5, I). Съ одной стороны мы читаемъ: «прямой и открытый характеръ, всегда прямо идущій, принесетъ намъ больше пользы, чѣмъ уловки осторожности и хитрости» (130, II). А чрезъ 5 страницъ мы наталкиваемся на самыя что ни на есть іезуитскія наставленія, какъ производить сыскъ въ чужихъ душахъ при помощи лжи и подвоховъ. Множество разъ авторъ повторяетъ, что единственная достойная правительства цѣль есть польза общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ толкуетъ о «безполезности строгой критики правительства» (220, II). «Винить, обыкновенно, слѣдуетъ не правительство, говоритъ онъ, но людское несовершенство вообще» (120, II). Казалось бы, что, если, дѣйствительно, несовершенства правительствъ зависятъ исключительно отъ людского несовершенства вообще, то этой истиной должны руководствоваться всѣ. Но одной строчкой ниже мы уже узнаемъ, что «если этотъ взглядъ можно рекомендовать подданнымъ, то правитель и судья должны, наоборотъ, крайне остерегаться его, потому что иначе, подъ его покровомъ, можно дойти до оправданія всевозможныхъ

несправедливостей и злоупотребленій» (120, II). Выходитъ, что и правители получили добродѣтельное наставленіе, чтобы они не дѣлали «слишкомъ мало» на пользу управляемыхъ, и управляемымъ внушено, чтобъ они не слишкомъ настаивали на своихъ требованіяхъ и этимъ заставляли бы правителей дѣлать «слишкомъ много». И добродѣтель сохранена, и благонамѣренность не нарушена. И волки сыты, и глупыя овцы способны повѣрить, что объ нихъ пекутся и что онѣ будутъ цѣлы. И точно такъ же со всевозможными идеалами. Проповѣдуются идеалы правды, добра, любви и справедливости, даже сочиняются примѣры идеальныхъ людей (это излюбленный пріемъ нашего автора). А съ другой стороны, проповѣдуется, что «жизнь надо брать такой, какова она есть, а не такой, какой мы желали бы ее сдѣлать» (VIII). Выражаясь еще рѣшительнѣе — «излишекъ добра приводитъ къ дурному и наоборотъ» (107, II). Наконецъ, вѣнца своего «философія» эта достигаетъ въ разсужденіяхъ и совѣтахъ, касающихся счастья. Все сочиненіе переполнено поученіями, какъ устроить свое счастье, совѣтами, доходящими до такихъ тонкостей, какъ, напримѣръ, къ какимъ средствамъ слѣдуетъ прибѣгать молодымъ людямъ, чтобъ дать исходъ «огненной натурѣ, осужденной на безбрачіе» (73). Описываются даже въ поэтическихъ выраженіяхъ прелести любви, свѣтской жизни и т. п. А съ другой стороны, если вамъ не везетъ—«подумайте о милліонахъ существъ, изнывающихъ въ оковахъ рабства, въ стѣнахъ темницъ, въ желѣзныхъ когтяхъ бѣдности» (48, I). Ну, а если вы сами находитесь въ «когтяхъ» или въ «оковахъ»? Въ такомъ случаѣ, радуйтесь сегодняшнему дню, ибо «страданія ваши сократились сегодня на цѣлый день» (48). Боритесь до послѣдней минуты и будьте увѣрены, что «все происходитъ по волѣ провидѣнія, конечныя цѣли котораго направлены непремѣнно ко благу» (36). Если же, наконецъ, вамъ суждено погибнуть, то и тутъ всякій истинно мудрый человѣкъ «давно привыкъ къ мысли, что жизнь вовсе не такая дорогая вещь, о которой стоитъ такъ много заботиться» (36). Подобныя разсужденія напоминаютъ намъ очень мѣткое выраженіе одного писателя, сказавшаго, что «чрезвычайно легко переносить чужія страданія съ христіанской кротостью». Однако, какъ бы эти разсужденія ни были блестящи, мы никоимъ образомъ не можемъ допустить, чтобъ они не имѣли самаго широкаго распространенія въ нашемъ обществѣ. Всѣ мы съ паѳосомъ и смиреніемъ произносимъ такія слова, какъ отечество, правда, справедливость, общественная польза и т. д., всѣ мы умѣемъ твердо переносить чужія страданія съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ и всѣ мы умѣемъ «брать отъ жизни то, что она *намъ* даетъ». Къ чему же было издавать книгу Вейсса?

Наши отравители. Очерки аптечной жизни. *М. Лазарева.* Спб. 1882.

У нашихъ публицистовъ, исключительно, впрочемъ, тѣхъ, ко-

торые имѣютъ несчастіе принадлежать къ числу «пошлыхъ либераловъ», все чаще и чаще прорываются какія-то тоскливыя ноты, въ которыхъ такъ и слышится желаніе хоть на время «забыться и заснуть». Да это, сдается намъ, очень просто исполнить. Всѣмъ «тоскующимъ» либераламъ нашимъ, какъ остроумно назвало ихъ веселящееся «Нóвое Время», полезно бы припомнить мудрый совѣтъ Прудентова, находившаго, что бесѣдовать всегда можно: «почему же-съ? Ежели о предметахъ достойныхъ вниманія и притомъ, знаючи напередъ, что ничего изъ этого не выйдетъ—отчего же не побесѣдовать?» Такихъ безобиднѣйшихъ вопросовъ, вниманія однакоже вполнѣ достойныхъ, у насъ вовсе не мало, и почему бы теперь не обратиться къ нимъ? Дремать надъ этими вопросами можно сколько угодно, а между тѣмъ какъ будто дѣло дѣлаешь и у тебя какъ будто въ груди дрожатъ жизни силы. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о нашихъ аптекахъ, аптекаряхъ и ихъ злоупотребленіяхъ. Этотъ вопросъ имѣетъ еще спеціальную пріятность—именно ту, что на почвѣ его анализа можно либеральничать сколько угодно и въ тоже время безъ труда угодить и г. Аксакову и г. Суворину, которые на счетъ аптекарей тоже вольнодумствовали, предлагали реформы, негодовали на медленность, указывали на потребности общества и пр., и пр. Обратимся же, съ легкимъ сердцемъ, къ аптечному вопросу, въ которомъ руководителемъ намъ является г. Лазаревъ.

Правда, это руководитель не слишкомъ удобный. Онъ даже не либералъ въ аптечномъ вопросѣ, а сизо-багровый радикалъ и агитаторъ. Онъ не просто говоритъ противъ нашихъ аптекъ и аптекарей, мало даже сказать, что онъ громитъ ихъ—онъ прямо народъ бунтуетъ. Это, кричитъ онъ во все горло, указывая на аптекарей—«наши отравители»! А дальше, въ предисловіи, онъ приходитъ окончательно въ неистовство: «аптечныя злоупотребленія, бѣснуется онъ, это постоянное, систематическое, сознательное отравленіе, которому подвергаютъ наши аптеки своихъ кліентовъ для удовлетворенія непасытной алчности своихъ содержателей. Вотъ настоящее зло, съ которымъ слѣдуетъ бороться всѣми силами нашему обществу.» А еще дальше, въ самой книгѣ, происходитъ уже нѣчто невообразимое, слышится какой-то эпилептическій вопль, такъ что вамъ становится нѣсколько конфузно за своего спутника и вы шепчете ему на ухо: голубчикъ, успокойтесь! Неужто всѣ эти бѣдные нѣмчики - аптекаря такое «настоящее зло», что общество обязано открыть противъ нихъ походъ даже «всѣми силами»? Мнительность это ваша одна и ничего больше. Можно ли разсказывать такія, напримѣръ, вещи, что вашъ бывшій патронъ—аптекарь Гимельштернъ—на интимный вопросъ: отчего онъ противозаконно отпускаетъ изъ своей аптеки только сильные яды—отвѣчалъ: «приметъ *онъ* стрихнину—однимъ дуракомъ на свѣтѣ меньше будетъ, а отравится, оселъ, опіумомъ — стаканъ крѣпкаго кофе остановитъ дѣйствіе яда, и аптекаря подъ судъ!..» (114) Господи, страсти какія! Какія, по-

думаешь, Локусты и Борджіи въ колпакахъ и вязаныхъ фуфайкахъ! Все это, батюшка, одно ваше воображеніе. Всѣ мы люди, всѣ человѣки. Аптекаря фальсифицируютъ медикаменты—это, конечно, очень дурно, но сами же вы говорите, что «безнаказанность аптекарей полная»: какъ тутъ не соблазниться зашибить лишнюю копейку? Надо, повторяемъ, судить по-человѣчеству. «Интересы публики...» да ужъ хороша же и эта ваша публика, хотя бы напримѣръ, то земство, о которомъ имѣется въ книгѣ такой почти анекдотическій разсказъ. Получается въ аптекѣ, въ которой служилъ г. Лазаревъ, такой рецептъ: Rp. Sacchari albi столько-то. Въ счетъ земства. То есть: сахару бѣлаго (рафинадъ), положимъ, двадцать фунтовъ. Сахаръ, какъ извѣстно, стоитъ не дороже 16 — 17 копеекъ фунтъ, по аптекарской же таксѣ онъ стоитъ 90 коп. фунтъ, да еще не слѣдуетъ забывать, что аптекарскій фунтъ на 12 золотниковъ меньше торговаго... Земство выплачивало нашей аптекѣ по счетамъ громадныя суммы, потому что счеты, написанные по-латыни, были для членовъ земской управы столько же понятны, какъ китайская грамата, а уѣздный врачъ, на обязанности котораго лежали верховный надзоръ за земскими фельдшерами и провѣрка аптечныхъ счетовъ, былъ женатъ на сестрѣ Гимельштерна. Въ результатѣ оставались довольны всѣ: и аптекарь, получавшій громадные барыши, и фельдшеръ, имѣвшій даровой сахаръ, и, пожалуй, само земское собраніе, видѣвшее въ огромныхъ расходахъ на медицинскія нужды вѣрный признакъ особенной заботы земскаго медицинскаго персонала о здоровьѣ народонаселенія уѣзда. Такъ же, какъ сахаръ, отпускались аптекой, по требованію фельдшеровъ, спиртъ, сиропы и т. п. Дѣло доходило чуть ли не до мяса, муки и масла» (116—117).

Видите какъ просто, добродушно, семейственно! А г. Лазаревъ трубитъ въ рога и зоветъ насъ разить врага—Карла Богданыча. Ничѣмъ этотъ почтенный нѣмецъ не хуже насъ съ вами, г. Лазаревъ, и ничѣмъ особеннымъ аптекарскіе порядки или, если угодно, безпорядки, изъ общаго уровня нашей жизни не выдѣляются. Г. Лазаревъ этого не понимаетъ, но читатель-то понимаетъ и потому вся агитація нашего автора пройдетъ надъ міромъ—не безъ «шума», конечно, но едва ли не безъ «слѣда». И если непонятливый авторъ спроситъ насъ: «отчего?» — мы отвѣтимъ ему какъ старуха Гл. Успенскаго: «да вотъ оттого». «Отчего же?»—«Отъ всего».

А впрочемъ, книжка г. Лазарева содержитъ въ себѣ нѣкоторыя небезъинтересныя свѣдѣнія.

Памятная книжка Кубанской области. Составилъ *С. Д. Фелицинъ.* Изданіе кубанскаго статистическаго комитета. Екатеринодаръ, 1881.

Какъ извѣстно, губернскіе и областные статистическіе комитеты въ настоящее время существуютъ исключительно для того, чтобы ихъ секретари получали жалованье. Вся дѣятельность ко-

митетовъ ограничивается полученіемъ отъ волостныхъ или станичныхъ правленій «вѣдомостей», въ которыхъ господа волостные и станичные писаря обязательно фантазируютъ на темы: атмосферическія явленія, виды на урожай, количество посѣянныхъ и снятыхъ хлѣбовъ, преобладающія болѣзни, цифры рожденій и смертей, количество скота и проч., и проч.; получивъ продукты писарской фантазіи на указанныя темы, комитетъ или, вѣрнѣе, его писаря дѣлаютъ имъ «общій сводъ», который затѣмъ подписывается секретаремъ комитета и представляется по начальству. Такова дѣятельность большинства нашихъ статистическихъ комитетовъ. Есть, конечно, и исключенія, но о нихъ рѣчь впереди.

Только изрѣдка, бездѣйствующіе статистическіе комитеты нарушаютъ свое бездѣйствіе и разражаются «Памятными книжками», «Сборниками», и т. п. Но, Боже мой, что за винегретъ представляетъ собою содержаніе этихъ худосочныхъ дѣтищъ нашей оффиціальной статистики! Здѣсь есть «таблица для повѣрки часовъ»; есть отдѣлъ — «какъ предузнавать погоду»; есть «народныя примѣты», мѣсяцесловъ, пасхалія; есть чистая бумага «для отмѣтокъ», метрологія, перечисленіе всѣхъ чиновниковъ губерніи или области, есть отдѣлы—«о векселяхъ», «о гербовой бумагѣ», и проч., и проч. Спору нѣтъ, все это свѣдѣнія нужныя, полезныя; но какое же отношеніе имѣютъ они къ статистикѣ? И неужели у статистическихъ комитетовъ нѣтъ другихъ цѣлей и задачъ, кромѣ изданія календарей, которые доставляются населенію г. Гатцукомъ и подобными ему за цѣну, гораздо меньшую назначаемой статистическими комитетами за свои памятныя книжки? Неужели лицамъ, завѣдующимъ статистическими комитетами, не стыдно заниматься перепечаткою календарныхъ свѣдѣній?..

«Памятная книжка Кубанской области» принадлежитъ именно къ указанному типу «статистическихъ» изданій. Календарнымъ матеріаломъ наполнено болѣе двухъ третей этой «памятной книжки» и только одна треть занята свѣдѣніями, къ которымъ, хотя съ великою натяжкою, можетъ быть приложено названіе—«статистическихъ». Да и эти послѣднія свѣдѣнія, представляющія собою именно продуктъ писарской фантазіи, не имѣютъ ровно никакой цѣны. Такъ, напримѣръ, «Памятная книжка» опредѣляетъ число жителей Екатеринодара въ 27,747 чел., а Майкопа въ 24,509, тогда какъ на дѣлѣ ихъ несравненно больше. Объясняется этотъ курьезъ тѣмъ, что большую часть населенія поименованныхъ городовъ составляютъ пришлые крестьяне, переселенцы изъ внутреннихъ губерній Россіи, не записанные въ «подлежащія книги», а потому и игнорируемые писарской статистикой. Другой курьезъ представляетъ количество сектантовъ, которыхъ будто бы въ Кубанской области всего на всего 12,889!..

Мы очень далеки отъ того, чтобы обращеніе дѣятельности статистическихъ комитетовъ въ толченіе воды въ ступѣ ставить

въ вину исключительно ихъ личному составу. Мы знаемъ, какими препятствіями, какъ со стороны оффиціальныхъ лицъ, такъ и со стороны мѣстнаго общества, обставлены въ провинціи всякого рода «изслѣдованія». Мы помнимъ, какъ еще не такъ давно газеты сообщали объ одномъ губернаторѣ, воспретившемъ земскому статистику заниматься описаніемъ селъ въ тѣхъ видахъ, чтобы распросы статистика не возбудили въ населеніи толковъ о передѣлѣ земли! Помнимъ мы также печальную участь черниговскаго земскаго статистическаго бюро, которое за «открытіе» земель, скрываемыхъ землевладѣльцами и потому не облагавшихся земскими сборами, было обвинено озлобленными собственниками «открытыхъ» земель чуть не въ измѣнѣ отечеству и должно было безвременно погибнуть. Но, признавая эти уменьшающія вину обстоятельства, мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что дѣятельность статистическихъ комитетовъ въ настоящее время только и можетъ проявляться въ изданіи «Памятныхъ книжекъ», подобныхъ разбираемой нами. Есть же статистическіе комитеты, правда не многіе, которые не ограничиваются подведеніемъ итоговъ писарскимъ «вѣдомостямъ», а даютъ время отъ времени цѣнныя изслѣдованія той или другой стороны быта своего края. Въ самой «Памятной книжкѣ Кубанской области» есть работа, рѣзко отличающаяся отъ остальнаго наполняющаго книгу хлама; мы разумѣемъ трудъ г. Бентковскаго: «Заселеніе Черноморіи съ 1792 по 1852 годъ».

Какъ извѣстно, почти всѣ изслѣдованія, касающіяся исторіи сѣвернаго Кавказа, носятъ односторонній характеръ: они говорятъ исключительно о военной сторонѣ дѣла, перечисляютъ и описываютъ битвы съ горцами, военные подвиги, ловкіе набѣги и т. п. Другая же сторона дѣла—мирное завоеваніе сѣвернаго Кавказа, его колонизація доселѣ оставляется историками безъ всякаго вниманія. Нѣкоторое исключеніе въ ряду историческихъ работъ о сѣверномъ Кавказѣ представляютъ труды гг. Короленко—«Черноморцы» и Попка—«Черноморскіе казаки» и «Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ». Названные труды говорятъ нетолько о военной исторіи казаковъ, но касаются также ихъ быта въ разныя эпохи и сообщаютъ нѣкоторыя интересныя данныя о заселеніи Терской и Кубанской областей. Однако, свѣдѣнія о заселеніи сѣвернаго Кавказа, находимыя нами въ трудахъ гг. Короленко и Попка, крайне незначительны, отрывочны и сообщаются какъ бы мимоходомъ, въ дополненіе военной исторіи казачества, такъ что вопросъ о колонизаціи сѣвернаго Кавказа остается не разработаннымъ. А между тѣмъ, вопросъ этотъ, будучи важнымъ самъ по себѣ, пріобрѣтаетъ особенный интересъ въ виду того, что заселеніе сѣвернаго Кавказа началось очень недавно и продолжается доселѣ, что оно шло и идетъ въ значительной степени помимо и даже вопреки распоряженіямъ оффиціальныхъ сферъ, согласно съ нуждами и стремленіями самого народа, и что, вслѣдствіе недавности колонизаціоннаго дѣла

на сѣверномъ Кавказѣ, о немъ могутъ быть собраны подробные матеріалы—какъ оффиціальные и неоффиціальные дукументы, такъ и народныя преданія, и оно можетъ быть вполнѣ выяснено. А подробное знакомство съ исторіей колонизаціи сѣвернаго Кавказа дастъ массу указаній и разъясненій на темныя и оставшіяся неразъясненными—вслѣдствіе отсутствія матеріаловъ—стороны болѣе древней исторіи колонизаціи сѣвера, юга и востока Россіи, т. е. самой главной части исторіи русскаго народа. Вотъ почему появленіе изслѣдованій, подобныхъ помѣщенной въ «Памятной книжкѣ Кубанской области» статьи г. Бентковскаго, должно признать весьма желательнымъ и почему статья читается съ живѣйшимъ интересомъ, независимо отъ ея достоинствъ или недостатковъ.

Статья г. Бентковскаго представляетъ собою систематическій сводъ разныхъ «отношеній», «рапортовъ», «докладовъ» и другихъ оффиціальныхъ документовъ, касающихся исторіи заселенія Черноморіи. Исключительно оффиціальный характеръ данныхъ, сообщаемыхъ г. Бентковскимъ, значительно уменьшаетъ достоинство его труда, такъ какъ оффиціальные документы почти ничего не говорятъ о закулисной сторонѣ дѣла, о колонизаціи, шедшей помимо начальственныхъ «предначертаній». А эта «самовольная» колонизація была чрезвычайно широка и дала большую часть настоящихъ жителей Кубанской области. Что «самовольная» колонизація имѣла широкіе размѣры и играла главную роль въ дѣлѣ заселенія Черноморіи, можно отчасти видѣть изъ самаго труда г. Бентковскаго. Такъ изъ приведенныхъ въ немъ данныхъ видно, что въ 1808 году общее число жителей Черноморіи равнялось 30,000 чел.; затѣмъ оффиціальныя переселенія новыхъ жителей въ Черноморію происходили три раза и дали: въ 1809—1811 гг. около 41 тысячи душъ обоего пола, въ 1821—1825 гг. около 48 тыс. и въ 1848—1849 гг. около 10 тыс. Большая часть этихъ переселенцевъ умирала въ первые же годы отъ непривычки къ болотистому климату Черноморіи, порождавшему страшныя и изнурительныя лихорадки; такъ, напримѣръ, первая партія переселенцевъ въ первый же годъ своего поселенія потеряла умершими болѣе 7 тысячъ человѣкъ, т. е. умиралъ почти 1 изъ 5. Понятно, что при такой страшной смертности и при чрезмѣрномъ численномъ преобладаніи мужчинъ надъ женщинами, увеличеніе населенія Черноморіи путемъ естественнаго прироста шло крайне туго. Но если мы предположимъ даже, что естественный приростъ удвоивалъ населеніе Черноморіи въ каждые тридцать пять лѣтъ — что совершенно невѣроятно, то и въ такомъ случаѣ населеніе Кубанской области должно бы равняться въ настоящее время только 350 тыс. Между тѣмъ, въ настоящее время общее число жителей этой области превышаетъ милліонъ. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, двѣ трети настоящаго населенія Кубанской области переселились сюда «самовольно», помимо начальства. И

вотъ объ этой-то «самовольной» колонизаціи мы не находимъ никакихъ свѣдѣній въ статьѣ г. Бентковскаго. Говоримъ это не съ цѣлью сдѣлать упрекъ г. Бентковскому, а чтобы показать, насколько еще не разработаны матеріалы по исторіи Кавказа. Г. Бентковскій далъ что могъ, и нельзя не быть благодарнымъ ему, такъ какъ онъ все же вноситъ нѣкоторый свѣтъ въ совершенно темный вопросъ.

Статистическія монографіи по изслѣдованію станичнаго быта Терскаго казачьяго войска. Составлены *Марграфомъ*, *Линтваревымъ* и друг., подъ редакціею секретаря областнаго статистическаго комитета, Н. Благовѣщенскаго. Владикавказъ. 1881.

Трудъ терскихъ статистиковъ представляетъ собою прямую противоположность разобранной выше «Памятной книжкѣ Кубанской области». «Статистическія монографіи» являются продуктомъ многолѣтней личной работы членовъ терскаго статистическаго комитета. Понимая вполнѣ, что подведеніе итоговъ писарскимъ «вѣдомостямъ»—занятіе пустое, не имѣющее никакого смысла, члены терскаго статистическаго комитета рѣшились лично произвести тщательное изслѣдованіе всѣхъ условій жизни и положенія казачьяго населенія. Но въ виду того, что всестороннее изслѣдованіе этихъ условій по всему краю требовало такого количества рабочихъ силъ, какимъ не располагалъ статистическій комитетъ, онъ рѣшился пока ограничиться «подробнымъ изслѣдованіемъ экономическаго быта и условій жизни нѣкоторыхъ отдѣльныхъ казачьихъ станицъ, выбирая для этой цѣли наиболѣе типичныя, такъ сказать *среднія*, для того, чтобы по нимъ можно было судить о положеніи всѣхъ другихъ станицъ, подходящихъ къ избранному типу и находящихся въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ». Согласно съ такимъ рѣшеніемъ комитета, члены его принялись за работу и въ теченіи 1876—79 гг. всесторонне изучили и описали 12 станицъ. Работа велась въ высшей степени добросовѣстно—и въ результатѣ получилась книга, рисующая яркими чертами бытъ русскаго населенія одной изъ нашихъ окраинъ. Содержаніе этой книги настолько многосторонне, оно затрогиваетъ столько разнообразныхъ явленій мѣстной жизни, что въ коротенькой замѣткѣ нѣтъ никакой возможности нетолько исчерпать его, но даже дать болѣе или менѣе полный отчетъ о немъ, и потому мы должны ограничиться только нѣкоторыми сторонами разбираемой книги.

Читая «Статистическія монографіи», невольно поражаешься рѣзкимъ контрастомъ между богатыми дарами, которыми надѣлила природа Терскую область, и жалкимъ положеніемъ ея населенія. Въ нижеслѣдующей таблицѣ, составленной на основаніи данныхъ, приведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ разбираемой книги, этотъ контрастъ выступаетъ очень рѣзко.

Названія станицъ:	Число десятинъ надѣльной земли, приходящихся на дворъ.	% домохозяевъ, имѣющихъ полный плугъ, къ общему числу домохозяевъ станицы:
Галашевская.	67	$\frac{2}{3}\%$
Фельдмаршальская. . . .	42	$2\frac{2}{3}\%$
Аки-Юртовская.	71	$3\frac{3}{8}\%$
Архонская	55	$3\frac{1}{3}\%$
Ессентукская	73	15%
Кисловодская	81	23%
Новогладковская	149	$1\frac{2}{5}\%$
Шелкозаводская.	106	$1\frac{3}{5}\%$
Луковская.	77	11%
Прохладная	60	17% [1]

Эта таблица лучше всякихъ разсужденій рисуетъ намъ нелѣпое положеніе вещей въ Терской области. Съ одной стороны, мы видимъ такіе громадные земельные надѣлы, подобные которымъ не встрѣчаются ни въ какой другой мѣстности Россіи: казалось бы, вся масса населенія должна жить чрезвычайно зажиточно. А между тѣмъ, мы видимъ, съ другой стороны, что только крайне ничтожный процентъ казачьихъ хозяйствъ имѣетъ полный плугъ, т. е. 4 пары воловъ и, слѣдовательно, можетъ вести самостоятельно полевое хозяйство: въ нѣкоторыхъ станицахъ такихъ хозяйствъ—1—2. Огромное же большинство домохозяйствъ принуждено или вести хозяйство, такъ сказать, въ складчину, спрягая воловъ двухъ или трехъ хозяевъ, чтобы получить полный плугъ, или *нанимать* (!) богачей для обработки своихъ полей, или, наконецъ, совсѣмъ не заниматься хлѣбопашествомъ. Хозяйствъ послѣдняго рода, т. е. совсѣмъ не имѣющихъ полевого хозяйства, въ Терской области чрезвычайно много, въ нѣкоторыхъ станицахъ до 50% слишкомъ.

Явленіе нетолько неожиданное, но просто невѣроятное! Чтобы въ Терской области, при громадныхъ земельныхъ надѣлахъ, при превосходной черноземной почвѣ и южномъ климатѣ, при полномъ отсутствіи фабрикъ и заводовъ, отвлекающихъ рабочія руки отъ земледѣлія, чтобы здѣсь такое громадное количество хозяевъ могло совсѣмъ не заниматься хлѣбопашествомъ, да можно ли этому вѣрить? Но не вѣрить нельзя: передъ нами не «писарская статистика», а цифры, собранныя людьми, долго жившими въ описываемыхъ ими станицахъ, тщательно изучившими предметъ, обходившими и опрашивавшими каждый дворъ, каждое домохозяйство.

Въ экономическомъ отношеніи все населеніе терскихъ станицъ рѣзко раздѣляется на двѣ части: меньшинство имѣетъ достаточное и даже излишнее количество рабочихъ воловъ, много овецъ

[1] О числѣ домохозяевъ, имѣющихъ полный плугъ, въ остальныхъ двухъ описанныхъ станицахъ въ книгѣ нѣтъ указаній.

и свиней, косяки лошадей и по нѣскольку дойныхъ коровъ, производитъ необыкновенно обширныя запашки, собираетъ громадное количество хлѣба и сѣна, держитъ въ задолженномъ состояніи массу своихъ одностаничниковъ, эксплуатируетъ ихъ трудъ, имѣетъ наемныхъ рабочихъ и годъ отъ году богатѣетъ; напротивъ, большинство имѣетъ недостаточное количество скота, а часто и вовсе его не имѣетъ, дѣлаетъ небольшія запашки, или и вовсе не занимается хлѣбопашествомъ, и принужденно часть года или даже круглый годъ питаться покупнымъ хлѣбомъ и подмѣшивать въ свою пищу всевозможные суррогаты, и находится въ постоянной кабалѣ у богачей.

Чѣмъ же объяснить такой странный контрастъ между необыкновеннымъ обиліемъ земли, удобной, какъ для хлѣбопашества, такъ и для скотоводства, съ одной стороны, и бѣдственнымъ положеніемъ массы населенія съ другой. Авторы «статистическихъ монографій» прямо не указываютъ на причины такого печальнаго положенія вещей, но тѣмъ не менѣе мы находимъ у нихъ богатый матеріалъ для отвѣта на поставленный вопросъ.

Прежде всего отмѣтимъ тотъ фактъ, что, при отводѣ надѣльной земли отдѣльнымъ станицамъ, принималось во вниманіе все, что угодно, только не нужды и потребности населенія. Безсмысленнѣе и нелѣпѣе распредѣленія земель между терскими станицами нельзя ничего вообразить себѣ. Большинству станицъ земля отведена въ двухъ, трехъ и даже пяти отдѣленныхъ другъ отъ друга участкахъ, причемъ эти участки отстоятъ одинъ отъ другого на 35, 70, 130 и даже 140 верстъ. Вслѣдствіе этого громадные станичные надѣлы уменьшаются вдвое и даже втрое, такъ какъ большинство станичныхъ домохозяйствъ можетъ пользоваться только участкомъ, расположеннымъ при самой станицѣ; участки же, удаленные отъ станицы на 100 и болѣе верстъ, эксплуатируются только немногими богачами, которые держатъ на нихъ хутора и зимовники и пасутъ свои табуны: обыкновенно эти такъ называемые «дополнительные» участки сдаются станицами въ аренду коннозаводчикамъ и овцеводамъ за самую ничтожную плату отъ 3 до 10 коп. за десятину.

Такой странный, чтобы не сказать болѣе, отводъ земли станицамъ объясняется тѣмъ, что въ участкахъ, лежащихъ при станицахъ, громадное количество земли отрѣзано казачьимъ офицерамъ и генераламъ, такъ что оставшейся отъ этой отрѣзки земли оказалось недостаточно для надѣленія станицъ и потому пришлось отводить имъ «дополнительные» надѣлы въ 100 верстахъ разстоянія отъ станицъ. Дѣло въ томъ, что по «положенію объ обезпеченіи генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и классныхъ чиновниковъ кубанскаго и терскаго казачьихъ войскъ» всѣмъ этимъ лицамъ отводится земельный надѣлъ въ размѣрахъ: генераламъ—по 1,500 десятинъ, штабъ-офицерамъ—по 400, оберъ-офицерамъ—по 200 и класснымъ чиновникамъ въ соотвѣтствую-

шемъ размѣрѣ, смотря по чину. Вотъ эти-то, такъ называемые *офицерскіе* участки большею частью и вырѣзаны въ станичныхъ юртахъ, причемъ подъ нихъ пошли лучшія, удобнѣйшія и плодороднѣйшія земли, а станицамъ оставлены «бурунистая степь», «бурунъ-пески», болота, «хрящъ» и тому подобныя малоцѣнныя, а иногда и вовсе безцѣнныя, ни къ чему не пригодныя пространства. Такая глубокая несправедливость, оказанная массѣ казачьяго населенія въ интересахъ незначительнаго офицерскаго сословія, ставитъ нѣкоторыя станицы въ положеніе русскихъ селъ, получившихъ *нищенскіе* надѣлы, несмотря на то, что эти станицы имѣютъ иногда по 100 десятинъ на дворъ.

Второю причиною бѣдственнаго положенія казачьей массы является тяжелая воинская повинность. Каждый казакъ, если только онъ не уродъ, обязанъ прослужить 5 лѣтъ на дѣйствительной полевой службѣ, 5 лѣтъ—въ первомъ льготномъ комплектѣ, 5 во второмъ льготномъ комплектѣ и 7 лѣтъ въ резервѣ. При поступленіи на дѣйствительную службу, казакъ обязанъ имѣть строевую лошадь и полную форменную обмундировку на собственный счетъ. Стоимость этого снаряженія на службу колеблется отъ 200 до 350 рублей. Понятно, что такой единовременный расходъ отражается крайне печально на благосостояніи казачьихъ домохозяйствъ.

Кромѣ воинской повинности, на казакахъ лежатъ еще внутреннія повинности, денежныя и натуральныя. Къ денежнымъ повинностямъ принадлежатъ: содержаніе станичнаго управленія, ремонтъ и постройка общественныхъ зданій, содержаніе земской почты и проч. Натуральныя повинности составляютъ: караулы при станичномъ правленіи и денежномъ ящикѣ, дежурство по станицѣ, подводная повинность, устройство и починка дорогъ и мостовъ, воинскій постой и многое другое.

Авторы «Статистическихъ монографій» произвели учетъ всѣхъ потерь, которыя несетъ казачье населеніе при отбываніи воинской и внутренней повинностей. Оказалось, что населеніе теряетъ отъ 1/3 до 1/2 своихъ рабочихъ силъ и, кромѣ того, несетъ денежныхъ расходовъ около 20 рублей съ двора.

Наконецъ, третьею причиною бѣдствій казаковъ является неурядица во внутреннихъ порядкахъ станичныхъ обществъ. Станичное общество далеко не та идеальная община, въ которой все дѣлается «по равненію». Военная служба пріучаетъ казаковъ къ полному повиновенію начальству, это съ одной стороны, а съ другой—станичный атаманъ и прочіе станичные чины, будучи военными начальниками станичнаго населенія и обладая широкою дисциплинарною властью, могутъ творить въ станицѣ все, что имъ угодно, безнаказанно и безъ боязни встрѣтить протестъ. Вотъ почему внутренніе порядки станичныхъ общинъ выгодны для чиновныхъ и богатыхъ и невыгодны для простыхъ казаковъ-бѣдняковъ. Такъ, въ станицахъ позволяется запахивать земли, кто сколько можетъ: такимъ образомъ, богачи, имѣя рабочихъ,

запахивают много, а бѣдняки, поневолѣ, мало. При этомъ, во многихъ станицахъ постановлено, что домохозяева-казаки могутъ нанимать рабочихъ только за деньги, и вслѣдствіе этого богачи всегда могутъ имѣть рабочихъ, а бѣдняки—никогда; тогда какъ самый послѣдній бѣднякъ-казакъ могъ бы среди крестьянъ-переселенцевъ, наполняющихъ терскія станицы, найти охотниковъ, которые согласились бы работать съ нимъ изъ-за части продукта. Сѣнокосами въ большинствѣ станицъ пользуются такъ, что каждый собираетъ сѣно съ того участка, который онъ успѣетъ обкосить въ опредѣленный день, причемъ какъ обкашиваніе участка, такъ и собираніе сѣна должно производиться собственными силами семьи. Въ дѣйствительности же, правила эти соблюдаются только бѣдняками; богачи же безцеремонно нанимаютъ по 20 и 30 рабочихъ и выкашиваютъ нетолько свои участки, но и чужіе, несмотря на то, что они обкошены. Безцеремонность богачей доходитъ до того, что они просто сгоняютъ бѣдняковъ съ ихъ участковъ, и несчастные принуждены косить сѣно только тамъ, гдѣ богачи считаютъ это для себя невыгоднымъ. Всѣ общественныя дѣла вершитъ небольшая клика чиновныхъ и богатыхъ казаковъ; станичный сходъ существуетъ только для того, чтобы пить водку да санкціонировать дѣянія клики. Если же иногда сходъ заупрямится и захочетъ поставить на своемъ, то клика не задумается составить — и совершенно безнаказанно—подложный приговоръ въ своихъ интересахъ.

Таковы въ общихъ чертахъ причины, вслѣдствіе которыхъ казаки бѣдствуютъ въ краѣ, одаренномъ природою, при широкомъ земельномъ просторѣ.

Дополненіе къ сборнику законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ, съ извлеченіемъ изъ гражданскихъ кассаціонныхъ рѣшеній правительствующаго сената. Составилъ *В. Вешняковъ*. Спб. 1882.

Года три назадъ, разбирая «Сборникъ» г. Вешнякова, мы признали подобное изданіе очень не безполезнымъ, въ особенности для сельскихъ хозяевъ, и высказали нѣсколько практическихъ замѣчаній относительно пробѣловъ, замѣчавшихся въ такой, по преимуществу, справочной книгѣ, какъ книга г. Вешнякова. Однимъ изъ такихъ пробѣловъ, замѣченныхъ многими рецензентами, было отсутствіе выборки изъ кассаціонныхъ рѣшеній сената по гражданскимъ дѣламъ соотвѣтствующаго характера. Въ дополненіе, нынѣ изданное, составитель включилъ извлеченія изъ кассаціонныхъ рѣшеній и сдѣлалъ вообще нѣкоторыя прибавки, подробно объясняемыя во введеніи. Матеріаломъ для изданія «Дополненія», послужили дѣятельность двухъ законодательныхъ сессій государственнаго совѣта, цѣлый рядъ положеній комитета министровъ, работы земскихъ собраній: тутъ передъ читателемъ проходитъ борьба съ жукомъ, съ филоксерой, съ подежами скота и съ другими поддающимися борьбѣ бичами, какіе поражали сельское хозяйство въ теченіи послѣднихъ двухъ-

трехъ лѣтъ. Во введеніи составитель старательно «освѣтилъ и связалъ сырой матеріалъ», которымъ наполнена книжка. Для обыкновеннаго читателя это введеніе, довольно объемистое, заключая въ себѣ обзоръ за 2 года сельско-хозяйственнаго законодательства, составляетъ самую интересную часть книги. Тутъ, между прочимъ, приведено изъ «Прав. Вѣстника» объясненіе новыхъ ипотечныхъ правилъ, главныя основанія которыхъ опубликованы въ прошломъ году. Строгая хронологическая точность, составляющая вообще достоинство подобныхъ изданій, могла бы быть, однакожъ, у г. Вешнякова болѣе согласована съ позднѣйшею дѣятельностію законодательства по данному предмету. Такъ, мы находимъ упоминаніе о состоявшемся въ январѣ 1879 г. продленія на 10-лѣтній срокъ переоброчки повинностей временно-обязанныхъ крестьянъ, который первоначально былъ установленъ на 20 лѣтъ, но тутъ же ничего не говорится о томъ существенномъ измѣненіи значенія приведеннаго постановленія, какое является результатомъ новѣйшаго поворота законодательныхъ взглядовъ въ крестьянскомъ вопросѣ: мы разумѣемъ прекращеніе самаго состоянія временно-обязанныхъ крестьянъ, хотя оно хронологически и выходитъ за предѣлы срока, избраннаго г. Вешняковымъ для своего «Дополненія». Изъ фактически-любопытныхъ сторонъ современнаго положенія сельско-хозяйственнаго дѣла можно указать на подмѣченное составителемъ за последнее время стремленіе многихъ земствъ и даже частныхъ лицъ къ учрежденію низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Г. Вешняковъ сообщаетъ, что нынѣ вырабатывается проэктъ нормальнаго устава подобныхъ школъ департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности. О необходимости возможно большаго распространенія низшаго сельско-хозяйственнаго образованія много говорила наша періодическая печать. До сихъ поръ это дѣло прививалось какъ-то туго, и постановка его долго была неправильна, какъ видно изъ введенія къ «Сборнику» г. Вешнякова.

Безъ сомнѣнія, изданіе г. Вешнякова не остановится на первомъ «Дополненіи» и будетъ тѣмъ полезнѣе для читателей, чѣмъ больше составитель внесетъ въ изданіе своей личной сельско-хозяйственной опытности и личнаго литературнаго труда, съ ограниченіемъ простыхъ перепечатокъ, число которыхъ и теперь могло бы быть посокращено.

ПО ДЕРЕВНЯМЪ.

IX.

Была весна, май мѣсяцъ. Деревья всѣ покрыты молодыми, свѣжими листьями, озимыя поля—свѣжей растительностью. Воздухъ, насыщенный кислородомъ, возбуждалъ нервы, заставлялъ дышать полной грудью. Вездѣ въ поляхъ распахивали землю подъ яровое, кое-гдѣ уже высѣвали овесъ. Чѣмъ больше жизни въ поляхъ, тѣмъ тише и уединеннѣе было въ деревнѣ.

Уже вечерѣло. Окружающее оживленіе не повліяло ни на крестьянина, съ которымъ мнѣ пришлось ѣхать, ни на меня. Медленно шагала лошадь: она цѣлый день пахала, а теперь еле таскала ноги. Хозяинъ ея угрюмо, нехотя изрѣдко переговаривался со мной, и сообщалъ о своихъ несчастіяхъ. Настала весна, и принесла ему горе, да не одно. Выгнали стадо въ поле; пастухъ былъ новый, на чемъ-то не поладилъ съ его старухой матерью, поругался съ ней; вотъ и пригнали домой его корову всю въ крови—знать, собакой затравилъ. Теперь дома приходится ее оставлять, а кормить нечѣмъ: траву косить еще нельзя—мала, а сѣна нѣтъ. А тутъ жена захворала, съ недѣлю какъ умерла. Осталась у него мать старуха съ двумя малыми ребятами, а мать ветхая, ей не справится съ хозяйствомъ и съ дѣтьми. Надо скорѣе жениться, взять другую жену, иначе некому въ полѣ работать, мясоѣда осталась немного, денегъ на свадьбу нѣтъ, да и не знаетъ, кого сватать. Не думалъ онъ о дѣвкахъ, жена у него была хозяйственная... Всѣ эти думы копошились въ головѣ, мучили, угнетали, не давали интересоваться происходящимъ вокругъ.

Было уже часовъ 10 вечера, когда мы доѣхали до деревни Ефимонова, отстоящей верстахъ въ шестидесяти отъ Москвы. Деревня была не очень большая, лежала въ сторонѣ, въ глуши, верстъ тридцать отъ ближайшей станціи желѣзной дороги, верстъ тридцать отъ уѣзднаго города. Не видать въ деревнѣ хорошенькихъ домиковъ, какъ въ мѣстностяхъ близкихъ къ столицѣ или къ станціи желѣзной дороги; нѣтъ ни трактира, ни кабака, вообще, нѣтъ признаковъ внѣшней цивилизаціи, которой отличаются деревни съ нѣсколько развитой промышленностью. Но, несмотря

на это, деревня была не изъ бѣдныхъ. Число лошадей превышало на ¼ число домохозяевъ, на посторонніе заработки почти никто не уходилъ и только двое домохозяевъ не обрабатывали земли. Не было семей, выдающихся богатствомъ, но не было и семей, которыя жили бы въ развалившихся избахъ. Сверхъ того, деревня представляла для изслѣдователя и еще интересъ: въ этомъ уголкѣ уцѣлѣлъ остатокъ стариннаго, прежде очень развитого промысла: вязаніе варегъ изъ толстой шерстяной нитки-прядки — *одной иглой*, костяной, самодѣльной; слѣдовательно, промысла въ самой примитивной формѣ. Съ давнихъ временъ въ этой деревнѣ и по окрестности занимались, кромѣ земледѣлія, и овцеводствомъ. Даже теперь, когда оно сильно сократилось, на всякаго домохозяина среднимъ числомъ приходилось болѣе 4-хъ штукъ овецъ. Придетъ осень, начнутъ рѣзать овецъ, отдѣлывать овчины, а вычесанную шерсть очищаютъ, разбиваютъ и прядутъ. Крестьянки деревни Ефимоновой скупаютъ шерсть и изъ другихъ деревень, выпрядаютъ толстыя нитки, немного тоньше обыкновеннаго карандаша, и изъ этой *прядки*, вяжутъ чулки, носки, варежки, но вяжутъ не на спицахъ, а костяной иглой. Игла не что иное, какъ прямая плоская палочка, длиной въ три вершка, заостреная съ обоихъ концовъ. Въ серединѣ сдѣлана дырочка такой величины, что черезъ нее можно продѣть прядку, и чулокъ начинаютъ работать, взявшись съ одной петли. Чулокъ выходитъ безъ пятки толстый, прочный, вѣсомъ почти въ 1 фунтъ. Мнѣ показали чулокъ, который носили 20 лѣтъ. Наготовивши чулки, варежки, ихъ возятъ продавать въ г. Воскресенскъ на ярмарку. Было время, что каждая крестьянка—прежде вязали и сами крестьяне, въ особенности, старики—изводила отъ 1 до 3 пудовъ шерсти. Вскорѣ послѣ Рождества, они переставали вязать. Но по мѣрѣ того, какъ сапоги и сапожки вытѣсняли лапти, и спросъ на неуклюжіе, толстые чулки уменьшился, стали вязать однѣ варежки, которыя покупаются преимущественно крестьянами, занимающимися рубкой дровъ. Какой бы грубой работой крестьянинъ ни занимался, такія варежки носятся годъ, два. Съ теченіемъ времени и овцеводство уменьшилось, и спросъ уменьшился на этотъ товаръ. Сначала бросили вязать крестьяне, а теперь и женщины понемногу бросаютъ заниматься этой работой.

Марья Ивановна, хозяйка избы, въ которой я остановилась, разсказываетъ, что и она уже не вяжетъ такихъ чулокъ, а вяжетъ ихъ только ея падчерица, что шерсть становится дороже и дороже, да и товару такого не требуется, а выгоднѣе ткать холсты, пестрядину и пр. Каждый годъ онѣ отдаютъ куска два холста набойщикамъ, которые выкрашиваютъ ихъ въ синюю краску, и набиваютъ на нихъ бѣлые и желтые цвѣточки; изъ этихъ холстовъ онѣ шьютъ себѣ сарафаны, а мальчикамъ рубашки. Ситцевъ еще мало носятъ. Городскіе порядки не коснулись ихъ деревни. Школы нѣтъ, граматныхъ почти нѣтъ.

Марья Ивановна женщина лѣтъ тридцати. Средняго роста, ничѣмъ не выдающаяся, она, повидимому, обладаетъ крѣпкимъ здоровьемъ, справляетъ свои домашнія дѣла чрезвычайно скоро и безъ шума, однимъ словомъ, принадлежитъ къ числу женщинъ, у которыхъ всѣ дѣла идутъ *«споро»*. Говоритъ она ласково, спокойно, и прямо отвѣчаетъ на всѣ вопросы. Она вышла замужъ за вдовца, десятскаго, который въ данное время ушелъ въ *ночное*. Дѣвочка, лѣтъ 12, ея падчерица; живутъ онѣ дружно и Марья Ивановна смотритъ на нее, какъ на свою помощницу. Дѣвочка очень разсудительная, видимо подражаетъ мачихѣ и также старается отвѣчать толково. Когда я пріѣхала и попросилась къ нимъ ночевать, Марья Ивановна даже не спросила зачѣмъ, откуда и почему, и прямо согласилась принять меня. Самовара у нихъ не было, да и вообще въ деревнѣ ихъ было только два или три. Предложила она мнѣ молока, черного хлѣба. О какихъ-либо удобствахъ у Марьи Ивановны не было и помину. Она даже нѣсколько удивилась, когда я ее попросила немного сѣна или соломы для постели.

— Да ты нешто не на лавкѣ?

— Я на лавку лягу, да все лучше, если солому подстелить.

— Такъ ты вотъ что надумала! И она добродушно разсмѣялась, но тотчасъ же принесла сѣна.

Часа въ три она меня разбудила. Пришелъ десятскій.

Крестьянинъ былъ уже не молодой, чрезвычайно добродушный, умный, толковый. Мои сообщенія о выставкѣ заинтересовали его болѣе, нежели Марью Ивановну; онъ въ свою очередь сообщилъ много подробностей о промыслѣ, о ихъ житьѣ-бытьѣ, о прежнихъ временахъ и обѣщался непремѣнно къ Покрову привезти и шерсть въ различномъ видѣ, и связанный чулокъ, и варежки, и самодѣльную иглу; обѣщался даже выучить вязать. Когда мы разговорились о томъ, что они живутъ какъ-то особнякомъ, иначе, нежели въ другихъ деревняхъ Московской губерніи, онъ сказалъ:

— Мы крестьяне настоящіе, прежніе. Для насъ, окромя земли, и дѣла другого нѣтъ. Кормитъ она насъ, матушка; покуда только ею и живемъ. Сѣрô живемъ, а ничего, Господь милуетъ, пробавляемся.

И разсказалъ онъ, что у нихъ своей земли не много, но помѣщикъ сосѣдъ имъ не отказываетъ въ землѣ. Прежде онъ ея не обработывалъ, запустилъ, а теперь вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ эту запущенную землю даетъ имъ поднимать. Они цѣлымъ обществомъ снимаютъ у него ежегодно десятинъ по пятнадцати, платятъ рубля по четыре съ десятины и засѣваютъ. Каждый изъ крестьянъ беретъ столько полосъ, сколько въ силѣ сработать. Рожь на вновь поднятой землѣ родится отборная и такимъ образомъ у многихъ хлѣба достаетъ иногда до новаго. Былъ еще и другой заработокъ. Помѣщикъ сдаетъ поднятую землю *всему обществу* для обработки и платитъ по 18 руб. за

десятину. Крестьяне берутъ землю и полюбовно дѣлятъ ее между собой. Работа справлялась добросовѣстно, такъ, чтобы міру изъ-за отдѣльныхъ общинниковъ не слышать попрековъ. Но прошлою осенью помѣщикъ нанялъ новаго управляющаго, который вздумалъ цѣну сбавить. Хвалился, что у него возьмутъ и по 13 рублей за обработку, но сколько ни ждалъ, общество не поддалось. Тогда управляющій сталъ набавлять, но міръ сталъ на своемъ: землю не взяли даже за семнадцать рублей. Теперь отдѣльные крестьяне уже сами по себѣ взялись десятинъ 12 обработать за 17 рублей, но много земли осталось незасѣянной и управляющій сдѣлалъ помѣщику много убытку.

Пока Павелъ Трофимовъ пошелъ хлопотать на счетъ подводы, Марья Ивановна убиралась по дому. Въ амбарчикѣ много было всякаго деревенскаго добра. Тамъ стояли кадочки съ русскимъ масломъ, мѣшки съ мукой, крупой, разнымъ сѣменемъ; большіе мотки нитокъ, приготовленныхъ для тканья, готовые холсты, пестрядина, большой тюкъ шерсти, выдѣланныя овчины. Въ холодной избѣ, въ одномъ углу сидѣли на лукошкахъ съ яйцами куры, а тамъ и насѣдка, съ крошечными цыплятами. Скотины было много, все содержалось въ исправности. На всемъ лежалъ отпечатокъ безбѣдности, но въ то же время и «сѣраго житья», какъ говорили сами крестьяне. Опять пришелъ Павелъ Трофимычъ, и передалъ просьбу крестьянъ не брать дальней подводы: время было рабочее, кто сѣялъ овесъ, кто вспахивалъ поле подъ гречу. Не увидишь, говорили они, какъ настанетъ Акулина гречишница, а поле не готово. Разумѣется, я согласилась.

— Ну, что, Тимоѳей, спросила я крестьянина, который меня повезъ:—ты взялъ землю у помѣщика на обработку за семнадцать рублей?

— Взялъ, родимая.

— Что-жь ты противъ общества пошелъ?

— Да тѣ, кои взяли, малосильные. Намъ безъ работы нельзя, потому что неплательщиками будемъ. И общество намъ разрѣшило. Хуже, говорятъ, коли недоимщиками будутъ.

— Да развѣ выгодно по семнадцати брать?

— Да оно, конечно, будто обидно за эту цѣну работать, да нельзя намъ: опять-таки платить подати не изъ чего будетъ.

— Да отчего же вы слабосильными стали?

— Да каждый самъ по себѣ, значитъ по разнотѣ.

— Ну, а ты почему слабосильный сталъ?

— Насъ было сыновей трое, а отецъ не пріобрѣлъ. Не работникъ былъ, мужикъ не настоящій. Когда умеръ, братья дѣлиться вздумали. Пусть, говорили, каждый самъ по себѣ будетъ. Мнѣ досталась одна лошадь. Что мнѣ съ ней дѣлать было? Я ее и продалъ, да купилъ старое строеніе за 25 рублей. Самъ пошелъ въ работники къ помѣщику. За лѣто получилъ сорокъ рублей. Зимой ходилъ или на поденную работу, или нанимался къ помѣщику за пять рублей въ мѣсяцъ. Понемногу избу по-

правилъ, завелъ хозяйство, а тамъ сталъ и свою землю работать. Только долго я справлялся. По зимамъ и теперь все еще живу у помѣщика, а жена дома съ ребятами. Вотъ мнѣ и нельзя не работать чужую землю.

— Сколько же у тебя теперь скотины?

— Весной другую лошадь покупаю, а зимой одна остается; корова есть, телка, шесть овецъ.

— Значитъ, теперь ты скоро и въ силѣ будешь!

— Эхъ, родимая, какая наша сила! Отдыху не знаешь, и баба-то моя работаетъ, рукъ не покладываетъ. А теперь вотъ случись хоть малая бѣда—ну, и конецъ...

— Да вѣдь ваша деревня исправная. Промежъ васъ не видать раззореныхъ.

— Да что-жь что исправная? Бьемся мы изъ послѣднихъ силъ, а коли силъ не будетъ — ну, и помирай, потому что только одними трудами тяжелыми и живемъ. Трудно, родимая, биться изъ году въ годъ, да еще знать, что какъ ни бейся, а если что случится—и пропалъ. Вотъ не взялъ бы я землю или помѣщикъ не сдалъ бы — откуда бы я взялъ подати отдать? Малость самая, и не узнаешь ее напередъ—все такъ и пропадетъ. А стоитъ только начаться чему—и не удержишься.

И должно быть, часто приходилось Тимоѳею раздумывать эту тяжелую думу о неустанномъ, тяжеломъ трудѣ, въ результатѣ котораго стояла перспектива: при малѣйшемъ неожиданномъ несчастіи, при малѣйшей случайности — пропасть. Озабоченное, прежде времени состарившееся лицо, глаза, смотрѣвшіе серьёзно и грустно, ясно свидѣтельствовали, что тяжелое горе тяготѣло надъ нимъ.

Въ Бужеровѣ Тимоѳея замѣнилъ другой крестьянинъ, Сергѣй. Его позвали съ поля, гдѣ онъ пахалъ, чтобы везти меня въ село Лопоніово. Отъѣхавши немного отъ деревни, Сергѣй вытащилъ изъ-за пазухи платокъ, досталъ ржаныя лепешки и подалъ одну изъ нихъ мнѣ.

— Поѣшь, сударыня, нашихъ деревенскихъ лепешекъ! Мнѣ хозяйка только что въ поле понесла было полдничать, а тутъ за мной и пришли. И ты, чай, толкомъ не поѣла еще.

— Отчего-жь ты думаешь, что я не поѣла?

— Да какая теперь у насъ стряпня? Иной дня два и печи не топилъ. Всѣ въ полѣ, дѣло спѣшное! Дожди были, нельзя было пахать, а теперь всѣ и бросились. Бабы тоже за холсты принялись, никому и нѣтъ охоты отъ дѣла отрываться; все болѣе квасомъ, да хлѣбомъ пробавляемся, а не то и съ водой хлѣбъ пожуемъ. Только сегодня хозяйка масло стала топить, такъ лепешекъ замѣсила, да принесла.

Когда Сергѣй замѣтилъ, что я съ большимъ аппетитомъ съѣла его лепешку, то предложилъ мнѣ еще одну.

— Спасибо, голубчикъ, не хочу.

— А ты съ собой положи, послѣ поѣшь.

— А ты самъ что же мало ѣшь?

— Мнѣ теперь не пахать, такъ всего и не съѣсть.

Добродушно онъ подѣлился со мной своимъ полдникомъ и, повидимому, радовался, что онъ пришелся мнѣ по вкусу.

На полѣ, лежащемъ подъ паромъ, паслось стадо. Пастухъ и подпасокъ сгоняли скотину въ кучу, чтобы отогнать ее немного къ опушкѣ виднѣвшагося не вдалекѣ лѣсочка. Зорко слѣдилъ Сергѣй за всѣми ихъ движеніями, пока, наконецъ, мы не потеряли изъ виду и пастуха, и подпаска, и стадо.

— Чтò это ты все на стадо смотрѣлъ, Сергѣй?

— Да пастухъ у насъ плохой, страсть какъ за скотину опасаемся.

— Да что-жь пастухъ сдѣлаетъ скотинѣ?

— Пастухъ все можетъ сдѣлать со скотиной, а на него и суда не найдешь.

— Да зачѣмъ же ему дурное дѣлать?

Сергѣй посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Пастуху-то? Да пастухи послѣдніе люди. Что не по немъ, онъ все на скотинѣ вымѣститъ. Изъ самаго послѣдняго они что ни на есть низкаго званія.

— Вѣдь они такіе же крестьяне, какъ и вы. Небось вы изъ своего села и выбрали пастуха?

— Изъ нашего села никто не пойдетъ въ пастухи. Въ пастухи идти надо все хозяйство бросить. Не знаешь себѣ покою ни днемъ, ни ночью, потому что пастухъ долженъ нетолько днемъ пасти стадо, а еще обязанъ 70 ночей быть съ лошадьми въ лѣсу. Къ намъ все нанимаются волоколамскіе и зубцовскіе пастухи.

— Можетъ быть, между ними и есть дурные люди, да зачѣмъ же всѣхъ ихъ вы считаете послѣдними людьми?

— Да потому, что пастухи только и знаются что съ плутами. Настанетъ осень, они сговариваются съ плутами, ночью загоняютъ лошадей въ чащу, а тѣ и уводятъ ихъ. А то и сами уведутъ лошадь, и не найдешь ее. Если судиться съ нимъ начнешь, избу спалитъ или наговоръ пуститъ, испортитъ скотину. Вотъ была у насъ старуха одинокая, и у ней всей скотины только одна корова и была. Телочкой еще взяла ее, выкормила, выростила. Внучата малые у ней послѣ дочери остались, такъ она ихъ молокомъ кормила. И всего-то добра у ней, какъ есть только эта корова и была. Только разсердился пастухъ на нее, что плохо она его кормитъ, сталъ ее корить, а она его ругать стала «гдѣ, говоритъ, я тебѣ возьму пироговъ! Да васъ, плутовъ, хлѣбомъ кормить и то жаль. Скотины не жалѣете!» И вдругъ стала: ея корова не весела. Что ни вечеръ, все хуже домой приходитъ. Болѣзни никакой нѣтъ, а невесела, молока вовсе мало давать стала. До смерти стало жаль ее старухѣ. Думала-думала, да и порѣшила зарѣзать ее, а мясо продать. Только зарѣзали ее, а мясо-то синее. Это, значитъ, пастухъ что ни день, все билъ ее.

— Да развѣ нельзя съ пастуха взыскать?

— Какъ съ него взыщешь? Мы боимся ихъ, потому что все стадо въ ихъ рукахъ. А у насъ и добра другого нѣтъ, что скотина. Пастухи вѣдь и заговоры разные знаютъ, мы и деньги боимся съ нихъ удерживать.

— Неужели ужь такъ трудно пастуха найти? Развѣ мало ихъ, что не изъ кого выбрать? Вы что ли ходите къ нимъ въ село нанимать или сами они къ вамъ набиваются?

— Ихъ не мало, да не изъ чего выбирать. Какъ пастухъ, такъ и знаешь, что лихой человѣкъ, а ходить къ нимъ мы не ходимъ, сами набиваются. Придетъ осень; послѣ Покрова и зачнутъ они таскаться по деревнямъ. Если прежній пастухъ не очень плохъ, его оставляемъ, а если плохъ, то ничего не говоримъ до поры, а начнемъ высматривать другого. Знамо, хорошіе люди въ пастухи не идутъ. Такъ все и клонитъ къ тому, чтобы не очень ужь озоровать былъ. Къ новому году мы, значитъ, старому скажемъ, что онъ намъ не нуженъ, а у новаго возьмемъ паспортъ и задатку дадимъ рублей пятьдесятъ. Какъ стадо надо выгонять весной, онъ и придетъ. Подпасковъ отъ себя ужь нанимаетъ.

— А сколько вы ему платите за лѣто?

— Это по деревнѣ глядя. Если большая деревня, отдадутъ и 130, и 170 рублей, а гдѣ и менѣе, сто рублей. Подпаску тоже рублей тридцать, смотря по согласію. И его, и подпаска приходится кормить по очереди. Иной наровитъ пастуха-то лучше накормить, нежели самъ поѣсть. Тàкъ мы ихъ боимся, что страсть.

— Да почему же вы изъ своего села не нанимаете пастуха?

— Говорятъ тебѣ, что изъ своихъ никто не пойдетъ, что у насъ за низкое званіе считается этимъ дѣломъ заниматься.

— Да вѣдь самое-то дѣло не низкое, а коли разсудить, такъ и отвѣтственное. А низкимъ вы его считаете потому, что люди плохіе попадаются, которые нанимаются въ пастухи.

— Нѣтъ, родимая, не то. Не всякій способенъ на такое дѣло. Чтобы быть настоящимъ пастухомъ, надо знать «слово» такое. Пастухъ долженъ разузнавать мѣстà и травы, которыя пользительны скотинѣ, долженъ умѣть со скотиной ладить. У другого, который не вникъ въ дѣло, скотина вся разбредется, и половины онъ не приведетъ домой. То въ лѣсъ скотина зайдетъ, то въ болотѣ завязнетъ, то въ оврагъ упадетъ, волкъ зарѣжетъ. Пастухомъ быть надо знаючи. Только вотъ горе, что какъ только онъ эти самыя науки постигнетъ, такъ и испортится. Знамо, волшебство не чистое дѣло — вотъ они особнякомъ и живутъ. Никто съ ними дружбы или знакомства не ведетъ, живутъ они особой деревней, и переходитъ эта наука у нихъ отъ отца къ сыну.

— Да вѣдь въ другихъ мѣстахъ свои мужики въ пастухи нанимаются и не считаютъ они это званіе низкимъ.

*

— Ну, нѣтъ, родимая, и свой мужикъ наймется не спроста. Либо онъ прикидывается, либо убогій, а насчетъ волшебства понятливый. А заправскій мужикъ ни за какія деньги не пойдетъ на это дѣло, особливо коли большое стадо. Всякую скотину надо вѣдь знать, что̀ ей надо, что̀ на пользу.

— Да вѣдь не сразу же пастухъ скотину узнаетъ, а съизмальства пріучается, въ подпаскахъ побывавши. Вотъ и вы своихъ дѣтей пріучали бы.

— Пріучать станешь и они такіе же сдѣлаются. Непремѣнно спознаются со всякимъ темнымъ человѣкомъ.

Разговоры наши не повели ни къ какимъ результатамъ. Сергѣй остался при своемъ мнѣніи и утверждалъ, что *званіе* пастуха непремѣнно влечетъ за собой знакомство съ плутами, знаніе волшебства и испорченность нравовъ. Осталось провѣрить, насколько его мнѣніе было распространеннымъ въ этой мѣстности.

Длинной прямой улицей тянется сельцо Повадино. По обѣ стороны выстроены дома крестьянъ. Передъ избой старосты, избой нѣсколько бо̀льшей остальныхъ, выстроенной изъ лучшаго лѣса, стояла запряженная телега и нѣсколько мужиковъ. Староста собирался куда-то ѣхать.

Его красное, добродушное лицо сдѣлалось нѣсколько озабоченнымъ, когда я ему сказала о цѣли своего пріѣзда. Однако же, онъ обѣщалъ снарядить подводу и посовѣтовалъ обо всемъ переговорить съ его хозяйкой.

Изба Якова Иваныча была дѣйствительно нѣсколько больше обыкновенныхъ избъ. Все въ ней было чисто, прибрано, хотя и обличало совершенно крестьянскую обстановку. Дарья Игнатьевна, хозяйка Якова Иваныча, была женщина лѣтъ сорока средняго роста; на видъ ей казалось болѣе. Сѣрые глаза ея смотрѣли умно и привѣтливо, но черты лица были некрасивы. Во всѣхъ движеніяхъ выражалась самоувѣренность, спокойное сознаніе своего достоинства. Узнавши, въ чемъ дѣло, она прежде всего стала хлопотать, чтобы накормить меня, поставила самоваръ, принесла молока, яицъ, и когда староста, наконецъ, вошелъ въ избу, начала торопить его ѣхать съ мужиками въ волость, обѣщавши безъ него справить всѣ дѣла.

Пока она накрывала столъ, готовила посуду, варила яйца, то и дѣло входилъ къ ней народъ. То сосѣдка придетъ, попроситъ Дарью Игнатьевну яицъ обмѣнить. Надо курицу на яйца посадить, а такихъ куръ, какъ у Дарьи Игнатьевны, ни у кого въ деревнѣ нѣтъ. И Дарья Игнатьевна охотно обмѣнивалась и подавала совѣтъ, какъ все это лучше устроить. Женщина пріѣхала изъ другого села, и очень огорчилась, когда услышала, что Яковъ Иванычъ уѣхалъ. У нихъ лошадь захромала, а Яковъ Иванычъ по всей окрестности слылъ за человѣка, «который умѣетъ хорошо пользовать скотину и умѣетъ выпустить больную кровь».

— Одна лошадь всего только и есть, горевала женщина:—а пора рабочая! Ужь какъ подкосила насъ эта лошадь!

А тамъ пришла еще женщина, проситъ Дарью Игнатьевну ссудить мѣру овса. И опять Дарья Игнатьевна отпускаетъ овесъ, сопровождая все это наставленіемъ. И всѣ ее слушаютъ, относятся къ ней съ полнымъ довѣріемъ. Наконецъ, мы остались однѣ въ избѣ.

— Дѣтей развѣ у тебя нѣтъ, Дарья Игнатьевна?

— Нѣтъ, не рожаю. Стала я больно скучать, мы и порѣшили питомка взять, да хотѣлось намъ ужь большинькаго взять, чтобы видно было, какого онъ нраву. А тутъ и случись, что женщина овдовѣла въ другой деревнѣ, а у ней трое питомковъ изъ воспитательнаго взято было. Ходила она къ намъ въ деревню, отъ насъ взята была, я и видѣла у ней ихъ. Одинъ мальчикъ былъ очень хорошенькій, кудрявый. Я давно все его высматривала, хотѣлось его къ себѣ принять, только безъ объѣздного нельзя было это дѣло сдѣлать, да пока мужъ Матрены былъ живъ, она и сама не хотѣла его отдавать. Какъ пришла она опять къ намъ въ деревню я и говорю ей: отдай мнѣ Ванюшу. А въ томъ селѣ, гдѣ она жила, была еще другая женщина, завистливая, корыстная. Услыхала она, что я собираюсь у объѣздного просить разрѣшить намъ усыновить Ванюшу, и рѣшила изъ этого сдѣлать для себя пользу. Стала она уговаривать Матрену уступить Ванюшу ей. Долго Матрена не могла понять, чего добивается сосѣдка, а тамъ смекнула, что она надѣется потомъ не дешево продать Ванюшу мнѣ. Хорошо, что Матрена женщина справедливая, и рѣшила, что не допуститъ до этого. Наконецъ, однакожь, мы дѣло сладили. Теперь Ванюшѣ ужь 19 лѣтъ и сталъ онъ еще лучше, чѣмъ былъ ребенкомъ.

— А Матрена-то навѣщаетъ тебя?

— Какъ же, навѣщаетъ. Въ ту пору мы ей десять рублей за Ванюшу давали, а она не взяла. Тогда осенью Яковъ Иванычъ свезъ ей четверть ржи, какъ новый хлѣбъ обмолотили, да картофелю: для сиротъ, говоритъ. Это взяла. Такъ съ тѣхъ поръ и установили мы, какъ по осени станемъ съ поля убираться, ей кое-что и свеземъ. Ванюшка и отвозитъ.

— А вотъ ты говорила, что бываютъ питомки дурного нрава? ты развѣ примѣчала?

— Всякіе они бываютъ. Да вотъ что, я тебѣ разскажу про одно дѣло, только ты ужь не выдай меня. А то и такъ страсть какъ опасаемся.

Дарья Игнатьевна встала, плотно затворила дверь избы, закрыла окно и опять подсѣла къ столу, гдѣ мы пили чай.

— Видишь, сударыня, деревня-то наша была прежде двухъ помѣщиковъ. Та сторона улицы одного, а наша сторона — другого. Вотъ жила на нашей сторонѣ женщина, которая взяла изъ воспитательнаго дома дѣвочку-питомку. Росла та дѣвочка озорницей темной. Постоянно за ней подмѣчали, что она таска-

ла гдѣ только плохо лежитъ. Лѣтъ пятнадцати она у подруги своей скрала изъ сундука нарядъ, сарафанъ, рубашку, фартукъ, платокъ. Хватились наряда, стали искать — нигдѣ не найдутъ. Вотъ и стали подумывать — не у Катерины ли искать его. Давно за ней замѣчали, что таскаетъ она разныя вещи, яйца, все что подъ руку попадется. Сдѣлали обыскъ, да у ней и нашли. Къ мировому ее потребовали. Только она ни чуточки не смутилась, глядитъ ему прямо въ глаза, отпирается, да и все тутъ. Улики на лицо, сама подруга стала припоминать какъ Катерина все это дѣло улаживала. Мировой и тотъ говоритъ: съ роду не видалъ такого безстыдства у такой молодой дѣвчонки. Присудилъ онъ ее въ тюремный зàмокъ на одинъ мѣсяцъ. Вотъ вернулась Катерина и пуще прежняго озоровать стала. Что только дѣлала, и не пересказать. Дѣвки, подруги стали ея сторониться, а она ихъ же на смѣхъ поднимаетъ. «Дуры, вы дуры, говаривала, ничего вы не смыслите. Вы вотъ рожи отъ меня воротите, а я, на смѣхъ, женю на себѣ что ни есть лучшаго парня въ деревнѣ». Хорошо. Жила на той сторонѣ семья исправная, хорошая—Малюковы прозывались—а старшій сынъ куда лучше всѣхъ парней въ деревнѣ. Стали замѣчать, что парень больно часто сталъ посматривать на Катерину. Отецъ началъ его бить: не допущу, говоритъ, тебя до позора, а онъ все молчитъ. А подъ конецъ не стерпѣлъ, упалъ отцу въ ноги и повинился. Не могу, говоритъ, отъ нея отстать. Либо женюсь на Катеринѣ, либо руки на себя наложу. Долго бился старикъ-то съ Андреемъ, а такъ-таки ничего сдѣлать не могъ. Сохнетъ парень, да и только—ну, и благословилъ. Какъ попала Катерина въ семью, и пошла война! Разуться никому нельзя было. Если не положитъ сапожки въ сундукъ или подъ голову—стащитъ. Ругается, озоруетъ. Разъ пѣтухъ чужой зашелъ къ нимъ во дворъ, а она взяла да руками—ты подумай-ка, сударыня!—своими руками и оторвала ему шпору отъ одной ноги, а ножемъ порѣзала другую. Куда ни пойдетъ, вездѣ бѣду сдѣлаетъ. Прозвали ее *солдатомъ* за ея озорство. А мужъ все терпитъ, любитъ ее. Родилась у ней дѣвочка. Она въ ту пору еще пуще закрутилась. Вотъ и случилось тутъ не по-далеку на дачѣ кража большая. Стали разыскивать и нашли все у ней. Опять потащили въ судъ, присудили ужь на 8 мѣсяцевъ въ тюремный зàмокъ. Пока ее не было, все у насъ было тихо; какъ вернулась—пуще прежняго намъ отъ нея покою нѣтъ. Пригрозила она тѣмъ, которые на нее доказали, что спалитъ ихъ. И спалила. У насъ тутъ у избъ стоятъ кадушки съ водой—приказъ такой вышелъ—а она возьми да ночью изъ кадушекъ всю воду вылила. Какъ занялся пожаръ, хватились воды, а ея ни у кого нѣтъ. А она хохочетъ, да при народѣ взяла да кадушку пустую въ огонь и бросила: можетъ, говоритъ, и отъ пустой кадушки пожаръ уймется. Такъ тогда два двора и сгорѣло. Заявили мы при допросѣ, что она при народѣ грозила спалить. Пріѣзжалъ слѣдо-

ватель, допросъ дѣлалъ, ее и посадили. Полтора года сидѣла! Сколько народу вызывали доказывать на нее, а прямо доказывать боятся. Такъ тянулось дѣло, ничего не доказали, хотя всѣ въ деревнѣ знаютъ, что она подожгла. Выпустили ее. Въ ту пору свекоръ ея умеръ. Она мужа уговаривала, чтобы онъ подѣлился съ братомъ. Долго міръ ихъ судилъ, кому чѣмъ владѣть. Дворъ ихъ въ упадокъ пришелъ отъ всѣхъ этихъ дѣловъ. Братьевъ никакъ не подѣлишь. Наконецъ, дѣло уладили. Стали дѣлиться, пошли въ амбаръ дѣлить рожь, а зерна всего одинъ мѣшокъ. Гдѣ же, говоритъ другой братъ, другіе мѣшки? ихъ было пять мѣшковъ? Стали искать, ничего не нашли. Долго они ссорились, наконецъ подѣлились и разошлись. А Катерина пуще прежняго озоруетъ. То курицу на улицѣ изловитъ, и во щахъ сваритъ. А мужъ и спросить не смѣетъ—откуда молъ, жена, курица у тебя во-щахъ взялась? То зайдетъ въ чужую избу да краюху стащитъ, то у старухи всѣ кудели льна стащитъ, то чужой овцѣ ногу перешибетъ. Разъ за молотьбой и поссорились они—Катерина съ мужемъ. Онъ ее и попрекнулъ: «Связала ты меня, окаянная, изъ-за тебя жизнь опостылѣла, на людей стало совѣстно смотрѣть! Раззорила ты меня; лошадь, корову продалъ, послѣдніе пятьдесятъ рублей отдалъ, чтобы тебя выручить!» А она ему прямо въ глаза смѣется. «А ты бы не выручалъ, дуракъ, я бы и не пришла. Развѣ тамъ плохо жить? Получше тебя найдется!» А между тѣмъ братъ-то узналъ, куда они рожь припрятали, да начальству и объявилъ. Сдѣлали обыскъ, и рожь нашли, да еще узелъ съ вещами. Повадилась она это съ какой-то странницей на богомолье отлучаться, а у нихъ вотъ какое богомолье оказалось. Опять посадили Катерину Семеновну, а она, уходя, стала опять грозить: «Надоѣли вы мнѣ! приду назадъ, всю деревню спалю!» Теперь вотъ мы и боимся, что ее выпустятъ!

— А дѣвочка ея у отца осталась?

— Дѣвочка у отца. Вылитая мать. Такая же востроглазая и баловница. Придетъ къ старухѣ, что у другого сына живетъ и скажетъ: «дай, бабушка, я поищу тебя». Начнетъ искать, а у самой глаза такъ и бѣгаютъ по избѣ, высматриваетъ, гдѣ что лежитъ. Старуха прикинется, что заснула, а дѣвчонка, даромъ что ей всего семь лѣтъ, сейчасъ что найдетъ: хлѣба, платокъ, чашку—въ подолъ, да и вонъ изъ избы.

— Да отъ голоду, отъ недостатка, что ли, онѣ воруютъ?

— Какой голодъ! всего у нихъ было вдоволь. Нѣтъ, такъ, и сами мы не поймемъ. Должно отъ озорства больше. Родъ видно такой былъ. Нѣсколько минутъ Дарья Игнатьевна сидѣла задумавшись, потомъ вдругъ взглянула на меня пытливо и сказала:

— Не знаешь ли ты, сударыня, какъ намъ быть съ ней? Мужъ ея ѣздилъ навѣщать ее и сказалъ, что она божилась, что чрезъ мѣсяцъ или даже поближе ее выпустятъ. Какъ есть вся деревня въ тревогѣ. Міръ даже на сходкѣ толковалъ, чтобы ее выселить. Одна старушка, которую вызывали въ свидѣтели къ

слѣдователю, въ ногахъ у него валялась, просила его не выпускать ее на волю, потому что тогда не сдобровать всей деревнѣ. А слѣдователь-то не нее прикрикнулъ, мы и боимся, что ее выпустятъ. Не знаемъ мы, хватитъ ли у насъ силъ ее выселить, не принимать въ общество. Говорятъ, на это много денегъ надо.

— Не знаю я, Дарья Игнатьевна, имѣете ли вы право не принимать ее въ общество и вообще въ этомъ дѣлѣ ничего не смыслю. Но ты вотъ что сдѣлай. Скажи своему мужу, чтобы онъ зашелъ ко мнѣ въ Москву, а я его сведу къ такому человѣку, который ему растолкуетъ, чтò міръ можетъ сдѣлать, и чего не можетъ.

Дарья Игнатьевна чрезвычайно обрадовалась этому предложенію, тщательно спрятала данный ей адресъ и только просила объ одномъ, чтобы не говорить объ этомъ дѣлѣ. Не дай Богъ, дойдетъ до Катерины Семеновны и тогда ужь имъ не уйти отъ ея мести.

Пріѣхалъ крестьянинъ съ телегой, и я отправилась дальше. Хотѣлось мнѣ узнать поближе, кàкъ народъ въ этой мѣстности смотритъ на пастуховъ, и я рѣшилась съ Михайлой, моимъ возницей, завести разговоръ на эту тему. Но Михайла былъ парень угрюмый, неразговорчивый. Былъ онъ родственникомъ той самой Катерины Семеновны, т. е. ея названнымъ братомъ. Онъ также былъ изъ воспитательнаго дома и воспитывался у той же женщины, которая воспитывала и Катерину. На всѣ мои вопросы о величинѣ надѣла, о томъ, сколько высѣваютъ хлѣба, каковы урожаи, онъ давалъ односложные отвѣты.

— А что, Михайло, пастухъ у васъ нанятой или свой?

— Нанятой.

— Дальній онъ или изъ своей деревни?

— Зубцовскій.

— А сколько вы ему платите?

— Семьдесять рублей.

— А давно онъ у васъ стадо пасетъ?

— Третій годъ.

— Довольны вы имъ?

— Ничего.

— Скотина не пропадаетъ у него?

Парень нѣсколько оживился.

— Лѣтошній годъ онъ-было лошадь увелъ. Съ подпаскомъ оставилъ стадо, а самъ лошадь увелъ въ оврагъ, тамъ привязалъ, а на ночь бы и угналъ ее. А въ ту пору мужичекъ странній шелъ къ намъ въ деревню, да и заплутался, въ оврагъ попалъ. Лошадь привязанную нашелъ, отвязалъ, да къ намъ и привелъ.

— Зачѣмъ же вы его опять наняли въ пастухи, если онъ такое дѣло сдѣлалъ?

— А гдѣ же лучше-то взять? Этотъ хоть не бьетъ скотину, не травитъ собакой. У другихъ пастуховъ каждый годъ сколько

скотины пропадаетъ! Либо самъ сведетъ, продастъ, либо въ такое мѣсто поставитъ, что не найдутъ, а разсчетъ получитъ, уведетъ въ другое село и продастъ.

— А вы не покупали бы краденныхъ лошадей, вотъ имъ некому было бы и продавать.

— Кто-жъ ее узнаетъ, краденная она или нѣтъ? Развѣ по нуждѣ мало продаютъ? Всякому лестно купить подешевле. Мы не купимъ—другому продастъ.

— Да отчего же вы пастуховъ изъ своихъ не нанимаете?

— Никто не пойдетъ въ пастухи. Пастухомъ надо быть въ рабочую пору, надо землю бросить. И тяжело быть пастухомъ, не знаешь себѣ покою ни днемъ, ни ночью, да сколько отъ міру попрековъ бываетъ!..

— Да вѣдь и промежъ васъ есть, которые бросаютъ землю. Либо на фабрику уйдутъ, либо въ извощикахъ, либо чѣмъ другимъ занимаются. И думается, что не тяжеле работа пастуха, чѣмъ ваша работа въ полѣ. А еслибъ былъ пастухъ радивъ, такъ и попрековъ не слыхалъ бы отъ міра.

— Фабричный и извощикъ круглый годъ имѣетъ работу отхожую; а пастухъ одно лѣто имѣетъ, а зиму гуляй. Онъ покою себѣ не знаетъ, а дѣла у него настоящаго нѣтъ. Съ малыхъ лѣтъ въ подпаскахъ служитъ, ни къ какому другому дѣлу не привыченъ, ни къ чему не приспособился, одно слово, слабосильный. Крестьянствовать не умѣетъ. А зимой что̀ ему дѣлать? Развѣ лапти плесть будетъ, да ихъ теперь никому не надо. А сколько онъ ни старайся, все на него попреки будутъ. Потому что развѣ за всѣмъ углядишь? Вѣдь не одинъ день пасешь стадо, а все лѣто. Тутъ сама скотина убѣжитъ, либо волкъ зарѣжетъ, либо другое что случится — а за все онъ въ отвѣтѣ, во всемъ онъ виноватъ.

— Вотъ вы вѣдь знаете, что пастухъ сила, что въ его рукахъ ваша скотина, понимаете, что за всѣмъ не углядишь, понимаете, что слушать попреки не хорошо, а сами же ругаете и попрекаете пастуха. Вы бы лучше не ругали его, а дружбу съ нимъ водили, онъ бы больше и радѣлъ о вашей скотинѣ.

— Да вотъ поди-жъ, а все ругаютъ. И народъ вѣдь разный бываетъ. Кто и самъ не съѣстъ, а пастуха послаще накормитъ, а другіе, точно собаки, зубы скалятъ, а укусить не смѣютъ. Пастуха и беретъ зло. А потомъ, должно быть, и въ самомъ дѣлѣ они низкіе люди. Вѣдь такъ деревнями и идутъ въ пастухи. У многихъ поля не засѣяны, а если и засѣяны, такъ плохо, больше бабы орудуютъ. Зимой, какъ они придутъ домой, и зачнутъ пьянствовать. Денегъ-то не откуда взять, они и наровятъ скотиной чужой поживиться, на зиму достатокъ себѣ припасаютъ.

Несмотря на угрюмость и недоступность, которую Михаила сначала обнаружилъ, онъ понемногу разговорился и даже пустился въ разсужденія другого рода.

— Всякій человѣкъ, коли его гнушаться станутъ, озлобится. Видитъ, что поклепъ на него напрасный, ну, и плюнетъ: пусть, дескать, по крайней мѣрѣ, не напрасный будетъ. Развѣ въ самъ-дѣлѣ за всѣмъ усмотришь, особливо коли семьдесятъ ночей не спать, а день-деньской на вольномъ воздухѣ? А, который ежели и радивый попадется, такъ про него говорятъ: не спростà! колдунъ, волшебство!

— А я слыхала, Михайло, что Катерина тебѣ родственницей приходится.

Михайло насупился.

— Сестра она мнѣ.

— Какая же сестра! вѣдь вы оба изъ воспитательнаго дома.

— Одна мать кормила.

— Такъ-то такъ. А ты какъ думаешь, на нее наговоры напрасные идутъ.

— Не знаю я. Чужая душа потёмки.

— Ну, а по твоему кàкъ, виновата она или нѣтъ?

— Вѣрно виновата, коли осудили. Не знаю я этого дѣла.

Михайло отвернулся и не сталъ болѣе разговаривать. Скоро мы пріѣхали въ деревню Поварово. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни приблизительно въ полъ-верстѣ, полустанокъ желѣзной дороги, съ котораго я хотѣла отправиться дальше по направленію къ Москвѣ. Мѣстность была холмистая. Деревня выстроена на пригоркѣ, оврагъ и лощинка отдѣляли ее отъ вокзала желѣзной дороги. Вдали виднѣлся мостъ надъ мѣстомъ, гдѣ былъ сдѣланъ прокопъ, для проложенія полотна рельсоваго пути. До прибытія поѣзда оставалось часа два, на полустанкѣ рѣшительно не было мѣста, и я воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, чтобы побродить по деревнѣ.

День клонился къ концу, но мужиковъ еще не было дома. Бабы сидѣли за станками или хлопотали по дому. Нѣкоторыя дѣвушки занимались шитьемъ лайковыхъ перчатокъ. На скроенныхъ перчаткахъ были клеймы лучшихъ французскихъ перчаточниковъ въ Москвѣ. Работали онѣ чисто, аккуратно. Зашла я между прочимъ въ одну избу, въ которой собралось нѣсколько женщинъ потолковать между собой, подсѣла и я къ нимъ послушать ихъ толки. Рѣчь шла о томъ, что одна *даточница* оштрафовала одну мастерицу. (Даточницами называютъ личности, находящіяся въ прямыхъ сношеніяхъ съ тѣми фабрикантами, которые торгуютъ перчатками. Эти фабриканты сдаютъ по книгѣ столько-то дюжинъ скроенныхъ перчатокъ даточницѣ, которая раздаетъ уже крестьянкамъ по полдюжинѣ для шитья. Большею частью, даточницы разсчитываются съ мастерицами не деньгами, а плохимъ товаромъ и по дорогой цѣнѣ. За свое комиссіонерство онѣ удерживаютъ 40 и больше % стоимости, а съ фабриканта всегда получаютъ плату деньгами). У мастерицы кошка отгрызла пальцы у одной перчатки; мастерица обрѣзала нѣсколько пальцы, уровняла обѣ перчатки и думала такимъ

образомъ скрыть бѣду, а даточница замѣтила, прикинула ей испорченныя перчатки на руки и вычла съ нея полтора рубля. Дѣвушка очень горевала и находила несправедливымъ такой высокій вычетъ, такъ какъ обыкновенно вычитали 1 рубль.

— Да за что же въ самомъ дѣлѣ съ нея вычли больше? спросила я.

— А чтобы не обманывала.

— Деньгами, что ли, она штрафъ-то взяла?

— Гдѣ деньгами взять! Заработать должна.

— А сколько времени работать придется?

— У насъ не больше дюжины въ недѣлю шьютъ, а за дюжину гривенъ восемь даютъ; ну, значитъ, недѣли двѣ и проработаетъ. А дѣвка-то бѣдная—поди, какъ плачетъ!

— Что̀, дѣвушки, деньги, которыя вы заработываете, на наряды тратите или въ семью отдаете?

— Кои побогаче, себя обряжаютъ, а бѣдныя въ семью отдаютъ. Вотъ эта, коя попалась, изъ очень бѣдной семьи. Все съ ними несчастья пошли. Зимой отецъ поѣхалъ въ Москву, тамъ напился, ноги отморозилъ дорогой — въ больницѣ лежалъ мѣсяца два; потомъ, братъ, парень молодой, умеръ, а теперь вотъ пастухъ корову затравилъ.

— Ка̀къ это, корову затравилъ?

— Да бабушка у нихъ больно сварлива. А корову страсть какъ любитъ. Пойдетъ ее встрѣчать, и не знаетъ, какъ и назвать ее, какъ приласкать. Какъ старуха пойдетъ встрѣчать корову, та издали ее завидитъ, и бросится бѣжать къ ней, а пастухъ все и злился на старуху, что набаловала корову; онъ и сталъ собаку травить, а та ухо ей и отгрызла. Старуха-то и пригрозила, что сходкѣ будетъ жаловаться. А намѣднись и пришла корова затравленная, вся въ крови! Просто смерть намъ съ пастухами.

— Что̀ же вы не смѣните пастуха?

— И такъ недавно смѣнили. У насъ одинъ пастухъ сорокъ лѣтъ былъ. Мы какъ довольны имъ были. А тутъ старъ сталъ. Взяли его сына, а сынъ куда противъ отца! Первымъ мошенникомъ оказался. Его смѣнили, другого взяли, а онъ и еще того хуже. Злой, пьянствуетъ, того и гляди скотину сгубитъ. Давно ли весна началась, а у него ужь лошадь угнали, да вотъ корову затравилъ.

— Я вотъ страсть какъ за свою корову боюсь, сказала одна изъ присутствующихъ крестьянокъ.—Молодая она, да шаловливая. Пастухъ уже раза два жаловался, что съ ней хлопотъ много. Я ужь ему, грѣшнымъ дѣломъ, стаканчикъ поднесла, чтобы ублажить его.

— А ты-бъ ему пообѣщалась осенью отблагодарить его.

— Да гдѣ у меня достатокъ благодарить-то его? Дѣло мое сиротское, только одна корова и есть. Свою телку выростила. Старая-то угасла.

— А развѣ у васъ, кромѣ положенія, пастуху еще и благодарность даютъ? спросилъ я женщину.

— Кто побогаче, знамо, благодаритъ пастуха, если благополучно отпасетъ. Они вотъ и балуются пастухи-то. Скотину бѣдныхъ вовсе не блюдутъ.

Вдругъ на улицѣ послышался шумъ. Съ крикомъ и шумомъ приближалась толпа ребятъ. Поднимали окошки въ избахъ, высовывались женскія головы и испуганные голоса спрашивали у ребятъ, что случилось.

— Подпасокъ прибѣжалъ.—Говоритъ, стали стадо домой гнать, корова и свалилась съ обрыва, гдѣ мостъ у чугунки проходитъ! Расшиблась больно, народъ велѣлъ звать, поднять ее... велѣлъ веревокъ взять, говоритъ, должно быть, до смерти...

Въ одну минуту всѣ выбѣжали на улицу. Начались разспросы, какая корова, гдѣ упала, какъ ушиблась. Бабы растерялись. Кто схватилъ краюху хлѣба манить свою корову, другія даже оставили и избу незатворенною, третьи схватывали маленькихъ ребятъ, оставлять которыхъ было не съ кѣмъ, и всѣ побѣжали по направленію къ стаду.

— Да чья корова, говори, постылый! совсѣмъ растерявшись, хриплымъ голосомъ допрашивала женщина, которая только что выразила опасеніе, что съ ея коровой можетъ что случиться.

— Да не знаю чья; говорятъ, пестрая, черная съ бѣлыми пятнами...

— Господи! моя! закричала крестьянка и, обезумѣвши, бросилась вслѣдъ за другими, по направленію къ пастбищу.

— А можетъ, и твоя, тетка Марья? обратилась одна изъ оставшихся въ толпѣ къ только что прибѣжавшей крестьянкѣ.

— Господи помилуй! неужто случился такой грѣхъ! отозвалась тетка Марья и тоже побѣжала къ стаду.

Между тѣмъ, отыскали двухъ, трехъ мужиковъ, которые вернулись съ поля. Запасшись веревками, они отправились къ стаду. Многочисленной гурьбой потянулись ребята и за ними еще двѣ-три женщины.

— Коли у моста свалилась—до смерти ушиблась, толковали бабы:—или ребра поломала—все равно тогда рѣзать придется.

— Навѣрно, собакой травилъ, окаянный. Коли Авдотьина корова, видно, свернула въ сторону, а онъ и натравилъ. Вотъ биться ей опять придется, коли коровы не будетъ. Сколь радости было, какъ корова отелилась!

Заѣзжимъ случайнымъ человѣкомъ, очутившимся въ такой обстановкѣ, при такихъ условіяхъ, невольно овладѣваетъ безпокойство, тревога, желаніе поскорѣе узнать, что̀ и какъ. Проходили минуты за минутами, но не было видно ни стада, ни народа, ушедшаго на встрѣчу. Въ добавокъ приближалось время прихода поѣзда, который здѣсь останавливался всего минуты двѣ. Мнѣ нужно было уйти.

Было какъ-то ужасно тяжело. Какое новое несчастье пости-

гло кого-нибудь изъ среды этого люда и безъ того видавшаго такъ мало радостей? кого оно именно постигло? Убилась ли корова или только ушиблась? Всѣ эти мысли, мучившія населеніе деревни, которой коснулось это несчастіе, теперь мучили и меня; но я не имѣла возможности дождаться отвѣта на всѣ эти вопросы.

Отправилась я на полустанокъ, взяла билетъ и опять выбѣжала, не увижу ли стада—но его все еще не было видно. Вотъ приближается поѣздъ, пришелъ, остановился. Пока я тороплюсь усаживаться, запыхавшись, прибѣжала жена сторожа.

— Жива корова! ведутъ! кричитъ она мужу.

И вдали, дѣйствительно, виднѣется толпа людей. Двѣ женщины идутъ по обѣ стороны коровы, которая шагаетъ медленно, но шагаетъ, не хромая. За ними тѣ же ребята, мужики съ веревками, оказавшіеся ненужными, и въ нѣкоторомъ разстояніи стадо, пастухъ, подпаски.

Слава Богу, однимъ горемъ меньше!

Настало воскресенье; пріѣхалъ ко мнѣ въ Москву Яковъ Иванычъ. Сообщивши объ Катеринѣ Семеновнѣ приблизительно то же самое, что уже извѣстно изъ разсказа Дарьи Игнатьевны, онъ закончилъ словами:

— Несчастные мы! ничего-то не разумѣемъ какъ что сдѣлать. Бродимъ точно въ темномъ лѣсу.

— Что же, Яковъ Иванычъ, вы у себя школу не откроете?

— Да, оно точно, школу бы хорошо имѣть, да достатку нѣтъ. Только вѣдь и школа не велика подмога: граматѣ научатъ, да счету. А на что намъ граната, да счетъ, коли читать и считать нечего.

— Ну, Яковъ Иванычъ, тебѣ кажется грѣшно жаловаться, что тебя судьба обидѣла. Посмотришъ и изба у тебя хорошая, новая, крѣпкая, просторная, и скотина есть и всякаго достатку много, и Дарья Игнатьевна у тебя баба умная, разсудительная. Пока я у васъ была, сколько у ней народу перебывало за всякимъ дѣломъ и совѣтомъ!

Красное лицо Яковъ Иваныча сдѣлалось еще краснѣе и хотя онъ улыбался, но видно было, что онъ волновался.

— Хорошая у меня хозяйка, что̀ и говорить. Ума у ней палата, и безъ нея пропадать бы мнѣ совсѣмъ. А что до достатку моего, то ты, сударыня, лучше спроси, какъ онъ у меня явился. Сколько я изъ-за него муки принялъ! Еслибы не хозяйка, я бы давно и на свѣтѣ-то не жилъ. Вотъ разскажу я тебѣ, какъ мужику достатокъ-то дается. Былъ я мужикъ исправный, совѣстливый, всѣ знали за такого, а достатку не было—бѣденъ былъ. Изба плохая, строиться надо было. Жилъ въ Пятницѣ-Берендѣевѣ крестьянинъ богатый, Овчинниковъ. Торговлей большія деньги нажилъ, всѣмъ торговалъ, и лѣсомъ, и виномъ и всякимъ товаромъ; купцомъ настоящимъ сталъ. Знался я съ нимъ,

потому что у него въ Пятницѣ кое-какого товару забиралъ. Разговорились мы съ нимъ какъ-то, а я и сказалъ ему: вотъ строиться надо бы, да достатку нѣтъ. А онъ и сталъ уговаривать, чтобы я виномъ торговалъ. Денегъ тебѣ дамъ, лѣсу, кирпичей, гвоздей, посуды кабацкой и трактирной, однимъ словомъ, всего что нужно, и вино отпускать тебѣ стану, потому что ты мужикъ честный. Не больно у меня охота была этой торговлей заняться, да думалъ, выстроюсь покуда, а если потомъ охоты не будетъ, брошу торговать. Кабака у насъ не было, дѣло новое, ну и вздумалось испытать. Вотъ сталъ я строиться. Свои маленькія деньжонки были. Выстроилъ избу въ 8½ ар. Устроилъ ее какъ нужно и поѣхалъ къ Овчинникову считаться. Думалъ, рублей сто ему задолжалъ, а какъ стали считаться и вышло, что 227 руб. я долженъ ему. Растерялся я совсѣмъ, думалъ и живъ до дому не доѣду, въ мелкій песокъ разсыплюсь. Пріѣхалъ домой—что со мной только было! Спасибо жена выручила. Не тревожься, говоритъ, выберемся, торговать виномъ будемъ, поправимся. И точно, какъ черезъ годъ считаться поѣхалъ, оказалось, что сто рублей я ужь уплатилъ. Въ три года все и покончилъ.

— А теперь виномъ не торгуешь?

— И не поминай, сударыня, мнѣ про кабакъ и трактиръ! Какъ за избу раздѣлался, такъ все и бросилъ. Хоть въ чужой карманъ не залѣзалъ, да само дѣло-то не чистое: спаивать людей приходится. Выпьетъ онъ полштофъ, разгуляется, давай ему еще, да еще. А тутъ и пойдетъ безобразіе. А тутъ жена его придетъ, подъ окномъ стоитъ, причитаетъ, воетъ... «кровопивецъ ты этакій, кровь нашу пьешь, раззоряешь семью. Дома хлѣба нѣтъ, соли нѣтъ, коровы нѣтъ, ребяты малые безъ молока сидятъ, а ты въ кабакѣ сидишь». Просто тоска беретъ. Хоть по людскому закону я и правъ, да передъ Богомъ-то виноватъ!

Пришелъ, наконецъ, и ожидаемый знакомый, потолковалъ съ Яковомъ Иванычемъ о дѣлѣ, далъ ему нужный совѣтъ. Успокоенный и довольный, Яковъ Иванычъ уѣхалъ домой, обѣщавъ снова навѣстить и сообщить объ участи Катерины Семеновны.

М. Г.

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКА.

Въ прошломъ году русская литература обогатилась новымъ трудомъ г. П. Полевого—біографіей нашего извѣстнаго поэта-издателя, Н. В. Гербеля. Въ біографіи приведены многіе въ высшей степени важные факты и документы; напримѣръ, застольная рѣчь, произнесенная г. Гербелемъ на обѣдѣ, который ему давали товарищи по лейбъ-гвардіи уланскомъ полку при выходѣ его въ отставку и т. п. Но трудолюбивый біографъ не ограничился свѣдѣніями о поэтѣ-издателѣ. Мы узнаёмъ весьма многое объ отцѣ Н. В. Гербеля и нѣчто объ его супругѣ. Объ дѣтяхъ, однако, почему-то ничего не узнаёмъ и даже не видимъ изъ біографіи, былъ ли «вполнѣ счастливый бракъ» Н. В. Гербеля благословленъ потомствомъ. Это, впрочемъ, не единственный пробѣлъ въ трудѣ г. Полевого, ибо, сообщая многознаменательные разговоры г. Гербеля съ товарищами по лейбъ-гвардіи уланскому полку, г. Полевой ничего не сообщаетъ о разговорахъ, вѣроятно, столь же знаменательныхъ, съ изюмскими гусарами, въ рядахъ которыхъ г. Гербель тоже служилъ. Но біографія все-таки въ общемъ весьма обстоятельна, а ужъ объ достовѣрности сообщаемыхъ ею свѣдѣній и говорить нечего, ибо Лукуллъ обѣдаетъ у Лукулла: біографія г. Гербеля издана самимъ г. Гербелемъ...

Honny soit qui mal y pense! Скромность г. Гербеля слишкомъ извѣстна, чтобы читатель подумалъ, что онъ можетъ такъ-таки взять да и издать свою біографію, да еще съ приложеніемъ портрета, на удивленіе современникамъ и въ назиданіе потомству. Нѣтъ, г. Гербель приложилъ къ своей собственной біографіи жизнеописанія многихъ своихъ однокашниковъ, причемъ, напримѣръ, Гребенкѣ удѣлилъ мѣста только въ половину меньше, чѣмъ самому себѣ, а Гоголю даже на двѣ страницы больше. Къ этому онъ прибавилъ еще нѣсколько другихъ статей и изо всего этого вышла объемистая, изящно изданная книга, подъ заглавіемъ: «Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1881». Я, признаться сказать, не помню перваго изданія этой книги, но помню, что одна изъ статей, вошедшихъ въ нее, была нѣсколько лѣтъ тому назадъ издана отдѣльной брошюрой, на которую въ свое время «Отечественныя Записки» обратили вниманіе въ

библіографическомъ отдѣлѣ. Тѣмъ не менѣе, статья эта содержитъ нѣсколько любопытныхъ и, кажется, не старѣющихъ на Руси чертъ, объ которыхъ стоитъ и теперь побесѣдовать.

Статья принадлежитъ г. Лавровскому и называется «Гимназія высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ». Въ ней есть одинъ чрезвычайно любопытный эпизодъ — «исторія вольнодумства» — изъ временъ первыхъ годовъ царствованія императора Николая I. Г. Лавровскій справедливо говоритъ, что, «по содержанію своему, нѣжинская исторія совершенно однородна съ извѣстными исторіями въ с.-петербургскомъ и харьковскомъ университетахъ, такъ что представляетъ собою только отдѣльный, доселѣ неизвѣстный эпизодъ общей университетской исторіи о пресловутомъ вольнодумствѣ профессоровъ, обличаемомъ тогдашними ревнителями просвѣщенія, въ родѣ Магницкаго, Рунича и другихъ».

Въ октябрѣ 1826 года, инспекторъ гимназическаго пансіона, онъ же профессоръ естественнаго права, Бѣлоусовъ, донесъ куда слѣдуетъ, что «нѣкоторые воспитанники пансіона, скрываясь отъ начальства, пишутъ стихи, не показывающіе чистой нравственности, и читаютъ ихъ между собою, читаютъ книги, неприличныя для ихъ возраста, держатъ у себя сочиненія Александра Пушкина и другихъ подобныхъ». Пошли разслѣдованія, обыски, выемки, все, что̀ слѣдуетъ. Но давно извѣстно, что подъявшій мечъ отъ меча и погибнетъ. Не дальше, какъ въ маѣ 1827 года, самъ Бѣлоусовъ, столь строгій цензоръ «Александра Пушкина и другихъ подобныхъ», подвергся доносу со стороны профессора политическихъ наукъ Билевича. А именно, Билевичъ «примѣтилъ въ нѣкоторыхъ учебникахъ нѣкоторыя основанія вольнодумства, происходившія отъ заблужденія въ основаніяхъ права естественнаго, которое, вопреки предписаніямъ попечителя, читается не по системѣ де-Мартини, а по основаніямъ философіи Канта и Шада. Въ оправданіе Бѣлоусовъ, сверхъ обличенія Билевича въ невѣжествѣ, представилъ въ конференцію свои записки, которыя, однако, Билевичъ объявилъ подложными и досталъ и доставилъ якобы настоящія, съ своими коментаріями. По мнѣнію Билевича, записки Бѣлоусова «преисполнены такихъ мнѣній и положеній, которыя неопытное юношество дѣйствительно могутъ вовлечь въ заблужденіе». Конференція передала дѣло на разсмотрѣніе законоучителя, о. Павла Волынскаго, и отецъ протоіерей постарался...

Отецъ протоіерей «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ записокъ нашелъ мысли, при наученіи юношества, къ сбивчивымъ и ложнымъ понятіямъ ведущія». Вотъ нѣсколько образчиковъ обличенія г. Волынскаго. Говоря о системѣ Томазія, Бѣлоусовъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что начала права по этой системѣ—справедливое, честное и приличное—«не важны». На это о. протоіерей возражаетъ, что «справедливаго и честнаго законъ Божій держаться повелѣваетъ (Филипис. IV, 8)». — Бѣлоусовъ говоритъ: «Человѣкъ имѣетъ право на свое лицо, то есть онъ имѣетъ право

быть такъ, какъ природа образовала его душу и тѣло, а потому достоинство разумной природы въ чувственномъ мірѣ составляетъ ненарушимость лица». О. протоіерей находитъ, что при такомъ опредѣленіи «можно отрицать всякое повиновеніе закону; при немъ же уничтожается власть родителей на дѣтей, воспитаніе или ученіе ихъ дѣлаются ненужными; въ чемъ же состоитъ достоинство разумной природы—неизвѣстно».—Вообще, все обличеніе о. протоіерея состоитъ изъ совершенно вздорныхъ придирокъ къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ, причемъ обличитель не брезгаетъ извращать критикуемый текстъ, выпускать изъ него неудобныя для обличенія фразы и т. п. Въ результатѣ всѣхъ этихъ ухищреній получается, однако, отнюдь не преступная пустяковина и позорное дѣло о. протоіерея выигрывается только припѣвомъ: «сіе противно святому писанію и ученію церкви». Въ заключеніе о. протоіерей полагаетъ: «Таковыя и подобныя имъ наставленія въ классической наукѣ положительнымъ образомъ юношеству преподаваемаго естественнаго права нахожу я цѣли воспитанія юношей несоотвѣтственными и съ самимъ благочестіемъ несообразными, тѣмъ паче, что въ оной, врученной мнѣ для пересмотрѣнія тетрадкѣ между правилами нигдѣ ничего не было преподано о должностяхъ къ Богу, къ родителямъ, наставникамъ, къ начальству и вообще къ ближнему, даже и къ самимъ себѣ».

Дальше въ лѣсъ, больше дровъ. Послѣ взаимныхъ препираній, обвиненій, рапортовъ, профессора привлекли къ дѣлу и воспитанниковъ, въ качествѣ свидѣтелей. А отсюда новые рапорты и донесенія. У Бѣлоусова оказались сторонники между преподавателями, равномѣрно заподозрѣнные въ «вольнодумствѣ»: Ландражинъ, Зингеръ и Шапалинскій. До какой грязи и мелочности, а вмѣстѣ съ тѣмъ до какого страстнаго возбужденія дошли обѣ воюющія стороны, видно изъ слѣдующихъ, напримѣръ, случаевъ или, вѣрнѣе, рапортовъ, ибо вся эта гнусная исторія имѣла характеръ взаимнаго обстрѣливанія рапортами, наполовину вздорными, наполовину облыжными. Профессоръ Іеропесъ донесъ, что въ одномъ изъ засѣданій конференціи Бѣлоусовъ обратился къ нему со словами: «я тебя задушу». Профессора Моисеевъ и Никольскій въ одномъ общемъ рапортѣ донесли: «Наканунѣ оныхъ экзаменовъ, случайно, во время прогулки, подъ вечеръ, сошлись мы на новомъ, такъ называемомъ купца Долгова мосту, сѣли за пѣшеходною перегородкою на лавочку и, пока вечерѣло, занимались разговорами. Черезъ нѣсколько минутъ, проходитъ мимо насъ ученикъ Зміевъ съ двумя его сестрами и съ дядею, поручикомъ бугскаго уланскаго полка Рубаномъ. Пройдя мимо насъ немного, Зміевъ отстаетъ отъ сестеръ и дяди, обращается къ намъ и дѣлаетъ призывные знаки рукою. Профессору Никольскому показалось, что будто ученикъ Зміевъ зоветъ его, почему и подошелъ къ нему; но Зміевъ сказалъ, что имѣетъ надобность поговорить съ профессоромъ Моисеевымъ, котораго Никольскій

и позвалъ. Когда подошелъ Моисеевъ, то Зміевъ, между прочимъ, вполголоса сказалъ слѣдующее: «Я слышалъ отъ учениковъ, что профессоръ Бѣлоусовъ съ профессоромъ Зингеромъ сговорились завтра на экзаменѣ сбивать учениковъ въ отвѣтахъ . Зміевъ сказалъ то, самъ будучи въ нѣкоторомъ страхѣ отъ предстоявшаго ему экзамена».

Къ этому остается прибавить, что, несмотря на обстоятельность разсказа Моисеева и Никольскаго, онъ оказался вымышленнымъ: почтенные преподаватели, можетъ быть, и сидѣли «за пѣшеходной перегородкой на лавочкѣ», но о злостныхъ намѣреніяхъ Бѣлоусова и Зингера Зміевъ имъ ничего не говорилъ. Но, понятное дѣло, что главный интересъ баталіи составляли уличенія по части неблагонамѣренности политической и религіозной. Зингеръ уличался въ томъ, что, переводя въ классѣ статью Канта «О высокомъ и изящномъ», выражался пренебрежительно о ношеніи крестовъ на тѣлѣ, а также о значеніи присяги. Въ учебныхъ тетрадяхъ оказывались выраженія, «противныя греко-россійской церкви». Ученикъ Зміевъ обвинялся въ томъ, что, съ согласія профессора Ландражина, перевелъ на французскій языкъ стихи Кондратія Рылѣева, «касающіеся до призыванія къ свободѣ». Ученикъ Кукольникъ давалъ товарищамъ своего сочиненія трагедію «Марія», «дерзко и непристойно написанную». И т. д.

Изъ учениковъ за всю эту исторію поплатились только двое—Родзянко и Кукольникъ: оба были при выпускѣ лишены медалей, а Кукольникъ, сверхъ того, и класснаго чина, соотвѣтственнаго его успѣхамъ въ наукахъ. Что же касается «вольнодумныхъ» профессоровъ, то въ октябрѣ 1830 года относительно ихъ послѣдовало слѣдующее окончательное рѣшеніе: «Шапалинскаго и Бѣлоусова за вредное на юношество вліяніе, а Ландражина и Зингера, сверхъ того, и за дурное поведеніе, отрѣшить отъ должности, со внесеніемъ сихъ обстоятельствъ въ ихъ паспорты, дабы таковымъ образомъ они и впредь не могли быть нигдѣ терпимы въ службѣ по учебному вѣдомству, а тѣхъ изъ нихъ, кои не русскіе, выслать за-границу, русскихъ же—на мѣста ихъ родины, отдавъ подъ присмотръ полиціи».

Такимъ образомъ, гидра была обезглавлена, порокъ наказанъ, а добродѣтель восторжествовала. Но сколь добродѣтель въ своемъ торжествѣ неистова, видно изъ слѣдующаго эпилога нѣжинской исторіи о вольнодумствѣ. Въ 1832 году, Ландражинъ, проживавшій въ Тотьмѣ подъ надзоромъ полиціи, обратился куда слѣдуетъ съ прошеніемъ о выдачѣ ему квартирныхъ денегъ за два года, въ свое время не полученныхъ. Ландражинъ ссылался при этомъ на свое бѣдственное положеніе, такъ какъ онъ «нынѣ лишонъ всѣхъ средствъ къ пропитанію себя и осиротѣвшаго семейства своего»; деньги же просилъ выдать или ему лично, или «бѣдной женѣ его, оставшейся съ дѣтьми въ Нѣжинѣ». Въ концѣ-концовъ, Ландражинъ получилъ желаемое, но въ конференціи

нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ нашлись все-таки представители ничего не забывающей и ничему не научающейся Немезиды. Самымъ виднымъ изъ нихъ оказался опять-таки законоучитель, но уже не о. Волынскій, а новый — о. Мерцаловъ. Это духовное лицо рѣшительно полагало Ландражину денегъ не давать, ибо, дескать, «совсѣмъ неестественно давать плату такому дѣлателю, который, бывъ принятъ на извѣстныхъ, выгодныхъ для него условіяхъ починить домъ, совершенно бы оный разрушилъ, или построить новый, вмѣсто сего попортилъ бы матеріалы, къ построенію приготовленные»...

Черты знакомыхъ лицъ, знакомый разгулъ гнусности и злобы...

Есть что-то звѣрское въ человѣкѣ, наслѣдіе далекихъ предковъ, бѣгавшихъ на четвере污ькахъ. Исторія наложила на этого звѣря цѣлый рядъ слоевъ, такъ что по временамъ его будто и нѣтъ вовсе. Но иногда звѣрь просыпается и щелкаетъ звѣриными клыками и машетъ звѣринымъ хвостомъ и злобно щуритъ звѣриные глаза...

Боюсь, впрочемъ, что эти черты возбудятъ въ читателѣ картину, слишкомъ красивую для сюжета настоящей нашей бесѣды. Нѣтъ, надо себѣ представить звѣря же, злобнаго и лукаваго, но не обладающаго никакой собственной силой, а почерпающаго ее въ случайныхъ обстоятельствахъ времени и мѣста, тогда и получится дѣятель эпохи реакціи. Реакція нетолько останавливаетъ ходъ историческаго движенія или, вѣрнѣе сказать, пытается его остановить, потому что въ концѣ-концовъ никакая реакція ничего не останавливаетъ и остановить не можетъ; но она будитъ, кромѣ того, въ людяхъ звѣрскіе инстинкты, даетъ имъ просторъ. Всѣ эти Билевичи, Никольскіе, отцы Волынскіе, отцы Мерцаловы, конечно, и въ обыкновенное время не были бы рыцарями чести. Но въ обыкновенное сѣрое время ихъ зложелательная дѣятельность была бы заключена въ сравнительно узкіе предѣлы сплетень, пересудовъ, перебранки, пожалуй, потасовки. Все это некрасивыя вещи, разумѣется, но, составляя болѣе или менѣе необходимую принадлежность извѣстной среды, онѣ не открываютъ зложелательному взгляду никакихъ новыхъ, широкихъ перспективъ: дѣло обычное, дѣло привычное, совершающееся уже съ нѣсколько притупленнымъ аппетитомъ. Правда, когда нужно спихнуть кого-нибудь съ мѣста, чтобы самому сѣсть на него или посадить родного человѣчка, тогда аппетитъ разыгрывается и въ игру вносится нѣкоторая страстность. Но самый арсеналъ орудій подсиживанія и подгаживанія ближнему слишкомъ все-таки скуденъ. И вдругъ является возможность съ успѣхомъ объявить любого Иванова и всякаго Петрова «волтеромъ», «масономъ», «сицилистомъ», врагомъ Бога и властей! Самая возможность успѣха на этомъ поприщѣ окриляетъ неразуміе и злобу. Тигръ не тигръ, а всего-то на всего какой-нибудь Билевичъ, или Волынскій, или Мерцаловъ, но все-таки лизнулъ крови. Онъ, ничтожество, «знаетъ слово», не хуже какого мага и вол-

*

шебника. Онъ, безсильный, можетъ отнынѣ не просто гадить ближнему, а дѣлать это съ музыкой, съ сладострастнымъ ощущеніемъ своего могущества и съ издѣвательствомъ надъ жертвой. Звѣрь распаляется, окончательно дурѣетъ, ибо какую бы дурость, совершенно даже ни съ чѣмъ несообразную, онъ ни предъявилъ — она имѣетъ кредитъ. Существуетъ, напримѣръ, профессоръ Бѣлоусовъ, настолько скромный и умѣренный, что не одобряетъ чтенія юношествомъ «сочиненій Александра Пушкина и другихъ подобныхъ». Но стоитъ только вырвать изъ его курса наудачу нѣсколько невиннѣйшихъ фразъ безъ всякой связи и приписать: «сіе противно святому писанію и ученію церкви» или что-нибудь въ этомъ родѣ; стоитъ только совершить эту простую манипуляцію, чтобы загорѣлся сыръ-боръ и чтобы врагъ «Александра Пушкина и другихъ подобныхъ» оказался въ концѣ-концовъ врагомъ властей и Бога. Существуетъ профессоръ Ландражинъ, котораго само начальство аттестуетъ такъ: «сколько службою по своему предмету съ хорошей стороны извѣстенъ, столько и свѣдѣніями по оному начальствомъ и посторонними лицами много засвидѣтельствованъ». Но маги и волшебники «знаютъ слово». И вотъ—фьють! Ландражинъ, разлученный съ семьей, кушаетъ морошку въ Тотьмѣ. Какъ не разгуляться звѣрскимъ инстинктамъ при такихъ условіяхъ и что мудренаго, если о. Мерцаловъ не пожелалъ оставить Ландражина въ покоѣ даже въ Тотьмѣ и все тянулъ туже единственную волчью пѣсню: «совсѣмъ неестественно давать плату такому дѣлателю». Положимъ, что этому «дѣлателю» просто-таки должны, просто не заплатили денегъ, слѣдующихъ ему по праву. Но какія ужъ права и долги, когда рѣчь идетъ о «волтерѣ», «масонѣ», «сицилистѣ», «пошломъ либералѣ», вообще, о человѣкѣ, отмѣченномъ перстомъ разъярившагося звѣря, если только у него перстъ, а не копыто! Въ томъ-то и сласть для ничтожества, чтобы бить жертву безъ конца и жалости и наслаждаться въ этомъ гнусномъ дѣлѣ отраженіемъ своего заемнаго могущества...

Глубоки тайники человѣческой души и много въ нихъ бродитъ такого, что и не снилось нашимъ мудрецамъ. Но одно вѣрно: либо очень смѣются надъ нами, либо сами очень ошибаются тѣ мудрецы, которые, подобно покойному Достоевскому и его послѣдователямъ, увѣряютъ, что надо «искать себя въ себѣ», а все прочее вниманія не стоитъ; что никакія общественныя или историческія условія не могутъ стать поперегъ дороги доброй волѣ. Добрая воля можетъ многое сдѣлать, это очевидно, потому что есть борцы и добровольные мученики на бѣломъ свѣтѣ. Но дѣло въ томъ, что средняя человѣческая душа есть сосудъ съ крайне сложнымъ, разнообразнымъ, смѣшаннымъ содержимымъ. Добра тутъ много, гораздо больше, чѣмъ думаютъ мрачные пессимисты, но и зла тоже не мало, гораздо больше, чѣмъ полагаютъ слащавые моралисты, отъ которыхъ пахнетъ лакрицей. И какъ хозяйка-помѣщица, знающая приличія и обычаи, готовясь

угостить отца благочиннаго съ причтомъ, вынимаетъ изъ кладовой совсѣмъ не ту провизію, которая понадобится при угощеніи землемѣра или предводителя дворянства, такъ поступаетъ и исторія съ средней человѣческой душой. Сегодняшній историческій моментъ съ своими особенностями общественныхъ отношеній будитъ въ средней душѣ звѣря, завтрашній можетъ его усыпить. Утѣшительно ли это или нѣтъ, я не знаю, но это такъ. Для настоящей минуты оно, пожалуй, утѣшительно, потому что большинство сегодняшнихъ Савловъ завтра, когда вѣтеръ перемѣнится, перестанутъ быть Савлами. Ну, только и Павлы изъ нихъ выдутъ не особенно надежные, однако, въ числѣ прочихъ, въ общемъ счетѣ, пожалуй, и не безполезные. Какъ бы тамъ, впрочемъ, ни было, а достовѣрно, что эпохи реакціи вызываютъ необыкновенные психологическіе феномены злобы и жестокости, ключа къ которымъ надо, кажется, искать именно въ томъ, что безсильное само по себѣ, внутренно безсильное ничтожество получаетъ въ свои руки дѣйствительно страшное оружіе и сладострастно тѣшится бѣдами, которыя производитъ. Оттого-то и всѣ уроки исторіи пропадаютъ въ этомъ отношеніи даромъ и никакой Билевичъ, никакой Волынскій не боятся того позорнаго столба, къ которому они рано или поздно будутъ приставлены. Отчего, скажите, ослу доставляло удовольствіе лягать больного льва? Оттого, что онъ оселъ. И какъ же вы хотите, чтобы оселъ, убоясь того, что онъ станетъ притчей во языцѣхъ, отказался воспользоваться такою счастливою для него случайностью, какъ болѣзнь льва. Времена реакціи представляютъ цѣлое скопище подобныхъ счастливыхъ случайностей и разыгравшійся звѣрь, очертя голову, не думая о завтрашнемъ днѣ, наслаждается...

Но это еще не все, не весь букетъ. Дѣятель реакціи, по самому положенію вещей, долженъ величайшія свои гнусности приправлять умиленными или благоговѣйными фразами: «сіе противно святому писанію и ученію церкви». У самого всѣ внутренности клокочутъ отъ предчувствія злобнаго торжества, а онъ долженъ, между тѣмъ, воздѣвая очи горѣ, выжимать изъ себя елейныя слова объ обязанности къ Богу или ближнимъ, о смиреніи, о добрыхъ нравахъ и проч. Ханжество и лицемѣріе составляютъ столь же необходимые ингредіенты реакціи, какъ злоба и жестокость. Это масло къ кашѣ, соль къ хлѣбу. Безъ ханжества и лицемѣрія «суха риторока, косноязычна піитика»...

Любопытно слѣдующее обстоятельство. Мнѣ не случалось видѣть отзыва объ изданной г. Гербелемъ книгѣ «Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко» ни въ одномъ журналѣ, за исключеніемъ «Русскаго Вѣстника». Въ этомъ же журналѣ была помѣщена довольно обширная рецензія съ изложеніемъ содержанія книги и исторіи нѣжинскаго училища. Но при этомъ собственно «исторія о вольнодумствѣ», самый любопытный пунктъ книги, не поминается ни единымъ словомъ, точно ея никогда

и не было. Значитъ, знаетъ все-таки кошка чье она мясо съѣла. Это похвально...

Билевичъ въ одномъ изъ своихъ рапортовъ писалъ, между прочимъ: «нѣтъ сильнѣйшаго противъ профессора обвиненія, какъ обвиненіе въ вольнодумствѣ». Это справедливо, конечно: при извѣстныхъ условіяхъ профессору простятъ все: бездарность, невѣжество, лѣность, безнравственность, но только не «вольнодумство». Но справедливый афоризмъ Билевича требуетъ для ясности дѣла двухъ дополненій. Во-первыхъ, когда во всеобщій оборотъ пускается слово «вольнодумство» или другое подобное, и становится всепобивающей дубиной, тогда рѣшительно никто не знаетъ, что собственно значитъ вольнодумствовать. Такъ напримѣръ, потрудитесь разрѣшить загадку: почему признавать основанія права по системѣ Томазія «неважными» значитъ вольнодумствовать? Когда, по прелестному выраженію Гл. Успенскаго, «никому—ничего—нельзя», тогда всякому—всякаго—возможно обличить въ вольнодумствѣ. Это разъ. Во-вторыхъ, во времена «никому—ничего—нельзя» обвиненіе въ вольнодумствѣ есть тягчайшее нетолько для профессора, а и для всякаго земнороднаго, чуть ли даже не для младенцевъ, въ утробахъ матерей покоящихся. По крайней мѣрѣ, вотъ что сообщаетъ корреспонденція изъ Симферополя въ «Голосъ» отъ 5-го марта:

Появленіе въ газетахъ замѣтокъ о печальномъ положеніи мѣстной мужской гимназіи, а затѣмъ присылка анонимнаго оскорбительнаго и угрожающаго письма за подписью «гимназистъ», вызвали повальный обыскъ всей гимназіи жандармами.

Не прошло недѣли послѣ обыска, какъ надняхъ, вечеромъ, адъютантъ жандармскаго управленія, проходя по Александроневской улицѣ, мимо дома Т., по его словамъ, былъ оскорбленъ свистомъ и указаніемъ въ лицо на него пальцемъ со стороны ученика гимназіи перваго класса Т., который, будто бы, въ то время, когда проходилъ адъютантъ мимо дома Т., гдѣ ученикъ Т. вмѣстѣ съ другими дѣтьми катался на конькахъ, обратился къ катавшимся дѣтямъ со словами: «вотъ идетъ тотъ жандармскій офицеръ, который производилъ въ нашей гимназіи обыскъ, отобралъ наши тетради», сталъ, указывая на него пальцемъ, свистать. Этотъ офицеръ подошелъ къ свиставшему ученику, спросилъ фамилію и, потребовавъ отъ него гимназическій билетъ, котораго у гимназиста не оказалось, прошелъ мимо.

На другой день, директору гимназіи была прислана оффиціальная бумага отъ начальника жандармскаго управленія, въ которой указано на неблагонамѣренный поступокъ названнаго ученика и предложено наложить на него взысканіе. Директоръ, зная, что этотъ ученикъ не способенъ на такой поступокъ, тѣмъ не менѣе, распорядился тотчасъ назначеніемъ слѣдствія, пригласивъ въ гимназію мать обвиняемаго. Оказалось, что когда жандармскій офицеръ проходилъ мимо катающихся мальчиковъ, то ученикъ Т., подъѣзжая на конькахъ къ другому мальчику, сказалъ довольно тихо и даже съ робостью: «Смотри, вотъ идетъ тотъ офицеръ, который обыскивалъ нашу гимназію», причемъ, нетолько онъ, но никто изъ катавшихся мальчиковъ свистать и указывать пальцемъ и не думалъ. Когда офицеръ обратился къ нему съ вопросомъ о фамиліи и о гимназическомъ билетѣ, тотъ сейчасъ же назвался; «а билетъ — ска-

залъ онъ—вотъ тутъ дома, хотите я сейчасъ принесу, обождите минуточку». Офицеръ сказалъ «не надо» и ушелъ.

Когда невиновность ученика выяснилась, мать его отправилась съ жалобою къ исправляющему должность губернатора, который, однако, сказавъ, что не имѣетъ причины не вѣрить ей, но не имѣетъ также причинъ не вѣрить и жандармскому управленію, обѣщалъ принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Послѣ этого, гимназическое начальство получило частное письмо отъ жандармскаго управленія, въ которомъ предлагалось дѣло прекратить, такъ какъ шалость ребёнка не имѣетъ значенія. Въ частномъ письмѣ жандармскаго управленія совѣтовалось все-таки предложить ученику Т. попросить извиненія у офицера, но г-жа Т. согласія своего на это не изъявила. Поговариваютъ также, что и гимназическое начальство, въ свою очередь, заявило высшему начальству о невозможности вести свое дѣло при такихъ слишкомъ стѣснительныхъ и пристрастныхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между гимназіей и жандармскимъ управленіемъ, и что обыски, не приводящіе, конечно, ни къ какимъ результатамъ, производятъ на дѣтей далеко нежелательныя впечатлѣнія и даже вредно на нихъ вліяютъ. Во время перемѣны явился въ гимназію жандармскій офицеръ и, потребовавъ отъ директора тетради всѣхъ учениковъ, сталъ ихъ перелистывать и сличать съ почеркомъ анонимнаго письма, хотя это можно было сдѣлать такъ, чтобы не знали ученики. Разсказываютъ также о нехорошемъ отзывѣ полковника на одномъ оффиціальномъ обѣдѣ о женской гимназіи и о неблагонадежности начальницы; о предложеніи одному ученику хорошаго вознагражденія за шпіонство и проч.

У насъ только и разговоровъ про эти исторіи. Эти «гимназическія исторіи» вызвали совершенно неожиданный пріѣздъ сюда попечителя одесскаго учебнаго округа, г. Лавровскаго. Ночью, 19-го февраля, онъ пріѣхалъ, а утромъ, 20-го, посѣтилъ обѣ гимназіи и засталъ все, какъ говорятъ, врасплохъ. Попечитель предполагаетъ пробыть въ Симферополѣ болѣе недѣли, чтобы ознакомиться съ описаннымъ и другими случаями въ подробностяхъ и потомъ установить порядокъ.

Какъ видитъ читатель, бываютъ положенія, когда ученикъ перваго класса гимназіи, то есть юнѣйшій юнецъ, можетъ быть не безъ грому уличаемъ въ вольнодумствѣ: свищетъ! И хотя въ концѣ концовъ оказывается, что онъ вовсе даже и не свищетъ, но тѣмъ пикантнѣе выходитъ этотъ поединокъ двухъ учрежденій изъ-за гимназиста, который не свисталъ. Какъ бы однако ни были пикантны подобные поединки, а они имѣютъ печальное свойство затягиваться до безконечности и притягивать все больше и больше народу, волнуя иногда все общество.

Черезъ день (7-го марта) въ «Голосѣ» появилась новая корреспонденція, разсказывающая продолженіе «гимназической исторіи» такъ:

Попечитель одесскаго учебнаго округа, пріѣхавъ съ ночнымъ поѣздомъ въ Симферополь, никѣмъ не встрѣченный, отправился въ гостинницу, гдѣ не объявилъ тотчасъ о томъ, кто онъ такой, чтобы гимназіи не были предупреждены.

Утромъ, часовъ въ восемь, когда въ женской гимназіи воспитанницы были на молитвѣ, попечитель явился въ гимназію и, прежде всего, одни говорятъ, сдѣлалъ выговоръ, другіе — «раскричался» на швейцара, осмѣлившагося не стоять, какъ статуя, у двери, а отлучившагося на два шага въ корридоръ, чтобы прибрать галоши. Въ классахъ попечитель нашелъ, будто бы, во всемъ безпорядки, о чемъ заявилъ начальницѣ, при ученицахъ, выражая свое не-

удовольствіе въ начальническомъ тонѣ и, наконецъ, «разгромилъ» нѣкоторыхъ ученицъ, позволившихъ себѣ въ его присутствіи поправить передникъ или что-то въ этомъ родѣ.

Въ мужской гимназіи онъ нашелъ, будто бы, тоже массу безпорядковъ—у нѣкоторыхъ учениковъ не были застегнуты мундиры на всѣ пуговицы и т. п. Какъ и въ женской гимназіи, онъ, какъ говорится, разнесъ и директора и учениковъ, послѣ чего уѣхалъ. На другой день, по его приглашенію, былъ созванъ попечительный совѣтъ при женской гимназіи, на который явились губернскій и уѣздный предводители дворянства, городской голова и другіе представители общества. На совѣтѣ, какъ и въ гимназіи, попечитель продолжалъ укорять директора мужской гимназіи, приписывая ему едва ли не разложеніе гимназіи; въ общемъ же, рѣчь его, обращенная къ членамъ совѣта, была похожа на обвинительный актъ противъ директора гимназіи. Рѣчь эта представителямъ общества показалась настолько странною, что одинъ изъ нихъ выразилъ удивленіе по поводу выслушанной рѣчи, назвалъ ее обвинительнымъ актомъ, причемъ пояснилъ, что скорѣе, въ порядкѣ вещей, было бы имъ, представителямъ общества, быть недовольными директоромъ и произносить его высшему начальству обвинительный актъ. Послѣ такого неожиданнаго «афронта», попечитель оставилъ гимназію, видимо недовольный.

Толковъ объ этомъ много. Разговоры сводятся къ тому, что начальницѣ гимназіи и директору будетъ предложено выйти въ отставку, о чемъ всѣ сожалѣютъ, крайне не сочувствуя подобнымъ мѣрамъ. Оба представителя дворянства, архіерей, сильно отстаивающій директора, городской голова и многіе другіе члены общества устроили общій адресъ, въ которомъ говорятъ за оставленіе начальствъ гимназій на своихъ мѣстахъ, какъ людей вполнѣ способныхъ, которыми все общество вполнѣ довольно. Губернскій предводитель дворянства отправился къ попечителю на квартиру и вручилъ ему этотъ адресъ. Преосвященный Гурій, архіепископъ таврическій, отправился въ гостинницу, къ попечителю, чтобъ увѣрить его, что общество возбуждено разными слухами и что общество желаетъ, чтобы начальство гимназій оставалось на своихъ мѣстахъ, такъ какъ можно ручаться, что нѣтъ твердыхъ основаній къ перемѣнѣ ихъ, а также, что вѣрить доносчикамъ и недоброжелателямъ нельзя и къ ихъ заявленіемъ нужно относиться осторожно. Тѣмъ не менѣе, полагаютъ, что начальство нашихъ гимназій, къ сожалѣнію общества, будетъ или уволено, или перемѣщено. Если это осуществится, то, такимъ образомъ, тайнымъ агентамъ, шпіонамъ, доносчикамъ и анонимнымъ письмамъ будетъ оказано больше вѣры, чѣмъ представителямъ общества.

Какъ назвать такое положеніе вещей, когда цѣлый городъ можетъ быть встревоженъ какими-то «тайными агентами, шпіонами, доносчиками и анонимными письмами», и когда архіепископъ, высшее духовное лицо, тщетно доказываетъ, что «вѣрить доносчикамъ и недоброжелателямъ нельзя и къ ихъ заявленіямъ нужно относиться осторожно»? «Галиматья»—это вѣрно, пѣтушій Матвѣй, galli Mathias, вмѣсто Матвѣева пѣтуха. Но представьте себѣ, какъ злорадно потираютъ руки тѣ «доносчики и недоброжелатели», которые заварили всю эту кашу. Да и какъ имъ не радоваться? Захотѣли—и отняли пѣтуха у Матвѣя и отдали Матвѣя пѣтуху, а ужь чего, кажется, несообразнѣе? Понятное дѣло, что люди грубые, злобные, малоумные, получивъ въ распоряженіе такую магическую силу, не упустятъ случая приложить ее даже ни съ того, ни съ сего, такъ, для удовлетворенія про-

сто безпредметно злобнаго чувства своей мощи. Еще понятнѣе, что это орудіе пускается въ ходъ съ опредѣленною, спеціальною цѣлью нагадить непріятному человѣку, напримѣръ, оскорбившему злобнаго и малоумнаго человѣка, уличившему его въ какой-нибудь пакости или, напротивъ, оказавшему ему много услугъ. Ибо глубока глубина дрянности дряннаго человѣка и съ особенно дрянною радостью проявляетъ онъ при случаѣ заемную, случайно полученную силу надъ тѣмъ, кому онъ много обязанъ: это нарочито льститъ его самолюбію. Словомъ, нѣтъ низости, которая не могла бы насосаться, какъ піявка, въ такія времемена, когда одного магическаго слова достаточно, чтобы отнять пѣтуха у Матвѣя и отдать Матвѣя пѣтуху.

Взятая отдѣльно, симферопольская исторія представляетъ нѣчто даже фантастическое, и надо надѣяться, что попечитель одесскаго учебнаго округа, равно какъ и министерство народнаго просвѣщенія прекратятъ, наконецъ, эту фантасмагорію, то есть оцѣнятъ предстательство преосвященнаго Гурія и симферопольскихъ нотаблей. Но вѣдь не всегда духовные и свѣтскіе нотабли хотятъ и могутъ вступить въ борьбу съ разыгравшимся звѣремъ, а даетъ онъ себя знать не въ одномъ Симферополѣ и нетолько въ февралѣ мѣсяцѣ.

Недавно одинъ мой старый пріятель, живущій въ провинціи, былъ по дѣламъ въ Петербургѣ. Онъ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, въ разговорѣ, что, дескать, въ эту самую минуту у него дома происходитъ, можетъ быть, полицейскій обыскъ по нелѣпѣйшему доносу политическаго характера. Посмѣявшись надъ дѣйствительно колоссальною нелѣпостью доноса, я замѣтилъ пріятелю, что ему опасаться во всякомъ случаѣ нечего, потому что обыскъ кончится торжествомъ его невинности. — «А я почемъ знаю?» возразилъ пріятель. — «Да вѣдь у васъ ничего противозаконнаго нѣтъ». — «Можетъ быть, и найдется. У меня по дѣламъ моимъ благопріятелей много, и есть между ними такіе, что ни передъ чѣмъ не остановятся, лишь бы напакостить изъ-за угла; коли такой доносъ сочинили, такъ могутъ въ мое отсутствіе и подкинуть что-нибудь...»

Я не знаю конца этой исторіи, но это все равно, ибо воодушевительно должно дѣйствовать уже самое ожиданіе, самая перспектива, въ концѣ которой красуется тотемская морошка. Воодушевительно, разумѣется, для тѣхъ маговъ и волшебниковъ, которые «знаютъ слово», и совсѣмъ не воодушевительно для мирныхъ гражданъ.

Что значитъ по нашему времени «слово», это лучше всего видно изъ недавней исторіи закрытія харьковскаго университета. Исторія эта, насколько ее можно возстановить на основаніи различныхъ корреспонденцій, состояла въ слѣдующемъ.

23-го января въ харьковскомъ дворянскомъ собраніи происходилъ танцовальный вечеръ въ пользу общества для вспомоществованія нуждающимся студентамъ харьковскаго университета.

Часовъ около пяти утра за однимъ изъ столовъ сидѣли представители мѣстной печати гг. Іозефовичъ, Говоруха-Отрокъ, студенты Ванчаковъ и Лившицъ—серкретари редакціи «Южнаго Края», и профессора Ярошъ и Даневскій. Одинъ изъ трехъ молодыхъ людей, находившихся по близости этой группы, подошелъ къ профессору Даневскому съ вопросомъ: «Гдѣ Говоруха? мнѣ интересно посмотрѣть на него». Профессоръ указалъ и г. Говоруха уже протянулъ черезъ столъ руку студенту, желавшему, по его мнѣнію, съ нимъ познакомиться, но получилъ отвѣтъ: «Не торопитесь, я съ вами вовсе не желаю знакомиться, я только хочу посмотрѣть на васъ». Другой студентъ, желая мотивировать слова своего товарища, упомянулъ о какой-то «подлости», совершенной г. Говорухой. Въ чемъ эта «подлость» состояла, такъ и осталось неизвѣстнымъ. Г. Говоруха объяснялъ потомъ въ письмѣ въ редакцію «Южнаго Края», что дѣло шло о какомъ-то его поступкѣ на диспутѣ профессора Яроша, другіе указывали на какую-то статью г. Говорухи въ «Южномъ Краѣ». Какъ бы то ни было, но г. Говоруха отвѣтилъ на оскорбленіе оскорбленіемъ — пустилъ стаканомъ въ лицо оскорбителя. А вслѣдъ затѣмъ началась всеобщая драка при помощи стеклянной посуды. Событіе, какъ видите, отнюдь не міровото значенія: къ пяти часамъ утра на веселомъ вечерѣ мало ли что можетъ случиться. Личные счеты участниковъ битвы могли бы быть потомъ такъ или иначе сведены, и все дѣло кануло бы въ рѣку забвенія, гдѣ ему по справедливости и надлежитъ быть. Но г. Говоруха напечаталъ на другой день въ «Южномъ Краѣ» объяснительное письмо, до смѣшного не вѣроподобное. Это бы еще тоже не бѣда, но въ письмѣ этомъ были прописаны слова, которыя потомъ въ разныхъ корреспонденціяхъ получили характеристическое названіе «роковыхъ словъ». И въ самомъ дѣлѣ, то были слова роковыя. Г. Говоруха разсказываетъ, что студентъ обратился къ нему со словами: вы участвовали въ процессѣ 193-хъ и, значитъ, были честнымъ человѣкомъ, а теперь и т. д. Роковой характеръ этихъ словъ опредѣлялся упоминаніемъ о политическомъ процессѣ, а редакція «Южнаго Края», въ свою очередь, подлила масла въ огонь передовой статьей съ громами противъ «чердачныхъ Брутовъ и Кассіевъ». Ну, и начался, разумѣется, пѣтушій Матвѣй, хотя, какъ оказалось, «роковыя слова» г. Говоруха просто выдумалъ. Богъ его знаетъ, почему и зачѣмъ онъ ихъ выдумалъ, но выдумывать подобныя вещи во всякомъ случаѣ скверно. Однако, надо удивляться не столько облыжному письму г. Говорухи, сколько тому, что редакція «Южнаго Края», состоящая изъ профессоровъ харьковскаго университета, это письмо напечатала, да еще подпустила собственной приправы въ видѣ «чердачныхъ Брутовъ и Кассіевъ». Кассіи и Бруты рѣшительно не причемъ въ побоищѣ стеклянной посудой, а ироническій эпитетъ «чердачные», будучи лишенъ всякаго смысла, свидѣтельствуетъ только о злобномъ желаніи насолить, ибо по-

чему бы заправскимъ Брутамъ и Кассіямъ жить непремѣнно въ бель-этажѣ? Студенты, народъ вообще пуганый, прочитавъ роковыя слова, естественно обезпокоились судьбою своихъ товарищей, такъ неосторожно предъявившихъ г. Говорухѣ свои мнѣнія о нравственномъ достоинствѣ. Они собрались поэтому для обсужденія какъ самаго дѣла, такъ и просьбы къ совѣту университета о передачѣ его въ вѣдѣніе студентовъ. По самому дѣлу было постановлено слѣдующее рѣшеніе: признавая трехъ товарищей неотвѣтственными за отзывъ о г. Говорухѣ, выразить имъ, однако, порицаніе за то, что они сводили эти счеты на студенческомъ вечерѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, собраніе отправило трехъ депутатовъ — двухъ вольнослушателей и одного студента — къ ректору для представленія въ совѣтъ означеннаго постановленія и просьбы о прекращеніи дѣла. Ректоръ направилъ депутатовъ къ проректору, профессору Щелкову, а тотъ отказался принять постановленіе и просьбу. Тогда студенты рѣшили представить то и другое непосредственно въ совѣтъ. Но изъ залы совѣта депутаты были изгнаны криками: «вонъ! вонъ!» и призывомъ сторожей. А вслѣдъ затѣмъ совѣтъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе: двухъ изъ оскорбителей г. Говорухи исключить изъ университета, а третьему сдѣлать строгое внушеніе; одного депутата передать прокурорскому надзору, другого исключить изъ университета, а третьяго предать университетскому суду. Этотъ суровый приговоръ вызвалъ въ свою очередь сборища товарищей пострадавшихъ молодыхъ людей, а затѣмъ университетъ былъ закрытъ...

Такимъ образомъ дѣло началось личной перебранкой и дракой между студентами и человѣкомъ, постороннимъ университету, а кончилось болѣе или менѣе жестокою карою шести молодыхъ людей и закрытіемъ университета. Что за чудеса? Какъ могъ такой ничтожный источникъ дать въ концѣ концовъ такое широкое устье? Курьёзъ увеличивается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ. Генералъ-губернатора не было въ Харьковѣ въ то время, когда разыгралась эта печальная исторія, и нѣкоторые думаютъ, что при немъ она не имѣла бы такого крупнаго финала, ибо онъ взглянулъ бы на дѣло съ болѣе высокой точки зрѣнія. Но неужели же эта болѣе высокая точка зрѣнія была недоступна профессорамъ, людямъ, которымъ интересы университета должны бы быть, кажется, особенно близки и дороги? Господамъ профессорамъ даже изобрѣтать нечего было, потому что постановленіе студентовъ было исполнено такта и справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло университету до того, что студентъ Z назвалъ г. Говоруху подлецомъ, а тотъ пустилъ ему вмѣсто отвѣта стаканомъ въ лицо? Самый фактъ до такой степени ничтоженъ, что въ случаѣ возникновенія этого дѣла въ мировомъ судѣ, судья, вѣроятно, прекратилъ бы его по взаимности оскорбленій. Но такъ какъ обвиняемые студенты нанесли г. Говорухѣ оскорбленіе именно на студенческомъ вечерѣ, то това-

рищи весьма основательно выразили имъ за это неприличіе порицаніе. Что же касается рѣшенія совѣта, то объ немъ можно только сказать, пародируя слова Гамлета: что̀ г. Говоруха университету, что̀ университетъ ему?

Недоумѣніе разрѣшается очень просто, если вспомнить, что въ промежуткѣ между ничтожнымъ началомъ исторіи и ея крупнымъ концомъ были произнесены «роковыя слова». По легкомыслію или злонамѣренно г. Говоруха приписалъ своимъ оскорбителямъ сочувственное упоминаніе о политическомъ процессѣ; по легкомыслію или злонамѣренно редакція «Южнаго Края» сболтнула о «чердачныхъ Брутахъ и Кассіяхъ» — но, разъ появился на сцену «жупелъ» вольнодумства и политической неблагонадежности, обыкновенная исторія прекратила свое теченіе и началась «исторія» въ техническомъ смыслѣ слова...

Когда же этому конецъ будетъ? Когда прекратятся эти жертвоприношенія на алтарѣ жупела, да еще и облыжнаго? Когда, наконецъ, будемъ мы, вмѣсто «исторій», имѣть исторію и осуществится пожеланіе Пушкина, торжественно повторенное г. Катковымъ на пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ: «да здравствуетъ разумъ! да скроется тьма!»

Когда-нибудь все это будетъ, вѣроятно, но пока что̀, а теперь-то г. Катковъ не упустилъ, разумѣется, случая поэксплуатировать несчастную харьковскую исторію въ видахъ тьмы и неразумія. Но въ Харьковѣ, по крайней мѣрѣ, была исторія, то есть скандалъ. А вотъ полюбуйтесь какъ описываютъ «Московскія Вѣдомости» годичный актъ петербургскаго университета (8 февраля), на которомъ никакого скандала не было:

«Одинъ *почтенный* профессоръ, на котораго возложено было университетскимъ совѣтомъ составленіе и чтеніе отчота о состояніи университета, *не былъ въ состояніи* исполнить это порученіе: *его принудили* нескончаемыми криками сойти съ каѳедры; чтеніе отчета было тогда поручено ректоромъ другому, *болѣе популярному профессору,* который и былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій; но только-что онъ принялся за чтеніе дальнѣйшихъ частей отчета, какъ снова раздались крики и его *заставили* читать сначала, такъ что публикѣ пришлось дважды прослушать одно и то же. Раздавался отъ времени до времени пронзительный свистокъ, а крикамъ и аплодисментамъ при всякомъ вызовѣ награждаемаго медалью студента *не было конца*».

Обратите вниманіе на подчеркнутыя слова. Кто не знаетъ дѣла, тотъ представитъ себѣ «событія 8-го февраля» такъ: выходитъ на каѳедру почтенный, благонамѣренный, но нелюбимый студентами профессоръ и начинаетъ читать отчетъ. Студенты бурно протестуютъ; бурно и успѣшно, ибо нелюбимый профессоръ удаляется и ректоръ, подчиняясь волнующейся молодежи, поручаетъ чтеніе отчета другому, любимому профессору. Затѣмъ свистки и аплодисменты... Дѣло ясное. Одно только не совсѣмъ ясно: почему «Московскія Вѣдомости», для которыхъ не существуетъ изрѣченіе «nomina sunt odiosa» и которыя никогда не отказываются ставить точки надъ *i*, почему онѣ не называютъ именъ, какъ «почтеннаго» профессора, такъ и «болѣе популяр-

наго»? Потому, что это для нихъ удобнѣе, а удобнѣе потому, что «болѣе популярный» профессоръ, привѣтствованный громомъ рукоплесканій и даже какъ бы вызванный на каѳедру мятущимся студенчествомъ, есть г. Орестъ Миллеръ. Дѣло было такъ. Отчетъ долженъ былъ читать г. Помяловскій, профессоръ дѣйствительно почтенный, но отличающійся слабымъ голосомъ. Когда это, при чтеніи отчета, обнаружилось, то въ публикѣ послышались слова: «громче! громче!» Г. Помяловскій громче не могъ и потому, съ его согласія, ректоръ попросилъ прочитать отчетъ г. Миллера. Выборъ былъ вполнѣ натураленъ: г. Орестъ Миллеръ есть испытанный и охочій чтецъ, постоянно читающій то собственныя публичныя лекціи, то чужую прозу и чужіе стихи на разныхъ литературныхъ вечерахъ. Что можетъ быть проще? Что же касается популярности г. Ореста Миллера, то, сколько мнѣ извѣстно, учащаяся молодежь дѣйствительно очень цѣнитъ его добрый характеръ. Можетъ быть, однако, популярность г. Миллера имѣетъ и другія, гораздо болѣе широкія основанія, заложенныя въ самомъ образѣ мыслей почтеннаго профессора. Въ такомъ случаѣ «Московскія Вѣдомости» могли бы только радоваться популярности г. Ореста Миллера, ибо онъ есть извѣстный патріотъ своего отечества, почитатель г. Аксакова, пропагандистъ Достоевскаго, защищающій «основы» по мѣрѣ своихъ силъ и способностей. Но даже невинный образъ г. Ореста Миллера не удержалъ г. Каткова отъ поползновенія поиграть жупеломъ вольнодумства и опредѣлилъ своею несомнѣнною голубиною чистотою только одну подробность: умолчаніе имени «болѣе популярнаго» профессора. Разбирай, дескать, тамъ, кого привѣтствовали студенты громомъ рукоплесканій и кто пользуется у нихъ популярностью — можетъ, революціонеръ какой!.. Комическое, собственно говоря, происшествіе. Судя по тону «Московскихъ Вѣдомостей», вы такъ и ждете, что вамъ покажутъ необузданнаго демагога съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ, съ пламенными рѣчами на устахъ. И вдругъ выскакиваетъ маленькая, аккуратная, благонамѣреннѣйшая фигура О. Ѳ. Миллера... Овидіевы превращенія...

О, пѣтушій Матвѣй!..

Независимо, однако, отъ клеветническихъ науськиваній и злобнаго потрясанія разными жупелами, самый фактъ университетскихъ «исторій» не подлежитъ сомнѣнію. «Событія 8-го февраля» на годичномъ актѣ петербургскаго университета сочинены «Московскими Вѣдомостями» при помощи превращенія О. Ѳ. Миллера въ революціоннаго дѣятеля. Это просто враки. Но не враки харьковская исторія и многія другія. Разные люди объясняютъ ихъ разно. Но не безъинтересно было бы слышать объясненіе отъ самого учащагося люда, не въ примѣненіи къ тому или другому частному случаю, причемъ такъ легко запутаться въ подробностяхъ и изъ-за деревьевъ не увидѣть лѣса, а въ возможно общей формѣ. Съ этою именно цѣлью мнѣ хотѣлось бы обратить

вниманіе читателей на доставленную мнѣ, за подписью нѣсколькихъ студентовъ, записку подъ заглавіемъ: «Корни университетскихъ исторій и безпорядковъ».

Записка мотивируетъ свое происхожденіе распространившимися передъ 8-мъ февраля въ обществѣ и, къ счастію, несбывшимися ожиданіями какого-то скандала, какой-то исторіи. Авторы указываютъ и на деревянную перегородку, раздѣлившую для чего-то передъ самымъ актомъ залу на двѣ части, и на радость печати, что актъ прошелъ благополучно. Всѣ эти опасенія и ожиданія свидѣтельствуютъ объ общепризнанности факта недовольства студентовъ своимъ положеніемъ, недовольства, которое мѣшаетъ мирному занятію наукой. Въ чемъ же дѣло? Авторы разсуждаютъ такъ: «Мы—русскіе студенты; мы молодые люди въ возрастѣ отъ 18-ти до 30-ти лѣтъ, въ возрастѣ, который способенъ отдаваться до самопожертвованія, сильно любить и сильно не любить. Мы окончили курсъ среднихъ учебныхъ заведеній и аттестованы, какъ люди зрѣлые въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Таковыми мы можемъ признать себя нетолько потому, что обладаемъ аттестатами зрѣлости, но и по другому, болѣе основательному соображенію. Умственная и нравственная зрѣлость достигается двумя и только двумя путями: путемъ научнаго образованія и путемъ опыта политической жизни. Тамъ, гдѣ не существуетъ этотъ послѣдній, воспитывающій опытъ, тамъ остается только первый путь. Кто же мы по научному образованію? Въ Россіи болѣе 80-ти милліоновъ жителей, а всѣхъ, получившихъ среднее и высшее образованіе, не наберется и 800 тысячъ. Слѣдовательно, по образовательному цензу, мы правоспособны. Но правамъ должны соотвѣтствовать обязанности и, въ качествѣ студентовъ, обязанности наши состоятъ въ образованіи и воспитаніи изъ себя полезныхъ гражданъ. Обязанность двоякая: умственное образованіе и гражданское воспитаніе. Въ стѣнахъ университета все будетъ спокойно, когда мы будемъ видѣть, что въ этихъ стѣнахъ одинаково и совмѣстно достигаются обѣ указанныя цѣли. Но онѣ достижимы только при двухъ условіяхъ: при свободной корпораціи профессоровъ, улучшающей составъ образовывающей силы, и при таковой же корпораціи студенчества, обезпечивающей, защищающей, поддерживающей, граждански-воспитывающей это студенчество».

Я почти дословно передалъ содержаніе первой части записки, съ сохраненіемъ ея нѣсколько сухой схематичности и молодой категоричности. Подробности мотивовъ окончательнаго вывода требуютъ, конечно, поясненій и дополненій. Но въ общемъ, высказанныя запиской пожеланія, приложенныя хотя бы, напримѣръ, къ харьковской исторіи, несомнѣнно помогли бы устраненію ея печальнаго финала. Весьма вѣроятно, что самая возможность товарищескаго суда, въ связи съ другими элементами «гражданскаго воспитанія», не допустила бы оскорбителей г. Говорухи до сведенія съ нимъ счетовъ путемъ публичнаго скан-

дала. А ужъ это-то навѣрное, что, разъ скандалъ произошелъ, товарищескій судъ повелъ бы къ безъ сравненія выгоднѣйшимъ для университета и для всего общества результатамъ, чѣмъ исключенія, закрытія и тому подобныя вещи, столь часто практикуемыя и ничего не достигающія. Но затѣмъ остаются еще харьковскіе профессора̀, которые такъ дурно воспользовались находившеюся въ ихъ рукахъ газетой и, вмѣсто естественной ихъ въ этомъ случаѣ роли миротворцевъ, сыграли роль подстрекателей и обличителей. Остается, наконецъ, вопросъ: удовольствуется ли учащійся людъ своими корпоративными дѣлами, если въ стѣнахъ университета имъ будетъ предоставлена безпрепятственная возможность «умственнаго образованія и гражданскаго воспитанія»?

Авторы записки отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Они не отрицаютъ, что отдѣльныя личности изъ учащейся молодежи, при томъ обыкновенно наиболѣе выдающіяся въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, нерѣдко выходятъ за предѣлы собственно студенческихъ дѣлъ и занятій и оказываются, что называется, «неблагонадежными». Какъ съ этимъ быть? Отдѣлить козлищъ отъ овецъ и козлищъ въ огородъ не пускать? Но авторы записки справедливо замѣчаютъ, что «неблагонадежность не опредѣляется никакими внѣшними признаками, она не обусловлена ни имущественнымъ, ни сословнымъ, ни какими другими различіями и проявляется только въ своихъ слѣдствіяхъ, то есть слишкомъ и слишкомъ поздно». Въ самомъ дѣлѣ, никто, разумѣется, не можетъ возражать противъ желанія университетовъ, находящихся постоянно подъ мечомъ Дамокла-Каткова и иныхъ, принимать мѣры противъ вторженія «неблагонадежныхъ» элементовъ. Мѣры и принимаются и однако ничего не гарантируютъ. Ясно, что корни затрудненія находятся совсѣмъ не въ стѣнахъ университета, а гдѣ-то внѣ ихъ, куда попечительная дѣятельность университетскихъ начальствъ проникать не можетъ — въ семьѣ, въ обществѣ, въ государствѣ. Авторы записки говорятъ: вышеупомянутыя ближайшія, непосредственныя цѣли учащагося люда имѣютъ характеръ только подготовленія къ цѣли болѣе отдаленной, а именно къ полезной общественной дѣятельности. Научное образованіе и нравственное самовоспитаніе имѣютъ цѣну только при условіи увѣренности въ осуществленіи цѣли конечной. «Но можетъ ли существовать такая увѣренность у русскихъ студентовъ? Могутъ ли они сказать себѣ: теперь намъ нужно только спокойно запастись возможно большими знаніями да поддерживать въ себѣ вложенные Богомъ общественные инстинкты, а тамъ, по выходѣ изъ университета, насъ ждетъ безопасная общественная дѣятельность, гдѣ возможно будетъ примѣнить всю силу своихъ способностей и знаній и тѣмъ отплатить за свое воспитаніе вынесшему насъ на своихъ плечахъ народу?» Отвѣтъ понятенъ и авторы въ концѣ концовъ формулируютъ его такъ:

«чтобы «дѣти» не заботились чрезмѣрно и несвоевременно о своихъ правахъ, надо, чтобы эти права были у «отцовъ».

Представляя эти соображенія на благоусмотрѣніе читателя, я прошу его нарисовать себѣ мысленно такую картину. Учащійся юноша ставитъ себѣ въ жизни скромнѣйшую цѣль и мечтаетъ всего на всего, напримѣръ, о роли учителя гимназіи, гдѣ онъ будетъ старательно и добросовѣстно сѣять сѣмена просвѣщенія. И вдругъ онъ слышитъ, что какіе-то «доносчики, шпіоны и анонимныя письма», съ которыми даже преосвященный архіепископъ Гурій борется вотще, произвели разгромъ симферопольской гимназіи... А вѣдь онъ юноша, у него кровь ходуномъ ходитъ. Надо судить по человѣчеству...

Вотъ и харьковскихъ профессоровъ я готовъ судить по человѣчеству. Я не думаю, чтобы они изъ сознательной, злостной мстительности пустили въ ходъ «чердачныхъ Брутовъ и Кассіевъ» и другія «роковыя слова». Конечно, нѣкоторая моментальная озлобленность вѣроятно была. Но не въ ней все-таки дѣло главнымъ образомъ, а въ томъ, что харьковскіе профессора, подобно многимъ другимъ россійскимъ гражданамъ, не могутъ слышать равнодушно слова «жупелъ»: сейчасъ у нихъ, какъ у Настасьи Панкратьевны, «руки-ноги затрясутся». А старый кляузникъ Мудровъ и радъ, что на такую напалъ, и все подбавляетъ роковыхъ словъ: «обаче», говоритъ, или «вотъ, напримѣръ, «металлъ»; что-съ? каково слово?»

Но право же, господа, это, наконецъ, стыдно. Такая мы, можно сказать, большая держава и вдругъ Настасья Панкратьевна!.. Она вѣдь просто дура, Настасья-то!

Н. М.

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ.

«Въ воздухѣ пахнетъ порохомъ!» такъ начинались недавно статьи нѣкоторыхъ газетъ по поводу воинственныхъ рѣчей генерала Скобелева, произнесенныхъ имъ въ Европѣ, по примѣру европейскихъ людей, и взбаломутившихъ европейскую и нашу печать почти на цѣлый мѣсяцъ. Невольно хотѣлось сказать на это: въ воздухѣ пахнетъ не столько порохомъ, сколько тѣмъ дешевымъ патріотизмомъ, который честь русскаго кваса цѣнитъ дороже русской крови и всякой другой національной чести, о существованіи которой забываетъ, а, можетъ быть, даже и не подозрѣваетъ. Дешевый патріотизмъ этотъ, несмотря на простоту свою, не чуждъ, однако, и лукавства: не умѣя или не желая заняться разрѣшеніемъ внутреннихъ вопросовъ, онъ всегда стремится увильнуть отъ нихъ посредствомъ внѣшней заворожки, или, вообще, какого-нибудь отвода глазъ. Не ново это, вовсе не ново. Слыхали мы и о чести русскаго кваса, и о чести русскаго штыка, и о чести русской кавалерійской лошади, и о чести разныхъ мундировъ и тому подобныхъ предметовъ. Шовинизма у насъ, въ особенности, за послѣдніе годы, было черезчуръ достаточно, гораздо больше, чѣмъ желанія поработать надъ благоустройствомъ страны и поступиться передъ требованіями времени тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ давно поступиться, во имя нѣсколько иной чести — чести мысли, знанія, цивилизаціи, нравственной и общественной справедливости, составляющихъ одну только человѣческую честь—гражданскую. Безъ этой чести нетолько странно идти въ Европу съ какими-нибудь ультиматумами этическаго свойства (странно не потому одному, что скажутъ— куда лѣзешь, а и потому еще, что никто слушать не станетъ и возвышенности чувствъ не повѣритъ), но и трудно поддержать даже честь русскаго оружія, ибо умственное развитіе и нравственный духъ войскъ играютъ, какъ извѣстно, въ бою не послѣднюю, а едва ли не первую роль. Говоря все это, мы имѣемъ въ виду не г. Скобелева: конечно, онъ человѣкъ желѣза, для него война, можетъ быть, тоже самое, что для насъ съ вами—поэзія, любовь, гражданская доблесть и подвиги. Онъ, можетъ быть, думаетъ, что только съ мечемъ въ рукахъ, только смертью на полѣ брани, и можно служить отечеству и засвидѣтельствовать свою любовь къ

нему. Онъ, можетъ быть, полагаетъ, что миссія наша, послѣ побѣдъ надъ текинцами и злодѣями-мусульманами, состоитъ въ завоеваніи Европы, что Россія только тогда и взойдетъ на театръ славы, когда русскіе полководцы побѣдятъ Мольтке, зальютъ половину Европы тевтонскою кровью и проложатъ мечемъ дорогу славянской идеѣ, конечно, русской культурѣ или просто русскому человѣку, о безземеліи котораго теперь такъ много толкуютъ и у котораго, однако, и безъ того столько мѣста на востокѣ, что тамъ смѣло можетъ помѣститься цѣлыхъ пять Европъ. Все это — соображенія совсѣмъ особаго рода, соображенія чисто военныя, а потому для насъ, людей штатскихъ, мало интересныя. Если мы чѣмъ и интересуемся въ рѣчахъ г. Скобелева, то только гражданскою и политическою ихъ стороною, которую онѣ имѣютъ; и, собственно говоря, интересуемся не столько генераломъ Скобелевымъ и его рѣчами, а тѣмъ множествомъ штатскихъ Скобелевыхъ, которые никогда не подставляютъ лба противъ пуль, а только подогрѣваютъ пылъ и поддаютъ, какъ говорится, пару: «Такъ, генералъ, великолѣпно!» говорятъ они теперь, «такъ, народный герой нашъ, отлично»! Говорятъ, и въ то же время, смотришь, обдѣлываютъ свои дѣлишки — кто по интендантству, кто по желѣзнодорожной части, кто по части казенныхъ земель и подрядовъ, кто, подъ шумокъ, по части мужика — этой «святой скотины», какъ его кто-то прозвалъ, а кто по части эксплуатаціи дурныхъ инстинктовъ общества — писанія пламенныхъ статей и говоренія зажигательныхъ спичей. Если они, приличія ради, и соглашаются принять какое-нибудь активное участіе въ войнѣ, то не идутъ дальше щипанія корпіи, служенія панихидъ, хожденія съ кружками за сборомъ и сушенія сухарей изъ обѣденныхъ объѣдковъ. Между тѣмъ, безъ этихъ штатскихъ Скобелевыхъ, вотирующихъ обыкновенно у насъ войну, военный Скобелевъ не наступалъ бы въ своихъ рѣчахъ такъ смѣло и рѣшительно. Вѣроятно, онъ даже отказался бы отъ желанія сразиться съ нѣмецкими стратегами, если таковое имѣетъ. Какъ ни сильны подобныя желанія у гг. стратеговъ (вспомните, какъ, напримѣръ, Суворову хотѣлось сразиться съ Наполеономъ I и унять «этого широкошагающаго мальчика»), но если такому стратегу говорятъ, что желанія его не ко времени и не могутъ ничего иного принести странѣ, кромѣ несчастія, то, вѣроятно, онъ согласится попридержать ихъ въ себѣ, хоть навремя. Но г. Скобелевъ, какъ намъ кажется, явился просто-на-просто выразителемъ настроенія извѣстныхъ фракцій нашего общества и извѣстнаго сорта печати въ данную минуту, выразителемъ, можетъ быть, совершенно невольнымъ и даже введеннымъ въ заблужденіе. Отъ рѣчей его сильно отдаетъ статьями извѣстной московской печати и въ особенности «Руси» и «Новаго Времени», этой свѣжей хворостины отъ стараго пня, которая теперь чаще всего употребляется для наказанія несогласномыслящихъ. И посмотрите какою скатертью самобранною растилается передъ нимъ «Новое

Время», хотя войны оно сейчасъ и не желало бы: это и доблестный, и электризующій и «Бѣлый генералъ», это и «герой нашего времени», лицезрѣніемъ котораго *наслаждаются* офицеры, и *почтенный*, и даже *вожделѣнный* Михаилъ Дмитріевичъ и т. д. (№ 2154). «Новое Время», очевидно, очень довольно тѣмъ, что нашло для себя генерала, а то оно все завидовало «Московскимъ Вѣдомостямъ», у которыхъ много разныхъ генераловъ, и «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», у которыхъ также есть генералы, хоть и не настоящіе, а оффенбаховскіе только. Не знаю только, насколько лестно быть генераломъ «Новаго Времени» и служить выразителемъ его столь часто мѣняющихся идей, если позволительно такъ назвать тѣ обрывки мыслей, которыя оно каждый день вытаскиваетъ изъ своего редакціоннаго ридикюля. Есть, кажется, идеи и поприща болѣе лестныя и блестящія, такъ какъ можно связать свое имя и съ умственнымъ движеніемъ общества и, вообще, съ прогрессомъ страны, и съ противодѣйствіемъ прогрессу. Тѣ же фракціи и органы печати, выразителемъ которыхъ явилась рѣчь г. Скобелева, переживаютъ въ настоящее время трудную минуту, тяжкое состояніе, несмотря на видимое торжество свое.

Жизнь поставила, какъ извѣстно, великое множество вопросовъ, которые мы все клали подъ зеленое сукно, и отъ которыхъ отлынивали, и требуетъ на нихъ отвѣта, требуетъ ихъ разрѣшенія, во что бы ни стало, разрѣшенія не словами, не фразами, не фокусническими пріемами, а разрѣшенія коренного, прямого и искренняго, безъ скорби за жертвы, которыя придется принести, и безъ политиканства и ухищреній, которыхъ у насъ было такъ много. Когда вопросы эти наступили со всѣхъ сторонъ, съ ихъ категорическою дилемою, и отлынивать дальше оказывается трудно, то, понятное дѣло, у многихъ захватило дыханіе, помутилось въ глазахъ и явилось невольное желаніе отсрочить рѣшительный шагъ хоть на годъ, хоть на мѣсяцъ, даже хоть на день. Одни готовы придраться къ самомалѣйшей точкѣ на политическомъ горизонтѣ и затрубить походъ противъ нѣмцевъ, которые, будто бы, и есть наши настоящіе, исконные враги, враги, нетолько внѣшніе, но и внутренніе. Другіе указываютъ на другого рода враговъ внутреннихъ, за невидимостью которыхъ, предлагаютъ свирѣпствовать надъ ни въ чемъ не повинными обывателями и печатью, которымъ судьбы отечества нетолько не менѣе, но навѣрное гораздо болѣе дороги, чѣмъ имъ. Третьи, наиболѣе находчивые и проворные, начинаютъ показывать настоящіе фокусы—глотать вопросы, какъ шпагу, разрывать ихъ на части, какъ птицу, и превращать въ яичницу или въ ленты, смотря по желанію, и т. д. «Вопросъ?!» спрашиваютъ они васъ, показывая какой-нибудь назрѣвшій и наболѣвшій вопросъ.—Вопросъ, отвѣчаете вы. Дуновеніе, и—вопроса какъ не было. — «Малы крестьянскіе надѣлы, по показанію статистическихъ вашихъ изслѣдова-

ній?»—Да, маловаты... Дуновеніе, и—земли оказывается черезчуръ много, а недостаетъ только удобренія и сельско-хозяйственнаго образованія.—«Велики платежи съ земли?» Велики. Дуновеніе, и—вовсе не велики, а велико только пьянство и спаиваніе народа жидами, и т. п. Какіе удивительные, подумаешь, волшебники и чародѣи! Но кто же не знаетъ теперь, что гг. фокусники могутъ глотать вовсе не всякую шпагу и что нѣкоторыми шпагами, даже самыми обыкновенными и небольшими, можно подавиться. Точно также можно подавиться и народнымъ вопросомъ, проглотить который теперь болѣе всего желательно гг. фокусникамъ. Гораздо легче отвлечь на время отъ него вниманіе и занять общество внѣшнимъ врагомъ. А врага этого оказывается, если повѣрить услужливымъ медвѣдямъ, видимо невидимо. Недавно въ славянскомъ комитетѣ извѣстный и чистокровный славянофилъ нашъ—Орестъ Миллеръ, даже на пальцахъ насчиталъ ихъ великое множество. Да, говорилъ онъ, враги наши, во-первыхъ, турки, во-вторыхъ, польскіе выходцы (?), въ-третьихъ, венгерцы, въ-четвертыхъ, нѣмцы... А однихъ нѣмцевъ сколько: начни воевать съ Австріей, того и гляди, къ ней присоединится Пруссія, а за Пруссіей пойдетъ весь германскій союзъ. Но г. Орестъ Миллеръ, очевидно, далеко не кончилъ перечня враговъ, такъ напримѣръ, онъ забылъ объ Англіи; а ужь это ли не врагъ?! Что она съ нами выдѣлывала въ послѣднюю войну. Почитайте «Московскія Вѣдомости» или «Новое Время». Это—страна «презрѣнныхъ торгашей», «христопродавцевъ», «эгоистовъ» и «кровопійцъ». Иначе наши газеты и не отзывались объ Англіи, бывшей въ крымскую войну только «коварнымъ Альбіономъ»; а г. Е. Марковъ придумалъ для нея еще названіе—Шейлока современной политики, названіе долженствовавшее окончательно пригвоздить ее къ позорному столбу. Г. Е. Марковъ даже казнь для нея придумалъ всеевропейскую, или, вѣрнѣе, всеазіатскую, медленную и мучительную казнь. «Не одной Россіи, говорилъ онъ, а цѣлой Европѣ пора схватить, наконецъ, эту вороватую хищницу за ея увертливый хвостъ и выщипать его до послѣдняго перышка, чтобы отбить у нея охоту жить на счетъ крови ближнихъ и ловить свою рыбу въ мутной водѣ, гдѣ барахтаются невинные народы, которыхъ она натравливаетъ другъ на друга. Одно уже это обиліе враговъ и отсутствіе союзниковъ должно было бы, кажется, наводить насъ на нѣкоторыя печальныя размышленія: за что насъ такъ не любитъ Европа и дѣйствительно ли мы такъ великолѣпны, какъ сами себя представляемъ, дѣйствительно ли мы, сражаясь за свободу народовъ, такъ великодушны, безкорыстны и такъ любимъ свободу, что станемъ ее охранять, не внушая страха облагодѣтельствованнымъ народамъ и другимъ сосѣдямъ, какъ какіе-нибудь варвары. Не станемъ ли мы у однихъ выщипывать хвостъ; у другихъ все перестроивать и передѣлывать по своему, по московскому; у третьихъ—закрывать школы, упразднять литературу, даже, чего

добраго, уничтожать науку, библіотеки и т. д. Къ сожалѣнію, у европейца нѣтъ рѣшительно никакихъ гарантій, и онъ долженъ испытывать, по меньшей мѣрѣ, нѣкоторое смущеніе, смотря на наши похвальбы и бравады. Между тѣмъ, мы не обращаемъ на это никакого вниманія и продолжаемъ всѣхъ и вся честить самыми отборными и уничижительными эпитетами, а себя противупоставлять, какъ народъ самыхъ необыкновенныхъ качествъ: и сердце-то у насъ особенное, переполненное любовью ко всему міру, и голова-то у насъ особенная, осѣняемая геніальными мыслями, и душа-то у насъ особенная — простая, на распашку, откровенная. Все это чуть ли не каждый день вы могли и можете видѣть въ извѣстныхъ органахъ печати. Все это, приблизительно, было повторено и генераломъ Скобелевымъ, до порицанія нашей оторвавшейся отъ народа и объевропеившейся интеллигенціи включительно, и даже до обвиненія въ этомъ нѣмецкой философіи, въ лицѣ Гегеля. Поистинѣ, мы народъ совсѣмъ особенный, по крайней мѣрѣ, смѣлый и не передъ чѣмъ не останавливающійся. Но будемъ послѣдовательны и разскажемъ вкратцѣ объ ораторской экспедиціи генерала Скобелева, которая, повторяемъ, всполошила всю европейскую печать, вызвала множество телеграммъ, дипломатическихъ разговоровъ и самой неожиданной тревоги, пока наше правительство не объявило, что г. Скобелевъ говорилъ, какъ частный человѣкъ, безъ всякаго со стороны его внушенія и отвѣтственности за его слова. Выступилъ на новое ораторское поприще г. Скобелевъ въ Петербургѣ, на ахалтекинскомъ обѣдѣ, бывшемъ въ половинѣ января, въ годовщину взятія Геокъ-Тепе.

«Поколѣніе наше, сказалъ онъ, переживаетъ многознаменательное, небывалое въ исторіи время. «Нѣсколько вѣковъ тому назадъ, царило кулачное право въ международныхъ отношеніяхъ. За симъ настала эпоха трактатовъ, соблюдать которые по формѣ и нарушать по духу являлось выраженіемъ наибольшей государственной мудрости (впечатлѣніе, произведенное вторженіемъ въ Силезію). «Нашему вѣку суждено было во-очію испытать, что сильнѣйшій относительно якобы слабѣйшаго основываетъ свои отношенія на крови и желѣзѣ, и что правомъ повелѣваетъ сила. Многознаменательно, господа, что подобнаго оффиціальнаго признанія безправія, подтвержденнаго фактами, еще никогда не было сдѣлано въ исторіи.

«Великія патріотическія обязанности наше желѣзное время налагаетъ на нынѣшнее поколѣніе. Скажу кстати, господа: тѣмъ больнѣе видѣть въ средѣ нашей молодежи такъ много болѣзненныхъ утопистовъ, забывающихъ, что въ такое время, какъ наше, первенствующій долгъ каждаго жертвовать всѣмъ, въ томъ числѣ и своимъ духовнымъ *я*, на развитіе силъ отечества.

«Если, господа, въ дѣлахъ частныхъ чувство недовѣрія другъ къ другу не можетъ быть никому симпатично, то, напротивъ того, крайнее недовѣріе ко всему иноплеменному, могущему нарушить законные историческіе идеалы отечества — есть патріотическая обязанность, ибо немыслимо допустить, чтобы провозглашенная нынѣ теорія торжества сильнаго безправія надъ слабѣйшимъ правомъ могла бы быть собственностью одного лишь племени. Изъ только-что сказаннаго, мнѣ кажется, явствуетъ, какъ радостно должно отзываться въ патріотическихъ сердцахъ, когда событія слагаются такъ, что вводятъ въ ошибку прозорливаго и талантливаго отечественнаго недруга».

Далѣе говорилось о неудачномъ предсказаніи сэра Генри Роулинсона, автора сочиненія «Россія и Англія на Востокѣ», предсказавшаго неудачу текинской экспедиціи, такъ блистательно кончившейся, о мужествѣ и храбрости нашихъ войскъ, и т. д.; но затѣмъ г. Скобелевъ опять вернулся къ общимъ вопросамъ.

«Мнѣ остается еще сказать вамъ нѣсколько словъ, сказалъ онъ:—но здѣсь позвольте мнѣ замѣнить бокалъ съ виномъ стаканомъ съ водою и попросить васъ быть свидѣтелями, что ни я, да и никто изъ насъ, не говорилъ и не можетъ говорить подъ вліяніемъ ненормальнаго возбужденія. «Мы живемъ въ такое время, когда даже кабинетныя тайны плохо сохраняются, а сказанное въ такомъ собраніи, какъ нынѣшнее, такъ или иначе будетъ обнаружено, а потому предосторожность—дѣло не лишнее.

«Опыть послѣднихъ лѣтъ убѣдилъ насъ, что если русскій человѣкъ случайно вспомнитъ, что онъ, благодаря своей исторіи, все-таки принадлежитъ къ народу великому и сильному, если, Боже сохрани, тотъ же русскій человѣкъ случайно вспомнитъ, что русскій народъ составляетъ одну семью съ племенемъ славянскимъ, нынѣ терзаемымъ и попираемымъ, тогда въ средѣ извѣстныхъ *доморощенныхъ* и заграничныхъ инопдеменниковъ поднимаются вопли негодованія и этотъ русскій человѣкъ, по мнѣнію этихъ господъ, находится лишь подъ вліяніемъ причинъ ненормальныхъ, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь вакханалій. Вотъ почему, повторяю, прошу позволенія опустить бокалъ съ виномъ и поднять бокалъ съ водою.

«И въ самомъ дѣлѣ, господа, престранное это дѣло, почему нашимъ обществомъ и отдѣльными людьми овладѣваетъ какая-то странная робость, когда мы коснемся вопроса для русскаго сердца вполнѣ законнаго, являющагося естественнымъ результатомъ всей нашей тысячалѣтней исторіи. Причинъ къ этому очень много, и здѣсь не время и не мѣсто ихъ подробно касаться; но одна изъ главныхъ—та прискорбная рознь, которая существуетъ между извѣстною частью общества, такъ называемой нашей интеллигенціей и русскимъ народомъ. Господа, всякій разъ, когда Державный Хозяинъ Русской Земли обращался къ своему народу, народъ оказывался на высотѣ призванія и историческихъ потребностей минуты; съ интеллигенціей же не всегда бывало то же и если въ трудныя минуты кто-либо банкрутился передъ царемъ, то, конечно, та же интеллигенція. Полагаю, что это явленіе вполнѣ объяснимое: космополитическій европеизмъ не есть источникъ силы и можетъ быть лишь признакомъ слабости. Силы не можетъ быть внѣ народа и сама интеллигенція есть сила только въ неразрывной связи съ народомъ».

Затѣмъ, упомянувъ въ прочувствованныхъ выраженіяхъ, что на берегахъ Адріатическаго моря идетъ борьба за вѣру и народность, генералъ Скобелевъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Я не договариваю, господа... Сердце болѣзненно щемитъ. Но великимъ утѣшеніемъ для насъ вѣра и сила историческаго призванія Россіи. («Новое Время», № 2,112).

Уже и въ этой петербургской рѣчи были нѣкоторыя странныя мысли, какъ по отношенію къ общественнымъ вопросамъ, такъ и къ Европѣ; но здѣсь все-таки дѣло могло быть объяснено, хотя генералъ и поднималъ дважды стаканъ съ водою и указывалъ на это важное обстоятельство, очевидно, нетолько не опасаясь, что говоренное имъ поступитъ на общественное вниманіе, но даже зная это, а можетъ быть и желая этого. Въ Парижѣ же онъ былъ гораздо категоричнѣе. По пріѣздѣ въ Парижъ, къ нему явились пребывающіе тамъ сербскіе студенты съ адресомъ и выраженіемъ бла-

годарности за петербургскую рѣчь. И вотъ что, выслушавъ адресъ, сказалъ имъ генералъ Скобелевъ:

«Считаю лишнимъ, друзья мои, говорить вамъ, какъ меня взволновали, какъ меня глубоко тронули ваши сердечныя заявленія. Клянусь вамъ, что я дѣйствительно счастливъ, видя вокругъ себѣ юныхъ представителей сербскаго народа, который первый поднялъ на славянскомъ Востокѣ знамя освобожденія славянъ... Я обязанъ объясниться съ вами чистосердечно, что я и сдѣлаю.

«Я долженъ сказать вамъ, признаться передъ вами, почему Россія не всегда стоитъ на высотѣ своихъ патріотическихъ обязанностей вообще и своей славянской роли въ частности. Это потому, что какъ внутри, такъ и извнѣ, ей приходится вести борьбу съ чужеземнымъ вліяніемъ.

«Мы не хозяева въ своемъ собственномъ домѣ.

«Да! чужеземецъ у насъ вездѣ. Рука его проглядываетъ во всемъ. Мы игрушки его политики, жертвы его интригъ, рабы его силы... Его безчисленныя и роковыя вліянія до такой степени господствуютъ надъ нами и парализуютъ насъ, что если, какъ я надѣюсь, намъ удастся когда-нибудь отъ нихъ избавиться, то не иначе, какъ съ мечемъ въ рукахъ!

«И если вы пожелаете узнать отъ меня, кто этотъ чужеземецъ, этотъ пролазъ, этотъ интриганъ, этотъ столь опасный врагъ русскихъ и славянъ, то я вамъ его назову.

«Это виновникъ «Drang nach Osten»—вы всѣ его знаете—это нѣмецъ.

«Повторяю вамъ и прошу не забывать. Нашъ врагъ—нѣмецъ!

«Борьба между славянами и тевтонами неизбѣжна...

«Она даже близка...

«Это будетъ продолжительная кровопролитная, страшная борьба, но, что касается меня, то я убѣжденъ, что въ концѣ концовъ побѣдятъ славяне.

«Что касается васъ, то съ вашей стороны весьма естественно желанiе узнать, какъ слѣдуетъ держать себя, ибо у васъ кровь уже льется. Объ этомъ я не стану много распространяться, но могу васъ увѣрить, что если попробуютъ тронуть государства, признанныя европейскими договорами, хотя бы Сербію или Черногорію... О! тогда не вы одни будете драться. Еще разъ благодарю и, если будетъ угодно судьбѣ, до свиданія на полѣ сраженія, бокъ о бокъ противъ общаго врага!» («Новое Время» № 2138).

Сколько неожиданностей и тумана, тумана, впрочемъ, вовсе не новаго. Если мы не хозяева въ собственномъ домѣ, то какъ же станемъ устраивать жизнь другихъ? если у насъ вездѣ чужеземецъ и мы—игрушки его политики, жертвы его интригъ и рабы его силы, то какъ научимъ нашихъ братушекъ избѣжать всего этого? если борьба тевтоновъ съ славянами будетъ продолжительною, кровопролитною и страшною борьбою, то почему не употребить всѣхъ усилій для ея предотвращенія и для чего ее начинать, въ особенности, когда единственной гарантіей побѣды является только личное мнѣніе генерала, которое легко можетъ оказаться и ошибочнымъ? Нѣмцы, напримѣръ, на этотъ счетъ думаютъ совсѣмъ иначе, да и французы—предполагаемые наши союзники—относятся къ этому довольно скептически. Когда распространился слухъ о свиданіи г. Скобелева съ Гамбеттой, то многія французскія газеты, отдавая полную дань храбрости и патріотизму генерала, высказались, однако, что французы ни за что не примкнуть къ походу, «открытому панславистами на банкетѣ въ Петербургѣ», что воодушевленіе — вещь прекрасная, но Франція

собственнымъ опытомъ узнала, что если желательно добраться до Берлина, то для этого недостаточно одного пѣнія Масельезы, что Франція — серьёзная страна, не склонная къ фантастическимъ союзамъ и не желающая опрометчиво рисковать своею будущностью. Однимъ словомъ, послѣдствія проблематичны, а причина не ясна? Что сдѣлали намъ тевтоны, и какіе именно тевтоны, такъ какъ ихъ много? Нарушили берлинскій договоръ, посягнули на независимость Сербіи и Черногоріи или что-нибудь еще? Говорятъ («Современныя Извѣстія» это говорятъ), что Австро-Венгрія хочетъ продвинуться до Салоникъ, а Германія хочетъ взять Ковенскую губернію, какъ Ковенландъ; но объ этомъ ничего не было слышно. Мало ли что, что не было ничего слышно, говоритъ газета, предвидя это естественное возраженіе, но отчего же этого не можетъ быть? Во всякомъ случаѣ, «разувѣрять въ этомъ подобало бы, кажется, не русскимъ газетамъ» (№ 42). Отчего же не русскимъ газетамъ? Неужели и въ самомъ дѣлѣ къ иноплеменнику надо относиться только враждебно и подозрительно? Странная теорія. Австро-Венгрія, говорятъ еще, и это единственный фактическій доводъ, довела своимъ управленіемъ ввѣренныя ея окупаціи области до инсуррекціи, до возстанія, но чѣмъ именно довела—дурною ли системою своего управленія вообще или же преимущественнымъ отягченіемъ участи славянъ? Въ этомъ большая разница. У насъ также бывали инсуррекціи и мы очень обижались, когда вмѣшивались въ это дѣло другіе. Ввѣренныя Австріи области подлежатъ верховному протекторату всей Европы, и, въ случаѣ отягченія ихъ участи, мы можемъ обратиться къ Европѣ, передъ которою Австрія отвѣтственна и не обращать на которую вниманія не можетъ. Въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ «Daily News», ген. Скобелевъ указалъ на два факта австрійской тираніи, которые представляютъ, по его мнѣнію, «первый приступъ для расширенія австрійскаго владычества на всѣхъ славянъ Балканскаго полуострова»: на наборъ въ Босніи молодыхъ людей для австрійской арміи и клерикальную пропаганду. Достаточно ли установленъ первый фактъ и если да, то не достаточно ли будетъ одного протеста, на который мы имѣемъ полное право и къ которому еще не обращались. Борьба за независимость очень почтенна, разумѣется, и я вовсе не проповѣдую того, что наша хата съ краю, а говорю только, что не слѣдуетъ налѣзать безъ достаточныхъ основаній, не слѣдуетъ рисковать чужою участью и, главное, искать освободительной дѣятельности непремѣнно за тридевять земель. Что же касается до клерикальной пропаганды до совращенія и вмѣшательства въ религію народа, то корреспондентъ «Daily News» небезосновательно возразилъ генералу, что іезуиты всегда пытаются совращать и врядъ ли какое-нибудь европейское правительство можетъ быть настолько безумно, чтобы учредить такую пропаганду.

Претендовать на то, что Австрія приняла изгнанныхъ изъ Франціи іезуитовъ «съ распростертыми объятіями» и что «іезуит-

скіе священники одѣваются подобно греческимъ попамъ»—какъ-то недостаточно резонно, а ужь сочинять изъ-за этого кровопролитную, продолжительную и страшную войну—ужь и совсѣмъ не резонно. «Я ненавижу войну, говорилъ тому же корреспонденту генералъ Скобелевъ. — Говоря по чести и совѣсти, я питаю къ ней отвращеніе. Вѣрьте Богу, что я говорю правду. Подъ моимъ начальствомъ были убиты 21,000 человѣкъ въ одну компанію (въ одну только компанію!); я испыталъ все, что есть больнаго, жестокаго, ненавистнаго, ужаснаго въ военной профессіи. Поэтому мое стремленіе заключается въ томъ, чтобы путемъ справедливости достигнуть тѣхъ результатовъ, которыхъ нашъ народъ (?) считаетъ возможнымъ достигнуть лишь путемъ войны, и для осуществленія которыхъ онъ будетъ вынужденъ къ войнѣ. Если дипломаты будутъ закрывать передъ фактами глаза, то ничего нельзя достигнуть тѣмъ, что называется дипломатическою скромностью». На вопросъ корреспондента—что Россія желаетъ для себя пріобрѣсти путемъ этой войны, генералъ отвѣчалъ: «Для себя ничего. Мы идеалисты. Мы способны къ большому энтузіазму, и любимъ самопожертвованія». («Современныя Извѣстія», № 43). Просто диву можно даться: то въ юго-славянскихъ земляхъ замѣшаны у насъ вмѣстѣ съ нравственными и *матеріальные интересы* («Кёльнская газета»), то для себя намъ ничего не нужно, такъ какъ мы идеалисты и любимъ самопожертвованія; то, вѣрьте Богу, я ненавижу войну, то, когда нѣтъ достаточнаго повода, мы оказываемся вынужденными къ войнѣ и будто бы народъ хочетъ войны. Вообще, и мотивы, и доводы, и цѣли борьбы съ тевтонами очень туманны. Положимъ, что когда война происходитъ не въ силу историческихъ причинъ и необходимости, а сочиняется, то всегда говорятъ туманно и загадочно, точно кого заклинаютъ или вызываютъ съ кладбища: тутъ и историческія миссіи и единовѣрныя груди и прахъ отцовъ, и колоколовъ таинственный звонъ—все идетъ въ ходъ. Все это дѣйствуетъ, конечно, опьяняющимъ образомъ на націю, но для чего же угощать націю военнымъ хмѣлемъ и прикрываться народнымъ именемъ. А неожиданностей сколько: нѣмецъ, такой близкій и многолѣтній учитель (классическія гимназіи наши не нѣмецкаго ли образца) и другъ нашъ, вдругъ оказывается нашимъ врагомъ, пролазою, интриганомъ, опутавшимъ насъ кругомъ до того, что мы стали не хозяевами у себя дома. Эдакій не благородный и хитрый колбасникъ! Неожиданности эти, впрочемъ, вовсе неудивительны со стороны тѣхъ фракцій, о которыхъ я говорю, потому что не онѣ оріентируются и согласуютъ свои доводы съ дѣйствительностью, а послѣдніе подгоняютъ къ тому, что имъ нужно или желательно. Кто бы могъ, напримѣръ, подумать, что «Московскія Вѣдомости», все время пользовавшіяся такимъ вліяніемъ и связями въ административныхъ сферахъ, объясняя возникновеніе и крѣпость противогосударственныхъ сообществъ и доказывая

необходимость еще бо́льшаго усиленія власти, скажутъ недавно относительно прошлаго царствованія слѣдующее: «Дѣло въ томъ, что правительства (у насъ) не было. Были правительственныя лица, но правительства не было. Лица во власти мыслили въ разбродъ, каждый по своему, часто дѣйствуя въ подрывъ правительственному началу, или представляемому. Политика замѣнялась личной интригой. Никто не боялся отвѣтственности за образъ дѣйствій, противный долгу присяги и интересамъ государства». Поистинѣ удивительно! Поистинѣ, сама себя раба бьетъ, и—что удивительнѣе всего—будетъ продолжать бить безконечно. Такова ужь ея историческая миссія.

Вся суть скобелевскаго эпизода заключается въ панславизмѣ, въ идеѣ, которой научили насъ тѣ же нѣмцы, и которая является теперь на выручку изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, при разрѣшеніи внутреннихъ вопросовъ. Поборники этой идеи, какъ нетерпѣливые школьники, хорошо заучившіе урокъ, торопятся отвѣчать его, торопятся, можетъ быть, нѣсколько преждевременно, когда учитель—жизнь не сдѣлала еще вопроса, и думаетъ, можетъ быть, еще что-нибудь разсказать ученикамъ: «опытъ народовъ учитъ насъ, отвѣчаютъ они, что когда встрѣчаются въ странѣ затруднительныя обстоятельства, то нужно бываетъ сочинить войну, для чего, за отсутствіемъ casus'a beli, лучше всего можетъ служить идея объединенія» и т. д. Люди, болѣе спокойные и основательно приготовленные, не торопятся, они знаютъ, что для всего есть свое время. «Новое Время», напримѣръ, теперь только радуется, что урокъ выученъ, что «мы живы», а войны не желаетъ. Конечно, если двоедушная Австро-Венгрія будетъ продолжать тѣснить Боснію и Герцеговину, будетъ вызывать насъ, идеалистовъ, на борьбу, будетъ оскорблять нашу честь, то нашъ народъ, какъ одинъ человѣкъ, можетъ потребовать войны, тогда, вѣроятно, и «Новое Время» должно будетъ согласиться на войну, войну національную, народную и т. д. Однимъ словомъ, когда наступитъ время, то всѣ обитатели московскаго болота закричатъ разомъ. Изъ московскаго болота вылетаетъ уже не одинъ такой панславитскій пѣтухъ и направляется на Дунай: вы знаете, конечно, о попыткахъ Аксакова завязать самыя тѣсныя сношенія съ юго-западными славянами и о перепискѣ его съ кн. болгарскимъ, которую онъ недавно напечаталъ въ «Руси»; вы знаете, конечно, также и Черняевскую эпопею, закончившуюся турецкою войною; слышали, конечно, и объ историкѣ Иловайскомъ, съ которымъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, случилось довольно печальное приключеніе (онъ попалъ въ автрійскую кутузку), а также слышали, вѣроятно, и о другихъ менѣе громкихъ пѣтухахъ и происшествіяхъ. Теперь на сцену явился г. Скобелевъ. Въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ Кёльнской газеты онъ высказалъ, что желалъ бы объединенія славянъ, подобно германскому союзу, и что странно и несправедливо со стороны объединившейся Германіи мѣшать этому и не понимать, что

въ южныхъ славянскихъ земляхъ у насъ замѣшаны матеріальные и нравственные интересы. Нѣмецкія газеты замѣчали по этому поводу, что генералъ смѣшиваетъ единство національное съ единствомъ племеннымъ или расовымъ, что сравнивать или противопоставлять можно: либо нѣмецкое единство съ русскимъ, либо пангерманизмъ съ панславизмомъ. Русскіе всѣ давно объединены и составляютъ одну державу, за предѣлами которой находятся милліона три руссинъ, которыхъ не всѣ признаютъ за настоящихъ русскихъ, тогда какъ нѣмцы объединились недавно и внѣ имперіи настоящихъ нѣмцевъ находится 13,000,000, несмотря на что среди нѣмцевъ имперіи не слышится вовсе голосовъ, взывающихъ къ войнѣ для полнаго ихъ объединенія. «Германія» думаетъ, что для объединенія германцевъ, т. е. голландцевъ, датчанъ, шведовъ, норвежцевъ, англичанъ и нѣмцевъ представляется больше данныхъ въ историческомъ, этнографическомъ, культурномъ и религіозномъ отношеніяхъ, чѣмъ для объединенія славянъ, т. е. русскихъ, поляковъ, чеховъ, сербовъ, болгаръ и проч. Романскія же народности, т. е. валонцы, французы, испанцы, португальцы имѣютъ еще болѣе общаго между собою и объединены религіей. Кромѣ того, и географическія условія благопріятнѣе объединенію германской или романской расы, чѣмъ единству славянъ, ибо «романцы и германцы могутъ объединиться, не поглощая чуждыхъ имъ элементовъ, не захватывая заселенныхъ иноплеменниками земель, тогда какъ объединенію славянъ пришлось бы принести въ жертву милліоны румынъ и мадьяръ». Трудно со всѣмъ этимъ не согласиться, и если возможно что-нибудь возразить, то никакъ уже не съ панславистской точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія общечеловѣческой, на которую постоянно карабкаются наши славянофилы и на которую взобраться съ грузомъ племенной и національной вражды трудно. Во всякомъ случаѣ, въ виду неизвѣстности къ чему могутъ повести подобныя объединенія, неизвѣстности, никѣмъ еще не разъясненной, желательно, чтобы подобныя объединенія происходили только путемъ добровольнаго соглашенія племенъ и народовъ, а никакъ не путемъ военнаго насилія, и имѣли бы всегда въ виду непосредственное человѣческое счастье и свободу, а не тѣ блага, о которыхъ звучатъ какіе-то далекіе и таинственные колокола.

Во второе свиданіе парижскаго корреспондента «Daily News» съ генераломъ Скобелевымъ онъ услышалъ отъ него, что «панславизмъ построенъ на положительныхъ данныхъ и имѣетъ основаніемъ вѣру въ Бога, привязанность къ православію и братскую любовь, а средствомъ дѣйствія ему служитъ политическая организація, которая выработывалась и росла цѣлыхъ тысячу лѣтъ. Русскій царь—олицетвореніе самодержавія и православія. Есть панславистскіе фанатики, которые желали бы возвратиться во мракъ вѣковъ еще до царей, но онъ не принадлежитъ къ нимъ.» Когда зашла рѣчь о томъ, что генералъ не можетъ вообразить себѣ Россію

безъ императорской системы и корреспондентъ спросилъ его — не желаетъ ли онъ распространить это тысячелѣтнее начало и на придунайскія славянскія земли, то генералъ объявилъ, что «ничего такъ ему не чуждо, какъ это: онъ даже въ мысляхъ этого не допускаетъ». Онъ требуетъ для нихъ «только свободы, чтобы они развивались согласно своимъ природнымъ качествамъ и инстинктамъ», онъ «думаетъ, что они станутъ относительно Россіи въ такое же положеніе, въ какомъ стояли прежде Соединенные Штаты къ Англіи». Все это, конечно, довольно либерально, но попрежнему ровно ничего не уясняетъ, потому что и Штаты съ Англіей не ужились, какъ извѣстно, и какъ разъ тоже самое можно говорить и съ пангерманской и съ клерикальной точекъ зрѣнія, вовсе не исключающихъ братской любви и возвышенныхъ идеаловъ. Откуда же все-таки необходимость кровопролитной борьбы славянъ съ тевтонами? Неизвѣстно. Между прочимъ, зашла рѣчь и о нигилизмѣ: «Генералъ смотритъ на нигилизмъ, говоритъ корреспондентъ, какъ на болѣзнь, зародившуюся отъ нѣмецкаго воспитанія въ царствованіе Николая». (Вонъ когда еще!) Это, по его мнѣнію, ничто иное, какъ «гегелизмъ, усвоенный кипучею, впечатлительною молодежью, однимъ словомъ, гегелизмъ съума спятившій. Нигилисты враги всѣхъ національныхъ преданій, воюютъ съ каждой исторической ассоціаціей и хотятъ истребить въ Россіи все, исключая почвы» («Совр. Изв.»). Насчетъ нигилистовъ генералъ могъ быть, конечно, самаго плохого мнѣнія, но для чего ему было пристегивать сюда гегелизмъ? У насъ сказать это было бы еще ничего, даже ново, пожалуй, такъ какъ многіе производятъ нигилизмъ отъ вольтеріанства, но въ Европѣ какъ-то стыдно это говорить, право, стыдно. Вѣдь это не могло прибавить рѣшительно ни одного золотника къ нашей славѣ и умственному кредиту, но могло только еще болѣе смутить и испугать Европу, а г. Скобелевъ и такъ настращалъ ее порядочно, даже очень порядочно. Вѣнскій корреспондентъ лондонской газеты «Standard» сообщалъ, что парижская рѣчь заставила Германію и Австрію обратить особенное вниманіе на защиту военныхъ границъ: германскій военный департаментъ отдалъ приказаніе усилить Кюстринскую крѣпость пятью новыми фортами; а Австрія стала укрѣплять Краковъ и Пржемысль. «Times'у телеграфировали изъ Берлина, что биржа обнаруживала вслѣдствіе этой рѣчи чрезвычайную нервозность относительно русскихъ бумагъ, вслѣдствіе чего, эти послѣднія значительно упали. Думали, что эпизодъ генерала Скобелева поступитъ на обсужденіе прусскаго ландтага («Русскія Вѣдомости» № 45). Германскій корреспондентъ «Standard'а» телеграммой отъ 7-го февраля сообщилъ изъ *неопровержимаго* источника, что императоръ Вильгельмъ былъ очень огорченъ этимъ эпизодомъ и замѣтилъ, что «надѣялся оставшіеся ему, при преклонномъ его возрастѣ, годы прожить въ мирѣ». Далѣе, князь Бисмаркъ, этотъ же-

лѣзный человѣкъ, сначала иронизировавшій надъ Скобелевымъ [1], послѣ парижской рѣчи, принялъ серьёзную физіономію и взялся самъ сдѣлать петербургскому кабинету, черезъ генерала Швейница (посла въ Петербургѣ), соотвѣтственныя представленія и протестовать отъ имени Германіи противъ вызывающаго и оскорбительнаго поведенія русскаго генерала. Словомъ, переполохъ былъ не малый. Наши газеты извѣстнаго направленія приняли невинный и готовый оскорбиться видъ и спрашивали: «что же такого особеннаго сказалъ М. Д. Скобелевъ, что могло такъ возбудить англичанъ и нѣмцевъ? Развѣ онъ взывалъ къ нарушенію государственныхъ договоровъ и къ войнѣ? Напротивъ, онъ являлся хранителемъ европейскихъ договоровъ: если попробуютъ, сказалъ онъ, тронуть государства, признанныя европейскими договорами, хотя бы Сербію и Черногорію, тогда вы не одни будете драться! Европѣ просто странно и досадно, что заговорилъ русскій человѣкъ.» Какія, подумаешь, угнетенныя невинности! Недоставало еще объяснить дѣло шуткой: «сговарились, молъ, отъ скуки, въ веселой компаніи попугать маленечко Европу и попросили Михаила Дмитріевича съѣздить постращать нѣмчуру!» Не тому Европа удивилась, что заговорилъ передъ нею русскій человѣкъ, не того испугалась она, что напомнили ей о соблюденіи трактатовъ, а испугалась она русскаго шовинизма, задора, налѣзанія и больше всего самомнѣнія и весьма малой степени нашей цивилизаціи. Какъ, повидимому, ни трудно намъ начать войну, но мы можемъ ее начать, какъ ни мало у насъ надежды одолѣть тевтоновъ, но мы будемъ для этого выбиваться изъ силъ. Это знаетъ Европа, и не трудно это знать. Г. Скобелевъ говорилъ корреспонденту «Daily News», что французскія газеты преувеличивали рѣзкость его рѣчи, но вѣдь онъ говорилъ не одну рѣчь и видѣлся не съ однимъ, а

[1] Петербургскій корреспондентъ «Augsburger Zeitung», на основаніи слуховъ, исходившихъ отъ германскаго посольства, разсказывалъ, что немного спустя послѣ петербургской рѣчи генерала Скоболева, князь Бисмаркъ, бесѣдуя съ русскимъ посломъ въ Берлинѣ, г. Сабуровымъ, сказалъ ему: «Г. Сабуровъ, не правда ли, что островъ Сахалинъ, это значитъ, если не ошибаюсь, по-японски «черный», пріобрѣлъ большое значеніе для Россіи? Европа охотно бы гарантировала Россіи весь островъ, еслибы только она украсила его вышивкою, изображающею четыре *евъ* и два *овъ*. (Тутъ корреспондентъ указываетъ, что эти четыре *евъ* означаютъ графа Игнатьева, Скобелева, Черняева и Фадѣева; а два *овъ*—Каткова и Аксакова). Само собою разумѣется, что слѣдуетъ построить шесть небольшихъ фортовъ, по одному на поселянина. Такая вышивка, прибавилъ канцлеръ, будетъ не мало содѣйствовать украшенію острова и Европа будетъ довольна». Нѣсколько озадаченный этими словами, посолъ будто бы возразилъ: «Но, свѣтлѣйшій князь, вѣдь *я посолъ*»... «Потому именно я къ вамъ и обращаюсь, перебилъ его князь Бисмаркъ, съ такою безвредною рѣчью въ интересахъ самой Россіи, которой не будетъ стоить труда отыскать на своей обширной территоріи четырехъ поселянъ, фамиліи которыхъ оканчиваются на *евъ*, и двухъ поселянъ, фамиліи которыхъ оканчиваются на *овъ*. Вы даже можете передать слова мои вашему правительству». (Нов. Вр. № 2149).

съ нѣсколькими нѣмецкими, французскими и англійскими корреспондентами (неужели всѣ сговорились преувеличивать его слова), и повторялъ одно и тоже. Корреспонденту «Voltaire» онъ говорилъ, напримѣръ, что петербургская его рѣчь не произвела въ Петербургѣ дурного впечатлѣнія, несмотря на поднятый ею шумъ, что Германія—великая пожирательница, что необходимо, путемъ союза Россіи и Франціи, возстановить европейское равновѣсіе, и т. д. Румелійцамъ просилъ передать, по сообщенію «Болгарскаго Голоса», что никогда ихъ не забудетъ, что когда они будутъ находиться въ критическомъ положеніи, то онъ *полетитъ* къ нимъ на помощь, постарается выйдти въ отставку и поѣхать бороться вмѣстѣ съ ними, съ готовностью «умереть за страну, въ которой умерла мученическою смертью его незабвенная мать». Онъ говорилъ, какъ сообщала «France», другую рѣчь сербской депутаціи; говорилъ рѣчь болгарской студенческой депутаціи; собирался ѣхать въ Цетинье; «Wiener Allg. Zeitung» и «Korrespondenz Bureau» писали, что на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ и передъ отелями, гдѣ онъ долженъ былъ останавливатся, собирались цѣлыя толпы публики, студентовъ и рабочихъ, которыхъ должна была удалять полиція. Все это, надѣюсь, могло возбуждать безпокойство. Представьте себѣ, что къ намъ бы пріѣхалъ генералъ Мольтке и началъ бы говорить на банкетахъ и являющимся къ нему студенческимъ депутаціямъ и корреспондентамъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ газетъ, тоже самое, что говорилъ генералъ Скобелевъ, началъ бы говорить, положимъ, о положеніи западнаго края, о крестьянахъ, напр. хоть Полѣсья, о принудительномъ введеніи русскаго языка, объ отношеніи къ католичеству и т. д., началъ бы говорить, дозволяя «съ удовольствіемъ» печатать сказанное и прося для точности корреспондентовъ предварительно повторить то, что они напечатаютъ, какъ это было, напримѣръ, съ корреспондентомъ «Daily News». Воображаю, какую забили бы мы тревогу! Безпокойство европейской печати продолжалось до самого возвращенія генерала Скобелева въ Россію, которое, по словамъ Кельнской газеты и «Presse», будто бы, было ускорено нотою къ петербургскому кабинету. Не успокоилось общественное мнѣніе и оффиціальнымъ заявленіемъ о томъ, что генералъ Скобелевъ говорилъ какъ частный человѣкъ, безъ всякаго внушенія и отвѣтственности со стороны правительства. «Это, конечно, очень хорошо, говорили газеты, но все дѣло въ неоффиціальной Россіи... а единственно національной политикой слѣдуетъ считать ту, которую представляетъ генералъ Скобелевъ». Лестнаго для г. Скобелева было, конечно, не мало въ его поѣздкѣ: онъ сразу пріобрѣлъ всеевропейскую извѣстность, къ нему спѣшили корреспонденты, о немъ во всѣ концы летѣли телеграммы, газеты описывали его красивую наружность, его «мощный умъ», его «темпераментъ крестоносца» и его восторженный и откровенный характеръ; называли его то «Готфридомъ Бульонскимъ славянскаго племени», то Лафайетомъ (Daily

News), то приравнивали къ Наполеону, Веллингтону, Гранту и Мольтке (Pall Mall Gazete). Нѣкоторые называли его, впрочемъ, только пробнымъ шаромъ, пущеннымъ узнать мнѣніе Европы (болгарс. мин. ин. д. Вулковичъ, по сообщенію Standard'a); а «Новое Время»—спичкой... Какое странное положеніе дѣлъ, говорила эта газета, желая смягчить впечатлѣніе рѣчи *даровитаго* генерала, «если зажженная спичка можетъ надѣлать такого шуму. Вѣдь рѣчь Скобелева—это зажженная спичка—не болѣе. Вспыхнула и угасла». Вотъ ужь именно не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ и союзниковъ. А какая-то иностранная газета больше всего благодарила генерала за доставленную газетамъ обильную пищу. Но не въ этомъ дѣло: для ген. Скобелева можетъ быть и многое было лестно во всей этой исторіи, но для Россіи, повторяемъ, лестнаго было мало.

Война только тогда и можетъ быть популярна, только тогда и можетъ возбуждать къ себѣ сочувствіе, когда объявляется народомъ во имя какой-нибудь идеи высшаго порядка и поднимаетъ знамя человѣческой любви и свободы противъ безправія и угнетенія. Я не отрицаю того, что въ русскомъ народѣ есть задатки высокой гражданской идеи и любви, но для того, чтобы написать ихъ на военномъ знамени, нужна предварительно большая внутренняя работа: нужно предварительно еще вытащить эти задатки изъ-подъ груды историческихъ обломковъ и новаго мусора, которымъ стараются ихъ завалить разные лукавые люди, нужно предварительно ихъ еще отстоять отъ русскихъ нѣмцевъ, которыхъ у насъ такъ много, и которые нерѣдко, совершенно уподобляясь іезуитамъ въ Босніи, одѣвающимся греческими попами, надѣваютъ на себя личину народничества. Пока-же этого не сдѣлано, намъ нечего выставить на нашемъ знамени. Нельзя намъ противупоставить Европѣ: ни нашей науки, искуствъ и литературы, для развитія которыхъ всегда недоставало важнѣйшаго условія—свободы; ни гражданскаго порядка, подавленнаго административной опекой, съ чѣмъ теперь согласны даже консервативные органы печати; ни аграрнаго устройства, которымъ мы такъ склонны были гордиться и дѣйствительно могли бы гордиться, еслибы народъ былъ дѣйствительно обезпеченъ землею, чего въ дѣйствительности нѣтъ и съ чѣмъ долженъ былъ согласиться такой авторитетный оппонентъ, какъ покойный кн. Васильчиковъ [1]; ни промышленнаго развитія и благосостоянія

[1] Въ первомъ изданіи своего сочиненія «О землевладѣніи и земледѣліи», вышедшемъ въ 1876 г., кн. Васильчиковъ доказывалъ, что малоземелье представляется у насъ только исключеніемъ изъ общаго правила и никакъ не можетъ быть разсматриваемо, какъ явленіе общее, могущее имѣть вліяніе на благосостояніе всего крестьянскаго сословія. Въ новомъ же посмертномъ изданіи этого сочиненія, вышедшемъ только на дняхъ, но просмотрѣннымъ самимъ авторомъ, говорится слѣдующее: «Теперь мы убѣдились, что такое воззрѣніе ошибочно. Первоначальныя наши свѣдѣнія были взяты бо́льшею частью изъ сбивчивыхъ и неполныхъ данныхъ, относившихся къ шестидесятымъ го-

народа, такъ какъ поддерживали только капиталистовъ, а не народную промышленность, о которой только теперь заходитъ рѣчь; ни общественнаго призрѣнія, ни народнаго образованія, однимъ словомъ—не можетъ выставить ничего, что могло бы удивить и устыдить Европу. Несомнѣнно, что это грустно, но пусть кто-нибудь докажетъ, что это не такъ. На все, что̀ бы мы ни выставили, намъ могутъ сказать: а у васъ это сдѣлано, или—лучше сдѣлано чѣмъ у насъ?! Остается развѣ только одна идея племенного объединенія, но идея весьма ветхая и при томъ такая, противъ которой намъ также могутъ сдѣлать множество возраженій съ той же самой точки зрѣнія: для чего, скажутъ намъ, вы желаете объединенія, когда соплеменники ваши живутъ въ большемъ благосостояніи и при условіяхъ не турецкаго уже правоваго порядка; даже подъ турецкимъ игомъ, какъ вы сами убѣдились въ послѣднюю войну, братушки ваши, вслѣдствіе ли лучшаго климата и почвы или близости Европы и чего-нибудь другого, жили богаче вашихъ крестьянъ; для чего же вамъ нужно пріурочивать ихъ къ себѣ или себя къ нимъ. Я, право, не знаю, что можно на это отвѣтить, хотя и знаю, что̀ мы стали бы отвѣчать: опять пошли бы у насъ въ ходъ «единовѣрныя груди», «историческія миссіи, тысячелѣтнія исторіи, прахъ отцовъ» и проч., и проч. Вотъ это-то все, во всей своей московской цѣлокупности, и заставляетъ Европу смотрѣть на насъ какъ на народъ, который способенъ только угрожать ей. Насъ — «идеалистовъ», «любящихъ жертвовать собой», боятся не одни вѣдь двоедушные европейскіе политики и корыстолюбивые буржуа, а и люди науки и вся европейская интеллигенція. Не любимъ мы эту интеллигенцію, знаю я, но что же дѣлать, если безъ нея нельзя жить, если она въ исторіи играетъ теперь бо̀льшую роль, чѣмъ всѣ мечи и пушки, вмѣстѣ взятые. Знаемъ мы, что не хорошо многое въ Европѣ, даже очень не хорошо, но, не обладая лучшимъ, странно жертвовать сотнями тысячъ людей неизвѣстно во имя чего. Знаемъ мы, что есть нѣчто неизмѣримо болѣе высокое и человѣчное, чѣмъ то, что пріобрѣла Европа, но это нѣчто надо сначала еще опредѣлить и устроить. Вотъ въ этомъ-то именно и должна заключаться наша историческая миссія. Прежде чѣмъ выступать съ мечемъ за отдаленныхъ народовъ, мы должны устроить благосостояніе и правовой порядокъ для собственнаго народа, согласно съ его бытовыми особенностями, міросозерцаніемъ и высокимъ идеаломъ общежи-

---

дамъ. *Съ тѣхъ поръ многое разъяснилось* и я долженъ былъ перемѣнить мои выводы и заключенія. *Малоземелье нельзя признать теперь* исключеніемъ; съ приращеніемъ народонаселенія, оно принимаетъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры. Нельзя также не признать, что недостатокъ земли въ большей части черноземныхъ центральныхъ губерній *вліяетъ вредно на благосостояніе многихъ крестьянъ въ этой полосѣ;* поэтому мы должны были измѣнить нашъ взглядъ на значеніе и объемъ малоземелья и признать справедливость возраженій, сдѣланныхъ намъ нашими критиками».

тія, должны открыть всѣ шлюзы съ просвѣщенія и дать ему обильную духовную пищу, должны открыть къ нему доступъ интеллигенціи, безъ всякой боязни, что онъ не отличитъ добра отъ зла и истины отъ лжеученія. Повторяю, что сюда-то вотъ именно и должны быть направлены всѣ наши усилія, что въ этомъ-то именно и заключается наша историческая миссія и ближайшая общественная задача. И нѣтъ миссіи болѣе почетной и оружія болѣе страшнаго для Европы, чѣмъ это, если только мы хотимъ непремѣнно бороться съ ея неправдою, если только она сама не опередитъ насъ въ этомъ отношеніи и не устранится совершенно всякій поводъ для борьбы. Есть еще на счетъ войны одно мнѣніе, весьма у насъ распространенное: «пусть насъ вздуютъ хорошенько, тогда мы будемъ умнѣе, а безъ этого ничего у насъ не будетъ»; но мнѣніе это совсѣмъ какое-то азіатское, даже какое-то лошадье, съ которымъ обращаться къ Европѣ также, по меньшей мѣрѣ, конфузно; даже лошадь не проситъ о томъ, чтобы ее вздули. Но въ вопросѣ о войнѣ есть еще одно обстоятельство—едва ли не самое возмутительное, а между тѣмъ, также постоянно у насъ повторяющееся: когда заходитъ рѣчь о войнѣ, то обыкновенно говорятъ, что войны хочетъ и требуетъ народъ... Любопытно было бы знать: прекратится когда-нибудь эта безцеремонность или нѣтъ, или такъ ей и не будетъ конца? Положимъ, что у насъ теперь стало много народниковъ, что всѣ мы говоримъ теперь очень часто и очень много о народѣ, но какъ мы можемъ говорить отъ его имени, его устами и помыслами? Мы можемъ предполагать, что народъ смотритъ на такой-то предметъ такимъ-то образомъ, а не иначе, но отождествлять себя съ нимъ, свою волю выдавать за его волю, по меньшей мѣрѣ, безцеремонно. Г-нъ Аксаковъ, говоря, напримѣръ, о томъ, что Сарра Бернаръ не вполнѣ оправдала ожиданій московской публики, считаетъ нужнымъ оговориться, что, «говоря, это, мы (молъ) выражаемъ, кажется, не свое только личное мнѣніе, но и мнѣніе значительнаго большинства публики» (№ 56, 1881 г.). А когда заходитъ рѣчь о народѣ, то нетолько вы не услышите отъ него какой-нибудь подобной оговорки или слова «кажется», а такъ и видите передъ собою народнаго уполномоченнаго. Какая деликатность въ одномъ случаѣ и неделикатность въ другомъ. Нельзя сказать, чтобы назидательное и пріятное выходило зрѣлище, а главное — нельзя ожидать, чтобы что-нибудь могло такимъ образомъ выработаться согласно народнымъ желаніямъ и воли. Что за трупъ такой, въ самомъ дѣлѣ, этотъ народъ, надъ которымъ мы собрались, объ интересахъ котораго разсуждаемъ и изъ-за интересовъ котораго споримъ и чуть ли даже не деремся? Одни говорятъ: «проснись очарованный богатырь!», другіе говорятъ: «спи, ангелъ мой прекрасный!», третьи поясняютъ, что онъ хочетъ войны, что онъ идеалистъ и любитъ жертвовать собой, (точно куритъ папироску), четвертые добавляютъ: «драть его надо!» и т. д.

Не умеръ же въ самомъ дѣлѣ народъ и вовсе не спитъ, а бодрствуетъ, работаетъ и не говоритъ только потому, что мы не даемъ ему говорить. Пускай же онъ скажетъ свое слово, пускай опредѣлитъ, что ему нужно, пускай укажетъ, кто изъ насъ желаетъ ему добра и, дѣйствительно, говоритъ его устами и кто занимается только расточеніемъ ему похвалъ и гримированіемъ своей физіономіи. Безъ этого мы всегда будемъ дѣйствовать наугадъ и рискуемъ безконечно ошибаться, ошибаться жестоко, горько, непростительно.

Люди, желающіе войны и говорящіе, что войны хочетъ народъ, можетъ быть, замѣтили накопленіе въ народѣ недовольства, которое отчасти проявилось въ прошломъ году противуеврейскимъ движеніемъ на югѣ и юго-западѣ нашемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ; изучивъ уроки политической мудрости и искуства управленія страстями, они, можетъ быть, имѣютъ въ виду дать исходъ этому недовольству, направивъ его на внѣшняго врага, на нѣмцевъ; но тутъ возможно ошибиться: движеніе, неискусно направленное въ сторону, легко можетъ измѣнить направленіе и направиться туда, куда мы не ожидаемъ, какъ это и было не разъ. Теперь уже никто, кажется, не думаетъ, что противуеврейское движеніе было движеніемъ антисемитическимъ, т. е. обусловленнымъ причинами племенными и религіозными, а не экономическими. Равнымъ образомъ разубѣдились мы, кажется, и въ томъ, что это было дѣломъ агитаторовъ, руки которыхъ тщательное изслѣдованіе дѣла не обнаружило. У евреевъ уничтожалось только имущество, на жизнь же никто не посягалъ. Были случаи, что у нѣкоторыхъ евреевъ не трогали и имущества; но за то рядомъ съ этимъ были и другого рода случаи, въ которыхъ жертвами являлись уже не евреи, а краморники (т. е. торговцы), какъ будто по созвучію съ крамольниками, но въ то же время и какъ будто по сходству съ евреями. Не можетъ ли выдти какого-нибудь неожиданнаго оборота дѣлъ или отождествленія и изъ исторіи съ нѣмцами? Подобнымъ отождествленіямъ можетъ, кажется, также содѣйствовать и то, что когда мы начинаемъ воевать, то сбрасываемъ обыкновенно съ себя всякую узду и начинаемъ самое безшабашное хищеніе казеннаго и народнаго достоянія. Живой примѣръ этому на скамьѣ подсудимыхъ здѣшняго окружнаго суда: тамъ сидитъ теперь цѣлая компанія интендантовъ, съ генераломъ Макшеевымъ во главѣ; а за ними послѣдуетъ, говорятъ, и другая, еще болѣе многочисленная, компанія (доходящая, по газетнымъ извѣстіямъ, до 250 человѣкъ). Желѣзнодорожники наши начнутъ еще повышать тарифъ; металлозаводчики запрашивать тройныя цѣны; суконные фабриканты поставлять никуда негодныя сукна, а сухарные подрядчики—такіе сухари, отъ которыхъ дохли даже свиньи. Все это по случаю войны дѣлается спѣшно, открыто, среди бѣлаго дня и, конечно, можетъ глубоко возмущать даже самаго невозмутимаго человѣка. Но дѣло собственно не въ этомъ: для раз

рѣшенія недовольства, если таковое замѣчается, есть и другія средства, не столь рѣшительныя, но за то болѣе дѣйствительныя и одобряемыя просвѣщенными людьми. Въ газетахъ извѣстнаго направленія можно очень часто встрѣтить теперь замѣчаніе, что «у народа нервы больны» (кому принадлежитъ это открытіе— «Моск. Вѣд.», «Руси» или «Совр. Изв.» — не знаю) и что для излеченія ихъ нужно что-нибудь предпринять. Одни совѣтуютъ лавровишневыя капли, постъ и воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ, другіе—ежевыя рукавицы, третьи — что-нибудь эдакое большое, веселое или патріотическое, что отвлекло бы народную мысль отъ меланхолическаго настроенія. Война, кажется, и представляется лучшимъ развлекающимъ средствомъ. Но это чрезвычайно ошибочно даже съ ветеринарной точки зрѣнія на народную болѣзнь, потому что всякое возбужденіе и потеря крови для больного, у котораго нервы больны, очень вредны. Народу нашему нуженъ хлѣбъ, который родится, какъ извѣстно, на землѣ, нужно облегченіе податной тягости, нужна самостоятельность, гарантія отъ произвола мѣстной полиціи и администраціи и нужна еще книга. Эти немногосложныя средства, которыя зовутся удовлетвореніемъ самыхъ естественныхъ человѣческихъ потребностей и о которыхъ такъ долго заботится интеллигенція, преслѣдуемая разными коновалами и заговаривателями зубовъ, вѣроятно, и излечитъ лучше всего народные нервы. Говорятъ о фактѣ оторванности нашей интеллигенціи отъ народа, но ничего не поминаютъ о причинахъ этого факта. Можно подумать, что оторвалась интеллигенція отъ народа исключительно вслѣдствіе нѣмецкаго воспитанія и гегелизма, не научившаго никого любви къ меньшому брату, но это было бы совсѣмъ несправедливо, потому что интеллигенція очень часто не могла служить народу и отрывалась отъ него не самовольно, а по причинамъ хорошо извѣстнымъ тѣмъ quasi-охранителямъ, которые и до сихъ поръ продолжаютъ травить ее, quasi-охранителямъ, какъ не имѣвшимъ, такъ и не имѣющимъ въ виду ничего иного, кромѣ мрака, грубаго произвола и интересовъ живота своего. Травля эта была продолжительна и настолько слѣпа и жестока, что часто преслѣдовался нетолько ни въ чемъ неповинный человѣкъ, но даже человѣкъ вполнѣ свой и только какъ-нибудь нечаянно оступившійся. Я какъ-то привелъ возмутительный фактъ сѣченія Достоевскаго во время его ссылки. Въ настоящее время въ газетѣ «Кавказъ» напечатаны подробности этого сѣченія, разсказанныя товарищемъ его по ссылкѣ Рожновскимъ. За что претерпѣлъ этотъ человѣкъ такія ужасныя муки, за что издѣвались надъ нимъ въ ссылкѣ и кто издѣвался? Я позволю себѣ привести выдержку изъ этого сообщенія, какъ доказательство, что участь русской интеллигенціи, къ походу на которую взываютъ теперь, очень тяжелая.

Ѳ. М. Достоевскаго звали въ ссылкѣ покойникомъ, разсказываетъ Рожновскій. Давно это было. Мы были вмѣстѣ тамъ. Впрочемъ, я раньше прибылъ

туда. Когда пришелъ Достоевскій, то съ перваго раза сильно не понравился ватагѣ [1]. Каторга имѣетъ свои законы. Иного и сами зарѣжутъ. Тамъ законъ Линча въ ходу. У насъ насчетъ женщинъ было строго и всѣ каторжники горой стояли друга за друга въ этомъ дѣлѣ. Каждый изъ насъ по очереди дежурилъ по вечерамъ, когда проходили прачки изъ прачешной, а Достоевскій отказался отъ дежурства, когда очередь дошла до него. Въ другой разъ онъ досталъ отъ солдата листикъ махорки. По тамошнимъ правиламъ, если кто достанетъ табаку, то половину беретъ себѣ, а другую половину дѣлятъ на нѣсколько частей и затѣмъ бросаютъ жребій, кому достанется. Достоевскій же и отъ своей части отказался, и жребій не захотѣлъ бросать: раздѣлилъ пополамъ между двумя цынготными. Вотъ на него и взъѣлись «большаки» наши: «Что ты—порядки сюда новые вводить пришелъ», говорятъ; хотѣли «крышку» [2] сдѣлать, но здѣсь Достоевскаго спасло одно обстоятельство. Однажды въ пищу одному изъ каторжниковъ попался какой-то комокъ. Развернули, смотримъ: тряпка и въ ней кости и еще какая-то гадость. Можетъ быть, нечаянно попало, а можетъ, кто и нарочно бросилъ. Тотъ, къ кому попалъ этотъ комокъ, хотѣлъ бросить его и смолчать — старый былъ арестантъ, зналъ порядки, а Достоевскій говоритъ: «Надо жаловаться; если ты боишься, давай мнѣ». Хотѣли мы его предупредить, чтобы онъ не жаловался, да «большакъ» запретилъ. Вотъ при повѣркѣ и выходитъ Достоевскій съ тряпкой впередъ. Набросились тутъ на него плацъ-маіоръ и ключникъ—«Ты это нарочно выдумалъ, чтобы бунтъ поднять. Эй, кто видѣлъ, что это было у него въ чашкѣ, выходи?» Арестанты молчатъ, «большаковъ» боятся. Хотѣлъ-было я выйти, да думаю: одинъ въ полѣ—не воинъ, если не «большаки», начальство заѣстъ. А знаете, вѣдь своя рубашка ближе къ тѣлу. Постоялъ плацъ-маіоръ, видитъ всѣ молчатъ.

— «Въ кордегардію! Пятьдесятъ!»

Увели Достоевскаго. Пролежалъ онъ потомъ недѣли двѣ въ больницѣ, затѣмъ выписали—выздоровѣлъ. Вотъ этотъ случай и спасъ его отъ крышки». Онъ теперь уже сдѣлался свой, «крещеный», за ватагу пострадалъ.

Прошло около года послѣ этого случая.

Я работалъ съ нимъ въ одной партіи. Нравился онъ мнѣ за свой тихій характеръ. Да и совѣсть, признаться, мучила: почему я не подтвердилъ тогда его словъ передъ плацъ-маіоромъ; онъ (Достоевскій) болѣзнь послѣ той экзекуціи получилъ на всю жизнь. Иногда, бывало, ночью, какъ начнетъ его бить объ нары, такъ мы его сейчасъ свяжемъ куртками, такъ и успокоится.

Пошли мы однажды барку ломать и взяли урокъ втроемъ. Третій былъ солдатъ, по фамиліи Головачевъ, въ работы попалъ за нанесеніе удара ротному командиру. Начали работать. Погода была хорошая, на душѣ было какъ-то веселѣе обыкновеннаго и работа шла скоро. Уже почти оканчивали урокъ, какъ я вдругъ нечаянно уронилъ топоръ въ воду. Что тутъ дѣлать, надо достать во что бы то ни стало: конвойные требуютъ, чтобы топоръ былъ, а не то грозятъ прикладами. Снялъ я куртку и штаны, подвязалъ кандалы покрѣпче, обвязался веревкой и началъ спускаться. Все было бы хорошо, да на бѣду плацъ-маіоръ работы объѣзжалъ. Увидалъ, что меня Достоевскій и Головачевъ держатъ въ водѣ и спрашиваетъ: «что здѣсь такое?» Конвойные отвѣтили.

— «Не задерживать работы, пусть самъ лазитъ, какъ знаетъ, бросьте веревку», кричитъ онъ на Головачева и Достоевскаго.

---

[1] «Ватагой» на каторжныхъ работахъ называется партія арестантовъ, помѣщающаяся въ одной казармѣ или отдѣленіи.

[2] «Крышку» сдѣлать на арестантскомъ жаргонѣ—убить.

Тѣ не слушаютъ. Побѣлѣлъ весь отъ злобы плацъ-маіоръ, даже пѣна на губахъ выступила; звѣрь, а не человѣкъ былъ.

— «Въ кордегардію послѣ работы!»

Сѣлъ на дрожки и уѣхалъ. Досталъ я топоръ, вылѣзъ изъ воды. Жутко было оканчивать работу, а надо кончить, не то прибавятъ. Вернулись мы вечеромъ въ замокъ. Я думалъ, что и меня поведутъ въ кордегардію, нѣтъ, повели только Достоевскаго и Головачева. Не знаю, какъ ихъ наказывали, только пронесся на другой день слухъ у насъ, что Достоевскій умеръ. Я повѣрилъ этому, зная, что онъ не привыкъ къ подобнымъ пыткамъ, да притомъ и боленъ былъ еще. Слухъ упорно держался, такъ что мы были вполнѣ увѣрены въ его смерти... Прошло мѣсяца полтора послѣ этой экзекуціи, многіе уже начали забывать о Достоевскомъ.

Пришли мы однажды съ работъ, камень дробили. Было довольно уже поздно, такъ что въ отдѣленіи, когда я зашелъ туда, былъ полумракъ. Подхожу къ нарамъ, смотрю, кто-то сидитъ. Я думалъ новичекъ какой-нибудь, и особеннаго вниманія не обратилъ, вдругъ слышу знакомый голосъ:

— Здравствуй, Рожновскій!

Приглядываюсь... Достоевскій... Не могу передать вамъ, какъ я испугался въ ту минуту.

— Что ты такъ смотришь? не узнаешь?

Руку протягиваетъ...

— Достоевскій! Развѣ ты живъ? могъ только я проговорить: смѣхъ и слезы — все смѣшалось въ горлѣ и я повисъ у него на шеѣ.

Послѣ все объяснилось. Рядомъ съ койкой Достоевскаго въ госпиталѣ лежалъ горячешный больной, который и умеръ на другой день послѣ поступленія Достоевскаго въ госпиталь, а фельдшеръ по ошибкѣ записалъ, что умеръ Достоевскій.

Вотъ этого никто не изберетъ темою для своихъ рѣчей, да и нѣмцамъ объ этомъ не сообщитъ, конечно. Но пора кончить.

Не могу, впрочемъ, въ заключеніе не сказать, что одновременно съ только что изложеннымъ походомъ противъ нѣмцевъ у насъ открытъ другой походъ русскихъ ученыхъ противъ нѣмецкихъ ученыхъ (академиковъ с.-петербургской академіи наукъ). Открытіе этого похода всецѣло принадлежитъ г. Суворину, который въ прошломъ еще году обратилъ вниманіе на нѣмецкую интригу въ академіи противъ русскихъ и открылъ какого-то замѣчательнаго «академическаго лакея», состоящаго въ должности лакея у кого-то изъ гг. академиковъ и въ то же время занимающаго какое-то штатное мѣсто въ академіи и получающаго, слѣдовательно, казенное жалованье. Нынѣ походъ этотъ продолжается въ «Руси» г. Бутлеровымъ. Завоевываютъ насъ вездѣ нѣмцы, да и конецъ! Суть академическаго завоевыванія состоитъ все въ томъ же, что туда забрались нѣсколько ученыхъ нѣмцевъ, нѣсколько даже ученыхъ родовъ и семей, и выбираютъ въ академики только соплеменниковъ и племянниковъ, а русскихъ ученыхъ не пускаютъ; русскіе же академики, которые также есть въ академіи, передались, повидимому, на сторону нѣмцевъ и объ отечественной наукѣ не стараются. Конечно, поведеніе нѣмцевъ неодобрительно, но нельзя не сказать и того, что у насъ очень мало ученыхъ, заслуги которыхъ были бы настолько велики, чтобы даже и нѣмцы не спорили о предоставле-

нія имъ академическихъ креселъ, какъ это и было сдѣлано ими по отношенію къ нѣкоторымъ нашимъ ученымъ. Мы все выставляемъ Менделѣева, но какъ начнемъ имъ, такъ и кончимъ имъ же, а нѣмцы, между тѣмъ, говорятъ и про него, что прежнія его заслуги по химіи были не больно велики, за исключеніемъ закона періодичности, открытіе котораго у него оспоривается, а теперь—и это главное—что онъ будто бы давно уже оставилъ науку и занимается не изслѣдованіемъ химическихъ законовъ, а изслѣдованіемъ г. Рагозина и его минеральныхъ маслъ. Кончится же дѣло все-таки я думаю тѣмъ, что наши ученые возьмутъ академію приступомъ и, распѣвая оду на взятіе Хотина Ломоносова, колотившаго нѣмцевъ палкой, водворятъ въ академію г. Менделѣева. На призывъ профессора Бутлерова не замедлили откликнуться профессора варшавскаго университета, приславшіе ему не письмо, а цѣлый адресъ, гдѣ говорится и «о знаменательномъ фактѣ борьбы русскихъ людей съ иноземцами», и о фактѣ «борьбы за существованіе» (!) русскихъ ученыхъ съ нѣмецкими, продолжающейся уже «полтора вѣка», и о «возростающемъ и угрожающемъ прибоѣ народныхъ волнъ» къ стѣнамъ академіи. Затѣмъ, конечно, преподносится хвала «мужественному и самоотверженному знаменоносцу» г. Бутлерову, причемъ вспоминается «славная упрямка» Ломоносова, и предсказывается, конечно, «побѣда славянскій стихіи.»

Подписались подъ письмомъ господа: А. Будиловичъ, Н. Сонинъ, Н. Андреевъ, Э. Траутфеттеръ, Н. Ефремовскій, Левъ Поповъ, В. Гемиліанъ, Н. Егоровъ, М. Шалфѣевъ, М. Чаусовъ, А. Никитскій, Г. Симоненко, Д. Самоквасовъ, А. Смирновъ, А. Соколовъ, С. Баскаковъ, А. Таубе, М. Ганинъ, Ѳ. Зигель, Н. Зининъ, Ф. Дьячанъ, Н. Аквилевъ, Ф. Навроцкій, А. Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, Н. Востоковъ, Н. Барсовъ, Ф. Іезбера, Н. Любовичъ.

Не правда ли какія все громкія имена, не правда ли, что всѣ они могутъ занять кресла въ академіи! Знакомы ли вы, читатель, съ тѣмъ, что сдѣлали эти ученые? Вы знаете, можетъ быть, только одного изъ нихъ Самоквасова, но, вѣроятно, остальные не менѣе знамениты. Вы можете быть увѣрены, что если они прогонятъ нѣмцевъ и сядутъ на ихъ мѣста, то русская наука процвѣтетъ.

СОВРЕМЕННЫЕ РЫЦАРИ.

РАЗСКАЗЫ

Чарльса Барнарда.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Недавно въ Нью-Йоркѣ вышли двѣ очень любопытныя книги одного автора, имѣющія одинаковую цѣль — распространеніе демократической идеи въ двухъ, повидимому, противоположныхъ областяхъ — въ экономической жизни и въ романѣ.

Авторъ, извѣстный американскій публицистъ, Чарльсъ Барнардъ, посвящаетъ одну свою книгу, подъ названіемъ: «Кооперація съ дѣловой точки зрѣнія», популярному и обстоятельному изложенію современнаго положенія кооперативныхъ обществъ, промышленныхъ, торговыхъ, страховыхъ и ссудосберегательныхъ въ Европѣ и преимущественно въ Америкѣ. Но для распространенія живительнаго принципа кооперативнаго труда, особенно въ отношеніи промышленнаго производства, необходимо развитіе техническаго знанія среди рабочихъ и привлеченіе къ занятію такъ-называемой ручной работой наибольшаго числа способныхъ молодыхъ людей. Съ этой цѣлью, Чарльсъ Барнардъ въ цѣломъ рядѣ статей въ «Scribners magazine» и другихъ американскихъ журналахъ, доказываетъ всю пользу техническаго образованія, описываетъ существующія въ Америкѣ образцовыя по этой части учрежденія, технологискіе институты, техническія школы и пр., фактически рисуетъ пользу для молодыхъ людей отъ изученія основательно какого-нибудь ремесла. Для большей же наглядности и рельефности своихъ доводовъ въ пользу подготовки молодыхъ людей не въ адвокаты, медики, пасторы или чиновники, а въ техники-рабочіе — онъ иногда придаетъ своимъ статьямъ романическую форму.

Собраніе этихъ, если можно такъ выразиться, техническихъ

разсказовъ и составляетъ другую книгу Барнарда, которая имѣетъ громадный успѣхъ въ Америкѣ. Подъ общимъ названіемъ: «Современные рыцари», авторъ разсказываетъ очень просто, реально и не безъ значительной доли художественнаго таланта, нѣсколько случаевъ изъ жизни скромныхъ тружениковъ: рудокоповъ, машинистовъ, стрѣлочниковъ, плотниковъ, телеграфистокъ и пр., которые, съ помощью прикладной науки, не только проложили себѣ дорогу въ жизни, но совершали великіе подвиги человѣколюбія, спасали погибающихъ, освобождали невинныхъ отъ несправедливыхъ обвиненій въ несовершенныхъ ими преступленіяхъ и т. д. Конечно, для романическаго интереса въ эти разсказы введенъ неизбѣжный элементъ любви и многое въ нихъ плодъ авторской фантазіи, но фактическая ихъ сторона основана на дѣйствительныхъ событіяхъ и они представляютъ живую, вѣрную картину своеобразной дѣятельной рабочей жизни американскаго народа. Вотъ почему мы и представляемъ въ переводѣ читателямъ «Отеч. Записокъ» лучшіе изъ этихъ разсказовъ о совершенно новыхъ, чисто американскихъ, дышащихъ живой демократической силой типахъ «Современныхъ рыцарей».

I.

Подъ высокимъ давленіемъ.

Самюэль Бриву дъ вышелъ первымъ изъ Массачусетскаго технологическаго института. Правда, его друзья сожалѣли, что онъ не окончилъ курса въ Гарвардскомъ университетѣ, но во всякомъ случаѣ онъ былъ хорошій техникъ. Онъ вовсе не зналъ греческаго языка и плохо умѣлъ по латынѣ, но зато, какъ теоретикъ, владѣлъ въ совершенствѣ паровой машиной, заводскими станками, буромъ и благородными древними орудіями—молотомъ и напилкомъ. Кромѣ того, онъ умѣлъ вполнѣ пользоваться болѣе утонченными орудіями—умомъ, глазами и руками, а потому, хотя практически еще мало былъ знакомъ съ дѣломъ, но увѣренно говорилъ себѣ, что вскорѣ поставитъ свои практическія знанія на одинъ уровень съ теоретическими.

По выходѣ изъ технологическаго института, онъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль искалъ въ Бостонѣ и окрестностяхъ для себя работы, но оказалось, что міръ переполненъ черезъ

край техниками. Не въ его натурѣ было прійти въ отчаяніе, какъ это дѣлаютъ многіе, видя переполненіе рынка своимъ товаромъ. Онъ сознаяъ, что для начала надо быть скромнымъ, и послѣ многихъ поисковъ взялъ мѣсто конторщика въ Гай-Бушскихъ угольныхъ копяхъ въ Эмбертонъ-Сити, въ Пенсильваніи.

Для человѣка, взросшаго въ интелектуальной атмосферѣ Бостона, воздухъ Эмбертонъ-Сити показался спертымъ, удушливымъ. Новый, неустроенный, въ безпорядкѣ разбросанный городъ, бѣдное рудокопное населеніе, плохія и недостаточныя для успѣшной работы въ копяхъ машины, а главное, обычаи и манеры людей, среди которыхъ онъ очутился—его непріятно поражали. Онъ хотѣлъ все исправить, все улучшить, начиная отъ жилищъ рудокоповъ, до ихъ обращенія другъ съ другомъ. Но какъ благоразумный человѣкъ, онъ ничего этого не сдѣлалъ, а довольствовался исполненіемъ своей конторской обязанности по веденію книгъ о добычѣ угля и жалованіи рабочихъ. Онъ былъ техникъ, а дѣлалъ работу простого конторщика, терпѣливо ожидая, чтобъ подвернулся случай заняться болѣе подходящимъ дѣломъ.

Онъ поселился у вдовы, по фамиліи Баумгартенъ, у которой была одна дочь девятнадцати лѣтъ. Съ перваго взгляда, Мэри Баумгартенъ показалась ему болѣе совершеннымъ типомъ женщины, чѣмъ тѣ, которые онъ прежде встрѣчалъ. Онъ уже имѣлъ кое-какую горькую опытность въ жизни насчетъ прекраснаго пола и, смотря на Мэри Баумгартенъ, говорилъ себѣ, что доселѣ ни разу еще не видалъ настоящей женщины, а только развитыхъ молодыхъ особъ, являвшихся въ образѣ женщинъ. Мэри поражала его свѣжестью, искренностью и пыломъ, составлявшими для него совершенную новинку и онъ вскорѣ съ удивленіемъ сознаяъ, что питаетъ къ ней нѣжное чувство. Какъ злобно усмѣхнулись бы молодыя красавицы, которыхъ онъ зналъ въ Бостонѣ, еслибъ увидѣли, что онъ съ удовольствіемъ по воскресеньямъ провожалъ въ церковь эту дѣвушку, безъ малѣйшей культуры и высшихъ взглядовъ. Она умѣла шить и стряпать кушанье, чтò, повидимому, ни мало не портило ея замѣчательной красоты. Она казалась полнѣйшимъ олицетвореніемъ жизни, энергіи, женственности, доказывая во-очію, какъ хорошо быть живымъ существомъ и имѣть возможность бѣгать, смѣяться, жить.

Для Мэри Баумгартенъ человѣкъ восточныхъ штатовъ, съ тонкими чертами и мягкими манерами, былъ такъ же какъ бы откровеніемъ. Болѣе грубые сыны ея родныхъ горъ, повидимому, потеряли для нея всякую прелесть, и мало-по-малу она перестала съ ними знаться. Судя по слухамъ, одинъ изъ ея поклонниковъ, красивый молодчикъ, по имени Крумбюргеръ, работникъ

въ Гай-Бушскихъ угольныхъ копяхъ, принялъ это очень къ сердцу.

Недѣли шли за недѣлями, дѣло подвигалось, и въ одно прекрасное мартовское утро, наступила неожиданная развязка.

Была суббота. Около полудня, Бривудъ поднялъ голову, оттолкнулъ отъ себя конторскія книги и обвелъ глазами небольшую комнату съ чисто выбѣленными, обнаженными стѣнами, въ которой помѣщалась контора компаніи Гай-Бушскихъ угольныхъ копей. Усыпанный пескомъ полъ, уродливая печь, угольная пыль, покрывавшая все густымъ слоемъ, тусклыя стекла давили его своей непривлекательностью. Въ окно онъ видѣлъ горный откосъ, изрытый и полуобнаженный; громадный углеломъ, чудовищное сооруженіе для ломки угля по выходѣ его изъ копей, груды угольнаго муссора, сложеннаго на сѣти грубыхъ рельсовыхъ путей, и наконецъ, отверстіе шахты, уныло чернѣвшееся на бѣлой, снѣгомъ покрытой горѣ.

Вдругъ онъ услыхалъ сильный свистъ парового свистка. Вѣроятно машинистъ ошибся; еще не было двѣнадцати часовъ. Но вотъ какой-то человѣкъ побѣжалъ по рельсамъ въ городъ и паровая машина стала усиленно выпускать паръ. Очевидно, случилось что-то необыкновенное.

Бривудъ поспѣшно закрылъ свои книги и вышелъ за дверь. Человѣкъ, бѣжавшій по рельсамъ, поравнялся съ нимъ. Онъ страшно махалъ руками и кричалъ во все горло:

— Свитбрайрская рѣчка прорвалась въ Гай-Бушскія копи и затопила ихъ!

Бривудъ заперъ контору и бросился со всѣхъ ногъ къ отверстію шахты. По дорогѣ онъ увидалъ паровозъ выходившій изъ углелома съ нагруженными углемъ вагонами, и крикнулъ машинисту, чтобъ онъ остановилъ поѣздъ. Машинистъ повиновался, но посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Отцѣпите вагоны, воскликнулъ Бривудъ: — отправляйтесь скорѣе на паровозѣ на станцію и телеграфируйте въ Потсвилъ къ управляющему. Скажите, что Свитбрайеръ залила копи и потребуйте немедленной доставки двухъ паровыхъ насосовъ, тысячу футъ двухъ-дюймовыхъ трубъ и столько же четырехъ-дюймовыхъ съ соединительными муфтами. Потомъ вернитесь къ шахтѣ съ своимъ паровозомъ, не теряя ни минуты.

Машиниста поразило, что простой конторщикъ раздавалъ приказанія, но онъ принялъ данное ему порученіе, мгновенно отцѣпилъ вагоны и полетѣлъ на всѣхъ парахъ къ станціи.

Когда Бривудъ достигъ углелома, то по его многочисленнымъ лѣстницамъ уже бѣжала толпа рабочихъ и мальчишекъ, толкав-

шихъ другъ друга и спѣшившихъ въ верхній этажъ громаднаго сооруженія, откуда они черезъ мостъ могли перебраться къ отверстію шахты. Ему пришлось взять болѣе далекій путь по тропинкѣ, поднимавшейся въ гору, и къ тому времени какъ онъ приблизился къ шахтѣ, толпа испуганныхъ рабочихъ окружила паровую машину и мрачное отверстіе шахты, вдоль которой крутые рельсы вели въ глубину копей. Эти копи были расположены по паденію каменно-угольнаго пласта и шахта была не вертикальная, а подъ угломъ 45°. Въ ту самую минуту, какъ Бривудъ протолкался къ отверстію шахты, показалась на ея поверхности тележка, ходившая внизъ и вверхъ по шахтѣ на проволочномъ канатѣ. Крики радости и глухіе стоны послышались въ сильно взволнованной толпѣ. Ужасное зрѣлище представляла тележка. Она была переполнена рабочими, въ крови, въ растерзанной одеждѣ; побуждаемые дикимъ чувствомъ самосохраненія, они ожесточенно дрались между собою въ глубинѣ копей, чтобъ попасть въ тележку и спастись отъ наводненія. Теперь они медленно вышли изъ нея и сотни рукъ протянулись къ нимъ.

Бривудъ вошелъ въ отдѣленіе паровой машины. Тамъ не было никого; машинисты и кочегаръ пошли посмотрѣть кто спасся изъ товарищей. Внѣ себя отъ негодованія, онъ подошелъ къ двери и крикнулъ кочегара.

Здоровенный молодецъ, весь черный отъ угольной пыли, погрозилъ ему кулакомъ и дерзко отвѣчалъ:

— Кто вы? Распорядитель?

— Нѣтъ. Но я намѣренъ быть распорядителемъ. Ступайте къ своему дѣлу и держите какъ можно болѣе пару.

Кочегаръ сунулъ руки въ карманы и молча повернулся къ нему спиной. Бривудъ понялъ, что для оказанія помощи погибающимъ ему необходимо было взять всю власть въ свои руки. Онъ взглянулъ внизъ и увидѣлъ, что тысячная толпа перепуганныхъ мужчинъ и женщинъ идетъ вверхъ по откосу горы. Черезъ минуту поднимется безсмысленная безпомощная сумятица, а между тѣмъ, люди тонули во мракѣ на глубинѣ трехъ сотъ футъ подъ улицами города. Бривудъ вышелъ на платформу, окружавшую отверстіе шахты и, вспрыгнувъ на деревянныя перила, крикнулъ во все горло такъ, чтобъ его голосъ покрылъ общій говоръ:

— Помогите, ребята. Вѣрно, остались люди внизу.

Наступила минутная тишина и всѣ обернулись, чтобы посмотрѣть, кто говоритъ.

— Они умерли, сказалъ кто-то.

— Такъ надо вытащить ихъ тѣла. Ну, ребята, помогите и мы можетъ быть еще спасемъ ихъ.

Онъ хотѣлъ еще продолжать, но въ толпѣ поднялся ропотъ неудовольствія. Кто онъ? Что̀ понимаетъ конторщикъ въ горномъ дѣлѣ? Онъ просто дуракъ, если думаетъ, что кто-нибудь остался живъ внизу, когда вода залила нижнюю галлерею.

— Помогите, ребята! Ихъ можно еще спасти!

Сѣдой англичанинъ изъ Уэльса снялъ шапку и почтительно произнесъ:

— Они всѣ умерли, сэръ. Не стоитъ хлопотать.

Въ толпѣ послышалось одобреніе, но Бривудъ поспѣшно отвѣчалъ:

— Люди, находящіеся въ верхнихъ частяхъ галлереи, живы. Воздухъ долженъ удерживать воду.

Справедливость этого замѣчанія была признана всѣми и, пользуясь своимъ успѣхомъ, Бривудъ прибавилъ:

— Я спущусь внизъ. Кто пойдетъ со мной?

Человѣкъ двадцать подняли руки и Бривудъ, соскочивъ съ перилъ, принялъ на себя всѣ распоряженія по спасенію погибающихъ. Видя въ немъ человѣка, повидимому, умѣвшаго распоряжаться, рабочіе тотчасъ ему подчинились.

— Скажите кочегарамъ, чтобы они держали болѣе паровъ. Я послалъ за насосами. Они вскорѣ явятся.

Нѣсколько людей поспѣшило къ кочегарному зданію, а остальные вопросительно смотрѣли на Бривуда, ожидая приказаній.

— Мнѣ надо молотъ и трехъ людей.

Многіе вышли изъ толпы и Бривудъ выбралъ трехъ человѣкъ. Вскорѣ принесли молотъ и Бривудъ помѣстился съ тремя рабочими въ тележкѣ.

— Сосчитайте сколько спаслось людей и сколько недостаетъ. Часть изъ васъ пусть идетъ домой обѣдать, а другая пускай отточитъ кирки для работы. Ну, спускайте!

Тележка медленно покатилась по крутой наклонной плоскости и исчезла во мракѣ. Толпа смолкла и въ могильной тишинѣ ждала сигнала изъ шахты. Каждую минуту подходили изъ селенія новыя группы женщинъ и дѣтей, но и на нихъ напалъ страхъ, такъ что общее молчаніе никѣмъ не нарушалось. По странному чутью, присущему толпѣ, всѣ были убѣждены, что подъ землей остались люди, но никто не зналъ сколько ихъ и живы ли они.

Спустя десять минутъ, раздался сигнальный звонокъ и проволочный канатъ началъ двигаться вверхъ по шахтѣ. Въ ту же минуту толпа приблизилась къ отверстію, чтобы поскорѣе уви-

дать тележку. Вдругъ послышался сигналъ остановить тележку. Толпа пришла въ ужасъ. Одна женщина заплакала, потомъ другая и въ одно мгновеніе поднялся дружный вопль.

— Тише, женщины! воскликнуло нѣсколько голосовъ:—онъ дѣлаетъ необходимыя распоряженія.

Снова раздался звонокъ. Машина быстро и молча завертѣлась. Вскорѣ тележка показалась на поверхности земли.

Бривудъ стоялъ на краю ея и крикнулъ изо всей силы:

— Они живы! Охотники! за работу!

Шумные крики радости потрясли воздухъ и раздались сотни голосовъ. Каждый предлагалъ свое средство для спасенія несчастныхъ. Но Бривудъ поднялъ къ верху молотъ и водворилось молчаніе.

— Мы постучали и они намъ отвѣтили. Они заперты водой въ верхней части одной изъ галлерей. Мы должны прокопаться къ нимъ и спасти ихъ.

Около дюжины рабочихъ съ кирками выступило впередъ, сгорая отъ нетерпѣнія начать скорѣе работу.

— Погодите, молодцы. Намъ надо прежде всего устроить платформу, съ которой уже поведемъ работы и на ней же поставимъ насосы, такъ какъ вода сильно прибываетъ.

— Охъ! батюшки! Они утонутъ! Они утонутъ! взвизгнула въ толпѣ одна женщина.

— Нѣтъ, не утонутъ. Они вполнѣ безопасны, и мы дороемся до нихъ.

Эти слова успокоили женщину и предотвратили распространеніе паники въ толпѣ. Бривудъ потребовалъ плотниковъ и возъ бревенъ и досокъ для устройства платформы.

— Кого недостаетъ? спросилъ онъ.

— Дениса Нагля, Джона Смита и Джона Крумбюргера, отвѣчалъ кто-то.

На лицѣ молодого человѣка показалась неожиданная краска, но онъ тотчасъ отвернулся, чтобъ скрыть свое волненіе.

Черезъ нѣсколько минутъ принесли бревна и доски и нагрузили ими тележку, въ которой помѣстились также двое плотниковъ съ топорами. Бривудъ взялъ у одного изъ нихъ футикъ, и смѣрялъ длину рельса въ подземной колеѣ.

— Послѣдній рельсъ половинчатый, замѣтилъ старикъ, внимательно слѣдившій за всѣми его движеніями.

— Ахъ, да, благодарю васъ. Я мѣрялъ разстояніе отъ отверстія шахты внизъ. Поднимаясь, я сосчиталъ число рельсовъ. Надо устроить платформу на глубинѣ ста шестидесяти восьми футъ.

— Да, сэръ; каждый оборотъ канатнаго барабана опускаетъ васъ на двадцать восемь футъ.

— Отлично. Я этого не зналъ. Прикажите машинисту спустить насъ на шесть оборотовъ.

— Сейчасъ, отвѣчалъ старикъ:—мой сынъ внизу.

— Мы его вытащимъ завтра или послѣ завтра.

— Дай Богъ! Но онъ можетъ до того времени умереть съ голода.

— Я объ этомъ подумалъ, и при первой возможности доставлю имъ пищи.

— Это будетъ не легко. Но вы, я вижу—мастеръ своего дѣла.

Бривудъ вскочилъ на тележку, и прежде чѣмъ опуститься въ шахту, громко произнесъ нѣсколько словъ къ тѣснившейся во всѣхъ сторонахъ толпѣ. Люди, оставшіеся въ копяхъ, будутъ спасены, но на это потребуется много времени; поэтому толпѣ лучше разойтись и ждать дома результатовъ предпринятыхъ работъ. Но его совѣта никто не послушался, и если нѣсколько людей поспѣшило домой, то лишь для того, чтобы принести пищи оставшейся толпѣ.

Тележка быстро скользила по наклонной шахтѣ и Бривудъ вскорѣ очутился въ темнотѣ, гдѣ уныло мерцали масляныя лампочки, прикрѣпленныя къ шапкамъ людей. Вдругъ тележка остановилась, Бривудъ соскочилъ на крутое полотно подземной колеи и ударилъ три раза молотомъ по чорной стѣнѣ каменнаго угля, возвышавшейся передъ нимъ. Всѣ стали жадно прислушиваться, но мертвая, безжизненная тишина земли на глубинѣ ста семидесяти футъ не прерывалась ни малѣйшимъ звукомъ. Онъ повторилъ удары и снова всѣ притаили дыханіе. Ничего. Неужели несчастные уже погибли подъ быстро поднимавшейся водой? Наконецъ, послышались отвѣтные удары, слабые, смутные, безпорядочные. Недостающіе люди были еще живы и звали на помощь.

— Они, кажется, телеграфируютъ, сказалъ одинъ изъ плотниковъ:—Денисъ Нагль какъ-то служилъ на телеграфной станціи.

— Вы правы. Намъ надо привести сюда телеграфиста и тогда мы будемъ имѣть возможность переговариваться съ ними. Ну, ребята, стройте здѣсь платформу для насосовъ во всю ширину шахты и покрѣпче.

Плотники принялись съ жаромъ за дѣло. Это былъ вопросъ жизни и смерти. Надо было, не теряя минуты, спасти несчастныхъ отъ заливавшей копи воды. Какъ только бревна и доски были сняты съ тележки, Бривудъ дернулъ за сигнальную веревку и поднялся вверхъ по шахтѣ, оставивъ плотниковъ за ра-

ботой. Вокругъ отверстія шахты тѣснилась густая толпа, жаждавшая поскорѣе узнать о положеніи заточенныхъ въ нѣдрахъ земли людей. Бривудъ кликнулъ охотниковъ, которымъ поручилъ составить смѣны рабочихъ. Пока штейгеры набирали людей, Бривудъ пошелъ въ отдѣльніе паровой машины и позвалъ кузнеца и старшаго машиниста.

— Намъ надо пробить буровую скважину въ восемьсотъ футъ длины, сказалъ онъ и, взявъ карандашъ, нарисовалъ на доскѣ планъ совершенно оригинальной инженерной работы.

Онъ такъ же начертилъ рисунокъ двухъ деревянныхъ, воздушныхъ шлюзовъ или винтиляціонныхъ дверей совершенно новаго вида. Все это взяло болѣе часа, а между тѣмъ, вѣсть о катастрофѣ быстро разнеслась повсюду.

Въ Эмбертонъ-Сити послали гонца за телеграфистомъ и вскорѣ явилась молодая дѣвушка, единственный телеграфическій агентъ въ окрестностяхъ. Хотя она была въ сущности только ребенкомъ, но мужественно согласилась опуститься въ шахту.

Въ то же время прибылъ репортеръ «New-York-Herald'a» и сталъ быстро предлагать вопросы о причинахъ катастрофы и о средствахъ къ спасенію несчастныхъ. Бривудъ энергично зажалъ ему ротъ.

— Жизнь трехъ людей зависитъ отъ нашей работы. Мы не можемъ дозволить ни малѣйшей помѣхи. Вамъ дадутъ возможность все видѣть, но вы не должны говорить съ рабочими.

Репортеръ сосредоточился на минуту.

Страшная катастрофа!

Трое людей похоронены заживо!

Наука на помощь!

Техника спасаетъ человѣчество!

Вотъ какими заголовками онъ уже мысленно начиналъ свое первое письмо.

— Я не ученый, сказалъ онъ: — но могу наблюдать и работать.

Съ этими словами онъ бросился на телеграфъ и потребовалъ себѣ на помощь ученаго техника. Спустя двадцать минутъ, изъ нью-йоркской редакціи его газеты отправлялся въ Эмбертонъ-Сити извѣстный ученый. Черезъ двадцать пять минутъ, около дюжины рабочихъ ставили временные столбы по горному скату и проводили телеграфную проволоку къ отверстію шахты. Еще полчаса и одинъ изъ рабочихъ въ смѣнѣ Джимми Брауна продалъ репортеру за семьдесятъ-пять долларовъ свое мѣсто, рабочую одежду, кирку и лампочку.

Тележка снова спустилась по шахтѣ и на этотъ разъ въ ней

находились Бривудъ, Джимми Браунъ, съ своими людьми, и молодая телеграфистка. Сочувственные крики тысячной толпы сопровождали смѣльчаковъ, которые быстро исчезали во мракѣ.

Тележка остановилась передъ платформой, которая была не-только окопчена, но и обшита досками.

— Ну, голубушка, вы должны намъ помочь. Я ударю молотомъ въ стѣну, а вы прислушайтесь и скажите намъ, не можете ли разобрать ихъ отвѣта.

Молодая дѣвушка дрожала всѣмъ тѣломъ, испуганная мракомъ, мертвой тишиной и мерцаніемъ лампъ на черныхъ лицахъ, окружающихъ ее людей. Бривудъ взялъ ее за руку и посадилъ на доску, поддерживая одной рукой, а другою ударилъ три раза молотомъ по стѣнѣ. Рабочіе молча смотрѣли, недоумѣвая, что дѣлалъ новый ихъ распорядитель.

Снова раздался отвѣтный стукъ, но такъ слабо и далеко, что его едва можно было разобрать. Молодая дѣвушка облокотилась на Бривуда, губы ея были судорожно сжаты и широко открытые глаза дико устремились на лампу, прикрѣпленную къ его шапкѣ. Вдругъ она тихо промолвила:

— Да... я ихъ слышу. Они говорятъ... они зовутъ на помощь. «Помогите! Помогите! Помог...»

Но тутъ голова ея поникла и она упала въ обморокъ.

— Это не годится! воскликнулъ Бривудъ. — Нѣтъ ли у кого водки?

— У меня есть, сказалъ одинъ изъ рабочихъ, подавая фляжку съ водкой.

Бривудъ строго посмотрѣлъ на него, а другіе засмѣялись, но никто не сказалъ ни слова, хотя репортеръ глупо выдалъ себя. Бривудъ взялъ у нея фляжку и заставилъ молодую дѣвушку проглотить нѣсколько капель живительной влаги, а плотники предложили воды въ жестяной кружкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ телеграфистка очнулась.

— Не пугайтесь, дитя мое. Вы не подвергаетесь ни малѣйшей опасности.

— Я знаю, сэръ. Но люди внизу! Страшно подумать.

— Да, и все зависитъ отъ васъ. Вы можете помочь намъ спасти ихъ. Вы постучите этимъ молотомъ по каменноугольной стѣнѣ и они вамъ отвѣтятъ.

— Дайте мнѣ молотъ и я буду съ ними говорить.

Рабочіе крикнули три раза ура въ честь храброй молодой дѣвушки и она улыбнулась, покраснѣла и мужественно принялась за дѣло. Она постучала по стѣнѣ и потомъ прислушалась. Черезъ минуту раздался слабый отвѣтный стукъ. Тогда она стала

молча стучать; ея удары были странные, то долгіе, то короткіе съ извѣстными въ системѣ Морза перерывами. Такіе же отвѣтные удары послышались въ далекѣ и она припала ухомъ къ стѣнѣ, чтобы яснѣе ихъ разобрать.

— Они говорятъ, что находятся въ верхней части третьей галлереи. Ихъ трое. Вода ихъ окружаетъ и...

Удары продолжались и черезъ минуту телеграфистка прибавила:

— Они спрашиваютъ, какой уклонъ?

— Имъ надо знать величину паденія пласта и мѣсто нашей новой галлереи, сказалъ Джими Браунъ:—такъ чтобы они могли пробивать себѣ дорогу къ намъ навстрѣчу. Я думаю, что уклонъ будетъ одинъ футъ на десять.

Бривудъ попросилъ телеграфистку отвѣтить, что ихъ спасутъ съ возможной быстротой и что новая галлерея будетъ опускаться на десять футовъ на каждыхъ ста футовъ протяженія. Точную величину уклона сообщатъ имъ впослѣдствіи.

— Ну, молодцы, за работу! Ведите галлерею въ три фута ширины и пять футъ вышины.

— Это слишкомъ много, замѣтилъ Джими Браунъ:—мы проработаемъ на ней болѣе недѣли.

— Нѣтъ; мы станемъ передавать мелкій отбитый уголь изъ рукъ въ руки.

— И то правда. Ну, ребята. За дѣло.

Двое рабочихъ подняли свои кирки и черезъ минуту уголь посыпался дождемъ на полъ платформы. Плотники подняли одну изъ досокъ и сдѣлали отверстіе для того, чтобы бросать уголь внизъ въ шахту, такъ какъ не было времени поднимать его на верхъ въ тележкѣ. Потомъ они, Бривудъ и телеграфистка, поднялись на верхъ, на свѣтъ Божій.

Не успѣлъ Бривудъ соскочить съ тележки, какъ къ нему подошелъ управляющій копями. Онъ былъ внѣ себя отъ гнѣва. Какое право имѣлъ конторщикъ распорядиться людьми и матеріаломъ, да еще такимъ страннымъ образомъ?

— Благодаря несчастью, произошла общая сумятица и я принялъ на себя распоряженіе, чтобы спасти людей, оставшихся подъ землею. Я покажу вамъ мои планы и передамъ все дѣло съ рукъ на руки.

Управляющій выразилъ сомнѣніе, чтобы оставшіеся въ копяхъ люди были живы и предпочиталъ привести въ исполненіе свой собственный планъ.

— Три человѣка заточены въ верхней части третьей галлереи. Мы съ ними переговаривались.

Управляющій засмѣялся. Переговариваться съ людьми чрезъ тысячу пятьсотъ футъ каменнаго угля. Это невозможно!

Бривудъ не оспаривалъ авторитета управляющаго и спокойно объяснилъ ему свой планъ спасенія погибающихъ.

— Хорошо, положимъ, что ваша работа удастся, но въ ту самую минуту, какъ вы достигнете людей, то воздухъ изъ ихъ галлереи проникнетъ въ буравую скважину и вода, поднявшись, утопитъ ихъ.

— Для этого будутъ устроены воздушные шлюзы, отвѣчалъ Бривудъ, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ пояснить это техническое сооруженіе, къ нимъ подошелъ господинъ, поспѣшно растолкавшій толпу.

— Вы поставите этого молодого человѣка во главѣ спасительнаго отряда, сказалъ онъ, обращаясь къ управляющему:—и окажете ему всевозможную помощь.

Это былъ директоръ компаніи Гай-Бушскихъ угольныхъ копей, который, услыхавъ о несчастьи, прилетѣлъ на компанейскомъ локомотивѣ изъ Потсвиля.

Спустя три минуты, былъ посланъ гонецъ за маркшейдерскими инструментами; компанейскій локомотивъ и другой могучій товарный паровозъ были пододвинуты по рельсамъ какъ можно ближе къ отверстію шахты, для привода въ движеніе насосовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послали за городскимъ мэромъ и полиціей, для удержанія толпы отъ отверстія шахты и углелома. Бривудъ собственноручно повелъ новую спасительную галлерею и показалъ директору, какъ телеграфистка переговаривалась звуковымъ телеграфомъ съ людьми, заключенными въ верхней части третьей галлереи.

Къ разсвѣту работа была въ полномъ ходу и болѣе ста человѣкъ приводили въ исполненіе искусный планъ Бривуда. Паровые насосы и труба были доставлены изъ Потсвиля, поставлены на платформѣ и соединены съ двумя локомотивами. Этимъ способомъ пріобрѣтены были два добавочные паровика и съ десяти часовъ вечера, два громадные потока воды бѣжали безостановочно изъ четырехдюймовыхъ трубъ по горному скату. Рудокопы, съ помощью кирки, молота и клиньевъ, дѣятельно вели новую наклонную галлерею, а разставленные вдоль нея люди, передавали другъ другу корзины съ выбитымъ углемъ, который и бросали въ шахту чрезъ отверстіе въ платформѣ.

Но вскорѣ жаръ отъ паровыхъ насосовъ и спертый воздухъ въ новой галлереѣ стали невыносимыми. Необходимо было устроить вентиляцію.

Бривудъ думалъ объ этомъ, стоя подлѣ отверстія шахты и

прислушиваясь къ шуму выбрасываемой паровыми насосами воды. Вдругъ онъ растолкалъ толпу и побѣжалъ въ мастерскую, гдѣ рабочіе изготовляли его новый буръ. Схвативъ кусокъ четырехдюймовой трубы, онъ мѣломъ начертилъ на ней сбоку мѣсто для отверстія и приказалъ рабочему его просверлить. Другому онъ далъ кусокъ двухдюймовой трубы и велѣлъ разрѣзать ее продольно на части, а потомъ связать эти куски между собою хомутиками по чертежу, который онъ торопливо нарисовалъ на доскѣ. Черезъ часъ у него было готово четыре инжектора, составленные изъ желѣзныхъ трубъ, вставленныхъ одна въ другую и назначенныхъ: широкія для пара, а тонкія для воздуха. Онъ соединилъ ихъ съ паровыпускными трубами паровыхъ насосовъ и подъемной машины. Всѣхъ паровыпускныхъ трубъ было четыре и, такимъ образомъ, у него получилось четыре паровыхъ инжектора, основанныхъ на принципѣ воздушнаго тормаза; каждый изъ нихъ былъ соединенъ посредствомъ боковой трубы съ двухдюймовой трубой, опущеной внизъ по шахтѣ къ новой галлереѣ. Спустя часъ, всѣ инжекторы были въ полной работѣ, высасывая спертый, горячій воздухъ изъ шахты и выпуская его наружу вмѣстѣ съ паромъ.

Луна тускло освѣщала эту сцену жгучей человѣческой дѣятельности и тысячи людей не спали въ эту ночь, ожидая извѣстій изъ Гай-Бушскихъ копей. Сотни рабочихъ толпились на высокомъ мосту углелома, слѣдя за тѣмъ, какъ кочегары топили оба локомотива и прислушиваясь къ неумолкаемому стуку молотовъ въ мастерской и гулу паровыхъ инжекторовъ. Большой костеръ, разведенный въ помощь рабочимъ, пылалъ съ трескомъ. Не въ далекѣ была раскинута палатка, гдѣ два репортера писали на опрокинутой бочкѣ и отъ времени до времени отправляли въ редакцію «New-York-Herald» подробныя донесенія обо всемъ, что дѣлалось вокругъ нихъ.

Уже свѣтало, когда Бривудъ взошелъ на высокій мостъ углелома и взглянулъ внизъ на людей, хлопотавшихъ вокругъ локомотивовъ, которые исполняли непривычную для нихъ должность. Онъ посмотрѣлъ въ даль на горы, на спящій городъ и я потомъ на странную сцену у ногъ его, и съ неудоумѣніемъ спросилъ себя, не сонъ ли это, который разсѣется съ первымъ лучомъ солнца. Кто-то подошелъ къ нему.

— Молодой человѣкъ, вамъ надо отдохнуть. Тяжелая работа васъ утомила. Все идетъ хорошо; ступайте домой и усните. Я присмотрю за людьми, пока вы будете отдыхать.

Бривудъ сначала отказался, но потомъ послушалъ совѣта директора и, сойдя съ углелома направился къ городу. Кое-гдѣ въ

домахъ виднѣлся свѣтъ, словно люди ждали рудокоповъ, потерянныхъ въ нѣдрахъ земли, и ихъ товарищей, геройски работавшихъ для ихъ спасенія.

У себя дома Бривудъ нашелъ также свѣтъ и готовый ужинъ. Онъ немного поѣлъ и, бросившись на диванъ, мгновенно заснулъ.

Въ десять часовъ онъ проснулся. Въ каминѣ ярко горѣлъ огонь и на столѣ ждалъ его завтракъ. У камина сидѣла Мэри, какъ бы поджидая, когда онъ проснется. Онъ взглянулъ на нее съ улыбкой и поблагодарилъ за вниманіе.

— Вы слишкомъ добры, Мэри.

Она вздрогнула и, вставъ со стула, подошла къ нему. Щеки ея пылали.

— О! Какъ я рада, что вы проснулись. Завтракъ уже готовъ. Вы отдохнули? Я думала, что вы будете довольны, увидавъ огонь въ каминѣ, и нарочно его затопила. Извините, что я такъ долго осталась здѣсь.

— Помилуйте. Я очень радъ.

Она подошла къ нему еще ближе. Онъ замѣтилъ, что глаза ея свѣтились и улыбка не сходила съ ея устъ, пока она хлопотала объ его завтракѣ. Очевидно, она любила его. Онъ прежде спрашивалъ себя съ боязнью, какъ примутъ эту здоровую, горную красавицу въ браминскомъ кварталѣ Бостона, но теперь исчезла всякая тѣнь сомнѣнія или страха. Онъ былъ увѣренъ, что она его любитъ и сознавалъ, что самъ питаетъ искреннюю любовь къ этому славному типу настоящей энергичной женщины.

Тотчасъ послѣ завтрака, Бривудъ пошелъ въ свою комнату и приготовился къ ожидавшей его работѣ. Онъ былъ въ отличномъ расположеніи духа. Онъ могъ теперь работать вдвое, при сочувственной поддержкѣ такого прелестнаго существа. Вернувшись въ столовую, онъ увидалъ, что и Мэри одѣлась, словно желала выйти изъ дома. Не хочетъ ли она пойти къ угольнымъ копямъ? Съ удовольствіемъ, если онъ возьметъ ее съ собою. Они отправились вдвоемъ. Въ дверяхъ она совершенно естественно оперлась на его руку и они пошли по улицамъ города.

На горѣ было столько народа, что, повидимому, тамъ собралось все окрестное населеніе. Сотни экипажей и сельскихъ телегъ были привязаны къ изгородямъ. Экстренный поѣздъ желѣзной дороги привезъ толпу зѣвакъ и тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей мѣсили снѣгъ на горныхъ откосахъ, превращая его въ черную грязь. Углеломъ кишѣлъ публикой и вокругъ отдѣленія паровой машины уже виднѣлось нѣсколько палатокъ. На солнцѣ блестѣли штыки милиціи, призванной для того, чтобы удержи-

вать толпу отъ отверстія шахты. Бривудъ поспѣшно пробирался впередъ и Мэри слѣдовала за нимъ. Но передъ локомотивами, которые дѣйствовали такъ же энергично, какъ наканунѣ, часовой остановилъ ихъ. Далѣе идти никому не дозволялось. Однако, люди, работавшіе на локомотивахъ, подняли на ура распорядителя работъ и часовой его пропустилъ, но задержалъ миссъ Баумгартенъ.

— Мой другъ долженъ пройти вмѣстѣ со мною, сказалъ Бривудъ.

— А, это дѣло другое, знаменательно отвѣчалъ часовой и пропустилъ ихъ обоихъ.

У отверстія шахты они встрѣтили директора компаніи и Бривудъ представилъ ему Мэри, какъ своего друга. Директоръ любезно улыбнулся и, не сдѣлавъ никакого замѣчанія, сообщилъ Бривуду о положеніи работъ. Новая галлерея была проведена на триста пять футъ, но вода постоянно прибывала, несмотря на выкачиваніе насосами.

Бривудъ сказалъ, что онъ тотчасъ спустится въ шахту и по данному сигналу тележка была поднята къ верху. Въ ней оказались телеграфистка и смѣна рабочихъ. Они объяснили, что люди, заточенные въ верхней части третьей галлереи, умоляли о скорѣйшей помощи, такъ какъ они не могли долго существовать въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились.

— О! воскликнула Мэри: — страшно подумать, что они похоронены заживо въ темнотѣ и безъ пищи.

— Мы доставимъ имъ пищи сегодня ночью или завтра утромъ сказалъ Бривудъ.

— О! сдѣлайте это, Бога ради.

Еслибы Бривудъ не былъ такъ заинтересованъ своей работой, то замѣтилъ бы, что на ея глазахъ выступили слезы, но онъ ничего не видѣлъ, кромѣ тележки, и быстро вскочилъ въ нее. Мэри отошла въ сторону, но потомъ стала просить, чтобы онъ взялъ ее съ собою. Бривудъ не согласился и молодая дѣвушка заплакала. Онъ разсердился, но не сказалъ ни слова. Они разстались; онъ спустился въ шахту, а она пошла домой.

Этотъ день былъ важной эпохой въ жизни молодого человѣка. Онъ былъ героемъ данной минуты. Къ тремъ часамъ кончили новый буръ, а къ вечеру спасительная галлерея уже имѣла пятьсотъ тридцать четыре фута длины. Такимъ образомъ, работа шла гораздо быстрѣе прежняго, потому что рудокопы работали вдвое лучше подъ личнымъ руководствомъ молодого техника.

Однако, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи возвра-

титься домой къ обѣду и ужину. Мэри была очень внимательна къ нему, но на глазахъ ея виднѣлись слѣды слезъ и въ ней замѣтно было нервное безпокойство. Онъ подумалъ, что это происходило отъ его отказа взять ее съ собой въ шахту и попросилъ у нея извиненія. Она улыбнулась и отвѣтила, что уже забыла объ этой непріятности. Онъ чувствовалъ, что съ каждой минутой все болѣе и болѣе ее любитъ. И какъ было ему не любить ее, когда она его такъ любила! Къ тому же, его слава теперь распространится по всей странѣ и онъ будетъ въ состояніи устроить ея домашній очагъ, вполнѣ достойный такой красавицы.

Къ полуночи галлерея дошла до 709 футъ отъ шахты и съ уклономъ въ семьдесятъ одинъ футъ. Тутъ работы были пріостановлены съ цѣлью пробурить небольшую скважину сквозь остающіяся 790 футъ каменнаго угля для того, чтобы передать пищи несчастнымъ.

Эта задача была не легкая. Люди были заточены въ верхней части наклонной галлереи, въ глубинѣ которой стояла вода, и если она не поднималась тамъ выше, то лишь потому, что этому мѣшалъ воздухъ. Со всѣхъ же сторонъ уровень воды былъ выше этой галлереи. Если пробить въ нее отверстіе, то воздухъ выйдетъ въ это отверстіе, и вода, поднявшись, нетолько затопитъ нижнюю галлерею, но и спасительный отрядъ, который такъ же работалъ ниже общаго уровня воды въ копяхъ. Обыкновеннымъ орудіемъ нельзя было сдѣлать этой работы и Бривудъ нарисовалъ и устроилъ изъ имѣвшагося у него подъ руками матеріала новаго рода буръ, вполнѣ удовлетворявшій настоящимъ требованіямъ. Двѣ стрѣлочныя крестовины были поставлены въ галлереѣ въ видѣ устоевъ для длиннаго вала, на который насажены колѣнчатая рукоятка и зубчатое колесо. Эту шестерню соединили съ другой шестерней на второмъ валѣ, который уже приводилъ въ вращательное движеніе буръ. Позади этого механизма было устроено приспособленіе для «питанія» бура, то есть для нажиманія его по мѣрѣ наступательнаго движенія. На концѣ бура былъ прикрѣпленъ рѣжущій наконечникъ, предназначенный для сверленія отверстія въ угольномъ пластѣ и для прокладыванія, такимъ образомъ, дороги всему инструменту. Для того же, чтобы буръ подвигался впередъ, ведущая шестерня была скрѣплена съ его валомъ длиннымъ ключемъ. Рѣжущій наконечникъ былъ сдѣланъ изъ желѣзной кованой трубы, на концѣ которой были нарѣзаны рубцы, крѣпко закаленные и загнутые послѣдовательно вверхъ и внизъ для ломки и дробленія угля, по мѣрѣ движенія впередъ

всего прибора; привинченъ же наконечникъ былъ къ краю трубы, которая могла удлинняться по мѣрѣ его наступательнаго движенія. Весь этотъ приборъ въ общемъ его составѣ представлялъ сильный и вполнѣ дѣйствительный буровой инструментъ.

Онъ былъ спущенъ въ шахту по частямъ, а затѣмъ сложенъ и перенесенъ въ конецъ галлереи, гдѣ установленъ своимъ наконечникомъ противъ угольнаго пласта. Одинъ изъ рабочихъ взялся за рукоятку, а другой былъ поставленъ сзади для того, чтобы рычагомъ или ломомъ «питать», т. е. двигать впередъ буръ.

Люди стояли молча въ окружающемъ мракѣ, готовые начать тяжелую работу. Труба, высасывавшая воздухъ, свиснула и затихла. По командѣ директора, рабочій повернулъ рукоятку и рѣжущій наконечникъ впился въ уголь, ломая его и прокладывая себѣ дорогу внизъ къ своей благородной цѣли.

Работа эта была такъ тяжела, что самые сильные люди не могли устоять болѣе четверти часа; но какъ только одинъ уставалъ, его смѣнялъ другой. Репортеръ «News - York - Herald'а» бросилъ работу черезъ четыре минуты, но это все-таки не мѣшало ему замѣтить и записать все, что происходило. Бривудъ измѣрилъ скорость, съ которою подвигался буръ, и оказалось, что онъ дѣлалъ девяносто футъ въ часъ. При этой скорости онъ могъ пробить угольный пластъ въ восемь часовъ.

Для того, чтобы описать каждый шагъ этого замѣчательнаго подвига, потребовалась бы цѣлая книга. Благодаря представившимся помѣхамъ и преградамъ, прошло двѣнадцать часовъ, прежде чѣмъ буровая скважина достигла мѣста отстоявшаго только на двадцать футъ отъ несчастныхъ. Въ это время Бривудъ находился дома и спалъ. За нимъ тотчасъ послали гонца. Мэри встрѣтила его въ дверяхъ и съ радостью узнала, что спасительный отрядъ почти докопался до своихъ пропавшихъ товарищей. Она поспѣшила разбудить Бривуда и сообщила ему радостную вѣсть.

Когда Бривудъ достигъ конца крутой темной галлереи, гдѣ работали его люди, онъ нашелъ, что опасность угрожала, какъ несчастнымъ, такъ и спасительному отряду. Оба паровые насоса выкачивали по 15,000 галлоновъ воды въ часъ, но все-таки вода поднималась и была уже въ двадцати футахъ отъ платформы, а слѣдовательно, люди, работавшіе въ новой галлереѣ, находились ниже ея уровня. Они были подъ такимъ сильнымъ давленіемъ, что надо было опасаться взрыва, когда буровая скважина достигнетъ нижней галлереи и спертый тамъ воздухъ вырвется въ отверстіе.

Но для этого были приняты предосторожности. Къ послѣднему колѣну трубы, вставленной въ буровую скважину, была придѣлана маленькая боковая трубка, на которую насаженъ манометръ для опредѣленія силы давленія воздуха въ галлереѣ, гдѣ были заточены несчастные, когда буръ достигнетъ до нихъ. Сверхъ того, въ этой же трубѣ были устроены воздушные шлюзы или заслонки для предупрежденія прорыва воздуха черезъ буровую скважину.

Вдругъ рабочій, вертѣвшій рукоятку, упалъ и она выскользнула у него изъ рукъ.

Буръ пробилъ насквозь угольный пластъ. Онъ теперь легко вертѣлся и монометръ показывалъ давленіе воздуха въ пять фунтовъ на квадратный дюймъ. Спасительный отрядъ достигъ до несчастныхъ, и если только они были живы, то можно было передать имъ пищу. Пока дѣйствовалъ буръ, шумъ былъ такъ великъ, что нельзя было разслышать телеграфнаго стука. Но теперь наступила тишина въ узкой, мрачной дырѣ, гдѣ работали мужественные герои. Вотъ послышался стукъ по трубѣ. Они были живы и нашли буровую скважину.

Бривудъ поднялся по шахтѣ за пищей и съ изумленіемъ увидалъ, что Мэри ждала его съ супомъ, хлѣбомъ и мясомъ для голодающихъ. Маленькая жестяная тележка на колесахъ была тотчасъ нагружена съѣстными припасами и вставлена въ скважину. Затѣмъ, открыли первый изъ воздушныхъ шлюзовъ и тележка покатилась къ второму шлюзу. Тогда первый закрыли и открыли второй, и можно было ясно разслышать, какъ тележка побѣжала къ голодающимъ внизу людямъ.

Громкое ура потрясло воздухъ, когда толпа, не отходившая отъ отверстія шахты, узнала, что буровая скважина достигла до пропавшихъ рудокоповъ. Спустя два часа, громадныя афиши объявили объ этомъ славномъ фактѣ во всѣхъ городахъ отъ Бостона до Чикаго. Всѣ газеты выпускали каждыя три часа новыя изданія и милліоны читателей съ лихорадочнымъ волненіемъ слѣдили за исторіей спасенія этихъ трехъ рудокоповъ.

Тотъ фактъ, что заточенные въ нѣдрахъ земли люди находились подъ столь высокимъ давленіемъ, пугалъ директора, инженеровъ и ученыхъ экспертовъ, собравшихся отовсюду. Они сомнѣвались, чтобъ можно было вытащить этихъ людей живыми. Конечно, какъ только кирка пробьетъ стѣну, отдѣлявшую ихъ отъ спасительнаго отряда, тѣ и другіе погибнутъ, потому что воздухъ вырвется въ отверстіе, а вода зальетъ галлереи.

Бривудъ имѣлъ только одинъ отвѣтъ—воздушные шлюзы. Онъ благоразумно заказалъ ихъ заранѣе и когда узники внизу были

накорилены, одинъ изъ этихъ шлюзовъ былъ поставленъ на мѣсто. Для этого по окружности спасительной галлереи была вырублена въ угольномъ пластѣ глубокая зарубка, въ которую вставлена здоровая дверная коробка. Всѣ пазы были покрыты цементомъ, а къ коробкѣ была повѣшена непроницаемая дверь. На пять футъ ниже по галлереѣ была установлена такая же вторая дверь.

Часы шли. Смѣны людей быстро слѣдовали одна за другой; кирки и лопаты работали съ энергіей отчаянія. Вода уже отстояла отъ платформы только на десять футъ. Третій насосъ, выбрасывающій десять тысячъ галлоновъ въ часъ, былъ выписанъ изъ Филадельфіи и приведенъ въ дѣйствіе. Но все-таки вода прибывала. Бривудъ теперь рѣдко поднимался на свѣтъ Божій; пищу ему спускали внизъ. Однажды, поднявшись въ тележкѣ около полуночи, онъ увидалъ Мэри, сидѣвшую въ группѣ инженеровъ, офицеровъ, рудокоповъ, солдатъ и репортеровъ, тѣснившихся въ отдѣленіи паровой машины. Конечно, тутъ были и другія женщины. Но ихъ мужья и братья находились внизу. Она, очевидно, ждала его, и Бривудъ былъ счастливъ.

Мало-по-малу, наступилъ день, а затѣмъ снова ночь. Вода еще прибыла на четыре фута, несмотря на три громадные насоса, выливавшіе грязный потокъ по горному откосу.

Наконецъ, наверху было получено извѣстіе, что оставалось пробить только десять футъ. Былъ сдѣланъ послѣдній кличъ охотниковъ. На этотъ разъ ихъ ждала, быть можетъ, смерть. Они должны были окончить работу запертые между воздушными шлюзами.

Этотъ отрядъ героевъ состоялъ изъ шести рудокоповъ, людей холостыхъ и, слѣдовательно, не рисковавшихъ оставить по себѣ вдовъ, Бривуда, стараго Джонса Бини и репортера. Директоръ компаніи крѣпко пожалъ руку Бривуду и собственноручно закрылъ за ними первый воздушный шлюзъ. Минута была торжественная. Колоколъ католической церкви призывалъ вѣрующихъ на молитву. Все окрестное населеніе толпилось на улицахъ и на горныхъ откосахъ. Всѣ хранили тревожное молчаніе.

Съ громкимъ трескомъ ударилъ Джонсъ Бини по угольному пласту и его кирка провалилась. Отверстіе было въ величину человѣческой руки. Наступило могильное молчаніе. Были ли они живы? Въ лицо рабочимъ ударило спертымъ воздухомъ; они притаили дыханіе. По ту сторону отверстія раздался слабый крикъ.—Ура! Они были живы. Пробить бо̀льшее отверстіе, освободить полумертвыхъ узниковъ изъ ихъ тюрьмы и протащить по галлереѣ мимо обоихъ воздушныхъ шлюзовъ — заняло не

болѣе двадцати минутъ. Потомъ Бривудъ старательно закрылъ послѣдній шлюзъ. Но они все еще находились подъ давленіемъ спертаго воздуха и ниже уровня воды. Сдержитъ ли шлюзъ напоръ воздуха, пока они достигнутъ шахты?

. . . .

Медленно поднялась тележка съ людьми, спасенными и спасавшими. Бривудъ стоялъ впереди всѣхъ, сіяя счастіемъ. Любимая имъ женщина будетъ присутствовать при его торжествѣ, раздѣлитъ съ нимъ его лавры. Тележка остановилась на поверхности шахты. Уже было свѣтло.

При видѣ несчастныхъ, лежавшихъ недвижимо на полу тележки, блѣдныхъ, изнуренныхъ, но все-таки живыхъ, тысячная толпа огласила воздухъ радостными криками. Троекратное ура повторилось, какъ эхо, вдоль всего горнаго откоса. Всѣ церковные колокола гудѣли, всѣ заводскіе свистки свистѣли изо всей силы. Телеграфныя проволоки разносили по всей странѣ вѣсть о славѣ молодого техника. Торжество его было полное.

Вдругъ молодая дѣвушка пробилась сквозь толпу и съ крикомъ радости упала на шею одного изъ спасенныхъ рабочихъ, покрывая его страстными поцѣлуями. Это была Мэри Баумгартенъ, а спасенный рудокопъ былъ ея женихъ—Джонъ Крумбюргеръ.

II.

Поставьте себя на ея мѣсто.

Безконечный яркій день медленно приближался къ вечеру; было пять часовъ. На желѣзнодорожной станціи часы и даже минуты отмѣчались свистками и звонками поѣздовъ. Пассажирскій поѣздъ въ 4 часа 30 минутъ прошелъ на востокъ, экстренный въ 4 часа 55 минутъ пролетѣлъ мимо на западъ.

Такъ считала часы по поѣздамъ молодая дѣвушка, по имени Лиди, представлявшая лучшій типъ женщины Новой Англіи, спокойной, тихой и, однако, способной на самые энергичные и смѣлые поступки, если того требовала необходимость и подсказывала любовь. Слѣдующій поѣздъ былъ товарный, и она увидитъ *его*. Она положила на столъ работу, накинула на голову вязаный платокъ и пошла къ желѣзной дорогѣ. Издали она увидѣла, что ея братъ, начальникъ станціи, открылъ товарный сарай на противоположной сторонѣ рельсовъ. Это означало, что товарный

поѣздъ остановится. Ея сердце крѣпко забилось и она ускорила шаги.

Дойдя до пассажирской станціи, гдѣ главная улица селенія пересѣкала полотно желѣзной дороги, она остановилась, посмотрѣла по линіи въ ту и другую сторону, перешла черезъ рельсы и, повернувъ налѣво, пошла вдоль полотна къ товарному сараю.

Чтобы понять всѣ послѣдующія обстоятельства, среди которыхъ неожиданно очутилась молодая дѣвушка, намъ надо предварительно изучить театръ ея геройскаго подвига. Главная линія тянулась направо или на востокъ, болѣе чѣмъ на милю по прямому направленію и по сравнительно гладкой поверхности; налѣво же или на западъ она пересѣкала глубокій оврагъ по высокому каменному мосту, поворачивала полукругомъ къ сѣверу и поднималась въ гору по длинному скату. У самой пассажирской станціи, съ восточной ея стороны, главная линія соединялась съ боковой вѣтвью, и тутъ естественно была стрѣлка для перевода съ одного пути на другой. За пассажирской станціей къ западу находились два короткихъ боковыхъ пути, одинъ къ маленькому товарному сараю, а другой запасный, обходившій станцію и соединявшійся съ главной линіей. На раздѣльныхъ пунктахъ были также стрѣлки.

Лиди прошла мимо товарнаго сарая и, перейдя черезъ боковой путь, сѣла подлѣ самой дороги на большой камень подъ тѣнью старой яблони. Ей недолго пришлось ждать милаго.

Вотъ и онъ! Она услыхала три протяжные свистка вдали на линіи и ея щеки вспыхнули яркимъ румянцемъ. Поѣздъ долженъ былъ остановиться. Это былъ сигналъ начальнику станціи. Ея братъ вышелъ изъ товарнаго сарая, сказалъ ей слова два и пошелъ къ стрѣлкѣ у боковаго пути.

Поѣздъ былъ недалеко, а вмѣстѣ съ поѣздомъ и *онъ*. Прежде всего послышался шумъ выпускаемаго пара. Паровозъ умѣрялъ свой ходъ, и паръ, не употребляемый болѣе въ дѣло, вырывался наружу съ дикимъ ревомъ изъ предохранительнаго клапана, словно негодуя на медленность.

Съ тяжелымъ сотрясеніемъ, отъ котораго задрожала земля, прошелъ мимо громадный товарный паровозъ и машинистъ, выглянувъ изъ окна, кивнулъ ей головой. Затѣмъ слѣдовали одинъ за другимъ вагоны, двигаясь все медленнѣе и медленнѣе. Четыре человѣка зажимали тормаза, но *его* не было видно. Наконецъ, показался послѣдній вагонъ и, быстро спустившись по желѣзной лѣсенкѣ съ крыши вагона, соскочилъ па землю юноша, грязный, запыленный, въ синей курткѣ, почернѣвшей отъ сажи.

Онъ былъ простой работникъ! Нѣтъ, не многимъ выше. Годъ тому назадъ, онъ съ радостью принялъ мѣсто тормазнаго, а теперь уже былъ кондукторомъ товарнаго поѣзда. И этимъ повышеніемъ онъ былъ обязанъ любви. Онъ встрѣтилъ Лиди и полюбилъ ее въ то время, когда еще велъ глупую, праздную жизнь. Она потребовала, чтобы онъ взялся за какое-нибудь дѣло, иначе она не могла его любить, т. е. она любила его, но хотѣла, чтобы онъ былъ достоинъ ея любви. Онъ уже заслужилъ повышеніе и она была такъ довольна имъ, что согласилась быть его невѣстой. И теперь грязный, запыленный, въ грубой, покрытой сажей одеждѣ, онъ казался ей достойнымъ лучшаго положенія. Дѣйствительно, судя по его блестящимъ глазамъ и умному лицу, онъ былъ въ состояніи проложить себѣ дорогу въ жизни.

Но не будемъ подслушивать ихъ разговора. Поѣздъ шелъ все медленнѣе и медленнѣе, пока, наконецъ, остановился, когда послѣдній вагонъ прошелъ мимо стрѣлки. Тогда начальникъ станціи перевелъ стрѣлку и сталъ дѣлать обѣими руками какіе-то странные сигналы, которые повторили за нимъ всѣ четверо тормазныхъ. Бѣлые клубы пара поднялись съ локомотива, поѣздъ вздрогнулъ, загрохоталъ, послѣдній вагонъ попятился и повернулъ на боковой путь. Вслѣдъ за нимъ двинулся къ товарному сараю и весь поѣздъ. Начальникъ станціи поспѣшно подошелъ къ влюбленной парочкѣ.

— Здравствуйте, Альфредъ. Сегодня товара не много; только на заднемъ вагонѣ сломана тормазная цѣпь и вамъ бы лучше, сгрузивъ его, оставить въ мастерской.

Съ этими словами онъ послѣдовалъ за поѣздомъ, который мало-по-малу умѣрялъ свой ходъ и, наконецъ, совсѣмъ остановился, когда послѣдніе вагоны исчезли въ темномъ товарномъ сараѣ. Но вскорѣ раздался въ сараѣ крикъ и одинъ изъ тормазныхъ подалъ сигналъ, что все готово. Снова показались надъ локомотивомъ бѣлые клубы пара и снова поѣздъ двинулся въ путь.

Вагонъ за вагономъ прошелъ мимо молодыхъ людей. Они пошептались, пожали другъ другу руку, быть можетъ, и поцѣловались. Когда же поравнялся съ ними послѣдній вагонъ, юноша ухватился за перила лѣсенки, быстро вбѣжалъ на крышку и сѣлъ на свое мѣсто. Лиди смотрѣла ему въ слѣдъ, улыбаясь и махая платкомъ.

— Послушай, Лиди, ты должна мнѣ помочь, сказалъ ея братъ, подходя къ ней съ связкой ключей въ рукахъ: — пассажирскій

поѣздъ сейчасъ придетъ и мнѣ надо пойти на станцію. Пожалуйста, переведи за ними стрѣлку.

Она машинально взяла ключи и потомъ снова устремила глаза на уходившій поѣздъ. Онъ уже былъ далеко за стрѣлкой и съ ежеминутно усиливавшейся быстротой бѣжалъ по мосту.

Перевести и запереть стрѣлку было не трудно и не опасно и она медленно пошла къ раздѣльному пункту между боковымъ путемъ и главной линіей. Тутъ она прислонилась къ деревянной будкѣ и, закрывъ глаза рукой отъ солнца, продолжала смотрѣть на поѣздъ, который, миновавъ уже мостъ, поднимался въ гору по длинному уклону. Онъ теперь отстоялъ на милю и она не могла никого различить на вагонахъ. Она медленно обернулась, схватила желѣзную рукоятку и перевела стрѣлку такъ, чтобъ открыть главную линію для ожидаемаго поѣзда.

Она посмотрѣла вдоль полотна и увидѣла, что пассажирскій поѣздъ вошелъ на главный путь съ боковой вѣтви и остановился передъ пассажирской станціей. Странно было, что пассажирскому поѣзду позволяли идти по пятамъ товарнаго. Но, несмотря на всю неблаговидность подобнаго распоряженія, опасности тутъ не было никакой, потому что пассажирскій поѣздъ слѣдовалъ за товарнымъ только на протяженіи трехъ миль, а тамъ сворачивалъ на боковой путь.

Она еще разъ взглянула на исчезавшій вдали поѣздъ. Онъ попрежнему поднимался по уклону. Вдругъ она вздрогнула. Что случилось? Два небольшихъ облачка пара взвились надъ локомотивомъ. Это былъ сигналъ остановиться.

О! Поѣздъ разъединился! Слабо, невнятно раздался свистокъ, ясно говорившій, что случилось несчастіе. Одинъ вагонъ отцѣпился отъ поѣзда и остался позади. Онъ стоялъ одинъ на колеѣ.

Нѣтъ, онъ не стоялъ, а двигался назадъ. Онъ пятился внизъ по уклону. Скорость его все увеличивалась. На вагонѣ былъ одинъ человѣкъ—ея женихъ.

Инстинктивно она подняла руки и быстро опустила ихъ, повторяя это движеніе три или четыре раза. Это былъ сигналъ нажать тормоза.

— Какъ я глупа, подумала она:—онъ меня не видитъ и...

Она задрожала всѣмъ тѣломъ отъ страха и отчаянія.

Тормазъ былъ сломанъ.

Вагонъ катился назадъ по уклону все быстрѣе и быстрѣе.

Она спрыгнула на средину пути и хотѣла крикнуть машинисту пассажирскаго поѣзда, стоявшаго у станціи. Но языкъ прильнулъ къ ея гортани и она не могла выговорить ни слова, а только болѣзненно застонала.

Вагонъ приближался. Она видѣла, что ея женихъ, стоя на крышѣ, дико махалъ руками. Чего онъ хотѣлъ? Ея голова кружилась. Она не могла ничего сдѣлать и только смотрѣла на него, испуганная, безпомощная.

А пассажиры! Она могла ихъ спасти!

Рванувъ рукоятку, она перевела обратно стрѣлку. Лучше, чтобы погибъ одинъ человѣкъ, чѣмъ десятки. Ея ноги, казалось, приросли къ землѣ. Она должна была стоять тутъ и подготовить своими собственными руками вѣрную смерть любимому человѣку.

Рельсы загудѣли отъ несшагося на неминуемую погибель вагона.

Но отчего она не подумала ранѣе? Была другая стрѣлка на запасномъ пути. Переведя ее, она давала возможность вагону миновать станцію по этому запасному пути и потомъ покатиться на востокъ по главной линіи до тѣхъ поръ, что онъ самъ остановился бы. Въ одну минуту она исполнила этотъ планъ и радостно взглянула на приближавшагося на вагонѣ юношу.

Онъ понялъ, что̀ она сдѣлала. Онъ былъ спасенъ, пассажиры стоявшаго у станціи поѣзда были такъ же спасены и все благодаря ея присутствію духа. Любовь ее вдохновила.

Но, милостивое небо, что это? Раздался свистокъ экстреннаго поѣзда, шедшаго съ востока по главной линіи.

Всѣ ея усилія были тщетны. Онъ погибъ. Придуманный ею планъ къ его спасенію приводилъ его, напротивъ, къ болѣе ужасной гибели, а вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ столкновенія съ экстреннымъ поѣздомъ, должны были погибнуть уже не десятки, а можетъ быть, сотни людей.

Она закрыла глаза, чтобы не видѣть страшной катастрофы. Но въ тоже мгновеніе въ головѣ ея блеснула мысль, что при чрезмѣрной быстротѣ она могла еще во̀-время перебѣжать съ запаснаго пути на боковой и снова такъ перевести стрѣлки на обоихъ путяхъ, чтобы вагонъ свернулъ въ товарный сарай. Конечно, ея жениха ждала роковая опасность, но за то пассажиры экстреннаго поѣзда были спасены.

На раздѣльномъ пунктѣ главной линіи и боковаго пути въ товарный сарай, она очутилась только за секунду до вагона. Но все-таки перевела стрѣлку, и вагонъ, съ шумомъ повернувъ, понесся прямо къ товарному сараю. Юноша въ отчаяніи взглянулъ на нее. Лицо ея выражало самую пламенную любовь и сознаніе исполненнаго долга. Она посылала его на вѣрную смерть, но спасала пассажировъ экстреннаго поѣзда.

Какъ только вагонъ пролетѣлъ мимо нея, она снова перевела

стрѣлку и въ ту же минуту экстренный поѣздъ остановился передъ станціей, а вагонъ съ ея женихомъ ворвался съ трескомъ въ запертой товарный сарай.

Толпа пассажировъ экстреннаго поѣзда, видѣвшихъ издали опасность, которой они такъ счастливо избѣгли, бросились на полотно.

Лиди была найдена безъ чувствъ на землѣ близъ стрѣлки, крѣпко сжавъ въ рукѣ ключи.

Что она сдѣлала? Что съ ней случилось? Она лежала въ обморокѣ и не могла ничего отвѣтить. Ее осторожно подняли, перенесли на станцію и положили на скамейку. Пассажиры обоихъ поѣздовъ столпились вокругъ нея, догадываясь, что она спасла ихъ какой-нибудь слишкомъ дорогой цѣной.

Между тѣмъ и товарный поѣздъ вернулся на станцію и машинисты всѣхъ трехъ поѣздовъ стали внимательно разсматривать положеніе стрѣлокъ. Вскорѣ къ нимъ подошли нѣкоторые изъ пассажировъ, въ томъ числѣ одинъ господинъ, которому машинисты почтительно объяснили, въ чемъ дѣло, словно своему начальнику.

А на станціи толпа все суетилась и гудѣла.

— Нѣтъ, говорила одна дама, старавшаяся привести въ чувство молодую дѣвушку:—это будетъ слишкомъ большимъ для нея ударомъ. *Его* не надо допускать до нея.

— Посторонитесь. Управляющій дорогой!

Толпа разступилась и управляющій вошелъ въ комнату. Онъ снялъ шляпу, сказалъ нѣсколько словъ окружающимъ, и нагнувшись, поцѣловалъ въ лобъ еще не очнувшуюся отъ забытья молодую дѣвушку, словно онъ былъ ея отцомъ.

— Она спасла всѣхъ насъ, но, вѣроятно, думаетъ, что это спасеніе обошлось ей слишкомъ дорого.

Она вдругъ открыла глаза и дико вскрикнула:

— Гдѣ онъ? Разбился онъ? Можетъ быть, онъ....

— Пустите меня, я хочу ее видѣть, произнесъ въ толпѣ громкимъ голосомъ здоровенный юноша.

Черезъ секунду онъ былъ подлѣ нея.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ засмѣялись отъ радости, другіе заплакали. Но всѣ молчали; минута была торжественная.

Прошло нѣсколько секундъ и управляющій обратился къ юношѣ:

— Поздравляю васъ, сэръ. Вы были на вагонѣ?

— Да, сэръ. Я былъ на вагонѣ и спасся въ послѣднюю минуту, соскочивъ на кучу мелкаго угля. Я немного ушибся и болѣе ничего, а вагонъ разбился въ дребезги.

Управляющій отвелъ молодого человѣка въ сторону и послѣ непродолжительнаго разговора, они разстались, повидимому, очень довольные другъ другомъ.

Молодой человѣкъ вернулся къ Лиди, попрежнему лежавшей недвижимо на скамейкѣ, и шепнулъ ей на ухо:

— Я получилъ прекрасное мѣсто, голубушка. Мы теперь можемъ быть счастливы.

Тутъ послышался звонокъ и пассажиры поспѣшили въ вагоны. По отходѣ поѣздовъ, какой-то маленькій человѣкъ, вѣроятно, акціонеръ, протестовалъ противъ распоряженія управляющаго.

— Нельзя такъ повышать тормазныхъ за то, что они ничего не дѣлаютъ, замѣтилъ онъ.

— Правда, онъ ничего не сдѣлалъ, отвѣчалъ управляющій:— но *она* кое-что сдѣлала, а если вы хотите понять все величіе ея подвига, то *поставьте себя на ея мѣсто.*

III.

Крушеніе «Піонера».

Ральфъ Кистанъ — одинъ изъ тѣхъ людей, которые одарены какъ способностью къ практической дѣятельности, такъ и пылкимъ воображеніемъ. Но до сихъ поръ онъ былъ въ жизни самымъ непрактическимъ человѣкомъ и зато, какъ всѣ люди съ воображеніемъ, рано нашелъ женщину, олицетворявшую въ его глазахъ женскій идеалъ, и страстно въ нее влюбился. Джени Безантъ была единственной дочерью фермера Безанта, который владѣлъ большой фермой близь селенія Мускалантика и велъ значительную торговлю хлѣбомъ. Въ порывѣ страсти, Ральфъ высказалъ фермеру Безанту свою любовь къ его дочери.

— Вы хотите жениться на Джени?

— Не сейчасъ, потому что я не имѣю теперь никакихъ занятій.

— Да, да, Кистанъ, отвѣчалъ фермеръ:—вы уже въ четвертый разъ остаетесь безъ дѣла съ тѣхъ поръ, какъ явились къ намъ съ востока. Вы не можете жениться при такихъ обстоятельствахъ. Вы слишкомъ легкомысленны и не беретесь серьёзно ни за какое дѣло.

Ральфъ призналъ, что дѣйствительно всѣ его попытки до сихъ поръ были неудачны; но у него все-таки осталось немного

денегъ и онъ твердо рѣшился начать какое-нибудь промышленное дѣло.

— Здѣсь нѣтъ никакой промышленности. Вокругъ на пятьдесятъ миль только фермы. Въ нашемъ околодкѣ одна пшеница приноситъ барышъ, да, пожалуй, можно бы сдѣлать деньги лѣсомъ, но ближайшій пильный заводъ отстоитъ въ ста миляхъ отсюда.

— Такъ я устрою здѣсь лѣсопильню, сказалъ Ральфъ, хватаясь за эту мысль, какъ утопающій за соломенку.

Но онъ не могъ тягаться съ этимъ суровымъ, практическимъ человѣкомъ, ничего не знавшимъ, кромѣ пшеницы.

— Устроите лѣсопильню! А гдѣ водяная сила? Да еслибъ она и была, то какъ соперничать съ заводами вверхъ по рѣкѣ? Послушайте, Ральфъ, я не хочу васъ притѣснять. Я вижу, что вы любите Джени и что она васъ любитъ или, по крайней мѣрѣ, ей кажется, что любитъ.

— Это истинная правда. Мы пламенно любимъ другъ друга.

— Хорошо. Займитесь какимъ-нибудь дѣломъ, добейтесь успѣха и вы получите Джени, т. е. если она васъ захочетъ.

— Благодарю васъ, сэръ, сказалъ молодой человѣкъ:—я тотчасъ устрою лѣсопильный заводъ.

Дорога въ селеніе тянулась на значительномъ протяженіи вдоль берега рѣки по землѣ фермера Безанта, а потомъ повертывала на востокъ и шла лѣсомъ до самаго селенія. Ральфъ отправился по ней, шагая машинально. Тысячи мыслей боролись въ его головѣ. На поворотѣ дороги онъ пошелъ-было по направленію къ своему дому, но потомъ остановился и повернулъ назадъ къ рѣкѣ. Мускалантикъ, широкая, мелкая рѣка тихо катила свои воды среди лѣсистыхъ береговъ.

Сойдя съ дороги въ сторону, молодой человѣкъ направился по берегу внизъ по теченію. Судя по его быстрымъ шагамъ, онъ шелъ съ опредѣленной цѣлью. Какъ всѣ люди съ воображеніемъ, онъ часто гулялъ по окрестной странѣ, хорошо зналъ всѣ берега Мускалантика и теперь вспомнилъ, что невдалекѣ между двумя холмами впадалъ въ рѣку небольшой ручей, полускрытый въ лѣсной чащѣ.

Онъ отыскалъ ручей и, согласно его предположеніямъ, ручей оказался пригоднымъ. Въ его руслѣ была вода даже теперь, въ августѣ мѣсяцѣ. Онъ посмотрѣлъ съ минуту на журчавшій ручей и поспѣшно пошелъ вдоль него, внимательно наблюдая окружающую мѣстность и ея уклонъ. Черезъ нѣсколько времени онъ очутился въ концѣ этой маленькой долины среди болота, гдѣ ручей терялся въ заводяхъ и лужахъ.

Подобно піонеру, отыскивающему драгоцѣнные металлы и вдругъ набѣгающему на руду, онъ бросилъ въ воздухъ шляпу съ громкимъ крикомъ: ура!

— Она моя! Старикъ теперь отдастъ мнѣ ее.

Еслибъ фермеръ Безантъ слышалъ это восклицаніе, то, конечно, посмѣялся бы надъ юношей, считавшимъ цыплятъ весною. Человѣкъ съ изобрѣтательнымъ умомъ видитъ механическую силу въ ручьѣ. А, владѣя механической силой, легко разбогатѣть. Въ эту минуту въ лѣсу раздался свистъ парохода, пробѣгавшаго по рѣкѣ, и Ральфъ улыбнулся.

«Я васъ, голубчики, убью! подумалъ онъ:—вы сосредоточили всю промышленность окрестной страны въ верховьяхъ Мускалантика и не дозволяете развиваться нашему хлѣбному околодку. Погодите, мы заведемъ здѣсь заводы и первымъ будетъ лѣсопильня».

Такъ изобрѣтательный умъ находитъ богатство въ землѣ, и если онъ къ тому же и умъ практическій, то немедленно приводитъ въ исполненіе озарившую его мысль. Кистанъ просидѣлъ цѣлую ночь, обдумывая свой планъ и дѣлая выкладки карандашемъ на бумагѣ. Спустя два дня, три дровосѣка уже рубили деревья вдоль маленькаго ручья. Земля эта принадлежала фермеру Безанту и онъ дозволилъ соорудить плотину. Если Кистанъ былъ настолько глупъ, что хотѣлъ произвести эти работы, то землевладѣлецъ, конечно, не могъ сопротивляться улучшенію своей земли, но подъ условіемъ, что половина срубленнаго лѣса и будущихъ барышей пойдетъ въ его пользу. Если же его предпріятіе не удастся, то Ральфъ долженъ былъ оставить Безанту весь срубленный лѣсъ. Эти условія были очень тяжелы, но молодой человѣкъ немедленно на нихъ согласился.

Съ топоромъ въ рукѣ онъ повелъ въ лѣсъ дровосѣковъ, указывая, какъ слѣдуетъ валить каждое дерево, чтобъ сберечь трудъ при вывозѣ бревенъ. Когда было срублено около сотни деревьевъ, онъ поставилъ рабочихъ для обдѣлки бревенъ, а затѣмъ приступилъ къ ихъ перевозкѣ. Была нанята пара воловъ и дѣло пошло быстро на ладъ. Поперегъ маленькой долины положили двойной рядъ толстыхъ бревенъ, соприкасающихся концами и составлявшихъ основу плотины. Съ одной стороны этихъ бревенъ, ближе къ устью ручья, были вбиты въ землю толстые колья, а съ другой, вверхъ по теченію, положены короткіе обрубки, упиравшіеся въ длинныя бревна. Такимъ образомъ, плотина была поднята на футъ. Вѣсть объ этихъ работахъ быстро разлетѣлась по всему околодку. Люди заговорили, что молодой

Кистанъ нашелъ водяную силу, другими словами—богатство въ маленькомъ ручьѣ. Черезъ три недѣли, плотина была поднята на три фута и вода начала скопляться за нею, разливаясь по болоту и медленно превращая его въ прудъ. Тогда сосѣди стали смѣяться. Въ концѣ-концовъ, Кистанъ былъ дуракъ. Что̀ можно было сдѣлать при паденіи воды въ три фута?

Джени Безантъ слушала съ гордостью и надеждой разсказы о работахъ Ральфа и однажды въ воскресенье, передъ обѣдомъ, пошла сама взглянуть на плотину, но одна, чтобъ не выказывать при всѣхъ слишкомъ большого интереса къ этому предпріятію. Пройдя лѣсомъ, она неожиданно очутилась въ просѣкѣ и ея глазамъ представилось широкое водяное пространство, искрившееся подъ солнечными лучами. Глаза ея заблестѣли отъ восторга. Онъ создалъ эту прелестную картину; благодаря его замѣчательнымъ способностямъ, возникло это красивое озеро и, что̀ самое главное, была найдена механическая сила въ лѣнивомъ, праздномъ ручьѣ.

Она пошла вдоль плотины и остановилась, чтобъ полюбоваться ею. Никогда не видавъ подобныхъ сооруженій, она была очень поражена этимъ зрѣлищемъ. Кое-гдѣ сквозь длинныя бревна просачивалась сдерживаемая вода и била маленькими фонтанами, а въ одномъ мѣстѣ образовался цѣлый водопадъ.

— О! Я знала, что онъ геній! У него болѣе таланта, чѣмъ у всѣхъ сосѣдей.

Въ эту минуту она услыхала за собою громкій хохотъ и, обернувшись, съ испугомъ увидала своего отца.

— Да, Джени, у него, повидимому есть талантъ, но практически онъ просто дуракъ. Эта работа отлично сдѣлана и стоила много денегъ, но люди знающіе говорятъ, что изъ нея ничего не выйдетъ. Паденіе воды слишкомъ мало и все дѣло не стоитъ гроша.

— Я ничего не понимаю въ этихъ работахъ, отвѣчала молодая дѣвушка со слезами на глазахъ:—но я знаю, что Ральфъ не дуракъ.

— Можетъ быть. Я только повторяю чужія слова.

— Никто у насъ въ селеніи ничего не смыслитъ въ гидравлическихъ сооруженіяхъ. Это трудная наука; я кое-что читала объ ней.

— Хорошо, Джени. Посмотримъ, что̀ выйдетъ изъ этого. Я самъ не считаю его дуракомъ, хотя онъ иногда поступаетъ очень глупо.

На слѣдующій день, въ лѣсъ пришли землекопы и къ ночи

вырыли длинную канаву вдоль русла ручья отъ самаго его устья. Черезъ два дня эта канава достигла до плотины и довела воду рѣки до бревенъ. Въ верхнемъ концѣ канала вода имѣла пять футъ глубины. Пять и три—восемь. Такимъ образомъ, получилось паденіе воды въ восемь футъ, водяная сила, вполнѣ достаточная для какой бы то ни было работы. Тогда сосѣди начали говорить, что Ральфъ Кистанъ былъ сметливый человѣкъ, отличный техникъ и проч. Прошла еще недѣля и плотники построили турбину по чертежамъ Ральфа, а черезъ три недѣли получены были пилы и приводы; надъ ними поставленъ навѣсъ и лѣсопильня пущена въ ходъ.

Первымъ заказомъ была партія двухъ-дюймовыхъ досокъ для фермера Безанта. Считая себя полувладѣльцемъ завода, согласно условію, онъ не хотѣлъ платить болѣе половины рыночной цѣны. Кистанъ не спорилъ, и, окончивъ этотъ заказъ, напилилъ досокъ на продажу. Потомъ поступило еще нѣсколько небольшихъ заказовъ и дѣло, повидимому, пошло успѣшно. Однажды утромъ, явился какой-то незнакомецъ и объяснилъ, что онъ лѣсопромышленникъ изъ города, находившагося въ пятидесяти миляхъ внизъ по рѣкѣ. Ему необходима была партія брусковъ въ два дюйма ширины, полтора дюйма толщины и двѣнадцать футъ длины. Всего ему требовалось до милліона футъ; онъ далъ хорошую цѣну и представилъ надежныя рекомендаціи. Это предложеніе было соблазнительное, Ральфъ взялъ подрядъ и обязался приготовить брусья черезъ двѣ недѣли. Поощряемый своимъ успѣхомъ, онъ прнананялъ рабочихъ и дѣятельно принялся за исполненіе новаго заказа. Черезъ десять дней, онъ написалъ заказчику, что вся работа почти окончена и что можно нагружать брусья на плоты для отправки внизъ по рѣкѣ. Онъ не получалъ никакого отвѣта и снова написалъ. Черезъ нѣсколько дней, получилось увѣдомленіе, что заказавшій ему доски лѣсопромышленникъ обанкрутился.

Пораженный этимъ извѣстіемъ и внѣ себя отъ отчаянія, Ральфъ Кистанъ пошелъ по берегу рѣки, отыскивая уединенія. Вскорѣ онъ сѣлъ на срубленное дерево и задумался. Все погибло. Ему не видать Джени какъ своихъ ушей. Большая часть его бревенъ была распилена на брусья, не употреблявшіеся въ продажѣ и не имѣвшіе сбыта. Кромѣ того, онъ былъ долженъ своимъ рабочимъ. Неблагоразумно повѣривъ на слово незнакомцу, онъ погубилъ все дѣло. Когда человѣкъ встревоженъ, то часто самое незначительное обстоятельство сосредоточиваетъ на себѣ все его вниманіе. Сидя на берегу и размыш-

ляя о своихъ погибшихъ надеждахъ, онъ вдругъ увидалъ пароходъ, бѣжавшій внизъ по теченію. Онъ правилъ прямо на большую мель посреди рѣки. Ральфъ Кистанъ смотрѣлъ съ любопытствомъ на быстро приближавшійся пароходъ. Вдругъ онъ повернулъ и врѣзался носомъ въ мель. Колеса стали вертѣтся въ обратную сторону и пароходъ сталъ. На палубѣ поднялась суматоха. Ральфъ вскочилъ и побѣжалъ по берегу, пока не поровнялся съ мелью, о которую разбился пароходъ.

Это былъ пассажирскій и товарный пароходъ «Піонеръ». Раздался отчаянный свистокъ и черезъ минуту спустили лодку. Всѣ пассажиры въ безпорядкѣ бросились къ борту, но здоровенный, плечистый шкиперъ водворилъ порядокъ. Лодка медленно достигла берега и къ тому времени уже сбѣжались нетолько рабочіе съ лѣсопильни, но и окрестные поселяне. Выпрыгнувъ изъ лодки, шкиперъ спросилъ у Ральфа:

— Есть здѣсь лодки или баржи?

— Нѣтъ, только два или три плота. Развѣ вы не можете перевезти на берегъ всѣхъ пассажировъ на вашихъ лодкахъ?

— Къ чорту пассажировъ! Я ихъ высажу шутя. Дѣло въ грузѣ. Пароходъ не сойдетъ съ мели. Веревка для поварачиванія руля лопнула и старый «Піонеръ» навсегда сложилъ свои старыя косточки. Бѣдняга! прощай!

Эти слова произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на окружающихъ. Грубымъ сельскимъ умамъ тотчасъ представилась картина спасенія груза, или скорѣе грабежа, и всякій придумывалъ, на чемъ бы ему добраться до погибшаго судна. Но тутъ шкиперъ, какъ бы не нарочно, уронилъ на землю револьверъ и, поднявъ его, сказалъ:

— Я не дамъ стараго «Піонера» въ обиду. Я шкиперъ и владѣлецъ парохода. Я не тронусь съ мѣста, пока не будетъ свезенъ съ него послѣдній кусокъ заржавленнаго желѣза.

— Я возьмусь перевезти вашъ грузъ на берегъ или куда прикажете внизъ по рѣкѣ, въ три дня, за пятьсотъ долларовъ, сказалъ Ральфъ.

— А, у васъ есть баржа или двѣ? Отчего вы сразу не сказали? Я беру ихъ.

— У меня нѣтъ ни одной баржи, но я сдѣлаю баржу въ двадцать четыре часа, если вы хорошо заплатите. У меня здѣсь подлѣ лѣсопильный заводъ.

— А не нужны ли вамъ рабочіе, хозяинъ? воскликнуло нѣсколько человѣкъ, которые готовы были съ такимъ же удовольствіемъ взяться какъ за честную работу, такъ и за грабежъ судна.

— Я дамъ вамъ пятьсотъ долларовъ, если вы перегрузите мой товаръ черезъ три дня въ вашу баржу. Сюда не приведешь парохода ранѣе двухъ дней и цѣна будетъ таже, хотя я не понимаю, какъ вы построите баржу въ такое короткое время.

— Это мое дѣло. Завтра къ ночи баржа будетъ спущена.

— Я возьму двѣ. Грузъ очень тяжелый.

— Если я оставлю одинъ боченокъ на пароходѣ, то заплачу сто долларовъ неустойки. Вы можете помѣстить пассажировъ въ селеніи. Ихъ тамъ пріютятъ до понедѣльника, когда пройдутъ мимо пароходы.

Шкиперъ заключилъ сдѣлку съ Кистаномъ на этихъ условіяхъ и отложилъ пока перевозку на берегъ пассажировъ.

— Джонсонъ, произнесъ Ральфъ, обращаясь къ одному изъ окружающихъ: — сходите къ маляру и скажите, чтобы онъ тотчасъ прислалъ мнѣ трехъ своихъ рабочихъ и побольше свинцовыхъ бѣлилъ. Потомъ купите два боченка гвоздей и доставьте ихъ въ лѣсопильню. Возьмите мою лошадь. Да скажите въ селеніи, что мнѣ нужно какъ можно болѣе плотниковъ, для срочной, дневной и ночной работы.

Спустя десять минутъ, двѣнадцать плотниковъ съ необходимыми инструментами стояли во дворѣ лѣсопильни и ждали его приказаній.

— Я родился подлѣ одной верфи въ Масачусетѣ, сказалъ Ральфъ: — и кое-что смыслю въ судостроеніи. Я выстрою такую баржу, что на ней можно будетъ поставить паровую машину. Исполняйте точно всѣ мои приказанія и мы ее спустимъ завтра къ ночи. Каждый изъ васъ получитъ двойную плату.

Люди крикнули ура! и заявили, что готовы на все. Черезъ минуту они уже таскали на берегъ длинныя двухдюймовыя доски. Здѣсь у самой воды они очистили мѣсто и положили на землю четыре ряда деревянныхъ «лежней», спускавшихся перпендикулярно къ водѣ, крѣпко сбили ихъ и густо вымазали саломъ и масломъ. Затѣмъ, по указанію Ральфа, настлали на эти лежни двухдюймовыя доски такъ, что образовалась платформа въ сто восемьдесятъ футъ длины и около двадцати футъ ширины. Новые работники постоянно прибывали и всякаго, кто только умѣлъ вколачивать гвозди, немедленно нанимали. Спустя часъ, на новозаложенномъ суднѣ работало сорокъ человѣкъ.

Съ помощью шнура, натертаго мѣломъ, Ральфъ отбилъ вдоль платформы черезъ ея середину прямую линію, а затѣмъ, съ обѣихъ сторонъ начертилъ кривыя линіи, вдоль которыхъ приказалъ опилить доски платформы. Такимъ образомъ, получилась длин-

ная продолговатая площадка, шириною въ десять футъ на верхнемъ концѣ, въ двадцать около середины и съ постепеннымъ съуживаніемъ или заостреніемъ къ носовой части будущаго судна. Затѣмъ, двадцать рабочихъ густо закрасили эту платформу и покрыли новымъ рядомъ досокъ, но уже продольно. Обѣ платформы, нижняя и верхняя были опилены по одной формѣ и живо скрѣплены гвоздями.

Рабочіе выразили мнѣніе, что такой длинный и жидкій плотъ не можетъ быть прочнымъ.

— Подождите и увидите, отвѣчалъ Ральфъ:—теперь давайте сюда бруски, которые сложены на пильномъ заводѣ. Везите ихъ сюда на телегѣ, а потомъ просверлите въ нихъ дырья на футъ одну отъ другой.

Черезъ двѣ или три минуты нѣсколько брусковъ было готово и, взявъ одинъ изъ нихъ, Ральфъ положилъ его вдоль края плота и прибилъ гвоздями, затѣмъ, подобнымъ же образомъ, прибилъ второй, третій и т. д., пока вокругъ всего плота не образовалась закраина. Такъ какъ брусья были длинны и гибки, то легко гнулись вокругъ кривыхъ обводовъ платформы. Въ кормѣ были наложены поперечные брусья, а въ носу брусья были сведены и прикрѣплены къ вертикальной штукѣ, поставленной на оконечности платформы. Затѣмъ на серединѣ ея во всю длину, отъ носа до кормы, былъ положенъ еще рядъ брусьевъ, а между этимъ среднимъ рядомъ и бортовыми брусьями, черезъ промежутки въ пять футъ, уложены съ обѣихъ сторонъ еще поперечные брусья.

— Ну, молодцы, вы теперь понимаете въ чемъ дѣло. Кладите по краямъ одинъ брусокъ на другой и крѣпко сшивайте ихъ гвоздями до тѣхъ поръ, пока не образуется бортъ въ шесть футъ вышины, потомъ прокрашивайте бруски, не жалѣя краски, и у насъ вскорѣ выйдетъ пароходъ безъ реберъ. Наша сѣтчатая система придастъ ему крѣпость и онъ подниметъ много груза, хотя и не будетъ красивъ.

Люди, не привыкшіе къ судостроенію, привѣтствовали криками ура! эту новую систему постройки судовъ и дружно принялись за дѣло. Число рабочихъ все увеличивалось и въ окрестныхъ лѣсахъ раздавалось эхо отъ двадцати молотковъ, вбивавшихъ гвозди. Когда солнце сѣло, зажгли костры и факелы. Мальчика послали за ужиномъ для рабочихъ, чтобы не было ни малѣйшей потери времени. Пассажиры Піонера были размѣщены по сосѣднимъ фермамъ; отецъ Джени принялъ къ себѣ значительное ихъ число по доллару въ день съ человѣка. Вѣсть о постройкѣ но-

ваго судна быстро разнеслась въ околодкѣ и толпы любопытныхъ сбѣгались на пильный заводъ, чтобы посмотрѣть въ чемъ дѣло. Между прочимъ, явились фермеръ Безантъ и шкиперъ Піонеръ. Первый обошелъ вокругъ страннаго на видъ судна и, видя, что на него идетъ громадное число брусковъ, съ неудовольствіемъ замѣтилъ:

— Какое право вы имѣете употреблять въ дѣло заказанный вамъ матеріалъ?

— Но заказчикъ обанкрутился, отвѣчалъ Кистанъ, не отходя отъ работы.

— Почемъ вы знаете? Онъ вдругъ потребуетъ свои брусья, а вы ихъ бросаете тысячами на глупость.

— Это не глупость, замѣтилъ шкиперъ:—я никогда не видывалъ такой ловкой штуки. Вы, молодой человѣкъ, вѣроятно, изъ восточныхъ штатовъ?

— Изъ Масачусета. На моихъ глазахъ строили много судовъ безъ реберъ; хотя, правда, я не видалъ ни разу такого большого. Это судно подниметъ весь вашъ грузъ, шкиперъ.

— Нечего сказать, масачусетскіе молодцы ловкій народъ. Хотите мнѣ продать судно въ теперешнемъ видѣ?

— Нѣтъ; это будетъ пароходъ.

Фермеръ Безантъ подумалъ, что всѣ его предположенія вполнѣ оправдались. Ральфъ Кистанъ былъ дуракъ или сумасшедшій.

— Я вамъ дамъ триста долларовъ и самъ окончу судно.

— Джени не продается.

— Джени не продается! Не смѣйте издѣваться надъ моей дочерью, мистеръ Кистанъ!

— Побольше краски! Погуще! воскликнулъ Ральфъ и, повернувшись, продолжалъ вбивать гвозди.

Фермеръ Безантъ отправился домой, чтобы разсказать Джени о нанесенномъ ей оскорбленіи. Онъ далъ себѣ слово, что ни онъ, ни Джени никогда болѣе не будутъ говорить съ Кистаномъ. Но, по счастью, Джени уже спала и ничего не узнала о случившемся.

Къ утру борта очень подвинулись. Нѣкоторые изъ рабочихъ ушли домой отдыхать, но ихъ мѣсто заняли другіе. Даже нѣсколько пассажировъ вызвалось красить бруски и вбивать гвозди. Никто не думалъ о томъ, что наступило воскресенье. Крушеніе парохода, появленіе столькихъ неожиданныхъ гостей и постройка необыкновеннаго судна побудили почти все селеніе высыпать на берегъ. Ночью прошелъ мимо пароходъ, но, узнавъ, что въ его помощи не нуждаются, даже не остановился. Піонеръ распался

на двѣ части и корма опустилась въ воду. Ее нельзя было спасти и потому оставалось только ее разснастить и сломать. Экипажъ парохода предохранилъ отъ порчи грузъ, передвинувъ его въ носовую часть судна, которая еще оставалась безопасной. Въ девять часовъ утра, на импровизованной верфи было до трехъ сотъ человѣкъ. Экипажи и телеги начали пріѣзжать изъ далека. Даже пасторъ пришелъ взглянуть на это «человѣколюбивое дѣло», какъ онъ выражался, и церковь была заперта на весь день. Всѣ прихожане, въ числѣ пятисотъ человѣкъ, собрались на берегъ, ожидая спуска новаго судна.

Въ числѣ ихъ была молодая дѣвушка съ сіявшими отъ счастія глазами и раскраснѣвшимися щеками. Имя любимаго ею человѣка было во всѣхъ устахъ. Одобреніе шкипера и восторженный отзывъ машиниста сразу расположили все окрестное населеніе въ пользу Ральфа Кистана. До сихъ поръ его считали страннымъ, эксцентричнымъ человѣкомъ, но теперь оказывалось, что въ немъ была жилка. Она слышала всѣ лестные о немъ отзывы и радостно сохраняла ихъ въ своемъ сердцѣ. Она старалась держаться вдали отъ толпы, но слѣдила за всѣмъ съ величайшимъ интересомъ. На кормѣ судна маляръ выводилъ большими буквами, синей краской, имя *Джени*. Группа сосѣдей стояла вокругъ и громко выражала свое сочувствіе.

— Я всегда говорилъ, что онъ ухаживаетъ за дочерью сквайра Безанта.

— Во всякомъ случаѣ, это очень мило.

Молодая дѣвушка вспыхнула и поспѣшила скрыться. Она пошла къ пильному заводу и сѣла на бревно. Вдругъ къ ней подошелъ кто-то.

— Джени! Все погибло. Завтра пильный заводъ перейдетъ къ вашему отцу. Заказчикъ брусковъ обанкрутился и я такъ же долженъ прекратить работу.

— Развѣ вы не можете продать брусковъ? спросила Джени, не теряя присутствія духа.

— Я употребилъ часть на постройку баржи. Если мнѣ заплатятъ деньги за спасеніе груза съ парохода, то я расплачусь со всѣми долгами. Но мнѣ ничего не останется.

Она встала, подошла къ нему и, положивъ руки ему на плечи, молча его поцѣловала.

— Благодарю васъ, голубушка.

— Я слышала, что машинистъ говорилъ... что «Джени» была бы отличнымъ товарнымъ пароходомъ, еслибы на ней поставить машину.

— Неужели? Отлично. Я объ этомъ самъ думалъ. Можетъ быть, шкиперъ продастъ дешево машину съ своего погибшаго парохода.

— Я думала, что у васъ ничего нѣтъ и что все погибло.

— Нѣтъ, я не могу погибнуть, пока у меня такая жена.

Въ эту минуту раздался за ними голосъ шкипера:

— Все готово для спуска судна.

Увидавъ Джени, онъ снялъ шляпу и учтиво сказалъ:

— Можетъ быть, вы, миссъ, дадите имя новому судну?

— У нея уже есть имя—Джени-Безантъ. Позвольте мнѣ вамъ представить, капитанъ, моего друга, миссъ Безантъ.

— Очень радъ съ вами познакомиться, миссъ. Я назвалъ мой первый пароходъ Нанси К*, по имени моей жены. Это приноситъ счастіе.

Борта судна и поперечныя переборки были доведены до высоты шести футъ. Сверху были настланы доски, образовавшія палубу и судно было готово къ спуску. Шкиперъ, машинистъ, Ральфъ и человѣкъ двѣнадцать рабочихъ взошли на палубу съ длинными шестами въ рукахъ. Раздалась команда; блоки подъ днomъ были выбиты и судно быстро сошло на воду при громкихъ крикахъ народа. Оно сѣло нѣсколько глубже кормою, что очень встревожило деревенскихъ жителей, которые начали громко высказывать безпокойство.

— Ничего, мы уровняемъ его грузомъ, сказалъ Ральфъ.— Бери, ребята, шесты и пойдемъ вдоль берега къ пароходу.

Джени-Безантъ быстро поворотила и стала подниматься противъ теченія, сопровождаемая по берегу восторженной толпой. Вскорѣ она пристала къ потерпѣвшему крушеніе пароходу и тотчасъ принялись за перегрузку на нее товара. Въ ней не оказалось ни малѣйшей течи и она, повидимому, была столь же крѣпка и прочна, какъ лучшее судно, построенное съ ребрами. Она была очень ходкà и отлично слушалась грубо устроеннаго руля, подвѣшеннаго за кормою.

— Пойдемте, Кистанъ, и вы, Бэтсъ, въ мою каюту, сказалъ шкиперъ:—она кажется уцѣлѣла.

Молодой человѣкъ послѣдовалъ за шкиперомъ и машинистомъ въ каюту, куда шкиперъ приказалъ подать завтракъ и вина. Послѣ завтрака шкиперъ произнесъ:

— Ваше судно надо только немного повысить на носу и кормѣ, потомъ поставить на палубѣ рубку, установить котлы и машины и дѣло въ шляпѣ. Быстро ходить оно не будетъ, но за то будетъ сидѣть въ водѣ менѣе всѣхъ другихъ судовъ на

рѣкѣ. Оно будетъ совершать правильно рейсы, въ то время, какъ большимъ пароходамъ придется стоять безъ работы за мелководіемъ. Знаете что, молодой человѣкъ, поставимъ на вашемъ суднѣ машину и превратимъ его въ пароходъ. Попробуйте сдѣлать его повыше и тогда мы поставимъ на палубѣ большую рубку. Я вступлю въ дѣло компаніономъ и мы поведемъ его на половинныхъ расходахъ. Мы вытащимъ теперь судно на берегъ и обошьемъ досками такъ, чтобъ подводная часть была гладкая; тогда пароходъ выйдетъ отличный. Ну, что, по рукамъ?

— Сегодня воскресенье, сэръ.

— Ахъ, да, я и забылъ. Сдѣлки, заключенныя въ воскресенье, недѣйствительны. Но если вы не перемѣните своего мнѣнія до завтра, то я повторю свое предложеніе. Мы можемъ снять машину съ Піонера, Бэтсъ.

— Конечно, сэръ. Машина только и осталась невредимой, да рубка.

— И мебель, бѣлье, посуда и пр.

— Я завтра съ удовольствіемъ поговорю съ вами о вашемъ предложеніи, сказалъ Ральфъ.

— Такъ, значитъ, мы ударили бы сегодня по рукамъ, еслибъ не воскресенье. Хорошо. Сойдемъ сегодня на берегъ и отправимся слушать пастора.

Спустя два мѣсяца кассиръ новаго товаро-пассажирнаго парохода Джени-Безантъ открылъ окошечко кассы, передъ которой толпились уже пассажиры.

— А, мистеръ Ральфъ Кистанъ съ женою — даровые билеты. Джонъ, проводите ихъ въ каюту для новобрачныхъ. Кто слѣдующій?

IV.

Любовь и наука.

Басто—небольшая станція на западной желѣзной дорогѣ. Она стоитъ на равнинѣ, на краю лѣса. Маленькое селеніе того же имени отстоитъ отъ станціи на милю и дорога къ нему ведетъ лѣсомъ. Въ этомъ мѣстѣ полотно желѣзной дороги тянется по прямой линіи въ ту и другую сторону до самаго горизонта. Эти факты необходимы для того, чтобъ понять роковое событіе,

совершившееся на станціи Басто однажды ночью въ прошломъ году.

Начальникъ станціи, старый Сэмъ Бризонъ, сидѣлъ передъ печкой въ стрѣлочной будкѣ, лѣниво посматривая на красные уголья. Его дочь Мэри, осемнадцати лѣтъ, помѣщалась у маленькаго телеграфнаго аппарата подлѣ окна, выходившаго на полотно. При тускломъ свѣтѣ фонаря она читала газету «Вѣстникъ желѣзной промышленности». Конечно, это было странное чтеніе для молодой дѣвушки, но ей далъ эту газету любимый человѣкъ и ее заинтересовали странные рисунки въ газетѣ. Впрочемъ, она нетолько читала, но и слушала. Въ скучной, обнаженной комнатѣ царила безмолвная тишина, нарушаемая только постояннымъ стуканьемъ телеграфнаго станка. Эльмъ-Сити бесѣдовалъ съ Центревилемъ на разстояніи сорока миль во мракѣ ночи, но молодая дѣвушка не обращала вниманія на этотъ разговоръ. Она прислушивалась къ инымъ звукамъ. Ея отецъ уронилъ на полъ газету, которую читалъ, потому что тревожныя мысли не давали ему покоя. Какъ долго продлится неплатежъ компаніей жалованія служащимъ на желѣзной дорогѣ? Уже второй мѣсяцъ никому ничего не платили. Къ тому же линія требовала ремонта. Надо было перемѣнить два скрѣпленія рельсовъ, и одинъ изъ сигнальныхъ столбовъ былъ сломанъ. Наконецъ, рабочіе требовали новыхъ инструментовъ.

Неожиданно на отдаленномъ горизонтѣ показалась звѣздочка. Хотя глаза молодой дѣвушки пробѣгали столбцы газеты, однако, она замѣтила эту звѣздочку, которая выглянула въ окно и стала пристально слѣдить за нею. Любовь не можетъ сидѣть сложа руки; ей надо дѣйствовать. Мэри встала молча, подошла къ желѣзной рукояткѣ стрѣлки и, схватившись за нее, не спускала глазъ со звѣзды, которая уже теперь стала цѣлымъ солнцемъ.

Во мракѣ ночи послышался отдаленный гулъ. Молодая дѣвушка повернула рукоятку. Вдали на колеѣ стрѣлка перешла съ мѣста на мѣсто и большой зеленый глазъ вдругъ превратился въ красный, и на противоположной сторонѣ такая же зеленая звѣзда перешла въ красную.

Самсонъ Джильдеръ сидѣлъ на своемъ возвышенномъ мѣстѣ, держа рукой регуляторъ и пристально смотрѣлъ впередъ. На горизонтѣ передъ нимъ заблестѣли зеленыя и желтыя звѣзды. Его кочегаръ, Джэкъ Синдеръ, стоя по другую сторону паровоза, далъ свистокъ. О! одна звѣзда перешла въ красный цвѣтъ! Механикъ покраснѣлъ въ темнотѣ и передвинулъ регуляторъ.

Тяжелый товарный поѣздъ съ шумомъ надвинулся на локомотивъ. Двигательная сила болѣе не дѣйствовала и поѣздъ шелъ только по инерціи. Вотъ позади на вагонахъ нажали тормоза и поѣздъ повернулъ на боковой путь. Передовой фонарь ярко освѣтилъ стрѣлочную будку и Сѣмсонъ Джильдеръ увидалъ передъ собою молодую дѣвушку, стоявшую у рельсовъ; она была въ верхней одеждѣ, приспособленной для непогоды и очень не изящномъ красномъ капюшонѣ. Но Сѣмсону онъ показался великолѣпнымъ, быть можетъ, отъ свѣта фонаря, а быть можетъ, и отъ свѣта любви.

Они вмѣстѣ вошли въ стрѣлочную будку; она была счастлива и улыбалась; онъ казался довольнымъ, хотя на лицѣ его виднѣлась забота. Въ рукахъ онъ держалъ новый желѣзный ломъ.

— Вотъ ломъ для рабочихъ, сказалъ онъ, любезно поздоровавшись съ Сэмомъ Бризономъ:—я купилъ его на свои деньги. Компанія, повидимому, слишкомъ бѣдна, чтобъ давать своимъ служащимъ хорошіе инструменты.

— Не говоря уже о жалованьи, прибавилъ старикъ.

— О, папа, что вы все жалуетесь. У компаніи большія средства. Она, конечно, уплатитъ намъ.

Механикъ поставилъ ломъ въ уголъ у двери и подошелъ къ Мэри. Она повела его къ своему телеграфному станку у окна и они сѣли рядомъ. Въ эту минуту вошли въ будку Джэкъ Синдеръ и нѣсколько кондукторовъ съ поѣзда и сѣли передъ печкой. Разговоръ между ними вскорѣ перешелъ такъ же къ животрепещущему вопросу — о неуплатѣ компаніей жалованья служащимъ. Даже влюбленная парочка говорила о томъ же. На глазахъ молодой дѣвушки выступили слезы и она отвернувшись выглянула въ окно.

— А директоръ компаніи катается по линіи въ экстренномъ поѣздѣ, замѣтилъ одинъ изъ тормазныхъ кондукторовъ:—за нами идетъ его экстренный поѣздъ и ему надо давать дорогу.

— Хоть бы онъ провалился сквозь землю!

— О, Сѣмсонъ, какъ можете вы...

— Потому что я съума схожу. Мы не можемъ...

Онъ остановился, а молодая дѣвушка вспыхнула.

— Директоръ можетъ кататься по линіи въ экстренномъ поѣздѣ, производя безпорядокъ въ движеніи, а намъ второй мѣсяцъ не выдаютъ жалованья. Я, право, думаю...

Онъ снова остановился и посмотрѣлъ на дверь, въ которую только что вошелъ бродяга, голодный, оборванный, несчастный,

скорѣе похожій на звѣря, чѣмъ на человѣка. Дверь въ будку была отворена; онъ и вошелъ, отыскивая пристанища. Начальникъ станціи позволилъ ему подойти къ печкѣ и обогрѣться, потому что онъ едва не замерзъ отъ стужи. При немъ естественно разговоръ продолжался въ полголоса.

Неожиданно раздался отдаленный свистокъ. Начальникъ станціи взглянулъ на рукоятку стрѣлки, желая убѣдиться, открытъ ли путь для поѣзда.

— Это поѣздъ Вильяма, сказалъ Сàмсонъ Джильдеръ, вставая:—я пойду къ нему и поздороваюсь съ нимъ сигнальнымъ фонаремъ.

Товарный поѣздъ сталъ приближаться и механикъ, взявъ фонарь, вышелъ изъ будки. Остальные умолкли. Молодая дѣвушка смотрѣла въ окно, погруженная въ грустныя думы.

Пользуясь тѣмъ, что никто не обращалъ на него вниманія, бродяга оглянулся, взялъ изъ угла ломъ, принесенный Самсономъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Его присутствіе было всѣмъ въ тягость и потому его уходъ не произвелъ никакого впечатлѣнія. Спустя минуту, дверь отворилась и вернулся Сàмсонъ Джильдеръ.

— Экстренный поѣздъ въ виду, сказалъ онъ:—ребята, въ путь!

Кондукторы неохотно пошли къ поѣзду, а влюбленная парочка простилась въ дверяхъ. Глаза Мэри свѣтились отъ слезъ.

— Тяжело ждать, и все отъ недостатка маленькой суммы денегъ!

— Что же дѣлать; зато когда компанія намъ заплатитъ, у насъ будетъ много денегъ.

Показавшаяся на горизонтѣ желтая звѣзда быстро приближалась. Издали послышался долгій, рѣзкій свистъ экстреннаго поѣзда. Рельсы загудѣли. Огненное чудовище летѣло съ необыкновенной быстротой. Искры били фонтаномъ изъ его ноздрей. Земля дрожала, стекла въ окнахъ дребезжали.

Но что это! Раздался отчаянный свистъ...

Словно произошло землетрясеніе. Молодая дѣвушка схватилась за дверь, чтобъ не упасть, и выглянула въ темноту, испуганная, пораженная.

Ничего не было видно, кромѣ громаднаго облака страшной, бѣлѣвшейся во mракѣ пыли. Вдругъ блеснулъ огонь изъ-за дымки пыли. Послышались поспѣшные шаги, крики, стоны. Облако пыли разсѣялось и показался облитой яркимъ свѣтомъ опроки-

нутый вагонъ. Огненные языки лизали его со всѣхъ сторонъ. Онъ горѣлъ.

Характеристичной чертой американской жизни служатъ необыкновенная поспѣшность и удовлетворительность мѣръ, предпринимаемыхъ по случаю какой-нибудь общественной катастрофы. Черезъ полчаса послѣ того, какъ экстренный поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, испуганные пассажиры были удобно размѣщены въ свободныхъ вагонахъ товарнаго поѣзда. Въ одномъ изъ вагоновъ былъ грузъ досокъ; ихъ тотчасъ растащили и устроили сидѣнья для уцѣлѣвшихъ и кровати для раненныхъ. Товарный паровозъ оттащилъ на боковой путь остатки горѣвшаго и потушеннаго паромъ вагона. Спустя полчаса, таже машина увезла пассажировъ экстреннаго поѣзда: живыхъ, раненныхъ и мертвыхъ.

Безмолвная, мрачная тишина снова воцарилась па маленькой станціи и только по блѣднымъ лицамъ людей, грѣвшихся передъ печкой въ стрѣлочной будкѣ, можно было отгадать, что случилось несчастіе. Въ продолженіи долгаго времени всѣ молчали. Бываютъ минуты, когда слова неумѣстны. Событія давятъ своимъ величіемъ. Наконецъ, кто-то произнесъ:

— Говорятъ, что въ числѣ убитыхъ директоръ компаніи.

Мэри Бризонъ взглянула на Сѣмсона Джильдера. Онъ молчалъ и казался столь сосредоточеннымъ, что не замѣчалъ ничего. Въ эту минуту дверь отворилась и вошелъ Джэкъ Синдеръ, держа въ рукѣ ломъ.

— Посмотрите, ребята, сказалъ онъ:—я нашелъ этотъ ломъ подъ разбитымъ въ дребезги вагономъ. Это совсѣмъ новый ломъ и...

Всѣ посмотрѣли на ломъ, но очень равнодушно, и никто не сказалъ ни слова. Одинъ только сметливый женскій умъ мгновенно поспѣшилъ на защиту любимаго человѣка.

— Это сдѣлалъ бродяга. Онъ укралъ ломъ и причинилъ крушеніе поѣзда.

— Можетъ быть, онъ, а можетъ быть, и не онъ. Я только знаю, что Сѣмсонъ Джильдеръ выразилъ желаніе, чтобъ директоръ провалился сквозь землю. Это его ломъ и онъ былъ на полотнѣ желѣзной дорогѣ передъ самой катастрофой.

Присяжные, призванные коронеромъ къ обсужденію вопроса о смерти Томаса Стармора и другихъ, убитыхъ на Бастойской станціи, ночью 25-го февраля, собрались въ стрѣлочной будкѣ и выслушали показанія людей, бывшихъ на мѣстѣ, когда случилось несчастье. Даже бродяга былъ пойманъ. Его видѣли въ

лѣсу, неподалеку отъ станціи, и, схвативъ, представили присяжнымъ. Всѣ въ одинъ голосъ говорили: «Это дѣло бродяги». Но въ его рукахъ былъ ломъ точно такой, какой былъ найденъ подъ поѣздомъ. Онъ сознался въ кражѣ лома. Онъ видѣлъ катастрофу съ поѣздомъ изъ лѣса и убѣжалъ изъ боязни, чтобъ его не поймали. Въ попыхахъ онъ уронилъ ломъ, но въ послѣдствіи вернулся и подобралъ его. Теперь этотъ ломъ у него въ рукахъ. Справедливость его словъ доказывалась тѣмъ, что ломъ былъ заржавленъ отъ долгаго нахожденія въ снѣгу.

Репортеры центревильскихъ газетъ, присутствовавшіе на разбирательствѣ дѣла присяжными, просили Мэри Бризонъ передать слѣдующую телеграмму: «Найденъ бродяга; онъ признался, что укралъ ломъ, но, очевидно, что не онъ виноватъ въ несчастіи. По всѣмъ уликамъ, поѣздъ сошелъ съ рельсовъ по винѣ механика, который хотѣлъ отомстить директору желѣзнодорожной компаніи».

Эту вѣсть Мэри Бризонъ пустила по всей странѣ и тысячи людей, прочитавшіе телеграмму, не подозрѣвали, какихъ мученій стоило молодой дѣвушкѣ отправить ее. Но она никогда въ жизни не забыла этой пытки, тѣмъ болѣе, что въ ту самую минуту рядомъ съ нею сидѣлъ бѣдный Сàмсонъ Джильдеръ.

— Господа, сказалъ, наконецъ, коронеръ: — обстоятельства этого дѣла обязываютъ меня передать его на разсмотрѣніе обвинительнаго суда присяжныхъ.

Черезъ нѣсколько недѣль, дѣло Сàмсона Джильдера было разсмотрѣно въ Центревилѣ и присяжные предали его суду по обвиненію въ намѣренномъ крушеніи желѣзнодорожнаго поѣзда.

Мэри Бризонъ прожила въ это короткое время цѣлую вѣчность. Она не могла вѣрить, чтобъ Сàмсонъ совершилъ такое страшное преступленіе. Однако, всѣ улики были противъ него. Ломы часто валяются на полотнѣ желѣзной дорогѣ у станціи. Онъ могъ найти этотъ ломъ и съ помощью его выдернуть костыли изъ рельса. Тысячу разъ обдумывала она всѣ обстоятельства катастрофы, стараясь найдти доказательство его невиновности. Однако, это не мѣшало ей аккуратно исполнять свою должность на станціи, цѣлый день получая и отправляя телеграммы.

Однажды, утромъ, она сидѣла, какъ всегда, погруженная въ мрачныя думы. Неожиданно ея глаза остановилась на старомъ номерѣ газеты, завалившемся за телеграфный станокъ. Она подняла газету и развернула ее. Это былъ «*Вѣстникъ желѣзной промышленности*». Она поспѣшно перевернула страницу. О! Отчего

она забыла эти рисунки? Это были отпечатки вытравленнаго желѣза. Свѣтлая мысль мгновенно блеснула въ ея головѣ. Она смѣло призоветъ науку на помощь любви. Какъ это именно сдѣлать, она еще не давала себѣ яснаго отчета, но смутно видѣла путь къ спасенію любимаго человѣка и, попросивъ отца занять ея мѣсто у телеграфнаго аппарата, побѣжала въ селеніе. Тамъ она отыскала молодую дѣвушку, которая прежде исполняла должность телеграфистки и наняла ее на время.

Въ тотъ же день вечеромъ, она уже ѣхала въ Нью-Йоркъ, вынувъ предварительно изъ сберегательной кассы всѣ гроши, отложенные ею на черный день. Но поѣздъ, ей казалось, шелъ слишкомъ тихо. Она не могла себѣ простить, что такъ долго ничего не предприняла для спасенія Самсона.

День судебнаго разбирательства наступилъ. Обвиненіе было подкрѣплено извѣстными уже намъ свидѣтельскими показаніями и нѣкоторыми другими, менѣе важными. Защита же, главнымъ образомъ, ссылалась на прежнюю безупречную жизнь подсудимаго. Болѣе она ничего не могла выставить.

Мэри Бризонъ, въ началѣ судебнаго слѣдствія, дала свое показаніе и, повидимому, не могла сдѣлать ничего бо̀льшаго для спасенія любимаго ею человѣка. Но, въ сущности, она подготовила новаго рода защиту и все утро сидѣла какъ на иголкахъ, ожидая появленія смѣлаго, могучаго защитника. Но окончаніе слѣдствія было близко и никто не являлся. Тогда она шепнула адвокату, что ждетъ важныхъ свидѣтелей и онъ сталъ намѣренно тянуть дѣло, выигрывая время. Наконецъ, явился давно ожидаемый рыцарь. Это былъ блѣдный, худощавый молодой человѣкъ въ очкахъ. За нимъ слѣдовали рабочіе съ фонарями, желѣзными брусьями и ломами, а также нѣсколько джентльмэновъ, на взглядъ зажиточныхъ купцовъ и заводчиковъ. Это странное шествіе замыкали: старый нѣмецкій еврей и фермеръ изъ Басто. Молодой человѣкъ подошелъ къ Мэри Бризонъ, почтительно ей поклонился и сказалъ шепотомъ нѣсколько словъ. Она представила его адвокату Са̀мсона Джильдера.

По залѣ пробѣжалъ ропотъ удивленія. Самюэль Мейеръ принялъ присягу и заявилъ, что онъ экспертъ по металламъ. Онъ изслѣдовалъ ломъ, найденный подъ сошедшимъ съ рельсовъ поѣздомъ и готовъ былъ доказать, что Са̀мсонъ Джильдеръ не могъ употребить его для преступной цѣли крушенія поѣзда. Если судъ ему разрѣшитъ, онъ закроетъ всѣ окна въ залѣ и покажетъ въ темнотѣ, съ помощью волшебнаго фонаря, изображеніе отпечатковъ вытравленнаго желѣза.

Обвиненіе протестовало. Чтò это за фокусы? Подобныя штуки допускались только въ дѣлахъ о подлогѣ. Судъ, однако, разрѣшилъ экспертизу и помощники блѣднаго молодого человѣка завѣсили окна сукномъ, такъ что въ залѣ стало совсѣмъ темно. Зажженъ былъ газовой рожокъ и, при его мерцаніи, установили экранъ и нѣчто въ родѣ волшебнаго фонаря. Черезъ нѣсколько минутъ на бѣломъ экранѣ показался странный рисунокъ—темное облако или пятно.

Самюэль Мейеръ объяснилъ, что, по просьбѣ миссъ Бризонъ, онъ отпилилъ одинъ конецъ обоихъ ломовъ, представленныхъ къ дѣлу, пока не получилась совершенно ровная поверхность. Потомъ онъ вытравилъ эту поверхность кислотой и получилъ съ нея отпечатки. Этотъ извѣстный въ наукѣ методъ вполнѣ ясно выказывалъ подъ микроскопомъ составъ желѣза и расположеніе его частицъ. Съ этихъ отпечатковъ и со многихъ другихъ, сдѣланныхъ различными заводчиками съ употребляемаго ими желѣза, онъ снялъ фотографическія снимки, которые и покажетъ суду. Явившееся уже на экранѣ изображеніе, представляетъ желѣзо того лома, который купленъ Джильдеромъ и потомъ украденъ бродягой.

Глаза всѣхъ присутствовавшихъ обратились на экранъ и въ залѣ раздались рукоплесканія. Но изображеніе мгновенно исчезло и замѣнилось другимъ, не трудно было доказать, какъ рѣзко отличалось это новое желѣзо отъ прежде показаннаго.

— Это, господа присяжные, сказалъ молодой человѣкъ: — отпечатокъ вытравленнаго желѣза того лома, который найденъ подъ сошедшимъ съ рельсовъ поѣздомъ. Я сравнилъ эти два отпечатка съ многочисленными отпечатками всевозможныхъ ломовъ, производимыхъ желѣзными заводчиками въ нашей странѣ и нашелъ, что желѣзо того лома, которымъ произведено крушеніе поѣзда, совершенно тождественно съ желѣзомъ, употребляемомъ на заводѣ Мурлэйской компаніи. Я сейчасъ вамъ покажу отпечатокъ желѣза этой компаніи.

Въ ту же минуту на экранѣ явилось другое изображеніе. Оба были совершенно тождественны.

Затѣмъ далъ показаніе директоръ мурлэйской компаніи желѣзныхъ заводовъ. Онъ вполнѣ подтвердилъ правильность экспертизы и добытые ею факты. Его мѣсто на свидѣтельской скамьѣ занялъ агентъ желѣзно-дорожной компаніи, покупавшій всѣ матеріалы для ея линій. Онъ удостовѣрилъ, что компанія никогда не покупала ни желѣза, ни инструментовъ на мурлэйскихъ заводахъ. Ломъ, купленный Джильдеромъ, былъ пріобрѣтенъ у

фирмы Россъ, Дунканъ и К°, которая поставляла желѣзно-дорожной компаніи всѣ употребляемые на ея линіяхъ орудія и инструменты.

Не успѣлъ онъ окончить своего показанія, какъ снова на экранѣ показались два другія изображенія, но также вполнѣ тождественныя.

— Направо отпечатокъ желѣза Россъ, Дунканъ и К°, пояснилъ Мейеръ:—а налѣво уже видѣнный отпечатокъ лома, купленнаго Джильдеромъ.

Судья громко стукнулъ по столу и предупредилъ, что не потерпитъ болѣе рукоплесканій. Затѣмъ зала была попрежнему освѣщена дневнымъ свѣтомъ и экспертъ представилъ фотографіи отпечатковъ вытравленнаго желѣза и самые образцы желѣза, съ котораго были сняты эти отпечатки.

Сaмсонъ Джильдеръ закрылъ лицо руками. Чѣмъ заслужилъ онъ такую любовь? Онъ и не подозрѣвалъ, что Мэри была одарена такой сметливостью и силой воли. Нѣтъ, онъ не былъ достоинъ ея.

Между тѣмъ, защита представила новыхъ свидѣтелей. Фермеръ, жившій въ Басто, встрѣтилъ близь полотна желѣзной дороги передъ самой катастрофой человѣка, который бормоталъ про себя: «Я ему отомщу, хотя бы многіе отъ этого пострадали!»

Авраамъ Самюэльсъ купилъ груду обломковъ отъ потерпѣвшаго крушенія вагона и въ числѣ ихъ нашелъ разорванный сюртукъ, вѣроятно, принадлежавшій одному изъ погибшихъ пассажировъ. Въ карманѣ сюртука оказалось письмо, адресованное «Джону Марлею».

— Онъ въ числѣ убитыхъ, воскликнула Мэри Бризонъ.

— Не угодно ли публикѣ молчать. Продолжайте, свидѣтель.

Письмо угрожало Джону Марлею смертью за нанесенное прежде оскорбленіе и предупреждало объ ожидавшей его вскорѣ катастрофѣ. Подпись на письмѣ «Фредъ Смитъ».

Въ эту минуту на послѣдней скамьѣ, у самой двери, кто-то вскочилъ и хотѣлъ выбѣжать изъ суда. Общее вниманіе сосредочилось на этомъ человѣкѣ.

— Чортъ возьми! воскликнулъ фермеръ изъ Басто: — вотъ этого именно молодца я и видѣлъ у полотна желѣзной дороги передъ катастрофой.

— Замѣчательное дѣло! сказалъ судья своимъ товарищамъ по окончаніи судебнаго разбирательства и оправданія Самсона Джильдера:—и молодая дѣвушка должна быть необыкновенно умна и энергична. Она одна придумала эту ловкую систему защиты и съумѣла уговорить знаменитаго ученаго помочь ей. У нея, говорятъ, не было ни гроша за душею и она не могла ничего заплатить за экспертизу. Только женщины способны на такіе подвиги.

НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Редакція «Отеч. Записокъ» считаетъ долгомъ напомнить гг. авторамъ присылаемыхъ стихотвореній, что послѣднія, въ случаѣ непризнанія ихъ удобными къ напечатанію, подвергаются уничтоженію. Поэтому, ни въ какую переписку по поводу этихъ стихотвореній Редакція не входитъ, даже въ томъ случаѣ, ежели на отвѣтъ прилагается почтовая марка.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ имѣютъ выходить въ 1882 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

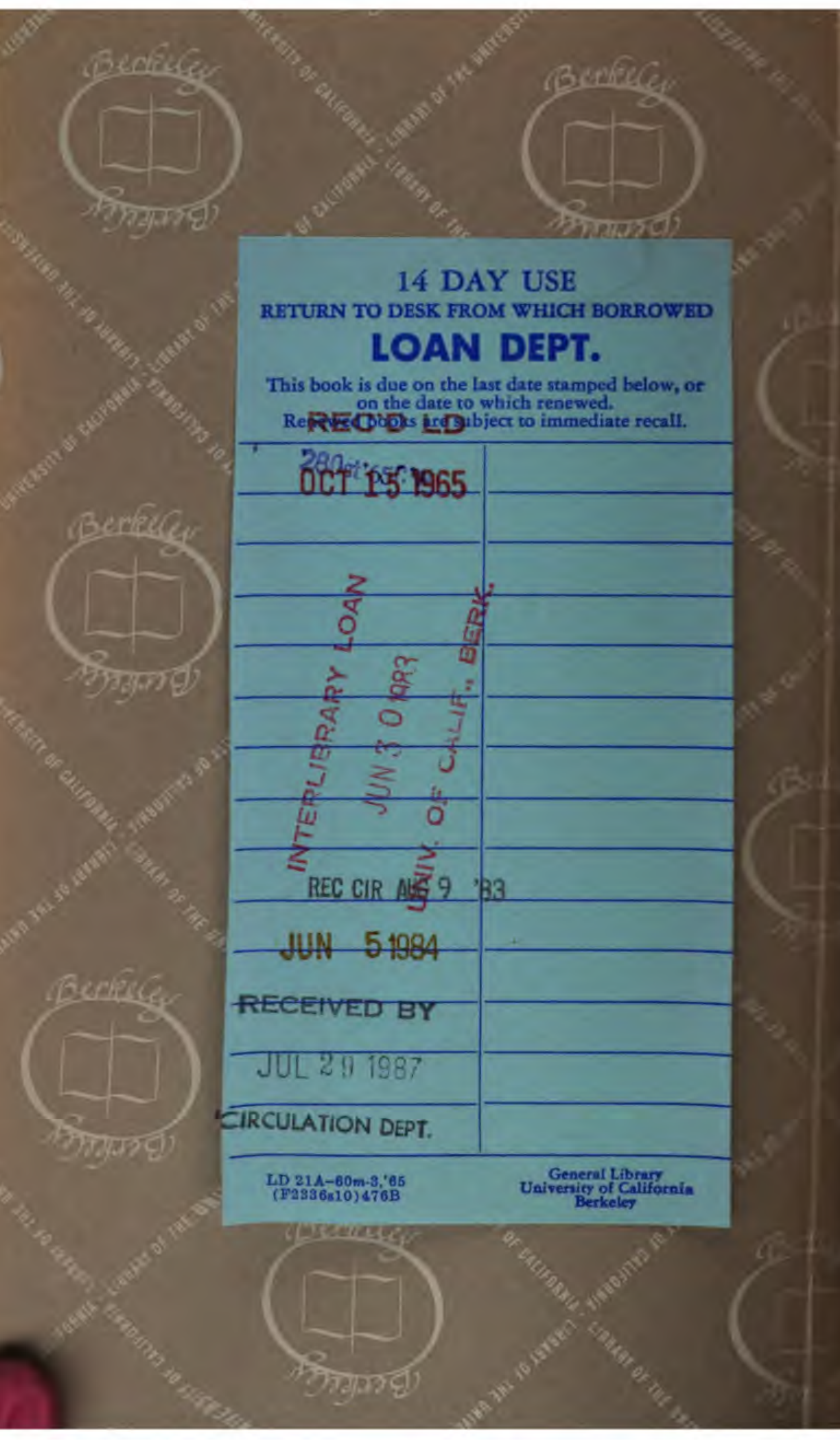
ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки 15 р. 50 к., *съ доставкою* 16 р. сер.; *съ пересылкою:* 17 руб. сер.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Кн[illegible] Данію, Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію 19 руб.

[illegible]торъ **М. Е. Салтыковъ.** Издатель **А. А. Краевскій.**

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.
This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.
REC'D LD
OCT 15 1965
INTERLIBRARY LOAN
JUN 3 0 1983
UNIV. OF CALIF., BERK.
REC CIR AUG 9 '83
JUN 5 1984
RECEIVED BY
JUL 29 1987
CIRCULATION DEPT.
LD 21A-60m-3,'65 (F2336s10)476B
General Library University of California Berkeley

